

ШАКАЛЫ ИЗ ЛЭНГЛИ

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

Annotation

Тридцать лет назад ошеломительный успех имел советский телесериал «ТАСС уполномочен заявить...» по одноименному роману Юлиана Семенова. Увлекательная история о том, как советская контрразведка смогла разоблачить в Москве агента ЦРУ, покорила страну. В книге, которую читатель держит в руках, предпринята попытка реанимировать тот давний сюжет, перенеся его в современные реалии

Действие этого лихо закрученного шпионского детектива происходит на фоне тектонических сдвигов на Ближнем Востоке, а конкретно – вокруг событий в Сирии. При сохранении главной фабулы семеновского сюжета (разоблачение агента ЦРУ в Москве) «Уполномочен заявить...» выходит далеко за рамки этой истории, исследуя многие современные проблемы: политические интриги, международный терроризм, деятельность мафии, противостояние мировых спецслужб.

Федор Раззаков – специалист по истории советского кино, автор множества увлекательных книг о кинематографе. В своем новом романе он переводит привычные образы советских шпионских фильмов в современные реалии.

-
- [Федор Раззаков](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Федор Раззаков
Шакалы из Лэнгли

Памяти Юлиана Семенова

Часть первая

Сирийский капкан

ЗАЯВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПЕРЕДАННОЕ ПО КАНАЛАМ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА РОССИИ (ИТАР-ТАСС)

«В последние несколько месяцев резко обострилась ситуация в Республике Сирия. Оппозиционные силы требуют ухода со своего поста законно избранного президента страны Башара Асада, обещая в противном случае продолжение эскалации насилия. Руководство России выступает решительно против подобных ультиматумов. Решать возникшую проблему нужно только в рамках диалога между обеими сторонами конфликта. При этом прекратить насилие должны и правительственные силы, и оппозиция.

Свою позицию по отношению к сирийскому политическому конфликту Россия не собирается менять. Россия не имеет обязательств по отношению к Башару Асаду, но имеет обязательства по отношению к Сирии. Мы знаем, что время Асада прошло, но Сирия продолжит оставаться нашим оплотом на Ближнем Востоке. Никакие попытки оказать давление на Кремль не смогут заставить российскую власть пересмотреть свое мнение по происходящему в Сирии. Россия выступает категорически против того, чтобы Совбез ООН окончательно превращался в площадку для свержения действующих политических режимов. Сирийская проблема не решается не потому, что Россия и Китай «встали в позу» и отказались голосовать за резолюцию в Совете безопасности ООН, а именно по той причине, что Совбез продолжает однобоко рассматривать подобные вопросы и в корне неверно оценивать сложившуюся ситуацию. Пока мировое сообщество не

избавится от принятых стереотипов, настоящая помощь Сирийской республике оказана не будет.

Страны Запада подталкивают сирийскую оппозицию к дальнейшему ожесточенному противостоянию с правящим режимом, а Вашингтон открыто и публично призывает мятежников отвергать любые возможные мирные переговоры. Если подобное будет продолжаться и впредь, то события могут приобрести необратимый характер. В итоге последствия происходящего в регионе затронут не только страны, которые там расположены, но и геополитическую ситуацию в международном масштабе».

* * *

***Москва, Большой Девятинский переулок, дом 8.
Посольство США в РФ***

Резидент ЦРУ в Москве Лоренс Макфи поймал себя на мысли, что два его лучших агента – атташе отдела прессы и культуры Майкл Голсуорси и советник посольства по региональным вопросам Гленн Хьюз – выучили его инструкции буквально наизусть. Вот уже больше часа они сидели в кабинете резидента и подробно анализировали предстоящую операцию: в целях проведения очередной встречи с ценным агентом в черте города предстояло оторваться от службы наружного наблюдения русских, которая дежурила у ворот американского посольства. Чтобы оставить преследователей в дураках, в этот раз было решено использовать «Джек ин де Бокс» – специальную резиновую куклу, которая была точной копией одного из сотрудников резидентуры – Гленна Хьюза. Это изделие, которое можно было смело назвать рудиментом эпохи «холодной войны» (американцы придумали его еще в начале 80-х), помещалось в небольшом чемоданчике, который агентам предстояло взять с собой на задание. Во время движения по городу автомобиль американцев должен был свернуть в «мертвую зону» – участок дороги, не просматривающийся из догоняющей машины, где Гленн Хьюз обязан был выскочить из салона и скрыться во дворах. В этот момент его

напарнику вменялось в обязанность поместить чемоданчик на опустевшем пассажирском сиденье рядом с собой и с помощью нажатия кнопки извлечь наружу куклу. На всю операцию предполагалось затратить не более пяти-семи секунд – достаточное время для того, чтобы русские не обнаружили подмены. После этого Голсуорси должен был продолжать водить преследователей за нос, а Хьюз, добравшись до условленного места, должен был встретиться с агентом.

На роль «мертвой зоны» был определен участок дороги рядом с улицей Замаренова, поскольку рядом находилась станция метро «Краснопресненская», где Хьюз имел прекрасные шансы скрыться до того момента, пока русские не успели бы опомниться. В качестве запасного варианта фигурировала «мертвая зона № 2» – участок дороги у Среднего Тишинского переуллка, рядом со станцией метро «Белорусская».

– Однако будем надеяться, что запасной вариант не понадобится, – поднимаясь с кресла, уверенным тоном произнес Макфи. – Русских надо брать «тепленькими», в противном случае шансов у вас будет значительно меньше.

Когда Макфи и оба агента вышли во двор посольства, машина с «кукольным» чемоданом уже стояла на стоянке в той части учреждения, где располагалась резидентура. Здесь же стояли еще два автомобиля, которые должны были выехать из посольских ворот одновременно с головной и разъехаться «брызгами», то есть в разные стороны, чтобы сбить преследователей со следа. Всего, таким образом, в операции были задействованы шесть агентов ЦРУ. Усевшись в автомобили, они уже спустя несколько минут тронулись в путь.

В тот солнечный сентябрьский день у ворот американского посольства дежурила группа наружного наблюдения из Оперативно-поискового управления Департамента контрразведывательных операций ФСБ России во главе с майором Евгением Мироновым. В группе было четыре автомобиля, три из которых должны были в случае активных действий со стороны американцев организовать преследование предполагаемого противника. Увидев, что «брызги» разлетелись в разные стороны – один автомобиль свернул к Новинскому бульвару, а два других двинулись в сторону Конюшковской улицы, – Миронов дал команду «приклеиться»

к каждому из выехавших автомобилей. В этот миг у майора мелькнула догадка, что американцы затеяли нечто серьезное, но предупредить своих подчиненных по радиосвязи не стал: знал, что американцы наверняка включили в своих автомобилях радиоперехватчики. Да и не было особенной нужды кого-то предупредить: ребята у Миронова служили толковые, поэтому сами все понимали без лишних слов.

Доехав до Конюшковской улицы, автомобиль с Хьюзом и Голсуорси свернул направо, а их коллеги из второго автомобиля поехали прямо – по Рочдельской улице. Преследователи тоже разделились на пары. За машиной Хьюза пристроился автомобиль, в котором находились двое оперативников – Виктор Жирков и Геннадий Нечаев. Все сотрудники наружного наблюдения были прекрасно осведомлены о большинстве хитростей, на которые были способны их подопечные, в том числе и про трюки в «мертвых зонах» («мертвяках») с надувными куклами. Несмотря на то что окна у посольского «Рено Мегана» были затемнены, однако с помощью специального прибора, встроенного в автомобиле преследования в переднее зеркало, рядом с видеорегистратором, «наружники» прекрасно видели на экране своего монитора, кто сидит в салоне. Естественно, знали об этом и американцы, для чего им и понадобилась уловка с куклой.

– Витя, прибавь газу, впереди – «мертвяк», – обратился к сидящему за рулем коллеге Нечаев.

– Не зуди, знаю, – ответил Жирков и надавил на педаль.

В это время посольский «Рено Меган» свернул в боковую улочку и на какое-то время пропал из вида преследователей. Тем понадобилось примерно десять секунд, чтобы преодолеть расстояние до поворота, где посольский автомобиль вновь возник у них перед глазами. Он двигался с прежней скоростью и, как показывал монитор «наружников», в его салоне по-прежнему находились двое – Майкл Голсуорси и Гленн Хьюз. На самом деле место последнего уже занимала кукла, которая была оперативно извлечена наружу, как только Хьюз выскочил из автомобиля сразу после поворота и скрылся в ближайшей подворотне. Оттуда до входа на станцию метро «Краснопресненская» было пять минут быстрого шага, а бегом можно было преодолеть это расстояние и того быстрее. Все было сделано строго по инструкции. Однако американцы никак не могли учесть

одного обстоятельства – оперативной смекалки русских «наружников». Еще в начале преследования Нечаев обратил внимание на взлохмаченную шевелюру второго пассажира, в котором он узнал Гленна Хьюза, который второпях, видимо, забыл пройтись по волосам расческой. Теперь же на крупном плане, выведенном на монитор, голова американца, выглядывающая из-за назатыльника над сиденьем, выглядела гладко причесанной, что и навело оперативника на мысль о том, что место пассажира занял совсем другой объект.

– Витя, это кукла! Сдай к тротуару! – резко обратился Нечаев к коллеге, на ходу открывая боковую дверь.

Через несколько секунд выскочил на тротуар и бросился бежать через ближайший двор к метро «Краснопресненская». Откровенно говоря, шансов догнать американца было мало, но «наружник» рассчитывал на какое-нибудь чудо и еще на свои сильные ноги, которые в его подразделении считались самыми быстрыми.

Чудо действительно произошло. Добежав до метро, Хьюз не смог отыскать проездной билет в кармане своей куртки. Видимо, когда он на бегу выворачивал ее наизнанку, после чего она из зеленой превратилась в черную, проездной билет выпал из кармана. Из-за этого Хьюзу пришлось бежать к кассе. И хотя очередь была небольшая, всего два человека, однако несколько драгоценных минут были потеряны. Поэтому когда в метро вбежал Нечаев, он увидел знакомую всклокоченную шевелюру американца: тот сбегал вниз по эскалатору. Не желая терять ни секунды, Нечаев не стал извлекать из кармана проездной, а просто перепрыгнул через турникет, чем привел в изумление сидевшую в будке женщину-контролера. Она даже не сообразила дотянуться до своего свистка, чтобы с помощью его звонкой трели привлечь внимание дежурного милиционера.

От сбегающего вниз по эскалатору цэрэушника Нечаева отделяло метров тридцать. Но их американцу вполне хватило, чтобы первым достичь уже готовой к отходу от платформы электрички и забежать в предпоследний вагон. Нечаев выскочил на платформу в тот самый миг, когда диктор объявлял о том, что двери закрываются, и тоже успел забежать в вагон, но уже в последний. Он видел, как американец опустился на сиденье в углу вагона и решил занять место в зоне прямой видимости, прислонившись спиной к боковому поручню примерно в двадцати пяти метрах от объекта.

Электричка тронулась, и в этот миг Нечаев внезапно понял, что лимит на везение для него, видимо, оказался исчерпан. На противоположном от него сиденье он увидел двух девушек, которых обступила компания молодых парней. Последних было четверо, причем все были явно на взводе и вели себя по отношению к дамам отнюдь не по-джентльменски: хватали их за руки, откровенно лапали. Девчонки пытались отбиться, но силы были явно неравными. На беду вагон был практически пустой – только в дальнем его конце сидели две пожилые женщины, которые, услышав шум, поспешно вскочили со своих мест и перешли поближе к дверям, рассчитывая выскочить из вагона, как только тот прибудет на станцию. Короче, защитить девушек, кроме Нечаева, было некому. Он же прекрасно отдавал себе отчет: если ввязаться в конфликт, то американца ему не видать как своих ушей. Что делать? Между тем поезд приближался к следующей станции, и Нечаев увидел, что Хьюз встал со своего места и занял место у дверей.

В этот самый миг вагон огласил истошный женский крик. Он принадлежал одной из девушек, которую двое парней пытались завалить на сиденье. Времени на раздумья у Нечаева уже просто не оставалось, и он шагнул к насильникам. Действовать надо было стремительно, чтобы успеть разделаться с негодяями до того, как поезд совершит остановку. Не говоря ни слова, Нечаев нанес сильный удар кулаком в правый бок ближайшего к нему парня. Тот согнулся от боли, после чего оперативник добил его новым ударом – в затылок. Один хулиган был нейтрализован, рухнув на пол как подкошенный. Но оставались еще трое.

Второго парня Нечаев обезвредил опять же двумя ударами: первый пришелся ему в грудь, второй – в челюсть. А вот с двумя другими пришлось повозиться. Один из них сумел уклониться от нечаевского апперкота, уйдя в сторону, а его приятель в это время попытался нанести «наружнику» удар кулаком в грудь. Отбив этот выпад с помощью бокового блока, Нечаев нанес противнику обезоруживающий удар ногой в пах. В это время на его плечах повис третий парень – тот самый, что сумел уклониться от его удара. Но парень висел на оперативнике не долго. Не поворачивая корпуса, Нечаев нанес нападавшему удар локтем в живот, после чего развернулся и добил его сильным хуком в челюсть.

В этот самый миг поезд выскочил из тоннеля на станцию и начал торможение. Девушки давно уже убежали к дальним дверям, приготовившись выскочить из опасного вагона, едва поезд остановится. То же самое предполагал сделать и Нечаев, который всю драку краем глаза наблюдал за Хьюзом, стоявшим в соседнем вагоне. Но тут ему на спину прыгнул тот самый парень, которого он атаковал первым. Видимо, придя в себя от ударов, он решил не дать противнику беспрепятственно покинуть поле боя. От этого прыжка оперативник едва удержался на ногах, схватившись рукой за поручень. В следующее мгновение он получил болезненный удар увесистого кулака в голову, который заставил его на несколько секунд потерять контроль над ситуацией.

В этот самый миг поезд остановился, двери распахнулись, и Хьюз вышел на платформу. На соседнем пути стоял поезд, идущий в обратном направлении. Двери его еще были открыты, поэтому американец в несколько прыжков пересек платформу и вбежал в открытые двери. У Нечаева было несколько секунд на то, чтобы попытаться догнать его и вскочить в тот же состав. Но он вынужден был потратить эти секунды на другое. На него наседали парень, который единственный из компании еще стоял на ногах и мог нападать. Однако шансов победить у него оказалось немного. Оправившись от удара, Нечаев нанес противнику серию молниеносных ударов в грудь и подбородок, которые буквально смели хулигана с ног. Перепрыгнув через распростертое на полу тело, Нечаев выскочил из вагона, но вскочить в соседний поезд не успел: его двери уже закрылись и состав начал медленно отъезжать от платформы.

В течение последующих двадцати минут Хьюз сделал еще несколько пересадок на разных станциях, проверяя, нет ли за ним «хвоста». Наконец, убедившись в этом, он позволил себе выйти из подземки на поверхность. Здесь он поднял повыше воротник куртки, засунул руки глубоко в карманы и быстрым шагом отправился на встречу с агентом.

* * *

США, Вашингтон, округ Колумбия

Заместитель директора ЦРУ Стивен Снайпс был неважным игроком в гольф, но каждый раз, когда он приходил на ранчо к убеленному сединами сенатору и члену Комитета по разведке Сената США Кевину Макларену, ему приходилось брать в руки паттер и изображать из себя добросовестного гольфиста. Однако в этот раз к вящему удовольствию Снайпса брать клюшку ему не понадобилось: хозяин был явно не расположен к игре. И хотя на ковролиновое поле для мини-гольфа они все же вышли, однако только лишь для того, чтобы расположиться в его глубине под небольшим тентом, усевшись в пластиковые кресла. Здесь же стоял столик, на котором возвышались бутылка любимого сенатором виски «Джек Дэниелс» и пара стаканов. Плеснув в них напиток, Макларен сделал небольшой глоток, после чего задал неожиданный вопрос:

– Стивен, ты помнишь, кому наследовал свою алкогольную империю создатель этого прекрасного напитка?

– Каждый пьющий виски американец знает это, – удивился Снайпс. – Поскольку у Дэниеля не было ближайшей родни, бразды правления он передал своему племяннику. Только к чему этот экскурс в прошлое?

– К тому, что я предполагал, чтобы бразды правления ЦРУ оказались в твоих руках: ты все-таки профессиональный разведчик. Но наш президент рассудил иначе и назначил в Лэнгли этого вояку – генерала Дэвида Пэтреуса.

– Я думаю, вы прекрасно понимаете мотивы президента. Впереди маячит большая война на Ближнем Востоке, а кто как не бывший командующий нашими войсками в Афганистане и Ираке должен хорошо разбираться в той сваре, которая затевается в этом регионе.

– Не скромничай, Стивен, тебе это не идет. Ты был хорошим специалистом по Советскому Союзу, причем в сферу твоих интересов входила Средняя Азия. Так что твои познания по части мусульманского мира тоже немалые.

– Видимо, именно поэтому при новом хозяине Лэнгли я буду курировать ближневосточное направление.

– Это уже утвержденное решение? – вскинул брови Макларен.

– Абсолютно. Именно за этим я и пришел сегодня к вам.

– Чтобы сообщить об этом?

– Не только.

Снайпс допил свой виски и вернул стакан на столик, после чего продолжил:

– Я хотел бы попросить вас об одном одолжении. Я знаю, что вы огорчились по поводу моего непопадания в кресло шефа Лэнгли и теперь мечтали бы увидеть меня в числе руководящих деятелей Управления национальной разведки.

– Да, Стивен, есть у меня такое скромное желание. Впрочем, не у меня одного – многие мои коллеги по Комитету также хотели бы видеть тебя в руководстве национальной разведывательной службы.

– Спасибо за доверие, но в данный момент мой перевод из ЦРУ лично для меня нежелателен. Особенно в свете тех событий, которые затеваются сегодня в Сирии. Мое место там, где я сегодня нахожусь, – в Лэнгли. Вы же знаете мою слабость – сражаться против русских. А именно в Сирии они сегодня наиболее активно противостоят нам. И мне очень хотелось бы поучаствовать в этом сражении. Все-таки воевать с русскими – отменное удовольствие. Нечто вроде секса с горячо любимой женщиной.

– А ты, как я вижу, сексуальный гурман! – расплылся в улыбке Макларен. – Впрочем, это у тебя наследственное: твой покойный отец не отличался излишним пуританизмом по этой части. Когда в далекие 70-е мы с ним служили в Лэнгли, именно он был моим наставником по этой части.

– Получается, что вы такой же гурман, как и мужская половина нашего семейства.

– Э, нет, Стивен, – указательный палец Макларена взметнулся вверх. – Мы с твоим родителем «окучивали» азиаток – китайнок и вьетнамок, – в то время как ты имеешь склонность к «мясу» русскоязычного происхождения.

– Не к «мясу», а к мозгам. Русские женщины, конечно, хороши, но тактильные отношения с ними меня интересуют куда меньше, чем интеллектуальные.

– В твоих словах сквозит мудрость кадрового разведчика, который всегда помнит о «медовых ловушках», вновь ставших популярными. К счастью, твой непосредственный босс, в отличие от тебя, этой мудрости лишен.

– Почему к счастью?

– Всегда будет повод убрать его из Лэнгли, когда он надоест. Ты ведь знаешь, как Пэтреуса звали в армии?

– Кажется, царь Давид.

– Именно так. А если ты помнишь историю, то царя Давида погубила связь с царицей Вирсавией.

– Не хотите ли вы сказать, что для моего босса уже подыскали такую «царицу»?

– Не стану вдаваться в детали, но повторяю, что сделать это достаточно легко, учитывая страсть твоего босса к высоким и красивым брюнеткам. Так что всегда будь начеку, Стивен, – не заводи продолжительных интрижек.

После этого в разговоре возникла пауза, которая понадобилась Макларену для того, чтобы налить в бокалы новую порцию виски. Затем он продолжил прерванную беседу:

– Значит, теперь местом приложения твоих мозгов станет Сирия? Учитывая мою экономическую заинтересованность в этом регионе, я полностью одобряю твое назначение. Ты ведь знаешь, что наша семья вкладывает весьма солидные дивиденды в катарский газ. Катар экспортирует его танкерами, а если мы сбросим Асада, то тогда он сможет транспортировать сжиженный газ через территорию Сирии по трубам. А это, сам понимаешь, как минимум удвоенный объем экспорта. Значит, наша семья в накладе не останется.

– В накладе не останется не только ваша семья, но и вся Америка, – внес весомую поправку в рассуждения своего собеседника Снайпс.

– Вот именно за то, что ты мыслишь категориями геополитики, я и хотел, Стивен, чтобы ты перешел из ЦРУ в Управление национальной разведки, – не скрывая своего восхищения, заметил хозяин ранчо. – Ты большой специалист по русской проблематике и мог бы стать в этом плане хорошим помощником для начальника этой службы. А потом, глядишь, и вовсе занять его место. И воевать с русскими уже оттуда. Ведь Ливия и Сирия – это только начало. Дальше пойдет Иран, а оттуда и до России рукой подать. Мы заново колонизируем Северную Африку, весь Ближний и Средний Восток, оккупируем территорию от Ливии до Пакистана. Мы ведь не англичане, которые оказались никчемными колонизаторами, мы – другие. Мы посадим в этих странах марионеточных правителей, раздуем среди их народов

религиозную и этническую рознь и будем управлять ими веками. Благодаря таким людям, как ты, Стивен. Ты хороший исламист и мог бы заткнуть рот тем, кто путает нам карты в нашем высшем руководстве.

– Кого вы имеете в виду?

Вместо ответа Макларен ткнул пальцем вверх.

– Их, мой друг. Вот смотри, какая бумага пришла на днях в наш комитет, – и Макларен извлек из кармана рубашки сложенный вчетверо листок.

Это была выписка из документа, составленного руководителями мусульманских организаций США, где они просили Белый дом вычеркнуть всякое упоминание ислама из учебников по подготовке офицеров армии, агентов ФБР, ЦРУ и других спецслужб, действующих на территории Америки, из соображений политической корректности и толерантности.

– Самое страшное, Стивен, что наши президент и госсекретарь согласны с этим бредовым требованием. А это значит, что эта писулька будет иметь чудовищные перспективы в обозримом будущем. И наша колонизаторская миссия может закончиться таким же пшиком, как когда-то это случилось с англичанами. И вместо нас туда могут прийти те же русские. Ведь Сирия для них может стать отправной точкой для подобного возвращения. Вот почему во главе национальной разведки мы хотели бы видеть таких людей, как ты, Стивен. В тебе мы уверены, как в себе самих.

– Разделяю ваше желание, – возвращая листок, ответил Снайпс. – Но все же геополитика привлекает меня меньше. Я профессиональный разведчик и именно в Лэнгли чувствую себя в своей тарелке.

– Ты не учиываешь, что эта тарелка может вдребезги разбиться. Насколько я знаю, именно в Сирии у нас есть большие проблемы по части агентурной работы – наши позиции на этом направлении достаточно слабые. Наше посольство в Дамаске обложено со всех сторон, и, не ровен час, нам придется вовсе его закрыть. И, учитывая то, что нехватка разведданных затрудняет способность нашей администрации управлять кризисом, именно ты можешь навлечь на себя все громы и молнии. Не боишься?

– Не боюсь. Как говорят на Востоке: «Храбрый знаменит в бою, трус – дома».

– Похвальная смелость. А если рассуждать трезво?

– Да, вы правы, в Сирии мы так и не сумели закрепиться всерьез. Но, во-первых, нам помогают наши коллеги из соседних с Сирией стран – Турции и Иордании. На них мы и будем делать главную ставку в будущих событиях. В свете избранной нашей администрацией стратегии непрямого участия в ближневосточных делах весь жар мы будем загребать чужими руками. На Востоке в таких случаях говорят: «Двое близких дерутся – чужому кормежка».

– И после этих слов ты опять будешь утверждать, что геополитика – это не твоя стезя?

– Не моя, – улыбнулся Снайпс.

– В таком случае, ты такой же упрямец, как твой покойный отец, – с плохо скрываемым раздражением в голосе произнес Макларен.

– Но вы же сами говорили, что его упрямство порой приносило пользу делу.

– Ты хочешь сказать, что у тебя – тот же случай?

– Я не столь самонадеян, но интуиция мне подсказывает, что да.

– Хорошо, тогда переходи ко второй причине.

– У нас появился весьма перспективный агент в Москве, который вот уже больше двух месяцев передает нам очень ценную информацию по всему ближневосточному узлу, в том числе и по сирийскому.

– А вот это уже весьма любопытно, – не скрывая своей заинтересованности в услышанном, откликнулся на неожиданную новость Макларен. – На чем же вы завербовали этого «крота»? Неужели на банальном – на деньгах?

– Как ни странно, но презренный металл не является для него главным аргументом.

– Тогда что?

– У русских есть такое определение – смердяковщина. Слышали?

– Насколько я помню, это что-то из их классической литературы?

– Совершенно верно – из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Есть там такой персонаж – Смердяков, который ненавидел Россию и желал ей всяческой гибели. Здесь нечто похожее.

– Значит, это «крот» идейный. Впрочем, в сегодняшней России такого рода фанатики в избытке. Вы ему доверяете?

– Абсолютно. Я же сказал, что поставляемая им информация имеет высокую степень ценности, поэтому мы возлагаем на него

большие надежды. Повторюсь, это очень перспективный агент с неплохими шансами на карьерный рост.

– Уж не намекаешь ли ты на то, что в обозримом будущем он может стать президентом России? – с плохо скрываемой иронией произнес Макларен.

– Разделю ваш скепсис, но только ровно наполовину. Президентом ему, конечно, не стать, но кое-каких высот достичь он вполне способен. Его возраст, способности и, главное, связи в высших сферах вполне располагают к этому.

– Дальше можешь не продолжать, Стивен. Тебе нужна моя поддержка, чтобы спокойно продолжать работать в Лэнгли, – можешь считать, что ты ее получил. Но с одним условием, вернее с двумя. Первое: держи меня в курсе этой операции с русским «кротом» и вообще всех значимых событий на сирийском направлении. А я в свою очередь постараюсь прикрыть твою задницу, если у тебя что-то не заладится. Наконец, второе: если твоему «кроту» наступят на горло, а такое в нашей работе случается, ты, Стивен, более серьезно отнесешься к моему предложению о переходе в национальную разведку. Договорились?

Ответом хозяину ранчо был пламенный спич из уст его гостя:

– Я всегда был благодарен отцу за то, что он оставил мне такого друга.

– А я всегда удивлялся другому: почему у такого прекрасного гольфиста, каким был твой родитель, оказался такой бездарный по этой части отпрыск.

* * *

***Москва, улица Дружбы.
Посольство Китая в РФ***

Представительский «Мерседес», принадлежащий российскому МИДу, мчался по улицам Москвы, ловко маневрируя в дневном потоке машин. Полковник ФСБ Иван Ильич Максимов расположился на заднем сиденье иномарки и, сложив руки на кожаной папке, лежащей у него на коленях, взирал на проносящийся за окном городской пейзаж и

размышлял о последних событиях, которые свалились как гром среди ясного неба. Несколько дней назад коллеги из Министерства госбезопасности Китая вышли на руководство ФСБ России и сообщили, что готовы предоставить информацию о «кроте», который некоторое время назад окопался в российской столице. Судя по всему, речь шла о том самом агенте ЦРУ, радиосвязь с которым у Лэнгли началась из Франкфурта-на-Майне полтора месяца назад. Служба контрразведки ФСБ, где имел честь служить полковник Максимов, пыталась вычислить этого «крота», но пока результаты были неутешительными: не удалось ни расшифровать принимаемые им шифровки, ни определить место его возможной службы. Как вдруг эта неожиданная новость от китайских коллег, которая могла приблизить чекистов к разоблачению предателя.

Инициатива китайцев хоть и была неожиданной, но четко укладывалась в возникшую в те дни ситуацию вокруг Сирии. В аналитической справке Департамента анализа, прогноза и стратегического планирования ФСБ, с которой некоторое время назад был ознакомлен Максимов, в его памяти запечатлелся следующий пассаж:

«...Последние события на Ближнем Востоке четко укладываются в план «Большой Ближний Восток», разработанный в мозговых военных центрах США сразу после событий 11 сентября 2001 года. Осуществление этого плана началось с вторжения американских войск в Афганистан и Ирак, а затем продолжились с помощью не прямых действий американцев в других ближневосточных странах (череда революций под названием «арабская весна»). На сегодняшнем этапе осуществления этого плана американцы ставят целью «оседлать» складывающуюся на Ближнем Востоке ситуацию, а именно – взять под контроль усиление фундаменталистских сил. Последние представлены в виде трех течений: умеренные («Братья-мусульмане» и др.), жесткие (ортодоксальные салафиты и джихаисты) и крайние экстремисты (такфиристы). Американцы сделали ставку на умеренных фундаменталистов, надеясь с их помощью противодействовать расширению регионального влияния Исламской Республики Иран. Эти события в ближайшей перспективе угрожают России как в экономическом отношении, так и в военном...

Не меньшую угрозу это несет и Китаю. Переформатирование Ближнего Востока по американскому сценарию одной из своих целей ставит подрыв экономического и военного могущества Китая. Известно, что 47 % нефти поступает к нему из Ирана (через Ормузский пролив), который на нынешнем этапе является главным стратегическим противником США на Ближнем Востоке. Несмотря на то что Китай в последнее время предпринял определенные усилия для подстраховки на случай войны в Иране (соглашения о поставках нефти через Панамский канал, который управляется дружественными Китаю бизнес-структурами гонконгского миллиардера Ли Цзя-Чэна), однако все это может принести результат только в дальней перспективе и потребует новых значительных инвестиций. Поэтому Китаю крайне невыгодна война Ирана с США, результатом которой может стать перекрытие Ормузского пролива. Между тем американцы упорно ведут дело к войне, о чем наглядно свидетельствуют события в Сирии. Руками исламистов американцы и их союзники по западной коалиции пытаются сместить режим Башара Асада, чтобы потом начать атаку на Иран...».

Таким образом, Россия и Китай оказались сегодня в одном окопе, что живо напомнило Максимову эпизоды далекой истории – дружбу СССР и Китая в далекие 50-е годы. И хотя в ту пору он пребывал в детсадовском возрасте, однако хорошо знал о тех событиях по учебникам истории. К сожалению, уже в начале 60-х советско-китайская дружба превратилась в свою полную противоположность, что в итоге усугубило раскол коммунистического движения и привело к поражению СССР в холодной войне. Последние события Максимов имел несчастье наблюдать воочию. Будучи молодым сотрудником КГБ, он в мае 1989 года обеспечивал визит Михаила Горбачева в Китайскую Народную Республику.

Вспоминая события тех дней, полковник поймал себя на мысли, что они до сих пор вызывают в его душе досаду и горечь. Если бы у руля советского государства тогда оказался не Горбачев, а человек, равный Дэн Сяопину, колесо истории повернулось бы совершенно в иную сторону. Хотя в дни того визита об этом еще мало кто догадывался. И популярность Горбачева в Китае была даже выше, чем у Дэн Сяопина. Тысячи китайских граждан приветствовали советского лидера, считая его светочем демократических реформ.

Китайские либералы уповали на то, что в их высшем руководстве отыщется свой Горбачев и поддержит программу демократических реформ, названную китайскими интеллигентами «Бег к Солнцу». Но руководители Поднебесной избрали иной путь. Они раздавили танками тысячи студентов, собравшихся на площади Тяньаньмэнь, и задушили либеральную оппозицию практически в самом зародыше. Крови при этом, конечно, было пролито немало.

В ушах Максимова до сих пор стоял рассказ Саши Безрукова – сотрудника КГБ, работавшего в те дни в советской резидентуре в Пекине, – который, приехав в Москву спустя месяц после событий на Тяньаньмэне, поведал о том кошмаре, который творился в окрестностях площади. Он рассказал о десятках молодых людей, повешенных на столбах в назидание остальным, о раскатах оружейных залпов в пекинской тюрьме, где расстреливали тех, кто выжил в той кровавой каше. Для всех, кто слышал тогда этот рассказ, услышанное казалось дикостью, средневековой жестокостью. И это при том, что у нас к тому времени уже случились бойня на площади Руставели в Тбилиси и резня турок-месхетинцев в Узбекистане. Но пекинские события затмили их все. Именно затмили, а не просветили. Ведь на чьей стороне оказалась в итоге история? Где-то в середине 90-х Максимов собственными глазами видел распечатку секретного документа ЦРУ, в котором анализировались события мая 1989 года на площади Тяньаньмэнь. Там отмечалось, что, не примени китайское руководство силу против демонстрантов, не было бы сегодня и самого Китая. А было бы, как говорилось в документе ЦРУ, «посткитайское пространство». Значит, правильно сам Дэн Сяопин называл Михаила Горбачева «шагуа», что в переводе на русский означает «глупец».

Буквально вчера Максимов имел беседу со своим коллегой из «китайского» отдела Службы внешней разведки, который достаточно убедительно объяснил ему перспективы взаимоотношений России и Китая в области антиамериканской дружбы. Коллега жил в одном доме с Максимовым и тоже был заядлым собачником: вечерами они выгуливали во дворе своих четвероногих питомцев и, пока те резвились в сторонке, вели интеллектуальные беседы на разные темы. Вчера дело дошло до разговора о российско-китайских отношениях.

– Американцы разворачивают свою противоракетную систему на Дальнем Востоке, тем самым угрожая как России, так и Китаю, –

просвещал Максимова его коллега. – У нас в свое время были планы переманить Европу на свою сторону и создать с ними противовес американской глобальной ПРО, но эти попытки не увенчались успехом. Более того, Европа в этой глобальной игре взяла сторону Америки, предоставив свою территорию для размещения ее противоракет. Поэтому единственная наша надежда сегодня – это Китай.

– Неужели у нас с ним нет таких же проблем, как с Европой? – удивился Максимов.

– Проблемы, конечно, есть, но они меркнут в свете того, что Америка угрожает Китаю так же, как и нам. У нас с Китаем есть взаимный интерес – остановить Америку на ее пути к мировому доминированию. Если не остановим, нам не поздоровится.

– Ты считаешь, что у нас есть шансы на такое противостояние?

– А почему я должен считать иначе?

– Да хотя бы потому, что у китайцев есть четкая геополитическая доктрина. А у нас?

– И что у нас?

– Разве ты не видишь? Наша бизнес-элита затянула страну в ВТО, которое ставит под угрозу существование тех же высокотехнологичных отраслей в стране. Как в военной, так и в гражданской промышленности. Мы окончательно превращаемся в сырьевой придаток.

– Ты прав и неправ одновременно. Да, нас втянули в ВТО. Но в его сторону ориентирована лишь часть нашего бизнес-сообщества – прозападная. Другая часть мыслит категориями национальных интересов. Вот, например, мы с тобой какими категориями мыслим?

Максимов счел возможным промолчать, поскольку ответ и без того был очевиден.

– Видишь, значит двумя национально мыслящими чекистами в России стало больше. А ведь всего два десятка лет назад мы с тобой голосовали за Ельцина – американскую профурсетку. Как говорили древние: «Все течет, все меняется». Так что альянс России и Китая вполне вероятен. Нас может сплотить серьезная внешняя угроза. И такая уже появилась, что и стало поводом к тому, чтобы Россия и Китай объединились на сирийском направлении.

В этом месте размышления Максимова были прерваны. Их представительский «Мерседес» въехал на территорию китайского посольства, где их уже дожидались первый заместитель посла и глава местной резидентуры. Максимов и сопровождавший его представитель российского МИДа, обменявшись рукопожатиями с встречающими, прошли с ними в здание посольства и поднялись на лифте в комнату для переговоров. В то самое помещение, которое в каждом посольстве надежно защищено от любых несанкционированных попыток подслушать то, что произносится внутри этих стен.

Общение сторон происходило в деловой манере, без лишних сантиментов. Когда все присутствующие уселись за длинный стол напротив друг друга, китайский посол произнес несколько протокольных фраз о важности российско-китайских отношений. Не забыв упомянуть и о злободневности текущего момента:

– Сейчас, когда так обострилась ситуация на Ближнем Востоке, от российского и китайского руководства зависит, будет ли мир в этом регионе или разгорится война. Наши совместные усилия по срыву изоляции Сирии, проявленные на заседании Совета безопасности ООН, вселяют оптимизм не только в нас, но и во всех тех, кому дорог мир на Ближнем Востоке.

После китайского дипломата слово взял российский, высказавшийся столь же коротко и лаконично. Затем в разговор вступил глава китайской резидентуры, речь которого тоже была немногословной. Положив перед собой серого цвета папку, он на хорошем русском языке обратился непосредственно к своему российскому коллеге:

– Господин Максимов, надеюсь, наша информация, содержащаяся в этой папке, хоть в какой-то мере поможет вам разрешить те проблемы, которые вы испытываете в своей работе. Мы надеемся, что эта встреча и оказанная нами услуга послужит дальнейшему укреплению отношений между нашими ведомствами.

После этого резидент передал папку в руки Максимова. Положив ее перед собой, российский гость произнес ответный спич, выдержанный в том же стиле, что и речь его визави. И, в свою очередь, передал ему свою папку, которую он всю дорогу до посольства буквально не выпускал из рук. Это было своего рода «алаверды» от

российского ФСБ китайскому МГБ, поскольку ехать с пустыми руками к людям, которые изъявили желание помочь тебе разоблачить опаснейшего «крота» в своих рядах, было бы просто невежливо как с дипломатической стороны, так и с человеческой. В переданной китайцам папке содержалась информация, полученная от зарубежных источников ФСБ, о том, что в руководстве китайского МГБ завелся не менее опасный «крот», чем московский. И хотя имя и должность его не назывались (они не были известны), однако давались определенные ориентиры, которые могли бы помочь китайским коллегам вычислить предателя.

Собственно почти то же самое содержалось и в папке, переданной Максимову. Он раскрыл ее сразу же, как только их «Мерседес» выехал за ворота китайского посольства. На стандартном листе мелованной бумаги формата А4 была изложена краткая информация, которой китайские эмгэбисты располагали в отношении московского «крота». Однако несмотря на малый объем информации, в ней зримо маячил кончик той самой ниточки, потянув за который можно было попытаться распутать весь клубок. В тексте это выглядело следующим образом:

«По данным наших источников, летом этого года (предположительно в июне) в столице Египта, городе Каире, в одной из гостиниц, состоялась агентурная встреча сотрудников резидентуры Центрального разведывательного управления США с неким российским гражданином, имеющим непосредственное отношение к работе на ближневосточном направлении, в частности в Сирии...».

* * *

***Москва, Лубянка, Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

В кабинете заместителя начальника Департамента контрразведывательных операций Службы контрразведки ФСБ Федора Ивановича Кондратьева собрались три человека: хозяин кабинета и двое его подчиненных – начальник отдела Иван Ильич Максимов и его заместитель Глеб Сергеевич Жмых. Разговор шел вокруг информации,

предоставленной китайскими коллегами пару часов назад и касавшейся московского «крота». Солировал разговором хозяин кабинета, который сидел во главе стола в мягком кожаном кресле, а прямо перед ним лежала раскрытая папка, привезенная Максимовым из китайского посольства:

– Итак, что мы имеем после получения этого письма. Первое: около двух месяцев назад в Каире состоялась встреча некоего высокопоставленного российского чиновника с его хозяевами из ЦРУ. Второе: полтора месяца назад наши технические службы стали перехватывать сообщения из радиоцентра ЦРУ во Франкфурте-на-Майне для некоего источника в Москве. Эти донесения мы до сих пор расшифровать не сумели. Суммируя все это, я делаю вывод, что в обоих случаях речь может идти об одном и том же человеке. У кого-нибудь есть замечания по поводу моих выводов?

– Замечаний нет, разве что только добавления, – вступил в разговор Максимов. – Речь идет о «кроте», который имеет доступ к секретной информации о ситуации в Сирии, в том числе, судя по всему, и о наших военных поставках в эту страну. Это означает, что он вполне может иметь отношение либо к Министерству обороны, либо к структурам, связанным с ним, например к «Гособоронэксу», занимающемуся зарубежными военными поставками.

– Добавление принимается, – согласился с выводами Максимова хозяин кабинета, после чего взглянул на третьего участника встречи. Жмых расценил этот взгляд правильно – тут же включился в диалог:

– Определенная информация о наших военных поставках в Сирию может быть также в Министерстве иностранных дел, например в его ближневосточном отделе. Значит, «крот» может окопаться и там. Кроме этого, в МИДе он может иметь доступ не только к вопросам о военных поставках, но и к более широкому спектру проблем, например быть в курсе позиции наших мидовских руководителей по ситуации на Ближнем Востоке. Наконец, нельзя исключать вероятности того, что «крот» мог окопаться и в нашем ведомстве, например здесь, на Лубянке, или в «лесу» – в Службе внешней разведки в Ясенево.

– Ну что же, предположение о «кроте» в нашей епархии можно назвать смелым, но, увы, не лишенным смысла, как говорится, чем черт не шутит, – Кондратьев откинулся на спинку кресла и, щелкнув зажигалкой, закурил. Сделав глубокую затяжку, продолжил:

– Более того, можно пойти еще дальше и предположить, что «крот» работает не один, а в составе некой группы. В таком случае наша задача может усложниться.

– Группу исключать нельзя, но, выйдя на «крота», можно потянуть вверх всю цепочку, – вновь подал голос Максимов. – Как говорил незабвенный Глеб Жеглов: «Здесь у него лежбище». Именно последнее мы и должны будем отыскать, используя ту ниточку, которую нам так кстати предоставили наши китайские коллеги. Причем тянуть эту ниточку надо...

– ...с двух концов, – закончил мысль своего подчиненного Кондратьев. – Одну отсюда, из Москвы, а другую из Каира. Вы это хотели сказать, Иван Ильич?

– Читаете мысли, – не скрывая иронии, парировал Максимов. – Хотя даю руку на отсечение, вы ни за что не угадаете, о чем сейчас думает Глеб Сергеевич.

– Боюсь, вы можете остаться без руки, – по губам генерала пробежала еле уловимая усмешка. – Ваш заместитель в данную минуту думает о том, как бы ему избежать поездки в благословенный Аллахом Каир. Я угадал?

Вместо ответа Жмых развел руками: дескать, сдаюсь. После чего признался:

– Я действительно не горю желанием лететь в страну пирамид. Был там в прошлом году и всю дорогу промучился диареей. Видимо, это уже возрастное.

– Ну что ж, пойдем навстречу вашему возрасту, Глеб Сергеевич, – улыбнулся Кондратьев, – в Каир суждено полететь Ивану Ильичу. Надеюсь, у него со здоровьем все в порядке?

– Если вы не отсечете проигранную мною руку, то мое здоровье можно назвать идеальным.

– Так тому и быть, – подвел итог разговора Кондратьев. – Завтра же вылетайте в Египет, а я позабочусь о том, чтобы предупредить наших тамошних посольских работников. Ваша задача, Иван Ильич предельно ясна: нащупать египетский кончик ниточки – попытаться найти следы «крота» в тамошних краях. Используйте для этого все возможности: как наши, резидентские, так и помощь коллег. Я имею в виду сирийцев, с которыми у нас давно налажены контакты. Используйте их на полную катушку. Мы же с Глебом Сергеевичем

постараемся очертить круг подозреваемых здесь, в Москве. Связь друг с другом будем держать постоянную.

* * *

***США, Лэнгли, штат Вирджиния.
Центральное разведывательное управление***

«Дорогой друг!

Мы очень благодарны Вам за последнюю информацию, касающуюся «сирийского узла». Она не только помогла нам определить наши приоритеты по данной проблематике, но и значительно продвинула нас в решении некоторых важнейших задач на этом направлении. Кроме этого, она явилась весомым аргументом в пользу нашей позиции во взаимоотношениях с администрацией Большого Дома. Доложенная лично Большому Другу, Ваша информация крайне заинтересовала его, результатом чего явилась его личная просьба передать Вам искреннюю благодарность и пожелание успехов в Вашем трудном и опасном деле. Целиком присоединяемся к этим пожеланиям. Ждем от Вас новой информации не только по «сирийскому узлу», но и по более широкому спектру проблем. В частности, нас крайне интересует позиция российского руководства по общей ситуации на Ближнем Востоке, о планах Кремля в отношении Грузии и других Закавказских республик, о возможностях российского влияния на фондовый рынок с целью разжигания противоречий между странами Европейского Сообщества. Будем также признательны Вам за любую полезную информацию относительно возможных разногласий внутри высшего российского руководства.

Спешим также сообщить, что каждое Ваше сообщение продолжает влиять на пополнение Вашего банковского счета. За минувший месяц на него перечислено 450 000 долларов США. Таким образом, на текущий момент общая сумма,

сосредоточенная на Вашем банковском счете, составляет 885 545 долларов США.

Ваш друг С.».

* * *

Замдиректора ЦРУ Стивен Снайпс дважды прочитал шифровку для русского агента, после чего вложил ее в папку и вернул, сидящему напротив него начальнику «русского» отдела Уильяму Берроузу.

– Несмотря на то что главным побудительным мотивом работать на нас для агента Фараона были отнюдь не деньги, обходится он нам, как говорят русские, в хорошую копеечку, – с еле уловимой усмешкой на губах заметил Снайпс.

– Что поделаешь, времена сегодня другие и русские научились считать деньги, – поддержал иронию шефа Берроуз. – Как говорится, налицо абсолютная капитализация.

– Да, советские «кроты» обходились нам в разы меньше. Однако мы сами в этом виноваты: долгие годы боролись за то, чтобы над Россией вновь воссияло солнце капитализма. Поэтому придется смириться. К тому же надо признать, что Фараон нам обходится дешевле, чем следовало бы: сведения, которые он нам предоставляет, помогают нам экономить миллионы долларов.

Снайпс поднялся из-за стола и, подойдя к небольшому трюмо в углу, открыл деревянную коробку, где лежали его любимые гаванские сигары, которые поступали к нему в обход эмбарго, которым США обложили Остров Свободы. Зная о том, что Берроуз не курит, Снайпс извлек на свет всего лишь одну сигару и тут же закурил. Кабинет сразу наполнился ароматом жареного кофе, которым так славится сорт кубинских сигар «Cahibo Maduro». Сделав неглубокую затяжку, Снайпс вернулся в кресло и вновь обратил свой взор на гостя:

– Чтобы оправдать наши вложения в Фараона, нужно постараться максимально загрузить его работой. Вы слышали, что Рокфеллеры и Ротшильды собираются создавать стратегическое партнерство и хотят объединить часть своих активов?

Еле заметным кивком головы Берроуз подтвердил услышанное.

– Я думаю, надо подключить Фараона к сбору информации и на этом направлении. Нам стало известно, что русские проявляют живой интерес к этой возможной сделке, поскольку с некоторых пор входят в этот бизнес посредством тех своих олигархов, что перебрались в Лондон. Они имеют свою долю в активах той структуры Рокфеллеров, у которой собирается выкупить акции инвестиционная компания Ротшильдов. Думаю, в Кремле и российских бизнес-структурах ведутся дискуссии на эту тему, поэтому любая информация об этом будет для нас крайне важна.

– Добавить пассаж об этом в данную шифровку? – спросил Берроуз.

– Нет, можно сделать это в следующем сеансе связи. Главное, повторюсь, – это максимально использовать Фараона на разных направлениях.

– Но это может повысить риск его провала.

– Может, – согласился Снайпс. – Но, с другой стороны, мы все сегодня рискуем. Поэтому в следующей шифровке посоветуйте Фараону быть предельно осторожным и не лезть на рожон. Напишите, что, если он почувствует хотя бы малейшую опасность в отношении себя, пусть немедленно сообщит об этом, чтобы мы успели провести акцию прикрытия. Он должен знать, что здесь крайне дорожат его персоной и в случае опасности не пожалеют затрат для его спасения. Это повысит его реноме в собственных глазах.

– Я думаю, оно у него и без того высокое. А после нашей сегодняшней шифровки со словами благодарности по его адресу из уст Большого Друга это реноме возрастет еще сильнее. (Под этим обозначением скрывался не кто иной, как президент США).

– Насколько я понял из слов Саймона Янга, Фараон не слишком тщеславен.

– Как говорят русские: «Доброе слово и кошке приятно».

– На Востоке на этот счет есть другая поговорка: «Нет денег наградить – имей руки погладить», – заметил Снайпс.

Все в ЦРУ знали о его слабости вставлять в разговор разного рода восточные пословицы и поговорки, которые он в избытке почерпнул во время службы в советском отделе на среднеазиатском направлении.

– Однако на Фараона мы денег не жалеем. Как ясно из сегодняшней шифровки, до звания миллионера ему осталось совсем

чуть-чуть. И это меньше чем за три месяца работы.

– Вы забыли отметить, что работы интенсивной и крайне эффективной. А камень, который нужен, не тяжел, – вновь козырнул очередной восточной мудростью Снайпс. – Нужно успевать и деньги платить, и по макушке гладить. Вы свободны, Уильям.

Спустя десять минут в кресле, где недавно сидел Берроуз, восседал уже другой гость – начальник отдела анализа и планирования Разведывательного директората Алекс Макнамара. На этот пост он заступил всего лишь пару месяцев назад, поэтому это был его первый серьезный доклад в этом кабинете. Снайпс пригласил его, чтобы выслушать выводы аналитиков относительно ситуации, складывающейся в Сирии. С этим мнением Снайпсу потом надо было идти к директору ЦРУ, а тому – на самый верх. Свой анализ Макнамара уместил на двух страницах, однако хозяин кабинета попросил не читать весь текст, а изложить его устно, выделив главные мысли.

– На сегодняшний день те цели, на которые рассчитывали повстанцы из Сирийской Свободной Армии, пока не достигнуты – режим Асада по-прежнему крепок, – ровным голосом начал свой рассказ Макнамара. – И это несмотря на то, что многие сирийцы понесли серьезные убытки с момента начала волнений. В частности, почти полностью встал туристический бизнес: это транспорт, большая сеть отелей, обслуга, гиды и т. д. Значительное число людей из этой сферы потеряли работу. До начала волнений Сирию ежегодно посещало несколько миллионов человек туристов, которые там не только отдыхали, но и делали всевозможные покупки: цены в Сирии намного ниже, чем в Европе. Все это заметно наполняло кошельки рядовых сирийцев. На данный момент все это прекратилось и сирийцы, привыкшие к определенному уровню жизни, теперь вынуждены жить несколько хуже. Все это прогнозировалось нами, вернее прежним руководством управления, накануне волнений, и на основе этих прогнозов делался вывод о том, что рядовые сирийцы, потерявшие привычный уровень жизни, откажут режиму Асада в доверии. Однако как показала реальная действительность, тот прогноз оказался неверным: большинство рядовых сирийцев верят своему президенту и испытывают стойкую неприязнь к повстанцам.

– Всего лишь неприязнь? – прервал ровную речь своего гостя Снайпс.

– Вы хотите более жестких оценок?

– Я хочу реальных оценок. Мне с этими выводами идти наверх, а там требуют правды. И что я им отвечу, когда меня спросят, почему рядовые сирийцы не идут толпами за повстанцами? Ведь полгода назад мы уверяли наше руководство, что у режима Асада миллионы противников.

– Полгода назад я не был в руководстве отдела.

– Вот именно это и странно. Вы новый человек, и значит, должны мыслить по-новому. А у меня создается впечатление, что передо мной сидит кто-то из прежнего руководства аналитического отдела. Но вернемся к Сирии. В ней проживают двадцать три миллиона человек, а в рядах повстанцев сто тысяч – всего полпроцента населения. Вы можете мне ответить, почему их ряды не растут в геометрической прогрессии?

– У сирийцев весьма высок уровень патриотизма.

– Вы этот фактор отмечаете в своем докладе?

– В той или иной степени.

– Мне не нужно в той или иной, мне необходима правда. Кого мы хотим обмануть – себя? Нам нужна правдивая информация, чтобы на ее основе найти адекватные средства и сломить сопротивление сирийцев, согнуть в бараний рог вместе с их патриотизмом. Советский народ тоже отличался высокой степенью патриотизма, но мы его все-таки сломали.

– Вы забываете, что это заняло у нас не одно десятилетие.

– Намеряете на то, что на Сирию может уйти столько же времени? А вы учитываете, что сегодня время течет более стремительно? Значит, то, на что раньше уходило десятилетия, сегодня должно происходить в разы быстрее. Но для этого нужно знать реальную ситуацию, а не приглаженную. Ваши коллеги полгода назад ошиблись в своих прогнозах. Надо учиться на собственных ошибках, даже если это приходится делать с колес – на ходу. Мы должны вооружить наше правительство правдивой информацией, а не приглаженной. Отсюда мой следующий вопрос: какие пути вы видите в создавшейся ситуации, что нужно делать для того, чтобы расшатать и все-таки разгромить режим Асада? Мы должны доказать Белому дому, что

именно мы, а не Пентагон, можем найти реальные пути, ведущие к нашей победе в Сирии.

– Пентагон вами упомянут в связи с их последним планом, где речь идет об ограниченных дистанционных ударах по объектам сирийской армии?

– А вам этот план кажется нереалистичным? Насколько я понял, благодаря ему сирийцы могут лишиться возможности бомбить опорные базы оппозиции, а также снабжать свои войска всем необходимым.

– Так это выглядит всего лишь на бумаге. На самом деле для претворения этого плана в жизнь потребуются сотни самолетов наземного и морского базирования, разведка и электронные средства борьбы, средства дозаправки и связи. Не забывайте также о том, что придется вводить специальные подразделения, а также тысячи простых военнослужащих для захвата и охраны хранилищ с химоружием. Учитывая масштабы этой операции, только на ее начало может потребоваться минимум полмиллиарда долларов. Кто сейчас согласится на подобные траты?

– Вы так говорите, потому что у вас есть более эффективные и дешевые предложения?

– Есть, и я вам их сейчас изложу. Мы предлагаем двигаться одновременно в нескольких направлениях. Во-первых, надо наращивать информационную войну против сирийцев – завалить их дезинформацией. В Сирии достаточно слабо развита система подачи информации, поэтому при грамотном и активном наступлении на этом фронте можно добиться того, что наши дезинформационные потоки могут лечь на благодатную почву. Слухи в такой среде распространяются с невероятной скоростью и могут дезориентировать население, что нам и нужно. Это первое.

Второе: надо продолжать поставлять повстанцам самое совершенное оружие, более широко снабжать их разведывательной информацией о действиях правительственных войск. Пока это направление отлажено слабее всего.

– Ну вы же понимаете, с чем это связано: с опасностью, что это самое совершенное оружие, о котором вы упомянули, может попасть в руки «Аль-Каиды» или других радикальных исламистов. Мы должны

это учитывать, если не хотим снова наломать дров, как это было в Афганистане в конце 80-х.

– Кажется, у русских есть на этот счет поговорка: «Волков бояться – в лес не ходить». Хотим мы этого или нет, но история повторяется: на данном этапе у нас с «Аль-Каидой» могут совпадать интересы, как это было когда-то в Афганистане. Поэтому закрывать глаза на ее усиление нам все равно придется. Как говорят на вашем благословенном Востоке: «Хочешь иметь друга без недостатков – останешься без друзей».

Брови Снайпса непроизвольно взметнулись вверх: было видно, что их хозяин приятно удивлен подобной эскападой своего собеседника. Но длилось это всего лишь мгновение, после чего Снайпс вернулся к обсуждаемой теме:

– Что у вас припасено на третье?

– В-третьих, надо наращивать усилия на международном направлении. Здесь пригодится старая как мир игра в «доброго» и «злого» следователей. Нашему правительству выпадает роль последнего – мы должны приводить в действие ливийский сценарий руками посредников: под видом бесполетной зоны бомбить силами НАТО сирийские правительственные войска, помогать наступлению повстанцев. Пусть и в этот раз раскошелятся наши европейские союзники, а не мы. Роль «доброго следователя» должно на себя взять руководство ООН. Ему предстоит всю вину за происходящее кровопролитие перекладывать на режим Асада и требовать создания коалиционного правительства, но обязательно без участия в нем Асада. И не надо бояться, что репутация нашего правительства от этого пострадает. Да, нас опять могут назвать поборниками агрессии, а то и вовсе агрессорами, но для нас важнее сейчас не репутация, а дело: нам надо свалить режим Асада. Сделав это, мы вернем себе репутацию и сохраним деньги наших налогоплательщиков. Как говорится, победителей не судят.

– На Востоке по этому поводу сказали бы иначе: «Халат – того, кто его надел, конь – того, кто на него сел», – Снайпсу явно хотелось, чтобы последнее слово в этом разговоре осталось все-таки за ним.

Египет, город Каир

В Каир Максимов вылетел ранним утром следующего дня из аэропорта Домодедово самолетом авиакомпании Egypt Air. Летел он под своими настоящими именем и фамилией, вот только род деятельности был легендирован: Максиму предстояло перевоплотиться в журналиста ведущей российской газеты, корпункт которой располагался недалеко от центра города.

Полет доставил Ивану Ильичу максимум удовольствия: ухоженный салон, улыбчивый персонал и вполне достаточное расстояние между кресел, чтобы можно было вытянуть натруженные ноги. Кроме этого, салон был полупустым, что позволило Максиму одному расположиться в целом ряду, не опасаясь, что кто-то может его потревожить. Короче, четыре часа до Каира пролетели для него как один.

В аэропорту столицы Египта Максимова встретил сотрудник резидентуры российского посольства в Каире Леонид Грошев. Это был плечистый мужчина, примерно лет на десять моложе Максимова. Его накачанные бицепсы и крепкое рукопожатие сразу выдали в нем натренированного спортсмена, а цепкий взгляд из-под тонких ресниц – не по годам проницательного человека. Как понял Максимов, прекрасно зная о цели его визита в Каир, глава местной российской резидентуры выделил ему в помощь одного из лучших своих сотрудников.

Усадив гостя в белоснежный «Шевроле», припаркованный на стоянке у выхода из аэропорта, Грошев выехал на трассу и только тогда сообщил место, куда они направляются, – отель «Мариотт» в центре города.

– Мы учли ваше пожелание, Иван Ильич, не забираться слишком высоко и сняли вам номер на пятом этаже, – сообщил Грошев. – Отель отличный, представительский, вполне достойный для проживания журналиста именитой российской газеты. До представительства «ИТАР-ТАСС» буквально рукой подать. А также до прохладных вод чарующего Нила.

– «Кто испробовал воду из Нила, будет вечно стремиться в Каир», – продекламировал Максимов. – Знаете откуда это?

– В нашей резидентуре эти строки Николая Гумилева знает каждый, – сохраняя на лице все ту же улыбку, ответил Грошев.

– А вот и не все. Когда пару лет назад я читал их одному здешнему вашему коллеге, для него они стали открытием.

– Понятно, это у вас что-то вроде теста. А тот мой коллега, который его не прошел, видимо, Климашин? Но он был нашим большим недоразумением, поэтому больше здесь не работает.

– А вы давно в Каире?

– Два года и пять месяцев. Причем пять месяцев исполняется именно сегодня.

– В таких случаях обычно говорят: «По этому поводу надо обязательно выпить».

– Нам с вами пить нельзя: у нас с вами через три часа важная встреча.

– С кем, если не секрет?

– Секрет, конечно, но вам, так и быть, откроюсь. С замглавой сирийской резидентуры Хафезом Раджихом. Дело в том, что со стороны наших информаторов в местных спецслужбах пока никакой реакции на наш запрос не зафиксировано, зато от сирийцев ответ пришел буквально пару часов назад. О чем я вас и уведомляю.

– Где состоится встреча?

– Есть в старом коптском Каире одно заведение – ресторанчик пожилого христианина Максуда.

В этот время «Шевроле» выехал на набережную Нила. Несмотря на раннее утро, по нему уже курсировали рыбацьи фелюги и даже один речной трамвайчик. Вдоль реки ввысь поднимались величественные пальмы.

Максимов попросил Грошева притормозить возле магазина фаст-фуд. Выйдя из машины, полковник зашел в магазинчик и купил себе за 5 фунтов египетскую шаверму – обжигаяще горячую и вкусную. Когда он вернулся с ней в салон автомобиля, Грошев удивился:

– В «Мариотте» есть прекрасный ресторан.

– Как говорили во времена моего детства: вы, Леонид, ничего не понимаете в колбасных обрезках, – улыбнулся Максимов. – Я люблю уличную шаверму и именно здешнюю. Поэтому ведите машину и не мешайте мне получать наслаждение от этого восхитительного деликатеса.

Поскольку времени до назначенной встречи было еще предостаточно, Максимов оставил чемодан с вещами в гостиничном номере, после чего они отправились в город. Возле одной из мечетей полковник попросил коллегу остановиться. Они вошли внутрь, где за 50 фунтов местный привратник разрешил им подняться на минарет, откуда открывался великолепный вид на утренний город. Здесь, на площадке, на которой никого, кроме них, больше не было, Максимов и Грошев решили скоротать время до встречи с сирийцами. Причем разговор пошел не о красотах Каира, открывающиеся перед их глазами, а о вопросах куда более серьезных – о ситуации, сложившейся в египетском обществе после смещения президента страны Хосни Мубарака.

– Мубараку не позавидуешь: судя по всему, он станет первым в истории Египта бывшим фараоном, которому придется отвечать как за свои действия, так и за действия своих приближенных, – в голосе Грошева сквозила неприкрытая ирония. – Причем его свержение произошло при тайном попустительстве его недавних друзей – американцев.

– Ну что же, судьба Саддама Хусейна и других правителей Ближнего Востока, сначала обласканных США, а потом ими же и преданных, не стала ему уроком, – поддержал иронию своего коллеги Максимов. – Хосни надо было серьезно призадуматься о своей судьбе сразу после того, как в Каир был назначен новый посол США: вместо Маргарет Скоби прислали Фрэнка Визнера. Колоритная, скажу вам, личность.

– Да, я читал «объективку» на него. Он был послом здесь до начала 90-х.

– А в «объективке» упоминалось, что это тот самый Визнер – сын Фрэнка Визнера-старшего, который был одним из основателей ЦРУ и террористической сети «Гладио» в Европе?

– Упоминалось.

– Но об одном интересном факте, я уверен, там нет ни слова: о его родственных отношениях с бывшим президентом Франции Николя Саркози.

– И что же это за связь?

– Визнер-младший женат на Кристин де Ганэ, которая была второй супругой Пала Саркози – отца Николя. Поэтому Визнер-

младший какое-то время воспитывал будущего президента и ввел его в круги ЦРУ, открыв тем самым ему и двери во французскую политику. Когда Саркози стал президентом, именно Визнер-младший рекомендовал ему назначить министром иностранных дел Франции своего приятеля Бернара Кушнера, чтобы тот мобилизовал европейские страны в пользу независимости Косово. А вот другого своего приятеля – Хосни Мубарака – Визнер-младший форменным образом подставил, подготовив его смещение.

– В активном участии американцев в здешних событиях мало кто сомневается. Удивляет другое: ставка американцев на исламистов, которые могут быть для них лишь тактическими союзниками, но отнюдь не стратегическими. Помните, что случилось с американцами в Афганистане: они сделали ставку на талибов, а те потом их попросту кинули.

– На этот раз американцы рассчитывают кинуть весь исламский мир. Их ставка на свержение нынешних режимов и приведение вместо них к власти исламских фундаменталистов, на мой взгляд, преследует четкую цель. Они рассчитывают на то, что мусульманский фундаментализм будет неизбежно сопровождаться изоляционизмом. Что невольно приведет арабский мир к тому, что он будет выведен за пределы современных технологий. Эти режимы будут медленно стагнировать, а посему легко управляться извне.

– Короче, им надо опустить здешние народы до племенного уровня, стравливая их друг с другом и управляя ими?

– Вы зрите в корень, Леонид. Племя – это более примитивная структура, не ставящая перед собой общенациональных задач. У американцев богатый опыт в этом плане: вспомните их взаимоотношения с индейцами. С племенем легче договариваться, а вернее, легче обмануть – для этого достаточно купить их вождя.

– Как видно, с Асадом у них в этом плане вышла загвоздка.

– Да, он оказался крепким орешком. Это не старик Хосни Мубарак, и даже не Муамар Каддафи, которого американцы и их союзники сначала приручили, а потом разорвали на части на глазах у всего мира.

– После Ливии и Сирии они, конечно, возьмутся за Иран?

– Безусловно. При поддержке американцев там схлестнутся суннитские боевики с шиитскими «стражами революции». К этому

делу наверняка подключат Турцию, чтобы возникла межисламская война, в которую должно будет вмешаться НАТО, ведь Турция является членом этой организации. Турецкая армия и «Аль Каида» будут вести наземные операции, а американцы бомбить иранские города. Тегеран в ответ нанесет удары по базам США на Ближнем Востоке, в том числе и по Израилю. Однако выдержать этот коллективный натиск иранцам будет не под силу. После их падения американцы напрямую выходят в наше подбрюшье – в Среднюю Азию, а также на Каспий и Поволжье.

– Думаете, будет война и с нами?

– Не хотелось бы, но вероятность ее достаточно высока. Черчилль в 1938 году, после Мюнхенского сговора, произнес весьма знаменательную фразу: «Англии был предложен выбор между войной и бесчестием. Она выбрала бесчестие и получит войну». Мы сдали Ливию и выбрали бесчестие – значит, нам стоит готовиться к войне.

– Но Сирию мы ведь не сдаем.

– Это было бы настоящим самоубийством, чем, к счастью, наше нынешнее руководство не страдает. Однако ситуация напоминает канун Второй мировой войны. Известно, что все подобные конфликты начинаются с предваряющих их малых периферийных войн. Тогда это были захват Италией Абиссинии, вторжение Японии в Китай, вмешательство Италии и Германии в гражданскую войну в Испании, аннексия Австрии, раздел Чехословакии со стороны Германии, Польши и Венгрии. Сегодня мы наблюдаем нечто похожее. Правда, с некоторыми поправками, которые только усугубляют ситуацию. Если тогда Лига наций страдала бессилием, то сегодня ее преемница, ООН, стала вдохновителем и организатором агрессий против суверенных стран, орудием и инструментом агрессии США. Война в Сирии – это почти калька с войны в Испании конца 30-х. Та победа открыла перед Гитлером дорогу на Польшу и Францию. После них бесноватый фюрер напал на нас. В сегодняшнем случае после Сирии падет Иран, а потом настанет и наша очередь.

– Но мы же ядерная держава?

– Все относительно в этом мире. Через несколько лет американская ПРО нашу ядерную мощь может парализовать.

– Что же может нам помочь?

– Вы будете смеяться, Леонид, но – новый Союз Советских Социалистических Республик. Надо искать союзников как в ближнем зарубежье, так и в дальнем. Тот же Китай в глобальном переделе мира может оказаться на нашей стороне. Ну и, конечно, надо активно работать нам с вами, чтобы упредить замыслы американцев на нашей территории. Вот, например, окопалась какая-то сволочь в Москве и шлет американцам секретные данные о ситуации в Сирии. Значит, мы должны эту сволочь найти и поставить к стенке.

– Сегодня к стенке уже не ставят.

– А жаль: другим было бы неповадно. Здесь, в Египте, кстати, смертная казнь до сих пор существует.

– Да, и распространяется на многие виды преступлений. Например, она грозит служащему отеля, который в прошлом месяце изнасиловал в Хургаде нашу туристку.

– И поделом ему, скотине. Кстати, об отелях. В Каире их около 160 – не думали над тем, в каком из них могла пройти встреча цэрэушников с нашей сволочью?

– Думал и пришел к выводу, что вряд ли эта встреча могла состояться в каком-нибудь захудалом месте: уровень не тот. Скорее всего, это крупный отель, где можно легко раствориться в толпе туристов.

– Я тоже так считаю. Наши информаторы в местных спецслужбах могут вывести нас на нечто существенное?

– Могут. Но и сирийские коллеги тоже обладают исчерпывающей информацией. Я на них даже больше рассчитываю.

– Почему?

– Египтяне за деньги «стучат», а сирийцы помогают нам по идейным соображениям. Уж больно сильно они американцев ненавидят за то, что те творят сегодня на Ближнем Востоке. А египтяне, наоборот, к ним сильно привязаны. Буквально из кожи вон лезут, участвуя в тайных операциях ЦРУ, прикрываясь тем, что ловят международных террористов. Все это расцвело пышным цветом при их шефе разведке Омаре Сулеймане, который сегодня еще и пост вице-президента занимает. А ведь он в свое время Академию Фрунзе в Москве заканчивал.

– Ну, это было давно, еще при царе Горохе, – усмехнулся Максимов и взглянул на часы.

Поймав этот взгляд, Грошев улыбнулся:

– Не волнуйтесь, Иван Ильич, не опоздаем. От этого минарета до места встречи я довезу вас за полчаса.

Однако он ошибся – ехать пришлось чуть дольше. Когда они вышли из мечети, проницательный Грошев обратил внимание, что на противоположной стороне улицы, у аптечного киоска, притулился черный «Мерседес» с затемненными стеклами. Этот же автомобиль он заметил час назад, когда они с Максимовым выходили из гостиницы.

– Кажется, за нами «хвост» приклеился, – усаживаясь в автомобиль, заметил Грошев.

– «Мухабарат» не дремлет, – не скрывая иронии, ответил Максимов. – Как будем отрываться?

– Есть одна идея, но придется слегка поднапрячься, – и Грошев тронул «Шевроле» с места.

К тому времени Каир уже зажил полноценной жизнью: со всех сторон слышались сигналы автомобилей, выкрики многочисленных продавцов и заунывные возгласы, доносящиеся с минаретов. Влившись в автомобильный поток, «Шевроле», ведомый Грошевым, вскоре остановился у заведения под вывеской «Arabic cafe».

– Это очень хороший кафетерий, – сообщил Максиму его напарник.

– Ты, наверное, забыл, Леонид, что у нас на кофе совершенно нет времени, даже на очень хороший.

– Я вовсе не кофе имел в виду, хотя оно здесь, действительно, отменное, а нечто другое. Впрочем, сейчас сами все поймете.

Зайдя на территорию заведения, которое в эти часы было заполнено посетителями лишь наполовину, Грошев приметил столик, который стоял на открытой террасе рядом с входом.

– Отсюда нас хорошо видно, что нам и требуется, – усаживаясь за стол, объяснил Грошев.

Заказав официанту две чашки кофе, он слегка наклонился к Максиму и произнес:

– Под словом «хороший» я имел в два выхода из этого заведения. Поэтому, Иван Ильич, вы пока поскучайте в одиночестве, а я на пару минут отлучусь.

Грошев поднялся и зашел внутрь кафетерия. Пока он отсутствовал, Максимов медленно тянул из чашечки пахучий арабский

кофе, который и в самом деле оказался отменного качества, и краем глаза наблюдал за черным «Мерседесом», припарковавшемся на противоположной стороне улицы, прямо напротив пункта обмена валюты.

Спустя несколько минут Грошев вернулся и, даже не притронувшись к своей чашке с кофе, попросил Максимова проследовать за ним. Зайдя внутрь кафетерия, они быстро миновали зал и кухню, после чего оказались на соседней улочке. Здесь их уже поджидало такси, за которым, как теперь понял Максимов, и отлучался его коллега. Усаживаясь в автомобиль, Максимов мысленно восхитился сообразительностью своего напарника: пока филеры будут «пасти» у входа их белоснежный «Шевроле», они спокойно уедут из поля их зрения. А за «Шевроле» можно было не волноваться: дипломатические номера надежно охраняли его от тех, кто мог на него покуситься.

Дорога до ресторана христианина Максуда заняла около пятнадцати минут. Пока они ехали, Максимов размышлял о превратностях судьбы, отразившейся на истории современных сирийских спецслужб, с одним из работников которых им сегодня предстояло встретиться. Свои азы спецслужбы Сирии постигали у нацистов, а именно у одного из руководителей СС Алоиза Брюннера, который трижды был приговорен французским судом к смертной казни, но в итоге сумел остаться живым. В 1954 году он сбежал из ФРГ, объявился в Дамаске и начал сотрудничать с сирийскими спецслужбами на правах консультанта. Долгие годы французские власти пытались добиться его экстрадиции, а израильская разведка «Моссад», не надеясь на выдачу, открыла на него настоящую охоту: несколько раз пыталась убить его с помощью заминированной почты. После двух таких взрывов Брюннер потерял глаз и лишился пальцев на одной руке, но все равно остался жив и продолжал свое дело – натаскивал сирийских разведчиков.

Еще одним учителем для сирийских спецслужб стал Египет. В феврале 1958 года две страны объединились, образовав Объединенную Арабскую Республику, просуществовавшую три года. В этот период сирийские спецслужбы перешли под контроль своих египетских коллег. И практически в эти же годы у сирийских спецслужб объявились еще одни наставники – советские КГБ и ГРУ, которые

помогали строить спецслужбы Египта, а заодно приложили руку и к строительству спецслужб Сирии. В результате этого наиболее сильными в структуре сирийских спецслужб оказались две структуры: Главное Управление Безопасности (Идарат аль-Амн аль-Амм) и Военная разведка (Шубат аль-Мухаббарат аль-Аскария). Человек, с которым предстояло сегодня встретиться Максимову, принадлежал к первому ведомству (к его отделу внешних операций), которое активно сотрудничало как с внешней российской разведкой, так и с ГРУ.

Ресторан Максуда был расположен неподалеку от Коптского музея и развалин римской крепости Вавилон. Отпустив такси примерно за квартал от нужного места, Максимов и Грошев оставшееся расстояние преодолели за несколько минут. Когда они вошли внутрь, там их встретил сам хозяин ресторана – седовласый старик в белой рубашке навыпуск. Узнав Грошева, он провел их на открытую веранду, где за одним из столиков уже сидел мужчина примерно одних лет с Максимовым, который помешивал трубочкой кубики льда в стакане апельсинового сока. Это и был заместитель резидента сирийской разведки в Каире Хафез Раджих.

К вящему удовольствию Максимова сириец очень хорошо говорил по-русски. Как выяснилось, его родной дядя был женат на русской женщине, которая заменила Хафезу мать: та умерла в сравнительно молодом возрасте. Именно вторая мама и способствовала приобщению племянника своего мужа к великому и могучему: сначала учила его сама, потом устроила в русскую школу. Раджих рассказал об этом с первых же минут общения, что сразу способствовало установлению доверительных отношений между участниками встречи.

Как только официант поставил на стол тарелки с дымящимся бараньим шашлыком и удалился, Раджих жестом пригласил русских коллег начать трапезу, а сам извлек из кармана рубашки фотографию и положил ее перед Максимовым. На фото был изображен коротко стриженный мужчина приблизительно пятидесяти лет с колючим взглядом из-под тонких бровей.

– Вам знаком этот человек? – спросил Раджих у Максимова.

Тот лишь пожал плечами: дескать, не припомню.

– Можно? – это уже Грошев попросил разрешения взять со стола фотографию и, взглянув на нее, мгновенно среагировал: – Это же Саймон Янг. Выдает себя за бизнесмена корпорации «Индастри

электроникс», хотя по нашим установочным данным является одним из заместителей ближневосточного резидента ЦРУ. Он довольно часто наведывается в Египет.

– Совершенно верно, – подтвердил слова своего русского коллеги Раджих. – По нашим сведениям, Янг является доверенным лицом замглавы ЦРУ Стивена Снайпса и координирует действия своего ведомства с турецкими спецслужбами и сирийскими повстанцами. Эти самые повстанцы, а на самом деле отпетые террористы, проходят обучение на одной из баз рядом с турецко-сирийской границей под началом турецких и американских инструкторов. После этого их должны забросить к нам в Сирию для разжигания гражданской войны и смещения Башара Асада.

– Если я вас правильно понимаю, уважаемый Хафез, именно этот человек может иметь прямое отношение к вербовке того человека, который нас интересует? – задал прямой вопрос Максимов.

– Да, это он.

– Уверены?

– Как говорят у вас в России, на сто пудов, – и гладко выбритое лицо Раджиха осенила улыбка.

– Изложите, если не трудно, свои аргументы.

Прежде чем ответить, Раджих с помощью ножа ловко «срезал» с шампура куски шашлыка в тарелку, после чего продолжил:

– У меня два веских аргумента. Первый: примерно с марта этого года Янг безвылазно находился в Турции, занимаясь тем, о чем я уже говорил. А в самом конце июня внезапно объявился здесь под видом бизнесмена «Индастри электроникс». Пробыл в Каире три-четыре дня, после чего опять уехал в Стамбул и больше здесь не объявлялся. Спрашивается, зачем приезжал? На мой взгляд, ответ очевиден: чтобы участвовать в вербовке вашего «крота». Из чего следует мой второй аргумент: вербовка такого агента, как ваш, не могла пройти мимо столь матерого и влиятельного разведчика, как Янг. Информация о Сирии сейчас интересует его больше всего.

– Ну что ж, убедительно, – согласился Максимов. – Но это только половина дела. Другая половина – попытаться отыскать в Каире следы этого «крота», чтобы установить его личность. Это возможно?

– Возможно, но придется потрудиться.

– Разве мы говорили, что боимся труда? – переглянулся с Грошевым Максимов. – Ради нашего общего дела мы готовы работать круглосуточно.

– Думаю, этого не понадобится – все решат деньги.

– Кого придется покупать?

– Охрану в отеле, где проходила вербовка, кого-то из тех, кто связан с системой видеонаблюдения.

– А вы что, знаете название этого отеля? – вилка с нанизанным шашлыком замерла возле рта Максимова.

– Догадываюсь. Дело в том, что Янг предпочитает останавливаться в одном и том же месте – отеле «Найл Хилтон», где отменные кальянные. Есть у него такая слабость. Живет на восьмом этаже. Там, а также на шестом этаже ЦРУ через подставных людей бронирует номера для конспиративных встреч со своими агентами. Мы знаем об этом от своего информатора в гостиничной службе.

– И много отелей в Каире находится под «колпаком» ЦРУ?

– Примерно два десятка.

– Так может...

– Может, Иван, но я полагаю, что начинать надо с «Найл Хилтона». Надо попытаться подкупить кого-то из охраны отеля, чтобы он предоставил нам запись с камер видеонаблюдения, установленных на шестом и восьмом этажах. Причем только за четыре дня – с 25 по 28 июня этого года, когда Янг находился в Каире.

– Не легче ли взломать эту систему с помощью IT-специалистов? – предложил Грошев.

– Мы думали об этом и пришли к выводу, что не легче. Дело в том, что в этом отеле используется не беспроводная, а кабельная технология, что усложняет нашу задачу. К тому же механизм защиты там, скорее всего, конструировали специалисты ЦРУ. Устройства для обнаружения и предотвращения атаки извне они установили на уровне сети и конкретного узла – видеоархива и сервера управления видеонаблюдением. Поэтому есть большая вероятность того, что, когда мы попытаемся осуществить взлом, наша попытка будет обнаружена. Тогда все всплывет наружу. Гораздо безопаснее второй вариант – проникновение в их систему не снаружи, а изнутри, с помощью «крота». Вариант, конечно, затратней по финансам и времени, но зато дает больший шанс не вспугнуть американцев раньше времени.

– Но почему вы думаете, что нужные нам записи американцы предусмотрительно не стерли? – предположил Максимов.

– Вполне допускаю. Хотя интуиция мне подсказывает, что они еще целы.

– Почему?

– У Янга сейчас слишком много работы в Турции. У вас это называется забот полон рот – так, кажется? Вот и в Каире он пробыл всего лишь четыре дня, после чего снова улетел. То есть сильно спешил. Вот я и предположил, что в подобной спешке ему могло быть не до записей на камерах видеонаблюдения.

Максимов мысленно восхитился оперативной смекалкой сирийского коллеги. «С таким опером шансы отыскать «крота» у нас увеличиваются многократно», – с удовлетворением подумал он, запивая шашлык терпким французским вином десятилетней выдержки.

– Какая сумма может понадобиться? – это уже Грошев вновь вступил в разговор, пользуясь тем, что Максимов взял короткую паузу.

– Вы же не первый день работаете в Каире и знаете, что египтян за дешево не купишь. Я думаю, речь должна идти о десятках тысяч долларов.

– Легенду для охраны подобрали? – не унимался Грошев.

– Мы представимся сотрудниками детективного агентства, которые охотятся... к примеру, за неким международным аферистом. Чтобы у нужного нам охранника не возникло лишних подозрений, закажем ему видеозаписи с нескольких разных этажей.

– Сколько человек вы намерены подключить к операции со своей стороны? – это уже снова Максимов.

– Много людей не понадобится – трех-четырех хватит. Думаю, и с вашей стороны можно обойтись таким же количеством. Но это должны быть проверенные люди и хорошие профессионалы.

– Других мы не держим, – улыбнулся Максимов и поднял бокал с вином, предлагая выпить за успех их совместного предприятия.

* * *

Москва, Лубянка, Федеральная Служба Безопасности.

Департамент контрразведывательных операций

Стоя у окна в своем кабинете, Федор Иванович Кондратьев взирал на вечернюю Москву. Глядя на фигурки прохожих, снующих по улице, он в который раз поймал себя на мысли, что миллионы москвичей в этот час торопятся домой и только он не разделяет этого естественного желания. После того как от онкологии умерла его супруга, ехать в опустевшую «трешку» на площади Восстания ему уже не слишком хотелось. Почти сорок лет они прожили с женой душа в душу, воспитали двух прекрасных детей и всегда гнали от себя мысли о том, что кому-то из них придется уйти раньше другого. Как и в большинстве счастливых семей, супруги Кондратьевы предполагали прожить вместе до глубокой старости и умереть в один день, а возможно, и час. Но в жизни подобное происходит не так уж и часто. Рак груди развился у жены Федора Ивановича столь стремительно, что она угасла за каких-то несколько месяцев. Ошеломленный супруг даже не успел опомниться – так быстро все произошло. Больше половины жизни он отдал службе в контрразведке, научился упреждать самые коварные замыслы и атаки противников, но вот способа, чтобы самому уберечься от ударов судьбы, найти так и не сумел.

С момента смерти жены единственными близкими людьми для Кондратьева остались сын и дочь, которые давно жили отдельно и навещались к своему родителю строго по выходным вместе с внуками. А в будние дни он вынужден был коротать вечера в гордом одиночестве, листая книги из своей обширной библиотеки, которую он собирал не одно десятилетие. В последние дни он перечитывал повесть «Сотников» Василя Быкова – одно из сильнейших литературных произведений, где речь шла о человеческом предательстве. Многие годы отработав в контрразведке, Кондратьев повидал множество предателей – этаких Рыбаков современного разлива. Хотя то предательство, которое описал в своей книге Быков, и то, что распространилось на просторах России сегодня, заметно разнились. В войну люди чаще всего становились предателями из-за страха за собственную жизнь, а в наши дни ими больше движет жадность. В обществе, где культ наживы стал доминирующим, именно деньги стали главным фактором человеческого предательства.

Мысли о презренном металле вернули Кондратьева к текущей работе, в частности напомнили ему о шифротелеграмме от Максимова, которая пришла около часа назад из российского посольства в Каире и теперь покоилась в папке на его столе.

«Центр.

Сегодняшняя встреча с заместителем резидента сирийской разведки Хафезом Раджихом оказалась плодотворной. Есть основания полагать, что совместными усилиями нашей и сирийской разведок нам удастся выйти на след «крота» – агента ЦРУ, завербованного в Каире. На первом этапе предполагается запустить процесс проверки каирских отелей, где часть номеров арендована ЦРУ. Начать решено с отеля «Найл Хилтон» – места, где чаще всего останавливается заместитель ближневосточного резидента ЦРУ Саймон Янг, который, по нашим данным, может быть наиболее вероятным организатором вербовки. Учитывая, что вот уже несколько месяцев он безвылазно находился в Турции, где занимался подготовкой боевиков для заброски их в Сирию, его появление в Каире всего на четыре дня (25–28 июня с. г.) дает основание предполагать, что вызвано это было важными обстоятельствами, а именно участием в вербовке «крота».

Согласно предложенной нашими сирийскими коллегами схеме, предполагается выйти на Службу безопасности отеля (на одного из ее сотрудников), с тем чтобы при помощи денежного подкупа заполучить записи с камер видеонаблюдения, установленных на тех этажах, где расположены номера, принадлежащие ЦРУ. Для проведения данного этапа операции потребуется финансовая помощь в размере 40–50 тысяч долларов США.

Максимов».

В этот миг в дверь генеральского кабинета постучали, после чего на пороге возник Глеб Сергеевич Жмых, который вот уже больше суток в поте лица трудился над весьма непростой проблемой:

устанавливал круг лиц, из которых потом предстояло вычислить того самого «крота», завербованного в Каире. Трудился Жмых, естественно, не в одиночку, а при активном посредничестве сотрудников своего отдела, а также других смежных подразделений Департамента контрразведывательных операций. И, как понял Кондратьев, заметив лукавую улыбку, блуждающую по губам позднего гостя, кое-каких успехов ему, видимо, достичь удалось.

– Чем порадуете, Глеб Сергеич? – жестом приглашая гостя сесть за стол, спросил хозяин кабинета.

– Поводов для большой радости пока еще нет, все-таки времени прошло не очень много, но кое-что уже обрисовывается, – Жмых присел на стул, положив перед собой папку с документами. – Начну с самого начала. По запрошенным нами данным, из пяти различных ведомств, сотрудники которых могут иметь доступ к информации о нашем военном и экономическом сотрудничестве с Сирией, – речь идет о Министерстве иностранных дел России, Министерстве обороны, объединении «Гособоронэкс» и двух наших конторах – внешней разведке и ФСБ – пришли данные о тех сотрудниках, которые в интересующий нас период времени – июнь текущего года – выезжали по разным поводам за границу. Под поводами имеются в виду служебные командировки и отпуск непосредственно в Египет и прилегающие к нему страны. В общей сложности у нас получился список из 23 человек. Это первое.

Второе: мы вычленили из этого списка тех людей, которые в этом июне выезжали именно в Египет. Таковых оказалось пятеро. – Жмых раскрыл лежащую перед ним папку и продолжил свой доклад, обращаясь уже к документам. – Под первым номером у нас идет один из заместителей Департамента вооружений Министерства обороны – эта структура отвечает за подготовку и реализацию программ и планов военно-технического сотрудничества с иностранными государствами по вопросам разработки испытаний, производства и поставок вооружений и военной техники – Георгий Семенович Росляков, 1955 года рождения. В столице Египта Каире он находился в служебной командировке: утрясал проблему с поставками в эту страну наших зенитно-ракетных комплексов «Печора 2М» и «ТорМ1». Период его командировки длился почти две недели – с 16 до 28 июня. Поскольку

мы не знаем точных данных относительно времени вербовки «крота»...

– А вот здесь вы ошибаетесь, Глеб Сергеевич, – прервал речь докладчика Кондратьев и протянул ему шифротелеграмму от Максимова.

Прочитав документ, Жмых вернул его обратно, сопроводив это вполне резонным выводом:

– Значит, Георгий Семенович Росляков вполне может быть тем самым «кротом», которого мы ищем. Но в таком случае таковым не суждено будет стать другой персоне из нашего списка – Игорю Нугзаровичу Кучилаве, 1961 года рождения, сотруднику того же Министерства обороны, который находился в Египте в служебной командировке в период с 3 по 18 июня. Жил опять же непосредственно в Каире. Он проходит в нашем списке под номером два.

В разговоре возникла пауза, которая понадобилась Кондратьеву, чтобы обдумать только что услышанное. Наконец он произнес:

– Ну что же, пока будем исходить из версии, предложенной Иваном Ильичом, и вашего Нугзаровича из числа подозреваемых временно исключим. Но, даст бог, версия Максимова окажется правильной.

– Мне тоже так кажется, – согласился Жмых. – Все-таки Иван Ильич не зря ест египетский хлеб.

– Думаю, в основном он налегает на шаверму и кюфту, о которых перед поездкой имел удовольствие вспоминать в разговоре со мной. Вы помните кюфту, Глеб Сергеич, эти аппетитные, обжаренные на решетке котлеты?

– Побойтесь бога, Федор Иванович, – буквально взмолился Жмых. – Из-за свалившегося на меня объема работы я сегодня даже пообедать толком не сумел, а вы заводите речь о египетской кюфте.

– Уговорили – убоюсь, – улыбнулся Кондратьев, жестом приглашая продолжать доклад.

Жмых ждать себя не заставил:

– Под номером три в нашем списке значится Юлия Андреевна Жолташ, 1976 года рождения.

– Жолташ? Мне кажется, эту фамилию я уже когда-то слышал.

– Если слышали, то речь идет об ее отце – Андрее Кузьмиче Жолташе, генерале армии, бывшем заместителе министра обороны

СССР. Сегодня ему за девяносто, он фактически инвалид – большую часть времени проводит в больницах. Вот и сейчас лежит в Главном военном клиническом госпитале Минобороны в Лефортово.

– Он генерал какого рода войск?

– Авиации. Кстати, именно он и устроил свою дочь в «Гособоронэкс», который занимается поставками российского вооружения и техники за границу, в том числе и в Сирию. Трудится она там в должности старшего сотрудника. В Египет выезжала в отпуск, находясь там две недели – с 16 по 30 июня. Жила в Хургаде, это примерно в шести часах езды от Каира, между городами курсируют туристические автобусы. Ездила одна, поскольку не замужем и бездетна.

– В отпуск можно ездить не только с мужем или детьми, но еще с подругой или, на худой конец, с любовником, – заметил Кондратьев.

– Сведениями об этих людях мы на данный момент не располагаем, но работа в этом направлении ведется. Я тоже полагаю, что это действительно несколько странно – ездить в Египет одной.

– Если предположить, что именно Жолташ может быть «кротом», то это очень удобно, лишние свидетели в этом деле ни к чему. Что из себя представляет эта Жолташ? У вас есть ее фотография или видеозапись?

– Пока только фотография из личного дела, – Жмых достал из папки карточку и передал Кондратьеву.

– Эффектная женщина, – внимательно рассмотрев изображенную на фото даму, оценил ее Кондратьев. – Такой особе в Египте, да еще одной, местные плэйбои прохода не дадут.

– А может, она как раз и ездила туда, чтобы поохотиться на местных плэйбоев? Сейчас это достаточно распространено среди женщин ее возраста – секс-туризм называется.

– Ну что ж, именно это нам с вами, Глеб Сергеевич, и предстоит выяснить – чем она занималась в Египте: секс-туризмом или туризмом со шпионским уклоном.

– А вдруг это тупиковый путь?

– То есть?

– Не уведет ли нас эта Жолташ в сторону, ведь наши китайские коллеги в своем письме упоминали некоего российского гражданина, а не гражданку?

– Я думаю, что китайские товарищи не располагают точными данными о половой принадлежности «крота» и пишут о нем обобщенно, как о гражданине. Так что Жолташ в любом случае следует проверить. Кто у вас следующий по списку?

– Под номером четыре у нас значится Евгений Андреевич Безымянный, 1956 года рождения, работник Министерства иностранных дел России, его Департамента Ближнего Востока и Северной Африки. В Египте был в служебной командировке: участвовал в конференции по проблемам энергетической безопасности. Сроки командировки – с 19 по 29 июня.

– Вы забыли упомянуть, где проходила конференция.

– Извините, Федор Иванович, в Каире.

– Спасибо, продолжайте.

– Под номером пять в списке фигурирует наш коллега – сотрудник Службы внешней разведки Юрий Матвеевич Зорькин, 1978 года рождения. Работник отдела стран Ближнего Востока. Был в Египте на отдыхе с 11 по 25 июня, проживал в Шарм-эль-Шейхе. Это около семи часов езды от Каира. Причем жил не один, а со своей супругой – Зорькиной Екатериной Петровной, 1989 года рождения.

– Давно Зорькин работает в «лесу»?

– С 1995 года. По службе характеризуется положительно по всем направлениям.

– Очень не хотелось бы, чтобы «кротом» оказался наш с вами коллега.

– Согласен, Федор Иванович. Лично я меньше всего склонен подозревать этого парня. Да и по срокам не очень стыкуется – он уехал на родину 25 июня, то есть буквально в тот самый день, когда в Каире, как явствует из шифровки Максимова, объявился Янг.

– Значит, надо выяснить поминутно, когда именно он покинул Египет. Кроме этого, надо установить, ездили ли наши подопечные на экскурсии в Каир. Если это, конечно, возможно. И еще. Когда у нас будет следующий сеанс радиосвязи из Франкфурта?

– В последний раз они выходили в эфир в ночь с воскресенья на понедельник, значит, теперь выйдут через пять дней, в ночь с пятницы на субботу.

– Надо проследить, где в это время будут находиться наши подопечные.

- Сделаем.
- Сколько вы сказали у вас человек в общем списке?
- Двадцать три.
- С вычетом пятерых остается восемнадцать. Как я понял, это люди, которые в июне выезжали за границу, но не в Египет, а в сопредельные страны, но под разными предлогами могли оказаться также и в Египте? Значит, надо проверить эту возможность, особенно уделив внимание тем людям, которые выезжали в страны, ближе всего расположенные к Египту и именно в те сроки, о которых идет речь в телеграмме Максимова.
- Сделаем, Федор Иванович.
- Но в любом случае этих людей мы с вами припасем на потом. Главное сейчас – проверка тех «египтян», о которых вы мне только что рассказали.

* * *

***Египет, город Каир.
Госпиталь в Исламском районе***

Исмаил Фахми и его жена Залика приехали в госпиталь в Исламском Каире более часа назад и все это время с замиранием сердца ждали новостей от хирурга Фансани Камеля, который колдовал с их трехлетней дочерью Азенет. Девочка потеряла сознание прямо за обеденным столом у себя дома, родители немедленно привезли ее в госпиталь, где им сообщили, что у малышки серьезные проблемы с сердцем. Какие именно не сообщили, но пообещали сделать это, как только будет снята кардиограмма и выполнены все необходимые процедуры. И теперь убитые горем родители Азенет, для которых все происшедшее явилось громом среди ясного неба, не сводили глаз с дверей, за которыми час назад скрылся хирург. Им уже начало казаться, что ожидание длится целую вечность.

Наконец двери отворились и на пороге вновь возникла плотная фигура Фансани Камеля, облаченного в голубой халат. Супруги почти одновременно встали со своих мест и сделали несколько шагов навстречу доктору. Тот жестом попросил их оставаться на месте и

быстрым шагом преодолел то расстояние, которое отделяло его от супругов. Лицо его выглядело озабоченным, что не сулило ничего хорошего подавленным от свалившегося на них горя родителям. Чтобы не разрыдаться, мать девочки уткнулась носом в мокрый от слез платок, а отец с трудом проглотил застрявший у него в горле комок. Первая же фраза врача подтвердила самые худшие предположения родителей:

— Положение малышки серьезное: мы обнаружили у нее совмещение порока сердца и аритмии. Это достаточно редкое заболевание, которое мы в нашем госпитале не беремся оперировать. Слишком велики шансы на отрицательный исход.

Услышав эти слова, мать девочки перестала себя сдерживать и разрыдалась в полный голос. Зато отец, как и подобает главе семейства, продолжал сохранять хладнокровие и задал врачу вполне естественный вопрос:

— Что же нам делать, доктор?

— Попробовать прооперировать малютку в другой клинике. Я бы советовал вам выбрать Международный госпиталь, где работает прекрасная бригада кардиохирургов из Великобритании. Правда, за такую операцию придется заплатить.

— Сколько?

— Я думаю, сама операция и последующая реабилитация может обойтись вам примерно в сорок тысяч долларов.

— Но у нас нет таких денег.

— А какая у вас страховка? — поинтересовался Камель.

— Ограниченная медицинская, — последовал ответ.

— Да, с ней действительно далеко не уедешь, она покроет лишь незначительную часть необходимых расходов. Но это единственное, что я могу вам предложить. Если вашу малютку оперировать в нашей или любой другой клинике, шансы на то, что она выживет, крайне малы. Здесь нужны руки профессионалов. Повторяю: у вашей дочери очень редкое заболевание — совмещение порока сердца и аритмии, поэтому понадобится делать не одну, а сразу две операции. Мой совет: постарайтесь найти деньги, а малютка пока несколько дней может полежать у нас. Но в любом случае вам надо поторопиться.

Когда врач удалился в ординаторскую, Залика оторвала лицо от платка и с болью во взгляде посмотрела на мужа:

– Где же мы найдем столько денег?

– Не знаю, – пожал плечами Исмаил. – Но я знаю другое: найти их обязан именно я. Иначе зачем мы тогда назвали нашу девочку таким именем?

Имя Азенет переводилось с египетского «Она принадлежит отцу».

Усадив жену в такси и отправив ее домой, где у них остались двое старших детей – семилетний сын и шестилетняя дочь, – Исмаил уселся за руль своего подержанного «Рено» и отправился в отель «Найл Хилтон», где он вот уже пять лет работал в службе охраны. В вестибюле гостиницы он столкнулся с одним из портье – весельчаком Ахмедом, с которым они дружили фактически с момента устройства сюда Исмаила. Увидев, что его приятель чем-то серьезно озабочен, портье не стал по привычке шутить, ограничившись коротким вопросом «В чем дело?». Исмаил в двух словах обрисовал ему ситуацию, в какую угодила его семья. Он не искал помощи у приятеля, прекрасно зная, что у того нет тех денег, которые ему необходимо собрать, но ему была нужна хотя бы моральная поддержка, которую он тут же и получил:

– Ты знаешь, Исмаил, я не богат, но пару-тройку тысяч долларов я могу для тебя найти. Так что обращайся в любой день и час.

В знак благодарности Исмаил обнял друга прямо тут же, посреди гостиничного вестибюля. После чего отправился в кабинет начальника охраны – Рашида эль-Сайеда.

На счастье начальник находился в кабинете один, хотя в это время суток у него обычно всегда толкались посетители. Сидя в кресле и потягивая из трубочки манговый сок, эль-Сайед смотрел телевизор: там шел какой-то гонконгский боевик с непременной стрельбой из всех возможных видов оружия и рукопашными схватками. За шумом очередной перестрелки начальник не услышал, как дверь его кабинета открылась и на пороге возникла фигура Исмаила Фахми.

– Добрый день, начальник, – поздоровался с хозяином кабинета непрошенный гость, не решаясь пройти к столу.

– А, это ты? – на секунду оторвавшись от экрана, произнес начальник, после чего жестом пригласил гостя присесть в кресло, стоявшее напротив стола. А сам вновь уставился в экран.

Исмаил сел и в течение нескольких минут молчал, не решаясь беспокоить своего босса: на экране герои фильма схлестнулись в

безжалостном рукопашном поединке. Наконец, когда он закончился, эль-Сайед вновь обратил свой взор на гостя:

– Зачем пришел, у тебя же сегодня выходной?

– С бедой пришел, господин эль-Сайед. Наша младшая дочь сегодня попала в больницу, у нее серьезные проблемы с сердцем. Нужна срочная операция в Международном госпитале.

– Почему там, мало у нас клиник в Каире? – искренне удивился начальник.

– Я же говорю, что ситуация серьезная и врачи ближайшей от нас клиники не берутся делать такую операцию. Говорят, что там не одна операция нужна, а целых две. Редкое заболевание – порок сердца и аритмия.

– То есть наши врачи умыли руки и послали тебя прямиком к иностранным эскулапам? А ты знаешь, сколько стоят их услуги?

– Знаю – около сорока тысяч долларов.

– И ты пришел просить эти деньги у меня?

– Не у вас лично: я же понимаю, что у вас таких денег нет. Но, может быть, вы согласитесь стать посредником и поможете мне выбить эту сумму из нашего головного офиса.

Эль-Сайед поставил на стол стакан с недопитым соком и, забыв про телевизор, развернулся в кресле лицом к гостю.

– Мне очень жаль твою дочь, Исмаил, но я ничем не могу тебе помочь. Названная тобой сумма – это очень большие деньги. И даже мое посредничество не поможет тебе их раздобыть.

– Почему?

– Потому что в головном офисе прекрасно знают твою зарплату и отдадут себе отчет, что ты сможешь вернуть эти деньги разве что через несколько лет. А кто согласится ждать столько времени при нашей нынешней нестабильной ситуации в стране?

– Я попытаюсь найти их как можно быстрее. Главное сейчас – это спасти нашу дочь.

– Это все отговорки, Исмаил. Повторяю: мне очень жаль малышку, но я не могу быть твоим посредником, заранее зная, что эта затея обречена на провал. Никто не захочет вытащить из бизнеса сорок тысяч долларов, чтобы помочь рядовому охраннику. Не будь слишком наивным.

– Что же мне делать, ведь счет идет на часы?

– Не знаю, Исмаил, – всплеснул руками эль-Сайед. – Хотя постой. Почему бы тебе не съездить в тот самый Международный госпиталь, куда тебя отправили, и уже там попытаться договориться с врачами. Вдруг у твоей малышки есть шанс попасть на бесплатную операцию?

Уже спустя полчаса Исмаил был в упомянутом госпитале и встретился с одним из кардиохирургов. Вернее, с одной – это была средних лет женщина-англичанка, прекрасно говорящая как на английском, так и на арабском языках. Но и она лишь развела руками:

– Ваша страховка действительно покрывает лишь незначительную часть расходов на операцию и последующую реабилитацию. Что касается бесплатных квот, то их всего четыре и все они уже распределены между больными. Если бы вы пришли чуть раньше...

– Но я не мог раньше: беда случилась с моей дочерью только сегодня.

– Сочувствую вам, но выделение новых квот – не моя компетенция. А начальник госпиталя сейчас в отъезде – будет в Каире только через неделю. Может быть, вам все-таки решится на операцию в том госпитале, где лежит ваша дочь? Другого выхода у вас нет.

Последние слова доктора занозой вонзились в сознание Исмаила и не отпускали его всю дорогу до автомобиля, оставленного им на стоянке у госпиталя. Но даже в салоне, когда он плотно закрыл дверцу и уронил голову на руки, обхватившие руль, эти слова продолжали пульсировать в его мозгу: «Другого выхода у вас нет... Другого выхода у вас нет... Другого...».

– Уважаемый Исмаил Фахми? – раздался над самым ухом убитого горем отца мужской баритон.

Исмаил поднял голову и увидел возле автомобиля крепко сложенного мужчину с уже тронутыми сединой висками.

– Да, это я. А в чем дело?

– Вы разрешите мне занять место в вашем «Рено» и объяснить вам причину моего появления?

Вместо ответа Исмаил дотянулся до противоположной дверцы и сам открыл ее нажатием ручки. Незнакомец обошел автомобиль и спустя несколько секунд уже сидел в кресле рядом с водителем. Это был заместитель резидента сирийской разведки в Каире Хафез Раджих, однако Исмаилу он представился другим именем – Мохаммед.

– Я слышал, что приключилась беда с вашей младшей дочерью: ей нужна дорогостоящая операция?

– Да, а откуда вы об этом узнали? Вы врач?

– Я частный детектив, – соврал Раджих. О беде, свалившейся на Исмаила Фахми, он узнал от своего осведомителя в отеле – того самого весельчака Ахмеда, однако сообщать об этом своему собеседнику, естественно, не стал. Впрочем, тот этим и не интересовался, занятый совершенно другими мыслями.

– Тогда причем здесь моя дочь? Ей нужна помощь профессиональных медиков, а не частных детективов.

– Я полагаю, что ей сейчас важна помощь любого человека, который сможет раздобыть сорок тысяч долларов.

– Вы хотите сказать...

– Да, вы угадали: у меня есть необходимые деньги, чтобы оплатить операцию вашей дочери.

– Вы шутите?

– Я, по-вашему, похож на шутника? Мне всегда казалось, что моя внешность располагает к другим оценкам.

– Я не это хотел сказать... – от волнения голос Исмаила сделался сиплым и ему даже пришлось прокашляться. – Так вы можете дать мне сорок тысяч долларов?

– Я могу их вам предложить в обмен на услугу.

– И эта услуга стоит сорок тысяч долларов?

– На мой взгляд, она стоит гораздо дороже, но я решил сэкономить. Мне кажется, вы сейчас в таком состоянии, что торговаться вряд ли станете.

– Спасибо за откровенность. Так в чем заключается эта услуга?

– Она имеет под собой служебную подоплеку. Я уже говорил, что представляю одно частное детективное агентство. Вот уже в течение нескольких месяцев мы разыскиваем одного мошенника, который обчистил всеми уважаемого бизнесмена. Фамилию последнего я вам называть не буду: это конфиденциальная информация. Так вот некоторое время назад он останавливался в том самом отеле, в котором имеете счастье работать вы. Я имею в виду «Найл Хилтон». И там он имел встречу с неким господином, с которым они разработали и осуществили упомянутую мною аферу. Чтобы изобличить их, нам

необходимо раздобыть документальное подтверждение этой встречи, а именно видеозапись, на которой они были бы запечатлены вместе.

– А почему вы не обратитесь в полицию?

– Такова просьба нашего клиента. К тому же, если бы мы пошли законным путем, я бы с вами здесь не сидел и необходимых вам денег не предлагал. И, значит, судьба вашей дочери оказалась бы не завидной.

Напоминание о смертельно больной малышке вернуло Исмаила к реальности.

– Вы хотите, чтобы именно я раздобыл для вас эту видеозапись?

– Почему бы и нет, если все так удачно сошлось: вам до зарезу нужны деньги, а нам – эта запись? Тем более что раздобыть ее для вас не составляет большого труда: вы ведь работаете в охране в качестве оператора видеосвязи?

– Да, обслуживаю систему видеонаблюдения в отеле.

– Кстати, сколько времени хранятся на ваших видеорегистраторах записи?

– Три месяца.

– Значит, записи, которые запечатлены в конце июня, еще сохранились?

– Да, они автоматически будут стерты в конце этого месяца.

– Найти их легко?

– Естественно. Все записывается на жесткий диск, файлы автоматически располагаются по папкам: одна папка – одна дата.

– Качество у записей хорошее?

– Отменное, четыре года назад в отеле заменили всю видеоаппаратуру на более современную.

– Кто заменял, американцы из «Индастри электроникс»?

– Нет, из «Электролайт компани». Но сделали все окей: мегапиксельные IP-камеры, эшелонированная система защиты от несанкционированного проникновения извне и многое другое.

– Я так и думал.

– Что думали?

– Что американцы сделали все на славу. Но вернемся непосредственно к самим записям. Нас интересуют записи в коридорах и фойе.

– В фойе стоят длиннофокусные камеры с узким углом обзора и высоким расширением, а в коридорах – черно-белые узкообзорные камеры, которые дают лучшую картинку даже при слабой освещенности, то есть при полумраке.

– И какие именно участки фиксируют последние?

– В коридоре? Вход на лестничную площадку, в лифт и все двери номеров.

– Лица посетителей хорошо фиксируются?

– Более чем.

– Ну что же, нас это вполне устраивает.

– В таком случае, когда я смогу получить деньги?

– Как только вы передадите нам записи. Как говорится, все в ваших руках.

– Завтра утром я заступаю на дежурство и могу найти повод зайти в наш видеоархив.

– Это никого не насторожит?

– Не должно, я же постоянно работаю с видеосистемами. И ваши файлы собираюсь скачать ночью – в самое удобное для этого время. Что конкретно вас интересует?

– Записи с пятого, шестого и восьмого этажей, а также из фойе первого этажа. Датировка – 25–28 июня. Нас интересуют записи с камер, которые установлены в коридорах. Нам надо засечь наших подопечных, вместе входящими в конкретные номера. Это даст нам повод считать их сообщниками.

– Хорошо, я скачаю эти записи на флэш-карту. Сумму вы уже назвали – сорок тысяч долларов. Как я вас найду?

– Не волнуйтесь, мы заинтересованы в вас так же, как и вы в нас. Поэтому мы сами найдем способ связаться с вами.

– В таком случае я сейчас же вернусь в госпиталь и договорюсь о том, чтобы мою дочь оформили в качестве пациентки. Правда, я боюсь, что речь может пойти о первоначальном взносе. Если это случится, я могу рассчитывать на какой-нибудь аванс?

– Я думаю, авансом может послужить та часть денег, которую гарантирует ваша страховка. Но если этого будет не достаточно, то мы можем выплатить вам в качестве аванса... например, десять тысяч долларов.

Вместо слов благодарности Исмаил протянул своему собеседнику раскрытую для рукопожатия ладонь.

* * *

Турция, провинция Хатай.

Военный лагерь Сирийской Свободной Армии

Занесенную над ним руку с ножом Саймон Янг отбил одним коротким ударом ладони, после чего провел болевой прием против нападавшего: заломил ему руку и выбил на землю нож. Одновременно с этим он нанес удар ногой второму нападавшему на него противнику, попав тому точно в пах. Согнувшись пополам, нападавший упал на землю. Туда же отправился и второй противник Янга, ранее замахнувшийся на него ножом, — он был сбит с ног ударом ребра ладони по шее. Схватка длилась всего лишь несколько секунд и проводилась под взглядами двух десятков наемников, прибывших несколько дней назад в военный лагерь Сирийской Свободной Армии в турецкой провинции Хатай на границе с Сирией.

Показав наемникам свое мастерство, Янг разрешил инструкторам продолжать занятия, а сам отправился в гостевой домик для высшего состава. Зайдя в него, он лег на узенький диван и, вытянувшись на нем в полный рост, поймал себя на мысли, что он вот уже вторые сутки не может полноценно отдохнуть — спит урывками, ест второпях. Все это время ему приходится курсировать между Аданом, где вблизи американской военно-воздушной базы Инджирлик располагался секретный командный центр, и военными лагерями, размещенными на турецко-сирийской границе, и координировать деятельность различных структур, начиная от военных и заканчивая спецслужбами. Работы было невпроворот. Поскольку именно ЦРУ отвечало за то, чтобы оружие, которое поставлялось Сирийской Свободной Армии из армейских запасов Саудовской Аравии, не смогло попасть в руки боевиков «Аль-Каиды», Янгу приходилось процеживать сквозь сито проверки десятки имен полевых командиров и их помощников. Все эти Мохаммеды, Ахмеды, Саиды и Мубараки перемешались в его голове настолько сильно, что ему стало казаться, будто он и сам стал

мусульманином. Хотя в нем было намешано множество кровей – еврейская, немецкая, голландская и даже шотландская, но мусульманской не было ни капли. Между тем подобные мысли его уже однажды посещали. В середине 80-х он по линии ЦРУ работал в Афганистане с моджахедами и в течение нескольких месяцев жил в их среде, даже бороду отпустил и выучил не один десяток сур из Корана. Моджахеда прозвали его Муатабаром – надежным человеком. Сирийцы пока его никак не окрестили, обращаясь вполне официально – мистер Янг, но если дело и дальше так пойдет, то появление нового мусульманского имени не заставит себя долго ждать.

Последние сутки Янг провел практически на ногах, успев не только утрясти вопросы о поставках оружия, но и показать азы мастерства инструкторам рукопашного боя и даже поучаствовать в допросе с пристрастием, на который он сам и напросился. Его турецкие коллеги из военной разведки схватили пятерых заговорщиков из МИТа, внешней разведки Турции, которые в конце августа похитили из лагеря на границе с Сирией основателя Свободной сирийской армии полковника Хусейна Хармуша и продали его людям Асада за 100 тысяч долларов. Пару недель назад разведчиков-коммерсантов схватили и подвергли жестоким допросам. Янг напросился на эти экзекуции не ради праздного любопытства – ему требовалось узнать, кто именно из сирийской разведки участвовал в этой операции, каким образом они вышли на турок. Увы, но арестованные ничего ценного сообщить не могли, поскольку канал связи был односторонним: сирийцы сами их нашли, предложили деньги и никаких имен или явок не называли. Добыть же информацию о том, кто именно помог сирийцам выйти на турок, тоже не удалось: арестованные и этого не знали. Хотя пытали их заплочных дел мастера.

Одного из них Янг привел с собой – земляка-американца Роберта (или Бобби) Дьюка, с которым познакомился несколько лет назад в Ираке, в тюрьме Абу-Грейб, где ЦРУ проводили пытки над арестованными иракскими оппозиционерами. Дьюк приехал туда как сотрудник охранной фирмы ветеранов спецслужб «Bloodwater», которая сотрудничала с ЦРУ и оказывала активную помощь американской армии в поимке членов иракского сопротивления. Дьюк прославился тем, что лучше других палачей умел «развязывать языки» пленным, совершая над ними жестокие пытки. Однако в этот раз даже

ему не удалось «разговорить» арестованных митовцев, они бы и рады были рассказать что-то стоящее, но, увы, никакой ценной информацией не располагали.

Лежа на диване, Янг на какое-то время забылся неглубоким сном. Но длился он недолго. Спустя несколько минут дверь в гостевой домик с шумом распахнулась и на пороге нарисовалась плотная фигура напарника Янга – сотрудника ЦРУ Терри Савеласа. Он бросил коллеге на грудь лист бумаги с отпечатанной на нем шифротелеграммой, а сам прошел к холодильнику и достал из него банку с пивом, с шумом откупорил ее и, усевшись на угол стола, стал делать судорожные глотки.

Янг присел на диване и уткнулся в текст шифровки. В ней сообщалось, что западногерманский корабль-шпион, напичканный электроникой и курсирующий в Средиземном море рядом с берегами Сирии, засек передвижение правительственных войск Асада, которые двинулись из Дамаска в Алеппо. Здесь же сообщалось, что два десантных корабля русских передислоцировались ближе к своей военной базе в Тартусе. На этих кораблях было 400 морских пехотинцев и два десятка единиц бронетехники.

Прочитав шифровку, Янг аккуратно свернул лист вчетверо и спрятал его в нагрудный карман рубашки. После чего встал и тоже достал из холодильника банку пива. Аккуратно открыл ее, сделал пару коротких глотков и только потом прокомментировал прочитанное:

– Конфликт разгорается.

– Тебя это радует? – удивился Савелас.

– Люблю воевать. Знаешь, как здесь, на Востоке, смотрят на предназначение мужчины? Он должен делать четыре вещи: охотиться на мясо, есть мясо, скакать на мясе и втыкать мясо в мясо. Нам досталось охотиться на мясо.

– По мне лучше было бы втыкать мясо в мясо.

– Не спорю – тоже приятное занятие. Но женщины даются мужчине в награду за его боевые заслуги.

Допив пиво, Янг бросил пустую банку в корзину для мусора и вернулся на диван. Откинувшись на его спинку, он с блаженством произнес:

– Русские втягиваются в войну, а это значит, что охота обещает быть чрезвычайно интересной.

– С чего ты решил, что они втягиваются? Два десантных корабля у берегов Сирии еще ни о чем не говорят.

– Поверь мне, двумя кораблями дело не ограничится. К ним на подмогу скоро придут еще несколько, на борту которых будет не одна сотня морских пехотинцев и не один десяток единиц бронетехники. Кроме этого, Москва увеличит число своих военных специалистов в Сирии, в том числе и по нашей линии – разведывательной.

– Ты знаешь больше, чем корабль-шпион, – усмехнулся Савелас.

Янг никак не отреагировал на эту реплику, хотя ему очень хотелось. Но он действительно знал больше, чем все корабли-шпионы, бороздящие сейчас воды рядом с Сирией, и все самолеты-беспилотники, летающие в небе над ней. Почти три месяца назад он провел в Каире успешную вербовку русского «крота», который теперь слал в Лэнгли столь конфиденциальную информацию из Москвы, что она одна стоила десятков, а то и сотен других разведывательных сообщений. Рассказывать об этом своему коллеге Янг не мог, поскольку знать о существовании ценного агента имел право лишь ограниченный круг людей – руководители ЦРУ и он, Саймон Янг, который, собственно, и завербовал этого «крота». Он же придумал ему и оперативный псевдоним – Фараон, хотя это и не принято – присваивать агентам имена, могущие дать хоть какую-то зацепку противнику в деле его агентурной расшифровки (а в этом псевдониме ясно слышалась привязка к месту вербовки). Но Янг был уверен, что русским никогда не удастся подобраться к его агенту ни с какой стороны, поэтому пошел на этот риск без зазрения совести.

– И все же я сомневаюсь, что русским нужна эта война, – продолжал вслух размышлять Савелас. – Во-первых, это уже не та Россия, что была при Советах. Во-вторых, зачем им ввязываться в большую драку из-за крошечной военной базы в Тартусе? Думаю, что они блефуют.

– Ты забыл, что эта крошечная база у них – единственный разведывательный пункт в Ближневосточном регионе. Был еще один, на Кубе, в Лурдесе, но русские его, как тебе известно, демонтировали. А этот до сих пор стоит и приносит им огромную пользу. Не зря же они его полностью модернизировали современной аппаратурой. Так что Сирия для них – последний бастион на Ближнем Востоке. И они будут стоять за нее насмерть, поскольку понимают: дальше отступать

некуда. Ливию они сдали, а за Сирию будут биться с отчаянием загнанного в угол льва. Хотя, не скрою, шансов победить у них слишком мало: в этой охоте со щитом должны быть хорошие парни, вроде нас.

– Хорошо, что ты вспомнил Ливию, Саймон. Согласись, но сирийская ситуация выглядит гораздо хуже ливийской. Свободная сирийская армия – это не Объединенный национальный совет в Ливии – это, скорее, неорганизованный фронт, с которым много придется повозиться, прежде чем будет результат. Если он вообще будет.

– Ты не веришь в наши возможности?

– Я слабо верю в сирийскую оппозицию. Да, ее можно вооружить с помощью Катара и Саудовской Аравии, но найдется ли у нее достаточное количество солдат, которые сумеют противостоять армии Асада, – вот в чем вопрос. Даже география против оппозиции: в Сирии низкие горы, сухие степи и пустыни, перекрывающие пути отступления. Ей будет очень сложно воевать против хорошо отмотилизованной армии Асада.

– Значит, такие как мы с тобой, будут ее этой науке обучать. Другого варианта у нас нет. Либо мы свернем шею Асаду, либо это сделает «Аль Каида», и тогда это обернется для нас еще большими потерями.

Янг встал с дивана и прошел в туалетную комнату: давала о себе знать только что опорожненная им банка пива. Однако дверь он оставил открытой, чтобы не прерывать разговора с коллегой.

– Мы эту битву ни за что не проиграем, – продолжал вещать Янг. – Мы просто не имеем права на такую роскошь. На нашей стороне пол-Европы, ведущие страны Ближнего Востока. Да, ты прав: сирийская оппозиция не столь сильна и сплоченна, как ливийская. Но мы поможем ей оружием, техникой, своими советами. Главное для нее сейчас – закрепиться в Сирии. Взять штурмом какой-нибудь крупный город, вроде Алеппо, провозгласить его свободной революционной территорией, как это было в ливийском Бенгази, и разместить там сирийское свободное правительство. После этого полдела будет сделано: они запросят от того же НАТО военную поддержку, которую блок им немедленно предоставит. Не забывай, что Турция, в которой мы с тобой сейчас находимся, непосредственно входит в этот блок.

– Этот план хорош, но пока не действует. Например, взять Ростан оппозиции так и не удалось. А что если и с Алеппо произойдет такая же история?

– Не получится с Алеппо, найдем другое уязвимое место, – Янг вернулся в комнату и достал из холодильника новую банку с пивом. – Будем комбинировать: не получится одно – попробуем следующее. Например, руками оппозиции устроим химическую атаку и свалим ее на Асада. Опыт у нас уже есть – вспомни «пробирку Пауэлла» перед нашим вторжением в Ирак. Короче, было бы желание, а повод найдется.

– А как же голосование в ООН – русские с китайцами наверняка будут блокировать наше вторжение?

– Во-первых, плевать мы хотели на ООН, она себя давно изжила. Во-вторых, почему обязательно вторжение? Ударим с воздуха по военным объектам Асада, лишив его возможности защищаться. А оппозиция довершит начатое нами. Надеюсь, ты не сомневаешься в том, что наши славные вояки из Пентагона способны произвести с воздуха кардинальную зачистку аэродромов и средств ПВО Асада?

Савелас не сомневался, прекрасно осведомленный о том, что на подходе к берегам Сирии уже находятся два американских авианосца – «Гарри Трумэн» и «Нимитц». В эту авианосную группу входит также пять-шесть кораблей сопровождения и три ударные подводные лодки. Помимо этого, к делу могут подключиться и четыре эсминца класса «Иджис», оснащенные крылатыми ракетами «Томагавк». Короче, если американцы захотят по-настоящему вмешаться в этот конфликт, режиму Асада может сильно не поздоровиться. А Янг тем временем продолжал расписывать коллеге возможные перспективы развития ситуации в Сирии:

– Устроим Асаду такую кровавую кашу, какая не снилась ни Ираку, ни Ливии, ни Афганистану вместе взятым. Не мне тебя учить, Бобби. Помнишь, что было в Сальвадоре?

– Ставка на замену оппозиции террористическими группировками?

– Вот именно! Проведем акции по дестабилизации ситуации, устроив Асаду нашествие террористов-смертников. Кстати, как там дела с подготовкой операции «Вихрь»?

Речь шла о террористической акции, которую сирийская оппозиция под контролем ЦРУ готовила в Дамаске, – нападение на комплекс зданий разведслужбы ВВС Сирии.

– Вступила в последнюю стадию, осталось назначить дату и отправить людей.

– Так назначайте! Пусть это будет первая крупнейшая вылазка оппозиции в сердце Сирии, в ее столице, которая заставит режим содрогнуться. Надо постоянно держать Асада в напряжении, изматывая его такими вылазками.

Очередная пустая банка из-под пива полетела в корзину, брошенная меткой рукой Янга. Не успел звук от удара стихнуть, как зазвонил спутниковый телефон, стоявший на столе. Янг снял трубку и вышел с ней на улицу, чтобы разговор не стал достоянием ничьих ушей, кроме его собственных. Звонил Бутрос Риад – один из начальников египетской контрразведки из Мухабарат аль-Амма, Службы общей разведки, который давно был на службе у ЦРУ. То, что он сообщил, заставило Янга на время забыть о большой политике, о которой он так бурно дискутировал со своим коллегой, и непосредственно вспомнить о делах его разведывательной службы:

– Вчера рано утром в Каир прилетел гость из Москвы – журналист Иван Максимов, – вещал на другом конце провода прекрасно слышимый голос Риада. – По нашим сведениям, это не кто иной, как сотрудник российской внешней контрразведки.

– Цель его приезда известна? – насторожился Янг.

– Он аккредитован как журналист в российском корпункте московской газеты.

– Я имею в виду не фиктивную, а истинную цель.

– Пока мы об этом ничего не знаем.

– Как он себя ведет все это время?

– Вместе с сотрудником службы безопасности российского посольства он вчера выезжал в город. Наши люди следили за ними, но, видимо, слишком назойливо – им удалось заметить «хвост» и оторваться от него. В отель Максимов вернулся только спустя несколько часов. Где они были, установить так и не удалось.

– За что же я плачу тебе, Бутрос, приличные деньги, если ты не можешь выполнить даже элементарных вещей? – Янг и не думал

скрывать раздражения, охватившего его после услышанного. – В каком отеле поселился русский?

– В «Мариотте». Но сегодня он звонил в «Найл Хилтон» и интересовался, есть ли в наличии свободные номера класса «сьют».

– В «Найл Хилтон»? – Янг, до этого ходивший по террасе с трубкой в руке, замер как вкопанный. – Я не ослышался?

– Нет, Саймон.

– И что ему ответили?

– Обещали подыскать необходимый номер в ближайшее время.

В течение нескольких секунд Янг молчал, тщательно обдумывая услышанное. Наконец Риад вновь услышал в трубке голос американца, произнесшего всего лишь одну фразу:

– Я вылетаю ближайшим же рейсом.

* * *

***Москва, Лубянка, Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

Во второй половине дня Кондратьев ждал к себе с очередным докладом полковника Жмыха. На часах было уже две минуты четвертого, а докладчика все еще не было, что на него было не похоже: он всегда отличался пунктуальностью. В отсутствие запаздывающего докладчика Кондратьев перебирал в уме детали своего утреннего визита к начальнику Департамента контрразведывательных операций Петру Леонтьевичу Круглову. Встречу нельзя было назвать благостной: начальник был явно раздражен информацией, которая легла к нему на стол тем же утром. В ней сообщалось, что вчера ночью в водах Атлантического океана, у берегов острова Гебрид, принадлежащего Шотландии, было задержано российское судно «Витязь», которое шло в сирийский порт Тартус, где у России была военно-морская база. Поводом к задержанию стало обнаружение в трюмах судна российских вертолетов Ми-25. Эта техника была куплена сирийцами у России несколько лет назад, а после эксплуатации возвращена для ремонта. Именно доведенные до кондиции вертолеты и направлялись на «Витязе» в Тартус, чтобы

помочь сирийской армии в войне с вооруженной оппозицией. Для последней одной из первоочередных мишеней являются именно вертолеты, без которых правительственным войскам пришлось бы резко увеличить сухопутные маршруты доставки войск и вооружений, а войсковые колонны – легкая цель для поражения с воздуха. Задержка «Витязя» играет на руку оппозиции, которая не сумела уничтожить российские вертолеты, но с помощью шотландцев завернула их обратно. В официальном коммюнике по этому поводу сообщалось следующее: «Российские вертолеты Ми-25 играют большую роль в нападениях правительственных войск режима Башира Асада на удерживаемые мятежниками Свободной Сирийской Армии города. Учитывая это, к российскому судну «Витязь» было применено эмбарго Европейского Сообщества, которое направлено против поставки оружия и техники в Сирию...».

– Вы понимаете, что это значит, Федор Иванович? – меряя кабинет длинными шагами, раздраженно спрашивал Круглов. – О том, что на «Витязе» находятся наши вертолеты, знал не столь широкий круг людей. Однако шотландцы задержали судно, явно осведомленные о наших секретах. Кем осведомленные?

– Я думаю, американцами.

– Отрадно, что мы с вами думаем в одном направлении. Но откуда об этом узнали американцы?

– Судя по всему, от того самого «крота», который завелся у нас под боком почти три месяца назад.

– Вот именно что почти три месяца назад! Достаточное время для того, чтобы, наконец, познакомиться с ним поближе. Мы же с вами по-прежнему блуждаем в потемках. А ведь каждый день пребывания этого «крота» в Москве грозит нашей стране огромными убытками, причем не только политического характера, но и финансового. Сегодня он сорвал поставки в Сирию вертолетов, а завтра дело дойдет до зенитно-ракетных комплексов.

Кондратьеву не надо было объяснять, о каких именно ЗРК шла речь: ну конечно о С-300, которые были до зарезу необходимы сирийской армии, чтобы надежно прикрыть свое небо от возможных авианалетов со стороны Израиля или стран, входящих в НАТО. Запад дорого бы дал за любую информацию о путях доставки этих ЗРК из России в Сирию, поэтому можно было не сомневаться, что перед

«кротом», который «слил» информацию о вертолетах на «Витязе», наверняка уже поставлена задача сделать то же самое и в отношении ЗРК С-300. Здесь не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять это. Однако порадовать начальство какими-либо успехами в отношении поимки окопавшегося в Москве «крота» Кондратьев не мог. Хотя он и попытался придать своему визиту оптимистический характер.

– Я же докладывал вам, Петр Леонтьевич, что дело движется. Тот же Максимов уже работает в Каире и, кажется, нащупал ниточку, которая может привести нас к «кроту».

– А если у Максимова сорвется?

– Постучите по дереву.

– Никогда не верил в приметы и вам не советую. Но все же на втором, московском направлении, подвижки есть?

– Надеюсь. Сегодня во второй половине дня Жмых должен отчитаться о проделанной за минувшие сутки работе.

– Я через час улетаю из Москвы на два дня. Но если будет что-то серьезное, обязательно дайте знать, я хочу быть в курсе ваших действий. Есть шанс, что пока меня не будет, вам удастся-таки ухватить за кончик ниточки, которая приведет нас к «кроту»?

– Будем надеяться, Петр Леонтьевич, – и Кондратьев демонстративно постучал костяшками пальцев по деревянному столу.

По губам хозяина кабинета скользнула снисходительная ухмылка.

Вспоминая теперь этот эпизод, Кондратьев улыбнулся и снова взглянул на часы: Жмых опаздывал уже на пять минут, чего с ним никогда ранее не бывало. Кондратьев нажал кнопку селекторной связи:

– Инна Васильевна, Жмых не звонил?

– Нет, Федор Иванович... – и тут же, – да вот же он...

Спустя несколько секунд в кабинет вошел запыхавшийся Глеб Сергеевич.

– Не поверите, Федор Иванович, застрял в лифте между пятым и шестым этажами. Оказалось, что сбой в энергосистеме. В первый раз такое. Хотел позвонить вам по мобильной связи, а телефон, как назло, разрядился.

– Коллектив-то подобрался дружный?

– В каком смысле?

– Я имею в виду тех, кто с вами куковал в одной кабинке.

– Ах, вы об этом... Нас было трое: Кнорин из аналитического и секретарша из бухгалтерии. Скучная, скажу вам, дама – все время молчала.

– Значит, испугалась.

– Кого – нас?

– Не обязательно. У женщины может быть обыкновенная клаустрофобия – боязнь замкнутых пространств. Слышали про такое заболевание?

– Их сейчас столько развелось, что всех и не запомнишь, – отмахнулся Жмых, присаживаясь на стул и открывая перед собой папку с бумагами, всем видом показывая, что он готов от пустой болтовни перейти к делу.

Однако прежде чем полковник начал свой доклад, Кондратьев протянул ему сообщение, которое сегодня утром вручил ему начальник Службы контрразведки – про инцидент у острова Гебрид. Ознакомившись с текстом, Жмых вопросительно взглянул на Кондратьева. Тот не стал медлить с вопросом:

– Кто из вашего списка мог обладать информацией о грузе на «Витязе»?

– Вероятнее всего двое: Георгий Семенович Росляков из Департамента вооружений Министерства обороны и Юлия Андреевна Жолташ из «Гособоронэкса». К этим людям эта информация могла попасть напрямую. Двое других могли узнать о ней разве что через третьи руки.

– Как бы нам, Глеб Сергеевич, оторвать эти руки по самые плечи.

– Оторвем, Федор Иванович.

– Есть что-то конкретное? – насторожился Кондратьев.

– Кое-что, – уклончиво ответил Жмых, давая понять, что будет излагать все по порядку.

– В таком случае начинайте, – сказав это, Кондратьев поднялся из-за стола, намереваясь слушать доклад, расхаживая по кабинету.

Жмых раскрыл папку:

– В результате наблюдения за нашей «четверкой» выяснилось следующее. Георгий Семенович Росляков закончил работу в шесть часов вечера и прямо от Министерства обороны на своем личном автомобиле «Мазда» отправился домой – на Комсомольский проспект. По дороге сделал одну остановку – возле супермаркета, где в

продуктовом отделе купил полную тележку продуктов. В контакт ни с кем из посторонних людей не вступал. Из дома никому не звонил, никуда больше не отлучался вплоть до сегодняшнего утра, когда ровно в 8.20 сел в ту же «Мазду» и отправился на работу.

Юрий Матвеевич Зорькин пробыл вчера на работе до семи вечера. Работает он, как вы помните, в «лесу», откуда добирается до своей квартиры в доме по улице Теплый Стан на личном автомобиле «Шевроле». По дороге нигде не останавливался, к себе в автомобиль никого не подсаживал. Вечером, после девяти, выгуливал во дворе свою собаку – спаниеля. Гулял один, ни с кем посторонним не общался. Больше из дома никуда вчера не отлучался. Дважды звонил по стационарному телефону, один звонок был адресован его родной сестре Екатерине Матвеевне Корняжной и касался сугубо бытовых проблем: Зорькин обещал сестре посодействовать в поисках хорошего лекарства от мигрени. Второй звонок был адресован другу – некоему Аркадию Юрьевичу Забусову: говорили о том, какой подарок выбрать для их общего знакомого, которого они называли Сергеем – у него в эти выходные юбилей. Сегодня, в 8.30 утра, Зорькин сел в свой «Шевроле» и отправился на работу, куда добрался без каких-либо приключений или контактов.

Юлия Андреевна Жолташ вчера закончила работу в половине шестого вечера, уйдя тем самым на полчаса раньше положенного времени. Видимо, отпросилась. Повод – посещение Главного клинического военного госпиталя имени Бурденко в Лефортово, где лежит ее отец, Андрей Кузьмич Жолташ. Доехала туда на своем автомобиле «Тойота» и пробыла один час тридцать пять минут. Затем отправилась домой с Госпитальной площади на улицу Бауманская – это недалеко. В контакт по дороге ни с кем не вступала. Из дома никому не звонила. В следующий раз вышла из дома сегодня утром, в 8.35, отправилась на работу на той же «Тойоте».

– А Юлия Андреевна у нас человек сердобольный, – прервал плавную речь докладчика Кондратьев. – У отца пробыла более полутора часов. Хотя чаще всего люди после окончания рабочего дня стараются в больницах на приемах особо не задерживаться. Сразу видно, что дома ее никто не ждет.

– Да, пока отец в больнице, она живет одна. Хотя более подробными данными о ее личной жизни мы пока не располагаем.

– Предполагаете, что у нее кто-то есть? Тогда почему она ездила в Египет в гордом одиночестве?

– Всякое может быть, например несовпадение отпускного времени.

– Согласен, быть может всякое. Лично меня из названных вами людей пока сильнее всех привлекает Жолташ.

– Может быть, потому, что она красавица? – не скрывая иронии, спросил Жмых.

– Не скрою, ее типаж мне симпатичен. Но здесь другое: она входит в тот узкий круг людей, которые обладали информацией о грузе на «Витязе». Там еще Росляков, но она меня заботит больше. Спросите, почему? Я ставлю себя на место вербовщиков из ЦРУ: завербовать такую красавицу, да еще дочь бывшего министра обороны СССР – это несомненная удача. Такую женщину меньше всего заподозришь в шпионаже, она прикрыта со всех сторон. Ведь во всех наших размышлениях фигурируют мужские понятия: «крот», «агент», «шпион», что невольно сводит все наши мысли к мужчине-предателю. Женщину мы подозреваем меньше всего. Именно в этом, если мои выводы верны, может быть спрятан очень тонкий расчет.

– Может быть, и спрятан, но в отношении Жолташ у нас на данный момент пока никаких подозрений нет. Зато на четвертого из списка – Евгения Андреевича Безымянного – наоборот.

Кондратьев, до этого мерно вышагивающий вдоль стола от одного его конца до другого, внезапно остановился и вопросительно взглянул на докладчика: дескать, ну же!

– Работник отдела Ближнего Востока Безымянный вышел из здания МИДа на Смоленской в пять часов вечера – за час до окончания рабочего дня в его учреждении. Сел в свой автомобиль «Рэнж Ровер» и отправился в город. Его маршрут пролег по Садовому кольцу, причем он проехал по Новинскому бульвару мимо старого здания посольства США на бывшей улице Чайковского, потом свернул на улицу Красная Пресня. Здесь на несколько секунд притормозил у палатки «Пресса», причем из машины не вышел. У наших людей создалось впечатление, что он проверял, нет ли за ним слежки. Потом он еще два раза делал такие же короткие остановки – на Грузинском валу и Второй Брестской улице. Самое интересное, что он сделал круг и вернулся к метро «Баррикадная», хотя мог сделать это за полчаса до этого, когда

ехал по Садовому кольцу, но тогда зачем-то свернул налево. Судя по всему, с целью выявления «хвоста». У «Баррикадной» он свернул на Малую Никитскую и проехал по Тверскому бульвару до памятника Пушкину. Там вышел из машины и прошел пешком до кинотеатра «Пушкинский». В руках держал свернутую в жгут газету, которую ни разу не открыл. Дойдя до кинотеатра, он пять минут постоял возле входа в кассы, после чего тем же маршрутом вернулся к автомобилю. Сел в него и без всяких остановок доехал до своего дома на Гончарной улице. Из дома никуда больше не отлучался. Никому не звонил. Зато на его мобильный телефон был произведен звонок с телефона, который проходит как «серый»: неделю назад его похитили у гражданина Куприянова Петра Степановича, 1991 года рождения. Район, откуда был произведен звонок, – Старый Арбат. Неизвестный мужчина произнес всего одну фразу: «Вас видели».

Закончив свой рассказ, Жмых захлопнул папку и достал из внутреннего кармана пиджака флэшку.

– Здесь ребята из наружки записали все движения Безымянного после остановки у памятника Пушкину.

Взяв флэшку, Кондратьев вернулся в кресло и открыл ноутбук, стоявший на столе. В течение нескольких минут он внимательно смотрел записанное. После чего сказал:

– А машина у Безымянного хорошая – «Ренж Ровер». Сколько такая может стоить?

– У него модель «Эвог», стоит примерно один миллион шестьсот тысяч рублей.

– С той зарплатой, которую получает в МИДе Безымянный, такая машина вряд ли будет ему по карману. А супруга у него есть? Где работает?

– В министерстве легкой промышленности, финансист. Есть еще сын пятиклассник.

– Ну, сын пока вряд ли может влиять на формирование бюджета их семьи, поэтому его оставим в покое. А жена, значит, тоже бюджетница. В любом случае для такой семьи «Ренж Ровер-Эвог» – покупка достаточно дорогостоящая. Значит, есть какие-то побочные заработки. Надо бы это выяснить.

– Хорошо, сделаем.

– А ребята из наружки потрудились на славу. Говорите, Безымянный их трижды проверял? Судя по тому, что он вышел на встречу, значит, «хвоста» за собой так и не выявил.

Кондратьев вернул флэшку Жмыху, сопроводив это вопросом:

– Значит, я не прав – Безымянный, а не Росляков или Жолташ?

– Пока все говорит именно об этом. Те круги, которые вчера наворачивал по городу Безымянный, однозначно выявляют в нем человека, который применяет методы конспирации. В довершение всего этот звонок по «серому» мобильнику.

– Да, это явно говорит в пользу конспиративной встречи: то ли несостоявшейся, то ли наоборот. Ведь кто-то Безымянного увидел. Вполне вероятно, именно это и могло быть целью всей его поездки – предъявить свое лицо. И это сделать удалось. Однако меня смущает другое. Вы ведь сами говорили, что Безымянный не мог напрямую выйти на информацию по «Витязю».

– Зато мог косвенно: в МИДе несколько человек об этом знали. К тому же не забывайте, что Безымянный двигался по маршруту, одним из объектов на котором было посольство США.

– Старое здание, но не новое.

– Сути дела это не меняет, сигнал могли подать из любого здания.

– Хорошо, предположим. Однако кто-нибудь из американского посольства возле «Пушкинского» в это время крутился?

– Нет, наружка никого не выявила.

– Вот видите, первая нестыковка. Если сигнал из посольства был, то почему рядом с Безымянным не были замечены посольские? Во-вторых, через Рослякова и Жолташ, а не Безымянного, информация про груз на «Витязе» шла напрямую. Это так?

– Да, эта отправка наверняка должна была проходить непосредственно через их отделы.

– Так что списывать Георгия Семеновича и Юлию Андреевну со счетов пока не будем, – Кондратьев откинулся на спинку кресла. – Поэтому сделаем так. Наблюдение за четверкой продолжать круглосуточно. За Зорькиным – прежними силами. А вот наблюдение за Безымянным, Росляковым и Жолташ усилить. Есть у нас такая возможность? Вот и прекрасно. Обложим эту троицу со всех сторон. Более того, с Юлией Андреевной я хочу познакомиться лично. Я эту теорию в отношении нее выдвинул, мне ее и проверять. Ошибусь –

значит, постарел, пора на пенсию. Как там у Киплинга: Акела промахнулся – пора петь прощальную песню.

– Совет стаи вас не отпустит, – улыбнулся Жмых.

– Я всегда был убежден, что попал в хорошую стаю, – поддержал иронию коллеги Кондратьев. – Однако встречу с Жолташ вы мне устроить сможете? Этокое ненавязчивое знакомство мужчины предпенсионного возраста с одинокой женщиной. И не смотрите на меня такими глазами: Акела хочет не потерзать красавицу, а всего лишь ее прощупать. Своего рода интеллектуальный мониторинг.

– Хорошо, сделаем. Утром она выйдет на работу, а движок у ее «Тойоты» не заведется. Тут вы ей и подвернетесь на своем «Форде» российской сборки. Такой вариант устроит?..

* * *

Египет, город Каир, отель «Найл Хилтон»

Начальник охраны отеля «Найл Хилтон» Рашид эль-Сайед вытряхнул в мусорное ведро с десяток окурков из пепельницы, после чего вернул ее на стол. Затем избавился от кипы журналов, лежавших на журнальном столике, они были спрятаны в секретер в углу кабинета. После этого щелкнул пультом от телевизора, погасив огромный экран, растянувшийся почти на четверть стены. Внимательно оглядев кабинет и удовлетворившись его теперешним видом, эль-Сайед вернулся в кресло и стал терпеливо ждать прихода незваного гостя – Саймона Янга.

Этого человека служащие отеля знали как влиятельного бизнесмена корпорации «Индастри электроникс», хотя многие догадывались, что эта должность для него лишь прикрытие. На самом деле сведущие люди подозревали Янга в работе на американские спецслужбы, в частности на ЦРУ. Поэтому каждый раз, когда эль-Сайед встречал Янга в отеле, он предупредительно с ним здоровался, сопровождая свои слова неизменной улыбкой и поклоном. Редкий бизнесмен, столь же часто останавливающийся в отеле, что и Янг, удостаивался такой чести от эль-Сайеда, за которым здесь закрепилось прозвище «хмурый Рашид». А сегодня Янг внезапно сам позвонил эль-

Сайеду в кабинет и ошарашил новостью, что хочет навестить его и выпить с ним по стакану виски. Начальник охраны был не столь наивным человеком, чтобы не понимать, что виски – только предлог для какого-то более серьезного разговора. Но вот какого именно, эль-Сайед, как ни ломал голову, догадаться так и не смог.

Минут пять главный охранник терпеливо ждал прихода гостя, вперившись взглядом в дверь. Но американца все не было, хотя настенные часы показывали время, означенное им в разговоре, – шесть часов вечера. А когда охранник, мучимый желанием закурить, встал со своего места и направился к журнальному столику, где оставил пачку «Винстона», дверь внезапно распахнулась и на пороге возникла подтянутая фигура Саймона Янга. Лицо его светилось улыбкой, которая подействовала на хозяина кабинета обезоруживающе – он тоже невольно улыбнулся.

После крепкого рукопожатия мужчины уселись в кресла напротив друг друга. Открыв бутылку виски, предупредительно выставленную на стол, эль-Сайед разлил напиток в два стакана. И только после этого начался разговор, который собеседники вели на английском.

Как и предполагал охранник, Янга привело к нему отнюдь не праздное желание поболтать о жизни за стаканом крепкого напитка. Бизнесмен предложил ему выгодную сделку: выступить в качестве посредника в переговорах с его начальством по поводу установки в отеле нового электронного оборудования: компьютеров, электронных замков на дверях, сигнализации и т. д. Кроме этого, было предложено обновить гостиничную систему видеонаблюдения, оснастив ее новыми электронными датчиками нового поколения.

– Вы же в последний раз обновляли свое видеонаблюдение более четырех лет назад? – выказал свою осведомленность Янг. – А прогресс в электронике, как известно, на месте не стоит – за это время появилась новая техника. Кстати, не только у нас, но и у преступников. Я знаю, что в вашем отеле за последние несколько месяцев было несколько случаев, когда злоумышленники использовали скимминг – считывали информацию с магнитной полосы карты и воровали деньги из банкоматов, установленных в «Найл Хилтоне». Вот я и предлагаю поставить этому заслон.

– Что для этого нужно?

– Я же сказал – ваше посредничество. Заинтересуйте свое начальство, чтобы оно, в свою очередь, заинтересовало руководство отеля в том, чтобы заключить подряд на электронное обустройство «Найл Хилтона» силами моей корпорации «Индастри электроникс». За это посредничество вы получите пять процентов от сделки.

– Всего лишь? – рука эль-Сайеда со стаканом виски застыла в воздухе.

– Учитывая вероятную сумму всей сделки, это очень хорошие деньги. Поверьте мне на слово, Рашид.

– Я знаю, что вы честный человек, мистер Янг, и вряд ли станете обманывать того, кто хуже вас разбирается в хитросплетениях большого бизнеса. Я согласен.

– Тогда плесните мне еще одну порцию виски, – и Янг толкнул свой стакан по гладкой поверхности стола в сторону эль-Сайеда.

Янг прекрасно знал, что вся эта затея с электронным переоснащением отеля не стоит и выеденного яйца, поскольку он специально придумал ее, чтобы найти повод встретиться с начальником охраны. После сегодняшнего звонка от Бутроса Риادا – одного из начальников египетской контрразведки, сообщившего ему о некоем русском чекисте, выдающим себя за журналиста и ищущим возможность заселиться в «Найл Хилтон», – Янг своим чутьем, больше напомиравшим звериное, почувствовал явственную угрозу в отношении не кого-нибудь, а своего особо ценного агента в Москве – Фараона. Ведь вербовали его именно в «Найл Хилтоне».

«Если этот русский приехал в Каир за головой моего лучшего агента, то чекисты творят чудеса. Каким образом они так быстро установили место вербовки? Им кто-то в этом помог или они дошли до всего сами? Или это все же наш прокол? А может, это прокол лично мой? А ну-ка, Саймон, вспоминай, что происходило в те дни в конце июня? Ты был здесь, в Турции, потом вылетел в Каир для встречи с Фараоном. Времени было в обрез и надо было успеть все сделать за несколько дней. Стоп. Времени было в обрез. Да, я спешил, поэтому на все про все ушло четыре дня. А спешка, как известно, хороша при ловле блох, а не в разведке. Вот она тебя, Саймон, видимо, и подвела. Но где и в чем я мог проколотся?».

В этот миг взгляд Янга уткнулся в черный глазок видеокамеры, установленной над угловой террасой гостевого домика. В следующую

секунду разведчика осенило. Система видеонаблюдения в отеле должна была зафиксировать приход и уход Фараона в номер Янга на восьмом этаже. Это было ясно как божий день, но опытный разведчик об этом даже не подумал – вот оно следствие спешки и того, что голова Янга в те дни была забита массой разных проблем, связанных с «сирийским узлом». Да и кто, черт возьми, мог тогда подумать, что русские смогут узнать о встрече в «Найл Хилтоне» и попытаться добраться до личности Фараона посредством систем видеонаблюдения в отеле. А может, ему это только кажется? У страха, как известно, глаза велики. Но в любом случае надо было немедленно лететь в Каир и разбираться со всем на месте. Разбираться до того, как этот русский заселится в отель. Именно для этой цели Янг и оказался в кабинете начальника охраны отеля «Найл Хилтон».

Пока хозяин кабинета наполнял опустевший стакан гостя, тот внимательно осматривал кабинет.

– Я вижу, вы не слишком боитесь непрошенных гостей, поэтому установили у себя в кабинете всего лишь одну видеокамеру – над своим столом, – заметил Янг.

– Да, мне некого бояться в отеле, который я сам и охраняю, – рассмеялся эль-Сайед.

– А что, у вас на всех тринадцати этажах такая же тишь и благодать, как в вашем кабинете?

– Странно слышать подобный вопрос из уст человека, который давно является постоянным обитателем данного отеля. Думаю, если бы вам не было здесь комфортно, вы бы давно сменили наш отель на более удобный.

– Вы, безусловно, правы. Однако меня интересует мнение человека, который видит систему изнутри. И спрашиваю я не из праздного любопытства – это интерес делового характера. Чтобы начать переоборудование электронных систем отеля, надо знать его наиболее уязвимые места. А кто как не охрана может обладать такой информацией?

– Резонно. Однако у нас не так уж и много уязвимых мест. Поверьте человеку, который работает здесь уже не один год, а почти десять.

– Солидный срок, за это надо выпить, – и Янг салютовал собеседнику своим наполненным стаканом. – А как обстоят дела с

вверенными вам сотрудниками, все ли они отвечают требованиям нового времени?

– Коллектив у нас разношерстный, но в целом неплохой.

–хлопот не доставляют?

–хлопоты в основном доставляют туристы. Хотя, конечно, всякое бывает. Я ведь для многих здесь как отец родной – многие идут ко мне поплакаться в жилетку, попросить о разного рода помощи. Вот буквально вчера на вашем месте сидел один из моих подчиненных и плакался: дочери нужна серьезная операция, а нужной суммы для оплаты в наличие нет.

– И много ему было надо?

– Сорок тысяч долларов!

Янг громко присвистнул.

– Вот и я ему говорю: дескать, откуда у меня такие деньги, учитывая то, что сегодня творится в стране. Тем более ваше предложение о моем участии в будущей сделке было озвучено только сегодня. Кстати, сколько все же может составить мое вознаграждение?

– В десятки раз больше, чем упомянутые вами сорок тысяч.

Теперь настало время присвистнуть эль-Сайеду.

– А кем служит тот ваш бедняга? – как бы между прочим, поинтересовался Янг.

– Исмаил Фахми? Он отвечает за систему видеонаблюдения в отеле. Кстати, если ваша... вернее, наша сделка состоится, то именно он будет одним из тех специалистов, чья помощь нам понадобится в первую очередь.

– Хороший специалист?

– Отменный.

– Жаль, что его дочь может умереть.

– Да нет, там все уладилось как нельзя лучше. Я видел его сегодня утром, когда он заступил на дежурство: парень буквально светился от счастья. Рассказал, что нужную сумму ему пообещали одолжить некие добрые люди. И сегодня его дочь должны перевести в Международный госпиталь.

Внутри Янга все похолодело: «Значит, моя версия оказалась верной. Именно Фахми мог стать тем посредником, кто согласился продать русским искомые видеозаписи. Стоп, Саймон: мог или уже продал? Если он заступил на дежурство утром, то у него было

достаточно времени для того, чтобы скачать из видеорегистратора необходимые записи и передать их русским. Однако это вряд ли. Во-первых, на это нужно время, во-вторых, вряд ли эта сделка должна происходить на территории отеля в окружении стольких видеокамер. Значит, Фахми нужно покинуть отель. Во время дежурства сделать это проблематично. Или нет?»

– А где дежурит этот ваш Фахми? – допивая свой виски, поинтересовался Янг.

– Хотите выразить ему свою поддержку? Он весь день сидит на первом этаже у главного монитора. Работы сегодня не впрок.

«Кажется, я оказался прав: запись из стен отеля еще никуда не выходила. Значит, я приехал вовремя. Молодчина, Саймон!».

Ни к какому Фахми американец, естественно, не пошел. Он узнал все, что было нужно, и теперь ему предстояло продумать план предстоящей операции детально. Для этого он поднялся в свой номер на восьмом этаже и вызвал туда по мобильному телефону приехавшего вместе с ним Бобби Дьюка. Этого матерого спецназовца, который только тогда чувствовал себя в своей тарелке, когда в нем просыпался азарт охотника. Именно это чувство и собирался сегодня пробудить в нем Янг.

Разведчик был немногословен. В нескольких словах обрисовав Дьюку сложившуюся ситуацию, Янг приказал ему не спускать глаз с Фахми.

– Рано или поздно ему потребуется уединиться, чтобы попасть в видеоархив. Не трогай его – дай ему сделать свое дело, чтобы у нас были улики. Брать его в отеле опасно: кругом посетители, да и видеокамеры натканы на каждом углу. Я узнал, что у него есть автомобиль, который стоит на подземной стоянке. Наверняка он спустится к нему, чтобы отлучиться из отеля на полчаса или час. Именно там мы его и возьмем – без лишнего шума и ненужных проблем.

– Но там тоже есть видеокамеры, – подал голос Дьюк.

– Как ты сообразителен, Бобби! Значит, ту камеру, в объектив которой попадает автомобиль Фахми, надо сделать слепой. Неужели не понятно? И главное – не дай себя обнаружить раньше времени. Следуй за ним тенью, но сделай так, чтобы она не отсвечивала ни от тебя, ни от твоих людей.

Чутье матерого разведчика не подвело Янга. После полуночи, когда жизнь в отеле немного успокоилась, Фахми оставил у главного монитора двух напарников, а сам отлучился. Спустя несколько минут он уже был в помещении, где хранился видеоархив. Прекрасно ориентируясь в его базе данных, Фахми достаточно скоро разыскал нужные файлы и стал открывать их один за другим, пытаясь убедиться в том, что это именно те записи, которые ему необходимы. В пылу этой работы он совсем забыл о времени. А когда опомнился и бросил взгляд на настенные часы, его прошиб холодный пот: до назначенной ему встречи оставалось чуть больше двадцати минут. Закрыв файлы, Фахми потратил еще пару-тройку минут на то, чтобы записать их на диск. После чего спрятал его во внутренний карман куртки, выключил свет и покинул помещение.

Очутившись на подземной стоянке, Фахми бегом преодолел расстояние до своего подержанного «Рено». Тот стоял у самой стены, за большой колоннадой, отделяющей боковую сторону стоянки от центральной. Задние стекла автомобиля были тонированными, что сегодня сослужило их хозяину плохую службу: он не заметил притаившегося на заднем сиденье незнакомца, которым был не кто иной, как Бобби Дьюк. Едва Фахми сел в салон, как сильная рука «зеленого беретта», согнутая в локте, заключила его шею в стальной капкан и прижала к сиденью. В следующую секунду боковая дверь с противоположной стороны открылась, и в салон забрался мужчина с уже пробивающейся сединой в волосах. Скосив на него взгляд, Фахми поймал себя на мысли, что это лицо он уже где-то видел, причем неоднократно. Спустя секунду он вспомнил: это был американец, который постоянно обитал на восьмом этаже и лицо которого он видел не далее как полчаса назад на тех записях с камеры видеонаблюдения, что покоились теперь на диске в его кармане. Едва Фахми успел об этом подумать, как диск уже переключался в руки незнакомца.

— Нехорошо продавать конфиденциальную информацию, пользуясь своим служебным положением, — заметил незнакомец, который был не кем иным, как Саймоном Янгом. — Кому ты собирался передать этот диск?

Ответа не прозвучало, поскольку стальной зажим, захвативший шею Фахми, был настолько сильным, что ни пошевелиться, ни сказать

что-либо внятное было невозможно. Поняв это, Янг жестом приказал Дьюку слегка ослабить хватку. Когда это случилось, Фахми ответил:

– Я не знаю этого человека, он представился частным детективом.

– Он европеец?

– Нет, араб.

– Ты в этом уверен?

– Да, то ли египтянин, то ли сириец.

– Где ты должен был передать ему диск?

– В ресторанчике на Мирит Баша.

– Когда?

Фахми бросил взгляд в сторону часов на передней панели:

– Пять минут назад.

В следующую секунду Янг приблизил свое лицо вплотную к пленнику и, заглянув ему в глаза, спросил:

– Ты узнал меня?

Фахми напрягся, не зная, что ответить. Этого секундного замешательства Янгу вполне хватило, чтобы сделать правильный вывод.

– Я всегда говорил, что людей губит любопытство, – холодным тоном произнес разведчик и выбрался из салона.

Спустя несколько секунд раздался глухой выстрел. Это Дьюк, приставив пистолет с глушителем к виску Фахми, нажал на курок. После этого он открутил глушитель, вытер рукоятку оружия убийства носовым платком и вложил пистолет в руку убитого, имитируя тем самым самоубийство.

* * *

Москва, улицы города

Забыв с ночи завести электронный будильник в мобильном телефоне, Юлия Андреевна Жолташ проснулась позже обычного. До начала рабочего дня в ее учреждении оставалось чуть меньше часа – это означало, что ни привести себя по-настоящему в порядок, ни позавтракать она уже никак не успевала. В иной день в этом не было бы ничего страшного, но только не сегодня, когда опаздывать было

категорически нельзя: на девять утра была запланирована планерка в их отделе, на которой Жолташ должна была представить свой отчет за текущий месяц. Поэтому наскоро сделав макияж и бросив в сумочку плитку шоколада, Юлия Андреевна выскочила из квартиры.

Во дворе, где был припаркован ее автомобиль «Тойота», выяснилось, что одна неприятность потянула за собой другую. Сев за руль, Жолташ так и не смогла завести мотор. Вариантов дальнейших действий было всего лишь два: либо на своих двоих бежать к метро, а потом добираться до места службы наземным транспортом, а это катастрофическая потеря времени, либо выходить на дорогу и ловить попутку. Только при последнем варианте оставалась надежда успеть добраться до своего рабочего места в положенное время.

Как ни странно, но, едва женщина вышла на дорогу, ее неприятности разом прекратились. Буквально в следующую секунду перед ней тормознул серебристый «Форд», за рулем которого сидел импозантный мужчина с благородной сединой на аккуратно подстриженных висках. Более того, он не стал выдвигать перед женщиной никаких условий и согласился подбросить ее в тот район, какой она ему назвала. Это был не кто иной, как Федор Иванович Кондратьев, «неожиданную» встречу которого с Юлией Андреевной Жолташ организовали его расторопные подчиненные из Департамента контрразведки.

Едва они тронулись в путь, как Жолташ достала из сумочки плитку шоколада и, отломив кусок, отправила его в рот. После чего предложила угоститься и Кондратьеву. Но тот отказался, сопроводив это тирадой:

– Хороший шоколад в наши дни днем с огнем не сыщешь, поэтому я предпочитаю есть его из проверенных рук.

– В смысле?

– Моя невестка работает технологом на шоколадной фабрике. Так вот она уверяет, что львиная доля покупного шоколада – суррогат. Наши ушлые производители закупают самое дешевое сырье в Южной Африке, штампуют из него всякую гадость, а на этикетках пишут, что это шоколад.

– Можно подумать, что на фабрике, где трудится ваша невестка, изготавливают нечто более качественное?

– Вы правы, и там тоже химичат, чтобы увеличить собственную прибыль. Знаете, что делают? Специальным прессованием извлекают из шоколада какао-масло, а вместо него добавляют дешевые заменители: эмульгатор, антиокислитель, ароматизатор. Кстати, если вы прочтете на оборотной стороне этикетки состав вашего шоколада, то поймете, что это, скорее всего, подделка.

– Очень надо! – сердито фыркнула женщина и отправила плитку обратно в сумочку. – Мы живем в такое время, когда кругом – сплошные подделки. Что же теперь, не жить что ли? Вот вы, например, чем питаетесь?

– Тем же, чем и остальные, – рассмеялся Кондратьев. – Утром кипячу воду, бросаю туда овсяные хлопья и варю три минуты. Вот и весь мой завтрак.

– Так ваши хлопья тоже прошли процесс прессования, поэтому утратили свои полезные компоненты процентов на восемьдесят, если не больше. Так что ваш завтрак оказался не полезнее моего.

– Сдаюсь, ваша взяла, – и Кондратьев демонстративно поднял обе ладони вверх. – Все это издержки цивилизации. Чем больше становится на Земле населения, тем менее качественной становится пища.

В течение некоторого времени попутчики ехали молча. Наконец Кондратьев, который устроил эту встречу отнюдь не для того, чтобы предаваться благостным размышлениям, первым нарушил тишину:

– К сожалению, за последние годы мы утратили многое из того, чем раньше гордились. Например, один из самых вкусных шоколадов в Советском Союзе производили в Риге. Сегодня от него осталось одно лишь название.

– Кто же в этом виноват, как не мы сами? – ответила Жолташ. – Мы же так хотели жить как на Западе. А он, между прочим, разный: там есть бедная Греция и богатая Франция.

– Мне все время казалось, что из всех стран Запада в Советском Союзе больше всего предпочтений выпадало на долю Соединенных Штатов.

– Лично я никогда этим не страдала, а сейчас тем более, – в голосе женщины слышалось явное раздражение.

– Чем же США провинились перед вами сегодня?

– Вы что за новостями не следите?

– Имеете в виду ситуацию на Ближнем Востоке?

– И ее в том числе. Американцы всегда стремились к тому, чтобы быть мировыми гегемонами. Но кишка оказалась тонка – вот и мечутся, не зная, как обуздать разбухшую ими же стихию. Нет, меня они всегда раздражали. Мне больше по душе французы.

– Понимаю: Монмартр, «Мулен Руж», Мирей Матье и Ален Делон. Однако у французов тоже полно недостатков: они, например, мелочны и начисто лишены самоиронии. Это ведь только у Дюма и Мопассана они такие пылкие и остроумные, а в реальной действительности являют собой несколько иной тип людей. Так что вы живете мифами, уважаемая...

– Юлия Андреевна.

– Очень приятно, – Кондратьев отвесил галантный поклон и тоже представился:

– Федор Иванович.

– Французы, может быть, и не идеальны, но они давно живут при парламентской демократии, до которой нам как до Луны.

– Это вы, судя по всему, начитались Эдварда Радзинского. Или насмотрелись?

– Как вы угадали? – с удивлением взглянула на собеседника Жолташ. – Действительно, вчера до часу ночи смотрела его очередную передачу, потому и проспала. Наше телевидение не оставляет умным людям шанса: вечерами гоняет всякую дребедень, а все интеллектуальное отодвигает за полночь. Вы его тоже смотрели?

– Не угадали. Но, думаю, мало потерял, он наверняка был в своем прежнем амплуа: обличал Восток и рекламировал Запад.

– Что-то вроде этого. Но что в этом плохого – ориентировать нашего зрителя в пользу того же европейского парламентаризма? Или вы предпочитаете жить при азиатчине?

– А кто вам сказал, что парламентаризм – панацея для России? Насколько известно из истории, на Руси ранее никогда не было никаких парламентов. Зато были вече, народные советы, а при коммунистах – Советы народных депутатов. И называть эти формы правления азиатчиной более чем странно. Ваш Радзинский почему-то уверен, что русский народ вечно поработен своим деспотическим государством. Зато просвещенные европейцы – сплошь сторонники реформ и всяческих свобод.

– Не все. Я уже говорила, что в Европе есть бедная Греция и богатая Франция. Но нас почему-то тянет к первым – к ленивым грекам.

– Зря вы так о греках. Мы должны хранить им вечную благодарность за то, что они породили европейскую культуру. А в том, что сегодня происходит в Греции, виноваты не только греки, но и ваша просвещенная Европа, в том числе и Франция. Это они втянули Грецию в Евросоюз, обанкротили ее и теперь за долги собираются забрать по дешевке. Все ее банки, крупные предприятия перейдут под внешний контроль, после чего грекам придется забыть как об экономической, так и политической самостоятельности.

– Надо было лучше работать, а не жить за счет кредитов.

– А что вы скажете по поводу Ливии, которую те же французы вкуче с другими ведущими европейскими державами вбомбили чуть ли не в каменный век? И все под теми же лозунгами борьбы за демократию.

– Каддафи – диктатор, который правил страной четыре десятка лет. Он сам виноват в том, что с ним случилось.

– Как в той басне: уже одним ты виноват, что хочется мне кушать? Судьбу диктатора Каддафи должен был решать народ Ливии демократическим путем, а не Запад с помощью бомбардировок и наземных операций. Заметьте, что еще совсем недавно тот же Каддафи был лучшим другом Запада.

– Друзей в политике не бывает, есть лишь партнеры – вы этого разве не знаете?

– Знаю. Но я имею глаза и вижу, как мне пытаются вбить в голову, что когда людей убивают просвещенные европейцы – это благо, а когда это делает кто-то другой, вроде того же Сталина, – это уже форменное зло, азиатчина. Кстати, глаза имею не только я, но и миллионы моих соотечественников, которые согласны с моим подходом, а не с вашим. И вашему кумиру Радзинскому я бы посоветовал не петь осанну просвещенному Западу, а попытаться влезть в шкуру этого самого народа-азиата и понять логику его мыслей. Понять, почему он так любит разного рода диктаторов, начиная от Ивана Грозного и заканчивая Иосифом Сталиным. Ведь именно при них Россия добилась выдающихся побед, а при разного рода добреньких царях и

генсеках оказалась в дерьме, извините за выражение. Взять хотя бы Горбачева – добрейшей души человека.

– Мне ближе Хрущев, – заметила Жолташ.

– Хрен редьки не слаще, – парировал Кондратьев. – Поставил целью догнать и перегнать Запад, растворить Россию в общемировом пространстве. В итоге что получилось? Помните, как у Ключевского: надо развиваться и совершенствоваться в качестве русских, а не крашенных кукол европейского просвещения. Именно при Никите Сергеевиче мы встали на путь превращения в лавочников, хотя нам это противопоказано. Мы по своей натуре, скорее, бродяги, которым нужен строгий хозяин, а не болтун и хвастун. Мы бываем активны только под давлением. Вот почему нам оказались ближе ленивые греки, чем рациональные немцы или французы. Радзинский и компания этого, увы, не понимают и понимать не хотят.

– А может, наоборот – это их не понимают?

– Знаете, лет двадцать назад ваши сомнения были бы уместны, но только не сегодня. Теперь уже понятно, что ничего иного, кроме дикого капитализма в России создать не удастся. Почему? Не хватает и не будет хватать того нужного процента людей, которые умели бы действовать инициативно и самостоятельно. Лавочников с настоящим капиталистическим духом не хватает. Слишком большой процент людей у нас с «азиатским» мышлением. А с ними не капитализм надо строить, а социализм.

– Так ведь строили его уже однажды?

– Значит, придется делать это снова – иначе выйдем. Вспомните, какими темпами мы исчезали при социализме и как это происходит сегодня. Русскому человеку нужны простые и доступные его уму государственно-правовые конструкции. Социализм такой конструкцией и является.

– Нет уж, я в социализм обратно не хочу, насмотрелась, – сказала будто отрезала Жолташ.

– А вы что в те годы сильно пострадали?

– Вовсе нет, но всяческого лицемерия насмотрелась досыта. В том числе и самого что ни на есть элитарного.

– Вы принадлежали к элите?

– В некоторой степени: мой отец занимал достаточно высокий пост в военной сфере. И всю эту советскую азиатчину я видела

воочию: как хозяева жизни на словах радели за народ, а в реальной действительности считали его быдлом.

– Неужели и ваш отец разделял такую же точку зрения?

– Мой отец – другое дело, он был иного помола. Впрочем, почему был – он и сейчас жив, правда, не скажу, что очень здоров.

– И разделяет вашу сегодняшнюю точку зрения относительно азиатчины?

– Нет, здесь он, скорее, на вашей стороне. Даже иногда, когда мы спорим, называет меня «пятой колонной». Ну какая же я «колонна», да еще «пятая»? Наоборот, мне больно за то, что происходит сегодня с Россией. Такие как я не предатели, мы – инакомыслящие.

– Никто и не собирался причислить вас к предателям, боже упаси. На мой взгляд, вы просто... заблудшая.

– Я это определение в отношении себя слышу неоднократно.

– От вашего родителя?

– Нет, есть еще один человек. Правда, у него мысли еще более радикальные, чем у меня.

– Он тоже из элитариев?

Последовала пауза, которую Кондратьев расценил как нежелание его собеседницы отвечать на заданный вопрос. Вместо ответа женщина внезапно спросила:

– Вы сами в какой сфере трудитесь, если не секрет?

– В юридической, – весьма обтекаемо обозначил Кондратьев сферу своей служебной деятельности. – А вы?

– В оборонной.

– Пошли по стопам своего родителя, а его воззрения не разделили. Ну что ж, бывает, вечный конфликт отцов и детей.

– На самом деле конфликта нет, мы с папой весьма толерантно относимся к идеологическим воззрениям друг друга. Все-таки нас на этой земле осталось только двое, поэтому мы стараемся быть бережными. Кстати, мы с вами приехали, поверните, пожалуйста, налево и притормозите.

Кондратьев сделал так, как его просили: остановил автомобиль у тротуара, примерно в ста метрах от входа в огромное здание «Гособоронэкса», раскинувшего свои владения на нескольких гектарах столичной земли. Краем глаза он увидел, что его попутчица полезла в свою сумочку, явно пытаясь извлечь оттуда деньги, чтобы

расплатиться за поездку. Кондратьев осторожно тронул женщину за локоть.

– Юлия Андреевна, давайте не будем завершать нашу интересную встречу банальным меркантильным аккордом.

– Давайте, – легко согласилась с этим предложением Жолташ. – Мне было очень приятно с вами познакомиться.

– Взаимно. Если вы не возражаете, то мы могли бы обменяться номерами наших мобильных телефонов.

– Возражаю. Вы наверняка захотите за мной ухаживать, а я предпочитаю либо своих ровесников, либо мужчин чуть постарше. Да и политические воззрения у нас с вами разные. Извините за правду и до свидания.

Легко выпорхнув из автомобиля, Жолташ кокетливо помахала на прощание рукой и упругой походкой направилась к проходной своего учреждения. Глядя на ее стройную фигуру, Кондратьев поймал себя на мысли, что ему жалко, что он не ровесник этой эффектной женщины. Впрочем, длилось это недолго. В следующее мгновение он уже вернулся мыслями к своей профессиональной деятельности и, трогая с места автомобиль, взялся анализировать в уме состоявшийся только что разговор. Правда, анализ был поверхностный, поскольку более скрупулезный его вариант он приберет на потом, рассчитывая сделать это в компании с Глебом Сергеевичем Жмыхом, который с нетерпением ждал его возвращения на Лубянке.

Их беседа состоялась в специальной аппаратной с просмотрным залом, где были созданы все условия не только для того, чтобы уединиться от служебной суеты, но и с помощью техники неоднократно просмотреть весь разговор Кондратьева и Жолташ на большом экране, поскольку хитроумные приспособления, вмонтированные накануне в автомобиль генерала ФСБ умелыми технарями, зафиксировали встречу во всех ее деталях.

– Что скажете, Глеб Сергеевич, о реакции Жолташ по поводу Америки? – дважды прокрутив эту часть разговора на экране, спросил коллегу Кондратьев. – Мне показалось, что она была достаточно честна.

– Мне тоже так показалось, но нет ли в этом подвоха?

– Думаете, лукавит? Тогда посмотрите на ее лицо в этот момент: на нем написано вполне искреннее раздражение. Вряд ли это игра. У

меня создалось впечатление, что Жолташ – женщина честная, поэтому ее слова про нелюбовь к Америке я бы расценил как вполне искренние. Во всяком случае, никакой фальши в этой фразе я не услышал. Или вы полагаете, что она настолько хитра, что даже со случайным попутчиком стремится скрыть свою подлинную сущность?

– У меня работа такая – всех подозревать.

– У нас с вами одинаковая работа, Глеб Сергеевич.

– Согласен. Но вы заметили, как легко Жолташ отказалась от ваших денег в конце встречи?

– И что?

– А то, что деньги она явно любит. Из чего я делаю вывод, что любовь к ним могла быть у нее сильнее нелюбви к американцам.

– Лихо закрутили, – восхитился доводом своего собеседника Кондратьев. – Однако деньги любят почти все женщины. Как в том бородатом анекдоте: женщины – это такие зверьки, которые питаются деньгами. Видимо, Юлия Андреевна здесь не исключение.

Нажав на кнопку «пуск», Кондратьев вновь включил запись.

– Вы видите, какое у нее брезгливое выражение лица, когда она говорит про то, что мы азиаты? – спросил Жмых. – Эта женщина не любит страну, в которой живет, это же очевидно. Разве это не повод встать на путь измены? На Руси про таких обычно говорили: «Хороша красава, да душа трухлява».

– Тогда как объяснить ее слова о том, что ей больно за то, что происходит в России? И последующую реакцию на примененное к ней определение «пятая колонна»? Ведь явно оно ей не понравилось.

– Любой предатель ищет оправдание своим аморальным действиям. Это как алкоголик, который на все заверения окружающих, что он больной человек, продолжает утверждать, что он абсолютно здоров. Такие как Жолташ могут предавать свою страну, полагая, что тем самым они делают ей благо. Помните предателя Звонарева из ВНИИМаша? Считал СССР империей зла и хотел помочь Рейгану его демократизировать.

– Звонарев был отъявленный циник и мерзавец, а в Жолташ я этих качеств не вижу, хотя и общался с ней чуть больше получаса. Но интуиция, знаете ли.

– Ценю вашу интуицию, но я исхожу из фактов: через отдел Жолташ проходит информация, которая так интересуется американцев, –

о наших военных поставках в Сирию. И именно Жолташ была в Египте в те самые дни, когда мог быть завербован «крот».

– Напомню, что не она одна – в нашем списке таковых еще трое.

– И все – мужчины. А вы сами высказали версию, что женщина – идеальный объект для того, чтобы сделать ее «кротом»: мало кто заподозрит.

– Да, но это было до моей сегодняшней встречи с ней. После нее мое мнение на этот счет несколько изменилось.

– Вы считаете, что ее надо исключить из числа подозреваемых на основе получасовой беседы?

– Если бы я это предложил, меня надо было бы гнать отсюда поганой метлой. Я вполне допускаю, что Жолташ может «сливать» информацию американцам, но делает это... как бы это лучше сказать, неосознанно.

– То есть?

– Ею, например, могут манипулировать, использовать втемную.

– Кто?

– А вот этого, Глеб Сергеевич, я не знаю. Во всяком случае, пока. Впрочем, как и вы. Но нам с вами за то и платят деньги, чтобы мы в подобных ребусах находили разгадку. Вы помните, с чего начался наш разговор с Жолташ?

– С шоколада.

– Нет, это бытовая его часть, а я имею в виду идейную.

– С Радзинского?

– Правильно. С каким восторгом она говорит о нем и его идеях. Так может говорить только женщина, которая способна увлечься не столько мужчиной, сколько его идеями. А каким мужчинам отдает предпочтение Юлия Андреевна?

Жмых, не найдя ответа, пожал плечами.

– Тогда послушайте еще раз концовку нашего разговора – ту, где Жолташ отказала мне в номере своего мобильного.

И Кондратьев нажал на кнопку «включение». На экране вновь возник салон «Форда» и разговор двух пассажиров:

Кондратьев: «Если вы не возражаете, то мы могли бы обменяться номерами наших мобильных телефонов».

Жолташ: «Возражаю. Вы наверняка захотите за мной ухаживать, а я предпочитаю либо своих ровесников, либо мужчин чуть постарше».

Да и политические воззрения у нас с вами разные. Извините за правду и до свидания».

– Ну, что скажете? – вопросительно взглянул на собеседника Кондратьев.

– Скажу, что вы как мужчина не произвели на нее должного впечатления, – не смог сдержать улыбки Жмых.

– Я думаю, вам бы она отказала не менее жестко, – парировал Кондратьев. – Но оставим в покое нас, стариков, а обратим внимание на ее слова про ровесников и мужчин чуть постарше. Не кажется ли вам, Глеб Сергеевич, что эта женщина далеко не одинока?

– Намеряете на ее возможный роман с кем-то?

– Не с кем-то, а с ровесником. Или мужчиной чуть старше ее. Вспомните ее слова о том, как некто называет ее заблудшей, а также ее нежелание говорить о нем более подробно. Единственное, что мы о нем знаем: он мыслит гораздо радикальнее нее.

– И этот мужчина может ею манипулировать или использовать втемную?

– Я всегда ценил вас за то, что в куче навоза вы способны отыскать жемчужину. Короче, займитесь ближайшим кругом знакомств Жолташ, ее мужским окружением. Если меня не подведет интуиция, то мы можем отыскать там нечто весьма интересное.

* * *

Египет, город Каир.

Посольство Российской Федерации

В российском посольстве в Каире, что в районе Докки, на улице Гиза, проходил прием для полутора десятков сирийских граждан – деятелей культуры, военных, дипломатов. После торжественной части все переместились в банкетный зал, где состоялся обед за богато сервированными столами. В просторном помещении собралось порядка четырех десятков человек, которые под звуки открываемых бутылок из-под шампанского принялись провозглашать тосты в честь российско-сирийской дружбы, подвергающейся сегодня одной из

самых серьезных проверок в результате блокады Сирии со стороны западных государств.

Звуки фуршета разносились далеко по посольству, но только в одном кабинете их не было слышно совсем – в звукоизолированной комнате для переговоров, где в этот час собрались четыре человека: резидент российской разведки Роман Громадский, Иван Максимов, Леонид Грошев и Хафез Раджих. На фоне проходящего по соседству праздничного фуршета тема для развернувшегося в переговорной разговора была более чем грустной – провал операции в отеле «Найл Хилтон». Эту новость сообщил Раджих, рассказавший собравшимся о том, что охранник отеля Исмаил Фахми, согласившийся добыть видеозапись, где мог быть изображен завербованный американцами «крот», в назначенное время на условленную встречу в ресторан не явился. Спустя несколько часов гостиничный портье, работавший на сирийскую разведку, сообщил, что Исмаил Фахми был найден мертвым в своем автомобиле на подземной парковке. По версии прибывшей к месту трагедии полиции, охранник покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе из пистолета в висок. Никаких дисков с записями при нем обнаружено не было.

– Значит, мы рассчитали правильно: «крота» вербовали именно в «Найл Хилтоне» при активном участии Саймона Янга, – закончил свой рассказ Раджих.

– Не подлежит сомнению и то, что это не суицид, а спланированное убийство. Фахми убрали именно по приказу Янга, – дополнил картину происшедшего Громадский. – Но как он смог узнать о предстоящей операции? Может, с вашей стороны была утечка?

– Кроме меня об операции знали еще два человека – все более чем надежные люди, неоднократно проверенные в самых рискованных делах, – ответил Раджих.

– С нашей стороны осведомленных людей было столько же, причем все они сейчас сидят в этом кабинете. Надеюсь, тень подозрения в предательстве на нас тоже пасть не может.

– Тогда кто? – подал голос Грошев.

– Я полагаю, что утечка могла произойти по вине третьей стороны, – предположил Максимов. – Либо допустил ошибку непосредственно сам Фахми, либо люди Янга сумели каким-то образом просчитать наши действия и связать их с поисками «крота».

– В любом случае Янг прекрасно осведомлен о том, что мы вычислили место вербовки их агента, а это значит, что он убрал не только Фахми, но и успел уничтожить записи видеонаблюдения, за которыми мы охотились, – сделал невеселый вывод Громадский. – Каким образом теперь выходить на «крота» из Египта, непонятно.

– А мне кажется, все более чем понятно – через самого Янга, – подал идею Раджих.

– У вас есть какие-то идеи? – поинтересовался российский резидент.

– Провести боевую операцию: захватить Янга и под пытками вытащить из него имя «крота».

Предложение было настолько неожиданным, что вызвало некоторое замешательство у присутствующих. Первым на него среагировал Максимов:

– Считаю, что боевую операцию проводить нельзя. Это равносильно объявлению открытой войны, что может повлечь за собой самые непредсказуемые последствия. Ведь и ЦРУ после подобного демарша не будет сидеть сложа руки и наверняка устроит такую же провокацию против кого-нибудь из наших, будь то россияне или сирийцы.

Это мнение почти одновременно поддержали и Громадский с Грошевым.

– Других идей у меня нет, – развел руками Раджих.

– Зато есть у меня, – сообщил Максимов. – Раджих прав: надо действовать непосредственно через Янга. Только не с помощью грубой силы, а посредством дипломатии: войти с ним в непосредственный контакт и в ходе этого знакомства вывести у него имя «крота».

– Сомневаюсь, что такого рода дипломатия может принести успех, – не скрывая своего скепсиса, заметил Раджих. – Янг настолько прожженный интриган, что... как это по-русски, прислонить его к стенке таким методом почти невозможно.

– Припереть к стенке, – поправил сирийского коллегу Максимов. – Под дипломатией я подразумевал не только совместное распитие алкогольных напитков и раскуривание кальяна, но и нечто другое. Алкоголь и кальян – это только внешний фон, который должен отвлечь его внимание, усыпить бдительность. Главное – выяснить его

подноготную, нащупать уязвимую точку и ударить по ней со всей силы. И миссию эту я готов взять на себя.

– Ну что ж, этот вариант лично меня устраивает больше, чем открытая конфронтация с цэрэушниками, – согласился с услышанным Громадский. – Что потребуется от нас?

– Прикрывать меня в случае разного рода непредвиденных случайностей. А непосредственно сейчас – заселить меня, наконец, в «Найл Хилтон».

– Считайте, что вы уже там: номер «съют» на седьмом этаже с сегодняшнего утра забронирован за вами, – сообщил Грошев.

– В таком случае нашу встречу можно считать закрытой, – Громадский собрался было встать из-за стола.

– Одну минуту, Роман Аркадьевич, – остановил его Максимов. – Есть еще один деликатный вопрос, который нельзя оставлять без нашего участия. Речь идет о дочери несчастного Исмаила Фахми. Девочке нужна срочная операция, которую взялись провести врачи Международного госпиталя. Но она сорвется, если родители малышки... вернее, один из родителей – ее мама, не сможет гарантировать оплату операции полностью.

– Вы хотите сказать, что мы должны взять эту проблему на себя? – удивился Громадский.

– Вот именно.

– Но с какой стати? Фахми погиб, так и не успев передать нам то, что обещал. Значит, условия обоюдного договора с его стороны не выполнены.

– Вы забываете, Роман Аркадьевич, что в гибели Фахми есть и доля нашей вины.

– Эта вина косвенная.

– Разве это имеет значение? Именно мы положили начало этой истории и теперь должны ее цивилизованно закончить. Если девочка умрет, то здесь наша вина будет уже не косвенной, а прямой. Разве это по-божески?

– Я разделяю вашу точку зрения, Иван Ильич, но мы все же не благотворительная организация, – Громадский все еще пытался отстоять свою позицию, но уже без прежней настойчивости.

Уловив это, Максимов использовал последний аргумент:

– Да, благотворительность – не наш «конек». Но мы с вами, Роман Аркадьевич, служим в организации, в основание которой были заложены гуманистические принципы. Не хочу быть чересчур пафосным, но вспомним слова основателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского: «У чекистов должны быть горячее сердце, чистые руки и холодная голова». Сегодня мы должны проявить свое горячее сердце. Будет совсем по-свински, если мы, став невольными виновниками гибели одного человека, не протянем руку помощи его ребенку, тем самым обрекая на смерть и это безвинное создание. В том, чтобы девочка осталась жива, и есть высшая справедливость, проявление того самого гуманизма, о котором я упоминал.

После этих слов в кабинете наступила тишина. Нарушал ее только мерный звук двигающейся стрелки на настенных часах. Все ждали реакции резидента, и она последовала.

– Хорошо, будем гуманистами, – согласился Громадский. – Я дам распоряжение составить соответствующую шифротелеграмму в Москву, в которой Центру будет дано разъяснение, на какие нужды были израсходованы сорок тысяч долларов. Будем уповать на то, что Центр согласится разделить с нами наш гуманизм.

* * *

Египет, город Каир, отель «Найл Хилтон». ***Улицы города***

Серебристая «Мазда» старшего инспектора каирской криминальной полиции Хабиба Салама медленно двигалась в шумном потоке автомобилей. На повороте, ведущем в восточную часть Каира, район Эль Марк, случился небольшой затор, вызванный вполне обычным явлением: согбенный седовласый старик переезжал со своей груженой скарбом повозкой, запряженной ослом, шесть автомобильных рядов. Глядя на этого седого как лунь старика, Салам попытался угадать его возраст – где-то в районе восьмидесяти. «Есть ли высшая справедливость в том, что Аллах разрешает кому-то дожить до глубоких седины, а кого-то забирает в молодом возрасте? – размышлял Салам, глядя на согнутую спину старика. – Почему,

например, Аллах забрал на небеса молодого парня Исмаила Фахми, и теперь такая же участь может ожидать и дочь этого несчастного? В чем здесь кроется высшая справедливость?».

Тут же на ум пришли строчки из «Аль-Джаму'а», которые Салам помнил наизусть: «Поистине, нет спасения от смерти, от которой вы бежите. Она непременно постигнет вас, потом вы будете возвращены к тому, кто знает сокровенное и явное, и Он вам напомним то, что вы творили».

«Напомним то, что вы творили, – мысленно повторил Салам. – Но что может натворить ребенок всего трех лет от роду?».

Почти три десятка лет Салам служил в «убойном» отделе криминальной полиции, но подобные мысли посещали его каждый раз, когда жертвами разного рода преступлений становились люди достаточно молодые, а то и вовсе дети. Глядя на их лица, еще не испещренные рядами морщин, Салам каждый раз невольно вздрагивал от внутреннего протеста, возникавшего в нем от столь кричащего противоречия, совмещения двух несовместимых вещей – молодости и смерти.

В отель «Найл Хилтон» Салам приехал за несколько часов до этого, рано утром, когда весть о трупе, обнаруженном в подземной парковке, достигла стражей порядка. Причем начальник полиции, отправляя Салама по этому вызову, зачем-то предупредил его: мол, это – чистое самоубийство, дело не стоит и выеденного яйца.

– Так что зафиксируй происшествие, опроси для проформы свидетелей и возвращайся назад. И заверши, наконец, расследование убийства хозяина обменного пункта, которое висит на тебе вот уже больше месяца.

Поэтому, отправляясь в отель, Салам рассчитывал управиться со свалившимся на него происшествием быстро. Тем более что его напарник вот уже третьи сутки лежал дома с температурой, поэтому свалить это дело на него не было никакой возможности. А дело хозяина «обменника», зарезанного возле собственного дома неизвестным убийцей, действительно висело дамокловым мечом над Саламом, не давая покоя ни ему, ни его начальству. Однако не зря на Востоке есть поговорка: пока человек рассчитывал, Аллах над ним смеялся.

Когда Салам приехал к месту происшествия, там уже вовсю трудились эксперты: снимались отпечатки пальцев, фотографировалось место и сама жертва. На первый взгляд, все действительно выглядело более чем понятно: труп сидел на переднем сиденье автомобиля «Рено», правая рука сжимала пистолет, в виске – пулевое отверстие. Правда, никакой предсмертной записки рядом с покойным обнаружено не было, как и других вещей, кроме портмоне с небольшой суммой денег на карманные расходы.

Здесь же был и начальник охраны отеля Рашид аль-Сайед, который рассказал Саламу возможную причину самоубийства его подчиненного – тяжелая болезнь дочери. Правда, в ходе этого допроса инспектор отметил одну странность: для проведения операции дочери покойному Фахми нужны были деньги, причем большие, которые он накануне своей смерти все-таки нашел. Причем выглядел при этом более чем счастливым. И вдруг – самоубийство. Почему?

– Я думаю, что он сомневался в успехе операции, поскольку у дочери было редкое заболевание – там две болезни сердца одновременно. А младшую дочь он любил сильнее всех своих детей, потому и не смог выдержать груза мыслей о ее возможной смерти, – высказал свою версию начальник охраны.

Салам мысленно согласился с таким доводом, хотя некий подозрительный пунктик в его сознании все-таки запечатлелся. А потом подобные пунктики начали численно расти и расти, напрочь ломая такую стройную первоначальную версию.

Обратив внимание на то, что участок парковки, на котором произошло самоубийство, обслуживается двумя видеокамерами, Салам задал начальнику охраны резонный вопрос:

– Эти видеокамеры рабочие?

– Естественно.

– Мне хотелось бы взглянуть на записи с них.

И они прошли в комнату, где находился видеорегистратор. Оператор достаточно скоро нашел нужные видеокамеры и вывел искомые записи на монитор. И тут выяснилось, что запись с обеих камер велась до 23 часов 40 минут вчерашнего дня, после чего начались помехи, которые длились до 00 часов 20 минут уже следующего дня. Более того, точно такие же помехи оператор обнаружил и на соседних парковочных камерах.

– Что случилось с камерами в эти полчаса, мы можем выяснить? – спросил инспектор.

Начальник лишь развел в недоумении руками, а вот оператор после внимательного изучения помех все же высказал свое предположение:

– Судя по всему, это какое-то внешнее влияние. Оно похоже на радиопомехи, когда рядом включается мощное излучающее оборудование, например радиопередатчик или радар. Именно они, видимо, и вызвали столь частые волны колебаний, которые исказили видеоизображение.

– А каким образом такой радиопередатчик мог попасть на парковку?

– Да как угодно, его можно разместить в обычном автомобиле.

– То есть его могли включить на определенное время, чтобы вывести из строя видеонаблюдение на парковке?

Оператор утвердительно кивнул головой.

– А что же ваша охрана не обратила на это внимание? – Салам повернулся к аль-Сайеду.

– Почему не обратила? – искренне возмутился охранник. – Вполне вероятно, что это было зафиксировано в их журнале.

Однако когда в руках у Салама оказался искомый документ, никаких записей на этот счет он там не обнаружил. Получалось, что охрана попросту прозевала этот эпизод.

– Может, охранник в этот момент куда-нибудь отлучился или был занят чем-то другим? – растерянно произнес аль-Сайед, продолжая листать журнал, как будто от этого мог быть какой-то толк.

– А где в этот момент находился Фахми, вы знаете?

– Когда именно?

– Когда вышли из строя видеокамеры.

– Его напарник рассказал мне, что он отлучился от главного монитора после одиннадцати вечера и больше там не появился.

– А куда он отлучился, сказал?

– Нет.

– А записи с видеокамер вы смотрели?

– Зачем, если и так ясно, что это самоубийство.

– Это вам ясно, а мне пока не очень.

Повернувшись к оператору, Салам спросил:

– Мы можем посмотреть перемещения Фахми после одиннадцати вечера?

– Без проблем.

Спустя несколько минут эти записи уже транслировались на мониторе. Было видно, что Фахми в 23.10 покинул операторскую и зашел в видеорегистраторскую. Там он пробыл более получаса, после чего отправился на парковку. Дальше шел обрыв записей. Больше ни одна видеокамера не запечатлела Фахми живым. С этого момента в голову Салама стали закрадываться мысли, что это самоубийство выглядит весьма подозрительно.

– А зачем Фахми мог приходить в видеорегистраторскую, да еще на полчаса? – задал очередной вопрос оператору Салам.

– Судя по всему, смотрел какие-то прошлые записи.

– Или их скопировал? – высказал предположение инспектор. – А мы можем по вашей базе узнать, что это были за записи?

– Попробуем, – ответил оператор и стал энергично бить по клавишам клавиатуры, выводя на монитор компьютера какие-то данные из видеорегистратора. Но спустя несколько минут он разочарованно произнес:

– Увы, но данные за тот период, когда здесь был Фахми, стерты.

– Кто же их стер?

– Не знаю, может быть, сам Фахми подчистил базу данных, когда уходил.

– Значит, установить, какие именно записи его интересовали, мы не сможем?

– Скорее всего, нет.

– Но если предположить, что здесь кто-то был после Фахми, мы можем увидеть этого человека или людей на записи с видеокамер?

– Не можем, – ответил оператор и, поймав вопросительный взгляд инспектора, пояснил:

– Записи с этой камеры тоже стерты.

«Значит, здесь действительно были посторонние, – подумал Салам, но высказать эту мысль вслух поостерегся, не желая разглашать свои выводы перед посторонними. – К тому же в вещдоках, обнаруженных в одежде Фахми, ключей от видеорегистраторской найдено не было. Выходит, кто-то их у него позаимствовал, поскольку на стоянку он наверняка пришел с ними».

– А у Фахми были какие-нибудь конфликты с коллегами по работе или, может быть, с персоналом отеля? – задал очередной вопрос начальнику охраны инспектор.

– Я ни о чем подобном не слышал. Так вы думаете, что это все-таки могло быть не самоубийство?

– Я пока ничего не думаю, я всего лишь сопоставляю факты. Может быть, кто-то спрашивал вас о Фахми в последнее время, интересовался его делами?

– Да, нет, вроде, – пожал плечами аль-Сайед. – Хотя... Саймон Янг вчера хотел выразить ему свое сочувствие по поводу болезни его дочери.

– Кто такой Саймон Янг?

– Это очень уважаемый человек, американец. Он большая шишка в компании «Индастри электроникс» и вот уже несколько лет является постояльцем нашего отеля. Живет на восьмом этаже.

– А как он узнал о болезни малышки?

– Я ему вскользь рассказал во время делового разговора.

– О чем разговор, если не секрет?

– Я же сказал, что деловой: мы вели речь о возможном переоборудовании отеля силами его компании.

Салам сразу догадался о финансовой составляющей подобного разговора и возможной заинтересованности в этой составляющей начальника охраны, поэтому не стал углубляться в данную тему. Но имя американца на всякий случай запомнил.

Вернувшись на парковку, к месту происшествия, Салам застал там окончание работ. Тело погибшего уже увезли, а его автомобиль отогнали в полицейский участок. Инспектор подошел к одному из экспертов, который собирался покидать отель на служебном автомобиле.

– Ну что скажешь, Хусейн?

– Скажу коротко: огнестрельное ранение головы, несовместимое с жизнью.

– Это я и сам знаю. Что-то необычное есть?

– Необычным я бы назвал ствол. «Ругер Mk» 22-го калибра в руках рядового охранника выглядит странно. Таким оружием обычно владеют сотрудники спецслужб или террористы. Короче, не по чину чалма.

Это был очередной «пунктик» из числа подозрительных в череде умозаключений Салама. Сначала была нестыковка мотива самоубийства (вроде деньги на операцию дочери найдены, а отец хватается за пистолет), потом возникли испорченные видеокамеры (порча на них нашла как раз в момент самоубийства), стертые записи в видеорегистраторе и, наконец, в конце «нарисовался» крутой пистолет, который в руках охранника выглядел более чем странно. С другой стороны, если это было не самоубийство, а убийство, как могли его организаторы наоставлять такую кучу следов? Объяснений здесь могло быть два: первое – все делалось в спешке, второе – расчет был на то, что полиция ухватится за версию самоубийства и сделает ее приоритетной. «А ведь именно эту версию мне сегодня с утра и вкладывал в голову мой начальник», – вспомнил Салам.

В этот миг заиграла мелодия на его висящем на поясе мобильнике. Самое удивительное, но звонил тот самый человек, о котором секунду назад старший инспектор и подумал.

– Ты куда пропал? – зазвучал в трубке голос начальника полиции.

– Как куда – делом занимаюсь.

– Это дело пора уже сдать в архив. Ты забыл, что тебя ждут дела поважнее?

Под последними словами подразумевалось все то же дело об убийстве владельца валютного обменника. Хотя, что там было особенного – зарезали мужчину за барсетку с парой тысяч долларов. То ли дело здесь: загадочное убийство, возможно, замаскированное под суицид. Было где развернуться и прославиться. Но Салам своим чутьем опытного оперативника буквально чувствовал, что начальник полиции намеренно отваживает его от этого дела. И это еще сильнее распалило охотничий азарт старшего инспектора.

– Я приеду через час, – произнес он в трубку.

– Почему так долго?

– Хочу заехать еще в одно место, здесь по пути.

– Что за место?

– Расскажу, когда приеду, – и Салам нажал на «отбой».

Вспоминая за рулем своей «Мазды» все эти события, старший инспектор никак не мог отделаться от мысли, что начальник полиции не случайно хочет побыстрее закрыть дело о самоубийстве. В памяти старшего инспектора всплыл эпизод сегодняшнего утреннего

посещения кабинета начальника. Когда Салам вошел к нему, тот разговаривал с кем-то по телефону, но, увидев вошедшего, прикрыл трубку рукой и попросил пару минут подождать в коридоре. А когда Саламу было разрешено войти, тут и прозвучало: «Это дело о самоубийстве не стоит и выеденного яйца». То есть мнение об этом деле у начальника уже было сформировано им самим или кем-то со стороны. Если последнее верно, то кем? Может быть, жена Исмаила Фахми сумеет прояснить эту ситуацию?

Именно к ней Салам сейчас и направлялся, двигаясь в сплошном потоке автомобилей, выстроившихся в шесть рядов на каирских улицах. Ехать предстояло на восток города – в район Эль Марк, в обычный четырехэтажный дом, номер которого старшему инспектору предупредительно написал на клочке бумаги начальник гостиничной охраны.

Когда Салам нашел нужный дом и поднялся на последний, четвертый этаж, дверь ему открыла непосредственно жена погибшего – Залика Фахми. Красные от слез глаза говорили лучше всяких слов о внутреннем состоянии женщины, поэтому Салам с порога выразил ей свои соболезнования. После этого представился, назвав свое имя и звание. Узнав, что ее гость служит в полиции, женщина вышла на лестничную площадку, прикрыв за собой дверь. Салам услышал, как за дверью мулла читал аяты из Корана – шли приготовления к похоронам, поэтому расценил поступок хозяйки как естественный.

– Что вас интересует? – голос Залики был на удивление спокойным.

– Было ли у вашего мужа оружие – пистолет? – с места в карьер взял Салам.

– Никогда не было. На работе это было не нужно, а дома тем более.

– А мог он его прятать от вас?

– Не мог, поскольку мой муж ничего от меня не скрывал. И вообще, это не могло быть самоубийством.

– Почему вы так считаете?

– Вы видели моего мужа мертвым?

– Да, конечно.

– Как он это сделал?

– Выстрелом в висок.

- В правый или левый?
- В правый. А какая разница?

– Дело в том, что мой муж левша с рождения. Он даже нож держит... держал в левой руке, и топор, которым рубил дрова, и ложку за столом. В той же руке он должен был держать и пистолет.

Салам мысленно восхитился не только выдержке и самообладанию этой женщины, несколько часов назад потерявшей горячо любимого мужа, но и ее сообразительности. А в свой реестр подозрительных «пунктиков» добавил еще один.

– И вообще, с чего моему мужу было стреляться, когда он сумел раздобыть деньги на операцию для нашей дочери, – продолжила свои рассуждения жена погибшего.

- Он вам сам об этом рассказал?

– Конечно, сам. Он заплатил первый взнос – десять тысяч долларов еще вчера, когда дочь перевели в Международный госпиталь. А сегодня мы получили недостающую часть этих денег – тридцать тысяч.

Сказав это, Залика показала из-под накинутого на голову и плечи широкого платка руку, в которой был зажат конверт.

- Кто принес вам эти деньги?

– Добрые люди.

– Они называли себя?

– Добрые люди могут не называть своих имен: Аллах и без этого их знает и видит их деяния.

- Когда они приходили?

Вместо ответа женщина кивнула за спину гостя. И Салам вспомнил, что в тот момент, когда он входил в подъезд, из него вышел высокий мужчина-араб в дорогом белоснежном костюме. Бросив женщине на ходу «До свидания», старший инспектор выбежал во двор, однако высокого араба уже давно и след простыл.

* * *

Сирия, город Дамаск

Взяв в руки большой охотничий нож, Закхей аль-Хадж одним движением вскрыл картонную коробку и извлек из нее полиэтиленовый пакет. В нем он обнаружил то, что и должен был найти – накладной живот, имитирующий беременность сроком 7–9 месяцев. Повертев его в руках, аль-Хадж поразился профессионализму создателей этого изделия: оно было выполнено на высочайшем уровне. Накладка была изготовлена из гипоаллергенного силикона, здесь же был и комплект специального нижнего белья. Надев такой «живот», женщина могла не бояться, что ее могут уличить в подвохе, чего, собственно, и добивался аль-Хадж – один из лидеров «Аль-Каиды», дислоцированной в Сирии и ведущей войну против законного правительства Башара Асада. Накладной живот предназначался для террористки-смертницы, которая должна была через несколько часов взорвать себя внутри штаб-квартиры сирийской госбезопасности.

Таких высококлассных накладных животов в Сирии не сыскать, поэтому достать их можно было только за границей. Аль-Хаджу в этом помог его старый приятель и тайный куратор ячейки «Аль-Каиды» в Сирии сотрудник ЦРУ Саймон Янг, с которым они были знакомы еще с войны в Афганистане, а потом вместе сотрудничали в Европе – в Косово. Это Янг во время последней их встречи в Египте в июне этого года, узнав о том, что аль-Хадж готовит в одной из секретных школ нескольких террористок-смертниц, предложил посылать их на дело беременными. Увидев смятение на лице аль-Хаджа, Янг рассмеялся:

– Не волнуйся, Закхей, речь идет о ложной беременности. Твои женщины должны надеть на живот специальную накладку, которая имитирует беременность. Сам понимаешь, таких женщин ни одна охрана не посмеет заподозрить в плохих намерениях.

– Где же достать такие накладки? – явно заинтересованный, спросил аль-Хадж.

– Можно сделать их самостоятельно, но это будет, как говорят у нас в Америке, плохой бизнес. Поролоновую накладку легко разоблачить, стоит кому-то из охранников тронуть смертницу рукой за живот. А вот силикон имитирует реальную плоть. Такие животики хорошо делают у нас в Америке, например в Голливуде. Так что если хочешь, я могу заказать для тебя пару-тройку штук.

– Почему не больше?

– А ты подумай сам.

Аль-Хадж догадался сразу: после первых же взрывов с использованием такого рода смертниц бдительная охрана, оповещенная коллегами, перестанет допускать беременных женщин внутрь охраняемых помещений. Однако для одного-двух взрывов такие накладные животы вполне могли бы сгодиться. Поэтому заказ Янгу был дан. На днях посылка прибыла в Дамаск, а сегодня один из таких «животиков», как игриво назвал их Янг, должен был украсить тело первой смертницы – 23-летней Сэдры Назур, муж которой, повстанец, погиб три месяца назад во время боев с правительственными войсками. И сегодня женщина, прошедшая двухмесячное обучение в секретной школе, должна была за него отомстить, взорвав себя и тем самым унеся на тот свет сразу несколько десятков убийц своего супруга.

На съемную квартиру на юго-восточной окраине Дамаска Сэдра должна была явиться не одна, а в сопровождении напарницы – женщины, которая помогла бы собрать ее в последнюю дорогу: переодеть и закрепить на теле «пояс шахида» – взрывчатку, которую помог достать все тот же Саймон Янг. Это была керамическая взрывчатка, которую нельзя было выявить ни одним металлодетектором. Ею американцы снабжали сирийских повстанцев, но Янг нашел возможность переправить ее через третьи руки ячейке аль-Хаджа. Естественно, не бескорыстно, поскольку в Янге легко уживались сразу два таланта – матерого разведчика и прожженного коммерсанта. При этом аль-Хадж, давно зная своего приятеля-цэрэушника, прекрасно понимал, что эта гремучая смесь может нести в себе как благо, так и опасность: всегда существовала вероятность того, что в погоне за коммерческой выгодой Янг сможет легко предать того, с кем только вчера ел плов из одной тарелки.

Стрелки на настенных часах показывали два часа дня, а женщин все не было. Но поскольку контрольного звонка от группы сопровождения не поступило, значит, дело было не в срыве операции из-за возможного разоблачения, а в какой-то незначительной оказии, которая могла задержать прибытие группы в точно обусловленное время. Так оно и вышло. Не прошло и пяти минут, как в дверь квартиры позвонили условным сигналом. Аль-Хадж открыл дверь и впустил в помещение прибывших: двух женщин и трех мужчин из группы силового прикрытия. Последних аль-Хадж попросил тут же

удалиться и ждать их на улице в машине, а женщинам приказал начать подготовку к операции. Взяв со стола накладной живот и «пояс шахида», те уединились в соседней комнате.

То время, пока их не было, аль-Хадж смотрел телевизор, гоняя его по всем каналам. Новостные сообщения, где речь шла об успехах правительственных войск, он смотрел и слушал с особым интересом, поскольку мысленно уже предвкушал, как заголосят эти же каналы, когда их операция будет завершена. До ее начала оставалось чуть меньше двух часов.

По мнению аль-Хаджа, разработчика этой акции, все должно было пройти без каких-либо непредвиденных обстоятельств. Беременная женщина не должна была вызвать у охранников, стоявших на входе в здание службы госбезопасности, особенных подозрений, тем более что на руках у нее был подлинный документ – справка-вызов на фирменном бланке сирийской ГБ, которую им раздобыл свой человек, работавший в этом учреждении уже не один год. На справке значилось имя подлинного человека, не имевшего к террористам никакого отношения, но которого знали все в этом здании – имя заместителя начальника госбезопасности. Все это гарантировало смертнице беспрепятственный проход в здание.

Минуло чуть больше получаса, как женщины удалились в отдельную комнату. Наконец, они вышли к аль-Хаджу, который тут же выключил телевизор и самым внимательным образом осмотрел Сэдру со всех сторон. Даже потрогал ее накладной живот, вновь восхитившись профессионализмом тех, кто его сделал: имитация живой плоти была превосходная. Ни один охранник, реши он проверить беременную, не способен был ее разоблачить, если, конечно, он не захотел бы ее раздеть. Но до этого дойти было не должно. Очень ловко был подогнан к фигуре смертницы и «пояс шахида»: его крепление было выведено на грудь, а сама взрывчатка расположилась на спине; под достаточно просторным платьем ничего не было заметно. Привести в действие взрывной механизм Сэдра должна была с помощью специального приспособления, которое пряталось в кулаке. Это был рычажок, который при разжатии ладони должен был сыграть роль чеки у гранаты: после отжатия он подавал импульс на взрывчатку, и следовал взрыв. Обезвредить такого террориста можно было только в одном случае – если не дать ему

разжать ладонь. Что, конечно же, было делом весьма и весьма сложным. Однако в данном конкретном случае у охранников вообще не было никаких шансов, поскольку аль-Хадж держал наготове запасной вариант: в случае если бы Сэдру разоблачили на входе, профессиональный снайпер, сидящий с ним в машине, должен был застрелить смертницу, тем самым способствуя непроизвольному разжатию ладони.

Зная о том, что все необходимые религиозные мероприятия со смертницей были проведены заранее, еще до поездки сюда, аль-Хадж не стал тянуть время и, благословив смертницу всего одной фразой – «Твой муж ждет тебя в раю», вывел ее на улицу. Теперь на двух машинах им предстояло преодолеть многокилометровый путь до центра Дамаска, где располагалось здание государственной безопасности. Там их должна была поджидать еще одна группа террористов, подготовившая второй теракт – взрыв автомобиля, начиненного взрывчаткой. Управлять последним должен был мужчина-смертник, причем сигналом к атаке должен был послужить подрыв его напарницы-смертницы – Сэдры. Таким образом, в результате двух почти одновременных терактов сирийской ГБ должен был быть нанесен максимальный ущерб.

Автомобили двигались по улицам Дамаска с максимальной осторожностью – не превышая скорости и не привлекая к себе внимания дорожной полиции. Аль-Хадж сидел в головной машине, имея при себе два пистолета: один был в кобуре под мышкой, другой за поясом на спине. На заднем сиденье сидел снайпер, винтовка которого покоилась у него под ногами. Сэдра ехала во втором автомобиле, который шел почти вплотную за первым. В сплошном автомобильном потоке было трудно отстать друг от друга, хотя такая вероятность была: этот поток то и дело пересекали прохожие, из-за которых приходилось каждый раз тормозить, в то время как передние автомобили двигались дальше. Однако террористам удалось-таки добраться до места назначения, причем на пять минут раньше намеченного времени. Они остановились на противоположной стороне от здания ГБ и сразу заметили своих коллег из второй группы, которые припарковались метрах в двухстах от входа в то же здание и внимательно следили за действиями группы аль-Хаджа, которая должна была начать действовать первой. Ждать пришлось недолго.

Вскоре из своей машины вышла Сэдра, которая неспешным шагом стала переходить площадь перед зданием ГБ. Она шла с гордо поднятой головой, выпрямив спину, и все автомобили, которые двигались в двух разных направлениях, притормаживали перед ней, тем самым давая ей возможность продолжать свой путь. Последний в ее такой короткой жизни. Аль-Хадж внимательно смотрел в спину удаляющейся женщине, мысленно восхищаясь ее самообладанием: ни разу она не остановилась больше чем на несколько секунд, ни разу не обернулась назад, чтобы взглядом проститься со своими соратниками. Она уже давно все для себя решила, перечеркнув свою земную жизнь раз и навсегда.

Когда до входа в здание ГБ ей оставалось порядка полсотни метров, аль-Хадж дал команду снайперу взять женщину в перекрестье оптического прицела снайперской винтовки. Тонированные стекла автомобиля позволяли снайперу легко скрыться от любопытного стороннего взгляда, а слегка приоткрытое для выстрела окно не давало возможности увидеть дуло винтовки, спрятанное внутри салона. Глядя в прицел, снайпер видел все, что творилось у входа в здание госбезопасности. У ворот стояло несколько вооруженных автоматами охранников в легких бронежилетах (столбики термометров в тот час застыли на отметке плюс 28 градусов). Когда Сэдра подошла к ним, она протянула ближнему к себе охраннику справку с вызовом (другую руку с зажатым в ладони взрывателем она прижала к животу), которую тот внимательно изучил. В это время его коллега, стоявший рядом, приблизился к женщине и положил руку ей на живот. Палец на спусковом крючке винтовки уже был готов произвести выстрел. Но этого не понадобилось. В следующую секунду охранник убрал руку от живота посетительницы, явно не догадавшись об его искусственном происхождении. Аль-Хадж в сотый раз возблагодарил Аллаха, а заодно и Саймона Янга, который придумал этот трюк и снабдил террористов таким первоклассным изделием. Охранники расступились перед женщиной, и она, благополучно пройдя металлодетектор, оказалась внутри территории ГБ. Теперь ей надо было преодолеть несколько десятков метров внутреннего двора, войти в здание и уже там произвести взрыв.

До входных дверей оставалось всего ничего, как вдруг из них вышел мужчина, который остановился перед Сэдрой как вкопанный.

Если бы аль-Хадж и его соратники слышали тот возглас, который слетел с его губ, они бы догадались обо всем сразу. Но они ничего не слышали, разделенные от женщины более чем сотней метров. Между тем, мужчина, вставшей на пути у Сэдры, был ее соседом по дому. Он не виделись два месяца с тех пор, как Сэдра исчезла из поля зрения близких и знакомых, уйдя в секретную школу для террористов-смертников. И вот теперь, встретив соседку, которая еще два месяца назад ходила с плоским животом, а теперь была на последних месяцах беременности, мужчина, естественно, впал в ступор.

Аль-Хадж, наблюдавший за развитием ситуации из полуоткрытого окна автомобиля, никак не мог понять, в чем дело. Но интуиция матерого боевика подсказывала ему, что ситуация вышла из-под контроля, что в дело вмешался тот самый непредвиденный фактор, который, составляя одну миллионную долю вероятности, может возникнуть в самый неожиданный момент. Судя по всему, именно это сейчас и случилось. Видя, что незнакомый мужчина не дает Сэдре войти в здание и что их разговор переходит на повышенные тона (а об этом говорила бурная жестикуляция мужчины), аль-Хадж напрягся. Он чувствовал, что и снайпер за его спиной испытывал те же чувства, напряженно ожидая команды. Требовалось принять единственно правильное решение, но аль-Хадж медлил, надеясь, что Сэдре повезет. Но этого не происходило. Более того, на громкие крики мужчины уже начали реагировать охранники, которые стояли у ворот: они повернули головы в сторону шума. А тут еще к воротам подошла внушительная компания мужчин в военной форме, явно намереваясь войти внутрь. Вот тогда аль-Хадж и принял решение, скомандовав снайперу: «Стреляй в мужчину!». Раздался выстрел, и пуля, выпущенная из винтовки, уже спустя секунду разнесла полчерепа мужчине, преградившему дорогу Сэдре. Путь в здание перед ней был расчищен, и женщине надо было преодолеть всего лишь несколько шагов, чтобы вбежать в дом. Но вышло иначе. Предсмертный крик смертельно раненого соседа, а также брызги крови вперемешку с мозгом, которые теплой волной брызнули в лицо женщине, заставили ее на секунду потерять самообладание. Этой секунды хватило, чтобы ее левая рука инстинктивно разжалась и «пояс шахида» сдетонировал. Раздался мощный взрыв, который разнес женщину в клочья.

В следующую секунду вторая группа террористов немедленно начала свою фазу атаки. Головной автомобиль, с сидящим за рулем смертником, рванул с места и на полной скорости врезался в охранников, стоявших у входа в здание. Раздался еще более мощный взрыв, чем предыдущий, который разнес на куски не только входные ворота вместе с охранниками и представительной делегацией, но и половину ближайшего угла здания госбезопасности. Десятки людей, находившиеся ближе всего к месту взрыва, как подкошенные рухнули на землю, сраженные взрывной волной, осколками от бомбы и взорванных конструкций. В этом шуме и гвалте аль-Хадж скомандовал водителю отход, после чего их автомобиль набрал скорость и уже спустя минуту затерялся в сплошном транспортном потоке.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

Водрузив на нос очки, Кондратьев углубился в текст очередной шифротелеграммы, присланной в Москву из Каира полковником Максимовым:

«Центр.

Операция в отеле «Найл Хилтон» провалилась. В силу обстоятельств, которые пока нам неизвестны, охранник отеля, который должен был предоставить нам записи с камер видеонаблюдения, покончил жизнь самоубийством, на самом деле – был убит. Судя по всему, эту акцию провели люди Саймона Янга. Надеяться на дальнейшее использование этого пути бессмысленно. Поэтому предлагаю другой вариант – выйти на «крота» через самого Саймона Янга. Для этого необходимо подробнейшим образом изучить факты его биографии, с тем чтобы найти в них любые зацепки для возможного шантажа.

Максимов».

«Иван Ильич затеял весьма рискованную игру, – подумал Кондратьев, снимая очки и укладывая их в футляр. – Если Янг пошел на крайние меры, значит, понимает, что ставки в этой игре слишком высоки. Отсюда вывод: никто не даст гарантии, что он не решится теми же методами нейтрализовать и Максимова, замаскировав эту акцию под тот же несчастный случай. Здесь Ивану Ильичу необходимо быть предельно осторожным и не лезть на рожон. Впрочем, он человек опытный и наверняка отдает себе отчет в нависшей над ним опасности. Мы же в свою очередь постараемся ему помочь. Как говорится, чем можем...».

Кондратьев набрал на телефонном аппарате номер начальника Аналитического управления при Службе оперативной информации ФСБ.

– Константин Сергеевич, добрый вечер, Кондратьев говорит. Не помешал? Помощь ваша требуется, причем в духе вашего подразделения – оперативная. Нам нужна подробнейшая информация о высокопоставленном сотруднике ЦРУ Саймоне Янге. Он сейчас работает на Ближнем Востоке в должности заместителя регионального резидента. Данные о нем нужны, так сказать, специфические, как говорят папарацци из самых ушлых «желтых» изданий, чернушные. Но обязательно подкрепленные проверенными данными. Впрочем, можно и не подкрепленные, вроде наводок, которые мы сами попытаемся развить. Короче, нужна информация, которая помогла бы нам взять этого Янга за «жабры», чтобы дышал через раз, да и то с нашей помощью. Сделаете? Спасибо, буду ждать.

Не успел Кондратьев положить трубку на аппарат, как по селекторной связи секретарша оповестила его, что пришел Глеб Сергеевич Жмых. Спустя минуту тот уже сидел напротив генерала, как всегда подтянутый, несмотря на конец рабочего дня, с неизменной кожаной папкой для бумаг в руках. Кондратьев дал ему ознакомиться с последней шифротелеграммой от Максимова, рассказал о своем разговоре с главным аналитиком. Короче, ввел в курс последних событий. После чего настала очередь самого Жмыха.

– Спешу сообщить, что Георгий Семенович Росляков и в этот раз повел себя как примерный семьянин и отец семейства: закончив работу в Министерстве обороны в шесть часов вечера, приехал к себе домой и до сего момента никуда больше не отлучался. Короче, за те

дни, пока мы его ведем, он ни разу не дал повода заподозрить его в чем-то предосудительном.

– Предлагаете исключить его из списка подозреваемых?

– Думаю, дать ему еще один шанс: завтра будет очередной сеанс связи из радиоцентра, который может расставить все точки над «і» в отношении Рослякова.

– Не факт, Глеб Сергеевич. Сеанс у нас в каком часу? В двенадцать ночи. А Росляков у нас в таком возрасте, что вряд ли захочет куда-нибудь отлучиться в такое время. Значит, наверняка будет дома.

– Всякое может быть, Федор Иванович.

– Ну, будь по-вашему. Что там с остальными?

– Юрий Матвеевич Зорькин тоже никаких подозрений пока не вызвал. Ведет себя вполне естественно, как и подобает законопослушному гражданину и честному работнику Службы внешней разведки. На службе не задерживается, сразу после ее окончания спешит домой к горячо любимой супруге. Вот и сегодня привычке своей не изменил. Посмотрим, что даст завтрашний день.

– Да, завтра у нас пятница, хотя и не тринадцатое, – напомнил Кондратьев.

– Я в эти ужасы не верю и вам не советую, – парировал Жмых, после чего продолжил свой отчет. – С Юлией Андреевной Жолташ произошла куда более любопытная история: у нее, к вашей вящей радости, обнаружились кавалер, а также весьма интересная подруга. С кого начать?

И Жмых вопросительно взглянул на Кондратьева. Тот ответил не раздумывая:

– Начните с кавалера, учитывая мой особый интерес к личной жизни Юлии Андреевны.

– Это ее сослуживец Сергей Геннадьевич Листопад. 40 лет, разведен, работает с Жолташ в одном отделе. Вчера он проводил ее до дома, но к ней не поднялся.

– Станный кавалер. Или у них только начало романа? Вы запись этой встречи вели?

Жмых достал из кармана флэшку и передал Кондратьеву. Тот вставил ее в ноутбук и в течение некоторого времени наблюдал записанное.

– Да, безусловно, странный кавалер. Судя по тому, как они держатся друг с другом, назвать их отношения романтическими я бы не решился. Больше похоже на дружбу двух сослуживцев. Хотя она ему, кажется, не безразлична, что однажды проскальзывает – вот здесь, где он хочет взять ее под локоть и приблизить к себе, а она тактично отстраняется. Значит, как кавалер он ее мало интересуется. Кстати, у него личный автомобиль есть?

– Да, «Мерседес», но он оставил его на служебной стоянке у «Гособоронэкса» и уехал на «Тойоте» Жолташ. Домой добирался на метро, он живет на «Новослободской».

– Один?

– Да, как я говорил, он разведен, жена с сыном школьником живут на «Пролетарской» у ее родителей. Его родители скончались.

– Короче, оба не обременены семейными узами, вполне могут уединиться, но почему-то этого не делают. Мне этот кавалер не нравится.

– В каком смысле?

– В смысле его влияния на Юлию Андреевну. То есть я заметил попытку с его стороны на нее повлиять, но она это пресекла. И у подъезда они слишком быстро расстались, чтобы поверить в то, что между ними есть что-то близкое.

– Может, это, как вы выразились, начало романа?

– Так романы не начинаются, так они обычно заканчиваются, – мрачно заключил Кондратьев. – Кстати, этот Листопад не фигурирует в нашем туристическом списке «23»?

– Фигурирует, он выезжал в служебную командировку в Израиль и пробыл там с 20 по 29 июня.

– То есть в те самые подозрительные дни?

– Да, но мы установили, что египетской визы у него в паспорте нет – значит, в Каире тогда он быть не мог.

– Почему же он до сих пор фигурирует в вашем списке?

– Не успели вычеркнуть.

– И хорошо, что не успели. Пусть пока покрасуется в числе подозреваемых, тем более что он работает в том же отделе, что и Жолташ. Теперь давайте про подругу.

– Вот она как раз подходит под ваши умозаключения о некоем пагубном влиянии на Юлию Андреевну.

Произнеся это, Жмых сделал эффектную паузу, чем привел Кондратьева в легкое раздражение:

– Мхатовские паузы в наши дни не в моде, Глеб Сергеевич, теперь у всех клиповое мышление. Так что не тяните кота за хвост.

– Зоя Моисеевна Яблонская, 39 лет, не замужем, сотрудница Института иностранной литературы и член правозащитной организации «В защиту репрессированных». Часто выезжает за границу, причем как по делам своего института, так и в качестве правозащитницы. Более того, периодически посещает посольство США, участвуя в мероприятиях по линии организации «В защиту репрессированных». Эта структура существует на гранты, их выделяет Агентство по международному развитию, которое является структурным подразделением госдепартамента США.

– Весьма любопытно, – не скрывая своей заинтересованности по поводу услышанного, произнес Кондратьев. – Как же вы вышли на эту подругу?

– Перехватили телефонный звонок Жолташ ей по мобильнику. Правда, ничего интересного: говорили пару минут о рецепте яблочного пирога «Шарлотка». Юлия Андреевна хочет порадовать отца – повезет пирог в госпиталь.

– А вдруг название пирога – это условный знак между двумя агентами? Яблонская в этом месяце посещала посольство США?

– Да, две недели назад там проходил прием по случаю открытия в Доме художника выставки американских импрессионистов.

– А 30 октября наверняка состоится другой прием – по случаю Дня политзаключенного. Вы не думали над этим?

– Считаете, что Жолташ и Яблонская могут работать группой?

– Вполне возможно. Одна добывает информацию оборонного значения, а другая ее передает американцам. Либо напрямую через посольство, либо по другим каналам.

– В теории это выглядит вполне правдоподобно, а вот на практике...

– А что вас смущает?

– Я все думаю, каким образом Жолташ может выносить информацию за пределы «Гособоронэкса». Ведь там все защищено: в компьютерных залах стоят устройства активной защиты

информации, на компьютерах нет дисководов и USB-разъемов, на выходе всех проверяют.

– Вы забыли про микрофильмирование: она может снимать все на пленку микрофотоаппаратом, а отснятое прячет в мелкие вещи, например в контейнер, имитирующий губную помаду.

– Но у них в отделе все на виду, каждый сотрудник имеет свой небольшой отсек без дверей. Если она фотографирует, то это крайне опасно.

– А кто вам сказал, что у шпионов легкая работа? А вообще пора Юлию Андреевну взять под настоящий колпак. Я имею в виду не спускать с нее глаз и на рабочем месте.

– Уже, Федор Иванович. С помощью службы безопасности «Гособоронэкса» мы установили за Жолташ персональное наблюдение с помощью тамошней системы видеонаблюдения. Однако я же говорю, что пока никаких зацепок против нее у нас нет. Даже в ее домашнем компьютере, который взломали наши специалисты, мы не обнаружили ничего компрометирующего.

– В ее личной переписке нет любовных посланий?

– Увы, нет – только деловые отправления. Да и те невинны с точки зрения шпионажа.

– А с Яблонской она переписывается?

– Исключительно короткими посланиями в «Одноклассниках».

– В любом случае, эту правозащитницу надо взять под такой же плотный колпак. Установить круг ее контактов, передвижения, встречи. Короче, не мне вас учить. Впрочем, приблизительный круг ее контактов я могу определить уже сейчас: наверняка это бывшие советские диссиденты, а также творческая интеллигенция из числа либеральной. И тему их разговоров тоже могу себе представить: долой «кровавую гэбню», да здравствует прогрессивная Америка!

– Откуда такие познания? – удивился Жмых.

– А вы сходите со мной в ресторан Дома журналистов – тоже будете в курсе их контактов и разговоров. Пару недель назад я имел счастье лицезреть там одного нашего известного поэта, который вспоминал, как в августе 1968 года он не испугался и позвонил Брежневу, чтобы выразить ему свое возмущение в связи с появлением советских танков в столице Чехословакии. Стихи декламировал: «Танки идут по Праге в закатной крови рассвета, танки идут по

правде, которая не газета...» Я потом не выдержал, подошел на выходе из ресторана к этому стихоплету и спросил: «А слабо вам позвонить Баракку Обаме и возмутиться его нынешними действиями в Сирии? Дескать, я, как русский интеллигент, презираю вас и плюю вам в лицо, господин президент!»

– И что вам ответил этот стихоплет?

– А что он может ответить, проживая теперь в Америке? Ничего не ответил – пожевал губами и ретировался. Но в любом случае окружение Яблонской все равно прощупайте, полагаю, что одними стихоплетами дело может не ограничиться. А пока вернемся к вашему списку. Кто там еще остался, так сказать, на закуску?

– Евгений Андреевич Безымянный. С ним ситуация более или менее прояснилась.

– В какую сторону?

– Сейчас объясню. Сегодня в обеденный перерыв Безымянный покинул здание МИДа на Смоленской и на своем «Ренж Ровере» выехал в город.

– Извините, Глеб Сергеевич, что перебиваю, но вы выполнили мою просьбу – выяснили подноготную этого «Ренж Ровера»?

– Да, он был приобретен полгода назад в Калининграде, в автомобильном салоне. Причем Безымянный сам за ним туда и ездил.

– Имеется в виду прибалтийский Калининград или наш родной, подмосковный?

– Прибалтийский, Федор Иванович.

– Что, нельзя было купить автомобиль такой марки у нас?

– Можно, конечно, причем по той же цене.

– Зачем же он отправился за покупкой к черту на рога?

– У меня по этому поводу есть одно соображение, но я хотел бы озвучить его чуть позже. Вы потом поймете почему.

– Хорошо, подождем. Продолжайте.

– Итак, Безымянный выехал сегодня в город, двигаясь уже не в сторону посольства США, через Новинский бульвар, а в обратную сторону – к Парку культуры. Не доезжая до него, он свернул в Большой Левшинский переулок и на перекрестке у Денежного переулочка случилось следующее. Рядом с его автомобилем притормозила «Ауди» с дипломатическим номером. Водитель последней быстрым движением руки закинул в открытое окно

автомобиля Безымянного какой-то сверток. Все произошло буквально в считанные секунды, но благодаря съемке, которая велась нашей «наружкой», этот момент был четко зафиксирован. Когда на светофоре зажегся зеленый свет, «Ренж Ровер» и «Ауди» разъехались в разные стороны: Безымянный поехал прямо, а «Ауди» свернула в сторону Пречистенки. «Наружке» тоже пришлось разделиться. В результате выяснилось следующее. «Ауди» доехала до Фрунзенской набережной, где припарковалась у дома под номером 6. Хозяин автомобиля вошел в подъезд и больше из него не выходил. Как мы выяснили, этим человеком является сотрудник посольства Литвы в России Альгирдас Консурайтис, он работает в экономическом отделе, проживает в том самом доме на Фрунзенской. До этого в поле зрения нашей конторы не попадал, ни в чем предосудительном замечен не был.

— Сегодня он это правило, как видно, нарушил. Что было в свертке, выяснили?

— Деньги, причем немалые — полмиллиона долларов.

— Вы их что, считали?

— Нет, Безымянный сам назвал сумму. Дело в том, что из Большого Левшинского переулка он отправился к метро «Кропоткинская», где зашел в кафе. Там сел за столик, за которым уже находился мужчина, явно его поджидавший. Чуть позже мы выяснили личность этого человека — Петр Маркелович Леонтьев, работник Министерства финансов России. Их встреча длилась шесть минут, и нам удалось прослушать ее от начала и до конца: Безымянный положил свой мобильник на край стола, а наши «технари» использовали его как передающее устройство. Как говорится, спасибо научно-технической революции, облегчает нам работу. Запись этого разговора, включая и его видеокартинку, вы можете посмотреть на той же флэшке, надо открыть папку «Кафе».

Кондратьев так и сделал, после чего на мониторе появилось изображение, а из динамика, встроенного в его супернавороченный ноутбук, полились речи двух мужчин, сидящих в кафе на «Кропоткинской»:

«— Добрый день, Евгений Андреевич. А вы, как всегда, пунктуальны.

— Добрый, Петр Маркелович, не люблю опаздывать. К тому же randevу с лабусом прошло без каких-либо осложнений. Деньги я

получил.

– Все как договаривались – пол-лимона?

– Да, – и сверток с деньгами переключал из портфеля дипломата в спортивную сумку финансиста. – Надеюсь, теперь проблема будет улажена?

– Можете передать вашим партнерам, что отныне никаких проволок не будет. В ближайшие полгода они могут продолжать работать, ни о чем не беспокоясь. Я позабочусь, чтобы их лишней раз никто не тербил.

– А что слышно по поводу акционирования Калининградского янтарного? Смогут ли мои партнеры работать и дальше, если это случится?

– Это произойдет еще не скоро – года через два. Так что гадать не будем. Но в любом случае мы будем друг другу помогать. Как говорится: когда работаешь сообща, даже самая тяжелая ноша кажется пушинкой.

– В таком случае, до свидания. И прошу вас, не потеряйте ношу, которую я вам сегодня передал.

– Типун вам на язык, Евгений Андреевич.

Досмотрев запись, Кондратьев нажал на кнопку «стоп» и вопросительно взглянул на собеседника. Жмых расценил этот немой вопрос правильно и продолжил:

– Пол-лимона, которые Безымянный вручил Леонтьеву, – элементарный «откат» за услуги по защите канала нелегального сбыта янтаря. Наши коллеги из экономического отдела объяснили нам, что в Калининградской области сосредоточено 90 процентов мировых запасов янтаря. А единственным его легальным добытчиком у нас в стране является тот самый, упомянутый Безымянным, Калининградский янтарный комбинат. Но при нем функционируют несколько «серых» фирм, которые нелегально гонят янтарь на продажу за границу – в Литву и Польшу. Мне тут дали выписку, согласно которой по самым скромным подсчетам этот нелегальный поток «солнечного камня», как его там называют, оценивается в 700 тонн в год. В одном только польском Гданьске сегодня работает порядка одной тысячи янтарных мастерских. А комбинат этот находится под юрисдикцией Министерства финансов России, для чего контрабандистам и понадобился свой человек в этом учреждении.

Леонтьев прикрывает их в Москве, а Безымянный является посредником. За эти услуги ему, судя по всему, тоже перепадает немалая доля, на которую он и купил свой автомобиль «Ренж Ровер», видимо, во время очередной поездки в Калининград по делам «серого» бизнеса. Так что можно сказать с уверенностью: к нашему «кроту» этот Безымянный отношения не имеет.

— Что можно только приветствовать, — не скрывая удовлетворения,отреагировал Кондратьев. — А то я грешным делом подумал, что наше дело начинает разрастаться как снежный ком. Но после вашего рассказа один комок, слава богу, отвалился. Передайте все материалы на Безымянного нашим коллегам из экономического отдела и займитесь вплотную окружением Жолташ. Как поется в одной популярной некогда песне: «Должна быть в женщине какая-то загадка». Я по-прежнему считаю, что за Юлией Андреевной может скрываться не одна такая загадка.

* * *

Сирия, город Дамаск. Штаб-квартира ГБ

Досмотрев до конца на широком экране плазменного телевизора пятничный намаз, генерал Мухаммед аль-Кассар оставил включенным изображение, но отключил при этом звук. Он часто работал таким образом: изучая документы, краем глаза умудрялся наблюдать за новостными сообщениями, которые он по мере собственного интереса смотрел то без звука, то, наоборот, включая его. Все подчиненные знали об этой особенности своего начальника, привыкли к ней и никогда не отвлекались от своих докладов генералу, даже когда в них вклинивался звук новостной телепередачи: аль-Кассар имел поразительную способность слушать одновременно докладчика и теледиктора, не упуская при этом нити разговора.

Пришедшему к генералу с докладом полковнику Махмуду аль-Валиду повезло — во время его сегодняшнего доклада генерал ни разу не включил звук телевизора, целиком поглощенный тем, что говорил его подчиненный. А докладывал полковник о первых результатах теракта, произошедшего вчера у входа в здание ГБ.

– Из двух террористов-смертников, подорвавших себя у нашего здания, на данный момент удалось установить личность одного, вернее одной. Это Сэдра Назур, 23 лет, уроженка Дамаска. После взрыва от нее мало что осталось, но голова уцелела, – и аль-Валид положил перед генералом фотографию уцелевшей головы. – Быстрому установлению личности помог второй убитый – сосед погибшей по дому Эднан Мансур. Судя по всему, случайно встретив ее у входа, он попытался помешать ей пройти внутрь здания, после чего сообщники убили его выстрелом из снайперской винтовки, – на стол легло фото простреленной головы несчастного мужчины. – После этого смертница, видимо, испугалась и отпустила гашетку на взрывчатке. Мы показали родственникам Мансура фотографию головы смертницы, и те опознали в ней Сэдру Назур. В июне ее муж, поддерживавший повстанцев, был убит во время столкновений с правительственными войсками, после чего Сэдра ушла из дома. Судя по всему, она попала в секретную школу шахидов под крылом «Аль-Каиды», где прошла обучение как террористка-смертница.

– Насколько известно, на данный момент ответственность за теракт никто на себя не взял. Почему вы считаете, что это была «Аль-Каида», а не боевики из Свободной Сирийской Армии? – прервал ровное течение доклада генерал.

– Мы не только установили причастность «Аль-Каиды» к этому теракту, но даже знаем имя человека, который его спланировал, – это Закхей аль-Хадж.

– Как это удалось?

– Благодаря камерам видеонаблюдения, установленным на площади перед нашим зданием. Вы разрешите, генерал, воспользоваться вашим телевизором?

– Конечно.

Аль-Валид извлек из папки, с которой он пришел в кабинет, диск и вставил его в аппарат DVD, который стоял в нише под телевизором. Вскоре на экране появилось изображение, запечатленное вчера перед зданием ГБ. Аль-Валид, держа в руках пульт, взялся комментировать происходящее на экране:

– Камера, которая была направлена на противоположную от нашего здания сторону, зафиксировала два автомобиля, припарковавшиеся у ресторана. Вот они. Спустя пять минут после

парковки из второго автомобиля вышла женщина. Это не кто иная, как Сэдра Манзур. Сейчас вы видите, как она идет через площадь к входу в наше здание. Мы также видим, что оба боковых окна в первом автомобиле слегка приоткрыты. На заднем сиденье спрятался снайпер, на переднем сидит аль-Хадж, который контролирует ход операции. На экране виден лишь смутный силуэт этого человека. Но мы попросили наших специалистов увеличить изображение, придать ему четкость, и вот что получилось, – аль-Валид вывел на экран крупное изображение лица человека, сидевшего на переднем сиденье автомобиля.

– Да, без сомнения, это – аль-Хадж, – согласился генерал.

– Но это еще не все. Смертница изображала из себя беременную, что хорошо видно на экране. Так вот, после взрыва остались элементы накладного живота, который она использовала. Он сделан из очень качественного гипоаллергенного силикона. Такие изделия в Сирии не продаются. Они есть в Европе и в США. Кроме этого, и бомба, которую использовали террористы, тоже зарубежного происхождения. Это керамическая взрывчатка, которую производят в США для нужд Пентагона и ЦРУ. На Ближнем Востоке она имеется в одном месте – в ливийском городе Бенгази, куда ее доставили американцы для помощи революционерам, боровшимся против Каддафи. Этот склад контролирует ЦРУ. Связав все эти факты, мы предположили, что за аль-Хаджем могли стоять американцы.

– Шаткое предположение, – усомнился в выводах докладчика генерал. – Накладной живот можно было приобрести где угодно, а не только в Америке. Так же как и взрывчатку можно было достать не лично у американцев, а у тех же наших доморощенных повстанцев, которых янки снабжают оружием и боеприпасами.

– Все это правильно, но аль-Хадж, по нашим данным, имеет давние прочные связи с одним высокопоставленным деятелем из Североамериканских Штатов – заместителем ближневосточного резидента ЦРУ Саймоном Янгом, который инспектирует и тот самый склад в Бенгази. Вы его должны хорошо знать, генерал, – и аль-Валид вывел на экран изображение цэрэушника.

– Да, я имел возможность несколько раз встречаться с этим человеком в разных частях света, – кивнул головой аль-Кассар. – Весьма опасный тип. Его связь с аль-Хаджем где-то документально зафиксирована?

– Нет, все базируется на оперативных донесениях.

– Каким временем датируется последнее?

– Июнем этого года. Именно тогда наши источники донесли, что аль-Хадж и Янг одновременно оказались в одном и том же месте – в Каире. Их встречу нам зафиксировать не удалось, но мы полагаем, что она просто обязана была произойти, учитывая те события, которые происходят сегодня в нашем регионе.

– Жаль, что мы не имеем более весомых данных о сотрудничестве этого цэрэушника с аль-Хаджем, – не скрывая досады, произнес генерал. – Можно было бы на этом здорово сыграть. Ведь американцы всячески отреклись от своих связей с «Аль-Каидой», даже убили Бен Ладена, сделав из этой акции шумную пиар-компанию. Кстати, о последней. Если за аль-Хаджем, как вы говорите, стоят американцы, не привязан ли этот теракт к приезду к нам лидера курдов Кендала Бервана, который был взорван вчера под нашими окнами? И если привязан, то не раздуть ли и нам из этой смерти свою пиар-компанию, чтобы сравнить курдов и американцев?

Один из лидеров сирийских курдов Кендал Берван приехал в Дамаск на предмет зондажа в высшем сирийском руководстве вопроса о предоставлении курдам, проживающим на севере Сирии, автономии. Сирийские курды давно вынашивали эту идею, мечтая образовать автономию Западный Курдистан. Сирийское руководство всегда относилось к этой идее скептически, но с марта этого года, когда началось обострение ситуации в Сирии, его отношение к этой проблеме изменилось. И для этого у Асада были свои резоны. Во-первых, пойдя навстречу курдам, можно было занять на севере страны, где в основном и располагались базы повстанцев, своего верного союзника. Во-вторых, учитывая древнюю вражду между курдами и турками, которые теперь всячески поддерживали повстанцев, можно было использовать первых как своих союзников и в борьбе против последних. Именно для обсуждения этих вопросов в Дамаск вчера утром и прибыл Берван. Однако его назначенная на вторую половину дня встреча с Башаром Асадом не состоялась: курдский лидер решил встретиться с руководством сирийской госбезопасности, а вместо этого угодил в самый эпицентр атаки террористов – его делегацию взорвал террорист-смертник в автомобиле.

– Чтобы сравнить курдов и американцев, нужны весомые улики против последних, которых у нас, как я уже говорил, пока нет, – заметил аль-Валид. – Что касается моего мнения по поводу направленности этого теракта, то не уверен, что террористы ставили целью уничтожить именно Бervана. Ведь тот принял решение посетить наше здание спонтанно, всего лишь за час до взрыва. Вряд ли террористы могли знать об этом.

– Резонно, – вновь согласился с мнением своего подчиненного генерал. – Но, согласись, если все так удачно совпало, почему бы не воспользоваться шансом? Да, известно, что американцы вовсе не препятствуют идее курдов об автономии. Но их союзники турки выступают категорически против этого. Вдруг американцы решили уважить своих партнеров, учитывая то, какую миссию они взвалили на себя в свете событий, происходящих в Сирии. Короче, эту идею надо тщательно продумать. Кстати, известно, что связывает аль-Хаджа и Янга?

– Думаю, здесь тесно переплетены политика и коммерция. Янг является не только матерым разведчиком, но и ловким коммерсантом, поэтому наверняка имеет от этой дружбы хорошие финансовые дивиденды, которые вкладывает в свой легальный бизнес: он, например, является владельцем акций крупнейшей нефтяной компании «Шарп Петролеум» в Техасе. Что касается политики, то он, видимо, ведет свою партию, опираясь на тех представителей высшего американского истеблишмента, кто заигрывает с «Аль-Каидой», видя в ней тактического союзника в деле свержения неугодных американцам правительств на Ближнем Востоке. Естественно, что как только эта задача будет выполнена, с «Аль-Каидой» постараются разделаться. Во всяком случае, позволить им осуществить их мечту – создать единое сирийско-иракское исламское государство – никто не даст.

– Согласен. Ведь это новообразование первым делом объявит войну не только Ирану, но и здешней «малой Америке» – Израилю, а также попытается освободить Палестину. Но американцы при этом не думают о том, что могут вляпаться в настоящее дерьмо, поддерживая радикалов из «Аль-Каиды». Если тем удастся разжечь пожар межконфессиональной войны, то она перекинется и на другие регионы. Впрочем, может именно этого они и добиваются. Шансы

найти аль-Хаджа в кратчайшие сроки у нас есть? Он бы нам здорово пригодился в свете всего, что я здесь говорил.

– За быструю поимку не ручаюсь, – честно признался аль-Валид.

– Почему?

– Уж больно хитер. Не зря носит прозвище Неуловимый мамлюк.

– Даже у таких отменных воинов, какими являлись мамлюки, были свои уязвимые места. Например, их чрезмерная вера в свои боевые возможности – порой она их подводила.

– Именно этого я и жду от аль-Хаджа.

– Известно, где сейчас находится Янг?

– Все в том же Каире. По нему работает полковник Раджих совместно с русскими.

– Может быть, попробовать выйти на аль-Хаджа с той стороны? Ведь наверняка у них с Янгом существует канал связи.

– Мы прорабатываем и такой вариант.

– Ну что ж, иди, работай. И прошу тебя, постарайся как можно быстрее сделать этого мамлюка уловимым.

* * *

Египет, город Каир.

Управление криминальной полиции

Приехав в управление, старший инспектор криминальной полиции Хабиб Салам едва успел дойти до своего рабочего стола, как его вызвал к себе начальник. Отправляясь к нему, инспектор уже знал, о чем пойдет разговор между ними. Так и вышло: не успела нога Салама переступить порог, как начальник обрушил на него град вопросов:

– Что с тобой происходит? Где результаты по делу об убийстве хозяина валютного пункта? Вчера вновь звонил его брат, и что я должен был ему отвечать? Что ты едешь по городу и пытаешь людей относительно судьбы этого самоубийцы из отеля? Как это понимать? Ты что, издеваешься над нами?

Поскольку вопросы шли один за другим и вставить слово между ними не было никакой возможности, Салам прошел через весь

кабинет, уселся на стул и выслушал речь начальника до конца. А когда тот, наконец, успокоился, произнес:

– Про дело об убийстве хозяина «валютки» я не забыл. Вчера после обеда я как раз заезжал в банк, с которым этот обменный пункт сотрудничает, и разговаривал с их директором. Он посоветовал мне встретиться с менеджером банка, с которым у погибшего были некие совместные дела. Вполне вероятно, что ноги этого преступления растут оттуда. Что касается самоубийства в отеле, то я еще не до конца разобрался.

– С чем? – недоуменно спросил начальник.

– С самоубийством. Там много белых пятен. Сдается мне, что это и не самоубийство вовсе, а убийство, замаскированное под суицид.

– Ты в своем уме? Парень покончил с собой на почве тяжелой болезни своей дочери. Чего там копать?

– Откуда вы знаете, из-за чего могла произойти эта трагедия?

– Я разговаривал с начальником охраны отеля.

– Это было утром, а после моего прихода ситуация изменилась.

– Да что такого ты мог узнать?

– Я готов отчитаться перед вами, но не сейчас. Мне нужно еще пару дней, чтобы прояснить ситуацию, после чего я представлю вам подробный отчет.

Видя, с какой твердостью в голосе его подчиненный отстаивает свою точку зрения, начальник несколько поумерил свой пыл. За долгие годы работы с инспектором он хорошо изучил его характер и теперь корил себя за то, что не учел этого вчера, когда поручил дело о трагедии в отеле ему, а не другому полицейскому. Конечно, в полной компетенции начальника было отстранить Салама от расследования, но в данной ситуации это выглядело бы уж очень демонстративно. Что опять же, учитывая упрямый характер старшего инспектора, вызвало бы только его яростное сопротивление. Нет, здесь надо было действовать другими методами, чтобы не разжигать пожар конфликта. В конце концов, те люди, которые просили начальника полиции спустить это дело на тормозах, и сами могли бы осадить этого ретивого старшего инспектора, не уповая на помощь со стороны его непосредственного начальника.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – в голосе начальника продолжали звучать нотки раздражения. – Но учти, не разберешься за

два дня – я передам это дело другому.

– Более покладистому? – усмехнулся Салам.

– Свободен, – начальник так посмотрел на своего подчиненного, что тот предпочел побыстрее покинуть кабинет. Тем более что своей цели он все-таки добился: так нужные ему два дня выбить сумел.

Спустя полчаса Салам был уже в морге, где еще недавно покоилось тело Исмаила Фахми, теперь нашедшего свой последний приют на одном из каирских кладбищ. Целью приезда старшего инспектора была встреча с врачом-экспертом, осматривавшим труп охранника.

– Огнестрельное ранение в висок, что тут непонятного? – удивился врач, когда Салам выложил перед ним цель своего приезда.

– Это все, что вы можете мне сказать?

– Я хочу сказать, что это основная причина смерти парня.

– Но могло это быть, к примеру, убийство, а не самоубийство?

– А вам какая версия больше нравится?

– Мне нравится та, которая поможет восстановить справедливость.

– Тогда отвечу так: это вполне могло быть и убийство. Помимо дырки в голове, у парня еще был обширный синяк на шее, вот здесь, – и врач провел ладонью по шее старшего инспектора.

– И что это может означать?

– Парня нашли в автомобиле? Если это было убийство, то кто-то держал его сзади за шею рукой, согнутой в локте, после чего выстрелил ему в висок. Отсюда и синяк от сильного сдавливания. При таком захвате бедняге даже говорить было трудно. Если, конечно, он вообще говорил о чем-то со своим вероятным убийцей.

Эта встреча с доктором многое прояснила в версии Салама, окончательно убедив его в том, что это было именно убийство. «Ну конечно же, это не суицид. Охранника ликвидировали в автомобиле, дождавшись, когда он туда сядет. Вот только зачем он забрался в свое авто в двенадцать часов ночи? Куда он предполагал поехать во время дежурства? Может, хотел с кем-то срочно встретиться? Не домой же он собирался, чтобы повидаться с женой: с ней он мог встретиться спустя несколько часов. Нет, здесь что-то другое. И убийца, скорее всего, мог быть не один. Если бы работал одиночка, то убрал бы парня иначе. Например, стукнул бы его легонько сзади по голове, пересел бы на

переднее сиденье, выстрелил в висок – и дело сделано. А здесь он зачем-то обхватил его сзади за шею, как будто хотел помучить. Или просто удерживал парня, пока его напарник что-то с ним выяснял. В любом случае надо тщательно обследовать автомобиль убитого. Вчера я сделал это наспех, уверовав в слова своего начальника, что это дело не стоит и выеденного яйца».

Автомобиль «Рено», принадлежавший Исмаилу Фахми, все еще стоял в дальнем углу стоянки в полицейском управлении. Жене погибшего его должны были вернуть спустя несколько дней, утрясая все необходимые формальности. Салам зашел в комнату к дежурному, забрал у него ключи от «Рено» и, вооружившись лупой, взялся за тщательный осмотр салона. Особенно внимательно он рассматривал пол возле заднего сиденья, где мог сидеть предполагаемый убийца.

Тщательно обследуя каждый сантиметр на полу, Салам, наконец, нашел вещицу, которая могла иметь отношение к убийству. Это была пуговица, скорее всего, от мужской рубашки, которая лежала в углу салона, прямо под тем местом, где мог сидеть вероятный преступник. Причем это была не совсем обычная пуговица, во всяком случае, Салам никогда таких не видел: она была квадратной, с ромбовидными краями. Будучи синего цвета, она сливалась с темным ковриком на полу салона, поэтому вчера и не привлекла к себе его внимания. Повертев находку в руках, Салам заметил на ее краях какую-то надпись. Вооружившись лупой, инспектор прочитал логотип фирмы-изготовителя – «Beau France». Даже с помощью своего плохого французского инспектор сумел перевести это название – «Красивая Франция».

«Судя по всему, рубашка, от которой оторвалась эта пуговица, фирменная и достаточно дорогая. В моем гардеробе подобных нет. Она вполне могла оторваться от рубашки убийцы, когда он хватал Фахми за горло. Впрочем, она с таким же успехом могла принадлежать и последнему», – и Салам потянулся к мобильнику, висевшему у него на поясе, чтобы проверить свою догадку. Но в следующую секунду вспомнил, что номера домашнего телефона убитого охранника у него в мобильнике нет – он записан на стикере, приклеенном к монитору на его рабочем столе. Пришлось закрывать «Рено» и идти на свое рабочее место.

На удачу, жена Исмаила Фахми оказалась в этот час дома. Представившись и выразив еще раз ей свои соболезнования по поводу гибели мужа, Салам спросил женщину:

– У вашего супруга была рубашка фирмы «Красивая Франция»? У нее еще такие оригинальные пуговицы с ромбовидными краями?

– Нет, таких рубашек у него никогда не было.

– Может быть, их носит кто-то из ваших родственников?

– Я таких не знаю. У нашей родни нет таких денег, чтобы покупать настолько дорогую одежду.

«Она права: рубашки этой фирмы стоят достаточно дорого по нашим меркам – порядка 200 долларов, что равняется 1 200 наших фунтов, – кладя трубку на аппарат, подумал Салам. – Выходит, эта пуговица не от рубашки убитого или кого-то из его родни. Но и сказать однозначно, что она оторвалась от одежды преступника тоже нельзя – вдруг ее потерял кто-то из случайных попутчиков. Но последних найти вряд ли реально, а вот преступника – дело вполне выполнимое. И помочь мне в этом сможет не кто иной, как покойный Фахми. Вернее, не он, а система видеонаблюдения, за которой он столько лет трудился. Правда, на это придется затратить уйму времени, но разве меня это когда-нибудь останавливало?»

Инспектор включил компьютер на своем рабочем столе и набрал в Интернете название искомой фирмы – «Beau France». И уже спустя несколько минут выяснил, что в Каире есть пять магазинов, где торгуют рубашками данной фирмы. Записав их адреса, Салам сел в автомобиль и отправился в тот магазин, который располагался ближе всего к их полицейскому управлению.

Когда инспектор вошел в магазин, там было безлюдно. К нему тут же подошла молодая женщина-продавец, которая, расплываясь в улыбке, спросила:

– Вам помочь?

– Да, только я пришел сюда не за покупками, – и Салам показал продавщице свое служебное удостоверение.

Улыбка тут же исчезла с губ женщины, и ее лицо приняло серьезное выражение. Но в глазах сквозило откровенное любопытство. И Салам постарался поскорее его удовлетворить. Достав из кармана пуговицу, он протянул ее продавцу:

– Меня интересует фасон рубашки, с которой оторвалась эта безделица.

Женщине хватило одного взгляда на пуговицу:

– У нас есть такие рубашки – вот они, – и она указала рукой на ближайший ряд, где на вешалках висело несколько рубашек с короткими рукавами.

Салам подошел к ним и собственными глазами убедился в том, что на них красуются пуговицы, идентичные той, что покоилась сейчас в его руке. Рубашки представляли собой изделия из высококачественного стопроцентного мерсеризованного хлопка, стиль – Casual, цвет – светлый в синюю полоску.

– Значит, эта пуговица могла принадлежать рубашке только такого цвета и фасона и никакой другой? – озадачил новым вопросом продавца инспектор.

– Только такой, – и на лицо женщины вновь вернулась улыбка.

– А у вас, случайно, нет буклета, на котором была бы запечатлена точно такая же рубашка?

Не говоря ни слова, продавец подошла к журнальному столику, стоявшему у окна, и взяла оттуда искомый буклет. И с той же улыбкой на лице протянула его инспектору.

Следующим пунктом в маршруте сыщика был отель «Найл Хилтон». И первым, кого он там навестил, был начальник охраны Рашид аль-Сайед.

– Мне необходимо взглянуть на записи видеонаблюдения, которые велись вашими камерами в коридорах отеля. Время записей – вечер накануне гибели вашего охранника.

Услышав эту просьбу, начальник охраны искренне удивился:

– Что вы хотите там обнаружить?

– Разве я обязан вам отвечать, уважаемый? Я просто выполняю свою работу, как и вы свою.

– Ну хорошо, я вовсе не хочу препятствовать вашей служебной деятельности.

И они вдвоем отправились в операторскую. Там начальник охраны приказал одному из своих охранников сопровождать старшего инспектора в видеорегистраторскую и показать ему все, что тот затребует.

– Только сам будет рядом, – приказал аль-Сайед охраннику.

В течение полутора часов Салам внимательно изучал записи всех видеокамер, стоявших в коридорах отеля на всех его тринадцати этажах. Рядом на столе он положил буклет, взятый им в салоне мужской одежды, открытый на странице, где была изображена светлая рубашка в синюю полосу фирмы «Beau France». Охранник ему не мешал и, следуя приказу своего начальника, был поблизости – увлеченно играл в какую-то компьютерную игру за соседним столиком.

Изучив не один десяток постояльцев отеля, изображенных на камерах видеонаблюдения, Салам, наконец, нашел человека, который был одет в точно такую же рубашку, которая была изображена в буклете. Это был атлетически сложенный мужчина с короткой стрижкой под ежик, судя по записям, проживающий на восьмом этаже. Причем на нескольких записях он неизменно появлялся не один, а в компании с таким же крепким, как и он, мужчиной представительского вида. Подозвав к себе охранника, Салам указал на мужчин и спросил:

– Вы не знаете этих господ?

– Один мне хорошо знаком: это мистер Саймон Янг из компании «Индастри электроникс». Он постоянно останавливается в нашем отеле. А вот имя его компаньона мне неизвестно. Но он постоянно сопровождает Янга в его поездках.

«Опять этот Саймон Янг – преуспевающий бизнесмен-электронщик, – выключая монитор, подумал инспектор. – Мне кажется, настало время познакомиться с ним поближе».

* * *

Египет, город Каир. Отель «Найл Хилтон»

Медленно потягивая виски, Саймон Янг не сводил глаз с Максимова, который вот уже несколько минут сидел у барной стойки со стаканом апельсинового сока и смотрел телевизор, висящий над стойкой. Янгу нужен был веский повод, чтобы познакомиться с русским, но его как раз и не было. И тогда в голову американца пришла неожиданная идея. В соседнем с ним номере проживал его земляк, режиссер-документалист Роджер Томпсон, приехавший в Каир

для сбора материала к своему очередному фильму, на этот раз посвященному событиям «арабской весны». Набрав на своем мобильном номер его телефона, Янг пригласил режиссера спустить в бар.

– Я провернул удачную сделку и хочу с кем-нибудь выпить. А здесь, как назло, ни одной знакомой рожи.

– Судя по звонку, моя рожа вас устроит? – хохотнул в трубку Томпсон.

Зная о том, что режиссер весьма равнодушен к Бахусу, Янг был уверен, что тот не преминет воспользоваться удачно подвернувшимся случаем и спустится в бар. Его расчет оказался верным: уже спустя пять минут Томпсон занял место за его столиком и подставил свой бокал под только что откупоренную бутылку виски.

– Что за сделку вы провернули, Саймон, если это, конечно, не секрет? – откидываясь на спинку стула, спросил режиссер.

– Зачем вам, представителю творческой богемы, копаться в скучных делах электронной компании? – отмахнулся Янг. – Лучше расскажите мне, как продвигаются дела с вашим фильмом, которому наверняка дадут «Оскара»?

– Спасибо за комплимент, но я вовсе не стремлюсь стать оскароносцем.

– Не скромничайте, Роджер, все режиссеры мечтают об «Оскаре», в том числе и документалисты. Лавры Майкла Мура с его «Фаренгейтом 9/11» никому не дают покоя. Думаю, вы тоже не исключение, иначе зачем бы стали братья за события «арабской весны». Держу пари, в своем фильме вы песочите наше правительство похлеще Мура.

– А за что мне его хвалить, если даже после провала «Бури в пустыне» в Ираке оно сует свой нос в Ливию и Сирию?

– Разве только оно одно сует? А русские, по-вашему, такие белые и пушистые?

– Русские, как военная сила, остались на Ближнем Востоке в единственном варианте – в виде военной базы в сирийском Тартусе. Поэтому понятно, что они не хотят ее терять.

– Русские проиграли нам в холодной войне, поэтому должны вести себя с нами как проигравшие. А они задирают нос, да еще имеют

наглость объединяться с узкоглазыми – с китайцами. Уверен, что в вашем фильме об этом нет ни слова.

– Угадали, для этого есть другие режиссеры.

– Значит, в вашем фильме русские присутствуют?

– Всего лишь косвенно, в фильме звучит мое мнение по поводу их присутствия в Сирии, которое вы только что слышали.

– Ваше мнение – это всего лишь мнение американца. А вам стоило бы пригласить в свою картину хотя бы одного русского. Почему бы вам не пойти в их посольство и не уговорить какого-нибудь дипломата дать интервью для фильма?

– Я об этом не думал.

– А зря. Кстати, почему это должен быть именно дипломат? Например, журналист вам не подойдет?

– У вас есть кто-то на примете?

– Угадали. Вон видите того крепкого мужчину за барной стойкой? Того, что пьет апельсиновый сок и пялится в телевизор? Это русский журналист. К сожалению, я ему не представлен, но видел, как он сегодня вселялся в наш отель в сопровождении людей из российского посольства. Так что не теряйте времени даром, ведите его сюда, и мы вместе послушаем его мнение по поводу того, что сегодня творится на арабском Востоке.

Янг рассчитал все правильно. Томпсон, будучи по своим политическим убеждениям леваком, никак не мог упустить возможности познакомиться с русским, да еще из смежной с ним профессии – журналистики. В итоге режиссер поднялся со стула и уже спустя пять минут вновь вернулся за столик к Янгу, причем не один, а со своим новым знакомым.

– Этого журналиста зовут Иван Максимов, – представил Янгу своего нового знакомого Томпсон.

– Саймон Янг, компания «Индастри электроникс», – представился цэрэушник и, подозвав официанта, попросил принести им еще один стакан.

– Вы будете смеяться, Саймон, но Иван отказывается сниматься в моем фильме, – сообщил приятелю Томпсон.

– Что так? – удивленно вскинул брови цэрэушник, хотя прекрасно понимал подоплеку этого отказа: он ведь догадывался о

принадлежности Максимова к ФСБ, впрочем, как и тот не сомневался относительно его настоящей профессии.

– Да вот так, – развел руками Максимов, демонстрируя свой превосходный английский. – Мы журналисты люди подневольные – зависим от капризов начальства. Тем более здесь, за границей. Короче, мне надо согласовать этот вопрос там, – и Максимов воздел палец вверх.

– А я полагал, что с падением коммунизма у вас на родине вашему брату-журналисту стало жить легче, – рассмеялся Янг.

– Бросьте, Саймон, коммунизм здесь ни при чем. Уверен, что и вы опутаны десятками таких же невидимых цепей. Например, согласились бы вы дать большое интервью моей газете о деятельности своей компании здесь, на Ближнем Востоке? С большим портретом, с аршинным заголовком? Как, согласны?

Было видно, что Янг стушевался, застигнутый врасплох подобным предложением. Светить своим лицом в прессе, да еще российской, он явно был не расположен. Заметив его смятение, Томпсон рассмеялся:

– Я всегда говорил, что русским палец в рот не клади – откусят. Вот и в Совбезе ООН они вместе с китайцами здорово умыли и нас, и говеное мировое сообщество. Я обязательно включу эпизод этого голосования в свою ленту.

– Вы же сами, Роджер, говорили, что русские трясутся за свою военную базу в Тартусе, вот и лезут из кожи вон, – напомнил режиссеру его же недавние слова Янг. – У всех в этом конфликте свой меркантильный интерес.

– У России, например, какой? – поинтересовался Максимов.

– Например, вам выгодно, чтобы ситуация вокруг Сирии продолжала оставаться горячей, поскольку в такой ситуации цены на нефть будут расти, а вас это устраивает: вы же торгуете «черным золотом». Все это поддерживает ваш бюджет и рубль, приносит огромные прибыли и дивиденды по акциям нефтяных компаний. Если этот конфликт и дальше будет разгораться, а также перекинется на весь Ближний Восток, ваш бюджет может пополучить более ста миллиардов долларов в виде дополнительных доходов.

– В ваших словах есть резон, но вы не учитываете одного важного обстоятельства, – возразил Максимов. – Если конфликт в Сирии

распространится на весь Ближний Восток, мы не выиграем, а понесем убытки, поскольку начнется паническое бегство инвесторов со всех развивающихся рынков без всякого разбора. Например, индекс Дубайской биржи уже обвалился до семи процентов. То же самое может ожидать и мою страну, поскольку если кризис ударит по фондовому рынку, России придется несладко, так как она сильно зависит от этого самого рынка. Короче, падение мировых рынков акций перевесит рост цен на нефть для моей страны.

– Судя по всему, именно этого и добиваются ваши конкуренты на мировой арене, – высказал свое предположение Томпсон.

– Вы, Роджер, зрите в самый корень, – согласился с режиссером Максимов. – Вот почему я убежден, что Россия в сирийском вопросе защищает не только свои интересы, в том числе и меркантильные, но и существующее международное право, без которого мир рискует руководствоваться исключительно правом силы, как это было во времена Средневековья.

– Это речь не столько журналиста, сколько дипломата, – не задержался с очередным комплиментом Томпсон. – Кстати, о дипломатах. Может быть, вы, Иван, поможете мне заполучить в картину кого-нибудь из них, кто согласился бы принять участие в ней? Я был бы вам крайне признателен.

– Отказавшись у вас сниматься, я не говорил, что отказываюсь вам помогать. У меня много знакомых среди сотрудников российского посольства в Каире, поэтому обещаю вам, что переговорю с ними на предмет вашего предложения, – откликнулся на призыв о помощи Максимов.

– Хорошая у нас подобралась компания: американский левак, русский и правый республиканец, – по губам Янга пробежала усмешка.

– Как говорил «великий кормчий»: «Пусть расцветают сто цветов», – и режиссер салютовал своим компаньонам стаканом с виски.

– Ну вот, началось: если вспомнили Мао Цзэдуна, значит, дальше пойдут Маркс, Ленин и Хо Ши Мин, – съязвил Янг.

– А чем вам не угодил Карл Маркс, Саймон? – удивился Томпсон. – Старик был прав, когда более ста лет назад написал, что именно при капитализме человек превращается в жалкое подобие себя.

Капитализм делает упор на социальное неравенство, навязывая миру неолиберальную идеологию, и именно она делает человека примитивным и ненасытным животным.

– Не знаю как вы, Роджер, но лично я себя животным не считаю. Я вполне преуспевающий бизнесмен.

– Ну да, несущий свет темным народам Ближнего Востока, – настала очередь язвить уже Томпсону.

– Да, я несу свет, причем как в фигуральном смысле, так и в прямом: я занимаюсь электроникой.

– Вашей электронике грош цена, если в одном Ираке мы, американцы, угробили чуть ли не миллион человек. И теперь то же самое делаем в Ливии и Сирии.

– Вы, Роджер, забыли еще Югославию, – подал голос Максимов.

– А вы, Иван, забыли Афганистан, где вы, русские, воевали почти десять лет, – парировал Янг.

– Мы не только там воевали, но еще и строили: школы, больницы, детские сады, заводы. А что построили вы, американцы, в том же Афганистане за годы вашего пребывания там?

– Наркотрафик, – подсказал Томпсон и рассмеялся собственной подсказке.

– Когда мы, русские, помогали тем же афганцам, египтянам или ливийцам строить их промышленность, мы не нагнетали у них антизападную или ультраисламскую истерию. Благодаря нашей помощи многие страны Ближнего Востока стали наиболее промышленно развитыми в своем регионе. А ведь до этого они были полуколониями, поделенными между западными нефтегазовыми компаниями. Например, нынешний Египет до революции 1952 года был лишь поставщиком хлопка и цитрусовых на Запад, а его Суэцкий канал принадлежал Англии и Франции.

– Если вы такие хорошие, почему же ваш социализм так и не прижился ни в одной из стран Ближнего Востока? Почему те же египтяне вышвырнули вас вон после смерти Насера? И это после того, что вы для них сделали?

– Просто русские оказались слишком наивными со своей верой в принципы добра и справедливости, – ответил за Максимова Томпсон. – Это только в кино плохие парни проигрывают хорошим, а в жизни чаще всего бывает наоборот.

– Под плохими парнями ты подразумеваешь своих земляков американцев? Нацию, которая начертала на своих знаменах лозунги демократии и свободы? – в голосе Янга слышалось неподдельное изумление.

– Начертать можно любые лозунги, но что скрывается под ними? – усмехнулся Максимов. – Под ваши разглагольствования о свободе на карте мира становится все меньше суверенных государств и все больше зависимых «протекторатов» и зон нестабильности. Вы играете с огнем, Саймон. Помяните мое слово, те люди, которых вы привели к власти в той же Ливии, свергнув Каддафи, уже очень скоро повернут свое оружие против вас. Кстати, ваше же собственное оружие.

– Вы ошибаетесь, Иван, эти люди будут благодарны нам за ту свободу, которую мы им помогли завоевать.

– Такую же свободу вы собираетесь насадить и в Сирии?

– Не насадить, а помочь завоевать, – уточнил Янг.

– Кому помочь – всякому сброду и «Аль-Каиде»?

– Мы помогаем повстанцам, которые устали от диктатуры Асада, а «Аль-Каида» здесь ни при чем, она для нас такой же враг, как для вас чеченские сепаратисты.

– Но ведь многие СМИ отмечают, что ваше правительство тайно вооружает не только сирийских боевиков, но и бойцов «Аль-Каиды».

– СМИ попросту врут. Вам, газетчикам, лишь бы раздуть из мухи слона – вот ваше любимое занятие.

– А что вы скажите по адресу кинематографистов? – подал голос Томпсон. – Я, к примеру, в своем новом фильме тоже утверждаю, что среди наших высокопоставленных деятелей есть люди, которые заинтересованы в тайном снабжении «Аль-Каиды» оружием, видя в ней тактического союзника. Как когда-то это было и в Афганистане, где мы вместе с ней боролись с русскими.

– Кстати, вот вам сюжет для вашего фильма, Роджер, – допивая свою порцию виски, сообщил Максимов. – Слышали про вчерашний взрыв в Дамаске у здания государственной безопасности? У меня есть сведения, что это сделала «Аль-Каида», ее сирийское крыло. И что за ее спиной стояли именно американцы, которые снабдили террористов не только керамической взрывчаткой, изготавливаемой в лабораториях Пентагона и ЦРУ, но даже силиконовым накладным животом. С ним

смертница прошла через металлодетектор охраны, имитируя беременность.

Произнося свой монолог, Максимов не сводил взгляда с Янга, который в этот момент манипулировал с зажигалкой, пытаясь зажечь сигарету. Ни один мускул не дрогнул на лице американца после слов Максимова, что лишний раз доказывало, какой серьезный ему достался противник. Сделав глубокую затяжку и выдохнув струю дыма в потолок, Янг с невозмутимым видом спросил:

– И вы, Иван, верите во всю эту галиматью, достойную разве что дешевых боевиков?

– А вот я верю, – кивнул головой Томсон, уже изрядно набравшийся виски. – И покупаю этот сюжет у Ивана. Накладной живот у террористки-смертницы – это отличная приманка для публики. Но откуда вы об этом знаете?

– У нас в России по этому поводу говорят так: много будешь знать, скоро состаришься.

Максимов прекрасно понимал, что рискует, выкладывая перед Янгом свою информацию, но другого пути у него не было. Надо было дать понять американцу, что его действия контролируются противной стороной, что он находится если не под колпаком, то где-то близко возле этого. Расчет у Максимова при этом был простой: заставляя Янга нервничать, вынудить его ошибаться. А тут еще сама судьба дала американцу новый повод почувствовать себя не в своей тарелке.

В тот самый момент, когда спор был в самом разгаре, к их столику подошел мужчина средних лет, который раскрыл перед ними служебное удостоверение и представился старшим инспектором каирской криминальной полиции Хабибом Саламом. На недоуменный вопрос уже изрядно нагруженного виски Томпсона, дескать, причем здесь полиция, последовал ответ инспектора:

– К вам у меня никаких вопросов нет, мне нужно их задать мистеру Янгу, – и, обращаясь к последнему:

– Мы можем отойти в сторону?

Янг удивился:

– Я бы не хотел, чтобы мои друзья подумали, будто у меня от них есть какие-то секреты, да еще такие, которыми мне приходится делиться с полицией. Я что-нибудь нарушил?

– Нет, вы ни в чем не виноваты. Я хотел лишь задать вам вопрос относительно того несчастного парня, которого нашли мертвым на подземной парковке.

– Ах, этого самоубийцы? – вспомнил Янг. – Но чем я могу вам помочь, если этого несчастного в глаза не видел?

– А начальник охраны сказал мне, что вы собирались выразить парню свое сочувствие по поводу той беды, что произошла с его дочкой.

– Да, все верно, я действительно хотел это сделать. Но потом, как обычно бывает, закрутился с делами и попросту забыл об этом бедняге. А потом узнал об этой трагедии. Вот и все, что я о нем знаю.

– Тогда, может быть, что-то знает ваш компаньон?

– Кого вы имеете в виду?

– Я не знаю, как его зовут – такой крепкий накачанный мужчина с ежиком на голове.

Последовала пауза, во время которой было видно, что Янг напрягся. В это время в их разговор встрял Томпсон:

– Инспектор, видимо, имеет в виду Бобби Дьюка. Только его в баре нет, он сейчас сидит в кальянной.

– Спасибо за информацию, – поблагодарил Томпсона инспектор. – Не буду больше вас отвлекать, всего доброго.

Едва он удалился, Максимов обратил свой взор на Янга:

– Что за трагедия произошла в отеле, в который я имел счастье сегодня вселиться?

Американец ответил не сразу, провожая напряженным взглядом удаляющуюся фигуру старшего инспектора. Наконец он перевел свой взор на Максимова и, стряхивая пепел в стеклянную пепельницу, ответил:

– Обычное житейское дело. Дочери здешнего охранника понадобилась срочная операция, а денег на это у родителей не было. Надо было раздобыть где-то около сорока тысяч долларов. В итоге отец покончил с собой.

– А я слышал разговоры, что парня попросту убили, – возразил Янгу Томпсон.

– Ерунда все это! Кому надо было убивать рядового охранника? – отмахнулся Янг.

– За что же его могли убить? – как бы не слыша Янга, повернулся к режиссеру Максимов.

– Это какая-то темная история. Погибший отвечал в отеле за его «глаза» – систему видеонаблюдения. Судя по всему, кому-то сильно захотелось, чтобы эти глаза не заметили нечто такое, чего видеть было нельзя.

– Если это убийство, то здесь замешана местная мафия, – предположил Янг. – Я сам периодически замечая в отеле подозрительных типов, которые высматривают среди приезжих богатых иностранцев. В прошлом году у меня в кальянной стянули портмоне, которое я имел несчастье носить во внутреннем кармане пиджака – я повесил его на спинку стула. А вы, Иван, я заметил, неосмотрительно носите портмоне в заднем кармане брюк.

– Вы очень наблюдательны, Саймон, для обыкновенного бизнесмена, – по губам Максимова пробежала лукавая усмешка. – Но в этом портмоне я не ношу крупных денег, там хранятся лишь медяки. А все крупные банкноты, как и документы, я храню вот здесь, – и Максимов похлопал ладонью по верхнему карману рубашки.

– Для обыкновенного журналиста вы весьма осторожны, – не задержался с ответным выпадом Янг.

После этих слов наблюдавший за их пикировкой Томпсон раскатисто рассмеялся.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

– Что предпочтете на этот раз, Федор Иванович, чай или кофе? – спросил у Кондратьева сотрудник Аналитического управления Михаил Батырович Алмазов, к которому генерал пришел за информацией по Саймонгу Янгу.

– В прошлый раз у вас не было лимона, поэтому я выбрал кофе. Как обстоят дела с лимоном на этот раз? – вопросом на вопрос отреагировал Кондратьев.

– Сегодня с этим все в порядке.

– Тогда давайте чай. Как всегда, зеленый, он ведь, как вы утверждаете, полезней черного? – Кондратьев прекрасно знал о том, что Алмазов буквально помешан на здоровом образе жизни и всем своим коллегам раздает полезные советы относительно их здоровья.

– Вам он особенно полезен, у вас ведь давние проблемы с желудком.

– Помню, помню, – улыбнулся Кондратьев и почти слово в слово повторил то, что Алмазов говорил ему в прошлую их встречу:

– Зеленый чай, в отличие от черного, обладает более сильными бактерицидными свойствами и сдерживает размножение болезнетворных микробов в желудке и кишечнике, останавливая там процессы гниения. Вам бы врачом работать, Михаил Батырович.

– А чем наша работа отличается от названной вами – такое же врачевание: мы выступаем то в роли терапевтов, то психиатров, а то и хирургов.

– Тогда в какой ипостаси мы будем трудиться с вами сегодня?

– Как я понял из вашей просьбы, в роли окулистов.

– Это почему?

– Нам ведь надо помочь нашему коллеге припереть к стенке цэрэушника с помощью компрометирующей его информации. То есть раскрыть коллеге глаза на темную сторону биографии его визави.

Услышав это сравнение, Кондратьев от души рассмеялся, тем самым выразив свое согласие с услышанным. Пока Алмазов хлопотал с электрочайником, стоявшим на специальном столике в углу просторного кабинета, больше напоминавшим архив и видеотеку одновременно – одну стену в нем занимали высокие полки под самый потолок с папками, а половина другой была отдана под огромный монитор и аппаратуру для DVD просмотров, – Кондратьев расположился в удобном кресле и стал терпеливо дожидаться начала той части разговора, ради которой он сюда, собственно, и пришел. Однако Алмазов не спешил, скрупулезно выдерживая все необходимые атрибуты церемонии.

Вскипятив воду, он залил ее в специальный круглый чайник, где уже лежали кусочки чайного листа. Дав чаю немного отстояться, он плеснул несколько капель из чайника в чашку, после чего вернул содержимое последнего обратно в чайник. И так несколько раз. Кондратьев внимательно следил за этими манипуляциями, но вопросов

не задавал: он уже видел это неоднократно во время своих прошлых посещений этого кабинета. На Лубянке все знали, что Алмазов родился в Узбекистане, поэтому чай заваривал так, как его учили это делать в детстве родители. Правда, вместо пиал здесь выступали чашки, но это было неважно, сама методика оставалась неизменной.

Наконец, поставив перед гостем чашку с обжигающим чаем и плавающим в нем лимоном, Алмазов опустился в кресло и взял в руки пульт, с помощью которого он собирался управлять DVD-аппаратурой. После нажатия на кнопку «включение» на огромном экране возникла фотография импозантного мужчины в белой рубашке:

– А вот и он – объект нашего интереса Саймон Янг, – Алмазов представил гостю, изображенного на экране человека. – Родился в Соединенных Штатах Америки, в штате Мичиган, в его административном центре – городе Лансинге, в 1957 году в семье учительницы литературы и бизнесмена. Его отец, Аарон Янг, возглавлял крупную торговую компанию, торговал сельскохозяйственными принадлежностями. И весьма, надо отметить, на этом поприще преуспел: заработал не один миллион, купил себе газету «Санди Джорнэл», которая специализировалась на освещении общественно-политических проблем. Завел дружбу с местными влиятельными чиновниками.

Что касается Янга-младшего, то он в 1975 году поступил в Мичиганский университет, на факультет юриспруденции. С успехом его закончил и переехал в Чикаго, где работал в юридической фирме «Исаак Каплан и сыновья». Благодаря дружбе главы этой фирмы с бывшим директором ЦРУ Джоном Алексом Мак-Коуном, он занимал этот пост в 1961–1965 годах, Каплан ввел Янга в среду профессиональных разведчиков. И в 1979 году Янг переехал в Вашингтон, где поступил на службу в ЦРУ, в Разведывательный директорат, в отдел стран Юго-Западной Азии. В середине 80-х находился в Афганистане, где координировал деятельность ЦРУ с моджахедами, в частности отвечал за поставку им зенитных комплексов «Стингер». Участвовал в нескольких военных операциях моджахедов против советских войск. Получил у них прозвище Муатабар – надежный человек. У нас есть несколько фотографий Янга того периода, – и Алмазов вывел их на экран.

– Где раздобыли? – поинтересовался Кондратьев, чередуя просмотр с чаепитием.

– Вполне легальным путем. Янг уже тогда начал выдавать себя за американского бизнесмена из компании «Индастри электроникс», бывал на нескольких светских раутах в различных посольствах и там «засветился» – его пару раз щелкнули местные газетчики.

– А что это за компания такая?

– Весьма крупное образование со штаб-квартирой в Чикаго. Занимается изготовлением и внедрением электронных систем во многих частях света. Руководитель – известный электронщик итальянского происхождения Лукино Спалетти. А вот в заместителях у него в разное время побывали сразу четверо отставных цэрэушников, что дает основание полагать, что эта компания является для ЦРУ весьма удобным партнером: во-первых, разрабатывает и продает ему различные электронные системы, а во-вторых, предоставляет ширму для его сотрудников, выдавая их за своих работников. Например, кроме Янга на сегодняшний день одним из сотрудников «Индастри электроникс» числится и резидент ЦРУ на Ближнем Востоке Аллан Трейси. Вот его фотография, – и на экране возникло изображение седого круглолицего мужчины.

– Внешне он мало похож на матерого разведчика, – заметил Кондратьев.

– Да, скорее напоминает рядового фермера с просторов где-нибудь в районе Иллинойса. Однако это опытный разведчик с более чем сорокалетним стажем службы в ЦРУ.

– А как у него складываются отношения с Янгом, ведь тот ходит в его заместителях?

– По нашим сведениям, они далеки от идиллических. Трейси опирается на демократов, а Янг на республиканцев. У Трейси есть хоть какие-то идеалы, а Янг представляет собой тот человеческий тип, для которого главным идеалом является личное обогащение. Здесь в нем явственно проступают гены его отца-миллионера, который не гнушался ради собственной выгоды применять самые нечистоплотные методы.

– А что унаследовал Янг-младший от своей мамы – учительницы литературы?

– Думаю, мало что. К книгам он равнодушен и большой эрудицией на этом поприще любви явно не блещет. И это вполне объяснимо: его мать была в полном подчинении у мужа-деспота, поэтому большим авторитетом среди своих детей, видимо, не пользовалась. Особенно у Саймона, для которого безусловным авторитетом был его отец.

– И много детей было в их семье?

– Помимо Саймона, есть еще двое сыновей и младшая дочь. Но какие между ними отношения, мы не знаем, хотя предположить можем. Дело в том, что после смерти отца по его же завещанию нажитые им миллионы распределились между детьми неравномерно: больше всего досталось Саймону, а остальным меньше. Видимо, поэтому все они живут в разных городах и редко видятся. Во всяком случае, в отношении Саймона у нас нет никакой информации, что он встречается со своими братьями и сестрой.

– Как принято говорить в подобных случаях, в семье не без урода, – грустно констатировал Кондратьев.

В это время на экране появилось новое изображение: Янг сидел в компании с неким мужчиной в полевой военной форме. Поймав на себе вопросительный взгляд собеседника, Алмазов поспешил объяснить ему, кто изображен на снимке:

– Это – косовский албанец Башким Дериш. Фотография датирована 1998 годом, когда Янг уже работал резидентом ЦРУ в столице Албании городе Тиране, официально проходя как сотрудник политического отдела посольства США. За несколько лет до этого, в 1992 году, он был переведен в отдел Восточной Европы и специализировался на мусульманском направлении. Потому и попал в Тирану. Его задачей было помогать албанцам налаживать разведывательную службу. Дело в том, что в том году, когда Янг оказался в новом отделе ЦРУ, в Албании сменилась власть – вместо коммунистов пришли демократы во главе с Беришем. Он упразднил прежнюю спецслужбу «Сигурими» и вместо нее создал два новых учреждения: Национальную информационную службу, или НИС, которая занималась разведкой и контрразведкой, и Министерство общественного порядка, или МОП, в компетенцию которой входили вопросы общей безопасности страны. Так вот, Янг консультировал НИС. Тогда же и познакомился с Башкимом Деришем, который

работал еще в «Сигурими», в ее внешней разведке, и одним из немногих бывших сотрудников был взят на службу в новое учреждение – в НИС. В его обязанность в конце 90-х входила борьба с разведкой Сербии и помощь сепаратистской Армии освобождения Косова на севере Албании: там она граничит с Косовским краем Сербии и именно там происходили ожесточенные столкновения АОК с сербскими федеральными частями. На той же северной границе у ЦРУ было открыто сразу несколько бюро, помогавшие бойцам АОК в войне с Сербией. Янг занимался координацией деятельности всех этих бюро, а также вербовал наемников из исламских стран – тех же моджахедов, с которыми он вместе воевал в Афганистане. Среди них был и один из лидеров нынешнего сирийского крыла «Аль-Каиды» Закхей аль-Хадж, который сегодня у себя на родине воюет против правительства Башира Асада. Через этих людей Янг установил контакты с Белой «Аль-Каидой» – ее европейским филиалом. Тогда же близко сошелся и с Деришем. Они вместе работали вплоть до окончания Косовской войны – до июня 1999 года, когда с помощью войск НАТО косовским албанцам удалось сломить сопротивление сербов. Что было дальше, мы все хорошо помним: контроль над регионом перешел к силам НАТО и международной администрации, которая затем передала большинство полномочий структурам этнических албанцев.

– А вы помните, Михаил Батырович, тот знаменитый эпизод, когда Евгений Максимович Примаков развернул самолет над Атлантикой? – воспользовавшись паузой, спросил у докладчика Кондратьев.

Естественно, что такой специалист, как Алмазов, уже не одно десятилетие скрупулезно собиравший даже мельчайшие факты, касающиеся самых разных мировых событий, не мог не знать об упомянутом эпизоде. 24 марта 1999 года премьер-министр России Примаков летел в США на официальную встречу с американским руководством, но во время полета узнал о натовских бомбардировках Белграда и принял решение немедленно возвращаться в Москву. Однако об участии в этом полете своего коллеги Алмазов узнал только теперь из его собственных уст.

– Представьте себе, я был в том самолете и даже слышал начало разговора Примакова с вице-президентом США Альбертом Гором: его

слова о том, что американцы совершают историческую ошибку и будут потом об этом жалеть.

– На мой взгляд, не очень-то американцы об этом и жалеют, – заметил Алмазов. – И до сих пор продолжают вести себя как слон в посудной лавке. Впрочем, вернемся к Янгу?

После того как Кондратьев утвердительно кивнул головой, аналитик продолжил свой доклад:

– Итак, Янг и Дериш познакомились в Албании. В 1999 году их пути разошлись: Янг остался в Тиране, а Дериш перебрался в Западную Европу – создал там весьма разветвленную мафиозную организацию из бывших работников спецслужб и уголовников, которая занялась контрабандой наркотиков и создала сеть нелегальной проституции, вербуя для этого девушек из стран бывшего Восточного блока, в том числе и из России. Точных данных у нас нет, но, судя по всему, к этому нелегальному бизнесу приложил руку и Янг, который «крышевал» организацию Дериша, имея за это определенный навар.

– Опять в нем проснулся его папаша-коммерсант? – усмехнулся Кондратьев.

– Кстати, о папаше. Янг-старший в 1963 году был замешан в одном громком скандале с сенатором от штата Мичиган. Газеты писали, что Аарон Янг познакомил сенатора со своей бывшей любовницей, которая до этого работала в публичном доме. С ее помощью выведал некие секреты личной жизни сенатора и долгое время шантажировал их ими. Потом этот сенатор покончил с собой, однако доказать причастность Янга-старшего к этому самоубийству так и не удалось.

– Не зря говорят, что яблоко от яблони не далеко падает, – мрачно резюмировал Кондратьев. – Судя по той информации, которую я получил недавно, этот Янг тоже оказался причастен к одному суициду, который на самом деле является убийством. Я вам чуть позже оформлю эту историю в виде документа, чтобы вы включили ее в ваше досье на Янга.

– Как я понял, это убийство нельзя использовать против него?

– В том-то все и дело, что нет: оно по квалификации ЦРУ проходит как проявление доблести их сотрудников.

– Тогда попробую заинтересовать вас другим преступлением, к которому мог быть причастен Янг. Вполне вероятно, именно за этим

вы сегодня ко мне и пришли. И начну я свой рассказ вот с чего, – и Алмазов вывел на экран аршинный заголовок из какой-то английской газеты. Кондратьев, хорошо владевший английским языком, перевел надпись следующим образом: «Дочь сенатора Макмерфи пропала в Италии».

– Это статья из «Нью-Йорк таймс», датированная началом лета 2000 года. 18-летняя дочь упомянутого бывшего американского сенатора Джона Макмерфи Джулия отправилась на студенческие каникулы в Италию, в Рим, и бесследно пропала там практически в первый же день. Родители хватились ее на вторые сутки – она перестала отвечать на их звонки по мобильному телефону – и, естественно, подняли на ноги общественность как у себя дома, так и в Италии, где у бывшего сенатора много друзей среди людей самого разного ранга. Начались активные поиски пропавшей, о чем можно судить по заголовкам итальянских газет, которые мы сейчас видим на экране. Однако все поиски оказались тщетными. Единственное, что удалось узнать: девушка прилетела в Рим, на такси доехала до центра города, но попросила таксиста довезти ее не до гостиницы, а высадить неподалеку: захотела побродить по улицам. На этом ее след обрывался. Даже приезд нескольких сотрудников ФБР из Америки не смог развеять завесу тумана над этой историей. Но фэбээровцы предположили, что девушка вполне могла стать жертвой разветвленной мафиозной сети, которая похищает молодых и симпатичных девушек для продажи их в бордели, а также разным влиятельным сладострастникам. При этом был сделан однозначный вывод, что Джулия, скорее всего, погибла почти сразу же, как только вокруг ее исчезновения поднялся небывалый шум: преступникам он был совсем не нужен. Тело несчастной до сих пор обнаружить так и не удалось.

– И где же здесь фигурирует наш подопечный – мистер Янг? – поинтересовался Кондратьев.

– Всему свое время, Федор Иванович. В Италии есть такая бывшая журналистка, Стефания Моретти, она работала в еженедельнике «Эспрессо». Женщина специализировалась на разоблачениях сексуальной мафии, поэтому взялась за расследование дела об исчезновении дочери сенатора. Пообещала читателям

опубликовать целую серию статей, но в итоге выпустила только одну, после чего внезапно ушла из газеты, где проработала более десяти лет.

– Может быть, просто потеряла интерес к этой теме? – предположил Кондратьев.

– Не похоже. Взгляните на экран – вот ее первая и единственная статья на эту тему под заголовком «Мы раскроем вам тайну: что стало с дочерью сенатора» от 12 июня. Видите, чем завершается заметка – подписью «Не пропустите: продолжение в следующем номере». Но следующий номер, как и все последующие, вышли уже без статей Моретти, поскольку из газеты она в спешном порядке уволилась и уехала из Рима к себе на родину – в городок Казал-ди-Принцип на юге Италии, в провинции Казерта. Купила там себе дом, вышла замуж, став после этого не Моретти, а Манчини, и занимается разведением цветов. То есть с журналистикой она распрощалась раз и навсегда. Согласитесь, что это странно.

– Соглашусь, некая странность в ее поведении присутствует. Но мы же знаем, что самые нелогичные существа на Земле – это женщины. Вдруг эта Стефания – ярчайший экземпляр подобного рода. Хотя понимаю, что это самое простое объяснение.

– Вот именно, что самое простое. А если подумать серьезно, то можно прийти к другому выводу. И попытаюсь это обосновать. В своей статье Моретти почти ничего не писала о похищении дочери сенатора, поскольку предполагала это сделать в последующих публикациях. Весь материал был посвящен албанской мафии, которая, как я уже говорил, наладила в Западной Европе преступный бизнес по похищению молодых девушек. В статье не назывались имена главарей этой мафии, но была фотография, на которой запечатлены несколько албанцев, имеющих отношение к этой преступной сети. Вот этот снимок. Так вот один из его фигурантов – тот, который сидит чуть левее от всех остальных – это не кто иной, как приятель и компаньон Янга Башким Дериш. Судя по снимку, албанцы сидят в летнем кафе возле римской площади Святого Петра – видите, вдалеке виднеется костел. Более того, я установил точную дату этого снимка. Обратите внимание, один из албанцев читает газету, на первой странице которой изображен снимок Папы Римского. Во всемирной паутине я нашел электронную подшивку этой газеты и легко установил дату выхода именно этого номера – 4 июня.

А теперь я вам покажу еще одну публикацию, но уже из другой, не итальянской газеты. Это албанский англоязычный еженедельник «Тирана таймс», в котором в разделе «Криминальная хроника» сообщается, что 14 июня в столице Албании убит известный криминальный авторитет Энвер Ходжа. Между тем этот псевдоним, взятый в честь многолетнего лидера коммунистической Албании, присвоил себе не кто иной, как наш хороший знакомый – Башким Дериш. Неизвестные выпустили в него по две обоймы из пистолетов «Магнум», изрешетив, как дуршлаг. И произошло это спустя две недели после исчезновения дочери сенатора в Риме. А еще через два дня Тирану покинул наш знакомый – Саймон Янг, о чем можно прочитать все в том же еженедельнике «Тирана таймс», где сообщается, что сотрудник посольства США в Албании Саймон Янг отозван в Вашингтон после восьми лет работы в Албании.

Теперь суммируем все факты, выстраивая их в логическую цепочку. Первая и последняя статья Моретти в газете «Эспрессо» датирована 12 июня. Спустя пять дней в Тиране убивают Дериша, который в момент похищения дочери сенатора, как мы выяснили, был в Риме. И, наконец, спустя два дня после этого убийства Албанию навсегда покидает Саймон Янг. Поверьте моему опыту, все эти события взаимосвязаны между собой.

– И я, кажется, догадался каким именно образом, – подал голос Кондратьев. – По вашему мнению, журналистка попросту чего-то сильно испугалась после публикации первой своей статьи и спешно покинула Рим. То же самое вскоре сделал и Дериш, но уже по другой причине: он испугался возможного возмездия за свое участие в похищении и смерти дочери сенатора. Но далеко спрятаться не смог – на родине его убрали те, кто боялся, что он может проболтаться о том, каким образом и для чего была похищена дочь сенатора. А бегство из Албании Янга указывает на то, что этим заказчиком убийства Дериша мог быть именно он. Михаил Батырович, вы гений, – Кондратьев встал из кресла и протянул коллеге раскрытую для рукопожатия ладонь. – Когда вы сможете оформить все рассказанное вами в виде документа и прислать в мой кабинет?

– Уже, – ответил Алмазов и достал из сейфа конверт, в котором находился диск с нужной генералу информацией. – Трудился сегодня с утра, зная о том, что эти данные необходимы вам как можно скорее. У

нас ведь как в медицине: запустишь болезнь — потом на одних лекарствах разоришься. Так что я проделал свою часть работы как окулист, а вы уж позаботьтесь о вмешательстве в это дело хирурга.

* * *

Египет, город Каир. Отель «Найл Хилтон»

Янг нашел Бобби Дьюка в кальянной: закрыв глаза и откинувшись на подушку, тот дремал, зажав в руке трубку от кальяна. Судя по запаху и кальянной чашке, Дьюк курил свой любимый кальян на яблоке. Сам Янг тоже отдавал предпочтение именно этому виду кальяна: в яблочной чашке его вкус был намного насыщеннее классического, поскольку табак прогорает равномернее, а яблочный сок способствует поддержанию необходимой влажности кальянного табака и передает натуральный яблочный аромат. Однако в этот раз Янгу было совсем не до размышлений по поводу собственных вкусовых пристрастий — его всерьез обеспокоило появление старшего инспектора криминальной полиции и его интерес к Дьюку.

— Очнись, Боб, — толкнул приятеля в плечо Янг, усаживаясь рядом.

Увидев, кто к нему пожаловал, Дьюк расплылся в блаженной улыбке:

— Саймон, мне снились те две турчанки, которые ублажали нас в Хатае неделю назад. Помнишь, что они с нами вытворяли?

— Турчанки далеко, поэтому вряд ли смогут что-то сотворить с тобой в ближайшей перспективе. Чего не скажешь о местном копе, который рыщет вокруг нас и действительно может натворить массу неприятных дел, — отреагировал на реплику друга Янг, причем в его голосе явственно слышались металлические нотки.

— Ты это о ком? О египтянине, который полчаса назад мучил меня своими глупыми вопросами?

— Чтобы понять, кто именно глупец из вас двоих, мне необходимо знать об этом разговоре все досконально. Ты понял?

С лица Дьюка исчезла блаженная улыбка, и он повесил на сосуд кальянную трубку, которую даже в полудреме продолжал держать в руке.

– Что тебя интересует конкретно, Саймон?

– Все. Расскажи мне в мельчайших деталях, о чем вы разговаривали с этим копом.

– Я же говорю: о всякой ерунде. Он подсел ко мне и сообщил, что пять минут назад общался с тобой по поводу самоубийства этого охранника. Спросил, не был ли я знаком с этим парнем. Я ответил, что даже в глаза его никогда не видел. На этом разговор о парне был закончен.

– И коп ушел?

– Да нет, сидел еще минут десять.

– О чем же вы говорили?

– Я же сказал, что о всякой ерунде. Ничего особенного.

– Позволь мне самому решать, что было ерундой в вашем разговоре, а что нет. Хорошо? Итак, о чем вы говорили?

– Например, о кальяне. Он сообщил, что ему из всех его видов больше всего нравится тот, что на коньяке. И мы обсуждали с ним наши кальянные пристрастия. Он сообщил, что здесь, в Египте, в основном используется китайский табак, а он не самого высокого качества. Будто я этого не знаю! Советовал попробовать египетские сорта – «Кхалил Мамун» или «Магди Зидан». К последнему, кстати, именно ты меня и пристрастил в кальянной у Цитадели. Помнишь?

– Помимо разговора о кальяне, о чем еще вы говорили? – пропустив вопрос приятеля мимо ушей, спросил Янг.

– О чем еще? – наморщил лоб Дьюк. – О моем гардеробе, например.

– Подробнее можно?

– Пожалуйста. Он сделал комплимент моей рубашке. Она и в самом деле отменного качества: «Вито Морезе» как-никак. Помнишь, я купил ее в Италии, в том магазинчике рядом с Колизеем за 500 баксов? Я еще пошутил, что в египетской полиции копам, видимо, мало платят, если они носят дешевые рубахи из «сэконд хэнда». Он в ответ сказал, что в его гардеробе есть пара рубах от «Beau France». Эка невидаль, у меня таких рубах не парочка, а несколько штук, о чем я ему и сообщил. Он спросил, есть ли среди них последняя модель – светлая рубашка с голубыми полосами. Еще бы не было: я купил ее два месяца назад в Париже, в фирменном магазине на площади Гамбетта. Он удивился, почему я ее не надел сегодня, дескать, лично он в кальянную

приходит неизменно в одежде светлых тонов. Я ответил, что пуговица оторвалась, запасная еще раньше, а пришивать на фирменную рубашу пуговицу с другим логотипом я не приучен. Дескать, будет время – съезжу в фирменный магазин «Beau France» и куплю десяток пуговиц, с запасом.

Сказав это, Дьюк взглянул на Янга и осекся: лицо того не предвещало ему ничего хорошего.

– В чем дело, Саймон?

– Я всегда говорил, что Господь дал тебе силу, но пожалел дать ума, – не сказал, а прошипел Янг. – Дело в том, что именно та самая рубашка с голубыми полосами была надета на тебе в тот день, когда мы убивали охранника. Или я ошибаюсь?

По тому, как вытянулось лицо Дьюка, было понятно без всяких слов, что Янг оказался прав. А он продолжал изничтожать приятеля, вгоняя его во все больший ступор:

– И, судя по всему, пуговицу ты потерял именно в момент ликвидации. Иначе этот коп вряд ли бы о ней вспомнил. О чем вы еще говорили? Или на вопросе о рубашке все завершилось?

– Нет, он дал мне две фотографии и спросил, знаю ли я этих людей.

– Что за люди?

– Да я их никогда в глаза не видел. Какие-то два араба, похожие на бедуинов.

– И ты, конечно же, держал эти фотографии в руках?

– А как иначе я смог бы разглядеть их в здешнем полумраке?

– Поздравляю тебя, Боб, теперь у него есть и твои отпечатки пальцев, – окончательно добил приятеля последним сообщением Янг. – Без сомнения, этот коп настоящий виртуоз, хотя в отличие от тебя и ходит в одежде из «сэконд хэнда».

* * *

В тот самый момент, когда Янг пытал своего приятеля вопросами, Хабиб Салам уже успел приехать в полицейское управление и отдал эксперту-криминалисту обе фотографии, которые час назад держал в

своих руках Бобби Дьюк. Но заполучить отпечатки пальцев только с этих фото было бы недостаточно. Необходимо было то же самое проделать и в салоне автомобиля «Рено», принадлежавшего погибшему охраннику Исмаилу Фахми.

– Разве тех отпечатков, которые мы сделали в салоне в момент обнаружения трупа тебе недостаточно? – удивился эксперт, услышав просьбу Салама.

– Но вы же работали спустя рукава, правда? Зачем особо стараться, если все указывало на самоубийство?

– А ты предполагаешь, что было нечто другое?

– Да, почти все собранные мною улики говорят об убийстве. Но чтобы поставить последнюю точку, нужны результаты вашей новой экспертизы. Поскольку среди тех отпечатков, что вы мне передали, вряд ли обнаружатся те, которые меня интересуют. Преступник если и оставил следы, то только в одном месте – на правой боковой спинке сиденья. А там, как я понял, вы не работали.

– Почему именно на боковой спинке?

– Когда убийца удерживал жертву левой рукой за шею, он просто обязан был для большего упора держаться и за боковину сиденья.

– Логично, – согласился эксперт, после чего добавил: – Но извини, результаты будут готовы только в понедельник, да и то во второй половине дня. Сегодня я успею снять отпечатки с фотографий, потом – со спинки сиденья, а все остальное сделаю после выходных. У меня ведь и других дел по горло.

– Делать нечего, подожду до понедельника, – вынужден был согласиться Салам.

Придя на свое рабочее место, он включил компьютер и обнаружил на электронной почте письмо от своего приятеля Аймана, который работал в информационном отделе Джигаз Амн ад-Дауля – Службы госбезопасности. Час назад, едва выйдя из отеля, Салам позвонил ему по мобильному телефону и попросил «пробить» данные на американского гражданина Бобби Дьюка, который проживает в отеле «Найл Хилтон». Понимая, что данные по гражданам США могут быть засекречены, Салам добавил:

– Буду рад любой информации, даже самой минимальной.

– Хорошо, попробую, – последовал короткий ответ.

И вот минул всего час, а электронное письмо уже было доставлено адресату. И хотя длинным назвать его было нельзя, однако кое-какую пищу для размышлений оно давало. Приятель-гэбист сообщал следующее:

«Роберт Уильям Дьюк, 1964 г. р.; бывший военнослужащий войск специального назначения армии США «Зеленые береты». Службу проходил в двух местах: в 1983–1994 гг. на базе спецназа в Форте-Брегг, штат Северная Каролина, в 1995–2003 гг. в 5-й группе спецназа (регионы применения: Ближний и Средний Восток, Северная Африка) в Форте-Кэмпбелл, штат Кентукки. Подразделение «Акбэт» (полевой спецназ). В 2004 году уволился из рядов армии США. Был одним из основателей частного охранного предприятия ветеранов спецслужб «Bloodwater».

«Вот, значит, откуда на месте преступления «нарисовался» пистолет «Ругер Mk» 22-го калибра, – мелькнула догадка в голове у старшего инспектора. – Это оружие состоит на вооружении ВМС и спецназа армии США, к которому имел отношение этот Дьюк».

Достав из пачки «Мальборо» сигарету, Салам отправил ее в рот. Щелкнул зажигалкой. Требовалось тщательно обдумать возникшую ситуацию, которая таила в себе массу опасностей. Инспектор хоть и был чужд политики, однако не был наивным человеком, поэтому прекрасно отдавал себе отчет, чем ему может грозить попытка предъявить обвинение в совершении тягчайшего преступления гражданину США. Тем более сегодня, когда власть в стране принадлежит президенту Мурси, который не заинтересован в конфликтах с американцами. Что неудивительно: кто в Египте не знает, что он учился в Америке, там же теперь учатся и живут его дети.

Но с другой стороны этот американец из «Хилтона» отнял жизнь не у кого-нибудь, а у соплеменника старшего инспектора – египтянина, да еще отца троих детей. А у мусульман не принято прощать: это прерогатива Аллаха. Подумав об этом, Салам вдавил сигарету в пепельницу и отправился напрямик к начальнику полиции.

Все то время, пока старший инспектор излагал перед начальником результаты своего расследования, тот стоял у окна, выходящего во внутренний дворик управления. Когда инспектор замолчал, начальник вернулся к своему столу и сел в кресло. Закурил сигарету и, пуская дым в потолок, сказал:

– Ничего у тебя не получится. Все твои улики косвенные и не позволяют предъявить обвинение в убийстве этому американцу. Что ты доказал? Что он действительно побывал в автомобиле охранника. Но где улики, которые говорят о том, что он там находился именно в момент убийства? Их нет. Сам американец заявит, что действительно однажды подъезжал к гостинице на автомобиле несчастного охранника: тот якобы согласился его подбросить. И пуговицу потерял в салоне именно тогда. Что касается отпечатков на сиденье, которых пока еще у тебя нет, то и здесь все просто. Американец скажет, что во время резкого торможения ему пришлось инстинктивно схватиться за боковину переднего сиденья.

– Но он два часа назад заявил, что в глаза никогда не видел этого охранника, – возразил Салам.

– А теперь он скажет, что память его подвела и один раз этот парень его все-таки подвозил. Чего не сделаешь ради того, чтобы тебя не уличили в убийстве.

– Значит, вы все-таки верите в то, что это мог сделать именно он?

– А какая разница, что именно я думаю? Ты проделал классную работу, но в ней не хватает главного – живых свидетелей и убойных улик. Вроде отпечатков пальцев на рукоятке пистолета, из которого был произведен выстрел в охранника. Отпечатков нет, как и нет номера на пистолете, по которому можно было бы идентифицировать его владельца. Нет и записей с видеокамеры, которые подтвердили бы, что в момент убийства в машине находился этот самый американец.

– Их там, судя по всему, было двое.

– А два американца – это вообще перебор. Ты зря думаешь, что если у нас вместо Мубарака к власти пришел Мурси, то кто-то позволит тебе вбивать клин между нами и американцами. У наших ихванов, «Братьев-мусульман», еще кишка тонка выступать против янки. Вот если бы у власти были салафиты, из тебя бы сделали национального героя. А при нынешних правителях быть героем тебе не светит. Никто пальцем о палец не ударит, чтобы раскрутить это дело. И, главное, ради чего – ради какого-то рядового охранника из отеля. Это же смешно.

– А как же быть с нашей совестью?

– По поводу совести – это к мулле. Уверен, что и он тебе скажет: оставь это дело на волю Аллаха – он сам покарает преступников. А ты

сделал все, что мог. И на том спасибо. Так что закрой это дело и займись другим, тем, которое ты реально сможешь довести до суда.

– То есть вы хотите сказать, что после того, что я вам сейчас здесь рассказал, вы вечером вернетесь домой и будете совершенно спокойно целовать своих детей, а ночью обнимать жену? И мысли о невинно убитом охраннике и его детях-сиротах даже ни разу не придут в вашу голову?

– Я больше сорока лет работаю в полиции и главное, чему научился – не смешивать служебное с личным. Когда я прихожу домой, все мысли о работе я оставляю за порогом. Если я буду вспоминать всех убиенных, виденных мною здесь, я стану импотентом.

– Убиенный убиенному рознь. Одно дело богатый владелец «валютки», мухлюющий с курсом валют и убитый своим жадным компаньоном, и совсем другое – рядовой охранник с тремя детьми на руках.

– Этот твой секьюрити, видимо, сунул свой нос туда, куда не следовало совать, если его убрали аж американцы, да еще спецназовцы. И тебя убьют, если ты не угомонишься.

Последние слова донеслись до инспектора уже в коридоре, куда он выскочил, не в силах больше выслушивать циничные разглагольствования своего шефа.

Дойдя до своего рабочего места, Салам в течение нескольких минут сидел без движения, уставившись в мерцающий экран монитора. Наконец ему в голову пришла идея, и он потянулся к трубке телефона. Но, сняв ее и набрав на аппарате несколько цифр, он вернул трубку обратно, решив, что безопаснее всего этот звонок будет сделать по мобильному телефону. И чтобы никто из присутствующих в управлении полицейских не слышал этого разговора, инспектор вышел на улицу. Здесь он отошел в дальний конец двора и, прислонившись к металлическому забору, отделявшему полицейское управление от пешеходного тротуара, набрал на мобильнике номер телефона того самого приятеля-гэбиста Аймана, который помог ему с информацией по Бобби Дьюку. Если бы Салам в тот момент был более внимателен, он бы наверняка заметил белый фургон «Мерседес» с тонированными боковыми стеклами, притулившийся к бордюрному камню тротуара на противоположной стороне улицы. Но инспектор был настолько занят

своими мыслями, что не обратил на одинокий автомобиль никакого внимания.

Между тем оттуда за ним следили две пары внимательных глаз: это Янг и Дьюк, «пробив» через начальника охраны отеля «Найл Хилтон» рабочие данные на Хабиба Салама, несколько минут назад подъехали к полицейскому управлению и терпеливо ожидали появления старшего инспектора. А когда тот вышел во двор и стал набирать чей-то номер на своем мобильнике, Дьюк немедленно включил аппаратуру, спрятанную в фургоне. Это был мощный высокочувствительный направленный микрофон, подключенный к приемнику. С помощью этого микрофона, усиливающего звуковые колебания, можно было перехватывать речи на больших расстояниях. В данном случае от фургона до объекта подслушки было всего около ста метров, поэтому речь Салама слышалась в наушниках просто идеально.

– Айман, здравствуй, это опять я, Хабиб, – цэрэушники внимательно ловили каждое слово старшего инспектора. – Извини, что беспокою, но без твоей помощи мне снова никак не обойтись. Помнишь, ты рассказывал мне о своем знакомом – полковнике из вашей Службы госбезопасности? Ты еще сказал, что он входит в группу офицеров, ориентированных на «Братьев-мусульман»? Ты не мог бы устроить мне с ним встречу сегодня? Это очень важно, иначе, сам понимаешь, я бы не стал беспокоить тебя, да еще по телефону. Но времени в обрез. Значит, постарайся? Спасибо, буду ждать твоего звонка.

Вернув мобильник на пояс, Салам вернулся в здание полицейского управления.

– Теперь ты понял, в какое дерьмо ты нас втащил? – убирая наушник от уха, спросил у своего компаньона Янг. – Если в дело вмешаются ихваны, они постараются раскрутить это дело на всю катушку. А это уже не уголовщина, а политика: какой ихван не захочет иметь компромат на проклятых янки.

Дьюк ничего не ответил, однако по выражению его лица было видно, что он вполне осознает свою вину.

– Я вижу, Боб, что до тебя дошло. Поэтому я возвращаюсь в отель, а ты вызови ребят и подчисти оставленное за собой дерьмо. В чем, в чем, но в этих делах ты еще никогда промашки не давал. Надеюсь, что

и в этот раз ты не подкачаешь. В противном случае ты заставишь меня разочароваться в тебе окончательно.

* * *

Сирия, город Дамаск. Штаб-квартира ГБ

Полковник сирийской госбезопасности Махмуд аль-Валид внимательно слушал доклад своего оперативного работника из следственной группы, сформированной по делу о двойном взрыве возле здания ГБ. Зная о том, что его начальник не терпит цветастых фраз и разного рода недомолвок, докладчик был более чем лаконичен:

– На данный момент установлено, что все четыре автомобиля, участвовавшие в теракте, были угнаны в тот же день в разных частях Дамаска и его пригородах. Что касается автомобиля «Hyundai», в котором находился Закхей аль-Хадж, то его угнали около одиннадцати часов утра от рынка Хамидия. Он принадлежит торговцу овощами Халилю аль-Насери. Об угоне он заявил спустя четыре часа после происшедшего – все это время торговал на рынке. По нашим данным, никакого отношения к террористам он не имеет, со следствием сотрудничал активно. На нашу удачу неподалеку от места угона есть пункт обмена валюты, который снабжен двумя наружными видеокамерами. Мы изучили их записи и обнаружили на одной из них момент угона. В роли преступника выступил вот этот человек, – и докладчик положил перед аль-Валидом несколько фотографий молодого мужчины в голубой рубашке и белых брюках. – Мы связались с полицейскими управлениями и выслали им фотографии угонщика. Сегодня утром из одного управления пришла информация, что на снимке изображен Асеф Хиджаб, 33 лет, житель Дамаска, проживает на улице Баб Шарги. Известен как профессиональный угонщик. Судим, отбывал шестилетний срок за угон автомобиля. Освободился три года назад.

– Странно, что этот ушлый уголовник так легко угодил в поле зрения видеокамер, – высказал сомнение аль-Валид.

– Этому есть объяснение. Главный вход в пункт обмена валюты, над которым установлены камеры, закрылся неделю назад, и попасть в

«валютку» теперь можно через оружейный магазин, что за углом. Видимо, Хиджаб об этом не знал и посчитал, что пункт закрылся и, значит, видеокамеры не работают. А они продолжали исправно функционировать. Час назад мы арестовали Хиджаба и привезли к нам. Сейчас он находится внизу, в камере предварительного заключения.

– Его еще не допрашивали? – поинтересовался аль-Валид.

– Не успели.

Не говоря больше ни слова, аль-Валид поднялся из-за стола, прихватил с собой распечатанную пачку сигарет и вместе со своим визави отправился вниз, где в подвальных помещениях здания государственной безопасности располагались тюремные боксы.

Когда аль-Валида провели к камере, где сидел арестованный угонщик, он, прежде чем войти, заглянул в глазок. Асеф Хиджаб лежал на нарах с закрытыми глазами, подложив руку под голову. Взяв у сопровождавшего его сотрудника папку с материалами по делу о теракте, аль-Валид попросил надзирателя отпереть тюремную дверь. В камеру он вошел один. При его появлении Хиджаб открыл глаза и вскочил на ноги.

– Ну, здравствуй, – и аль-Валид протянул заключенному руку. – Удивлен, почему тебя доставили к нам, а не в полицию?

– Честно говоря, да.

– Сейчас все поймешь. Куришь? – и аль-Валид протянул собеседнику открытую пачку.

Хиджаб извлек из нее сигарету, а его гость щелкнул зажигалкой. После чего они присели на нары. Аль-Валид открыл папку, которую он положил себе на колени, и показал Хиджабу фотографию, на которой тот был запечатлен в момент угона автомобиля «Hyundai».

– Узнаешь себя?

– Узнаю, – не стал отпираться угонщик.

– А это? – и аль-Валид показал арестованному фотографию, где были запечатлены развороченные взрывом ворота у здания ГБ.

– Да, видел вчера по телевизору.

– Так вот, это сделал человек, для которого ты вчера угнал машину. Вот этот, – и аль-Валид показал Хиджабу фотографию Закхея аль-Хаджа.

– Я не знаю этого человека, – голос угонщика звучал уверенно.

– Тогда кто попросил тебя угнать машину?

– Мне позвонили по мобильнику, попросили оставить угнанный автомобиль в указанном месте и пообещали за это двойную плату. Грех было не согласиться. Но если бы я знал, кому и зачем понадобится это авто, я бы ни за что не согласился.

– Не врешь?

– Клянусь покойными родителями: я вор, но не изменник.

– Если не врешь, тогда помоги поймать этих извергов. Они убили одиннадцать человек.

– Но я честен перед вами, ничего не скрываю.

– Ты говоришь, что тебе позвонили по телефону. Но деньги ведь передали?

– Их оставили на пустыре, положив под камень. Когда я их получил, тут же отправился на дело.

– Тебе часто поступают такие заказы?

– Не скажу, что часто, но бывает.

– Значит, вчерашних заказчиков ты не видел?

– Ни одного.

– Но кто-то ведь их на тебя навел?

– Таких людей может быть много: в криминальном мире мое имя известно.

– Но номер телефона на твоём мобильнике зафиксировался?

– Только как неизвестный.

– А в какое время поступил звонок, ты помнишь?

– Да, около девяти часов утра. Я только встал и умылся, как мне позвонили. Хотя... – мужчина осекся, – ...звонили не один, а два раза. Сначала был звонок около девяти часов, а потом минут через сорок. В первый раз мне сказали, что автомобиль я должен подогнать на улицу Рашида Карами, а во время второго звонка назвали другой адрес – чуть дальше, к повороту у парка Ас Салам.

– С тобой разговаривал один и тот же человек?

– Да, один. Я запомнил: голос глуховатый, с хрипотцой.

– Во время разговора какие-то посторонние шумы вклинивались?

– Хотите определить место, откуда звонили? – догадался Хиджаб. – Вроде не было. Впрочем... В первый раз был слышен гул пролетающего самолета.

– Уверен, что это был самолет?

– Обижаете. У меня двоюродный брат работает в аэропорту, так что шум двигателей самолета от любого другого я отличить могу.

– Телефон у тебя забрали?

– Да, ваши люди.

– Спасибо, Асеф. Если понадобится, тебя навесят.

Аль-Валид пожал мужчине руку и вышел из камеры. Тут же, в коридоре, он отдал распоряжение сотруднику, что полчаса назад делал ему доклад:

– Отдайте мобильник Хиджаба нашим операторам, пусть они проведут биллинг – установят, из каких мест в Дамаске были произведены вчера в районе 9-10 часов утра два звонка на этот телефон. О полученных сведениях немедленно сообщите мне. Я буду у себя.

Ждать пришлось не слишком долго. Уже спустя полтора часа на стол аль-Валида лег документ, в котором сообщалось, что два упомянутых им звонка, поступивших на мобильный телефон Асефа Хиджаба, были произведены из двух разных точек. Первый – с улицы Аш Шугар, второй – с улицы Баб Тума. Подойдя к карте города, висевшей на стене, аль-Валид увидел, что обе улицы расположены поблизости друг от друга. Более того, здесь же располагалась и дорога, ведущая к международному аэропорту. А угонщик как раз упоминал, что во время первого звонка в трубке был слышен рев пролетающего самолета.

«Значит, все сходится: преступник в момент звонка находился именно в этом районе. Конечно, шансы на то, что именно там у них и находится их база, малы, но, как говорится, чем шайтан не шутит. Вот и угнанный автомобиль они попросили оставить у парка Ас Салам, а это всего в нескольких десятках километров от тех двух улиц, если двигаться с юго-востока на северо-восток. Да, здесь люди аль-Хаджа дали промах, понадеялись на помощь постороннего человека. Впрочем, у них, видимо, не было выбора: надо было срочно раздобыть четыре автомобиля, а время поджимало. Вот и решили угон одного транспортного средства доверить постороннему. К тому же они наверняка были уверены, что выйти на него мы вряд ли сможем. А вышло вон как».

Вернувшись за стол, аль-Валид вызвал по телефону того сотрудника, что сегодня утром делал ему доклад об аресте угонщика.

Даже не предложив ему присесть, полковник отдал распоряжение:

– Надо немедленно связаться с отделениями полиции, обслуживающими улицы Аш Шугар и Баб Тума, а также их ближайшие окрестности. Требуется выяснить, не появлялись ли в последние дни или недели в этом районе новые жильцы: несколько мужчин – предположительно трое-четверо – и молодая женщина. Они могут либо снимать квартиры самостоятельно, либо, выдавая себя за родственников местных жителей, жить под их крышей. Если таковые обнаружатся, пусть полицейские ничего самостоятельно не предпринимают: они могут спугнуть преступников. Их задача засечь этих людей, а все остальное мы берем на себя. Все понятно? Тогда не буду больше вас задерживать.

Аль-Валид не зря попросил предупредить полицейских о том, чтобы они воздержались от самостоятельных действий: в этом крылось не столько недоверие к коллегам из конкурирующего с ГБ департамента, сколько желание избежать лишних потерь. Полковник был прекрасно осведомлен о высокопрофессиональной боевой подготовке людей Закхей аль-Хаджа, которые уже не один год воюют с оружием в руках, а перед этим прошли массированное обучение в лагерях «Аль-Каиды». Для этих «воинов пустыни» слабо подготовленные полицейские стали бы весьма легкой добычей. И все последующие события, развернувшиеся спустя несколько часов после распоряжения полковника, со всей очевидностью докажут правоту его опасений.

Инспектор полиции Рияд Хафири и его молодой напарник Мамун Шаукат возвращались на патрульном автомобиле в свое полицейское управление, когда с ними по радиотелефону связался дежурный по управлению:

- Сорок пятый это база, ответьте.
- Слушает сорок пятый, – ответил Хафири.
- Рияд, кажется, это на твоем участке неделю назад объявились трое мужчин и с ними молодая женщина? Ну те, которые приехали из Алеппо и сняли квартиру на Аш Шугар.
- Да, есть такие. А в чем дело?
- Госбезопасность ищет группу особо опасных террористов в таком составе. Поэтому мы дали знать о них коллегам и с минуты на

минуту ждем их приезда. Вам надо вернуться в управление и сопроводить госбезопасников до нужного адреса.

– Зачем нам возвращаться, когда мы буквально в пяти минутах езды от этого места? Сделаем так: мы подъедем к дому и будем ждать коллег на месте. Заодно позаботимся о том, чтобы никто из предполагаемых преступников не ушел до их приезда. Все понятно? Тогда отбой.

– Может быть, лучше сделать так, как советовала база? – спросил у Хафири его напарник, едва тот отключил радиотелефон.

– Что, поджилки трясутся? – рассмеялся в ответ Хафири, сворачивая с улицы в переулок, от которого до нужного места и в самом деле было пять минут быстрой езды. – Не бойся, я же сказал, что мы не собираемся ввязываться ни в какую заварушку. Наше дело – контроль за ситуацией. Хотя, если честно, не хотелось бы отдавать все лавры по поимке террористов коллегам из ГБ, чем мы хуже? Ты разве не слышал, что за поимку особо опасных преступников положены хорошие бонусы, в том числе и повышение по службе? Неужели ты против этого?

– Я не против, но с нашими ли пушками тягаться с террористами?

– Ты прав – не с нашими. Однако кто сказал, что это те самые люди, которых ищут гэбэшники? Мало ли в Дамаске мужчин и молодых женщин? Так что расслабься, дождемся коллег, проясним ситуацию и уже через час сдадим дежурство. Кстати, как там твой старший сын, все балует?

– Завтра собираюсь зайти в школу и поговорить с учителем, – по губам Шауката скользнула улыбка, и напряжение моментально исчезло с его лица.

Спустя пару минут Хафири остановил автомобиль в нескольких десятках метров от дома, где вот уже неделю снимали квартиру те люди, ради которых они сюда и приехали. Как опытный профессионал, Хафири не стал подъезжать непосредственно под окна дома, где жили предполагаемые террористы, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Несмотря на то что уже начало смеркаться, от места, где остановился патрульный автомобиль, была прекрасно видна не только вся улица, но и нужный полицейским подъезд. От стражей порядка требовалось немного: заглушить мотор автомобиля и, взяв под наблюдение улицу, дожждаться приезда гэбэшников. Тем более что те

уже были в пути, преодолев примерно половину расстояния. Однако удача в тот вечер явно была на стороне аль-Хаджа и его людей. Волею случая, именно они были теми самыми обитателями подъезда и той самой квартиры на третьем этаже шестиэтажного дома, за которым установили наблюдение Хафири и его напарник.

Полчаса назад один из людей аль-Хаджа позвонил в пиццерию, чтобы им доставили три упаковки «Неаполитано». Небольшой фургончик с надписью «Доставка пиццы» подъехал к подъезду спустя пять минут после того, как полицейские заглушили мотор. Молодой паренек в фирменной одежде, держа в руке три упаковки, ловко вбежал на третий этаж. На его звонок дверь открыл аль-Хадж, предварительно, естественно, взглянув в глазок.

– Пиццу заказывали? – спросил разносчик.

Аль-Хадж молча пригласил паренька в комнату, где посередине стоял стол. Положив на него коробки, парень пересчитал деньги, выданные ему аль-Хаджем и, направляясь к выходу, заметил:

– Надо спешить – еще пять адресов предстоит объехать. Придется гнать, а полиция лютует. Вон, даже на вашей улице к чему-то присматривается.

Едва за парнем закрылась дверь, как аль-Хадж и двое его напарников прильнули к окнам. Вдалеке, в самом начале улицы, и в самом деле в вечерних сумерках проступали очертания полицейского автомобиля.

– Уходим, – бросил короткую фразу аль-Хадж, после чего его напарники достали из стенного шкафа две спортивные сумки с оружием и боеприпасами и, не взглянув на лежащую на столе пиццу, осторожно вышли из квартиры. В подъезде было тихо.

Поскольку запасного выхода в доме не было, террористы решили уходить по крыше. И в тот самый миг, когда они выбирались на чердак, в их подъезд один за другим вошли аль-Валид и восемь бойцов спецназа. Несмотря на то что в минувшие три часа они уже дважды наведывались по адресам, где могли проживать потенциальные террористы, и везде это была ложная тревога, спецназовцы были во всеоружии и двигались один за другим, держа наизготовку короткоствольные автоматы.

Дойдя до нужной двери на третьем этаже, аль-Валид хотел уже было нажать на кнопку звонка, как вдруг заметил, что дверь

приоткрыта. Командир спецназа оттеснил полковника в сторону, а сам выдвинулся к двери. Осторожно открыв ее, он вместе с тремя бойцами вошел внутрь. Остальные остались снаружи. Но уже спустя полминуты командир вернулся назад:

– Квартира пуста, на столе три нераспечатанные и еще горячие пиццы. Судя по всему, жильцы ушли отсюда несколько минут назад, – и командир указал пальцем на лестницу, ведущую наверх. Однако аль-Валид и сам догадался, что иного пути, кроме как на крышу, у жильцов этой квартиры не было. И спецназовцы с полковником стали подниматься по лестнице.

В тот момент, когда они появились на крыше, аль-Хадж и двое его напарников уже достигли ее противоположного конца и, закрепив за металлическую трубу тонкий канат, собирались спуститься по нему на соседнюю улицу. Первым это должен был сделать аль-Хадж, который уже занес ногу через бордюр. В это время крайний из террористов заметил преследователей и открыл по ним шквальный огонь из автомата. В вечерней тишине автоматная очередь прогремела словно раскаты грома, переполошив всю ближайшую округу. А тут еще и спецназовцы открыли ответный огонь, после чего завязалась массированная перестрелка. Но главарь террористов в ней не участвовал: аль-Хадж успел перебросить тело через бордюр и начал быстро спускаться вниз.

Все это время стоявшие возле подъезда Хафири и Шаукат с нетерпением ждали возвращения спецназовцев. Но как только на противоположной стороне крыши завязалась интенсивная перестрелка, они правильно оценили ситуацию и, усевшись в патрульный автомобиль, рванули к повороту на соседнюю улицу. В тот момент, когда они свернули за дом, ноги аль-Хаджа уже коснулись земли, и он, увидев патрульный автомобиль, открыл по нему прицельный огонь из автомата. Первая же очередь сразила Шауката, который даже не успел ничего сообразить. Вторая очередь предназначалась Хафири, но ему повезло больше. Одна из пуль угодила ему в плечо, после чего полицейский надавил на тормоз и, распахнув дверь, вывалился на тротуар. И почти сразу же открыл огонь из пистолета по террористу. Аль-Хадж бросился к противоположному дому, где спрятался за угол и уже оттуда продолжил стрельбу по полицейскому. В течение нескольких секунд он

выпустил в патрульный автомобиль весь рожок своего автомата, превратив еще совсем недавно новую машину в дырявый дуршлаг. самого полицейского спасло от неминуемой гибели лишь то, что он успел сместиться к багажнику и уже оттуда вел огонь по противнику.

Выпустив весь свой боезапас, Хафири быстро перезарядил обойму и в этот миг заметил второго террориста, который спускался по канату вниз. Он был настолько хорошей мишенью для полицейского, что тот не стал терять времени даром на крики «руки вверх» и «бросай оружие», а попросту разрядил в него почти всю обойму. Одна из пуль снесла террористу полголовы, и он рухнул вниз на тротуар. Что касается третьего преступника, то и ему не повезло. Он даже не успел схватиться руками за канат, как автоматная очередь, выпущенная кем-то из спецназовцев, прошла ему спину, и он, раскинув в стороны руки, рухнул с одной крыши на другую – буквально впечатался в крышу патрульного автомобиля.

От страшного грохота Хафири отпрыгнул назад, подумав, что кто-то из террористов взорвал гранату. Но уже очень скоро, разобравшись в причине шума, полицейский вскочил на ноги и выглянул из-за машины. За углом здания, где всего минуту назад скрывался террорист, теперь никого не было. Аль-Хадж, воспользовавшись тем, что внимание стражей порядка оказалось отвлечено на его напарников, попросту скрылся с места происшествия. Когда Хафири, держась за раненое плечо, добежал до угла здания, соседняя улица была уже пуста.

* * *

США, Лэнгли, штат Вирджиния.

Центральное разведывательное управление

– Материалы, которые Фараон прислал нам из Москвы, просто цены не имеют, – не скрывая своего удовлетворения, произнес Стивен Снайпс, обращаясь к начальнику «русского» отдела Уильяму Берроузу. – Особенно ценна информация, касающаяся взаимоотношений Москвы и Пекина. Наш госдеп крайне заинтересован в том, чтобы иметь полную картину закулисных

переговоров русских с китайцами по поводу их позиции в ООН относительно Сирии. С помощью информации от Фараона у нас появится реальная возможность влезть внутрь этих переговоров и попытаться влиять на одну из сторон. Поэтому обязательно обратите внимание Фараона на нашу заинтересованность относительно этой темы. Обещайте ему что хотите, любые золотые горы, но заставьте его как можно активнее работать в этом направлении.

– Фараон и без наших обещаний вполне добросовестно выполняет свою работу, – сидя в кресле напротив своего шефа, подал голос Берроуз.

– Думаю, что лишний акцент в этом деле не помешает. Кроме этого, обратите его внимание еще на ряд важных для нас тем. Во-первых, нас интересует позиция русских относительно поведения Турции. Нам важно знать, как они отреагируют на то, что Турция, стремясь к региональной гегемонии, может более активно включиться в разрубание сирийского узла. Станут ли русские в таком случае разыгрывать курдскую карту и не начнут ли искать новые подходы к Израилю в свете того, что последний весьма ревниво взирает на то, как Турция становится его заменителем в этом регионе.

Во-вторых, в последнем сообщении Фараона проскользнул мотив якобы имеющихся внутри российского МИДа разногласий между двумя группировками: тех, кто выступает за более решительное осуждение внешнего вооруженного вмешательства во внутренние дела Сирии, и тех, кто занимает более умеренную позицию. Нам нужно знать, кто именно из мидовцев входит в эти группировки, какие шансы на победу имеет та из них, которая стоит на более радикальных позициях.

– Я вижу, что ваша вчерашняя встреча в госдепе принесла с собой кучу новых забот для нашего ведомства, – усмехнулся Берроуз.

– Разве это заботы? Заботы начнутся, если мы в ближайшее время не свернем шею Асаду. А сделать это становится все труднее, поскольку на этом попроще у нас возникает все больше и больше препятствий. И Фараон должен помочь нам их преодолеть. Пусть не в отношении всех препятствий, но хотя бы части из них. Например, Белый дом сильно интересуется возможностью больших поставок из России в Сирию зенитно-ракетных комплексов С-300. Если это случится, сирийцы сумеют надежно прикрыть свое небо от любых

авианалетов. Короче, то, что не удалось сделать Каддафи, может удастся Асаду. Допустить этого мы не имеем права.

– Может быть, русские только блефуют? – возразил шефу Берроуз. – Мы же помним, как они летом 2010-го аннулировали свой контракт на поставку С-300 в Иран, не побоявшись потерять на этом 1 миллиард долларов. Может, и здесь нашим дипломатам удастся подобрать к ним такие ключики, которые позволят сорвать и эти поставки в Сирию?

– Не удастся, Уильям, – сказал, будто рубанул, Снайпс. – Вы забыли, кто правил в Кремле в 2010-м? Сейчас там правит другой человек, а это уже совсем иной расклад. На Востоке по такому поводу говорят: молодой визирь только замышляет обмануть пожилого, а тот уже успел трижды обвести его вокруг пальца. Наш пожилой кремлевский визирь хитер не менее любого восточного и будет держаться за Сирию до конца. Поэтому ни о каких срывах в поставках туда ЗРК С-300 речи быть не может. Вот почему мы должны ориентировать Фараона на то, чтобы он узнал, каким именно путем те будут туда доставляться.

– Разве у них много путей для этого? Либо с Украины, из порта Николаев, либо из балтийских портов. Но поставки через Украину мы можем перехватить с помощью турок, в Босфоре, а прибалтийские – через наших европейских союзников.

– Вы забыли еще упомянуть порты в Новороссийске и Темрюке, – пуская очередную струю сигарного дыма под потолок, внес свою поправку Снайпс. – Через них ЗРК могут быть переправлены на десантных кораблях Черноморского флота, которые нам перехватить вряд ли удастся.

– Зато Израиль может нанести по этим ЗРК авиаудар сразу после их выгрузки.

– Но для того чтобы это сделать, израильтянам нужна будет информация о месте и времени прибытия ЗРК в Сирию. Вот именно здесь информация от Фараона и может нам здорово пригодиться. Так что ориентируйте его на ее получение. Обещайте ему, что за ценой мы не постоим – оплатим такого рода информацию в десятикратном размере. Он хоть и не заиклен на деньгах, однако такого рода обещания заметно поднимут его реноме в собственных глазах.

Насколько я помню, он у нас уже без пяти минут долларовый миллионер?

– Полагаю, что Фараон по сирийскому узлу работает из чисто идейных соображений: он ненавидит путинский режим и поэтому мечтает о том, чтобы сделать из Сирии своеобразное Ватерлоо для Путина.

– Однако это Ватерлоо уж больно затягивается. И наши аналитики все больше склоняются к тому, что дальше ситуация с этим будет только ухудшаться.

– Разве наши аналитики не могут ошибаться?

– Конечно, могут, но чутье мне подсказывает, что в этот раз они вполне могут попасть в «десятку». Как говорят на Востоке: даже слепой лучник иной раз может попасть в бегущую косулю.

– Думаю, если Асад не падет до конца года, у наших политиков есть масса запасных вариантов на этот случай. Можно, например, заставить тех же турок активизировать свои действия: пусть начнут давить на Асада по-настоящему.

– Не думаю, что это лучший вариант. Если Турция в открытую выступит против Сирии, то сирийским повстанцам придется несладко, ведь в общественном мнении они будут ассоциироваться как пособники оккупантов. Поэтому я придерживаюсь иного варианта: при помощи провокаций выставить Сирию в качестве агрессора. И вот здесь помощь нашего ведомства может оказаться весьма существенной. После того как мы начали блокировать военные поставки русских в Сирию морским путем, они могут использовать воздушный. Мы уже дали знать об этом туркам, чтобы они были готовы начать сажать сирийские самолеты, совершающие рейсы из Москвы. Поэтому поставьте перед Фараоном также задачу, чтобы он обратил свое внимание на сбор информации касательно воздушных поставок русских. Нам важно знать, на каких именно рейсах они будут совершаться.

– Но подобными поставками может заниматься не только «Гособоронэкс», но и частные компании, информация о которых до Фараона может просто не дойти.

– Согласен, может. Но вы ему такую задачу поставьте, а там уж как получится. Пусть он видит, что мы заинтересованы в его работе по широкому спектру – это будет для него хорошим стимулом. Мы же со

своей стороны позаботимся о его хорошем материальном стимулировании, а также о его безопасности. Кстати, о последнем. Саймон Янг сообщает из Каира, что русские явно пытаются активизироваться, стремясь вычислить Фараона. Поэтому он предлагает провести в Москве операцию прикрытия. Каким будет ваше мнение, Уильям?

– Я обеими руками «за», тем более в свете того, что Фараон решился на крайнюю меру.

– Вы имеете в виду запланированное им устранение своей пассии? Кстати, нельзя ли обойтись без этой крайности?

– Он уверяет, что нельзя: ситуация приобрела весьма опасный оттенок. Эта женщина забеременела от него и грозит рассказать обо всем его супруге. Вбила себе в голову, что он ее любит и, узнав о ребенке, уйдет из семьи. Хотя у Фараона даже мыслей таких не было. Вы же знаете, что его жена является дочерью высокопоставленного мидовца и женитьба на ней открывает перед Фараоном блестящие карьерные перспективы. Поломать такую партию означает для него совершить действие, равносильное самоубийству. А такие люди, как он, на подобное не способны.

– И слава богу. Именно карьерные амбиции вкупе с ненавистью к правящему режиму и толкнули Фараона на сотрудничество с нами. Но вы уверены, что эта акция устранения не подставит под угрозу самого Фараона?

– Все будет обставлено как вполне естественная смерть от сердечного приступа. Некоторое время назад мы снабдили Фараона нашей последней новинкой – ядом «моллюск». Он вырабатывается из токсинов тропических моллюсков и не оставляет никаких следов в организме. Так что никаких подозрений эта смерть вызвать не должна. Ну умерла женщина от остановки сердца, с кем не бывает. Хотя, конечно, определенная доля риска все равно присутствует. Но оставление ситуации в первоначальном состоянии грозит еще большим риском. Тот шум, который может поднять эта пассия, грозит привлечением к Фараону излишнего внимания, а это крайне нежелательно. Поэтому мы и дали свое добро на эту акцию.

– Это не отсечет Фараона от той секретной информации, которую он получал, крутя любовь с этой дамой?

– Не отсечет: тот сувенир, которым мы его снабдили, давно обосновался на ее рабочем столе и не вызывает ни у кого никаких подозрений. Уверен, что он останется там и после ее смерти. Этого же мнения придерживается и сам Фараон. Короче, тот канал информации, который мы получили, сведя его с этой женщиной, останется нетронутым.

– Русские в таких случаях говорят: вашими бы устами, да мед пить, – Снайпс поднялся из кресла и, подойдя к окну, приоткрыл жалюзи. После чего вновь вернулся на свое прежнее место и продолжил:

– Нам крайне важна информация, которая поступает к Фараону из «Гособоронэкса». Особенно в части, касаемой Сирии и других ближневосточных стран, например Ирака. Меня крайне заинтересовало его сообщение о том, что Ирак собирается начать закупать у России военное вооружение в сумме на несколько миллиардов долларов. Если это правда, то надо нацелить Фараона на более подробную разведку этой темы.

– Думаете, подобная сделка имеет шансы осуществиться?

– Судя по тому, что происходит сегодня в Ираке, вероятность этого велика. Ирак, хотя и считается нашим бастионом в регионе, на самом деле управляется агентурой влияния Тегерана. О чем я, кстати, неоднократно докладывал наверх. Но мне отвечали, что это, мол, издержки нашей политики. Нам надо было свергнуть Саддама Хусейна и власть суннитов, что автоматически приводило к власти шиитов. А те, как известно, ориентированы на дружественный Иран. Сегодня эта дружба выходит нам боком: Ирак хочет активно вооружаться, причем ставит целью закупать вооружение, которое может быть использовано вовсе не для подавления внутренней оппозиции. Например, русские зенитно-пушечные комплексы «Панцирь». Поэтому информация Фараона на этом направлении могла бы помочь нам понять военные цели иракцев.

– Хорошо, мы включим эту тему в нашу ближайшую шифровку.

– Тогда вернемся к операции прикрытия. Вы совершенно правы, Уильям: она поможет на какое-то время отвести подозрения от Фараона, в том числе и возможные подозрения, вызванные смертью его пассии. Постараемся списать эту смерть на постороннего человека. Лишняя подстраховка нам ведь не помешает? По этому поводу на

Востоке есть хорошая поговорка: надеясь на помощь Аллаха, не забывай иногда пересчитывать стрелы в своем колчане. Короче, эту операцию надо запустить в действие как можно скорее.

– Завтра вас устроит?

– Более чем.

– Тогда можете считать, что мы ее уже запустили.

Часть вторая

Операция «Матрешка»

Египет, город Каир. Отель «Найл Хилтон»

Максимов проснулся от пронзительного звука автомобильной сирены, ворвавшейся в распахнутые окна его номера с набережной Нила. Так и не разобрав, какой из экстренных служб принадлежал этот сигнал – то ли полиции, то ли «скорой помощи», – Максимов взглянул на настенные часы: они показывали 9.05 утра. Вставать не хотелось, тем более что спешить особо было некуда: это было утро субботы. Поэтому рука Максимова сама собой потянулась к телевизионному пульту, который лежал на постели, брошенный здесь после вчерашних ночных телебдений. Перескакивая с канала на канал и не находя ни на одном из них ничего интересного для себя, Максимов уже собирался было выключить телевизор и отправиться умываться, как вдруг на одном из новостных каналов его взгляд наткнулся на фотографию человека в углу экрана. Вглядевшись в это лицо, Максимов поймал себя на мысли, что оно ему знакомо, что этого человека он уже где-то видел. На переднем плане в кадре фигурировала молодая тележурналистка с микрофоном в руке, которая, стоя на одном из каирских мостов, о чем-то оживленно рассказывала зрителям. Прибавив звук, Максимов успел расслышать лишь окончание ее речи: «...Старший инспектор каирской криминальной полиции Хабиб Салам был профессионалом высокого класса. Его неожиданная смерть явилась большой потерей для нашего города. Специально для телеканала «Найл Резалах» Лейла аль-Махди».

«Да это же тот самый полицейский, который при нас с Томпсоном расспрашивал вчера в баре Саймона Янга, – вспомнил наконец личность человека, фото которого только что было показано на экране, Максимов. – Так он что, умер? Отчего? На вид ему было чуть больше тридцати, разве это возраст, подходящий для смерти? Стоп: журналистка упомянула что-то про неожиданную кончину. Значит, все произошло внезапно. Интересно бы узнать, при каких

обстоятельствах. Как звали эту журналистку? Кажется, Лейла аль-Махди. Надо запомнить. А лучше всего записать».

Максимов вскочил с постели и записал на краешке газеты, лежащей на журнальном столике, имя и фамилию журналистки. Потом аккуратно оторвал этот кусочек бумаги, сложил его вчетверо и сунул в карман рубашки, висевшей на стуле.

«Вот ведь какая интересная получается история: это уже вторая смерть человека, на пути которого возникает Саймон Янг», – подумал Максимов и начал быстро одеваться.

Спустившись вниз, он зашел в Интернет-кафе, которое в эти утренние часы было почти безлюдным. Заказав себе чашку кофе и усевшись за столик с компьютером, Максимов набрал название нужного телеканала – «Найл Резалах». Войдя в его «Контакты», он нашел там несколько номеров служебных телефонов и тут же набрал на своем мобильнике один из них. Спустя пару секунд на другом конце трубки ему ответил приятный женский голос, говоривший по-арабски. Максимов представился:

– Вас беспокоит журналист из России Иван Максимов. Я приехал в Каир несколько дней назад и остановился в отеле «Найл Хилтон». Только что я видел по телевизору сюжет вашего телеканала, который комментировала журналистка Лейла аль-Махди. Сюжет был посвящен человеку, которого я знал. Вы не могли бы связать меня с Лейлой? Я хотел бы пообщаться с ней по поводу показанного сюжета.

– Мы не даем номера наших журналистов, господин... – девушка запнулась.

– Максимов.

– ...господин Максимов. Но если вы оставите номер своего телефона, то мы можем передать вашу просьбу самой Лейле. Если она захочет, то она вам сама перезвонит.

– Спасибо большое, записывайте, – и он продиктовал номер своего телефона.

Не спеша допив кофе, Максимов вышел из Интернет-кафе и буквально нос к носу столкнулся с Роджером Томпсоном, который направлялся в бар. Судя по помятому лицу режиссера, вчерашний вечер выдался для него на редкость обильным по части выпивки.

– Иван, составьте мне компанию, – пригласил Максимова режиссер.

– С удовольствием, Роджер. Только у нас в России по этому поводу говорят: похмеляться – со смертью забавляться.

– Именно поэтому я и беру вас в компаньоны, чтобы вы за мной приглядели. Один я наверняка превышу допустимую норму.

Придя в бар и усевшись за один из столиков, Томпсон сделал заказ официанту на два бокала холодного пива. После чего спросил:

– Как наш уговор по поводу присутствия в моем фильме кого-то из российских дипломатов?

– Остается в силе. Вчера вечером я уже имел разговор на эту тему в нашем посольстве, и сегодня мне должны дать ответ.

– То есть ситуация фифти-фифти?

– Нет, принципиальное согласие получено. А сегодня мне назовут имя этого дипломата.

– Благодарю вас, Иван, – в голосе режиссера слышалось неподдельное удовлетворение. – Заполучив в картину русского дипломата, я заметно повышу статус своего фильма.

– А где вы собираетесь его демонстрировать, если не секрет?

– Пока мои надежды не простираются дальше моей родины.

– Я и здесь мог бы вам помочь, Роджер. Вы мне глубоко симпатичны, поэтому могу предложить вам свою помощь в попадании вашего фильма на какой-нибудь значимый международный кинофестиваль.

– У вас есть такие возможности?

– Если бы их не было, я бы вряд ли затеял об этом разговор. Я имею в виду Московский кинофестиваль и один из французских.

– Про Московский я знаю, но что такое французский? Канны что ли?

– Не Канны, но очень близко к ним. Попасть непосредственно в Канны лично у вас шансов мало, даже с моей помощью. Тамошний кинофест – это торжество буржуазной морали, к которой ваше кино, насколько я понял, не имеет никакого отношения. А ведь этот кинофестиваль, к вашему сведению, когда-то начинался совсем с иной морали – пролетарской. Он возник в 1945 году по инициативе профсоюза Всеобщая конфедерация труда и был альтернативой венецианскому фестивалю Мостра, который был создан в фашистской Италии. Короче, фестиваль в Каннах в те годы был красным. Сегодня об этом можно только мечтать.

– Тогда о каком смотре вы вели речь?

– О фестивале авторского кино «Социальное видение», который проходит на юге Франции, в городке Манделье-ля-Напуль. Он находится всего лишь в семи километрах от Канн – это департамент Приморские Альпы.

– И вы можете сосватать туда мою картину?

– Могу, Роджер. У меня в друзьях ходит один из организаторов этого фестиваля – очень талантливый французский режиссер-документалист. Думаю, он будет не против включить в программу своего следующего фестиваля американский фильм, который идет вразрез с линией вашего Госдепа.

– Мистер Максимов, я ваш должник до гробовой доски, – расплываясь в счастливой улыбке, произнес Томпсон. – Вот только не знаю, как я могу вас отблагодарить?

– Я думаю, у вас еще будет возможность это сделать, – с лукавой улыбкой на устах ответил Максимов.

В это время официант поставил к ним на стол два бокала с пивом. Сдувая пену со своего напитка, режиссер задал очередной вопрос:

– Что вы делали в Интернет-кафе в такую рань?

– Совмещал приятное с полезным: пил кофе и работал. Я ведь, в отличие от вас, спиртному предпочитаю кофе, поэтому всегда сохраняю ясность ума и привычку работать в любое время суток.

– Если не секрет, над чем работаете?

– Над одной неожиданной смертью.

Увидев, как взметнулись вверх брови его собеседника, Максимов пояснил:

– Помните того копа, который приходил к нам вчера в этот самый бар и расспрашивал Саймона по поводу погибшего охранника? Так вот, только что из теленовостей я узнал, что он внезапно скончался.

– Чем же вас привлекла эта смерть, которая может быть вполне рядовой?

– Я просто подумал, что полицейские в таком возрасте от естественных причин редко умирают.

– Полагаете, что это было убийство?

– Кто его знает. Поэтому и хочу встретиться с журналисткой, которая готовила сюжет на эту тему.

Едва Максимов произнес эти слова, как его мобильник, лежавший на столе, зазвонил. Подняв трубку, он услышал в нем приятный женский голос:

– Господин Максимов? Это Лейла аль-Махди. Вы меня разыскивали?

– Добрый день, Лейла, разыскивал. Дело в том, что я увидел ваш сегодняшний репортаж об инспекторе Хабибе Саламе. Я был знаком с этим человеком и хотел бы переговорить с вами о нем.

– Понимаете, у меня столько работы...

– Понимаю, но наша встреча не займет много времени. Тем более что я готов подъехать в любое указанное вами место, чтобы не утруждать вас. Например, прямо в ваш офис.

На другом конце провода возникла пауза, которую Максимов расценил как попытку подыскать удобный повод и избавиться от настырного коллеги. Поэтому он пустил в дело свой последний козырь:

– Вы же до сих пор так и не разобрались в этой смерти, верно? А вдруг наша встреча поможет вам определить правильное направление?

– Ну хорошо, уговорили, приезжайте, – и девушка назвала адрес, где размещался ее телеканал.

Отключив мобильник, Максимов едва пригубил свое пиво, после чего поднялся с места:

– Извините, Роджер, но мне надо бежать.

– Понимаю – работа. Только я понять не могу, когда вы успели познакомиться с этим копом, если видели его всего три минуты и даже не разговаривали с ним?

– И это говорит мне режиссер? – удивился Максимов. – Разве вам не приходилось напускать туману, чтобы добиться встречи с нужным вам человеком?

– Так это был туман? Тогда желаю вам в нем не заблудиться. И еще: не забудьте заехать в ваше посольство, чтобы рассеять туман еще и над моей проблемой.

До места, где располагался телеканал «Найл Резалах», Максимов добрался на такси за двадцать минут. Сделал звонок по мобильнику, и спустя пять минут к нему вышла симпатичная египтянка вдвое моложе его, одетая на европейский манер – в светлое платье чуть выше колен. Она предложила гостю пройти внутрь, но Максимов сделал

контрпредложение – указал на скамейку, которая стояла на тенистой аллее в двух десятках метров от входа в офис. Девушка не стала возражать, и они присели на скамейку.

– Так чем же российского журналиста заинтересовала смерть египетского полицейского? – спросила аль-Махди.

– Я же вам сказал, что знал его. Вчера он расспрашивал одного моего знакомого по поводу некоего преступления, и у меня сложилось вполне благоприятное впечатление об этом человеке. Я почувствовал в нем хорошего профессионала.

– А что это за дело, о котором вы упомянули?

– Несколько дней назад в отеле «Найл Хилтон» был найден мертвым охранник. Официальная версия – самоубийство на почве личных переживаний. Хабиб Салам как раз выяснял причины этого происшествия. Кстати, при каких обстоятельствах он скончался?

– Вы же сказали, что смотрели мой сюжет?

– Да, так и было, но я застал лишь самый его конец. Но чувствую, что самое интересное было в начале.

– Смерть действительно странная. Инспектор Салам ехал на своем автомобиле на какую-то важную встречу, направляясь на другую сторону Каира, но перед самым мостом врезался в фонарный столб.

– Так он разбился?

– В том-то и дело, что нет. Скорость была не слишком большой, поэтому самое максимальное, что ему грозило, – это ушибы. Тем более что инспектор был пристегнут ремнем безопасности. Но вскрытие показало, что он умер по ходу движения от внезапной остановки сердца.

– А сколько лет ему было?

– Для египтянина это почти детский возраст – тридцать четыре года.

– И чем же врачи объяснили эту смерть?

– Естественными причинами: дескать, работа нервная, постоянные стрессы – вот сердце и не выдержало нагрузок.

– Судя по всему, у вас в Каире полицейские умирают в таком возрасте от непосильных нагрузок достаточно часто?

– В том-то и дело, что это первый подобный случай, что и побудило меня взяться за этот сюжет.

– И вы хотите его продолжить?

– Пока не знаю. Хотя ваш звонок меня, честно скажу, заинтриговал.

– Увы, Лейла, но думаю, что зря, – не скрывая своего скепсиса, произнес Максимов. – Судя по тому, что я услышал, эта смерть действительно могла быть вызвана естественными причинами. Я вспомнил, что когда Салам задавал свои вопросы, он постоянно тер рукой грудь, как будто ему было плохо с сердцем. Видимо, все-таки некие проблемы с ним у него были. А мы, мужчины, тем и отличаемся от вас, женщин, что редко обращаемся к врачам по поводу своих болячек. Так что ни мне, ни вам на этом деле Пулитцеровскую премию не заработать. Слишком все банально.

Его вранье по поводу мнимой болезни старшего инспектора было не случайным. Глядя в симпатичное и молодое лицо, еще не испещренное морщинами, Максимов попросту испугался того, что может ожидать эту женщину, решись она продолжить свое расследование. Оно уже принесло с собой два трупа, и этот список вполне мог продолжиться, рискни кто-нибудь еще сунуть в него свой нос. Для таких людей, как Саймон Янг, никаких моральных табу не существовало. Зачем же собственными руками кидать ему в пасть очередную жертву, да еще такую симпатичную. Наоборот, надо сделать все для того, чтобы эта жертва не состоялась. А с Янгом разберутся другие люди – не менее искушенные в интригах, чем он сам.

Поблагодарив журналистку за уделенное ему внимание, а также извинившись за отнятое у нее время, Максимов простился с ней и, поймав такси, отправился в российское посольство, что на улице Гиза. Надо было послать в Москву очередную шифровку, включив в нее и последнюю историю – с инспектором Саламом. Центр должен был быть в курсе всего, что происходит на этом направлении. Ну и в дополнение ко всему, требовалось выполнить обещание, данное Томсону, и узнать имя того дипломата, кто выступит в его фильме в качестве «говорящей головы». Впрочем, последнюю миссию Максимов приберег на потом, решив первым делом заняться шифровкой.

Придя в ту часть посольского здания, где размещалась резидентура, Максимов первым делом зашел в референтуру, к

шифровальщику. А тот как будто ждал его появления: тут же вручил гостю конверт с диском, сопроводив это словами:

– Прибыл час назад из Москвы с дипломатической почтой.

Несмотря на то что Максимова буквально раздирало любопытство побыстрее ознакомиться с содержанием диска, он все же отложил его в сторону и, сев за стол, написал сначала шифровку в Москву. И только потом, усевшись в кресло в углу, вставил диск в компьютер. На нем содержалось личное досье на Саймона Янга, составленное в информационно-аналитической службе ФСБ. Максимов понял, что чтение ему предстоит захватывающее.

* * *

Италия, провинция Казерта.

Город Казал-ди-Принцип

Самолет компании «Люфтганза» вот уже третий час кружил над аэропортом Фьюмичино в городе Неаполе. Воздушное судно должно было приземлиться в три часа дня, однако ни с первой, ни со второй попытки это сделать не удалось: заклинило одно из шасси, из-за чего самолету пришлось идти на очередной круг, третий по счету. Миниатюрного вида стюардесса вновь вышла в салон к пассажирам и, сияя ослепительной улыбкой, произнесла две короткие речи на итальянском и английском языках, где принесла всем извинение от лица экипажа и заверила, что через несколько минут самолет благополучно приземлится.

– Не расстегивайте, пожалуйста, ремни безопасности, – закончила свою речь стюардесса и удалилась за шторку, отделявшую салон от служебной части лайнера.

Проводив ее взглядом, майор ФСБ Станислав Геннадьевич Корецкий услышал, как пожилая дама-итальянка, сидевшая рядом с ним, начала вслух молиться, воздев очи вверх. А на противоположной стороне лайнера, у иллюминатора, вдруг заплакала девочка-школьница, напуганная чьей-то неосмотрительной репликой о том, что самолету грозит катастрофа. Сам Корецкий поймал себя на мысли, что ему не столько страшно, сколько обидно. Для него, бойца отряда

специального назначения «Альфа» Центра специального назначения ФСБ России (позывной «Кора»), который побывал во многих горячих точках и не раз смотрел смерти в лицо, было обидно умереть таким вот нелепым способом – разбившись в банальной авиакатастрофе. Он свою смерть всегда представлял несколько иначе: скорее всего в каком-нибудь кровопролитном бою, в лучшем случае – в собственной постели в окружении многочисленной родни. А тут ни того, ни другого – всего лишь удар о бетонку, и твое, всего лишь пять минут назад сильное и натренированное тело, в секунду превращается в кровавое месиво или обгоревший кусок мяса.

В памяти Корецкого всплыл случай про одного известного каратиста, который был победителем во многих соревнованиях, уложившим на татами не один десяток сильных соперников: он возвращался домой на метро, заснул и был зарезан во сне грабителем, позарившимся на его спортивную сумку, в которой, кроме кимоно, ничего больше не лежало.

«Здесь, конечно, не метро, но смерть не менее нелепая, – подумал Корецкий, наблюдая в окно за тем, как самолет пошел уже на третий круг. – Жаль, что подведу своих товарищей, которым результаты моей поездки нужны как воздух».

Под товарищами имелся в виду и генерал контрразведки Федор Иванович Кондратьев, который вчера, встречаясь с Корецким, долго вводил его в суть дела по поводу этой итальянской поездки. Целью ее было разыскать в городке Казал-ди-Принципе бывшую журналистку газеты «Эспрессо» Стефанию Моретти, ставшую теперь Манчини, и попытаться разузнать у нее подробности похищения дочери американского сенатора летом 2000 года. «Нас интересуют любые подробности этого таинственного дела, которые способны вывести нас на сотрудника ЦРУ Саймона Янга», – до сих пор звучала в ушах Корецкого ключевая фраза из уст Кондратьева.

О том, почему именно его, Корецкого, отправили в эту поездку, особых размышлений у него не было: тут все было понятно. До «Альфы» он некоторое время работал в западноевропейском отделе на «итальянском» направлении, поскольку в свое время закончил Институт иностранных языков, специализируясь именно на итальянском языке. А поскольку эта поездка только на первый взгляд выглядела легкой прогулкой (ну что такое встретиться с симпатичной

итальянкой и раскрутить ее на откровенность), а на самом деле могла таить в себе массу опасностей (ведь речь шла о тайной деятельности ЦРУ в Западной Европе, сопряженной не с чем-нибудь, а с физическими ликвидациями), лучшей кандидатуры, чем победитель многих соревнований среди бойцов спецназа Станислав Корецкий, придумать было сложно. Трудно было предположить другое: что самолет с лучшим спецназовцем окажется в гибельной ситуации всего в ста метрах от места своего приземления.

«Видимо, надо было лететь прямым рейсом до Рима, а оттуда автостопом до Неаполя, а не спаренным рейсом через Берлин, – прислушиваясь к словам молитвы, слетавшим с уст его соседки, размышлял Корецкий. – В таком случае шансов долететь было бы больше».

Когда самолет заканчивал третий круг, внутри салона прекратились всякие вздохи и всхлипы, как будто пассажиры окончательно смирились со своей незавидной участью. И в этой звенящей тишине сознание Корецкого внезапно пронзила ясная мысль, что все завершится благополучно, что новой попытки зайти на посадку больше не будет. «Бог любит троицу», – вспомнилось ему в это мгновение. Так и получилось. После третьего захода благополучное шасси все-таки раскрылось, после чего самолет плавно спланировал на бетонку. А спустя несколько минут пассажиры уже сбегали по трапу на землю, все еще не веря в свое счастливое спасение.

В течение следующего часа Корецкий благополучно прошел паспортный контроль (в Италию он прибыл как представитель российского генконсульства), получил багаж и отправился в пункт проката автомобилей при аэропорте, где на его легендированное имя – Леонид Сергеевич Ветров – был зарезервирован серебристый «Ситроен». Заказ оформили его коллеги из римской резидентуры. Они же установили и точный адрес бывшей журналистки Стефании Моретти, проживавшей вместе со своим мужем Энрико Манчини в городке Казал-ди-Принцип в провинции Казерта. Дорогу туда Корецкий изучил еще в Москве, поэтому, усаживаясь за руль, ни о чем не волновался. После того, что он пережил в небе над Неаполем, любые следующие передрыги должны были ему казаться забавным приключением. Как же он ошибался!

Добравшись до места назначения, Корецкий достаточно легко нашел нужный ему домик на окраине городка. Это было частное двухэтажное владение под черепичной крышей, огороженное чугунной оградой. Вечерело, поэтому на тихой улочке не было ни души, а на стоянке возле нужного дома застыли два автомобиля – «Мерседес» черного цвета и красный «Опель». За рулем никого не было, из-за чего Корецкий предположил, что обе машины могли принадлежать хозяевам дома и, значит, они должны быть на месте. Согласно досье, которое он изучил в Москве, Стефания жила в частном доме со своим супругом.

Подойдя к воротам, Корецкий обратил внимание, что дверца слегка приоткрыта. Видимо, автоматическая пружина не работала, поэтому дверцу надо было закрывать вручную. Однако гость не спешил переступить порог, а, как законопослушный гражданин, нажал на кнопку домофона, установленного здесь же, на кирпичной боковине дверцы. Но в доме на сигнал вызова никто не откликнулся, хотя в одном из окон первого этажа горел свет. Нажав кнопку еще раз, Корецкий внезапно заметил, как в окне той самой освещенной комнаты, шевельнулась занавеска. Но тот, кто привел ее в движение, почему-то не спешил навстречу неожиданному гостю.

Когда после третьего звонка в доме никто не откликнулся, Корецкий огляделся окрест: на улице по-прежнему не было ни души. Обратиться с вопросом по поводу семейства Манчини было не к кому. Между тем подавшая признаки жизни занавеска влекла к себе как магнитом. И Корецкий рискнул переступить порог калитки.

Пройдя по широкой тропинке, по обе стороны от которой росли голые кусты роз, он поднялся на ступеньки дома и постучал в дверь. Как и калитка, она оказалась открытой. Толкнув ее, гость вошел в прихожую и первое что он увидел – приоткрытую дверь в боковую комнату, где шевельнулась занавеска. Именно туда гость и решил войти, но едва он это сделал, как его левый висок ощутил прикосновение чего-то холодного. Чутье матерого спецназовца сразу определило происхождение этого прикосновения – это было не что иное, как дуло пистолета.

– Кто ты такой? – вопрос принадлежал мужчине, приставившему дуло пистолета к виску Корецкого.

– Мне надо видеть донну Стефанию Манчини, – стараясь сохранять спокойствие, ответил гость.

– Смотри, – и легким движением дула незнакомец повернул голову гостя в противоположную сторону.

То, что майор увидел там, развеяло его последние сомнения: в доме творилось преступление. В правой половине комнаты стояли трое молодых мужчин, один из которых одной рукой удерживал женщину, а ладонью другой зажимал ей рот, чтобы она не кричала. Встретившись с ней взглядом, Корецкий увидел в ее глазах то же самое выражение, что было несколько часов назад в глазах его соседки по самолету, читавшей молитву, – в них застыл ужас смерти. Опустив взгляд вниз, Корецкий увидел то, что ввергло женщину в это состояние: там лежал мужчина в домашнем халате и с простреленной головой. Судя по всему, это был супруг Стефании – синьор Энрико, застреленный нежданно визитерами. Не было никаких сомнений, что такая же участь должна была ожидать и хозяйку дома, да и самого Корецкого, который по-прежнему ощущал на своем теле дуло пистолета, только теперь оно упиралось ему в затылок. Собственно, подобная смерть входила в расклады спецназовца как вполне естественная для его опасной профессии. Но после того как он всего лишь пару часов назад счастливо избежал гибели в авиакатастрофе, умирать даже самой героической смертью ему не хотелось. Короче, расхожую поговорку «Vedi Napoli e poi muori» («Увидеть Неаполь и умереть») претворять в жизнь ему вовсе не улыбалось. Из чего явствовало, что действовать надо было как можно решительнее, без всяких сантиментов. О том, чтобы договориться с этими людьми по-хорошему, и речи быть не могло: вкусив крови, они вряд ли бы оставили в живых свидетелей.

Первым делом Корецкому следовало нейтрализовать того, что держал его на мушке. На это потребовалось несколько секунд. Поскольку незнакомец стоял к майору не вплотную, оставляя зазор для вытянутой руки с пистолетом, спецназовец решил воспользоваться этим фактором. Молниеносный разворот левым плечом и удар ребром ладони по руке с пистолетом сместил дуло в сторону. Раздался выстрел, но пуля угодила в стену. Следующим движением Корецкий схватил голову противника обеими руками и резким движением свернул ему шею.

Схватив с пола пистолет, Корецкий повернулся лицом к мужчинам, готовый взять их на мушку. Однако те несколько секунд, которые он потратил на первого противника, лишили его шанса уладить это дело без дальнейшего кровопролития. Ближайший из мужчин бросился вперед и буквально всей тяжестью тела обрушился на Корецкого. И тот, падая на спину, инстинктивно нажал на курок – пуля пробила грудь нападавшего. От удара об пол рука стрелявшего разжалась, и он выронил пистолет, который отскочил под кровать. Искать его там не было времени, поэтому Корецкий одним движением сбросил с себя обмякшее тело и вскочил на ноги. И тут же едва не попал под удар охотничьего тесака, зажатого в руке третьего нападавшего. Уклонившись от удара, Корецкий сместился к стене, где сиротливо висела книжная полка. Книг на ней стояло немного, однако Корецкому хватило и одной. Схватив ее в руки, он виртуозно использовал книгу в качестве блокирующего удары тесака предмета, а затем и вовсе как дополнительное средство для нанесения собственных ударов. Один из них пришелся нападавшему точно в голову, после чего он на несколько секунд потерял ориентацию, чем и воспользовался Корецкий. Отбросив книгу, он одним коротким движением перенаправил руку с клинком в грудь самого нападавшего, вбив лезвие почти по самую рукоятку.

С четвертым противником пришлось повозиться дольше всего: он оказался куда более крепким орешком. Отбросив женщину в дальний угол, он набросился на Корецкого, комбинируя удары из разных стилей восточных единоборств. Было видно, что он часто ходит в спортзал и старается держать себя в тонусе. Поэтому Корецкий в течение некоторого времени защищался, а попутно изучал манеру ведения боя противником. А тот входил во все больший раж, уверенный, что его натиск ошеломил гостя и теперь надо сделать еще усилие, чтобы окончательно его сломить. Именно этого и ждал Корецкий. Отступив к окну, он перешел в атаку – провел серию молниеносных ударов в корпус противника, после чего перехватил его ударную правую руку, резким движением сломал ее в локте, затем ударил ногой по колену и, когда враг согнулся, следующим ударом в спину буквально впечатал его в оконную раму. Раздался звон разбитого стекла и мужчина, захрипев, мгновенно обвис – нижний край стекла, будто бритва, перерезал ему горло.

Окинув взглядом поле боя и убедившись, что ни один из его противников не подает признаков жизни, Корецкий подошел к хозяйке дома, которая уже пришла в себя и теперь стонала, держась за затылок. Подняв ее с пола и усадив на кровать, спаситель задал ей всего лишь один вопрос:

– Донна Стефания, кто эти люди?

Ответ последовал короткий, но вполне определенный:

– Каморра.

Корецкий был прекрасно осведомлен о том, что Неаполь – родина не только пиццы и Софи Лорен, но также мафии под названием *каморра*. Однако он даже не мог себе вообразить, отправляясь в эти благословенные края, что его жизненные пути могут пересечься с этой могущественной криминальной организацией. А когда это произошло, он понял, что спасти их теперь может только одно – скорейшее бегство.

Но покинули они дом не сразу. Придя в себя, хозяйка задала своему спасителю вполне естественный вопрос:

– Кто вы?

– Я ваш друг, разве вы этого еще не поняли? – вопросом на вопрос ответил Корецкий.

– Судя по вашему акценту, вы не итальянец?

– Угадали, я из России, прилетел два часа назад. Но давайте оставим объяснения на потом – сейчас нам важно как можно быстрее покинуть этот дом. Вполне вероятно, что коллеги этих громил могут приехать сюда в любую минуту.

В подтверждении этих слов мобильный телефон одного из поверженных мафиози, лежащий в кармане его пиджака, разразился громкой мелодией. Это была знаменитая некогда песня «Il tempo se ne va» в исполнении Адриано Челентано. Мысленно воздав похвалу отменному музыкальному вкусу мафиози, Корецкий вновь обратился к хозяйке:

– Донна Стефания, у вас есть несколько минут на то, чтобы собрать в дорогу все необходимое. И главное – не забудьте прихватить документы.

Пока женщина собирала в кожаную сумочку нужные вещи, Корецкий тоже не сидел сложа руки. Он достал из-под кровати пистолет и, используя угол простыни, торчавший из-под одеяла,

тщательно протер рукоятку оружия, уничтожая свои отпечатки. Затем он окинул взглядом поле недавней битвы, чтобы убедиться в том, что все его враги мертвы. На первый взгляд все так и выглядело – никто из них не подавал признаков жизни. Обычно в таких ситуациях полагалось «зачищать» поле боя: добивать контрольными выстрелами в голову поверженных врагов, чтобы быть уверенным в том, что никто из них точно никогда уже не заговорит. Но здесь была иная ситуация: рядом была женщина, которая еще не отошла от шока. Начни Корецкий у нее на глазах свою «зачистку», это могло привести хозяйку к новому обмороку, а то и вовсе к истерике. А времени было в обрез. Поэтому пришлось довольствоваться только визуальной констатацией смерти врагов.

Когда спортивная сумка оказалась заполненной, хозяйка и ее спаситель покинули дом. Еще через минуту они сели в «Ситроен» и благополучно выехали со стоянки. А еще спустя пару минут Корецкий задал женщине вопрос, который давно висел у него на кончике языка:

– Если не секрет, чем ваш муж насолил каморре?

Женщине понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с нахлынувшими на нее ужасными воспоминаниями, после чего она, наконец, ответила:

– Это все из-за проклятого мусора. Энрико владеет фирмой по его утилизации, а этот бизнес находится под протекцией каморры. Она препятствует модернизации бизнеса, опасаясь потерять контроль над многочисленными свалками. Поэтому в нашей провинции сложилась тяжелая ситуация – настоящий мусорный кризис. А когда государство решило взять эту ситуацию под контроль...

– Дальше можете не продолжать, – прервал рассказ своей попутчицы Корецкий, который после всего случившегося прекрасно понимал, что времени на долгие объяснения у них попросту нет. – Ваш муж, судя по всему, был включен в эту программу по модернизации мусорной отрасли, за что и угодил под прицел каморры. Я прав?

Взглянув в зеркальце, Корецкий увидел, как на глазах женщины вновь заблестели слезы.

– Я предупреждала мужа об опасности, но он ничего не слушал, – губы женщины предательски задрожали. – Он ездил в Рим, где

встречался с влиятельными людьми из правительства, и был уверен в их поддержке. Но все в итоге закончилось трагедией.

– Как видно, супруг не учел ваш собственный опыт.

– В каком смысле?

– Я имею в виду ваш внезапный уход из журналистики десять лет назад.

– Откуда вы об этом знаете? – скорбное выражение на лице попутчицы сменилось удивленным.

– Поскольку именно эта причина и привела меня в Италию, то о вас, донна Стефания, я знаю достаточно много. Но об этом мы поговорим чуть позже. А пока подскажите мне, где у вас ближайшая заправка. Нам надо залить полный бак бензина, чтобы быть уверенными в том, что мы сможем уйти от любой погони. А то, что нас будут искать, лично у меня сомнений не вызывает. Или вы думаете иначе?

Судя по тому, как на него посмотрела собеседница, Корецкий понял, что она с ним согласна.

– Ближайшая заправка в нескольких десятках километров отсюда – по дороге к Вилла Литерно. Но куда мы направимся потом?

– Я полагаю, что после всего случившегося оставаться в этом городе вам опасно. Убрав вашего мужа, каморра обязательно захочет разделаться и с вами, как со свидетельницей. Собственно, именно это и должно было произойти, если бы не мой неожиданный визит. У вас есть к кому обратиться за помощью?

– Разве что в Риме, там у меня много знакомых по прежней работе.

– Это хорошая идея, поскольку именно в Риме находится посольство моей страны, на которое я могу рассчитывать.

После этого в разговоре возникла пауза, которую очень скоро нарушила Стефания, задав своему попутчику вопрос, который ее, судя по всему, продолжал мучить:

– И все же, откуда вы знаете про мою римскую одиссею?

– Я вижу, вам трудно справиться со своим любопытством?

– Естественно, поскольку я не только женщина, но еще и журналист.

– Насколько я помню, бывший.

– В этой профессии бывших не бывает.

Сказано это было таким тоном, что Корецкий понял: лучше открыться женщине сейчас, чем откладывать это дело на потом.

– Донна Стефания, как вы думаете, смог бы обычный человек справиться сразу с четырьмя громилами из каморры?

– Думаю, вряд ли. Но что вы хотите этим сказать?

– Я служу в ведомстве, которое занимается делами весьма специфического характера. Короче, я из той самой организации, которая раньше называлась КГБ.

Поймав в переднем зеркале еще один удивленный взгляд своей попутчицы, Корецкий улыбнулся:

– Правда, теперь это учреждение носит другую аббревиатуру – ФСБ.

– И чем же я могла заинтересовать столь влиятельное ведомство?

– Мы знаем, что десять лет назад вы проводили журналистское расследование, относительно гибели дочери одного американского сенатора. По нашим данным, вы обнаружили сенсационные данные об этом преступлении, которые нас заинтересовали в свете нашей работы против американцев. Именно чтобы узнать детали вашего расследования, я и прилетел в Италию.

– Но почему вы решили, что я соглашусь поведать вам эти подробности?

– Люди, которые отправляли меня сюда, действительно сомневались в успехе этого мероприятия. Шансы были 50 на 50. Что касается моих собственных мыслей на этот счет, то я рассчитывал либо обаять вас, либо воззвать к вашей совести. Даже учитывая то, что вас тогда кто-то здорово напугал, из-за чего вы сбежали из Рима в эту глушь, вы наверняка до сих пор мучаетесь тем, что дело о гибели этой несчастной молодой американки так и осталось нераскрытым. И ее убитые горем родители даже не знают, где покоится тело их дочери. Кстати, у вас самой нет детей?

– После серьезной операции, перенесенной еще в детстве, я просто не могу их иметь.

– Извините, если причинил вам боль своим вопросом.

– Не извиняйтесь, я давно свыклась со своей бездетностью. К тому же в этом сумасшедшем и жестоком мире, в котором мы живем, непонятно, кто кому должен сочувствовать: имеющие детей бездетным или наоборот.

– Согласен. У меня у самого есть взрослая дочь, и я каждый раз боюсь за нее, когда она долго мне не звонит. В такие минуты в голову почему-то приходят самые нехорошие мысли. Вы, наверное, слышали, что у нас в России дела с преступностью тоже обстоят не самым лучшим образом? Хотя во времена существования КГБ, которым у вас здесь пугают детей, ситуация в этом плане была гораздо спокойнее.

– Зато у вас в России нет каморры, которая здесь считается самой жестокой мафией. К вашему сведению, самый одиозный мафиози в мире родом отсюда – из Кампаньи близ Неаполя. Я имею в виду Аль Капоне. Здесь же родился и писатель Роберто Савиано, который несколько лет назад написал роман «Каморра» и теперь вынужден жить под постоянной охраной: каморра заочно приговорила его к смерти.

– Судя по всему, в этот список неугодных мафии людей суждено было угодить и нам с вами, – сделал невеселый вывод Корецкий.

– И во всем этом я вижу исключительно свою вину, – огорошила его своим выводом попутчица.

Заметив в глазах собеседника немой вопрос, женщина поспешила внести ясность в свои слова:

– Разного рода неприятности притягиваются ко мне как магнитом. Из-за них я сначала вынуждена была бежать из Рима, а теперь вот бегу отсюда. Так что зря вы со мной связались.

– В таких случаях мудрые люди обычно говорят: «От судьбы не уйдешь».

В разговоре вновь возникла короткая пауза. Прервала ее снова попутчица Корецкого:

– Вы знаете мое имя, но ваше я до сих пор не услышала.

– Называйте меня коротко – Лео, – ответил Корецкий, имевший при себе паспорт на имя Леонида Сергеевича Ветрова.

– Так что же именно интересует вас, Лео, в деле о пропавшей сенаторской дочке? – вновь вернула разговор в прежнее русло попутчица.

– Я предлагаю повременить с этим, поскольку разговор предстоит обстоятельный, а за рулем это делать не слишком удобно.

Сказав это, Корецкий поймал в зеркальце не удивленный, а, скорее, любопытный взгляд своей собеседницы. В этот миг он понял, что сумел окончательно расположить к себе эту красивую итальянку.

Впрочем, после того, из какой передраги он ее вытащил, трудно было рассчитывать на иную реакцию с ее стороны.

– Возле заправки есть небольшое кафе, где мы могли бы спокойно побеседовать, – сообщила Стефания.

– Думаю, эту беседу нам придется отложить на более позднее время. Главное сейчас как можно дальше оторваться от возможного преследования.

– Полагаете, нас уже ищут?

– В подобного рода ситуациях я предпочитаю исходить из худшего.

Говоря так, Корецкий даже не подозревал о том, как близко он находится к истине. И что их предстоящий путь до столицы Италии будет представлять собой далеко не самое безопасное путешествие.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

«Центр.

Вчера в Каире внезапно скончался старший инспектор каирской полиции Хабиб Салам, который вел дело о «самоубийстве» охранника отеля «Найл Хилтон». Полицейский умер прямо за рулем своего автомобиля. Врачи, проводившие вскрытие, диагностировали, что смерть инспектора наступила от естественных причин – острой сердечной недостаточности. По-моему мнению, она имеет те же причины, что и смерть охранника: это преднамеренное убийство, осуществленное Саймоном Янгом и его людьми с целью сокрытия их тайной деятельности в Египте. То, что каирские врачи не смогли установить подлинную причину смерти инспектора, говорит о том, что ликвидаторы, скорее всего, использовали особый яд типа «невидимка», разработанный в лабораториях ЦРУ.

Собранное Вами досье на Саймона Янга получил.

Максимов».

Прочитав текст телеграммы, Кондратьев поднялся из-за стола и подошел к окну. Субботний день клонился к своему закату, но на улице было еще относительно светло. Несмотря на позднюю осень с ее прохладными ветрами, в столице было солнечно. Еще совсем недавно Кондратьев любил в такую пору бродить с женой по аллеям близлежащего к их дому парка, ведя неторопливую беседу на ностальгические темы. Со смертью жены подобные прогулки канули в прошлое. Вот почему, если Кондратьеву выдавался случай быть в субботу на своем рабочем месте, он с удовольствием этим пользовался: отныне только в работе он находил отдушину от грустных мыслей, которые волнами накатывали на него в стенах его квартиры.

«Значит, Янг закусил удила – без жалости избавляется от любого, кто пытается вторгнуться в его владения, – размышлял Кондратьев, глядя на залитую солнцем Лубянскую площадь. – Максимов, судя по всему, прав: этого каирского полицейского люди Янга, видимо, попросту отравили. При современных медицинских технологиях сделать это не составляет большого труда: различных ядов сегодня существуют десятки. Человеку достаточно вдохнуть их пары, как у него останавливается сердце. Впрочем, в случае с этим полицейским, видимо, был использован другой способ. Как пишет Максимов, он умер за рулем. Значит, яд могли нанести с помощью аэрозоля на ту же ручку автомобиля или непосредственно на руль. Таким образом яд проник в организм через кожу, что спустя какое-то время и спровоцировало остановку сердца. И, как говорится, концы в воду. Сегодня существуют такие яды, которые не оставляют практически никаких следов в организме отравленного. Кстати, надо бы поговорить с нашими специалистами на эту тему, пусть просветят, какие на сегодняшний день существуют наработки в области невидимых ядов».

В этом месте мысли Кондратьева были прерваны шумом за спиной. Генерал обернулся и увидел на пороге Глеба Сергеевича Жмыха, появление которого в этот час было не запланировано: их встреча была назначена на час позже. Значит, догадался Кондратьев, этот приход был вызван некими экстраординарными событиями. Так оно и было.

– Федор Иванович, Жолташ мертва, – огорошил своим сообщением генерала его внезапный гость.

На лице хозяина кабинета не дрогнул ни единый мускул. Жестом предложив гостю сесть на стул, он прошел к своему креслу и, опустившись в него, произнес:

– Отдышитесь, Глеб Сергеич, и расскажите все по порядку.

После короткой паузы, Жмых начал свой рассказ с самого начала:

– Сегодня ночью состоялся очередной радиосеанс из франкфуртского центра. Из трех возможных участников сеанса из числа наших подозреваемых только один человек в тот момент находился дома – Юлия Андреевна Жолташ. Росляков вчера после работы отправился к матери в Воронежскую область и до сих пор в Москву не вернулся, а Зорькин вместе с женой был на дне рождения у своего сослуживца и дома объявился в половине второго ночи. Таким образом, только Жолташ имела возможность участвовать в этом сеансе. Правда, как уверяет нас «наружка», свет в ее квартире погас за полчаса до его начала – без пятнадцати двенадцать ночи, однако судя по шуму в квартире, зафиксированному нашими специалистами, Жолташ на момент начала радиосеанса находилась в ванной комнате. Вышла она оттуда уже после его завершения – в пятнадцать минут первого и сразу легла спать.

Сегодня Жолташ проснулась в восемь пятнадцать утра, на скорую руку позавтракала и отправилась на своем автомобиле в Восточное Бирюлево. Там она приехала на Липецкую улицу, где когда-то жила в трехкомнатной квартире одна, отделившись от родителей. Но после смерти матери она оставила эту квартиру, переехав жить к отцу. У нас пока нет сведений о том, как часто она посещала квартиру на Липецкой улице – эта информация проверяется только теперь, после случившегося. Там Жолташ пробыла два часа пять минут. Подробности ее пребывания в этой квартире нам станут известны чуть позже, а непосредственно в тот момент все было покрыто туманом, так как функциональные возможности «прослушки» оказались ограниченными. Дело в том, что наши люди смогли припарковаться только со стороны Липецкой улицы, а в комнатах, окна которых выходят на эту сторону улицы, Жолташ практически не была, пребывая на другой стороне – в дальней, балконной комнате, окна которой тоже выходят на другую сторону. Подъехать к дому с этой

стороны «наружка» не смогла, поскольку там совершенно нет места для парковки: идет строительство детского сада, все перерыто и перегорожено, места для парковки автомобиля с аппаратурой нет.

– А что с мобильной связью, подключить через нее прослушку было нельзя? – спросил Кондратьев.

– Увы, Федор Иванович, так как свой мобильник Жолташ оставила в автомобиле то ли случайно, то ли нарочно.

– То есть установить точно, была ли она в доме одна или с кем-то, не удалось?

– На тот момент нет.

– А оставить человека возле ее квартиры, чтобы проверить это потом, наружка не удосужилась?

– Она предположила, что женщина была в доме одна. Поэтому все внимание было сосредоточено только на ней.

– Хорошо, продолжайте.

– Судя по направлению движения Жолташ, она двигалась к госпиталю, где лежит ее отец. Однако спустя пятнадцать минут после начала движения возле поворота с Пролетарского проспекта на Каширское шоссе автомобиль Жолташ потерял управление и выскочил на встречную полосу, где столкнулся с автомобилем «Ниссан». Правда, скорость у обоих транспортных средств была не слишком большая, поэтому назвать эту аварию серьезной нельзя: так, фары побило, вмятины на капоте. Однако в результате этой аварии Жолташ... скончалась. Вернее, как установили врачи, ее смерть наступила примерно за минуту до столкновения от сердечного приступа. Об этом, кстати, говорит и ее поведение на дороге: примерно за минуту до аварии ее автомобиль начал как-то странно себя вести, сильно петлять, после чего и выскочил на встречу. Мы сделали запрос в поликлинику, где состояла на учете Жолташ, и выяснили, что никаких проблем с сердцем у нее никогда не было. Сейчас ее тело находится в морге 7-й городской больницы, там же на Каширском шоссе. Да, чуть не забыл: согласно результатам вскрытия, погибшая находилась на втором месяце беременности. Кроме этого, врачи установили, что примерно за два часа до своей смерти у погибшей был сексуальный контакт: в организме был обнаружен биологический материал, а иначе сперма.

Закончив свою речь, Жмых уставился на генерала, ожидая его реакции. А Кондратьев глядел прямо перед собой и хранил молчание,

тщательно осмысливая только что услышанное. Наконец он спросил:

– Видеозапись этого происшествия, сделанная «наружкой», при вас?

Как будто спохватившись, Жмых сунул руку в карман пиджака и передал Кондратьеву флэшку. Однако вместо того, чтобы вставить ее в свой ноутбук, генерал положил флэшку на стол и произнес:

– Вы будете удивлены, Глеб Сергеич, но после вашего рассказа я переживаю состояние некоего дежавю. Думаю, что и вам грозит то же самое. Не верите? Тогда почитайте вот это, – и Кондратьев протянул коллеге шифротелеграмму, присланную из Каира Максимовым.

Жмых внимательно прочитал текст депеши, после чего поднял полные удивления глаза на Кондратьева.

– Видите, я не ошибся на счет вашей реакции, – принимая обратно телеграмму, заметил генерал. – Тысячи километров разделяют Москву от Каира, а всего лишь за сутки там и здесь происходят две совершенно одинаковые смерти, причем местом обеих является транспортное средство – автомобиль. Как вы думаете, это случайность или чей-то злой умысел?

– Честно говоря, я теряюсь в догадках, – развел руками Жмых. – В моей практике подобное встречается впервые.

– Думаете, у меня было нечто подобное? Ошибаетесь. Но даже при отсутствии опыта в подобного рода делах интуиция подсказывает мне, что между этими происшествиями существует весьма определенная связь. И адресат у нее, судя по всему, один – Центральное разведывательное управление. Думаю, Жолташ была отравлена тем же ядом, что и каирский полицейский, причем по тем же мотивам: чтобы скрыть следы. Значит, мое чутье меня не подвело: у Жолташ и в самом деле был некий друг, который использовал ее в своих корыстных целях. А потом безжалостно от нее избавился. И никто бы на эту смерть не обратил внимания, не проходи Жолташ по нашим спискам.

– А вдруг это банальная бытовуха? Узнал мужик, что любовница от него забеременела, вот и решил от нее избавиться. Сколько таких случаев в жизни бывает.

– Не спорю, бывает. Однако откуда у этого, как вы выразились, мужика яд «невидимка»? А то, что это был именно он, лично у меня

нет ни малейших сомнений. Нет, я вижу здесь прямую перекличку с каирской историей. Это – наш клиент.

– В таком случае он, видимо, почувствовал опасность, если решился на такой шаг.

– Вполне вероятно. Вопрос только один: какую опасность? Кто его спугнул? Не мы ли своей слежкой за Жолташ? Или здесь вмешался какой-то иной фактор?

– Но если он решился на устранение, то должен был понимать, что Жолташ как источник информации для него окажется навсегда потеряна. Однако же это его не остановило. Почему? Чего-то сильно испугался или у него мог появиться другой источник информации, поэтому Жолташ можно было пожертвовать?

– Гадать можно до бесконечности, но ответы на все свои вопросы мы сможем получить, только познакомившись с этим незнакомцем лично. Вы послали людей на квартиру Жолташ на Липецкой?

– Да, вскоре после аварии. Сначала там побывали наши люди, а потом к делу подключились ребята из «шпионского» отдела Следственного управления. Однако квартира оказалась пуста, никаких видимых следов присутствия мужчины там обнаружено не было. Во всяком случае, пока.

– А вы думали, будет иначе? Преступник, который наверняка не спонтанно решился на убийство, а тщательно его подготовил, оставит нам какие-то зацепки? Нет, уважаемый Глеб Сергеич, этот экземпляр еще заставит нас побегать в поисках себя. Впрочем, один прокол этот душегуб совершил – оставил в покойной свой биологический материал.

– Может быть, это вышло случайно: бывают, знаете, такие контрацептивы, которые рвутся.

– Если это так, то воздадим хвалу контрабандному ширпотребу, который мутным потоком завалил нашу страну, – не скрывая иронии, заметил Кондратьев, после чего его голос вновь брел прежнюю серьезность:

– Соседей Жолташ опросили? Может, кто-то из них мог видеть мужчину, который приходил к Жолташ? Ведь у нее двухмесячная беременность, значит, длится эта связь с лета. Стоп, если отмотать эти месяцы, то получается, что забеременела покойная, скорее всего, в июле, видимо, вскоре после того, как был завербован «крот», которого

мы разыскиваем. Получается, что познакомиться они могли почти сразу после этой вербовки.

– Может, это случилось в том же Египте?

– Вполне возможно. Только кто этот человек, если он не попал в наш список?

Вместо ответа Жмых пожал плечами.

– Так что с соседями Жолташ? – после некоторой паузы вновь нарушил тишину генерал.

– Наши люди выяснили, что на лестничной площадке проживает одна семья, но на тот момент никого из них дома не оказалось. Видимо, уехали куда-то – все-таки суббота.

– Будь они неладны эти выходные, тут важна каждая минута, а нужных свидетелей не найти.

– Не волнуйтесь, Федор Иванович, «следаки» уже опрашивают всех соседей Жолташ с других этажей и из соседнего подъезда. Там делом руководит Павел Андреевич Арсентьев, а вы его хватку знаете: если вцепится, даже тисками не разожмешь.

* * *

Италия, провинция Казерта.

Город Казал-ди-Принцип

Один из «капо дей капи» казал-ди-принципской мафии Кармине Кампо, вооружившись металлической кочергой, как раненый зверь метался по широкой гостиной в своем трехэтажном особняке и крушил все, что попадалось ему под руку. За этим процессом наблюдал только один человек – заместитель «капо» Марио Кьянти. Больше смельчаков не нашлось, поскольку в мафиозной семье Кампо все прекрасно знали о крутом нраве своего босса, поэтому в минуты, когда его охватывал гнев, под его тяжелую руку никто не рисковал подставлять свою голову. У всех еще свежа была в памяти история с одним из руководителей боевой «десятки» Джузеппе Йовине, который принес Кармине плохую весть и тот забил его насмерть, вооружившись все той же металлической кочергой. С тех пор плохие вести мог решиться донести до босса только один человек – Марио Кьянти, которого

Кармине высоко ценил за его природный ум и беспримерную храбрость, которая однажды спасла «капо дей капи» жизнь. Поэтому сегодня, когда «семье» стало известно о резне в доме Манчини, где погибли сразу четверо боевиков из «десятки» Пьетро Террачино, одним из которых оказался племянник Кармине Кампо 27-летний Антонио, застреленный выстрелом в упор, Террачино чуть ли не на коленях умолил Марио отправиться к боссу и сообщить ему об этом происшествии. И теперь главари десятка находились в соседней комнате и терпеливо ждали, когда уляжется буря. Что касается Марио Кьянти, то он стоял у двери и молча взирал на то, как под ударами кочерги вдребезги разлетелись два венских стула, торшер и журнальный столик, стоявший у камина.

После пятиминутного урагана силы Кампо наконец иссякли, гнев несколько улегся. Отбросив в сторону кочергу, босс упал в кресло и минуты две тяжело дышал, уставившись в потолок. Прошло еще пару минут, после чего Кампо перевел взгляд на Марио и задал ему вопрос, который тот ожидал услышать:

– Антонио мучился перед смертью?

– Нет, дон Кармине. Он скончался у меня на руках, пуля угодила ему в грудь.

– Это сделали люди Беспалого?

Это было прозвище еще одного казал-принципского «капо» – Чезаре Грицальди, с которым семья Кампо постоянно враждовала, а в данный момент находилась в состоянии войны. Однако ответ Кьянти обескуражил босса:

– Нет, это были совсем другие люди. Перед смертью Антонио успел сказать мне, что это был некий русский, прилетевший в Италию из России несколько часов назад.

Лицо Кампо вытянулось от удивления:

– Откуда в нашем городе мог объявиться русский? И что он мог потерять в доме Манчини? Ты уверен, что это правда?

– Антонио слышал весь его разговор с хозяйкой дома. Сомнений быть не может: он прилетел из Москвы. И мы обязательно выясним, с какой целью он объявился в наших краях. Я уже отдал все соответствующие указания, и наши люди роют носом землю в поисках следов этого русского.

– Как ты думаешь найти этого ублюдка?

– Судя по тому, что сообщил Антонио, он прилетел в Италию за два часа до случившегося. Значит, его самолет приземлился в аэропорту Неаполя. Там он, скорее всего, взял автомобиль в аэропортовой службе проката. Судя по всему, это серебристый «Ситроен»: именно такую машину заметил из своего окна сосед семьи Манчини, когда они отъезжали от дома. Я уже связался с нашими людьми в Неаполе, чтобы они пробили в прокате все необходимые данные на этого русского.

– И все же какие у него могли быть дела с Энрико Манчини, ведь тот никогда не был замечен в контактах с русскими?

– Может быть, дело в его жене? – предположил Кьянти. – Она ведь, насколько я знаю, когда-то работала в Риме журналисткой? Вдруг эти связи тянутся оттуда? У журналистов достаточно обширные контакты.

– Но как этот русский смог так легко разобраться с четырьмя нашими реджиде (солдаты. – Авт.)?

– Судя по тому, что я видел, он профессионал.

В этот самый миг в кармане пиджака Кьянти заиграла мелодия в мобильном телефоне. Он достал «трубу» и в течение нескольких минут выслушивал чей-то отчет. После чего вернул мобильник обратно в карман и поделился с боссом услышанным:

– Как я и думал, этот русский в самом деле взял в аэропортовой службе проката автомобиль – тот самый серебристый «Ситроен». Заказ оформлен на имя Леонида Ветрова – сотрудника российского генконсульства в Риме. Значит, скорее всего, именно туда они сейчас и должны направляться. Если вы позволите, дон Кармине, я немедленно отправлюсь на поиски беглецов.

Вместо ответа Кампо устало махнул рукой. Но когда его заместитель уже собирался открыть дверь и покинуть гостиную, «капо» его остановил:

– Я хочу, чтобы ты знал, Марио: этот ублюдок нужен мне живым. Я хочу лично казнить его, чтобы Антонио на том свете видел его мучения. С бабой можешь делать все, что хочешь, а этого русского доставь мне в целости и сохранности. Ты понял?

Вместо ответа Кьянти низко склонил голову, после чего повернулся и вышел из гостиной.

Пока Корецкий, сидя в машине, терпеливо ждал, когда служащий бензозаправочной станции наполнит бак его «Ситроена» нужным количеством бензина, Стефания покинула автомобиль и отправилась в соседнее кафе, чтобы посетить там туалетную комнату. В боковом зеркальце Корецкий прекрасно видел, как она в свете фонарей вошла в кафе и вышла оттуда спустя несколько минут, на ходу вытирая мокрые руки о носовой платок, вместо того чтобы воспользоваться сушилкой. Наблюдая за этим, Корецкий с удовлетворением отметил, что женщина с полной серьезностью отнеслась к его словам о том, что времени у них в обрез, поэтому их пребывание на заправке не должно слишком затягиваться. Однако преодолеть те несколько десятков метров, что отделяли кафе от заправки, Стефания быстро не смогла: ей это помешали сделать.

Когда Корецкий вновь взглянул в зеркальце, обеспокоенный тем, что его попутчица до сих пор не заняла свое привычное место рядом с ним, он увидел, что Стефания остановилась на полпути и разговаривает с неким пожилым мужчиной в темном костюме. Судя по тому, как вели себя собеседники, Корецкий понял, что они давно знакомы и их разговор не предвещает ничего опасного. Это было видно хотя бы по тому, как нежно касался иногда локтя своей собеседницы незнакомый мужчина.

Этот разговор длился около пяти минут, после чего собеседники попрощались и каждый пошел своею дорогой: Стефания продолжила свой путь к автомобилю, а мужчина зашел в кафе. И спустя полминуты Корецкий уже знал не только, кем был этот человек, но и, самое главное, о чем он разговаривал со своей собеседницей.

– Только что я встретила приятеля своего мужа – адвоката Джерардо Паолило, – сообщила своему попутчику Стефания, усаживаясь в пассажирское кресло рядом с ним. – Мне стоило большого труда не сорваться, когда он спросил о самочувствии моего супруга. К счастью, он, кажется, ничего не заподозрил.

– Ну что же, в таком случае нам надо поскорее отсюда уезжать, пока приятель вашего мужа не надумал вернуться из-за какого-нибудь пустяка, – ответил женщине Корецкий, трогая автомобиль с места.

Однако спустя секунду попутчица сообщила ему новость, которая поломала все их дальнейшие планы.

– В ходе нашего разговора Джерардо сообщил мне, что на дороге в Вилла Латерно дежурят полицейские и останавливают все автомобили марки «Ситроен». Адвокат узнал от знакомого полицейского, что те ищут мужчину и женщину, замешанных в преступлении, совершенном в Казал-де-Принципе. Судя по всему, речь идет о нас с вами. Если это так, то как они узнали об этом так быстро?

– Это моя вина, донна Стефания, плохо «зачистил» поле боя, – не вдаваясь в подробности, ответил попутчице Корецкий.

– Что это значит?

– Говоря обычным языком, не стал добивать тех людей, что пришли убивать вашего супруга и вас. Хотя в нашей работе такого рода гуманность может стоить очень дорого.

– Вы не стали их добивать, потому что рядом была я?

Корецкий предпочел не отвечать на этот вопрос, а вместо этого свернул на обочину и остановил автомобиль. Требовалось время, чтобы обдумать возникшую ситуацию.

– Если к делу подключена полиция, можно предположить, что у местной каморры налажены с ней хорошие связи, – первым нарушил молчание Корецкий.

– В этих связях у нас никто никогда не сомневался, – подтвердила его слова Стефания. – У каморры есть свои люди как в полиции, так и во властных структурах. Многие местные политики сотрудничают с мафией на бартерной основе: политики прикрывают мафию, а та помогает им набрать лишние голоса на выборах.

– Из этого следует, что выбраться из вашего городка становится все труднее, наверняка все дороги, ведущие в Рим, уже под контролем полицейских и мафии.

– И что вы предлагаете: сдаться?

– Разве я похож на сумасшедшего? Просто на нашем «железном коне» добраться до Рима становится невозможно: остановят на первом же полицейском посту. Отсюда следует, что надо попытаться использовать другие виды транспорта. И вот тут ваша помощь, донна Стефания, может стать решающей: вы же человек местный.

– Я вас поняла, – ответила женщина и на некоторое время погрузилась в раздумья. Наконец она вновь заговорила:

– Можно попытаться добраться до Рима поездом. Здесь рядышком есть городок Аверса, откуда ходят поезда до столицы. Добраться

можно за полтора-два часа в зависимости от поезда. Экспрессы «Интерсити» идут быстрее, а региональные поезда «Трено реджионале» чуть медленнее, останавливаясь на каждой станции.

– Полагаете, что поезд – это лучший вариант? – высказал сомнение Корецкий.

– Может, и не лучший, но именно на нем мы быстрее всего доберемся до города Латина, где теперь живет человек, который может помочь вам в вашей миссии. Я имею в виду гибель той несчастной американки.

– Вы уверены, что наш путь туда будет не напрасным и мы застанем этого человека на месте?

– Уверена, он живет один и редко отлучается из дома. Каких-то пару недель назад я звонила ему по телефону и поняла, что он не изменил своим привычкам.

– Хорошо, что вы вспомнили о мобильной связи. Ваш телефон с собой?

Женщина молча расстегнула сумочку и извлекла на свет свой мобильник.

– Простите, донна Стефания, но от него нам придется избавиться. Каморре наверняка станет известен его номер, поэтому вычислить наше местонахождение не составит большого труда.

Взяв телефон у спутницы, Корецкий извлек из него сим-карту, после чего выбрался из автомобиля. Через секунду с телефоном было покончено: его корпус был разбит об асфальт, а сим-карта заброшена в кусты. Теперь единственным средством связи у них оставался мобильник Корецкого, но с ним он расставаться не стал, поскольку отследить его было сложно: этот аппарат он получил от своих коллег, «технарей» с Лубянки, которые снабдили его всеми защитными функциями, в том числе и сим-картой, к которой практически невозможно было получить удаленный доступ.

Разделавшись с телефоном своей спутницы, Корецкий попросил ее покинуть «Ситроен», сопроводив это необходимым пояснением:

– Хорошо, пусть будет поезд. Только с некоторой поправкой: тот, что отправляется от Аверсы, отпадает: слишком близко от Казал-ди-Принципа. Полагаю, что на станции нас уже поджидают люди из местной каморры или полицейские. Нет ли другого варианта?

Женщина вновь задумалась. Но на этот раз ее раздумья длились куда меньше прежнего:

– На границе с Кампанией и Лацио есть город Сесса Аурунка, где поезд тоже делает остановку. Ехать туда чуть больше часа. Можно попытаться поймать попутную машину или воспользоваться автобусом, остановка которого метрах в трехстах отсюда, за поворотом.

– Удобнее, конечно, взять попутку, но не факт, что нам удастся сделать это быстро: время все-таки позднее. А как с автобусом, он часто здесь ходит?

– Каждые полчаса, – и Стефания взглянула на свои наручные часы. – Если мы поторопимся, то можем успеть на ближайший вечерний рейс, который прибудет ровно через пятнадцать минут.

Услышав это, Корецкий не стал медлить и первым двинулся по направлению к остановке. О судьбе автомобиля он не волновался: если с ним что-то случится, то российская дипмиссия в Риме выплатит прокатной фирме необходимую неустойку. А если на авто никто не позарится, тогда его легко смогут забрать сами «прокатчики», благо от Неаполя до Казал-ди-Принципа дорога не столь дальняя.

Беглецы преодолели путь до остановки за десять минут и, как выяснилось, пришли вовремя. Спустя еще пару минут из-за поворота показался автобус, который следовал до нужной им Сессы Аурунки. Помогая своей партнерше по несчастью взойти по ступенькам в салон, Корецкий поймал себя на мысли, что он, собираясь в эту поездку, даже не мог себе представить, сколь опасной она окажется. Впрочем, первые нехорошие мысли начали зарождаться в его голове еще до того, как его нога ступила на итальянскую землю – в те самые минуты, когда самолет с ним на борту никак не мог приземлиться. Уже тогда он подумал, что это не добрый знак. Вот только было неясно, какого рода неприятности могут поджидать его на этой земле. Теперь они предстали перед ним во всей своей полноте. Однако ни капли страха за собственную жизнь в душе Корецкого не было. Как говорится, и не в таких переделках ему доводилось участвовать. Он боялся лишь одного: что он может погибнуть до того, как успеет выполнить свое задание. И еще он боялся за жизнь своей попутчицы, поскольку кроме него защитить ее будет некому. А раз так, значит, он должен был не только обеспечить выполнение данного ему задания, но и спасти

жизнь этой женщины. Тем более что без последнего немисливо было выполнить первое.

* * *

Египет, город Каир. Отель «Найл Хилтон»

В начале десятого вечера Максимов вышел из своего номера-«сют» и спустился в бар. Как всегда в это время, тот был переполнен. На танцполе звучала музыка, под которую несколько профессиональных танцовщиц весьма филигранно исполняли «танец живота». Зная о том, что у Янга есть зарезервированный столик в дальнем конце заведения, в секторе, отгороженном от центрального зала специальной ажурной перегородкой, Максимов направился именно туда. И действительно застал там американца, в гордом одиночестве потягивающего виски и курящего свое любимое «Мальборо».

– Где же ваш верный оруженосец? – имея в виду Бобби Дьюка, спросил Максимов, присаживаясь за столик.

– У него свидание с дамой, причем не с одной, – ответил Янг.

– А вас, значит, общество дам не устраивает?

– У меня назначена одна бизнес-встреча, поэтому я должен быть собран. А женщины, как вам известно, этому мало способствуют.

– Как и виски, Саймон.

– А вот виски меня, наоборот, мобилизуют, – и Янг, допив содержимое своего стакана, плеснул в него новую порцию, не забыв и про стакан своего собеседника.

Максимов не стал уточнять, что за важная встреча назначена у Янга, поскольку был прекрасно осведомлен о последней. Собственно, он и в бар спустился именно из-за нее. Полчаса назад ему в номер позвонил Леонид Грошев из российского посольства и сообщил, что в Каир из Анкары прилетает ближневосточный резидент ЦРУ Аллан Трейси. Его самолет должен был приземлиться в каирском аэропорту в семь часов вечера, и примерно через час он должен был приехать в «Найл Хилтон», где всегда останавливался на восьмом этаже под видом одного из руководителей той же компании, что и Янг –

«Индастри электроникс». Неожиданный приезд регионального резидента явно был вызван каким-то неотложным делом, информацию о котором Максиму необходимо было обязательно узнать. Правда, сделать это было нелегко, поскольку одного желания для этого было недостаточно – немалое значение имели и благоприятные обстоятельства. Поэтому, спускаясь вниз, Максимов молил бога, чтобы удача в этот вечер оказалась на его стороне. И его молитвы были услышаны. Янг проводил время в городе одиночестве в своем отгороженном от остальных посетителей закутке, что гарантировало Максиму отсутствие посторонних глаз.

– Вы, кстати, не знаете, куда пропал Томпсон? – первым прервал затянувшееся молчание Янг, пуская в потолок струю табачного дыма. – Я дважды стучал в его номер, но мне никто не ответил.

– Судя по всему, он еще не вернулся из российского посольства.

– Так значит, вы все-таки сосватали в его фильм какого-то вашего дипломата?

– Я же ему обещал, причем при свидетелях. А слово свое я привык держать.

– Думаю, что дело здесь не столько в вашем слове, сколько в желании направить мысли Роджера в выгодном вашему правительству направлении.

– Мое правительство платит мне за это деньги, – улыбнулся Максимов, салютуя Янгу поднятым в руке стаканом.

– Вы зря радуетесь, Иван, поскольку большая часть вашего правительства находится под нашим «колпаком», – салютуя в ответ своим стаканом, заметил Янг.

– Чей именно «колпак» вы имеете в виду? – без тени смущения на лице спросил Максимов.

– У него слишком много хозяев. Здесь и госдеп, и спецслужбы, и различные бизнес-структуры, включая и нашу компанию, которая имеет свои интересы в России.

– Вы намекаете на продажность нашей элиты?

– Именно, Иван. Вся та патриотическая риторика, которая звучит из уст ваших политиков, на самом деле всего лишь ловкая имитация оной, поскольку какой к черту патриотизм, когда люди, щеголяющие этим, хранят полтриллиона долларов в наших банках, покупают жилье

на Западе и там же учат своих детей. Так что ваша элита скорее наша, чем ваша.

– У нас в таких случаях говорят: не надо грести всех под одну гребенку. Меня, к примеру, тоже можно отнести к элите, к интеллектуальной ее части, но ни заграничных счетов, ни жилья, ни детей, учащихся за границей, у меня нет. Таким образом, получается, что у нашей элиты есть и некая патриотическая часть, которая, кстати, не сдает сегодня Сирию. И ваше правительство ничего не может с этим поделать.

– Мое правительство милостиво разрешает так себя вести до поры до времени. Мы даем «пошалить» вашей элите, так как она помогает нам драть три шкуры с вашего народа. Мы американизировали его настолько, что он с удовольствием скупает наши доллары, смотрит наши фильмы, покупает наши товары. Но вы напрасно думаете, что на эти шалости вашей элиты мы будем взирать вечно. Наступит такой момент, когда терпение моего правительства лопнет и мы покажем вам ту самую «кузькину мать», которую обещал показать нам Хрущев, да сам спекся. Сегодня в мире гегемоны мы, американцы, а вы, русские, в числе проигравших. Ведь это мы победили СССР, а не вы Америку.

– Я полагаю, что вы находитесь в плену иллюзий, посеянных в вашей голове двадцать лет назад. Да, вы «банкуете» в сегодняшней мировой политике, но вы надорвались от своей гегемонии. Как говорим мы, русские, в таких случаях: у вас пупок развязался от непосильной ноши. Разве вы не видите, что в мире ширится процесс противостояния вашей глобализации по-американски. Что именно вокруг России объединяются страны, которые хотят противостоять этой глобализации. Взять тот же БРИКС, где помимо моей страны есть Бразилия, Индия, Китай и даже ЮАР.

– БРИКС мы развалим, было бы желание. Вы посмотрите, кто там собрался. Китай – там все сильнее растет политическая неопределенность, Бразилия – она зависит от сырьевых потребностей Китая, в Индии сорок процентов населения живет в нищете, а в ЮАР ширится забастовочное движение шахтеров. Так что ваш БРИКС скоро сам развалится.

– Однако до сих пор не развалился. И впервые после развала СССР создает серьезное препятствие на пути восстановления

неоколониальной модели мироустройства, за которую ратует ваша родина.

– Мы его не развалили, потому что он пока не представляет для нас серьезной угрозы. Мы печатаем триллионы долларов, и они держат за горло весь мир, в том числе и страны, которые вошли в БРИКС. Вы ведь знаете, Иван, что мы, американцы, большие специалисты по части разделять и властвовать. Вот и в этом случае мы разделим ваших союзников и либо сожрем их по одиночке в виду их слабости, либо попросту купим. В этом бизнесе нам в мире нет равных, поверьте слову бизнесмена с многолетним стажем.

– Вы же бизнесмен-электронщик, а не политик.

– У меня масса друзей среди политиков, с которыми я часто веду подобные дискуссии. И потом, кто вам сказал, что бизнес и политика – явления противоположного ряда? Они подчиняются одним законам – законам джунглей, где, как известно, побеждает сильнейший. Как говорил наш классик Марк Твен: «Мы – англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он идет и берет».

– Отрадно, что вы помните высказывания ваших классиков, – улыбнулся Максимов.

– Как иначе, если моя мать была преподавателем литературы.

– Но, видимо, вы, Саймон, были не самым прилежным ее учеником, – усмехнулся Максимов. – Поскольку я тоже неплохо знаю американскую литературу, в том числе и творчество Марка Твена. И фраза, которую вы упомянули, вырвана из контекста. Она открывает статью писателя под названием «Мы – англосаксы» и принадлежит некоему отставному военному, который произносит ее на одном банкете. После чего ваш классик приводит собственную расшифровку этой фразы, которая звучит весьма нелицеприятно. Надеюсь, вы ее помните?

– Видимо, моя память не столь глубока, как ваша.

– Тогда я вам ее напомним. Она звучит следующим образом: «Мы, англичане и американцы, – воры, разбойники и пираты, чем и гордимся». Именно за подобные взгляды при вашем президенте Рональде Рейгане книги Марка Твена массово изымались из ваших школьных библиотек.

– И правильно, что изымались, – сказал, будто рубанул с плеча, Янг. – наших детей следует учить по заветам того самого военного,

фразу которого классик привел в начале своей статьи. Все остальное – интеллигентская тягомотина. Повторяю, в этом мире побеждает сильнейший, и плевать, каким способом достается победа. Главное, что мы правим этим миром и никакое говеное мировое сообщество нам не указ. Мы можем скупить элиту любой страны, и она будет делать то, что выгодно нам, американцам. Вот и здесь, на Ближнем Востоке, нам не важно, кто получит власть – какой-нибудь религиозный фанатик, лощеный политик или велеречивый интеллигент. Главное, чтобы эти люди работали на нас. Чтобы они всегда нуждались в зеленых бумажках с изображением наших президентов и были готовы распродать свою страну нашим инвесторам. С вашей элитой нам повезло: она чрезвычайно любит «зеленые бумажки» и согласна быть у нас под колпаком.

– Все в этом мире относительно, Саймон, – потягивая виски, произнес Максимов. – Древние на этот счет выражались весьма определенно: не рой яму другому, можешь сам в нее угодить.

Едва эта фраза слетела с его губ, как лежащий на столе мобильник Янга зазвонил. Американец взглянул на отразившийся в телефоне номер звонившего и, извинившись перед Максимовым, поднялся со своего места и отошел в сторону, чтобы разговор не был слышен собеседнику. Но тот и не стремился его подслушать, ему необходимо было другое – временное отсутствие за столом Янга. Пока тот стоял к нему спиной и вел свой разговор с далеким собеседником (а чекист сразу догадался, что звонил региональный резидент Аллан Трейси, самолет которого уже должен был приземлиться в каирском аэропорту), Максимов совершил почти молниеносную манипуляцию. Взяв со стола пачку «Мальборо», принадлежавшую Янгу, он поднял крышку и обратил внимание на количество сигарет. Пачка была едва початая, в ней не хватало всего двух штук. Положив эту пачку в задний карман своих брюк, Максимов извлек из другого кармана точно такую же пачку «Мальборо», вынул из нее две сигареты и положил на то же место, где до этого лежала пачка Янга. А две извлеченные сигареты спрятал в карман рубашки. После чего взял в руки стакан с виски и откинулся на спинку стула.

В замененной пачке сигарет находилось миниатюрное подслушивающее устройство, вмонтированное в дно пачки и способное передавать сигнал в радиусе километра. В условиях

гостиницы это было вполне достаточное расстояние, чтобы Максимов мог быть уверенным в том, что ему удастся подслушать разговор Янга и Трейси, когда тот приедет в «Найл Хилтон» и уединится со своим заместителем в одном из уголков отеля.

Янг вернулся за стол спустя две минуты. Он был явно чем-то озабочен и даже не стал присаживаться на стул. Забрав со стола сигареты и зажигалку, он произнес фразу, которую Максимов ожидал от него услышать:

– Извините, Иван, но мне надо спешить на бизнес-встречу, о которой я упоминал в начале нашего разговора.

– Нет проблем, Саймон.

Едва Янг удалился, Максимов выждал некоторое время, после чего тоже поднялся с места и уже спустя пять минут благополучно добрался до своего номера. Там он извлек из кожаной сумки портативный радиоприемник, замаскированный под обычный плеер; он был настроен на нужную частоту радиомикрофона-«жучка», встроенного в пачку «Мальборо», которую Янг прихватил с собой. Главным теперь было то, чтобы американцы не уединились в специальном номере, оборудованном системой защиты от любых подслушивающих устройств. Максиму и здесь повезло. Чувствуя себя на протяжении многих лет в «Найл Хилтоне» как дома, американцы были уверены, что никакие прослушки им здесь не страшны (хотя такой спецномер в отеле у них имелся). Кроме этого, Трейси так устал в полете, что решил сразу по приезде в отель отправиться в бассейн, ради чего он и позвонил Янгу: тот должен был арендовать зал на час. Именно там они и встретились спустя несколько минут после того, как Максимов, воткнув в уши наушники и опустившись в кресло, приготовился стать внимательным слушателем их конфиденциального разговора. Естественно, радиоприемник в плеере был установлен в режиме «записи».

Пока Трейси в течение нескольких минут плавал в бассейне, Янг сидел в шезлонге и курил, глядя на лысую голову своего начальника. Пачка «Мальборо» лежала тут же, на столе, брошенная на газету. Несмотря на то что оба участника встречи были знакомы уже несколько лет, однако ни близкими друзьями, ни даже соратниками, по-настоящему доверяющими друг другу, они так и не стали. Их союз был вынужденный, сварганенный представителями двух

соперничающих между собой партий: Трейси был ставленником демократов, а Янг – республиканцев. Поскольку хозяином Белого дома теперь был демократ Барак Обама, Трейси всегда чувствовал себя хозяином положения, что не нравилось Янгу, который давно мечтал «подсидеть» своего шефа и усесться в его кресло. Загвоздка была лишь в одном – не было удобного случая, чтобы повернуть подобную операцию. Более того, во время сегодняшней встречи сам Янг оказался в ситуации, которая давала блестящие козыри в руки его шефу, а не ему.

– Саймон, вы видите газету, лежащую на столе? – делая очередной заплыв от дальнего бортика к ближнему, спросил Трейси. – Это сирийская «Аль-Ватан». На первой странице, в углу, прочтите заметку под названием «За терактом в Дамаске могут стоять американцы».

Янг раскрыл газету на указанном месте и, найдя упомянутую заметку, углубился в чтение. Читал он недолго, поскольку автор публикации уложился всего в несколько коротких абзацев. Речь в них шла о том самом теракте, который спланировал Закхей аль-Хадж, а Янг ему активно в этом помогал, снабдив его не только взрывчаткой, неуловимой для металлодетекторов, но и накладным животом для террористки-смертницы. Именно на основе этих улик, но без указания их конкретного авторства, журналист делал вывод о том, что за терактом могли стоять американцы, а конкретно – ЦРУ. А далее следовал весьма неожиданный вывод:

«В результате теракта погибли одиннадцать человек, в том числе и один из лидеров сирийских курдов Кендал Берван, который приехал в Дамаск в составе делегации своих соплеменников, чтобы выразить поддержку правительству Башара Асада. Но подлая рука наемных убийц настигла К. Бервана в первый же день его пребывания в Дамаске. Учитывая, что за этим терактом могли стоять американцы в лице ЦРУ, можно предположить, что главной целью мог быть именно К. Берван. Закулисные кукловоды этого подлого убийства, видимо, ставили целью сорвать переговоры по поводу возможного появления на территории Сирии курдской автономии – образования, которое могло бы значительно стабилизировать ситуацию на севере нашей страны, где сегодня хозяйничают так называемые повстанцы, а на самом деле – террористы».

– Ну, что скажете о прочитанном, Саймон? – вновь оказавшись у ближнего бортика, спросил Трейси.

– Скажу, что этот курдский лидер попал под раздачу совершенно случайно, – бросая газету на стол, ответил Янг. – Насколько я знаю, аль-Хадж планировал свою акцию еще несколько недель назад, когда о визите этого курда никто и слыхом не слыхивал.

– А если аль-Хадж решил скорректировать свои планы?

– В таком случае, я бы об этом обязательно был осведомлен. Нет, это та самая нелепая случайность, которая иногда может возникнуть в нашей работе.

– Но согласитесь, Саймон, что эта, как вы изволили выразиться, нелепая случайность прилась весьма кстати режиму Асада, поэтому он начинает активно ее раскручивать.

Трейси вылез из воды и, накинув на себя халат, лежавший на стуле у бортика, и надев на ноги «вьетнамки», прошествовал до столика, за которым восседал Янг, и плюхнулся на свободный стул. Налив в стакан апельсинового сока из бумажного пакета, Трейси сделал пару глотков, после чего продолжил:

– Два дня назад я провел тайную встречу с лидерами сирийских курдов. Как вы знаете, мы тоже имеем на них влияние и совсем не горим желанием отдавать их Асаду. Но этот теракт сыграл на руку сирийцам. Курды склонны верить именно асадовской версии, и мне стоило огромного труда удержать их от принятия поспешных решений. И знаете, что мне пришлось им пообещать в обмен на сохранение прежней лояльности к нам?

Поймав на себе вопросительный взгляд Янга, Трейси тут же и ответил:

– Голову аль-Хаджа.

– Вы с ума сошли!

– С ума сошел не я, а вы Саймон, когда продолжили свое общение с этим отмороженным террористом. Я вас давно предупреждал, чтобы вы прекратили с ним всяческие контакты.

– Он приносит нам много пользы. И у меня на него есть большие виды в будущем: я предполагаю использовать его в провокациях с химической атакой, которая может помочь нам прижать Асада к стенке. К тому же наша связь с ним настолько тщательно законспирирована...

– ...что о ней теперь пишут в сирийской прессе, – Трейси с грохотом опустил пустой бокал на стол. – Вы слишком увлеклись разного рода авантюрами, Саймон, думая, что статус офицера ЦРУ спустит вам все с рук. Но вы ошибаетесь, дорогой мой друг, не спустит. Представьте себе, что в версию, изложенную в этой газетенке, поверят не только курды, но еще и в Вашингтоне. Вдруг из Лэнгли пришлют инспекторов на склад в Бенгази, чтобы проверить, почему это наша взрывчатка уходит к лидерам «Аль-Каиды», которые с ее помощью устраивают теракты, за которые нам приходится оправдываться перед нашими союзниками. Вы об этом подумали? Или ваше желание заработать лишние пару сотен тысяч долларов совершенно затмили вам разум? Так я вам вправлю ваши мозги, если вы сами этого сделать не можете.

– Я на своем месте приношу не меньше пользы, чем вы, босс, – пытался оправдаться Янг. – Вербовка того же Фараона во многом именно моя заслуга. А он на сегодняшний день является нашим наиболее ценным агентом в Москве.

– Не думайте, что вы сможете прикрыться Фараоном, Саймон, – продолжал бушевать Трейси. – Его ценность действительно велика, но история с аль-Хаджем способна перечеркнуть ваше участие в его вербовке. Тем более что свои бонусы за это вы уже сполна получили.

Глядя в перекошенное от гнева лицо своего шефа, Янг испытал дикое желание схватить со стола стакан и засадить им ему в переносицу. Потом вскочить со стула и хорошенько отдубасить шефа еще и ногами. Однако Янг прекрасно отдавал себе отчет в том, что мыслям этим не суждено осуществиться. Во всяком случае, сейчас. Более того, в качестве отбивной котлеты в ближайшее время предстоит стать ему, а не его шефу. И чтобы эта экзекуция закончилась всего лишь словесным избиением, а не чем-то большим – вроде рапорта начальству – Янгу нужно было приложить максимум усилий, чтобы умаслить шефа. А засадить ему стаканом в переносицу, а то и чем-то потяжелее, можно будет потом, когда этот скандал уляжется.

«В конце концов, этого аль-Хаджа рано или поздно все равно придется списать в тираж, – подумал Янг. – Какая разница, когда это произойдет – сейчас или чуть позже. Главное не дать повода этому выродку Трейси сожрать меня с потрохами. А он это наверняка сделает, как только у него будет для этого возможность. Но сейчас он

этого сделать не может: ему нужна голова аль-Хаджа, а без моего содействия она к его ногам упасть никак не сможет. Ну что ж, он ее получит. Только сразу после этого голова самого Трейси прикатится к моим ногам. В нашей будущей схватке я не дам ему ни малейшего шанса. Пусть сегодня торжествует победу он, но завтра более расторопным окажусь я».

Придя к таким выводам, Янг вслух произнес диаметрально противоположное, постаравшись сделать так, чтобы его голос звучал как можно более умиротворяюще:

– Я понимаю ваше возмущение, босс, но поверьте мне на слово, я не предполагал, что эта акция обернется такими издержками. Поэтому готов загладить свою вину так, как вам будет угодно.

– Что мне угодно, я уже сказал: нужна голова этого отмороженного террориста, которую мы бросим курдам.

– Но этот человек работал с нами не один год и обладает ценнейшей информацией, которую курдам знать не полагается, – продолжал торговаться Янг.

– Никто не собирается потворствовать курдам в получении такой информации. Вы захватите аль-Хаджа, после чего мы проведем его казнь на глазах у курдов, чтобы они убедились в нашем добром расположении к ним. Взамен я постараюсь уладить вопрос с нашим складом в Бенгази – отважу от него инспекторов. Но имейте в виду, Саймон, что делаю я это исключительно в знак своего уважения к вам.

«Этот лысый ублюдок совсем сбрендил, если думает, что своей лестью может меня умаслить, – подумал Янг, чокаясь с шефом стаканом с соком в знак примирения. – Он, видимо, полагает, что насадил на меня на крючок этой историей, но он ошибается. Еще не изобрели такой крючок, на который можно насадить Саймона Янга».

– Когда вы сможете взять аль-Хаджа? – первым прервал паузу Трейси.

– Он настолько хитер, что мне потребуется время, чтобы детально проработать эту операцию. Ведь это дело надо обставить таким образом, чтобы люди «Аль-Каиды» не смогли догадаться о том, кто именно сдал их лидера.

– Я понимаю, поэтому и спрашиваю: сколько?

– Дайте мне недели полторы-две. Думаю, этого времени хватит.

– Даю вам неделю, Саймон. Не забывайте, что курды ждать не будут, они жаждут мести. Давайте не будем их разочаровывать: они нам еще пригодятся в нашей войне против Асада. Да и в наших взаимоотношениях с турками тоже. Преподнеся аль-Хаджа, мы докажем курдам, что мы для них не враги, а союзники.

– Хорошо, пусть будет неделя, – Янг понял, что дальнейшие споры бесполезны.

* * *

***Италия, провинция Казерта.
Города Казал-ди-Принцип и Сесса Аурунка***

Марио Кьянти, заместитель главаря казал-ди-принципской каморры, четко держал руку на пульсе погони, которую он устроил за двумя беглецами, повинными в смерти четырех его коллег. Для этого к преследованию была подключена местная полиция, который были выданы подробные ориентировки на беглецов. Причем на обоих. Если в случае со Стефанией Манчинигодились ее домашние фотографии, то изображение русского удалось восстановить по дубликату его международного водительского удостоверения, которое предоставили каморре сотрудники прокатной фирмы, обеспечившей этого русского своим «Ситроеном». Однако даже несмотря на то, что в деле поимки беглецов были задействованы значительные силы каморры и полиции общим числом более сотни человек, беглецы как сквозь землю провалились. И хотя их поиски длились не так долго – всего лишь несколько часов, – однако Кьянти это сильно напрягало. Он понимал, что нужно предпринять дополнительные усилия, которые ускорили бы поимку беглецов. Именно для этого он и приехал к радиоэлектронщику Джузеппе Сезаре, который состоял на содержании у их мафиозного семейства. Цель у этого визита была одна – обнаружить преследуемых с помощью радиоэлектроники. Для этого Кьянти привез Сезаре номер мобильного телефона Стефании Манчини. На протяжении тех нескольких часов, что длилась погоня, Кьянти делал попытки дозвониться до женщины, но каждый раз абонент был недоступен. Судя по всему, беглянка попросту отключила

телефон, поэтому дозвониться до нее было невозможно. Однако как объяснил ему во время их короткого телефонного разговора радиоэлектронщик, можно было попытаться определить местонахождение беглянки по сигналу, который выдавал в эфир ее мобильник.

– Это можно сделать, даже если телефон отключен? – поинтересовался Кьянти.

– С моей техникой все можно, – рассмеялся Сезаре, который прекрасно понимал, что за такую услугу каморра заплатит ему любые деньги. А последние он очень любил, что не было для Кьянти большим секретом.

– А если она вытащила из мобильного аккумулятора? – продолжал сомневаться в способностях радиоэлектронщика мафиози.

– В аппаратах два аккумулятора: если она вытащит батарею, которая питает аппарат в рабочем состоянии, то другая, которая работает в «полицейском режиме», останется. Так что приезжайте – помогу.

В просторном кабинете радиоэлектронщика, заставленного аппаратурой, мафиози пробыл около получаса. Этого времени расторопному Сезаре вполне хватило для того, чтобы послать сигнал на мобильник беглянки и, включив свою аппаратуру, засечь ту базовую станцию, которая находилась ближе всего к искомому мобильнику. Это была западная окраина Казал-ди-Принципа, место рядом с автозаправкой. В ту же самую минуту, когда Сезаре назвал гостю это место, мобильник Кьянти зазвонил и он услышал в нем голос одного из своих людей – Чиро Траппони, который сообщил ему еще одну важную новость, которая совпала с выводом радиоэлектронщика: рядом с упомянутой заправкой, на обочине дороги, был обнаружен тот самый серебристый «Ситроен», который русский беглец взял в прокатной конторе. Как и следовало ожидать, машина была пуста.

– Судя по всему, они бросили ее, догадавшись о том, что их разыскивает полиция, – предположил звонивший. – Куда они направились, пока неизвестно. Вполне вероятно, поймали попутную машину.

Кьянти повернулся к радиоэлектронщику:

– Твой сигнал показывает, что беглецы стоят на месте или двигаются?

– Они неподвижны.

– Дьявол, значит, они избавились от мобильного, – выругался мафиози, после чего вновь обратился к Траппони. – На той дороге интенсивное движение?

– Да нет, в эти вечерние часы здесь тихо.

– А нет ли поблизости каких-нибудь транспортных остановок?

– Есть, автобусная. От нее маршруты идут в сторону Казал-ди-Принципа и Сессы Аурунки.

– Ну и какой вывод ты после этого делаешь, куда они могли направиться? – не скрывая иронии, спросил Кьянти своего визави.

Однако на том конце провода наступила пауза, которая ясно указывала на то, что Траппони пребывает в замешательстве. Тогда инициативу взял в свои руки Кьянти:

– Глупо предполагать, что они могли вернуться в наш город, не дураки же они. Значит, у них одна дорога – в Сессу Аурунку. Там есть железнодорожная станция, где ходят поезда Неаполь – Рим. Они, конечно, могут поймать и попутную машину, но это сложно – найти в эти вечерние часы человека, который согласится подбросить их до Рима. Так что шансов на то, что они сядут на поезд, гораздо больше. Поэтому возьми побольше людей и гони в Аурунку, на вокзал. Если найдешь их там, действуй по обстановке. Но учти, русского надо доставить нашему «капо» живым. С перебитыми руками, ногами, ребрами, но живого.

– А что делать с бабой? Ее-то, я полагаю, мы можем использовать по собственному усмотрению?

Кьянти на секунду задумался. Он помнил, как выразился на счет судьбы этой бывшей журналистки «капо»: дескать, она ему не нужна, делайте с ней все, что хотите. И Кьянти прекрасно понимал, какая участь ожидает эту женщину, которая еще далеко не стара и весьма привлекательна, когда она угодит в лапы его людей. Однако внутреннее чутье подсказывало Кьянти, что подобный вариант был бы слишком расточительным. Ведь после того, как беглецы будут пойманы и к ним возникнет масса вопросов (особенно интересовала Кьянти цель приезда в Италию русского), развязать язык легче всего будет именно женщине, а не ее спутнику, который, как понял Кьянти, был профессионалом в своем деле. Поэтому он ответил Траппони как рачительный и дальновидный стратег:

– Бабу тоже доставьте живой. После того как я задам ей пару вопросов, вы получите ее как плату за риск. Уверен, что эта красотка с четвертым размером лифчика станет хорошей наградой за ваше усердие.

– Договорились, босс, – не скрывая своего удовлетворения, ответил Траппони. После чего спросил:

– Если они уже успеют сесть в поезд до нашего прибытия, что нам делать?

– Будем перехватывать их в пути. Но для этого я должен обладать полной информацией о том, куда они все-таки сели – в попутку или на поезд. Так что поторопись, Чиро.

Спрятав мобильник в карман пиджака, Кьянти повернулся к Сезаре.

– Ты хорошо поработал, Джузеппе, поэтому достоин награды, – произнес мафиози и бросил на стол перед радиоэлектронщиком пачку лир.

Взяв ее в руки и по весу определив приблизительную стоимость, Сезаре, не скрывая своего разочарования, произнес:

– Я рассчитывал на большую благодарность за свою работу.

– Никто не умаляет твоих стараний, но они, как видишь, совпали с результатами работы моих людей. Так что извини, но награда вполне адекватна ситуации.

Сказав это, Кьянти похлопал Сезаре по плечу и покинул аппаратную. Однако в этом случае стратегическое мышление его подвело. Зная о том, как радиоэлектронщик жаден до денег, он не подумал о том, что выданное ему вознаграждение может больно задеть его самолюбие. Поэтому, едва шум автомобиля гостя затих за ближайшим поворотом, как в голове Сезаре созрел план, который сулил ему хорошие барыши. Во-первых, можно было отомстить Кьянти за его скупость и вечные унижения, во-вторых, срубить такие «бабки», о которых до визита мафиози радиоэлектронщик мог только мечтать. Короче, он решил позвонить консильери (советнику) главара другой ветви казал-ди-принципской каморры – Чезаре Грицальди по прозвищу Беспалый (на левой руке у него не хватало двух пальцев, потерянных во время мафиозных разборок еще в далекой юности). Грицальди давно враждовал с кланом Кармине Кампо, а на данный момент и вовсе находился с ним в состоянии войны, поэтому любая

информация, которая была способна насолить его сопернику, могла сказочно озолотить сообщившего ее. А Сезаре только что услышал здесь такую информацию, которую можно было смело отнести к такого рода сообщениям.

Конечно, радиоэлектронщик прекрасно отдавал себе отчет в том, что подобное стукачество может стоить ему самого ценного, что у него есть, – жизни. Но ведь не факт, что Кьянти сумеет догадаться, откуда именно была утечка. Между тем соблазн продать эту «горячую» информацию был столь велик, что Сезаре просто был не в силах совладать со свалившимся на него искушением. Это было просто выше его сил. Тем более что спустя какой-нибудь час эта свежая новость попросту протухнет. Короче, в выборе между жизнью и кушем он, как любой жадный до денег человек, выбрал последнее.

Сезаре набрал номер телефона советника Беспалого, Джанни Лучезе, и, едва тот взял трубку, произнес:

– Синьор Лучезе, добрый вечер! Вас беспокоит Джузеппе Сезаре. Извините, что беспокою вас в столь поздний час, но информация, которой я располагаю, вынуждает меня сделать это. Вы, надеюсь, в курсе того, что произошло несколько часов назад в нашем городе? Я имею в виду убийство четырех реджиме из семьи Кармине Кампо. Так вот, только что мне стало известно, что люди, причастные к этому убийству, направляются в один из городов нашей провинции, а люди Кампо сидят у них на хвосте. Мне показалось, что эта информация может быть вам интересна. Или я ошибся?

– Вы не ошиблись, Джузеппе, – ответили на другом конце линии. – Враг нашего врага является нашим другом.

– Я так и подумал, синьор Лучезе. Поэтому я готов выложить перед вами все, что мне известно в обмен на вознаграждение.

– Если информация стоит того, вы получите такую сумму, которая обеспечит вашу безбедную старость.

– Я всегда верил в щедрость семьи Чезаре Грицальди. Поэтому, полностью полагаясь на ваше слово, готов выложить перед вами все, что знаю...

Всю дорогу до Сессы Аурунки Стефания проспала, склонив голову на плечо Корецкого. А он то рассчитывал на то, что им наконец удастся обстоятельно поговорить о деле погибшей американки, тем более что Стефания сама вернулась к этой теме, упомянув имя человека из Латины, который мог пролить свет на эту загадку. Но вместо этого, едва их полупустой автобус отъехал от остановки, Стефания опустила голову на плечо своему попутчику и уже спустя пару минут спала крепким сном человека, на долю которого в течение нескольких часов выпало столько треволнений, сколько не выпадает в течение года. Понимая это, Корецкому просто не хватило духа беспокоить женщину своими расспросами. Поэтому, пока она спала, ему пришлось бодрствовать, глядя на ночной пейзаж, проносящийся за окном мчащегося по пустынному шоссе автобуса. Все его мысли были заняты одним: он мучительно размышлял о том, успели ли их преследователи вычислить возможный маршрут их следования и, если успели, есть ли у них хоть малейший шанс благополучно сесть на поезд в Аурунке. Может быть, лучшим вариантом в такой ситуации было бы уезжать не поездом, а поймав там какую-нибудь попутную машину? Но много ли шансов было найти таковую в столь позднее время, учитывая, что до Латины путь был неблизкий – около часа? Не могли помочь Корецкому и посольские, с которыми он связался всего лишь дважды посредством телефонной связи: когда его самолет благополучно приземлился в аэропорту Неаполя и час назад, когда вместо звонка отослал им короткую эсэмэску: «Все в порядке. Буду завтра». С тех пор он больше на связь не выходил, прекрасно понимая, что в возникшей ситуации (а ее невозможно было себе вообразить даже в кошмарном сне) посольские вряд ли смогут ему быстро помочь. Поэтому очередной звонок в посольство Корецкий решил отложить до того момента, когда в их судьбе, наконец, наступит окончательная ясность. А пока он целиком и полностью рассчитывал на свои собственные силы, благо их у него в тот момент было в избытке.

В тот момент, когда автобус с беглецами мчался по ночному шоссе, стремительно поглощая километры, оставшиеся до Сессы Аурунки, с некоторым отрывом по тому же шоссе за автобусом мчались три автомобиля, в которых сидели двенадцать сосредоточенных мужчин. Это были реджиме из мафиозной семьи

Кармине Кампо во главе с Чиро Траппони, которые рассчитывали если не нагнать автобус с беглецами, то хотя бы успеть перехватить их на вокзале до того, как они успеют сесть в первый же поезд, пришедший на вокзал. Проблема этого семейства была в том, что в Сессе Аурунке и ее окрестностях у них не было своих людей, которые могли бы помочь им в этой погоне. Будь иначе, достаточно было одного телефонного звонка, чтобы эти люди поднялись в ружье и захватили беглецов прямо на вокзале. За неимением таких помощников людям Кампо приходилось рассчитывать исключительно на свои силы и возможности. И при этом соблюдать крайнюю степень осторожности, поскольку власть в приграничной Аурунке (город находился на границе двух провинций – Кампании и Лацио) и ее окрестностях принадлежала семье «капо дей капи», Рафаэлю Мартино из Капуи, который поддерживал давнего врага Кармине Кампо из того же Казалди-Принципа – Чезаре Грицальди по прозвищу Беспалый. Поэтому, направляясь в Аурунку, люди Кампо прекрасно понимали, какой опасности они подвергаются. Однако весь их расчет был в том, чтобы действовать осторожно, не поднимая лишнего шума. И наступившая ночь должна была стать для них хорошим подспорьем в этом деле.

Люди Кампо даже представить себе не могли, что оказались разоблачены еще до того, как их автомобили вырулили на шоссе, ведущее по направлению к Аурунке. И способствовал этому разоблачению радиоэлектронщик Джузеппе Сезаре, который почти дословно передал консье́ри из клана Чезаре Грицальди детали телефонного разговора между Кьянти и Траппони, после чего в действие были приведены такие пружины, которые не оставляли никаких шансов для Траппони и его коллег прибыть в Аурунку незамеченными.

В нескольких десятках километров от города, у небольшой оливковой рощицы, где шоссе делало резкий поворот, полтора десятка людей Рафаэля Мартино из Капуи решили сделать засаду, чтобы перехватить отряд Траппони. К тому времени автобус с беглецами уже успел миновать этот участок трассы, причем едва он свернул за рощу, как в тот же миг с проселочной дороги к повороту выехали люди Мартино, вооруженные автоматами «beretta». Оставив автомобили в стороне от шоссе, они рассредоточились на одной стороне рощи, заняв там огневые позиции. По их задумке ни один из людей Кампо не

должен был уйти отсюда живым и прорваться в Аурунку. И у этого плана были все шансы осуществиться, поскольку лучшего места для засады трудно было найти. В этом месте автомобили замедляли ход перед поворотом, что было на руку стрелкам. Кроме этого, в ночных сумерках освещенные изнутри автомобили были прекрасной мишенью даже для непрофессиональных киллеров, чего уж говорить о профессиональных, да еще вооруженных автоматами. Короче, бойня должна была занять не больше пяти минут и победителем в ней однозначно должна была стать та сторона, что нападала. Но, как известно, человек предполагает, а Господь располагает.

В головной машине, в которой ехал Чиро Траппони, водителем был опытный автогонщик, победитель межконтинентального чемпионата по ралли «Тарга Флория» на Сицилии Паскуале Аквила. Он всю дорогу вел автомобиль на предельной скорости, но перед последним поворотом на Аурунку собирался, как и положено, сбавить обороты. Но в этот миг сидевший рядом с ним на переднем сиденье Траппони сначала заметил в нескольких метрах от их автомобиля в ночных сумерках некое светящееся пятно, а затем услышал и звуки, которые нельзя было спутать ни с какими иными – так мог работать внезапно включившийся мобильник. Как оказалось, у одного из стрелков, спрятавшихся в засаде, внезапно включился телефон, который он забыл предварительно отключить. В следующую секунду сознание Траппони пронзила догадка о том, кому именно может принадлежать этот мобильник, обнаруживший себя на пустынном участке трассы, да еще в ночное время.

– Паскуале, жми на газ! – что было мочи закричал Траппони, а сам одним движением выхватил из подмышечной кобуры пистолет и стал палить из полураскрытого окна в том самом направлении, где секунду назад заиграла мелодия.

Натренированная рука стрелка, которая чуть ли не еженедельно по несколько часов кряду оттачивала свое мастерство в тире, не подвела и на этот раз: все пули точно легли в цель, поразив не только обладателя включившегося мобильника, но и его ближайшего соседа. Однако для всех остальных стрелков, притаившихся в роще, это стало сигналом к началу атаки. И в следующий миг шоссе огласилось раскатами грома – это одновременно заработали десяток «беретт». Шквал огня обрушился на все три автомобиля, однако первому из них

повезло больше всего: благодаря вовремя включенному форсажу он резко рванул вперед, сумел стремительно миновать зону интенсивного обстрела и очень быстро скрылся за поворотом.

Судя по тому, что произошло дальше, противная сторона была готова к такому повороту событий. Именно этим можно было объяснить то, что едва первый атакованный автомобиль скрылся за поворотом, как с проселочной дороги за ним в погоню рванул один из автомобилей нападавших с тремя стрелками. Ведь главной целью последних было не допустить прорыва казал-ди-принципцев в Аурунку. Однако удача в те часы была явно на стороне Чиро Троппони. Едва он увидел за своей машиной погоню, как предпринял отчаянный шаг. Открыв дверцу, он высунулся в открытое окно и, буквально повиснув на дверце, стал стрелять по колесам преследующего их автомобиля. Одна из пуль достигла своей цели, пробив правое переднее колесо, после чего автомобиль преследователей на полной скорости вылетел в кювет и, перевернувшись несколько раз, упал на крышу. Последнего Траппони уже не видел, поскольку залез обратно в салон и бросил опустошенный до последнего патрона пистолет на переднюю панель автомобиля. Перезаряжать его заново пока не было никакой надобности, поскольку дорога за ними была совершенно пуста, а это означало, что преследование прекратилось.

Короче, этим четверым в ту ночь здорово повезло. Чего нельзя было сказать об остальных восьми казал-ди-принципах, находившихся в двух других автомобилях. Их водители были застигнуты врасплох и пали от первых же выпущенных пуль. После этого оба автомобиля съехали в кювет, где тут же стали легкой добычей для стрелков. Встав в полный рост, они стали приближаться к автомобилям, не сбавляя интенсивности стрельбы и не давая противной стороне не то что опомниться, но даже извлечь на свет свое оружие. Впрочем, все восемь расстреливаемых в упор мафиози из клана Кармине Кампо были вооружены всего лишь пистолетами, а так необходимые им в этот момент автоматы лежали в багажниках, поскольку никто из казал-ди-принципцев не мог предположить, что угодит в засаду. Поэтому схватка была похожа на обыкновенную бойню, когда вооруженные до зубов стрелки без всякого опасения быть атакованными с противоположной стороны в упор поливают

автоматным огнем своих врагов, наспиговывая их тела раскаленным свинцом.

Этот огненный смерч длился несколько минут, после чего все стихло так же внезапно, как и началось. Трупы в машинах лежали вповалку друг на друге, поэтому была вероятность того, что кто-то из них может остаться в живых. Но нападавшие учли и это. Из их рядов отделились два человека, которые извлекли на свет пистолеты и, распахнув дверцы изрешеченных как дуршлаг автомобилей, принялись методично добивать пассажиров контрольными выстрелами в голову. Эта экзекуция заняла всего лишь пару минут. Еще одна минута понадобилась на внутренние разборки.

Один из киллеров подошел к лежащему на земле стрелку, чей мобильник так не вовремя включился в звенящей ночной тишине. Стрелок был еще жив, раненый в плечо и руку. По сути, его раны были несмертельны, в отличие от его напарника, который перед началом атаки занял место справа от него: пуля, выпущенная из головного автомобиля, угодила ему точно в голову. Однако спасти жизнь раненого никто из присутствующих не собирался. Согласно жестоким законам каморры, любой член мафиозной семьи, повинный в смерти своих товарищей или поставивший их жизни под угрозу, должен был заплатить за это собственной жизнью. Поэтому минуты, отведенные судьбой раненому, длились недолго – ровно до того момента, когда были уничтожены пассажиры двух автомобилей. После чего один из киллеров с таким же хладнокровием, с каким он добивал раненых казал-ди-принципцев, выстрелил в голову раненому товарищу, давая тем самым всем присутствующим наглядный урок того, чем чревата для них любая оплошность, подобная той, что произошла несколько минут назад.

После этого люди из клана Чезаре Грицальди по прозвищу Беспалый положили в багажники своих автомобилей трупы двух погибших реджиме и уже спустя минуту покинули место бойни. Им еще предстояло забрать своих раненых товарищей, для которых так неудачно закончилась погоня за головным автомобилем казал-ди-принципцев.

Пьетро Монти, известный своим друзьям как инструктор одного из фитнес-клубов Сессы Аурунки и совершенно неизвестный этим же

друзьям как жестокий серийный маньяк, вот уже более полугода орудовавший в окрестностях их города, занял удобное место возле одной из касс на железнодорожной станции. Подперев спиной металлический поручень, Монти встал как раз в нескольких шагах от окошка кассы, с тем чтобы ему были слышны названия тех пунктов назначения, до которых брали билеты симпатичные сеньоры и сеньориты, которые в этот поздний вечер собирались покинуть город, где он родился и жил вот уже без малого три десятка лет. Чтобы не привлекать к себе большого внимания, Монти запасся газетой, которую он теперь специально раскрыл, делая вид, что увлеченно читает. Причем на одной из тех страниц, которые он открыл, была помещена статья, где речь шла о том самом маньяке, под личиной которого скрывался Монти. Местная журналистка Лаура Грилло весьма точно уловила мотив, который двигал безжалостным убийцей – ненависть к женщинам. Не знала журналистка лишь одного – кто именно пробудил в маньяке это чувство. Это была бывшая жена Монти, которая ушла от него семь месяцев назад, обозвав на прощание импотентом. Знай она тогда, что эта, брошенная в сердцах фраза, родит на свет жестокого убийцу и будет стоять жизни восьми молодым женщинам, наверняка бы сто раз подумала, прежде чем ее произнести. Однако сам Монти был глубоко благодарен своей бывшей за эту фразу, поскольку быть убийцей ему... жутко понравилось. Он внезапно раскрыл в себе доселе дремавшие инстинкты, которые наполнили его жизнь новым содержанием. Охота на одиноких красивых женщин настолько захватила его, что отныне он просто не мыслил своего существования без этого. Иной раз он даже удивлялся, как он жил без всего этого долгие годы, довольствуясь скучным сексом с женой или с некоторыми из своих клиенток в фитнес-клубе.

Статью в газете Монти прочитал еще дома, причем сделал это трижды, внимательно вчитываясь в каждое слово, пытаясь таким образом понять, на какой стадии находится расследование по тем восьми убийствам, которые он совершил. Как он понял, ничего нового полицейские так и не нарыли. Слишком мало улик было собрано, поскольку Монти, выходя каждый раз на дело, тщательно готовился к своим преступлениям. Совершал он их обычно поздними вечерами, подсаживая к себе в машины на малолюдных участках шоссе одиноких попутчиц. По дороге делал неожиданную остановку,

во время которой накидывал на жертву удавку и слегка придушивал. После чего увозил бесчувственную женщину в лес, где в течение нескольких часов глумился над жертвой, претворяя в жизнь свои самые изощренные сексуальные фантазии. Особое удовольствие он получал от рыданий и стенаний несчастных, которые ради того, чтобы остаться в живых, готовы были на все что угодно. Но Монти никого не щадил, невзирая ни на какие мольбы о пощаде. Он слишком сильно ненавидел женщин, чтобы поддаваться на их слезные стенания. Вот почему он мысленно воздал должное проницательности журналистки, озаглавившей свою статью весьма коротко и лаконично: «Дорожный маньяк, ненавидящий женщин».

Последнее свое убийство Монти совершил более месяца назад. Это было его отличительной чертой – совершать преступление раз в месяц. Этого времени ему вполне хватало для того, чтобы достаточно отдохнуть и быть готовым к новой охоте. Однако неделю назад, накануне его очередной вылазки, в его планы внезапно вмешался случай. Утром того дня, направляясь на работу, он угодили в автомобильную аварию, столкнувшись с «Ниссаном» недалеко от собора Гаета. Никто из людей в этом столкновении не пострадал, чего нельзя было сказать об автомобилях: оба они получили серьезные повреждения. Так, у «Тойоты» Монти было сильно повреждено левое крыло, разбит подфарник, сильно помята дверца. В автомастерской, куда Монти отогнал своего «железного коня», ему объявили срок на починку – две недели. В итоге половину этого срока Монти еще смог выдержать без кровавой охоты, но на большее его сил не хватило. И вот тогда он вспомнил о другом виде транспорта – железнодорожном. Ведь ничто не мешало ему расширить ареал своей охоты, убив тем самым сразу двух зайцев: во-первых, сбить с толку полицейских и карабинеров, которые разыскивают маньяка, разъезжающего на автотранспорте в пределах трассы от Капуи до Сессы Аурунки, во-вторых, открыть новый маршрут охоты, внеся в нее новые впечатления. Вот почему в этот вечер он оказался на железнодорожной станции родного городка – чтобы подыскать здесь очередную жертву.

Поезда в сторону Рима двигались с интервалом в двадцать минут, однако пассажиров в тот вечер было немного. А красивых одиноких женщин, которые могли бы прийтись по вкусу Монти, и вовсе не было. Во всяком случае, в те полчаса, что он стоял возле окошка кассы.

Однако покидать свой пост маньяк не собирался, почему-то уверенный, что ему все-таки повезет. И он не ошибся.

В тот самый миг, когда он перелистывал газету, в станционный зальчик стремительно вошла эффектная женщина в светлом брючном костюме и с такого же цвета сумочкой, перекинутой через плечо. Поначалу она остановилась возле автомата по продаже билетов, но, увидев, что тот не работает, направилась к тому самому окошку кассы, возле которого стоял Монти. Это была Стефания Манчини.

К железнодорожному вокзалу они с Корецким подъехали десять минут назад. В течение какого-то времени изучали расписание движения поездов до Рима. Как выяснилось, в течение ближайшего получаса через Сессу Аурунку должны были проследовать два поезда: через пятнадцать минут – «Трено раджионале» (поезд регионального сообщения, курсировавший между двумя регионами – Кампанией и Лацио), через полчаса – экспресс «Интерсити».

– Предлагаю ехать на последнем, пусть по цене и дороже, зато быстро и с комфортом, – предложила Стефания.

– А чем вас не устраивает поезд, который придет раньше? – спросил Корецкий.

– В региональных поездах в такое время суток ездить опасно – всякий сброд попадается.

– Вы полагаете, что тот сброд, который, возможно, гонится за нами, менее опасный? – усмехнулся Корецкий. – Я думаю, как раз наоборот. Поэтому предлагаю ехать первым же поездом, чтобы не терять времени даром.

На том и порешили. Причем в билетную кассу выпало идти Стефании, а ее спутник остался снаружи, чтобы через вокзальное окно внимательно изучить пассажирский контингент. У него было опасение, что преследователи могли достичь вокзала раньше них и устроить здесь засаду.

Одинокое стоявшего мужчину с газетой в руках Корецкий заметил практически сразу. От бдительного ока спецназовца не могло укрыться то, как владелец газеты косит взглядом в сторону Стефании, которая склонилась над билетным окошком. Конечно, этот взгляд можно было расценить всего лишь как естественный: редкий мужчина смог бы остаться равнодушным к округлым формам бывшей журналистки. Однако, учитывая ситуацию, в которой оказались Корецкий и его

спутница, любая подозрительная деталь должна была трактоваться как настораживающая. Вот Корецкий и насторожился. Поэтому, когда Стефания вышла на платформу, он успел бросить ей всего одну фразу:

– Идите в голову состава и садитесь в поезд одна, а я догоню вас в вагоне.

Привыкшая за эти несколько часов во всем доверять своему спутнику, женщина не стала задавать лишних вопросов и отправилась в начало платформы. А Корецкий остался стоять у окна. Он видел, как незнакомец с газетой, сразу после того как Стефания отошла от кассы, склонился над окошком и тоже приобрел билет на поезд. После чего последние сомнения Корецкого рассеялись: незнакомец явно обратил внимание на бывшую журналистку. Однако мотив этого интереса спецназовец все еще не понимал. Ведь если он принадлежал к числу их возможных преследователей, то почему он действовал один? Вряд ли каморра решилась бы отправить в столь опасную поездку одного своего солдата. Или это вовсе не солдат, а всего лишь обычный ловелас, решивший скрасить себе вечер знакомством с одинокой красавицей-брюнеткой? В любом случае Корецкому предстояло лично проверить обе эти версии.

Тем временем Монти вышел на платформу и взглядом стал искать свою жертву. Найдя ее в начале платформы, он удивился тому, что она одна. Ведь он ясно слышал, как она покупала в кассе два билета до Латины. «Может быть, ее второй попутчик или попутчица должны подойти чуть позже, непосредственно к прибытию поезда?» – подумал Монти. Между тем ему даже в голову не пришло, что этот попутчик сейчас стоит за его спиной и, делая вид, что смотрит внутрь вокзала, на самом деле внимательно следит за его отражением в оконном стекле. Вскоре это отражение начало удаляться: Монти стал перемещаться поближе к своей жертве. Что касается Корецкого, то он остался стоять на месте, однако взгляда с незнакомца не спускал, готовый в любую минуту броситься на помощь спутнице, если бы возникла такая необходимость. Однако в действиях незнакомца пока не было никакой угрозы. Не доходя двух десятков шагов до женщины, он остановился под фонарем и вновь извлек на свет свою газету. Однако углубиться в чтение не успел: в следующую минуту к платформе прибыл долгожданный поезд.

Спустя минуту Стефания вошла в вагон через головную дверь, а незнакомец через соседнюю. Корецкий вбежал в поезд спустя несколько секунд, причем в ту же самую дверь, что и подозрительный субъект. Мужчины столкнулись лицом к лицу в широком тамбуре, незнакомец стоял в углу и, поднеся зажигалку к лицу, прикуривал сигарету. Встретившись с ним взглядом, Корецкий не заметил в нем никакой угрозы, поэтому несколько успокоился. Войдя в вагон, который в столь позднее время был почти пуст, он взглядом нашел сидящую у окна Стефанию. Вскоре он сел рядом, причем на то место, с которого была видна дверь, за которой остался незнакомец. Все-таки остатки сомнения относительно его личности в Корецком продолжали жить.

– Что выявила ваша конспирация? – спросила Стефания, едва ее попутчик примостился подле нее.

– Кажется, нам удалось опередить наших возможных преследователей, – ответил Корецкий, переведя взгляд с двери на свою спутницу. – Не хотите внести ясность относительно человека, которого мы собираемся навестить?

– Хочу, тем более что этот разговор поможет скрасить наше путешествие. Этого человека зовут Беппе Бальдрини – он бывший сенатор итальянского парламента времен второго премьерства Джулио Амато. Оно началось в апреле 2000 года, а спустя два месяца в Риме бесследно исчезла та самая американка, которая вас интересует, – Джулия Макмерфи, дочь бывшего американского сенатора. Как вы знаете, я собиралась провести журналистское расследование по факту этого исчезновения, а помогать мне в этом должен был Беппе Бальдрини.

– Почему именно он?

– Мы были знакомы еще по тем временам, когда он работал в Министерстве внутренних дел, он иногда подбрасывал мне интересные темы для заметок. Потом он стал сенатором, но наши деловые отношения не прерывались, поскольку в МВД у него остались обширные связи. Поэтому, когда произошло это громкое исчезновение, я, естественно, снова обратилась к нему.

В это время поезд наконец тронулся с места и за окном медленно поплыли огни железнодорожной станции. В этот миг Корецкий мысленно поблагодарил Всевышнего за то, что тот помог им

оторваться от возможной погони и без всяких приключений добраться сначала до Сессы Аурунки, а уже отсюда взять курс на Латину. Если все и дальше будет развиваться по такому же сценарию, то спустя несколько часов они смогут быть в полной безопасности, спрятавшись под крышей российского посольства в Риме.

Однако Корецкий даже не мог себе представить, сколь самонадеян он был в своих мечтаниях. Во-первых, из тамбура за ними внимательно наблюдал Пьетро Монти, который только ждал удобного момента, чтобы заманить в свои сети попутчицу Корецкого. Во-вторых, в тот момент, когда поезд едва отошел от аурунского вокзала, туда прибыла группа Чиро Троппони. Последний, проводив взглядом хвост уходящего поезда, побежал в вокзальную кассу, где за стойкой сидела дородная синьора, которая уже упаковывала свою сумочку, с тем чтобы спустя пять минут закрыть кассу и отправиться домой. Но прежде чем она это сделала, ей пришлось пообщаться с Троппони.

— Бонасэра, синьора. Я ищу свою жену, которая полчаса назад ушла из дома и должна была уехать с вашего вокзала вместе со своим любовником, — стараясь придать своему голосу печальный оттенок, обратился к билетерше мафиози. — Эта гадина наплевала не только на меня, но и на двоих наших детей.

— Как выглядит ваша жена? — подняла сочувственный взгляд на несчастного мужа билетерша.

— Невысокая, но весьма привлекательная брюнетка.

— В светлом брючном костюме?

— Совершенно верно.

— Несколько минут назад она купила два билета до Латины.

— Спасибо, синьора, господь оплатит вам за вашу доброту, — расплываясь в улыбке, поблагодарил женщину Троппони, а уже спустя несколько минут вместе со своими компаньонами вновь был в автомобиле, чтобы взять курс на Латину и уже там, наконец, настигнуть беглецов.

А они между тем продолжали пребывать в полной уверенности, что все их несчастья остались позади. И продолжали свой разговор о судьбе юной американки.

— Спустя несколько дней после исчезновения девушки Бальдрини сообщил мне, что след ведет к албанской мафии, которая занимается в том числе и нелегальной проституцией, поставляя юных дев в

различные бордели Европы, – продолжила свой рассказ Стефания. – Эти сведения сенатору сообщил один из его тайных информаторов в уголовной среде. Бальдрини предложил мне начать серию разоблачительных статей, посвященных албанской мафии, видимо, имея в виду свои личные интересы.

– Какие именно? – поинтересовался Корецкий.

– За албанцами стояли влиятельные политики из стана врагов премьера Амато, поэтому эту историю можно было использовать как повод для их дискредитации. После того как Бальдрини дал мне гарантии безопасности, я взялась за публикацию этих статей. Первая из них вышла в первой половине июня, но потом дело застопорилось.

– Почему?

– В дело вмешались куда более влиятельные силы. Настолько влиятельные, что даже Бальдрини испугался. А я его видела в разных состояниях, но таким испуганным – еще никогда. Он и меня сумел заразить этим страхом и уговорил не только прекратить публикации статей, но и вообще уехать из Рима. В противном случае, заявил он, никто бы не дал за наши жизни и ломаного гроша.

– Все действительно было настолько серьезно?

– А как вы думаете, если за ворота дома Бальдрини кто-то подбросил отрезанную голову его тайного информатора? Следующими головами должны были стать наши.

– Шантажистами были албанцы?

– Они были мелкими сошками. А вот те, кто стоял за ними...

Здесь Стефания взяла паузу в разговоре. Корецкий понял, что былые страхи, которые она испытала более десяти лет назад, вновь всколыхнулись в ней с новой силой. Надо было дать ей прийти в себя, после чего попытаться вернуть к прежней нити разговора. Но Стефания сама первой нарушила тишину:

– За албанцами стояли американцы – ЦРУ. Об этом мне сообщил Бальдрини во время нашего последнего разговора. Сделал он это после того, как я попыталась уговорить его не бросать начатое дело. А когда он отказался, пригрозила ему, что сделаю это одна. Вот тогда в нашем разговоре и всплыло ЦРУ. А бросать вызов американцам было смерти подобно. Тем более тогда. Всего лишь год назад наше правительство поддержало натовские бомбардировки Югославии и это при том, что в премьерах у нас ходил Массимо д'Алема, который был первым нашим

премьером, который ранее состоял в рядах компартии. Наши власти в то время строго двигались в американском фарватере, поэтому разоблачение ЦРУ никто бы у нас не поддержал – себе дороже.

– Даже если речь шла о пропавшей дочери американского сенатора?

– Не забывайте, что это был бывший американский сенатор, да еще республиканец. А у власти в США тогда был демократ Билл Клинтон.

– Но с подмоченной репутацией, – напомнил Корецкий своей попутчице историю с Моникой Левински, после которой Клинтон едва не угодил под импичмент.

– Репутация репутацией, но до президентских выборов было еще полгода. Поэтому я не стала больше спорить с Бальдрини и переехала в Кампанию, чтобы не подвергать опасности ни его жизнь, ни свою.

– Кстати, на тех выборах в Америке победили республиканцы. На волне этого успеха бывший сенатор не пытался возобновить поиски своей дочери?

– Насколько я знаю, пытался. Но толку было никакого, поскольку ЦРУ умеет прятать концы в воду.

– Если это так, тогда зачем мы едем к Бальдрини?

– Именно он знает всю подоплеку этой истории и участия в ней ЦРУ.

– Это я понимаю, но согласится ли он эту подоплеку нам открыть?

– Думаю, что такой шанс у нас есть. Вернее, у вас, Лео.

– Объясните.

– Дело в том, что Бальдрини с середины 90-х состоит в блоке «Вперед, Италия», лидером которого является Сильвио Берлускони. А тот, как известно, сегодня является лучшим другом вашего нынешнего президента и имеет большой вес в итальянской политике. Вот я и думаю, что учитывая этот факт, а также сегодняшние непростые отношения Италии и Америки, можно предположить, что у Бальдрини есть веские причины помочь ведомству, которое вы представляете. Ведь из него же, насколько я знаю, вышел и ваш президент?

Корецкий не стал отвечать на последний вопрос, сопроводив свое молчание улыбкой, которая объясняла все без лишних слов. Если бы в этот момент они оба посмотрели в окно, то увидели бы, как по шоссе дорожке, идущей вдоль железнодорожного полотна, на

полной скорости мчится «Фиат» с четырьмя пассажирами в салоне. Это были не кто иные, как люди главаря казал-ди-принципской каморры Кармине Кампо – Чиро Траппони и его подельники. Пользуясь тем, что поезда «Трено реджионале» кланяются каждому столбу – делают остановки на всех станциях, – преследователи довольно легко нагнали электричку и рассчитывали на то, что на ближайшей же станции, в городе Приверно, им удастся перехватить беглецов. Однако вскоре выяснилось, что бензин в баке их «Фиата» уже на исходе, поэтому шансов на то, что автомобиль дотянет до ближайшей станции раньше поезда, было немного. Требовалось срочно что-то придумать, причем нечто неординарное. И тогда в голову Траппони пришла идея, которую можно было смело назвать сумасшедшей. Но в создавшейся ситуации только она могла предоставить преследователям возможность задержать беглецов.

– Паскуале, ты можешь подобраться к поезду максимально близко? – спросил Траппони у водителя.

– Нет проблем, но зачем? – ответил бывший гонщик, который на разного рода соревнованиях проделывал и не такие виражи.

– Хочу высадить ребят прямо на поезд, – и Траппони обернулся в сторону двух своих подельников, сидевших на заднем сиденье. – Поняли, что от вас требуется? Поскольку до станции наш «Фиат» может не дотянуть, вам надо оказаться в электричке и задержать этого русского ублюдка и его шлюху. Только будьте осторожны: этот парень очень опасен.

– Этот бастарда опасен для любого, но не для меня, – ответил мафиози, правую щеку которого украшал огромный шрам.

Достав из подмышечной кобуры пистолет, он снял его с предохранителя, после чего до упора опустил оконное стекло. Теперь Паскуале требовалось максимально близко приблизить «Фиат» к хвосту поезда.

О том, что преследователи находятся всего лишь в нескольких десятках метрах от них, беглецы даже не догадывались. В тот момент, когда Паскуале Аквила, выжимая из «Фиата» последние силы, пытался сблизиться с хвостовым вагоном поезда, Стефания решила воспользоваться возникшей в разговоре паузой в личных целях: ей понадобилось отлучиться в туалетную комнату, которая находилась в ближайшем тамбуре. В том самом, где, как помнил Корецкий, должен

был находиться незнакомец, который вызвал у него подозрения. Памятуя об этом, спецназовец попросил свою спутницу подождать несколько секунд, пока он проверит тамбур. Стефания удивилась этой просьбе (она ведь полагала, что все худшее уже позади), однако сочла за благо довериться своему спутнику. Ее ожидание и в самом деле длилось недолго – примерно полминуты, которые понадобились Корецкому, чтобы выйти в тамбур и убедиться в том, что он абсолютно пуст. После чего он вернулся на свое место, а Стефания безбоязненно уединилась в туалетной комнате.

Между тем, едва дверь за женщиной закрылась, в тамбуре вновь объявился Пьетро Монти. Все это время он внимательно следил за разговором своей жертвы с попутчиком, а как только женщина поднялась со своего места, чтобы посетить туалет, он ушел в соседний вагон. Выждав там некоторое время, он вновь вернулся в тамбур. На его удачу, он был пуст: деликатный спутник его жертвы решил дожидаться ее не в тамбуре, а внутри вагона. Воздав хвалу Всевышнему за столь удачное развитие событий, Монти достал из кармана железнодорожный ключ, который кондукторы используют для того, чтобы закрывать и открывать вагонные двери. Этот ключ он похитил несколько дней назад у своего знакомого железнодорожника, после того как у него созрела идея перенести свою кровавую охоту с автотрасс на железнодорожный транспорт. На руку Монти сыграло и то, что жертва выбрала региональный поезд, где в туалетах были не электронные замки, а механические. Именно на такие и был рассчитан похищенный им ключ.

В тот момент, когда Монти молниеносно открыл туалетную дверь и ворвался внутрь помещения, Стефания стояла возле умывальника и приводила себя в порядок. Внезапное появление незнакомца с безумным взглядом настолько ее ошеломило, что она буквально оцепенела. Это секундное замешательство сыграло на руку маньяку. Закрыв дверь, он выхватил из кармана выкидной нож и, приставив его к горлу женщины, произнес:

– Издашь хотя бы один звук – и ты труп!

В подтверждение своих слов Монти прикоснулся холодным лезвием к нежной коже своей жертвы, давая понять, что он и в самом деле готов к самым решительным действиям. После этого он рывком развернул оцепеневшую от ужаса женщину к себе спиной. Положив

нож на умывальник, он достал из кармана удавку, с помощью которой обычно придушивал свои жертвы, доводя их до бессознательного состояния. Еще секунда – и эта удавка захлестнула бы шею несчастной. Но случилось неожиданное. Поезд сильно качнуло и маньяк вместе с жертвой, потеряв равновесие, ударились о ближнюю стенку. Этот удар наконец вывел Стефанию из ступора, и она начала активно сопротивляться. Развернувшись лицом к маньяку, она одной рукой вцепилась ему в волосы, а другой будто гребенкой начала царапать ему лицо, наплевав на то, что четыре дня назад ее личный стилист нарастил ей ногти с потрясающим рисунком. Теперь эти изящные ноготки начали ломаться, глубоко врезаясь в кожу маньяка.

Безумная боль, пронзившая Монти, на какое-то мгновение ввергла его в смятение, но длилось это недолго. Затем маньяк нанес своей жертве удар кулаком в грудь, который отбросил женщину к задней стенке туалета. Следующим движением Монти хотел схватить с умывальника нож, но его там не оказалось: в момент качки тот упал на пол. Маньяк нагнулся за ним и тут же получил сильный удар ногой в плечо от своей жертвы. Учитывая то, что на ее ногах были туфли на шпильках, удар получился более чем болезненным – шпилька на несколько сантиметров впиалась в плечо нападавшего, пробив рубашку вместе с живой плотью. Из раны тут же брызнула кровь. Отброшенный ударом ноги назад, Монти завалился на пол.

Воспользовавшись этим, Стефания бросилась к двери и повернула ручку замка в сторону. Но в тесном пространстве туалетной комнаты двум людям разминуться было крайне сложно. Уже через секунду Монти снова был на ногах и, схватив жертву за волосы, отбросил ее от двери. В его руках снова был нож, которым он намеревался разделаться с женщиной, которая оказалась слишком крепким орешком, чтобы справиться с ней с помощью одной лишь удавки. Прочитав в глазах маньяка смертный приговор себе, Стефания инстинктивно закрыла лицо согнутой в локте рукой. А Монти отделяла секунда от того момента, когда он должен был нанести удар ножом в грудь своей жертве. Но смертельного выпада не последовало.

Дверь в туалет внезапно раскрылась, и на пороге возник Корецкий. Одного взгляда на происходящее ему хватило для того, чтобы понять, как действовать. Резким движением руки он схватил маньяка за воротник и буквально выбросил его в тамбур. Монти

отлетел в дальний угол, но ножа из рук не выронил, продолжая держать его впереди себя. Воспользовавшись тем, что его противник замешкался у туалета для оценки состояния своей спутницы, Монти вскочил на ноги и бросился в атаку. Но Корецкий уже успел встретить его во всеоружии. Выставив вперед руку, он отбил удар ножа, направленный ему в грудь, а ударом свободной руки заставил нападавшего отлететь в противоположный угол тамбура. Устояв на ногах, Монти изменил тактику – стал размахивать ножом в разные стороны, не давая противнику поймать его очередным приемом. Корецкому пришлось отступить, чтобы не попасть под рассекающие взмахи клинка. Но это было временное отступление. Через какое-то время он сумел перехватить запястье противника левой рукой, а локтем правой руки прижал его к стенке тамбура. Началась молчаливая борьба, в процессе которой каждый из мужчин по достоинству оценил физические кондиции противника: оба по многу часов проводили в спортзале. Однако преимущество все же было за Корецким: он не только «качался», но еще занимался и рукопашным боем.

Это преимущество стало ощутимым уже спустя несколько секунд, когда спецназовец включил в дело не только руки, но и ноги, решив применить против соперника стиль винь-чун, «липкие руки», предназначенный как раз для ближнего боя. В следующую секунду резкий удар ногой по колену заставил Монти согнуться и ослабить хватку, после чего Корецкий провел несколько ударов кулаком на верхнем уровне, целясь в голову. Удары достигли своей цели, после чего Монти выпустил из рук нож и упал на пол тамбура. Но он еще сохранял способность сопротивляться и даже сделал попытку резко вскочить на ноги. Однако Корецкий ждал этого. В тот момент, когда противник начал подниматься, спецназовец резко выбросил вперед правую ногу и впечатал каблук своего ботинка точно в лоб Монти. Удар был настолько сильным, что тело маньяка откинулось назад, и он со всего размаха ударился затылком о закрытую дверь тамбура. Корецкий слышал характерный хруст – так обычно ломаются шейные позвонки. Натренированное тело Монти будто тюфяк рухнуло на пол, чтобы никогда больше не подняться.

В тот самый момент, когда Монти испустил дух, Паскуале Аквила пристроил, наконец, «Фиат» к хвосту поезда, и мафиози со шрамом с

одного выстрела разбил стекло у тамбурной двери. После этого, открыв дверцу автомобиля, он ловко заскочил на подножку поезда, а руками ухватился за раму, в которой всего минуту назад было стекло. С помощью рукоятки пистолета он расчистил раму от остатков стекла, после чего перебросил свое тело в тамбур. Следом то же самое проделал и его не менее ловкий напарник. Глядя на то, как лихо они это сделали, Траппони поймал себя на мысли, что таким ловкачам вполне по силам справиться с этим опасным русским.

Преследователей и беглецов отделяло друг от друга всего лишь несколько десятков метров – один вагон бегущего в ночи поезда. В тот момент, когда мафиози выходили из тамбура и начали движение по направлению к беглецам, Корецкий оттащил тело Монти в передний вагон и усадил его у окна, придав ему позу спящего. Стефания стояла поблизости, у дверей, и полными ужаса глазами наблюдала за действиями своего спутника. Закончив с Монти, Корецкий взял женщину за руку и повел ее вперед, в соседний вагон. По дороге он задал ей всего лишь один вопрос:

– Как скоро мы будем в Латине?

Помня о том, что последней станцией, которую они проехали, была Монти сан Биаджо, Стефания сообщила:

– Еще три остановки, это минут двадцать.

Они зашли в тамбур и Корецкий, плотно закрыв дверь, бросил взгляд назад. Ему хотелось удостовериться, что никто из немногочисленных пассажиров, сидевших в вагоне, не заподозрил в их действиях ничего предосудительного. Пассажиры и в самом деле вели себя вполне естественно: кто-то дремал, кто-то смотрел в окно, а юноша, сидевший на ближайшем к дверям сиденье, мерно покачивал головой в такт мелодии, которая звучала в воткнутых в его уши наушниках. Корецкий готов был уже вновь повернуться лицом к своей спутнице, когда из дальних дверей в вагон вошли двое мужчин. По их сумрачным и сосредоточенным лицам, а также по глазам, которые буквально рыскали по вагону, Корецкий сразу определил, что эти люди кого-то ищут. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять кого именно, тем более что в руках одного из мужчин был смартфон, с дисплея которого он явно что-то высматривал, вглядываясь в лица пассажиров. Корецкий догадался, что на дисплее могут быть домашние фотографии Стефании, а также его фото с международных

водительских прав, которые он предъявил сегодня в автопрокатной компании в аэропорту Неаполя.

Взяв женщину за руку, Корецкий завел ее в туалетную комнату, которая в этот момент оказалась свободной, и произнес:

– Кажется, у нас очередные гости. Пока я буду их встречать, закройте на замок и сидите тихо, словно мышь.

Сказав это, Корецкий захлопнул дверь и извлек из бокового кармана своего пиджака тот самый железнодорожный ключ, который он подобрал на полу в тамбуре после драки с Монти. Этот предмет мог ему теперь здорово пригодиться, поскольку другого оружия у него под рукой не было.

Когда мафиози зашли тамбур, они увидели в углу у двери сидящего на корточках мужчину, который спал, уронив голову на грудь. Голова покачивалась из стороны в сторону в такт движению поезда. Жестом указав на него, мафиози со шрамом сказал своему компаньону:

– Проверь этого засранца, – сам же продолжил движение вперед. Это была роковая ошибка мафиози.

Едва его напарник приблизился к спящему и ткнул его ботинком, как тот резким движением руки с зажатым в ней ключом ударил его по колену. Мафиози согнулся от боли, а Корецкий, вскочив на ноги, все тем же ключом ударил противника в голову. Мафиози как подкошенный рухнул на пол.

Услышав шум, его напарник вбежал обратно в тамбур в тот самый миг, когда Корецкий поворачивался к нему лицом. В следующее мгновение мафиози одним движением выхватил из подмышечной кобуры свою «beretta», однако выстрелить в противника не успел. Тот отвел руку с пистолетом в сторону, и пуля, выпущенная из ствола, ударилась в дверное стекло, разбив его на мелкие куски. Второй выстрел мафиози произвести не успел. Одним ловким движением Корецкий выбил из пистолета магазин с патронами и тот с грохотом упал на пол. С этого момента мафиози не мог больше стрелять и угрожать убийством не только Корецкому, но и любому из пассажиров поезда. Однако пистолет по-прежнему был у него в руке и продолжал представлять собой грозное оружие, уже не стреляющее, а бьющее. Схватив его за дуло, мафиози попытался нанести им удар в голову Корецкому, но тот вовремя отскочил в сторону. А когда противник

снова бросился на него, орудуя пистолетом как молотком, спецназовец перехватил его руку и, сделав подсечку, опрокинул мафиози на пол. Не давая ему опомниться, Корецкий упал на колени и сделал попытку захватить шею противника в стальной зажим. Но мафиози как будто ждал этого. Резким движением согнутого локтя он нанес удар Корецкому в живот, после чего тот ослабил хватку. Мафиози вскочил на ноги и уже сам перешел в атаку – провел серию молниеносных ударов, целясь в голову Корецкому все тем же пистолетом, схваченным за дуло. Отводя эти удары, Корецкий пятился назад, но затем резким выбросом ноги вперед отбросил противника назад, к разбитому окну. Удар был настолько сильным, что дверь содрогнулась от грохота, а рука, державшая пистолет, разжалась, и «beretta» упала на пол. Там же давно лежал и железнодорожный ключ Корецкого, который он выронил из рук в самом начале поединка. С этого момента оба противника стояли друг против друга безоружные.

Первым возобновил атаку мафиози. Сжав кулак, он попытался нанести им удар, целясь точно в голову противника. Корецкий поймал кулак в свою ладонь, как в ловушку, сделал шаг в сторону и свободной рукой нанес снизу мощный удар уже своим кулаком в прямой локоть противника. После этого локоть сломался. Мафиози взревел от боли, и его правая рука повисла как плеть. Не давая ему опомниться, Корецкий схватил его за ворот рубахи и, развернув на сто восемьдесят градусов, направил головой в тот самый створ двери, в котором пуля выбила стекло. Мафиози пытался защититься, выставив вперед здоровую левую руку, но сила толчка была столь сильна, что в результате и эта рука оказалась сломана, резко наткнувшись на металлическую дверь. Следующим движением Корецкий подхватил мафиози за ноги и выбросил его из бегущего по рельсам поезда в ночную мглу.

Проводив коротким взглядом кувыркающееся по откосу тело бандита, Корецкий повернулся и... едва не угодил под удар рукояткой пистолета, который сжимал в руках тот самый мафиози, которого он вырубил первым. Теперь тот очнулся, вскочил на ноги и собирался обрушить рукоять своего пистолета на затылок спецназовца, но само Провидение оказалось на стороне последнего: он повернулся лицом к нападающему на сотую долю секунды раньше, чем последовал удар. В следующий миг Корецкий провел болевой прием: выбил оружие из рук нападавшего и попытался нанести ему удар кулаком в лицо. Но

мафиози перехватил его руку и, действуя как заправский самбист, сделал шаг в сторону и, выставив ногу, резким рывком переброшил через нее Корецкого. Тот рухнул на пол, а мафиози оказался у него за спиной и заключил его шею в такой стальной зажим, что у спецназовца перехватило дыхание. Он попытался отбиться локтями, но накачанный пресс мафиози выдержал эти удары, а хватка его так и не ослабла. Темные круги поплыли у Корецкого перед глазами, и он начал медленно оседать на пол. Как вдруг хватка противника ослабла, а в следующее мгновение он и вовсе рухнул к ногам спецназовца. Обернувшись назад, Корецкий увидел Стефанию, которая с застывшим от ужаса лицом сжимала в руках пистолет, которым она секунду назад воспользовалась как молотком – обрушила его на затылок мафиози.

Потирая шею, Корецкий поднялся на ноги и забрал у женщины оружие. И только после этого произнес слова благодарности:

– Спасибо, донна Стефания, вы очень вовремя решили перестать быть тихой мышью.

После этих слов окаменевшее лицо женщины вновь стало подвижным и по ее губам пробежало нечто вроде улыбки. Но Корецкий этого не увидел: в это время он выбрасывал тело второго мафиози в разбитое окно тамбурной двери. Туда же было выброшено и оружие бандитов. Когда все это было сделано, спецназовец и его попутчица вернулись в вагон, где никто из пассажиров даже не догадывался о том, что всего лишь несколько минут назад эти двое вели в соседнем тамбуре жестокий поединок не на жизнь, а на смерть.

Всего этого не могли знать и двое других мафиози – Чиро Траппони и Паскуале Аквила. Их «Фиат» заглох в паре километров от города Приверно в тот момент, когда туда подъезжал поезд с беглецами. Мафиози пришлось вручную толкать автомобиль почти целый километр, прежде чем они достигли наконец заправочной станции, работавшей круглосуточно. В их сердцах теплилась надежда, что два их компаньона, высаженные на ходу из «Фиата» в движущийся поезд, оказались проворнее своих беглецов и теперь вместе с ними дожидаются их на станции Приверно. Однако когда Траппони и Аквила туда наконец приехали, станционная платформа оказалась пуста и только ветер гонял по рельсам обрывки вечерней газеты.

*Италия, провинция Казерта.
Город Казал-ди-Принцип*

Зажмутив от страха глаза, Джузеппе Сезаре с ужасом ждал выстрела, но его все не было. Вставив ему в рот дуло пистолета «beretta-92», мафиози Марио Кьянти медлил нажимать курок, явно наслаждаясь состоянием жертвы.

— На что ты надеялся, ублюдок, когда сразу после моего ухода надумал звонить нашим врагам? — обратился мафиози к радиоэлектронщику. — Ты думал, что у меня не хватит мозгов связать воедино свой визит к тебе и расстрел наших людей спустя полчаса после этого?

Сезаре хотел было что-то сказать, но вместо членораздельных слов на свет вырвалось одно лишь мычание. Понимая, что таким образом он от него ничего не добьется, Кьянти освободил рот жертвы от пистолетного дула. И только после этого радиоэлектронщик сумел начать монолог в свое оправдание:

— Не убивайте меня, синьор Кьянти, во всем виноваты проклятые деньги.

— Судя по всему, ты любишь их сильнее собственной жизни, если решился сыграть в эту смертельную рулетку. Ну что же, я изберу наказание в соответствии с твоим пороком. Я не буду тебя убивать, но ты на всю жизнь запомнишь тот день, когда решился выступить против нашей семьи. Знаешь, что я сделаю? Я опустошу все твои банковские счета до единой лиры. А потом отрублю тебе кисти рук и ступни, сделав тебя обрубком. И ты до конца своих дней будешь жить в нищете, проклиная себя за ту минуту слабости, которая случилась с тобой вчера вечером в этом самом доме. Понял, что я с тобою сделаю?

Услышав этот жуткий приговор, оглашенный с такой решимостью, что не оставалось никаких сомнений в том, что он будет исполнен, Сезаре упал ниц и, обхватив ноги мафиози, с удвоенной энергией принялся умолять его пощадить. А Кьянти стоял над ним с опущенным пистолетом, дуло которого теперь было направлено в затылок жертве. Однако нажимать на курок мафиози не торопился: убивать этого человека ему было... не выгодно.

Несмотря на то что благодаря стараниям Сезаре были отправлены на тот свет сразу восемь реджиме из их мафиозного семейства,

которых, конечно, было безумно жаль и души которых жаждали отмщения, однако еще сильнее Кьянти было жаль... самого себя. Ведь если бы глава их семейства узнал, кто именно стал невольным источником информации для радиоэлектронщика, за жизнь самого Кьянти нельзя было дать и ломаного гроша – «капо» размозжил бы ему вдребезги голову своей кочергой на глазах у всего мафиозного семейства. Поэтому, отправляясь сюда, мафиози был полон решимости застрелить единственного свидетеля вчерашнего разговора и тем самым дать себе шанс на то, что «капо» никогда не узнает о его проступке. Но затем, когда Сезаре стал ползать у него в ногах и умолять о пощаде, в рациональной голове Кьянти верх взяло другое решение. Ведь «капо» больше всего жаждал отмщения за гибель своего племянника, горячо любимого им Антонио, которого убил русский. А эффективно организовать его поимку мог только Кьянти. Значит, «капо» вряд ли бы стал вымещать на нем свой гнев, пока русский находится на свободе. А поймать беглеца было гораздо проще, используя возможности радиоэлектронщика. Ведь после того, как некоторое время назад Кьянти позвонил из Латины Чиро Траппони и сообщил, что они буквально на несколько минут опоздали к поезду, на котором в этот городишко приехали беглецы (а билеты в кассе они купили именно до этого пункта назначения), след их опять затерялся. И найти их в городе со стада двадцатью тысячным населением было весьма проблематично. Надо было опять что-то придумывать, пока беглецы находятся в Латине и не уехали оттуда на другом виде транспорта (а шансы на то, что они опять воспользуются услугами поезда, были минимальными). Короче, надо было торопиться, дорога была каждая минута. В возникшей ситуации помощь Сезаре могла опять здорово пригодиться. Впрочем, разве только в этом? Его потом можно было бы использовать и как двойного агента в противостоянии с семейством Беспалого, о чем Кьянти тоже не забывал. Одним словом, в те минуты, когда радиоэлектронщик ползал в ногах у мафиози, его участь была решена в положительную сторону.

– Перестань слюнявить мои ботинки! – Кьянти изобразил на лице гримасу ненависти и пнул хозяина дома ногой в лицо. – Чтобы вымолить у меня пощаду, одним вылизыванием моей обуви тебе не обойтись. Восемь семей, убитых с твоей помощью реджиме, разорвут тебя на мелкие куски, намекни им я, кто именно повинен в их смерти.

– Я на все готов, только не убивайте, синьор Кьянти! – вновь взмолился Сезаре, размазывая по лицу слезы в перемешку с кровью, сочившейся из разбитой губы.

Кьянти подошел вплотную к радиоэлектронщику и, взяв его за ворот рубашки, тряхнул так, что у того клацнули зубы.

– Заткнись и слушай, что я тебе скажу. В прошлый раз ты довольно ловко управился, найдя местоположение сучки, сбежавшей от нас. Сейчас ты должен сделать другое: с помощью номеров телефонов из ее записной книжки вычислить тот, который нас интересует. Сможешь это сделать?

Сезаре молча кивнул, после чего Кьянти всучил ему в руки записную книжку, найденную в рабочем столе бывшей журналистки. В ней содержалось более сотни разных имен и номеров телефонов. Пока радиоэлектронщик листал книжку, Кьянти объяснял ему порядок его действий:

– Тебе необходимо в кратчайшие сроки найти среди этих людей того или тех, кто живет в Латине. Сможешь?

– Боюсь, быстро это сделать не получится, слишком много имен и телефонов, – выдержав паузу, ответил Сезаре.

По его голосу было видно, что он уже справился со своим страхом, видимо, понял, что в его услугах опять нуждаются и, значит, убивать не собираются. Во всяком случае, в ближайшее время.

– Сколько же тебе понадобится времени?

– Часа три-четыре в лучшем случае. Надо просеять все телефоны через мой электронный пеленг, а это работа кропотливая. Тем более что работать надо на совесть: ошибки вы ведь мне больше не простите.

– Да уж, любая новая ошибка навсегда поставит крест на твоей благополучной жизни. Я лично возьму мачете и отрублю им все твои конечности прямо здесь, в этой комнате.

– Тогда разрешите, синьор Кьянти, я прямо сейчас начну работать?

Вместо ответа мафиози сам подтолкнул радиоэлектронщика к его аппаратуре, нагроможденной на рабочем столе. А сам подошел к двери, ведущей в соседнюю комнату и, отворив ее, бросил двум громилам, дожидавшимся его там:

– Адриано, позвони Джанни. Пусть этот толстяк топает в свою пиццерию и сделает для нас две большие «Маринары», мы проторчим здесь не один час.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности,
Департамент контрразведывательных операций***

Несмотря на воскресный день, генерал Кондратьев приехал на Лубянку в привычное время – к девяти часам утра. В приемной его уже дожидался Жмых, а вот секретарши генерала на месте не было: как и миллионы рядовых россиян, она в этот день пользовалась своим законным правом – отдыхала перед началом трудовой недели. Контрразведчикам же отдыхать было недосуг: высокое начальство требовало скорейшего результата по разоблачению «крота», поэтому работать приходилось даже в неурочное время.

Пройдя в кабинет, контрразведчики без лишних словопрений взялись за работу. Докладывал, как обычно, Жмых:

– Чтобы сразу расставить приоритеты в моем докладе, спешу сообщить, что готов доложить о двух важных темах: о смерти Жолташ и обнаружении тайника, оставленного агентами ЦРУ. Вам решать, Федор Иванович, с чего начнем.

– Давайте с дела Жолташ, – почти без паузы ответил Кондратьев.

– Вчера поздно вечером нашим людям удалось-таки застать дома соседку, которая проживает напротив квартиры Жолташ на Липецкой улице, – начал свой доклад Жмых. – Женщина сообщила, что каждые выходные – в субботу или в воскресенье – Юлия Андреевна встречалась на своей прежней квартире с неким мужчиной, примерно сорока пяти лет, представительного вида. Имени соседка не знает, поскольку видела мужчину только на расстоянии – в дверной глазок.

– Хвала человеческому любопытству, без него нам было бы гораздо труднее работать, – в голосе Кондратьева сквозила ирония. – Может быть, наша любопытная соседка смогла запомнить автомобиль, на котором приезжал этот незнакомец?

– Самое интересное, что он приходил пешком. Во всяком случае, соседка уверена, что на стоянке возле их подъезда его машина ни разу не парковалась.

– Значит, он оставлял свой автомобиль в другом месте, где-то поблизости. Либо действительно приходил пешком, добираясь до места свиданий на попутном транспорте или на общественном. Продолжайте, Глеб Сергеич.

– Наши люди показали соседке фотографию сослуживца Жолташ – Сергея Геннадиевича Листопада, но женщина заявила, что это не тот мужчина, с которым покойная встречалась. По ее словам, тот был пошире в плечах и блондином, а не брюнетом.

– Что и требовалось доказать: я же говорил, что между Жолташ и Листопадом существовали только деловые отношения. Хотя тот был бы не против, чтобы они перетекли в более близкие, но Юлия Андреевна, видимо, хранила верность другому мужчине.

– Который оказался ее убийцей, – сообщил Жмых.

– Уже есть конкретные доказательства?

– Вчера после нашего разговора я заходил к экспертам, которые взяли на анализ одежду Жолташ. Они обратили внимание на одно странное обстоятельство: правая перчатка покойной с внутренней стороны отвердела. Мне объяснили, что с лайковой поверхностью такое происходит, если она взаимодействует с жидкостью – водой или чем-то другим.

– Может быть, это было сильное потоотделение? – предположил Кондратьев.

– Тогда почему это случилось только с правой перчаткой? Нет, здесь другое, о чем мы с вами говорили. Эксперты предположили, что это мог быть яд, распыленный внутрь перчатки из баллончика. Видимо, убийца сделал это за несколько минут до ухода Жолташ из квартиры. Яд через поры проник в организм жертвы, после чего спустя какое-то время наступила внезапная остановка сердца.

– Что говорят эксперты по поводу обнаружения хотя бы частичек яда?

– Обещают постараться.

– Ну что же, будем уповать на их профессионализм. Что у нас дальше?

– А дальше пока все, Федор Иванович. Сегодня сотрудники следственного управления и наши люди должны встретиться с друзьями Жолташ, чтобы через них попытаться выяснить личность ее кавалера.

– И много в вашем списке таких друзей?

– Не очень – всего трое, поскольку покойная практически ни с кем особо не дружила. Например, близкая подруга у нее всего лишь одна – некая Ксения Анатольевна Стоцкая, с которой они работают, вернее, работали в одном отделе «Гособоронэкса». Но ее в Москве сейчас нет: отдыхает в Испании. Двое других друзей Жолташ находятся дома, с ними встречаются следаки.

– А правозащитница Яблонская среди этих друзей фигурирует?

– Нет, поскольку она сейчас в отъезде: улетела во Францию на какой-то симпозиум по правам человека. Прилетит послезавтра.

– Когда вернется Стоцкая?

– На нашу удачу уже сегодня ночным рейсом.

– Когда думаете с ней встретиться?

– Завтра утром, надо же дать человеку хотя бы немного прийти в себя.

– Не забыли, что завтра рабочий день, понедельник?

– Не забыл. Но Стоцкая выходит на работу только в среду. Так что времени у нас предостаточно.

– Уже определено, кто конкретно будет с ней встречаться?

– Пока нет, надо согласовать это дело с Пал Андреевичем Арсентьевым.

– Не надо ничего согласовывать, Глеб Сергеевич. Стоцкую я хочу взять на себя. Чувствую, что за те три дня, что прошли после встречи с Жолташ, стены этого кабинета опять становятся мне тесны. Короче, испытываю настоящую потребность размять косточки и проветрить мозги.

Последнюю фразу Кондратьев произнес, направляясь в соседнюю комнату, где у него стоял холодильник. Достав из него бутылку «Боржоми», он налил напиток в два стакана, один из которых тут же осушил. А второй поставил перед коллегой, сопроводив это словами:

– Зять достал по своим каналам настоящий грузинский «Боржоми» в обход эмбарго.

– Передайте зятю мое искреннее спасибо, – произнес Жмых и с удовольствием осушил стакан. После чего спросил:

– От Корецкого ничего не слышно?

– Только то, что он благополучно долетел и приступил к выполнению задания. Думаю, сегодня он расскажет обо всем более подробно.

Кондратьев опустился в свое кресло, после чего Жмых вернулся ко второму пункту своего доклада – о тайнике:

– Тайник был обнаружен после проведения вчера днем оперативного мероприятия в отношении сотрудника ЦРУ из посольства США Гленна Хьюза. Того самого, что несколько дней назад скрылся от нашей наружки и, видимо, имел встречу с «кротом».

– Тот, что трудится под видом советника посольства по региональным вопросам? – спросил Кондратьев.

– Он самый. С двумя сотрудниками посольства из экономического отдела Хьюз каждые выходные парится в Сандунах. Они постоянно заказывают один и тот же номер – «римские бани». Мы через наших людей в персонале Сандунов периодически проводили негласный осмотр вещей американцев, но ничего стоящего не находили. Но вчера в вещах у Хьюза был обнаружен миниатюрный фотоаппарат «Minox», который заинтересовал нашего сотрудника. Пока американцы парились, он скачал из его памяти всю информацию. Уже здесь, на Лубянке, наши специалисты изучили ее и нашли нечто любопытное. Из пяти десятков фотографий, на которых запечатлены различные достопримечательности Москвы, вроде Красной площади и Храма Христа Спасителя, были обнаружены около десяти фотографий одного и того же пустыря в районе Медведково.

– Откуда известен адрес?

– На одной из фотографий снят угол дома с табличкой, на которой четко видно название улицы – Югорский проезд. Это поблизости с железнодорожной станцией Лось. Так вот, на большей части фотографий запечатлено место возле высоковольтной вышки, оно снято со всех сторон, в том числе и со стороны проезжей дороги, как будто фотограф ставил целью показать наиболее удобные подходы к этому месту. Мы предположили, что это не случайно. Странно ведь: на четырех десятках фотографий запечатлены исторические памятники Москвы, а рядом с ними какой-то захудалый пустырь. В итоге вчера

ночью группа наших сотрудников выехала на это место и тщательно его изучила. Результатом этой поездки стало обнаружение в овраге возле вышки контейнера в виде ветки.

Жмых извлек из своей папки большую фотографию упомянутого тайника, снятого непосредственно на месте его обнаружения, и передал ее Кондратьеву. Пока тот разглядывал изображение, Жмых продолжил:

– Мы прямо на месте провели вскрытие контейнера. Нашли в нем пачку денежных купюр в сумме двадцати тысяч долларов и листок со следующим текстом, – Жмых передал генералу еще одну фотографию, на которой был запечатлен упомянутый текст:

«Дорогой друг!

Мы чрезвычайно благодарны вам за последние сведения, касающиеся «сирийского узла». Надеемся на ваши новые сообщения, в которые просим также включить темы, о которых шла речь в наших предыдущих посланиях. Мы по-прежнему готовы платить вам гонорары в прежнем объеме, а за наиболее ценные сведения обязуемся предоставлять щедрые бонусы.

Мы крайне обеспокоены теми проблемами, которые возникли у вас на почве ваших взаимоотношений с N. Будьте крайне осторожны, поскольку эти проблемы могут стать причиной вашего провала. А нам бы очень не хотелось подобного исхода.

С наилучшими пожеланиями,

Ваши друзья».

– Это все, что было в контейнере? – снимая с носа очки, спросил Кондратьев.

– Да, все. Мы тут же вернули все найденное в тайник и оставили на том же месте, в каком обнаружили. И выставили рядом с местом закладки засаду. По моему мнению, за «веткой» должны прийти в ближайшее время.

– Полагаете, что адресатом может быть наш «крот»?

– Похоже на то, ведь речь в записке идет о сведениях вокруг «сирийского узла».

– А также о некоем или некоей N, – добавил Кондратьев. – Догадываетесь, о ком идет речь?

– Судя по всему, о Жолташ.

– Я тоже так считаю.

– Таким образом, если это наш «крот», то операция разрешится самым неожиданным образом. Судя по тому, что тайник заложили в выходные дни, прийти за ним должны в ближайшее время, может быть, даже сегодня.

– А вам не кажется, Глеб Сергеич, что это был бы слишком простой финал для этой истории?

– Предполагаете какой-то подвох?

– Пока я не могу объяснить свои предчувствия. Но я согласен с тем, что за контейнером должны прийти в ближайшие несколько часов.

– Когда объявится клиент, брат?

– Ни в коем случае. Сопроводите по адресу, обложите со всех сторон и тщательно изучайте его контакты. Взять его мы всегда успеем.

* * *

Италия, провинция Латина, город Латина

Корецкий проснулся от громкой мелодии, которая заиграла в чьем-то мобильнике за закрытой дверью его спальни. Мелодия быстро смолкла, и он услышал приглушенный мужской голос, который принадлежал хозяину телефона. Этот голос с характерной хрипотцой вернул Корецкого к действительности, напомнив ему не только о том, где он находится, но и о бурных событиях минувшей ночи.

После того как в поезде он ликвидировал сразу трех преследователей – неизвестного мужчину и двух мафиози, – они со Стефанией благополучно добрались до города Латина. К тому моменту женщина уже успела прийти в себя, благо никаких серьезных повреждений в схватке с маньяком она не получила. О том, что с ней

все в порядке, Корецкий понял по тем словам, которые слетели с ее уст, едва они сошли на станционную платформу:

– Как жаль, что мы приехали сюда поздно ночью: вам не дано увидеть красоты этих мест с их оливковыми рощами и овечками, пасущимися на здешних лугах на фоне горных вершин.

На что Корецкий вполне резонно заметил:

– Никто не знает, сколь долго предстоит нам застрять в этом городишке.

Он как будто в воду глядел, их пребывание в Латине вместило в себя не только всю ночь, но и утро. Причем все произошло естественным образом. Когда спустя полчаса такси довезло их до нужного дома на окраине городка, где обитал бывший сенатор Беппе Бальдрини, хозяин жилища, увидев, в каком состоянии находятся его как будто с неба свалившиеся гости, предложил им первым делом... выспаться. И те, буквально валившиеся с ног от усталости, практически сразу согласились с этим предложением.

Взглянув на свои наручные часы, стрелки которых показывали начало восьмого утра, Корецкий понял, что он проспал почти пять часов. Видимо, спал бы и дальше, если бы не громкая мелодия, внезапно заигравшая в мобильном телефоне хозяина дома.

Спустя несколько минут Корецкий вышел на веранду, где в этот момент находился Бальдрини. Он уже закончил говорить по телефону и теперь мирно сидел в плетеном кресле, потягивая из чашки утренний эспрессо. Увидев гостя, он приветствовал его словом «бонжорно», после чего жестом предложил ему сесть в соседнее кресло и налил ему в чашку кофе. И только после этого произнес с плохо скрываемой иронией:

– Я вижу, гостю из Москвы плохо спится на новом месте?

– Просто гость сильно торопится, – сделав глоток обжигающего кофе, ответил Корецкий.

– Насколько сильно?

– Думаю, часа два-три в запасе у нас есть.

– Это хорошо, пусть Стефания еще понежится в спальне моей дочери.

– А где она, если не секрет?

– В Милане, вместе с мужем и двумя моими внуками. А жену я похоронил два года назад. Только вряд ли вас интересуют подробности

моей личной жизни, синьор Ветров. Я правильно назвал вашу фамилию?

Корецкий согласно кивнул головой, а сам подумал, что Стефания, видимо, успела вкратце рассказать хозяину дома цель их визита, когда Бальдрини отводил ее ночью на второй этаж в комнату своей дочери. Ну что ж, это было только на руку Корецкому, можно было без всяких лишних прелюдий приступить непосредственно к сути дела.

— Вы правы, синьор Бальдрини, я приехал сюда вовсе не для того, чтобы докучать вопросами о вашей личной жизни. Меня интересует та история, которая заставила Стефанию бежать из Рима и спрятаться в Казал-ди-Принципе.

— Она интересует только вас или...?

— ...или, — улыбнулся Корецкий. — Я всего лишь курьер, который должен узнать подробности и доставить их по назначению в Москву. Причем я уполномочен заплатить вам за информацию любую приемлемую сумму.

— На данном этапе моей жизни деньги меня уже мало интересуют.

— Тогда что вас может заинтересовать?

— Осознание того, что моя информация наконец поможет восстановить справедливость. Ведь здесь, в Италии, этого сделать так и не удалось.

— Те, кто меня сюда прислал, заинтересованы в том же.

— Я понимаю специфику вашей работы и тот факт, что вы не можете рассказать мне все подробности. Но все же я хотел бы получить один единственный ответ: вам нужна моя информация, чтобы прищучить американцев?

— Именно их, — практически без запинки ответил Корецкий. — В Москве полагают, что те люди, которые повинны в исчезновении дочки бывшего американского сенатора, замышляют новые преступления. А этого никак нельзя допустить. Это все, что я могу вам рассказать, синьор Бальдрини.

— Я думаю, что этого вполне достаточно, — не скрывая удовлетворения, ответил бывший сенатор. — Наши цели в отношении американцев совпадают, и это главное.

— Они вам тоже успели чем-то насолить?

— С тех пор как они взялись создавать однополярный мир, они успели насолить многим. Взять тот же Ближний Восток, где они ведут

себя как слон в посудной лавке.

– Насколько я знаю, Италия по этому вопросу поддерживает как раз американцев.

– У вас не совсем верные сведения, синьор Ветров. Да, большая часть итальянских политиков вынуждена поддерживать действия США, но ситуация меняется. Взять ту же Сирию. Всего лишь год назад глава нашего МИДа Джулио Терци поддержал военные действия американцев. Но в этом году уже новый министр иностранных дел – синьора Эмма Бонина – выступила против поставок оружия сирийской оппозиции. Так что здесь далеко не все однозначно.

– И много в итальянских коридорах власти людей, думающих как вы и синьора Бонина?

– С каждым днем их становится все больше. И если дело дойдет до силового вмешательства американцев в сирийский конфликт, наше правительство, скорее всего, эту затею не поддержит. Большая роль в этом принадлежит нашему бывшему премьеру Сильвио Берлускони, которого американцы на дух не выносят, в том числе и за личную дружбу с вашим президентом.

– Насколько я знаю, синьор Берлускони является и вашим другом?

– Мы с ним действительно давно тесно знакомы. В годы его последнего премьерства, два года назад, я опять помогал ему советами в одном проекте – «Южный поток». Слышали о таком?

В качестве ответа Корецкий кивнул головой, что было правдой, он знал историю с «Южным потоком». В мае 2009 года российский «Газпром» и итальянский концерн ENI подписали договор о газопроводе, который должен был протянуться с Кавказа через Черное море в Сербию, Венгрию, Австрию и Италию. Этот проект был занозой в боку США, которые усматривали в нем прямую угрозу своим интересам: «Южный поток» наращивал российское влияние на европейском энергетическом рынке. И держался этот проект во многом на личной дружбе между Путиным и Берлускони.

– Поэтому я готов ухватиться за любой шанс, который предоставит мне возможность вставить американцам фитиль в одно место, – продолжил свою речь Бальдрини. – Одним словом, можно смело сказать, что вас мне послало само Провидение.

– Я не против быть проводником Божьей воли, – улыбнулся Корецкий.

– Хотите еще кофе?

– Не откажусь.

Бальдрини взял со стола опустевший кофейник и удалился внутрь дома. Пока он отсутствовал, Корецкий вспомнил о словах Стефании, сказанных ею ночью на выходе из поезда о местных красотах. Теперь эти слова можно было оценить по достоинству – вид с веранды открывался действительно изумительный: на зеленой лужайке мирно паслись овечки, а далеко впереди в предрассветном тумане уже начали проступать вершины заснеженных гор. Глядя на эти красоты, хотелось забыть обо всех вчерашних треволнениях и никогда больше о них не вспоминать. Однако шум за спиной заставил Корецкого вернуться к действительности, возвратился хозяин дома с новой порцией эспresso.

– Вы, наверное, удивлены, почему бывший сенатор не зовет вас к завтраку, ограничиваясь одним кофе? – обратился к гостю Бальдрини, вновь разливая горячий напиток в опустевшие чашки.

– Я полагаю, что ваша деликатность не позволяет вам усаживать за стол одного гостя, в то время как другой еще не проснулся.

– Дело не столько в деликатности, сколько в желании хотя бы на час вернуться в прошлое. Когда-то на этой веранде каждое утро собиралось наше дружное семейство и мирно завтракало, ведя неторопливую беседу и созерцая те самые красоты, на которые сейчас любуетесь вы. Нас было трое: моя супруга сидела на вашем месте, а дочь по правую руку от меня.

– К сожалению, в нашем лице вы вряд ли найдете людей, которые расположены вести долгие мирные беседы. Ограничено не только наше время, но и тема для разговора, – решил вновь вернуть хозяина дома к интересующей его проблеме Корецкий.

Бальдрини не дал уговаривать себя дважды и положил на стол газету, которую он принес из дома вместе с новой порцией кофе, сопроводив это необходимым пояснением:

– Это тот самый номер, в котором мы со Стефанией начали разоблачение албанской мафии, похищающей девушек для последующего их вовлечения в проституцию. На фотографии запечатлены участники этой мафии во главе с их лидером Башкимом Деришем. Вот он, сидит слева, – и Бальдрини ткнул пальцем в небритого мужчину в светлой рубашке. – Именно люди Дериша похитили Джулию Макмерфи, когда она приехала в Рим на каникулы.

– Откуда у вас эти сведения?

– У меня осталась сеть тайных информаторов еще в мою бытность службы в Министерстве внутренних дел. Один из них и раздобыл сведения, что американка могла быть похищена с целью перепродажи ее одному крупному итальянскому бизнесмену. Албанская мафия действительно практикует такой вид услуг – поставку юных девушек богатым клиентам. Джулия, видимо, идеально подошла под один из таких заказов: красивая, светловолосая, да к тому же еще и девственница. Последнее обстоятельство повышает стоимость заказа в разы.

– Албанцы, как я понял, не понимали, чью дочь они похищают?

– Судя по всему, это была роковая случайность. Причем как для них, так и для нее.

– Вы поставили об этом в известность своих бывших коллег из полиции?

– Естественно. Однако сведения, полученные от информатора, надо было перепроверить. Для этого, собственно, я и решил подключить сюда Стефанию и затеял всю эту историю с серией газетных статей. Надо было проследить за реакцией со стороны албанцев.

– И что выявила ваша слежка?

– Не слишком много, если учитывать, что длилась она недолго. Едва на свет появилась наша заметка в газете, как в действие были приведены мощные пружины. Был убит мой информатор, а его голова подброшена к дверям моего дома. Стефания, как я знаю, вам об этом уже рассказала? Но она не знает, что меня испугала отнюдь не эта отрезанная голова: я в своей жизни повидал и не такое. Меня предупредили, что следующей будет голова моей дочери. Вот тут ко мне пришел настоящий страх. Вам, видимо, это сложно понять.

– Наоборот, поскольку у меня у самого есть дочь. Однако неужели нельзя было как-то обезопасить себя и своих родственников?

– Я же говорил, что в действие были приведены мощные пружины. И албанцы здесь оказались далеко не главными. Я понял это, когда был вызван к заместителю министра внутренних дел, который раскрыл мне глаза на происходящее. По его словам, в деле была замешана большая политика, а за спиной албанцев, скорее всего, стояло ЦРУ, а тот бизнесмен, который заказал Джулию, руководит

одним из крупнейших итальянских концернов, акционерами которого являются сразу несколько влиятельных политиков из наших правительственных структур. Короче, разоблачение этого дела грозило крупным международным скандалом: разборками с американцами, а также сварой внутри правительства. И все это могло произойти спустя всего два месяца после того, как новое правительство пришло к власти. В общем, наше МВД решило умыть руки, после чего и мне посоветовали устраниваться, а заодно уговорить Стефанию покинуть Рим. Зная ее характер, у руководства МВД не было твердых гарантий, что она не посмеет самостоятельно продолжить это расследование. А обеспечить ей безопасность МВД не считало возможным. В качестве компенсации нам пообещали, что непосредственные участники похищения американки будут наказаны. Так оно потом и случилось – Башким Дериш действительно вскоре был убит у себя на родине.

– Известно, что же стало с Джулией?

– По косвенным уликам мы догадались, что она погибла почти сразу после того, как албанцы поняли, кого именно их угораздило похитить. Они просто испугались, что девушка может быть очень опасным свидетелем.

– Насколько я знаю, ее тело так и не нашли?

– По горячим следам сделать это так и не удалось. Многим было выгодно, чтобы она числилась среди пропавших без вести, чтобы ее влиятельный родитель не раздувал скандал и продолжал надеяться на лучшее. Однако примерно год назад я узнал весьма любопытную информацию. На мое имя пришло анонимное письмо, в котором не было ни строчки, зато в конверт была вложена небольшая заметка из газеты, где речь шла об открытии в Риме, в районе Монтеверде, на территории риони Пинья, некоего ресторана под названием «Джулия». Сначала я не понял смысла этого послания, пока вдруг не вспомнил о той несчастной девушке – Джулии Макмерфи. Я решил проверить свои подозрения и стал наводить справки о владельце ресторана. Оказалось, что им был албанец, который одно время проходил по картотеке нашего МВД как один из сподвижников... Башкима Дериша. После его гибели он открыл легальный бизнес в сфере автосервиса, а потом решил заделаться еще и ресторатором. В заметке, присланной мне, сообщалось, что на презентации ресторана было много гостей, в том числе и несколько американских бизнесменов. Среди них был и

некий Саймон Янг – один из сотрудников американской компании «Индастри электроникс». Этого человека я хорошо знал в ином качестве. В дни, когда шло расследования дела о пропаже Джулии Макмерфи, именно он появлялся несколько раз рядом с сотрудниками посольства США в Риме, представляясь дипломатом.

– И к каким выводам вы в итоге пришли?

– Что этот владелец ресторана и Саймон Янг могут иметь непосредственное отношение к похищению Джулии Макмерфи. Албанец тогда был сподвижником Башкима Дериша, а американец, скорее всего, их куратором по линии ЦРУ. Но это еще не все. Мне пришло в голову, что и своим названием ресторан тоже обязан этой несчастной девушке.

– Как дань памяти?

– Именно так, но память эта весьма специфического свойства. Чтобы вам было понятно, о чем идет речь, расскажу одну историю, которая произошла в середине восьмидесятых, когда я служил на Сицилии. Там однажды бесследно пропала целая семья: глава семейства, его жена и двое их несовершеннолетних детей. Найти их так и не сумели, но было件件но, что это криминальная разборка: у главы семьи были большие проблемы с мафией в части выплаты кредитов. А спустя примерно два года один из новых домов в этом районе, подряд на строительство которого принадлежал мафии, внезапно обрел негласное имя – «дом Лючии». От наших информаторов в мафиозной среде мы вскоре установили, что это имя возникло не случайно: якобы в фундамент дома была замурована та самая исчезнувшая семья. Жену главы семейства как раз звали Лючией.

– Думаете, что история с названием ресторана имеет те же корни?

– Почему бы и нет? Ведь не случайно именно ко мне пришло это анонимное письмо. Значит, тот, кто его посылал, был прекрасно осведомлен о том, что я пытался докопаться до истины в этом запутанном деле. Пытаясь распутать клубок заново, я выяснил, что летом 2000 года, когда пропала Джулия, именно в месте, где впоследствии появится ресторан, началось строительство автостоянки – место активно заливали бетоном. А чуть позже на том же месте возник ресторан этого самого албанца. Вот я и подумал: если этот ресторатор участвовал в похищении и последующем убийстве

девушки, он мог прекрасно знать, где она похоронена. И, воздвигая свой ресторан на этом месте, решил увековечить ее имя. Ну и попутно как бы прося прощения у духа убиенной.

– Полагаете, что в жестоком убийце могла заговорить совесть? – удивился Корецкий.

Ответить хозяин дома не успел, на веранду вышла выпавшаяся и от этого как будто заново родившаяся Стефания. Судя по всему, она, будучи внутри дома, слышала концовку разговора двух мужчин, поэтому спросила у Бальдрини:

– О каком анонимном письме ты упоминаешь, Беппе?

– Это не письмо в привычном смысле этого слова, а вложенная в конверт записка об открытии в Риме одного ресторана.

– Под названием «Джулия»?

– Совершенно верно. Откуда ты знаешь?

– Как я могу этого не знать, если год назад такое же письмо с запиской пришло и на мое имя.

– И как ты на него отреагировала?

– Никак. Мне и в голову не могло прийти, что этот ресторан имеет какое-то отношение к пропавшей более десяти лет назад американке.

– А ведь еще вчера вы, донна Стефания, утверждали, что бывших журналистов не бывает, – улыбнулся Корецкий. – Видно, выращивание цветов настолько вас увлекло, что вы напрочь забыли об одном из самых интересных расследований в вашей журналистской практике.

– Значит, в отношении себя я ошиблась, – не стала спорить Стефания. – Зато, как выяснилось, не бывает бывших полицейских. Иначе вы бы, Лео, уехали в Москву, так и не выполнив, возложенной на вас миссии.

* * *

Египет, город Каир. Отель «Найл Хилтон»

После того как самолет «Боинг-737» египетских авиалиний «Egypt air» взмыл в воздух и взял курс на Дамаск, Максимов какое-то время смотрел в иллюминатор, после чего закрыл глаза и попытался заснуть. Но сон, как назло, не шел, зато в голову одно за другим

приходили воспоминания о событиях вчерашнего вечера и сегодняшнего утра, которые, собственно, и сподвигли Максимова срочно вылететь из Египта в Сирию.

Подслушанный им вчера разговор между Янгом и Трейси зародил в его голове весьма рискованный план, которым он тут же решил поделиться со своим коллегой – заместителем резидента сирийской разведки в Египте Хафезом Раджихом. Поскольку время было не столь позднее, начало одиннадцатого вечера, тот еще не спал. Впрочем, даже если бы сирийца сморил самый глубокий сон, Максимов был настроен на то, чтобы поднять его, применив любые меры воздействия. Позвонив ему из телефона-автомата, установленного возле отеля (использовать мобильник Максимов попросту не решился), он назначил встречу в одном из небольших кафе в христианской части Каира. Причем, зная о том, что люди Янга вполне могут за ним следить, Максимов решил подстраховаться. Поймав такси, он доехал до первой же станции метро, спустился вниз и вошел в первый же подъехавший к платформе поезд, следовавший в сторону острова Гезира. В тот момент, когда двери вагона стали закрываться, Максимов выскочил на платформу и спустя полминуты был уже на улице. Там он еще в течение нескольких минут плутал по узким переулкам, проверяя, нет ли за ним «хвоста». Слежки не было. Вновь поймав такси на одной из тихих улочек, Максимов со спокойной совестью отправился к месту встречи с Раджихом.

Когда он вошел в кафе, сириец уже был там, он сидел за столиком в дальнем углу и листал вечернюю газету. Увидев коллегу, встал с места, пожал руку, после чего они уселись за столик, заняв места напротив друг друга.

– Что-нибудь закажите? – поинтересовался Раджих.

– Чашку «Лавацца Россо», – назвал Максимов сорт своего любимого кофе.

Подозвав официанта и сделав ему заказ, Раджих вопросительно взглянул на собеседника, всем видом показывая, что он весь внимание. Но прежде чем начать разговор, Максимов извлек из кармана брюк свой мини-плеер с наушниками и предложил Раджиху прослушать сделанную менее чем два часа назад запись разговора Янга и Трейси.

– После того как вы послушаете записанное, я изложу вам свой план, – объяснил полковник суть происходящего собеседнику.

Пока сириец внимательно слушал записанное, Максимов не спеша попивал свой кофе и листал, лежавшую на краю столика газету. Наконец Раджих выключил плеер, вынул из ушей наушники и произнес всего одну фразу:

– Весьма занятный разговор.

– Как говорят у нас в России: каков поп, таков и приход, – улыбнулся Максимов, возвращая плеер на прежнее место – в карман. – Но вы же понимаете, Хафез, что я позвал вас сюда вовсе не для того, чтобы всего лишь ознакомить с разговором. У меня на его основе созрел план, с помощью которого у нас есть шанс одним выстрелом убить сразу двух зайцев: Янга и аль-Хаджа.

– Лично я бы отнес их к другим представителям животного мира, например к шакалам, – без тени улыбки на лице произнес Раджих.

– Пусть будет по-вашему: одним выстрелом мы можем уложить сразу двух шакалов, – не стал спорить с собеседником Максимов.

– Каким образом?

– Мой план таков, – и полковник, положив локти на стол, почти вплотную придвинулся к собеседнику. – Завтра утром я встречу с Янгом и сообщу ему, что собираюсь вылететь в Дамаск. Объясню свою поездку желанием покопаться в теракте возле здания ГБ с прицелом выведать в нем следы «Аль-Каиды». Уверен, что эта новость не доставит ему большого удовольствия, и даже более того – заставит его серьезно насторожиться. После моего отлета он наверняка позвонит в Дамаск аль-Хаджу и попросит его об услуге: чтобы я остался в Сирии навсегда, причем в виде трупа. Но чтобы этого не произошло, вы, Раджих, должны уже сегодня связаться с вашими товарищами в Дамаске и объяснить им, с какой миссией я прилечу в столицу Сирии – вывести их на аль-Хаджа.

– Как говорят у вас в России, хотите сыграть «на живца»? – по губам Раджиха скользнула еле уловимая улыбка.

– Вот именно.

– Но это крайне опасная затея. Кто даст гарантию, что Янг не захочет расправиться с вами здесь, в Каире, еще до вашего отлета?

– Такой риск, безусловно, есть. Но я уповаю на то, что он просто не успеет подготовить свою акцию: времени у него будет в обрез. Во-вторых, в аэропорт меня повезут сотрудники нашего посольства, поэтому проводить шумную акцию Янгу будет просто несподручно.

Удобнее всего будет поручить это дело аль-Хаджу, в профессионализме которого американец не сомневается. Как настоящий рачительный бизнесмен, он не упустит шанса выжать из него последние соки, перед тем как сдать его на закланье курдам.

– Ну что ж, логично. Но вдруг мои товарищи не сумеют вас надежно прикрыть, ведь все может решить одна снайперская пуля?

– Не думаю, что против меня будет работать снайпер. Дело в том, что Янгу необходимо узнать всю информацию, какой я располагаю об их «кроте» в Москве. Поэтому перед аль-Хаджем, скорее всего, будет поставлена задача похитить меня, вытащить нужные сведения и только потом убрать.

– А если вас похитит не он лично, а его люди?

– В любом случае они привезут меня к нему, что опять же не должно остаться незамеченным для ваших товарищей.

– Повторяю, это очень рискованное мероприятие, любая ошибка может стоить вам жизни, – после некоторой паузы вновь нарушил тишину Раджих. – Ведь аль-Хадж может в открытую спросить вас о том, каким образом у вас появилась эта аудиозапись. И что вы ему ответите?

– Правду. При таком развитии ситуации придется играть в открытую и раскрыть перед аль-Хаджем свою принадлежность к спецслужбам. Впрочем, думаю, он на этот счет особо не будет заблуждаться после звонка Янга.

– Вы так спокойно об этом говорите, будто вам предстоит увеселительная прогулка на морское побережье.

– Такова уж специфика нашей с вами работы – рисковать. И мне ли вам это объяснять, уважаемый коллега.

Произнеся это, Максимов допил свой кофе и отодвинул чашку на угол стола.

– Если ваш план удастся, Иван, то мы убьем не двух шакалов, а сразу трех: третьим, как я понял, должен стать «крот» в Москве. Ведь именно до него вы хотите добраться с помощью компромата на Янга?

– Была бы на мне шляпа, я бы ее снял, преклоняясь перед вашей проницательностью, – улыбнулся в ответ Максимов.

Той же ночью он забронировал себе билет на самолет, следующий рейсом Каир – Дамаск в 13.00 завтрашнего дня. И только после этого лег спать, заведя будильник в мобильнике на девять часов утра.

Встав по звонку, Максимов побрился и позвонил режиссеру Роджеру Томпсону. Судя по голосу в мобильнике, ранний звонок разбудил ото сна.

– Ах, это вы Иван, – с трудом узнав, кто ему звонит, произнес режиссер. – Вы что, спутали день с ночью: звоните в такую рань?

– Честное слово, Роджер, я никогда бы не посмел разбудить вас в такое время, если бы не срочное задание, – оправдывался Максимов. – Сегодня я улетаю в Дамаск и хочу выпить с вами перед отъездом. У нас это называется «на посошок». Считается, что после этого отъезжающего ждет удача. А она мне нужна до зарезу. Ну как, вы не против?

За эти дни Максимов успел хорошо изучить характер режиссера, поэтому был уверен, что тот не откажется. Во-первых, Томпсон любил выпивать в приятной компании, во-вторых, причина для встречи была более чем уважительная. Но главное: более всего Максимов хотел видеть на этой встрече Янга, а его требовалось завлечь туда чужими руками. И лучшую кандидатуру для этого, чем Томпсон, подыскать было сложно. Как будто прочитав мысли собеседника, режиссер спросил:

– Вы не станете возражать, если я приглашу на эту встречу Янга?

– А вы думаете, что он захочет разделить с нами компанию, учитывая его занятость? Я знаю, что вчера в «Найл Хилтон» приехал его босс – мистер Трейси.

– Полагаю, что мне он не откажет, учитывая то, что вчера поздно вечером я так и не смог встретиться с ним в баре, несмотря на его настойчивые приглашения, – ответил Томпсон.

Максимов не удивился этому сообщению: он догадывался, что цэрэушник попытается выпытать у режиссера результаты его разговора с российским дипломатом, согласившимся сниматься в его фильме, и если это не получилось вчера, обязательно захочет сделать это сегодня. Ведь ЦРУ наверняка старается держать руку на пульсе съемок этого фильма, поскольку речь в нем идет о ситуации на Ближнем Востоке и роли в ней США.

Спустя полчаса Максимов спустился в бар, где нашел обоих американцев. Они были заняты привычным делом – спорили о политике. В тот момент, когда он появился, в разговоре солировал режиссер, а Янг с угрюмым лицом дымил сигаретой и молча

выслушивал сентенции своего собеседника, готовый в любой момент его перебить:

– Мало кто в мире может сравниться с нами по части провокаций. Мы, американцы, великие провокаторы. Причем ради того, чтобы эти провокации осуществились, наши правители готовы жертвовать даже жизнями собственных соотечественников. Вспомните хотя бы Перл-Харбор, «Операцию Нортвудс» или те же взрывы башен-близнецов.

– Я, Роджер, хотя и являюсь патриотом Америки, но по части лидерства в разного рода провокациях готов назвать ее страной, скорее, отсталой, чем передовой, – возразил своему оппоненту Янг. – Куда уж нам до азиатов или тех же европейцев. Великими провокаторами, например, были Гитлер и Сталин, а они, к вашему сведению, вовсе не были американцами.

– Зато генерал Роберт Макнамара был нашим соотечественником, – не сдавался Томпсон. – И это именно он осенью 1962 года, пытаясь заручиться поддержкой американцев в возможной войне с Кубой, предложил убить нашего астронавта Джона Гленна, который первым из американцев совершил полет вокруг Земли, и свалить это убийство на кубинцев. Я что-то не припомню за Гитлером и Сталиным таких провокаций, хотя и не считаю их агнцами божьими.

– Я думаю, что Макнамара попросту сбрендил. Причем случилось это лишь с ним одним, поэтому его бредовые фантазии вряд ли могли разделить остальные члены тогдашнего нашего правительства.

– Ну конечно, легче всего обвинить нашего министра обороны в сумасшествии, чем поверить в то, что эта идея родилась не на пустом месте: политика Белого дома во все времена зиждилась на такого рода провокациях как на действенном способе направлять ситуацию в нужное русло. В итоге мы закономерно пришли к одиннадцатому сентября – еще одной чудовищной провокации, направленной на то, чтобы легче было управлять миром из стен Белого дома. После этой провокации на нашей родине стало ускоренными темпами строиться настоящее фашистское государство.

– Вы с ума сошли, Роджер, – замахал руками Янг. – Мы самая демократичная страна в мире.

– Если не считать того, что наша демократия все сильнее мутирует в сторону фашизма, объединяющего членов единого общества во имя культа нации и сильного государства.

– Вы хотите сравнить нашего президента с Гитлером? – продолжал возмущаться Янг.

– А почему бы и нет? Только это более мягкий вариант. Наш президент предлагает американцам отказаться от своих демократических прав и принять идею о правомерности расширения полномочий правительства. В итоге после 11 сентября у нас в Америке создается новая форма тоталитарной идеологии и политики, которую можно обозначить как мягкий фашизм.

Пока спорщики ломали копья, Максимов заказал официанту бутылку виски, поскольку еще в телефонном разговоре с Томпсоном предупредил его, чтобы выпивку они с Янгом не заказывали – спиртное сегодня будет его прерогативой. Когда бутылка заняла место на столе, Максимов открутил крышку и разлил содержимое в три стакана. Но сам сделать глоток не успел: к нему обратился Янг:

– Подождите с выпивкой, Иван, и рассудите наш спор на трезвую голову.

Максимов не дал уговаривать себя дважды и с удовольствием вступил в дискуссию:

– Я полагаю, что прав Роджер, но его правота не умаляет и ваших аргументов, Саймон. Американские политики на самом деле великие провокаторы, иначе они вряд ли бы выиграли холодную войну и превратились в мировых гегемонов.

– Браво, Иван, услужили и нашим, и вашим, – рассмеялся Янг.

– Я бы на вашем месте не спешил радоваться, Саймон, – пригубив, наконец, напиток, заметил Максимов. – Ваша победа в холодной войне оказалась пирровой.

– Это почему?

– А вы вспомните, как она подавалась: как окончательное поражение коммунизма и плановой экономики. Дескать, теперь мир окончательно встал на капиталистические рельсы и победила рыночная экономика. А что получилось? В мире развился совсем иной капитализм – спекулятивный. И обуздать его никто не мог, поскольку мир стал однополярным. Гегемоном в нем была ваша родина, Саймон, – Америка. Вы создали капитализм азартных игроков и авантюристов. Охваченные эйфорией после падения моей родины, Советского Союза, вы бросились печатать деньги без каких-либо правил, без какой-либо ответственности и совести. Причем так было

не только в экономике, но и в политике, где вы, как мировые гегемоны, тоже наворотили столько дел, что их еще долго придется разгребать.

– Не волнуйтесь, мы разгребем, – усмехнулся Янг.

– Мы это кто – республиканцы? – поинтересовался Томпсон.

– Ну не демократы же, – искренне возмутился Янг.

– А по мне нет никакой разницы, кто сидит в Белом доме – демократ или республиканец, – дымя сигаретой в лицо собеседнику, вещал режиссер. – Нынешний президент ведет разрушительную политику внутри страны, при этом умудряясь еще и воевать на стороне. А приди к власти кто-то из ваших симпатизантов республиканцев, Саймон, так он вовлечет нас в новые войны, поскольку так будет угодно Израилю, а также увеличит внутренние расходы на экономику. Короче, обе эти политики банкротят Америку и играют на руку глобалистам, а также банкам и мультинациональным корпорациям.

– И на основе этого вы хотите, чтобы в Белом доме восседал коммунист? – удивился Янг.

– По мне пусть будет коммунист, лишь бы он нарушил тот убийственный курс, который проводят две наши ведущие партии.

– Наивные мечты, поскольку коммунисты в Америке никогда не пользовались популярностью и пользоваться ею не будут, – отмахнулся от собеседника Янг. – А знаете почему? Мы, американцы, реалисты, а не идеалисты. Мы не строим иллюзий относительно подлинной сущности человека, поскольку знаем, что в основе ее лежат животные инстинкты. Человеку больше всего необходимы две вещи: жрать и развлекаться. А так называемые духовные порывы надо давно выкинуть на свалку, они никому уже не нужны. Человек по сути своей скотина, которой нужен хороший пастух. Вот именно Америка и является таким пастухом для всего человечества.

– На Сирии ваша плетка, кажется, сломалась, – улыбнулся Максимов.

– На нее мы всего лишь замахнулись, а не ударили. Когда ударим, вы увидите, как она заплещет. Кстати, о Сирии. Насколько я понял из слов Роджера, вы, Иван, собираетесь сегодня променять благословенный Каир на Дамаск?

– Столица Сирии не менее благословенный город, чем столица Египта, – возразил Максимов. – Вы, например, знаете, что первая

стена, воздвигнутая после всемирного потопа, была именно дамасская?

– В Сирии также зародилась одна из первых форм письменности – финикийская, – блеснул эрудицией Томпсон, но тут же добавил. – Впрочем, учитывая, что Саймон ни в грош не ставит любые проявления духовности, эта информация вряд ли его заинтересует.

– Вот именно, – засмеялся Янг, после чего вновь обратил свой взор на Максимова. – Получается, мы вас больше не увидим?

– Если вы пробудете здесь еще пару дней, то шанс на это у вас есть.

– Чем вызван ваш отъезд? – продолжал любопытствовать Янг.

Этот интерес играл на руку Максимова, но он старался не подавать вида, для чего умышленно затянул с ответом; открыв бутылку, разлил очередные порции виски по стаканам и только тогда ответил:

– Меня сильно заинтересовал теракт возле здания сирийской госбезопасности. Хочется наконец самому разобраться: на самом ли деле там замешана «Аль-Каида», и если это правда, то кто ее спонсирует и как этот теракт может сказаться на курдской проблеме.

– Я могу рассчитывать на то, что результатами вашего расследования вы, Иван, поделитесь и со мной? – спросил Томпсон.

– Роджер, тебе же однажды было ясно сказано, что мистер Максимов не хочет светиться в твоём фильме, – подал голос Янг.

– Ну почему же, если мне удастся раскопать нечто весьма интересное, то я готов наступить на горло собственной песне и стать героем кинополотна, которое снимает Роджер, – сообщил неожиданную для его собеседников новость Максимов. – Пусть весь мир узнает, кто именно стоит за терактами, происходящими сегодня в Сирии.

– Оставьте раскопки археологам, – усмехнулся Янг. – Я уже говорил, что за этим терактом, судя по всему, стоят местные оппозиционеры, ненавидящие карателей из госбезопасности.

– А как же погибший во время взрыва курдский лидер? – поинтересовался Томпсон.

– Он мог попасть под раздачу совершенно случайно, – пожал плечами Янг. – Мало ли сегодня в Сирии случайных жертв?

– Вот видите, сколько разных интересных поворотов таит в себе эта трагедия, – вновь вступил в разговор Максимов. – Я постараюсь их все изучить и выдать нечто развернутое – этакое сенсационное журналистское расследование.

– Хотите, Иван, я отвезу вас до аэропорта на своем автомобиле? – после некоторой паузы, возникшей в разговоре, предложил Янг.

– Вы уже успели нагрузиться виски, Саймон, чтобы быть хорошим водителем, – ответил Максимов.

– У меня есть личный шофер – мистер Дьюк, который абсолютно трезв.

– Увы, но меня согласились отвезти наши посольские работники, – развел руками Максимов и взглянул на часы: – Они подъедут за мной ровно через пятнадцать минут. Так что, друзья, давайте выпьем еще по паре глотков и пожелаем мне удачной поездки.

Вспоминая в самолете детали этого разговора, Максимов мысленно похвалил себя за свою проницательность, Янг действительно клюнул на его приманку. Предложение подвезти до аэропорта, судя по всему, было не чем иным, как попыткой не дать ему покинуть Египет. «Значит, Янг по-настоящему испугался, услышав о цели моей поездки, – размышлял Максимов. – Он не хочет, чтобы кто-то копался в деталях этого теракта и тем более выносил их на всеобщее обозрение где бы то ни было – ни в прессе, ни в документальном кино. Тем более сейчас, когда он угодил на крючок к Трейси. Поэтому мою участь Янг решит в соответствии со своими представлениями о морали. С момента нашего разговора минуло уже более двух часов, и за это время он наверняка уже успел связаться с аль-Хаджем и отдать ему все необходимые распоряжения относительно моей судьбы. Не случайно ведь последним тостом в его устах были слова «Пусть сирийская земля приютит вас, как родного». Весьма двусмысленная фраза: то ли во здравие, то ли за упокой».

* * *

Италия, города Казал-Ди-Принцип и Латина

Кьянти разбудило ото сна чье-то легкое прикосновение к плечу. Открыв глаза, он увидел склонившегося над его креслом Сезаре. Тот смотрел ему в глаза с подобострастием раба, готового выполнить любой приказ.

– Сколько я проспал? – первым делом спросил мафиози, хотя его наручные часы «Breguet» были при нем.

– Чуть больше пяти часов, синьор Кьянти.

– Дьявол, почему же ты меня не разбудил? – мафиози вскочил на ноги.

– Я управился с вашим заданием всего лишь пять минут назад. И только после этого решился вас потревожить.

– Ты хочешь сказать, что тебе удалось вычислить телефонный номер человека, который живет в Латине?

– Удалось, синьор Кьянти. Это некто Беппе Бальдрини, кстати, он бывший сенатор.

– Ты установил даже его имя? – гость был приятно удивлен и не скрывал этого.

– Я старался оправдать ваше доверие.

– Молодчина! – мафиози похлопал радиоэлектронщика по плечу. – Как тебе это удалось?

– Пришлось приложить некоторые усилия. В записной книжке этой сучки, как вы изволили выразиться, оказалось 157 только мобильных номеров. Значительная их часть принадлежит нашим землякам из Казал-ди-Принципа или окрестных мест. И только один номер дает устойчивый сигнал, привязанный к Латине. Я пробил этот номер по своему компьютеру и выяснил его принадлежность.

– Каким образом?

– Я же говорю, что его обладатель – бывший сенатор. Номер его телефона обнаружился на одном из официальных сайтов нашего парламента. Мне стоило только вбить этот номер во Всемирную паутину, как у меня тут же возник нужный сайт.

– Точный адрес этого сенатора там не указан?

– К сожалению, нет, только номер мобильного телефона, который фигурирует и в записной книжке, которую вы мне дали. Однако приблизительный адрес бывшего сенатора установил мой пеленг. Если хотите посмотреть...

Сезаре не успел договорить, как Кьянти был уже рядом со столом, где возвышалась аппаратура слежения. На мониторе, где была отображена карта города Латина, четко высвечивался сигнал, который исходил от мобильного телефона Беппе Бальдрини. Кьянти внимательно всмотрелся в изображение, но так ничего и не понял:

– Откуда исходит сигнал?

– Погрешность его показаний составляет около двухсот метров. Короче, этот бывший сенатор живет на углу двух улиц – виа Сан Грегорио и виа Кандотти. Это северная часть города.

Услышав это, Кьянти немедленно полез в карман своего пиджака за мобильным телефоном. Спустя несколько секунд он уже разговаривал с Чиро Траппони, который с тремя выжившими реджиме все еще находился в Латине и ждал вестей от своего босса.

– Слушай меня внимательно, Чиро, – четко выговаривая каждое слово, произнес Кьянти. – Мы установили адрес человека, у которого могут находиться наши беглецы. Это бывший сенатор Беппе Бальдрини, который проживает где-то на углу виа Сан Грегорио и виа Кандотти. Точный адрес тебе придется установить самому уже по месту прибытия. Думаю, это будет нетрудно сделать. Действуйте крайне осторожно, поскольку вас уже не дюжина, а всего лишь двое. Учти, что этот человек – профессионал своего дела, поэтому в открытое столкновение с ним постарайся не вступать. Воспользуйся тем, что ты отменный стрелок – стреляй по ногам. После этого ему будет трудно скрыться. А когда вы возьмете на мушку эту бывшую журналистку, у него и вовсе отпадет всякая охота сопротивляться. Ты все понял? Тогда действуй без промедления! Я буду ждать от тебя вестей. Чао.

Получив четкие указания от босса, Траппони дал команду Паскуале Аквиле занять место за рулем. Водителю пришлось на бегу доедать сфольятеллу, купленную в привокзальном буфете, и, усевшись за руль, выжимать из машины максимальную скорость, поскольку времени у них было в обрез. Паскуале был усердным реджиме мафиозного семейства Кармине Кампо, поэтому он не подкачал его и в этот раз – их автомобиль примчался на угол виа Сан Грегорио и виа Кандотти в тот самый миг, когда беглецы, плотно позавтракав в доме Бальдрини, покинули гостеприимный дом и выехали на тот же самый угол двух улиц. В виду воскресного дня, в эти утренние часы улицы

города были абсолютно пустынные, поэтому не заметить друг друга беглецы и их преследователи просто не могли. Когда автомобиль беглецов на полной скорости промчался мимо мафиозного «Фиата», Траппони завопил что было мочи:

– Паскуале, это они, разворачивайся!

Повторять команду дважды не понадобилось – бывший автогонщик так резко вывернул руль, что их автомобиль мгновенно развернулся на небольшом пятачке и бросился в погоню за беглецами. Началась бешеная гонка по узким улицам уездного городишка.

Корецкий сразу заметил погоню, поэтому принялся выжимать из «Тойоты», любезно предоставленной им бывшим сенатором, максимальную скорость. Всего лишь пять минут назад Бальдрини показал ему на карте дорогу, ведущую в Рим, поэтому спецназовец ехал не наобум, а четко держа в голове маршрут следования. Заблудиться было невозможно, однако погоня внесла в эти планы свои коррективы: Корецкому пришлось увеличить скорость, и он в пылу охватившего его азарта невольно пропустил нужный поворот на римскую автотрассу. Впереди таких поворотов было несколько, но поскольку Корецкий выучил на карте лишь этот, дальше ему пришлось положиться целиком на свою интуицию. Впрочем, в тот момент когда у них на хвосте сидели мафиози, главным для беглецов стал не поиск нужного направления в столицу, а отрыв от преследования. Сделав это, потом можно было бы спокойно отыскать и дорогу в Рим.

На удачу беглецов их преследователи тоже были впервые в этом городишке, поэтому совершенно не знали его топонимику, полагаясь исключительно на показания своего навигатора. Но во время бешеной погони толку от него было мало, поэтому все свои надежды преследователи возлагали на мастерство своего водителя – в прошлом опытного гонщика. Паскуале это тоже понимал, поэтому старался изо всех сил. Он плотно висел на хвосте убегающей «Тойоты», отставая от нее примерно на двадцать-тридцать метров. А сидевший рядом с водителем Траппони крепко сжимал в руках пистолет и ждал удобного момента, чтобы прострелить задние колеса убегающего автомобиля. Однако каждый раз, когда он высовывался в окно, преследуемый автомобиль резко сворачивал в соседнюю улочку, не давая возможности стрелку прицелиться и сделать точный выстрел.

В течение нескольких минут погоня петляла по узким улицам, не давая каких-либо преимуществ ни одной из сторон. Пока Корецкому однажды не улыбнулась удача. Свернув в одну из улочек, он увидел слева небольшую арку, в которую тут же и нырнул. Арка вывела его в маленький дворик, из которого дорога вела на другую улицу. Однако спецназовец вовремя заметил справа небольшой участок двора, где было развешано белье – это были длинные простыни, свисавшие почти до самой земли. Именно туда Корецкий осторожно и въехал, скрыв автомобиль за простынями. А в следующую секунду беглецы услышали, как во двор стремительно ворвался автомобиль преследователей. Однако мафиози не догадались о ловком маневре беглецов и, выскочив на соседнюю улочку, направили свой автомобиль в противоположную сторону.

Едва шум погони стих, Корецкий сдал автомобиль назад и вырулил на ту улочку, с которой они въехали в арку.

– Кажется, мы от них оторвались, – вырвался радостный возглас из уст Стефании.

– У нас в России в таких случаях обычно отвечают: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь», – мрачно заметил Корецкий.

Он как в воду глядел. Они проехали всего лишь несколько сот метров, петляя по разным улочкам, как вдруг на одной из параллельных улиц, в проеме между домами, заметили мафиозный «Фиат». На беду мафиози их тоже заметили, после чего погоня возобновилась с прежней скоростью. Однако в этот раз длилась она недолго.

Когда оба автомобиля отделяли друг от друга все те же метров тридцать, Траппони вновь высунулся в окно и прицелился в правое заднее колесо преследуемой «Тойоты». До выстрела оставались считанные секунды, когда автомобиль беглецов выскочил на одну из площадей городка и свернул резко налево. В этот же самый миг навстречу двигался трактор с прицепом, доверху наполненным сеном. За его рулем сидел молодой парень, в ушах которого были наушники от плеера. Парень явно не ожидал появления перед собой чужого автомобиля, впрочем, как и Корецкий. В результате спецназовец, пытаясь избежать столкновения, нажал на газ и успел проскочить прямо перед носом у трактора. Однако маневр был осуществлен на

такой большой скорости, что «Тойота» не сумела вписаться в поворот и врезалась в угол ближайшего здания.

Между тем трактор по инерции проехал еще несколько метров и оказался уже на пути мафиозного «Фиата», мчавшегося на предельной скорости за «Тойотой». Причем удар мафиозного автомобиля пришелся как раз в прицеп. Столкновение получилось настолько сильным, что прицеп накренился набок, а «Фиат» как на трамплине подскочил в воздух и, перелетев через препятствие, со всей силы врезался в стену противоположного дома, после чего рухнул с высоты на собственную крышу, буквально расплющив всех, кто находился в салоне.

* * *

Сирия, город Дамаск

Проходя паспортный контроль в дамасском аэропорту, Максимов периодически бросал внимательные взгляды в сторону людей, которые сосредоточились за стеклянной перегородкой на другой половине терминала – в зоне встречающих. Его самого никто официально не встречал, однако он прекрасно знал, что ему должна была быть подготовлена неофициальная встреча. Во-первых, среди встречающих наверняка должны были быть люди аль-Хаджа, прибывшие сюда по душу Максимова по заданию своего главаря. За те два часа, пока он летел из Каира в Дамаск, у аль-Хаджа было достаточно времени, чтобы, получив звонок от Саймона Янга, прислать в аэропорт своих людей. Однако среди нескольких десятков встречающих распознать их было крайне трудно, фактически им мог быть каждый человек, за исключением, разве что, согбенных старух и стариков, а также маленьких детей, сновавших в аэропортовском зале.

Во-вторых, среди встречающих обязательно должны были быть и люди из сирийской госбезопасности, которых Хафез Раджих предупредил еще раньше, чем это сделал Саймон Янг в отношении аль-Хаджа – ранним утром сегодняшнего дня, еще за несколько часов до отлета полковника из Каира. И опять же распознать их в толпе встречающих было невозможно. Короче, после нескольких минут

своего наблюдения Максимов решил оставить это дело, придя ко вполне закономерному выводу: когда ситуация этого потребует, каждая из сторон обязательно себя проявит. Тем более что весь план прилетевшего в том и состоял, чтобы вести себя самым естественным образом, не давая повода людям аль-Хаджа заподозрить себя в двойной игре.

Пройдя все необходимые процедуры, Максимов вышел в зал для ожидающих и, не глядя по сторонам, направился к выходу из аэропорта. На улице ему предстояло взять такси, которых обычно там всегда было в избытке, однако в эти планы вмешалось неожиданное обстоятельство. Прямо перед собой Максимов увидел молодую женщину-арабку в традиционном длинном до пят платье, которая одной рукой везла большой чемодан на колесиках, через плечо у нее была перекинута не менее большая спортивная сумка, а второй рукой она удерживала мальчишку лет шести, который то и дело норовил вырваться из-под материнской опеки и первым выбежать из дверей аэропорта. В один из таких моментов, когда мальчишка в очередной раз попытался избавиться от цепких материнских рук, женщина не удержала чемодан и он рухнул на пол. Возмущенная мать остановилась и громко отчитала сына, который разом присмирел и теперь стоял перед матерью, виновато потупив голову. Добившись от сына покорности, женщина наконец подняла чемодан, однако сумка, висевшая на плече, явно была здесь не к месту, то и дело соскальзывая вниз. Видя эти мучения, Максимов подошел к незнакомке и предложил ей свои услуги: вызвался помочь донести ей хотя бы сумку до того места, куда они с мальчиком направлялись. Смерив самозваного помощника цепким оценивающим взглядом, женщина... улыбнулась и сняла с плеча свою сумку, поставив ее на пол. После чего она сразу оказалась на плече у Максимова. Так втроем они и вышли из здания аэропорта.

Как оказалось, женщину звали Фатима, а ее сына Мухаммедом. Они прилетели с Кипра, где пробыли на отдыхе десять дней, хотя отдыхать должны были две недели. Но, получив известие о том, что глава их семейства, служивший в правительственной армии, был ранен в ходе боев за Дамаск и теперь находится в госпитале, они прервали отдых и вернулись на родину. Вот почему в аэропорту их никто не

встречал, объяснила женщина Максиму. После чего указала рукой в направлении автобусной остановки – дескать, нам туда.

– Мы можем гораздо быстрее добраться до города на такси, – предложил Максимов.

– К сожалению, сына укачивает в автомобилях, поэтому мы предпочитаем автобусы, – объяснила женщина.

И Максимов послушно направился за женщиной с ребенком, которые ускорили свой шаг, поскольку к остановке в это время подошел рейсовый автобус. Пристроив чемодан в багажный отсек, Фатима попросила своего бескорыстного помощника занести спортивную сумку внутрь салона. Максимов снял ее с плеча и взялся за боковые ручки. И в этот миг его правую руку пронзила резкая колющая боль, как будто маленькая иголка впиалась ему в ладонь. Правда, боль оказалась настолько мимолетной, что Максимов не стал заострять на ней своего внимания, чтобы не задерживать идущих за ним пассажиров. Дойдя до середины салона, он пристроил сумку на верхнюю полку, а сам занял место у противоположного окна. Фатима с сыном уселись на другой стороне, причем мать пропустила свое чадо к окну, чтобы оно не имело возможности болтаться по коридору. Спустя пять минут автобус тронулся в путь.

А еще через пять минут по всему телу Максимова начались судорожные конвульсии, а в уголках губ появилась белая пена. Сознание его помутилось и он потерял сознание. Газета, которую он держал в руках, упала в проходе между кресел, что стало сигналом для Фатимы. Она громко закричала водителю, чтобы он остановился, так как одному из пассажиров стало плохо. Водитель свернул на обочину и, когда вышел в салон, сразу увидел, что дело плохо: пассажир, о котором шла речь, и в самом деле выглядел неважно.

– Среди вас есть врачи? – обратился водитель к пассажирам.

Ответом ему была гробовая тишина.

В этот миг Фатима что есть силы забарабанила по оконному стеклу. Водитель повернул голову на шум и увидел, как возле его автобуса остановилась машина «скорой помощи». Из нее вышли двое рослых санитаров и постучали в дверь автобуса. Когда она открылась, медики поднялись в салон и один из них спросил:

– У вас что-то случилось?

– Да, пассажиру стало плохо, – подала голос Фатима и указала на Максимова.

Санитары молча прошли в салон и, даже не тратя времени на осмотр больного, подняли его из кресла и, положив его руки себе на плечи, понесли наружу. Еще через минуту они занесли пострадавшего в карету «скорой помощи» и захлопнули заднюю дверцу. После чего пассажиры автобуса, прильнувшие лбами к окнам, увидели лишь облако пыли, которое подняли колеса отъезжающей «скорой». На лицах всех пассажиров читалось сочувствие по адресу их недавнего попутчика, с которым судьба обошлась столь нелицеприятным образом. И только один пассажир автобуса выглядел безучастно – Фатима, которая была не кем иным, как соратницей и любовницей аль-Хаджа.

Максимов очнулся лежащим на полу со связанными за спиной руками. Сколь долгим было его беспамятство, он не знал, а посмотреть на наручные часы не было никакой возможности: в помещении была кромешная темнота. Впрочем, он сумел быстро определить, что часов-то у него на руке уже и нет, видимо, их снял кто-то из тех, кто привез его сюда. И эта мысль не огорчила Максимова, а только обрадовала, поскольку именно таким и было предназначение этих красивых наручных командирских часов – переключать от хозяина к похитителям. Короче, готовясь к поездке в Дамаск, Максимов и люди, которые его снаряжали всем необходимым, постарались все предусмотреть. Например, в одну из пуговиц на рубашке Максимова был встроен микромаячок, который позволял коллегам из сирийской госбезопасности не потерять его из поля зрения и точно засечь его месторасположение. Поэтому лежа сейчас на полу в каком-то темном помещении, Максимов не сильно волновался за свою жизнь, уверенный в том, что сирийские госбезопасники в курсе того, где он находится. Его волновало другое: сумеют ли его коллеги прибыть сюда ровно после того, как он встретится с аль-Хаджем? Ведь если они сделают это раньше, тогда вся его миссия пойдет коту под хвост – разговаривать аль-Хаджа на интересующую тему Максиму не удастся.

Едва он об этом подумал, как в помещении зажегся свет. Произошло это настолько неожиданно, что Максимов застонал: яркий свет больно резанул по глазам. Спустя несколько секунд он

почувствовал, как чьи-то сильные руки подняли его с пола и усадили на пластиковый стул. Только после этого пленник вновь открыл глаза и увидел прямо перед собой бородатого мужчину в военном комбинезоне цвета хаки. Судя по той фотографии, которую ему перед отлетом показывал Хафез Раджих, перед Максимовым стоял Закхей аль-Хадж собственной персоной.

– В этом подвале перебивало множество пленников, однако русских еще не было, – вместо приветствия обратился к узнику на чистейшем английском террорист. – Надеюсь, вам удобно, мистер Максимов?

– Мне было бы приятней, если бы вы называли меня товарищ.

– Увы, но правила здесь устанавливаю я, а не мои пленники, – по губам аль-Хаджа пробежала недобрая усмешка.

Террорист прошел за спину Максимова и развернул его вместе со стулом в обратную сторону. Пленник увидел впереди себя небольшой стол, на котором лежал плеер с наушниками. Максимов узнал в нем свой собственный плеер, в котором находился диск с записью вчерашнего разговора Янга с Трейси в бассейне отеля «Найл Хилтон».

Усевшись на стул с противоположной стороны, аль-Хадж как заправский американец взгромоздил ноги на стол и щелкнул зажигалкой. Спустя пару секунд помещение окутал сигаретный дым. Сделав глубокую затяжку, аль-Хадж продолжил:

– Судя по тому, что я услышал в этом плеере, вы прилетели в Дамаск в поисках меня. Кстати, как вам, всего лишь журналисту, удалось так профессионально подстроить эту прослушку? Или вы все-таки не журналист?

– Разве мистер Янг на этот счет вам ничего не говорил?

– Говорил, – утвердительно кивнул головой террорист. – Вы в самом деле русский разведчик?

– В самом деле.

– Тогда непонятно, на что вы рассчитывали? Русские для нас кровные враги, это во-первых. Во-вторых, неужели вы полагаете, что я сдам вам Янга?

– Но он же вас сдал.

– Он меня сдал много лет назад, еще когда мы с ним только познакомились. И я на этот счет никогда не заблуждался.

– Но тогда это было чисто теоретически, а вчера произошло самым натуральным образом.

– Это все частности. Относительно того, что Янг может сдать меня в ближайшее же время, мои мозги стали активно работать сразу после того, как мы взорвали курдов. Заметьте, случайно взорвали.

– Вы верите в случайности на этой войне?

– А почему я не должен в них верить?

– Потому что вы проигрываете в этой войне отнюдь не случайно, а закономерно.

– И это говорит мне человек, который сидит передо мной со связанными руками?

– Мой случай – частный. Я имею в виду поражение вашего движения здесь, в Сирии. И не надо преувеличивать роль русских в этом поражении, все гораздо глубже.

– Мы еще ничего не проиграли. Наш джихад вечный, на смену нам придут другие воины Аллаха.

– Может, хватит прикрываться именем Всевышнего? Вы сеете терроризм от имени ислама, но вопреки духу и букве Корана. И при этом имеете смелость заявлять, что исповедуете джихад. Судя по тому, что происходит в Сирии, шахидами можно назвать солдат асадовской армии, а не вас. Вы пришли сюда как захватчики, а они защищаются. Значит, они шакиды, выполняющие малый джихад.

– В таком случае, мы исповедуем средний джихад. Помните, что сказано о нем в Коране? Он поднимает в сердцах и душах людей жажду справедливости, рождает мужество, когда человек не боится говорить верховному правителю всю правду, какой бы страшной она ни была.

– Но за этим правителем большинство народа, которое не хочет его свержения. Если год назад это было непонятно, то теперь-то это видно со всей очевидностью. Значит, большая часть сирийцев не хочет вашего джихада. Тем более, если за ним стоят такие люди, как Саймон Янг и ему подобные. Премерзкие люди, скажу вам, которые поклоняются одному богу – золотому тельцу. Неужели вы думаете, что, связавшись с такими людьми, вам удастся остаться чистеньким?

– Эти люди – наши временные попутчики. Они были таковыми во время вашей войны в Афганистане, сегодня они помогают нам здесь. Но вы зря думаете, что они вертят нами. Все совершенно наоборот.

– Вы так говорите потому, что диск с моей записью попал к вам до того, как люди Янга успели заманить вас в ловушку и сдать курдам на растерзание. Отсюда ваша смелость и осознание того, что это вы вертите американцами, а не они вами.

– Вы хотите, чтобы я сказал вам спасибо за вашу услугу? Хорошо, я говорю вам это слово. Но это все, что я могу для вас сделать, живым отсюда вы не выйдете, – аль-Хадж отбросил недокуренную сигарету в угол подвала.

– А как же быть с основами третьего джихада – самого важного в Коране? В нем речь идет о не прекращающейся ни на миг великой войне внутри каждого человека между дьявольским и божественным. Так сделайте же божеское дело, помогите уничтожить это порождение дьявола, Саймона Янга, для которого сдать своего товарища по борьбе такое же обычное дело, как чистка зубов после обеда.

– Я даю вам слово, что это порождение дьявола в скором времени будет уничтожено. Однако вам, увы, увидеть этого уже не доведется, я сделаю это без вашего участия.

– Именно это меня больше всего и тяготит, что я уйду из жизни, так и не узнав о тех скелетах, которые хранятся в шкафу у Янга.

– О каких скелетах вы говорите?

– Разве их мало у этого дьявольского выкормыша?

– Не понимаю, чего вы добиваетесь, мистер Максимов? Вам говорят, что жить вам осталось всего-то несколько минут, а вы пытаете меня на предмет каких-то скелетов в шкафу Саймона Янга? Дались вам эти скелеты, лучше потратьте это время на молитву вашему православному богу.

– Бог у нас с вами один, только называется по-разному. Кстати, неприятие христианства в корне противоречит идеям Корана. Ну да бог с этим. Вернемся к скелетам Саймона Янга. Можете вы мне сделать одолжение, тем более что я вам такое уже сделал – спас вашу жизнь. Вы мне мою жизнь, как я понял, даровать не хотите, но скрасьте хотя бы мою смерть.

Сказав это, Максимов поймал на себе взгляд аль-Хаджа, полный настоящего изумления. Было видно, что террорист никак не может взять в толк, шутит его пленник или говорит всерьез. Видимо, с таким приговоренным к смерти ему сталкиваться еще не приходилось.

– Что вы хотите узнать? – после небольшой паузы, понадобившейся ему для того, чтобы закурить еще одну сигарету, спросил террорист у своего пленника.

– Меня интересует история с исчезновением дочки бывшего американского сенатора, которая пропала в Италии в 2000 году. Вернее не сама эта история, а степень участия в ней Саймона Янга.

– А почему вы решили, что мне об этом что-либо известно?

– Разве вы не знаете, что в присутствии человека, приговоренного к смерти, лукавить грешно? – вопросом на вопрос ответил Максимов, после чего заработал еще один изумленный взгляд в свою сторону. – Итак, Саймон Янг участвовал в этом похищении?

Прежде чем ответить, террорист взглянул на часы, видимо, впереди его ожидали какие-то важные дела. Однако они, как выяснилось, могли еще какое-то время подождать – аль-Хадж остался сидеть на своем стуле и продолжил общение с пленником:

– Янг не только участвовал в этом похищении – он его организовал. Правда, цели похищать именно американку, дочь бывшего сенатора перед ним не стояло, это получилось случайно. Людям Башкима Дериша была дана команда подыскать «свежее мясо», причем непорченное.

– Непорченное – значит, девственницу? – спросил Максимов.

Но аль-Хадж не стал отвечать на этот вопрос, продолжая говорить то, что ему представлялось нужным:

– Такое «мясо» очень любит один влиятельный итальянский бизнесмен – Лучано Валенти, младший брат известного политика Марчелло Валенти. С обоими Янг хорошо знаком, однако наиболее близкие отношения у него сложились с младшим из братьев – у них какой-то совместный бизнес на Аппенинах. Кроме этого, Лучано является тайным информатором Янга, выведывая у своего старшего брата конфиденциальную информацию военного характера. За эти услуги Янг щедро платит информатору, но не деньгами – их у Лучано предостаточно, – а свежим непорченым «мясом». Есть у младшенького такая слабость – насиловать девственниц. Однако в тот раз вышла промашка – люди Дериша похитили не то «мясо». В итоге вышел грандиозный скандал, который с трудом удалось замять.

– Каким образом?

– Янг приказал закатать девчонку в бетон, чтобы никто не нашел ее тела. Как говорится, нет тела – нет улик. Но где она покойся, мне неизвестно – эти детали меня мало волнуют. Слышал, что в каком-то новом римском квартале, где тогда велась стройка.

– Как Янгу удалось так ловко замять это дело?

– Он подключил все свои итальянские связи, тем более что младшему из Валенти огласка тоже была не нужна. Думаю, не остался в стороне и старший из братьев, у него связи в политических и бизнес-кругах еще более обширные. Короче, отец несчастной девчонки так ничего и не выяснил и вынужден был вернуться на родину ни с чем. Без тела и без уголовного дела.

– Дериша тоже устранили по команде Янга?

– Он слишком много знал, чтобы остаться в живых после такого скандала.

– Теперь, как я понял, очередь дошла и до вас?

– Я рассчитываю прожить долго, в отличие от самого Янга, да и от вас в том числе. Жить вам, мистер Максимов, осталось, – и террорист вновь взглянул на часы, – от силы десять минут. У вас еще есть ко мне какие-нибудь просьбы?

– У меня была к вам всего лишь одна просьба, но ее вы уже выполнили, спасибо.

– Приятно иметь дело с вежливым человеком, – и губы террориста тронула вполне искренняя улыбка. – Впрочем, русские разведчики всегда отличались своей воспитанностью.

– Вы часто с ними встречались?

– Было дело в Афганистане, да и в Чечне тоже. Кстати, убивать вас будут два брата-афганца, вся семья которых погибла во время налета советской авиации на их кишлак в предгорьях Кандагара. Они согласились участвовать в вашем похищении, взяв с меня слово, что после нашей беседы я отдам вас им на растерзание. А слово свое я привык держать. Так что без обид, мы на войне.

– Вы считаете такое мое заклятие справедливым?

– Намеряете на ваше беспомощное состояние? Так и быть, я развяжу вам руки. Но не думайте, что это вам сильно поможет: братья-афганцы сущие звери и справятся с вами, даже если у вас будут развязаны руки. Впрочем, вы можете убедиться в этом сами.

Сказав это, аль-Хадж дважды громко хлопнул в ладоши, после чего Максимов услышал, как за его спиной открылась дверь. Повернув голову на шум, он увидел в дверях двух бородатых мужчин с угрюмыми лицами. С ними сегодня он уже встречался, хотя и не помнил этого: именно они под видом санитаров забирали его из автобуса.

— Надеюсь, ваши мучения продлятся недолго, — аль-Хадж поднялся со стула и, подойдя сзади к Максиму, одним движением ножа перерезал его путы.

Пока Максимов растирал свои затекшие запястья, аль-Хадж молча удалился из подвала, предоставив своим людям разбираться с пленником по их собственному усмотрению. Но братья не спешили приступать к казни, видимо, рассчитывая дать пленнику возможность по-настоящему ужаснуться своему безвыходному положению. Хотя, если бы они смогли проникнуть в его сознание, то сильно бы удивились, не обнаружив там даже малейшей тени страха. Пленник и в самом деле был спокоен, поскольку того мимолетного взгляда на братьев, который он бросил, еще будучи связанным, ему хватило, чтобы понять: бороться ему предстоит не с двумя, а всего лишь с одним из бородачей — тем, что стоял слева. Бородач, стоявший справа, в расчет не брался, поскольку именно на его руке Максимов увидел свои командирские часы, которые ему вручили его коллеги из российского посольства. Это были не просто часы, а часы-ловушка. Выполненные как очень дорогие и редкие, они специально предназначались для использования в той ситуации, в какой сегодня оказался Максимов. Внутри часов была вмонтирована миниатюрная взрывчатка, которую можно было использовать двумя способами: либо бросить ее в противника, нанеся ему не смертельное, но очень чувствительное ранение, либо взорвать непосредственно на руке противника, после того как тот, не сумев совладать со своей жадностью, отберет часы у пленника. В сегодняшнем случае произошел именно второй вариант развития событий.

Поднявшись со стула, Максимов положил ладонь на круглую бляху своего кожаного ремня и дважды сдвинул ее против часовой стрелки. После этого часовой механизм в наручных часах бородача заработал, начав отсчитывать секунды до взрыва. Секунд было немного — всего десять. Поэтому обладатель часов смог сделать всего

лишь несколько шагов по направлению к пленнику, после чего раздался громкий хлопок. Мини-взрывчатка сдетонировала, после чего ладонь бородача оторвало напрочь, а осколки от часов впились в бедро его брата. Произошедшее явилось столь неожиданным для бородачей, что они на какое-то время оказались полностью дезориентированы. Тот, что был ранен, с диким воплем рухнул на колени, сжимая здоровой рукой ту, из которой теперь фонтаном хлестала кровь, а его брат, стиснув зубы, обеими руками схватился за пораженное мелкими осколками бедро. Этим замешательством и решил воспользоваться Максимов. Схватив за спинку пластиковый стул, на котором он только что сидел, пленник со всей силы обрушил его на голову раненого бородача. Удар получился настолько мощным, что череп террориста треснул, как перезревший арбуз. С одним противником было покончено.

Однако в живых оставался второй бородач, на которого смерть брата произвела поистине отрезвляющее впечатление. С диким воплем он бросился на Максимова, сжимая в руках длинный армейский кинжал с обоюдоострым лезвием. Однако пленник и его встретил во всеоружии. Резким движением руки Максимов буквально с корнем вырвал одну из пуговиц, пришитых к воротнику его рубашки. И в следующую секунду из-под воротника наружу вытянулась леска, которой пленник внахлест перехватил вооруженную руку нападавшего и, действуя леской как рычагом, опрокинул бородача на землю. Падая, тот выронил кинжал, который Максимов, не имея возможности схватить, попросту отбросил ногой в дальний угол подвала. А сам, упав на колени, набросил леску на шею бородачу. Но тот оказался не менее расторопным – в последний момент успел просунуть под леску согнутую в локте руку. Поэтому захватить горло в петлю Максимова не удалось. А затем он и вовсе был отброшен в сторону резким ударом в живот, который его противник нанес ему свободной рукой, опять же согнутой в локте.

Освободившись от захвата, бородач вскочил на ноги. В следующую секунду он бросился в тот угол, где лежал кинжал, но Максимов в броске успел схватить его за ногу. Однако свободной ногой террорист сумел нанести ему сильный удар в лицо. На какие-то нескольких секунд пленник потерял ориентацию. Этих секунд бородачу хватило для того, чтобы завладеть кинжалом. Но то же самое

сделал и Максимов, воспользовавшись кинжалом второго бородача, выпавшим из его рук во время взрыва. Началась дуэль на клинках.

Тем временем аль-Хадж уже успел подняться на поверхность того здания, где содержался пленник. Это был огромный полуразрушенный комплекс, некогда бывший заводом по переработке химических удобрений в пригороде Дамаска. В тот момент, когда он вышел из дверей, его и заметили сирийские спецназовцы во главе с полковником Махмудом аль-Валидом. Некоторое время назад их радары засекли сигнал от радиомаяка, спрятанного в рубашке Максимова, однако определить точное местонахождение пленника быстро не удалось, поскольку сигнал был слишком слабым из-за толщины бетонных стен, нависших над подвалом. Поэтому, прилетев к бывшему заводу, спецназовцы взялись прочесывать огромную территорию, двигаясь в том направлении, откуда мог исходить сигнал. В этот самый миг на них и вышел главарь террористов в полной боевой экипировке. Завязалась автоматная перестрелка, которая очень быстро заставила аль-Хаджа нырнуть обратно в здание и, перескакивая через две ступени, стремглав подняться на его крышу. Полковник со спецназовцами бросились в погоню.

Аль-Хадж прекрасно знал окрестности завода, поэтому бежал по крыше строго в одном направлении – на север. Там у террористов было несколько схронов, которые соединялись друг с другом сетью подземных ходов. К тому же там террориста ждала подмога, на которую он теперь очень рассчитывал. Однако прежде чем до нее добраться, надо было миновать несколько зданий, перескакивая с одной крыши на другую. В тот момент, когда террорист миновал первую из крыш, перепрыгнув на второе здание, его и заметили спецназовцы. И аль-Валид принял единственно правильное решение. Подозвав к себе снайпера, он жестом показал ему, куда надо стрелять – по ногам убегающего террориста. Показывать дважды не понадобилось – снайпер присел на колени и в течение нескольких секунд прицеливался. Наконец, его палец плавно нажал на курок. А спустя пару секунд выпущенная из винтовки пуля, пробила правую ногу аль-Хаджа в то момент, когда он уже изготавился для следующего прыжка. Всплеснув руками, террорист рухнул на крышу.

Тем временем Максимов продолжал поединок на кинжалах с бородачом. Оба они мастерски владели этим видом оружия, поэтому в

течение нескольких минут никому из них так и не удалось получить преимущества. За это время Максимов сумел рассечь плечо противника, а тот так чиркнул лезвием по его груди, что рассек рубашку почти напополам. После этого противники отскочили друг от друга, беря небольшую передышку перед новым столкновением. Последнее не заставило себя долго ждать, причем в атаку устремился бородач, у которого прямо перед глазами лежал изуродованный труп его брата, взывающий к отмщению. Однако ярость, как известно, застит глаза. Бородач так сильно хотел отомстить за брата, что увлекся атакой. На этом порыве Максимов его и поймал. В один из моментов он сумел резким движением кинжала полоснуть противника по запястью, после чего рука бородача, державшая кинжал, разжалась. Оружие упало на бетонный пол, а поднять его бородач не успел: едва он попытался это сделать, как Максимов метнул в него свой кинжал. И в тот момент, когда бородач собирался нагнуться, посланный клинок пронзил его в самое горло. Удар был настолько сильным, что террориста будто взрывной волной отбросило к стене. Так, с пронзенным горлом и глазами, полными дикой боли, он и осел на бетонный пол.

В тот самый миг, когда Максимов убил второго бородача, решила и судьба аль-Хаджа. Раненый в ногу, он какое-то время пытался отстреливаться от наседавших на него с разных сторон спецназовцев, но когда рожок его автомата иссяк, а в обойме пистолета остался последний патрон, террорист поступил как истинный солдат. Приставив дуло к виску, он спустя секунду спустил курок.

* * *

Италия, провинция Латина. Город Латина

Устав вышагивать по больничному коридору, Корецкий уселся на стул, приставленный к стене. По обе стороны от него молча сидели два угрюмых полицейских, приставленные к нему начальником полиции одного из районов города Латина. Как выяснилось, казал-ди-принципская полиция достаточно оперативно разослала ориентировки на гражданина России Леонида Сергеевича Ветрова, подозреваемого в

убийстве сразу пятерых итальянцев (пятым в сводках числился супруг Стефании). Однако личность разыскиваемого установили в Латине далеко не сразу.

Когда к месту произошедшей аварии оперативно примчались врачи и полицейские, личность Корецкого еще никого не интересовала, поскольку надо было быстро разгребать последствия аварии, которые были ужасны: два трупа в «Фиате» и тяжелораненая женщина из «Тойоты». В том, что Стефания не убереглась, была виновата она сама, плохо пристегнув ремень безопасности. В результате сильного удара автомобиля об угол дома ремень выскочил из карабина и женщина вылетела из салона, предварительно разбив головой лобовое стекло. В бессознательном состоянии ее привезли в одну из латинских больниц, где врачи немедленно начали борьбу за ее жизнь. Все это время Корецкий, который в момент аварии получил лишь несколько царапин на лице от разбитого стекла, находился в коридоре, ожидая вестей от медиков. Тогда рядом с ним еще не было полицейских, которые появились здесь примерно через час после начала операции, когда паспортные данные Ветрова сверили с последними ориентировками. Полицейских сопровождал их начальник, Луиджи Коссо, который сообщил, что синьор Леонид Сергеевич Ветров задержан по подозрению в убийстве пяти жителей города Казал-ди-Принципа. Однако от внимания Корецкого не укрылось то, что речь полицейского звучит не слишком уверенно. Вскоре эти опасения подтвердились.

Уведя Корецкого в дальний угол коридора, Коссо предложил ему сесть на стул, а сам примостился рядом.

– Синьор Ветров, не могли бы вы рассказать мне в подробностях о том инциденте, который произошел с вами в Казал-ди-Принципе? Мне важна каждая деталь.

И Корецкий честно рассказал главе полиции перипетии той истории, которая произошла с ним в доме Манчини. Утаив лишь одно – с какой целью он приехал в Италию. Вместо честного ответа он соврал, сообщив полицейскому, будто является другом семейства Манчини и приехал к ним в гости. Впрочем, судя по всему, цель его визита стража порядка интересовала менее всего, эту тему он почти не затрагивал. Зато всю эпопею с дракой и перестрелкой в доме Манчини, а также последующим бегством Корецкого и Стефании выслушал достаточно внимательно. По выражению его лица было видно, что он

склонен доверять рассказчику. Да и как было ему не доверять, если некоторые факты сами говорили в его пользу. Например, Коссо был прекрасно осведомлен, что двое мужчин, погибших в «Фиате», были до зубов вооружены огнестрельным оружием – пистолетами в нателных кобурах и автоматами «beretta» в багажнике автомобиля. И это вполне конкретно указывало на их принадлежность к каморре. Кроме этого, Коссо уже успел переговорить по телефону кое с кем из своих коллег из Казал-ди-Принципа и узнал, что среди погибших в доме Манчини был племянник самого Кармине Кампо – «капо дей капи» местной каморры. И эта смерть окончательно проясняла ситуацию: было понятно, почему каморра с такой настойчивостью преследовала беглецов, настигнув их даже за сотни километров от Казал-ди-Принципа.

– Я склонен верить вашим словам, синьор Ветров, – обратился полицейский к рассказчику, едва тот замолчал. – Я достаточно прослужил в полиции, чтобы правильно разобраться в том, кто в этой истории на чьей стороне. Однако вы умный человек и должны отдавать себе отчет: мне в любом случае придется вас задержать до полного выяснения всех обстоятельств этого дела. Но вы можете сделать звонок в ваше посольство в Риме, чтобы поставить их обо всем в известность.

– Спасибо, синьор Коссо, я уже успел это сделать. Поэтому к вам у меня всего лишь одна просьба. Могу я пока остаться в больнице, чтобы узнать результаты операции, которую ваши врачи проводят моей спутнице?

– Конечно, можете, – не задержался с ответом полицейский. – Тем более что эта синьора – единственная свидетельница, которая может подтвердить ваши слова. Я оставлю с вами двух своих людей, которые приглядят как за вами, так и за вашей спутницей.

Последние слова вновь заставили Корецкого вспомнить о существующей угрозе, ведь омерта – закон мафиозной мести – до сих пор продолжал действовать как в отношении него, так и Стефании. Пожав друг другу руки, Корецкий и глава полиции расстались: первый остался в больнице, а второй, отдав несколько распоряжений своим подчиненным, покинул пределы клиники. А спустя полчаса к Корецкому вышел врач в голубом халате и сообщил ему радостную новость: больная прооперирована и ее жизни ничто не угрожает.

Однако она до сих пор находится без сознания, и, когда придет в себя, никто точно не знает. Пожав руку медику, Корецкий поблагодарил его за удачный исход операции, после чего обратился к полицейским:

– Синьоры, теперь я полностью к вашим услугам.

Спустя несколько минут Корецкого привезли в местную квестуру, где с ним вновь встретился Коссо, пригласив его в свой кабинет. Узнав, что операция прошла успешно и жизни больной ничто не угрожает, он предложил гостью сесть в кресло. Приняв это предложение, Корецкий внес существенную поправку в слова полицейского:

– Жизни моей спутницы ничто не угрожает до тех пор, пока сюда не придут коллеги погибших здесь мафиози из Казал-ди-Принципа. А когда они узнают, что их товарищи погибли, можно себе представить, что они здесь устроят.

– Увы, но я не могу долго держать в тайне это происшествие, – развел руками глава полиции. – По закону я обязан известить родственников погибших в течение ближайших нескольких часов. Да и о вашем задержании тоже не могу молчать, ваше дело находится в ведении прокуратуры Казал-ди-Принципа.

– Но вы же понимаете, что в таком случае за жизни моей спутницы и меня нельзя будет дать и ломаной лиры.

– Я постараюсь сделать все, чтобы с ваших голов на моей территории не упал ни один волос. В больницу я уже послал пятерых полицейских с автоматами, которые будут нести круглосуточное дежурство возле палаты синьоры Манчини, которая теперь становится важным свидетелем. Да и вы тоже будете находиться здесь под неусыпным надзором вооруженных полицейских.

– Но это будет работать до тех пор, пока прокурор Казал-ди-Принципа не вытребует моего перевода к себе.

– Вы гражданин другой страны, и в вашем отношении действует статус дипломатической неприкосновенности. Пусть ваши посольские приложат максимум усилий, чтобы вас перевели не в Казал-ди-Принцип, а в Рим. Добраться туда людям Кармине Кампо будет труднее. А там, глядишь, придет в себя ваша спутница и даст исчерпывающие показания в вашу пользу.

– Но смогут ли ваши люди надежно защитить ее, пока она находится без сознания? – выразил сомнение Корецкий. – Может быть, лучше будет и ее перевезти в Рим?

– Не думаю, что после столь сложной операции врачи согласятся на ее транспортировку. Во всяком случае, в ближайшие несколько дней. Лучше я запрошу помощи у римских карабинеров.

– Хорошо, но вы можете пообещать мне, что известите прокуратуру Казал-ди-Принципа о случившемся только после того, как я встречу с посольскими?

– Такое обещание я вам дать могу. Тем более что вы, синьор Ветров, сделали доброе дело – помогли нам отправить на тот свет целую уйму здешних мафиози.

Услышав эти слова, Корецкий не смог сдержать улыбки.

Примерно спустя полчаса в квестуре объявились представители российской дипмиссии в Риме: один из консулов и сотрудник посольской резидентуры. Еще четверо посольских – сильных и натренированных мужчин – не стали заходить внутрь здания, оставшись дожидаться своих коллег в одном из прибывших автомобилей.

О приезде посольских Корецкому сообщил Коссо, навестив его в одиночной камере предварительного заключения. Прежде чем сопроводить узника к гостям, глава полиции сообщил ему условия свидания:

– Встреча будет длиться десять минут в присутствии меня, сотрудника прокуратуры и стенографистки. Вам разрешается изложить посольским суть вашего дела и обговорить условия вашего перевода под римскую юрисдикцию. Постарайтесь не говорить лишнего, поскольку я не слишком доверяю здешнему прокурору: у нас с ним плохие отношения.

Цену последних слов Корецкий сполна ощутил спустя несколько минут, когда лично познакомился с прокурором – тучным мужчиной с рыхлым лицом и поросычьими глазками. Первое, что сделал этот прокурор – ткнул пальцем в Корецкого и спросил:

– Почему этот человек ходит без наручников? Разве синьор Коссо не знает, в чем он обвиняется?

– Официального обвинения мне никто не предъявлял, поэтому надевать на меня наручники противозаконно, – отреагировал на реплику прокурора Корецкий. – Согласно итальянским законам,

предъявляя мне обвинение, должны быть представлены показания свидетелей. Где они?

– Свидетели должны вскоре прибыть из Казал-ди-Принципа, – продолжать гнуть свою линию прокурор. – Но и без их показаний ясно, что вы совершили на территории Италии тягчайшее преступление – целую серию убийств.

– Повторяю вам, синьор прокурор: эти убийства надо еще доказать. А пока они не доказаны, я могу ходить без наручников. Тем более что в отношении меня действует дипломатический иммунитет.

Видя его решимость в отстаивании своей правоты, прокурор несколько умерил свой пыл, но сдаваться не собирался. Устраивая свое тучное тело на стул, он тем же начальственным тоном произнес:

– Свидание будет длиться десять минут и ни минутой дольше. Три минуты из них уже прошли.

– Я заявляю протест, – вновь возмутился Корецкий. – Я пришел на встречу со своими коллегами, а не с вами, синьор прокурор, поэтому наша перепалка не может быть отнесена ко времени свидания. Если вы будете настаивать на своем, я попрошу моих коллег написать заявление в римскую прокуратуру с точным изложением вашего недостойного поведения. Я гражданин России и не позволю ущемлять мои права.

Молчание прокурора, последовавшая за этой тирадой, ясно показало, на чьей стороне оказалась победа в этом споре. Только после этого Корецкий сел на стул и положил поверх стола свои руки, не обремененные наружниками. Затем слово взял российский консул. Представившись как Петр Матвеевич Жданов, он сообщил:

– Леонид Сергеевич, те обвинения, которые прозвучали в ваш адрес в этом кабинете, дают нам основания полагать, что вам потребуется серьезная защита. Будьте уверены, что таковая вам будет незамедлительно представлена. Мы найдем лучшего адвоката, который самым тщательным образом изучит все обстоятельства вашего дела и поможет вам преодолеть возникшие трудности. Кроме этого, мы немедленно поставим в известность наше московское руководство, с тем чтобы оно включилось в эту проблему и тоже помогло вам выбраться из этой коллизии. Мы сделаем это как можно скорее...

– Спасибо, Петр Матвеевич, я всегда верил в то, что российские граждане, где бы они ни были, защищены надежными гарантиями со стороны своего государства, – прервал речь дипломата Корецкий.

Ему важно было успеть за эти оставшиеся несколько минут сообщить сотруднику резидентуры те сведения, ради которых он, собственно, и был отправлен в Италию. Причем сделать это надлежало таким образом, чтобы находящиеся здесь посторонние люди ни о чем не догадались.

Между тем консул не унимался:

– Мы уверены в том, Леонид Сергеевич, что вы по-прежнему будете достойно представлять нашу страну и не поддадитесь на разного рода провокации, которые возможны в возникших обстоятельствах. То, что мы услышали из уст здешнего прокурора, – это весьма серьезные обвинения. Скажите нам, имеют ли они под собой какие-либо основания?

– Не имеют, – твердо ответил Корецкий. – В данный момент я не располагаю достаточным временем, чтобы обрисовать вам в подробностях всю ситуацию, но как только такая возможность мне представится, я тут же это сделаю. А пока я хотел бы поблагодарить итальянских товарищей за то, что на их земле я встретил множество прекрасных людей, о которых у меня сложились самые прекрасные впечатления. Итальянцы – очень гостеприимные и отзывчивые люди, готовые поделиться даже последним с каждым, кто в этом нуждается. Однако справедливости ради стоит отметить, что среди них есть и такие, по адресу которых у меня готовы сорваться с языка не самые лестные отзывы. Ведь Медзоджорно, юг Италии, славится не только пиццей и макаронами, но и своей организованной преступностью – мафией. А ее представители очень жестоко расправляются с людьми, которые перебежали им дорогу. Сами итальянцы рассказали мне несколько совершенно жутких историй, когда мафия устраняла людей и потом так ловко прятала концы в воду, что следов было не найти. Впрочем, концы прячутся не только в воду. Например, человека могут убить, а труп залить бетоном. После чего на месте его гибели возводится дом или, к примеру, ресторан с каким-нибудь красивым названием.

– Вы наводите напраслину на наш народ, – подал свой голос прокурор. – У вас что, есть доказательства подобных зверств?

– Этими доказательствами переполнены многие ваши средства массовой информации, об этом снимают кино и пишутся книги. Например, одного вашего писателя, написавшего правдивую книгу о каморре, мафия приговорила к смерти. И он теперь вынужден постоянно ходить под усиленной охраной. Так что выражение «закатать в бетон» пошло именно отсюда – от итальянской мафии.

– Жуткие случаи, о которых вы упомянули, совершенно не характерны для наших дней, – продолжал негодовать прокурор. – Это предания глубокой старины, времен, которые давно миновали.

– Как бы мне хотелось верить в то, о чем вы говорите, синьор прокурор. В противном случае может пропасть всякая охота посещать ваши увеселительные заведения. Как, например, можно спокойно пить вино и есть «Пепперони» в каком-нибудь ресторане «Джулия» в римском районе Монтеверде, подозревая, что это заведение, может быть, воздвигнуто на чьих-то костях. У людей может пропасть всяческий аппетит.

– Леонид Сергеевич, мне кажется, вы отвлеклись от главной темы нашей встречи, – вновь подал свой голос консул. – У вас будут какие-либо просьбы в связи с возникшей коллизией, в которую вы оказались вовлечены?

– Конечно, будут. Мне хотелось бы попросить российское посольство позаботиться о передаче моего дела в римскую юрисдикцию. Вы видите, как предвзято настроен здешний прокурор в отношении меня, хотя ему неизвестны полные обстоятельства моего дела. Поэтому можно себе представить, как будут настроены прокуроры из Казал-ди-Принципа, которые обвиняют меня в совершении тяжких преступлений. Мне кажется, римское правосудие будет наиболее объективным в данных обстоятельствах.

– Хорошо, мы обязательно рассмотрим этот вопрос, как только вернемся в Рим, – пообещал консул.

– Есть ли у вас, Леонид Сергеевич, какие-нибудь претензии к своему содержанию здесь? – вступил в разговор до этого все время молчавший представитель посольской резидентуры.

Встретившись с ним взглядом, Корецкий догадался, что тот понял тайную подоплеку его экскурса в мафиозную тему и теперь пытался вызвать на новые откровения. И они не заставили себя ждать:

– Я абсолютно удовлетворен условиями содержания в местной квестуре. Со мной обходятся вполне вежливо. Камера, куда меня поместили, уютна и чиста. Кормят здесь тоже вполне сносно. Конечно, подают здесь не такие деликатесы, которые я имел счастье вкушать в том же ресторане «Джулия» в Монтеверде, но я надеюсь, что когда туман над моим делом окончательно рассеется, я воспользуюсь возможностью неоднократно посетить тот ресторан и с удовольствием вновь отведаю тамошние блюда. Причем приду туда не один, а с моим хорошим знакомым, американским бизнесменом Саймоном Янгом, которому этот ресторан дорог как память. Ведь он стоял у истоков его создания и даже имя ему выбрал неслучайное, а в соответствии с одной историей, которая произошла в его жизни в самом начале этого тысячелетия.

– Ваше время истекло! – вновь подал голос прокурор, предварительно взглянув на часы. – О дате и месте следующего свидания вас известят в надлежащее время.

Когда посольская миссия вышла из квестуры, консул недоуменно пожал плечами:

– Его обвиняют в тяжких преступлениях, а он вздумал рассуждать о ресторанных деликатесах.

– Думаю, на него слишком сильно повлияла вся эта история, – попытался успокоить своего коллегу сотрудник резидентуры. – Но в любом случае в одном он прав: здешнее правосудие может быть предвзятым. Поэтому надо поторопиться в Рим, чтобы запустить процесс по переводу нашего коллеги под столичную юрисдикцию.

Между тем, в отличие от консула, начальник полиции воспринял экскурс Корецкого в мафиозную тему иначе. Сопровождая российского гостя в камеру, полицейский заметил:

– А вы хитрец, синьор Ветров, умеете говорить о важном с помощью околичностей.

– Что вы имеете в виду? – Корецкий замедлил шаг, умело изобразив на лице недоумение.

– Шагайте, шагайте, – тронул его за плечо полицейский. – Я вам не болван-прокурор, которого можно обвести вокруг пальца, как мальчишку. Однако мне глубоко наплевать на ваши тайны, я хочу лишь одного: чтобы ваши коллеги побыстрее забрали вас из нашего города.

Потому что охранять вас и одновременно вашу спутницу мне будет проблематично.

* * *

Москва, квартира Кондратьева

Ожидая в своем кабинете звонка от Жмыха с результатами наблюдения за тайником в Медведково и опроса друзей Жолташ, Кондратьев щелкал телевизионным пультом, пытаясь отыскать в эфире нечто для себя интересное. Однако по всем каналам шел привычный набор воскресной развлекухи, которая редко когда привлекала генерала. Он отдавал предпочтение политическим ток-шоу и документальным фильмам, которых в этот момент в сетке телевизионного вещания не оказалось. Как вдруг в одной из новостных программ его внимание привлек разговор тележурналиста с неким импозантным российским дипломатом средних лет о сирийских событиях. Поскольку Кондратьев включил сюжет где-то в середине, ни фамилии дипломата, ни его должности в системе российской власти узнать было нельзя. Но говорил он, по мнению Кондратьева, весьма дельные вещи.

На вопрос журналиста о том, что вряд ли можно назвать случайной сегодняшнюю позицию российского руководства по поводу происходящего в Сирии, дипломат ответил следующее:

— Действительно, всем в мире известно, что Сирия давно является нашим надежным союзником в арабском мире. Мы еще с советских времен выстраивали с этой страной тесные дружеские отношения. Продолжаем это делать и теперь. В 2010 году Дамаск с первым в истории официальным визитом посетил президент России. Поэтому нам не может быть безразлична судьба сирийского народа, который оказался сегодня в весьма сложном положении.

Далее вопросы и ответы следовали один за другим:

— В чем же заключается особая позиция российского руководства в разрешении сирийского конфликта?

— Российское руководство настойчиво призывает обе конфликтующие стороны найти компромисс и сесть за стол

переговоров. Но эти попытки до сих пор не имеют успеха. Вернее, на них соглашается только одна из воюющих сторон – правительство в лице президента Сирии Башара Асада. Что касается его противников, то они продолжают делать ставку на силовое решение конфликта. Причем ведут себя преступно: стреляют по полицейским и солдатам, прикрываясь толпой женщин и детей.

– Но Запад недоволен нашей позицией в ООН, тем, что мы блокируем его попытки поставить Сирию на колени. Может быть, нам все-таки стоит пойти навстречу Западу?

– Голосуя таким образом в ООН, мы не хотим повторения в Сирии ливийского сценария, где при санкционированной ООН поддержке войск НАТО и с разрешения Совета Безопасности оппозиция смогла свергнуть режим Муамара Каддафи, но стабильность восстановить так и не удалось. Зачем нам еще один кровотокающий и нестабильный анклав на Ближнем Востоке?

– Но не кажется ли вам, что, потерпев неудачу в ООН, Запад захочет использовать другие методы, чтобы свергнуть законную власть в Сирии, что в итоге приведет к еще большей эскалации напряжения?

– Я уверен, что именно это сейчас и происходит, методы действительно подыскиваются. Но наша позиция все равно останется неизменной. Мы дорожим своей репутацией. Знаете, что сейчас говорят о нас на Ближнем Востоке? Что Москва сохраняет свое лицо, не продавая бывших союзников, партнеров и сателлитов, как это стало можно в последнее время на Западе. И знаете, какая поговорка появилась у арабов в отношении Америки? Быть врагом США опасно, но быть ее другом опаснее вдвойне.

На этом месте в передачу вторглась реклама, которая заставила Кондратьева переключиться на другой канал. А когда спустя несколько минут он вновь попытался вернуться к беседе тележурналиста с дипломатом, было уже поздно – передача завершилась. Поэтому ни имени интервьюера, ни его должности генерал узнать так и не успел.

Выключив телевизор, Кондратьев взглянул на настенные часы: они показывали пять часов вечера, а звонка от Жмыха так и не было. Чувствуя, что в ближайшее время никто ему так и не позвонит, Кондратьев решил вернуться домой. Эта суматошная неделя далась ему слишком тяжело, а впереди, судя по разворачивающимся

событиям, ждала не менее насыщенная семидневка – надо было успеть отдохнуть.

Однако едва генерал переступил порог своей квартиры в доме на площади Восстания и захлопнул дверь, как в портфеле, брошенном им при входе на банкетку, заиграл мобильник. Судя по мелодии – это был «Пер Гюнт», – звонил Жмых.

– Федор Иванович, тайник ожил, – не скрывая радости, оповестил своего шефа Глеб Сергеевич. – И знаете, кто его оживил? Сергей Геннадиевич Листопад.

– Незадачливый кавалер Жолташ? – вырвалось у Кондратьева.

– Он самый. Вы сейчас где?

– У себя дома.

– Тогда через полчаса я буду у вас, привезу видеозапись выемки тайника.

Пока Жмых добирался до квартиры Кондратьева, генерал успел сделать яичницу с помидорами, порезал свежих огурцов, вскипятил воду в чайнике. И все это время непрерывно думал об услышанной новости. Она оказалась по-настоящему неожиданной и стала для генерала серьезной головоломкой. Несмотря на то что Сергей Геннадиевич Листопад входил в список людей, которых можно было заподозрить в сотрудничестве с ЦРУ, однако сам Кондратьев до сих пор был меньше всего склонен к тому, чтобы верить этим подозрениям в силу нескольких нестыковок. Во-первых, в тот период, когда был завербован «крот», Листопад хоть и находился в соседнем с Египтом Израиле, однако египетской визы в его паспорте не было, значит, в Каире он быть не мог. Во-вторых, он не был любовником Жолташ, хотя и питал к ней романтические чувства. Эту версию подтвердила соседка покойной, которая описала оперативникам совершенно другого мужчину, встречавшегося с Жолташ, который совсем не был похож на Листопада. Поэтому последний вряд ли мог быть причастен к ее устранению.

Однако на другой чаше весов были не менее сильные доводы, свидетельствующие уже против Листопада. И главный среди них – его появление возле цэрэушного тайника. Если предположить, что Листопад – агент ЦРУ, то легко объяснить появление у него и яда-«моллюск», которым была отравлена Жолташ. И мотив у Листопада был – ревность. Зная о том, что женщина, в которую он

влюблен, предпочитает ему другого мужчину, он вполне мог решиться на ее убийство. То есть это могло быть преступление на почве ревности. Другое дело, было не совсем понятно, каким образом это произошло, если в тот роковой для Жолташ день Листопад рядом с ней нигде зафиксирован не был, хотя «наружка» крутилась около нее постоянно. Не мог же он отравить ее в квартире, где она встречалась с любовником? Или не было там в тот день никакого любовника, а был он, Листопад?

Короче, с какой стороны ни подбирался Кондратьев к этой проблеме, ясного ответа на свои вопросы получить никак не мог. Может быть, приезд Жмыха мог внести в это дело хоть какую-то ясность?

Глеб Сергеевич объявился минут на десять позже объявленного им самим времени. И буквально с порога нашел повод оправдаться – сослался на пробки, которые давно стали настоящим бичом автомобильных дорог постсоветской России. Пропустив гостя на кухню, Кондратьев усадил его за стол, сопроводив это действие словами:

– Поскольку яичнице нет дела до пробок, она уже успела остыть. Зато вода в чайнике еще горячая. Так что угощайтесь, чем бог послал.

Гость не стал спорить и достаточно энергично принялся уплетать еще теплую яичницу, запивая ее горячим чаем. Несколько минут мужчины были увлечены едой, после чего Жмых наконец начал свой рассказ, причем зашел издалека:

– Двое друзей Жолташ, с которыми сегодня утром встретились наши люди, ничего существенного не сообщили. Про ее тайного любовника они слыхом ничего не слыхивали, поскольку она по этому поводу с ними не откровенничала, что не удивительно: отношения они поддерживали не самые близкие и не постоянные. Например, в последний раз виделись с ней в прошлом месяце, а по телефону общались две недели назад. Так что теперь вся надежда на вашу встречу со Стоцкой, которая, по словам сослуживцев, ближе всего контактировала с покойной. Как я уже говорил, прилетает она сегодня вечером, а если точно – через полтора часа.

– Хорошо, этот вопрос мы отложим до завтрашнего утра. Что с Листопадом?

– Сергей Геннадиевич объявился в Югорском проезде в четыре часа дня, приехав туда на своем «Мерседесе». Впрочем, вместо моего сумбурного рассказа лучше посмотреть видеозапись этого события.

И полковник извлек из кармана пиджака флэшку, с которой Кондратьев отправился в свой кабинет, где стоял его домашний компьютер. Жмых отправился следом, не забыв прихватить с собой тарелку с недоеденной яичницей. Пока хозяин дома включал технику, гость, усевшись напротив его стола, продолжал с аппетитом поедать уже окончательно остывший ужин. Когда на мониторе появились первые кадры съемки, осуществленной оперативниками, засевшими в засаде возле цэрэушного тайника (в строительном вагончике, специально привезенном сюда этой же ночью), Жмых поставил пустую тарелку на журнальный столик, а сам встал рядом с креслом, в котором сидел Кондратьев, чтобы вместе с ним наблюдать за происходящим.

На мониторе был хорошо виден мужчина в демисезонной куртке, который подъехал к вышке ЛЭП на автомобиле и, притормозив на обочине, вышел из салона. В руках он держал листок бумаги, в который периодически заглядывал, как будто с чем-то сверялся. В течение минуты он стоял возле автомобиля, глядел в листок и осматривался по сторонам. После чего, наконец, перешел дорогу и направился к вышке. Обойдя ее с левой стороны, он спустился в небольшой овражек, где достаточно быстро нашел в пожухлой траве тайник в виде ветки. Причем, взяв его в руки, он какое-то время внимательно разглядывал предмет, как будто хотел удостовериться в том, что это именно то, что он искал. Потом тем же путем вышел на дорогу и направился к своему автомобилю, зажав находку в руке. Спустя минуту мужчина уже сидел в салоне машины, но уезжать не торопился. Было видно, что он продолжает внимательно разглядывать «ветку» со всех сторон. Наконец, он положил ее на соседнее сиденье рядом с собой и завел мотор.

В течение следующего часа съемка фиксировала проезд «Мерседеса» почти через весь город к дому, где проживал его хозяин – Сергей Геннадиевич Листопад. За все это время он ни разу больше не покидал свой автомобиль и вышел из него только тогда, когда приехал к месту назначения – 16-этажной башне возле метро

«Новослободская». Там Листопад оставил автомобиль на стоянке и вошел в подъезд. На этом запись закончилась.

– До этого момента Листопад из дома больше не выходил. Во всяком случае, пока, – первым нарушил тишину Жмых.

– Вам не показалось странным, как он вел себя во время обнаружения контейнера? – задал неожиданный вопрос Кондратьев.

– А что там было странного?

– То, как он нес «ветку», так, как будто это была банка из-под пива или другой предмет, который можно не таясь нести по улице.

– Так ведь место пустынное, вокруг ни души, поэтому и не боялся попасться кому-то на глаза.

– Место и впрямь безлюдное, только человек, который уже почти три месяца занимается шпионской деятельностью, должен был научиться азам конспирации и вести себя осторожно, невзирая на то, какое время суток на дворе. А у него этого нет и в помине. К тому же вы обратили внимание, как он, найдя эту «ветку», вертел ее так, как будто не понимал, что это такое. Вот, посмотрите, – и Кондратьев нашел то место на записи, где Листопад находит «ветку» и берет ее в руки.

– А мне кажется, что он таким образом пытался понять, та ли эта вещь, которую он ищет, – объяснил свое видение происходящего Жмых.

– Внутри автомобиля он тоже, по-вашему, хотел удостовериться, что не ошибся? Нет, что-то в его поведении меня настораживает. Мне кажется, что он мало похож на человека, который каких-нибудь пару дней назад весьма виртуозно обставил смерть своей пассии. Короче, я рассчитывал на то, что эта запись развеет мои последние сомнения относительно Листопада, а она их только усугубила, – голосом полным усталости произнес Кондратьев, откидываясь на спинку кресла.

– Это потому что вы сильно устали, Федор Иванович. Ложитесь-ка вы лучше спать, а завтра со свежей головой начнем решать эту головоломку. Я же с вашего позволения помою посуду и поеду домой, тоже на боковую.

И, не дожидаясь ответа, Жмых забрал с журнального столика пустую тарелку и отправился на кухню.

Египет, город Каир. Отель «Найл Хилтон»

Максимов вернулся в Каир утренним рейсом в понедельник. В аэропорту его встретил Грошев, с которым они обнялись так, как будто не виделись не один десяток лет. На левой щеке Максимова сиял кровоподтек – единственное свидетельство того, что он вернулся буквально с того света. Спустя полчаса они уже прибыли в российское посольство, где Максимов отказался от завтрака и релаксирующего отдыха в сауне, а предпочел сразу заняться делом – стал изучать шифровку из Москвы, в которой Центр сообщал ему о результатах поездки Станислава Корецкого в Италию. После этой шифровки все пазлы в отношении Саймона Янга и его участия в похищении и убийстве дочери бывшего американского сенатора встали на свои места. От Максимова теперь требовалось одно – выложить эти пазлы непосредственно перед самим Янгом и загнать его в тупик. А для этого требовалось вернуться в отель «Найл Хилтон». В тот момент Максимов даже не мог вообразить, что это возвращение окажется для него таким же опасным мероприятием, как и его недавняя поездка в Дамаск.

Максимов был еще на полдороги от аэропорта до посольств, когда весть о его возвращении достигла ушей Янга. Все вышло совершенно случайно. Верный оруженосец Саймона Бобби Дьюк провожал на самолет до Стамбула двух инструкторов ЦРУ, которым предстояло натаскивать сирийских оппозиционеров в одном из военных лагерей на территории Турции. Проводив своих коллег к самолету и усаживаясь в автомобиль, Дьюк заметил Максимова и Грошева, выходящими из аэропорта. Спустя минуту он уже набирал на своем мобильном номер телефона своего шефа. Янг откликнулся практически сразу, думая, что Дьюк звонит ему, чтобы отчитаться в благополучном отлете двух своих коллег. А когда услышал новость про Максимова, не поверил своим ушам:

– Ты, видно, спятил, Боб! Вчера мне лично звонил аль-Хадж, чтобы отчитаться в том, что русский у них в руках. С момента этого звонка минули почти сутки, и за это время тело Максимова должно уже быть давно разрублено на куски.

– Это самое тело, бодро вышагивающее по аэропортовской бетонке, я только что наблюдал из окна моего автомобиля.

– Ты не ошибся?

– Да нет же, это он! – продолжал настаивать на своем Дьюк. – Причем не один, а с одним из посольских. Позвоните аль-Хаджу и поинтересуйтесь лично у него.

– Я звонил ему несколько раз, но его номер заблокирован. Я жду звонка от него самого.

– Чем ждать, лучше свяжитесь с кем-то из его подельников.

– После твоего звонка я так и сделаю, – пообещал Янг и повесил трубку.

Он и в самом деле позвонил одному из людей аль-Хаджа – его соратнице и по совместительству любовнице Фатиме. Причем набирать пришлось неоднократно, поскольку вызов несколько раз срывался. Наконец, на другом конце трубку взяла Фатима. И с ходу огорошила Янга сообщением:

– Мистер Янг, Закхея больше нет.

– В каком смысле? – не сразу врубился в услышанное американец.

– Он погиб вчера во время спецоперации федералов. Подробности мы узнали буквально час назад от наших людей в госбезопасности. Они сообщили, что он застрелился, предпочтя смерть плену.

– А русский?

– Про него нам ничего неизвестно. Вполне вероятно, что его сумели спасти. Во всяком случае, из наших с операции никто живым не вернулся. Но одно можно сказать точно: именно русский, скорее всего, навел федералов на Закхея.

Даже не сказав женщине «до свидания», Янг нажал на кнопку отбоя. Требовалось тщательно все обдумать, чтобы выработать тактику последующих действий. Если русский так быстро вернулся из Дамаска, это могло означать, что он так и не сумел выполнить то, ради чего уезжал – раскопать нечто новое в теракте возле здания сирийской госбезопасности. Это было Янгу в плюс. Однако минусов было куда больше. И главный из них – гибель аль-Хаджа. Судя по всему, Фатима права: руку к этому приложил Максимов. «Вот ведь мерзавец, обвел меня вокруг пальца, – мысленно выругался Янг, дымя сигаретой. – А ведь я поначалу усомнился в его хваткости. Но если аль-Хадж мертв, значит, выдать его голову курдам уже не удастся. Ведь разделаться с ним они хотели собственноручно, а не с помощью госбезопасников. И теперь эту старую каналью Трейси больше ничто не удерживает, он

может сдать меня со всеми потрохами. Я ведь давно у него торчу как кость в горле. Более того, после столь бесславной гибели этого гребаного террориста Трейси наверняка захочет со мной разделаться, причем сделать это может уже сегодня вечером, когда вылетит в Анкару, где завтра открывается оперативное совещание».

Об этом мероприятии с участием представителей разведки и военных Янг узнал всего лишь несколько часов назад от самого Трейси. Тот сообщил, что на него специально прилетит заместитель директора ЦРУ Стивен Снайпс, чтобы лично инспектировать ситуацию с возможной утечкой вооружений, которые США поставляли сирийской оппозиции, в руки «Аль-Каиды» и сотрудничающих с нею структур. Идея провести подобное совещание возникла не случайно, а сразу после того, как стало известно, что президенту удалось протолкнуть через конгресс законопроект о новых, более мощных поставках оружия сирийским оппозиционерам. За принятие этого закона почти единогласно выступили даже комитеты по разведке обеих палат конгресса – сената и палаты представителей, – которые до этого колебались. Однако давая свое согласие на принятие этого закона, комитеты настояли на проведении специального совещания в Анкаре, с тем чтобы ужесточить контроль за утечкой вооружений.

На совещание должен был лететь Трейси, что было закономерно: резидентом был именно он. Янга это ничуть не смущало, но только до того момента, пока он не узнал о гибели аль-Хаджа. В новых условиях поездка главы резидентуры в Анкару сулила Янгу самые непредсказуемые последствия. Никто не мог дать гарантии, что Трейси, узнав о гибели аль-Хаджа, не захочет вывалить перед Снайпсом весь тот компромат на своего заместителя, о котором он упоминал во время беседы в бассейне.

От этой мысли у Янга внутри все похолодело, но длилось это состояние недолго. Затем ясность ума вновь вернулась к нему.

«Вряд ли старику могло стать известно о гибели аль-Хаджа раньше, чем мне. Скорее всего, он об этом пока ничего не знает. А если это так, то действовать надо на опережение, причем не медля ни секунды. Надо одним ударом избавиться от Трейси, что невольно поможет мне занять его место и представлять нашу резидентуру в Анкаре. Кроме этого, надо взять за горло и этого хваткого русского, которого я сильно недооценил».

Уже спустя несколько минут Янг перехватил Дьюка, приехавшего из аэропорта, в гостиничном холле и отвел в сторону. В голове у Янга уже оформился план, в который теперь надо было посвятить и верного оруженосца. Посвященный в задумку босса, подручный Янга даже зацокал от удовольствия языком: он любил подобного рода провокации. Однако для того, чтобы этот план был претворен в действие, воедино должны были сойтись несколько факторов. И главный из них – отсутствие Максимова в гостинице должно было растянуться как можно дольше. И этот фактор сработал, он пробыл в посольстве более трех часов, составляя подробную шифровку для Центра о результатах своей встречи с аль-Хаджем. За это время Янг успел связаться с преданным ему начальником местной полиции и заручиться от него необходимой поддержкой.

– Мне понадобится от вас всего несколько человек, в ответ моя благодарность не будет знать границ, – заливался соловьем в телефонную трубку Саймон.

– Мистер Янг, я готов предоставить в ваше распоряжение весь штат моего управления, – отвечал на том конце густой баритон полицейского начальника, которого Янг никогда не обижал по части денежных и иных вознаграждений.

– В таком случае в течение ближайшего получаса жду от вас пятерых расторопных полицейских, которым не надо ничего лишнего раз объяснять.

Полицейские прибыли на десять минут раньше назначенного времени, что ясно указывало на то, что начальник полиции буквально лезет из кожи вон, лишь бы угодить своему американскому компаньону. Янг отвел старшего из них в сторонку, коротко ввел в курс дела, после чего отправил их с одним из своих людей на шестой этаж, в один из номеров, зарезервированных для ЦРУ.

Сделав это, Янг подозвал к себе Дьюка и дал ему несколько заданий. Во-первых, выставить у входа в отель людей, которые должны были немедленно оповестить Янга о появлении Максимова; во-вторых, раздобыть дубликат ключа от его гостиничного номера. Наконец, в-третьих, вывести из строя видеокамеры, установленные на этаже, на котором он проживал.

– И еще, – Янг ухватил за рукав своего подручного, который уже собрался было бежать и выполнять данные ему поручения. – Как

только русский объявится, ты, Боб, должен будешь задержать его в холле минут на десять.

– Каким образом? – искренне удивился Дьюк.

– Самым элементарным – отправь его в бар по ложному вызову. Скажи ему, что мистер Янг хочет немедленно с ним увидится. Пока он дойдет до бара, пока поймет, что его там никто не ждет, пройдут те самые нужные нам десять минут.

– А если он захочет сначала подняться в номер, а потом спуститься в бар?

– Не захочет! Соблазн узнать, каким образом мне так быстро стало известно о его возвращении, наверняка пересилит усталость. Да и мою вытянутую от удивления физиономию он тоже не преминет лицезреть, не откладывая это удовольствие в долгий ящик.

Отпустив Дьюка, Янг поднялся на лифте на восьмой этаж, где в своем номере находился Трейси. Резидент сидел в кресле у раскрытого настежь окна и, потягивая апельсиновый сок, читал доклад, с которым ему предстояло завтра выступить на оперативном совещании в Анкаре. Увидев Янга, Трейси пригласил его сесть на соседний диван и налить себе сока. Когда гость это сделал, Трейси спросил:

– Что-нибудь случилось, Саймон? У вас такое лицо, будто вы вляпались в кучу с дерьмом.

– Я всегда отдавал должное вашей проницательности, босс, – усмехнулся Янг, после чего сделал небольшой глоток из бокала. – Ситуация в самом деле дерьмовая. Кажется, тот русский, о котором я вам говорил, действительно никакой не журналист, а разведчик. И приехал сюда по душу нашего Фараона.

– Вы с ума сошли! – Трейси отложил на журнальный столик свой доклад. – Откуда у вас такие сведения?

– Сведений пока нет, а есть всего лишь подозрения. Но они могут подтвердиться, если мне удастся проникнуть в номер русского. Именно там я и рассчитываю найти улики, которые его изобличат. Вы можете отправиться вместе со мной, чтобы лично убедиться в том, что над Фараоном сгущаются тучи. Впрочем, не только над ним, русский раскопал нечто серьезное, касающееся наших поставок оружия сирийской оппозиции. Все эти сведения он держит на флэшке, которая хранится в его номере в потайном месте. И мне удалось узнать, где именно.

Янг врал столь виртуозно, что разоблачить его было невозможно. Тем более что Трейси был совершенно не в курсе того, что этого самого русского со вчерашнего дня нет не только в отеле, но и вообще в Египте.

– Что же мы тогда сидим? – Трейси подался было вперед, чтобы подняться с кресла.

– Не спешите, босс, – Янг жестом остановил старика. – Надо дожидаться, когда русский покинет номер и спустится в бар. Дьюк позвонит мне, как только это произойдет. После этого у нас будет достаточно времени, чтобы найти флэшку и скачать ее на наш ноутбук.

– И долго нам придется ждать этого звонка?

– Я думаю, пару бокалов с соком мы еще успеем выпить.

Янг ошибся – ждать пришлось гораздо дольше. Примерно через полчаса его мобильник, лежавший на журнальном столике, завибрировал. Взяв его, Саймон услышал голос Дьюка, произнесшего всего одну фразу: «Он прибыл».

– Нам пора, босс, – Янг первым поднялся с дивана.

По его плану, пока Максимов минует площадь перед отелем, пока сходит в бар и вернется обратно, должно было пройти минут десять-пятнадцать. Этого времени Янгу вполне должно было хватить, чтобы проверить операцию. Благо спускаться с восьмого этажа на седьмой было делом пары-тройки минут.

Когда они подошли к двери, ведущей в номер Максимова, та уже была заранее открыта побывавшим здесь минуту назад расторопным сотрудником ЦРУ из оперативной команды Дьюка, предусмотрительно оставившим ключ в замке. Янгу и Трейси требовалось только войти внутрь и плотно закрыть за собой дверь.

Оказавшись внутри, Янг повел своего босса прямым на балкон, сопроводив свои действия необходимым пояснением:

– Этот хитрый русский хранит свою флэшку снаружи номера.

Едва они вышли на балкон, как Янг молниеносным движением извлек из брючного кармана миниатюрный шприц с выкидной иглой и вонзил его в шею Трейси. В шприце содержалось несколько миллиграммов вещества, мгновенного вводившего человека в состояние паралича двигательных органов – он не мог ни говорить, ни двигаться. Увидев выпученные от изумления глаза босса, Янг зловеще

улыбнулся и произнес фразу, которая столько лет вертелась у него на языке, но не имела возможности вырваться наружу при Трейси:

– С каким удовольствием я сейчас отправлю тебя в ад, старая каналья.

Сказав это, Янг одним рывком разорвал рубашку на груди босса с такой силой, что несколько пуговиц разлетелись по кафельному полу. Затем Янг наклонился и снял с ноги босса одну туфлю – ее он зашвырнул в дальний угол балкона. После этого волоком дотащил Трейси до перил и, схватив за волосы, ударил лбом о бетонное основание. Края бетона мгновенно окрасились кровью. И только после того, как он проделал все эти манипуляции, Янг схватил босса за брючный ремень на спине и легко перебросил тщедушное тело старика через перила. Поскольку это был седьмой этаж, шансов выжить у Трейси не было никаких.

В это самое время Максимов возвращался из бара, где он так и не смог найти на привычном месте Янга. Причем когда он обратился к официанту с недоуменным вопросом, тот ответил, что мистер Янг сегодня в баре еще не появлялся. Это сообщение насторожило Максимова, но эта тревога забылась после внезапной встречи в холле с режиссером Роджером Томпсоном, который собрался было покинуть отель для очередной съемки.

– Нельзя ли отложить вашу съемку часа на два? – спросил Максимов, после того как они горячо поздоровались с режиссером.

– Можно, если для этого есть веская причина.

– Думаю, причина более чем веская: дипломат, который согласился сниматься в вашем фильме, написал свой текст и хочет, чтобы вы его завизировали. Если у вас есть время и желание...

– Конечно, есть, – перебил Максимова режиссер.

– В таком случае, поднимемся ко мне в номер, я оставлю вещи, и мы тут же отправимся в посольство.

– Мне не хотелось бы подниматься вверх дважды. Я лучше подожду вас на выходе, посасывая свой любимый «Винстон».

На том они и сошлись. Максимов поднялся на лифте на седьмой и этаж и уже спустя минуту был в своем номере «сьют». Бросив спортивную сумку с вещами на кровать, он зашел в туалет. Затем отправился в ванную комнату, чтобы вымыть руки и привести себя в порядок. В тот самый миг, когда он вышел из ванной, в дверь его

номера постучали. Причем стук был настолько громким, что задрожали стены. Ничего не подозревая и даже не спросив, кто это с такой настойчивостью ломится к нему в номер, Максимов открыл дверь. И тут же был сбит с ног мощным ударом в грудь. В следующую секунду в номер вломились несколько полицейских, двое из которых заломили постояльцу руки за спину и защелкнули на них наручники. И только после этого старший из них сообщил Максиму:

– Только что с вашего балкона выпал человек. Вы можете что-нибудь сказать по этому поводу?

– Могу, господин полицейский, вас ввели в заблуждение. В моем номере, кроме меня, никого больше не было.

– В таком случае пройдите на балкон и убедимся, кто из нас заблуждается, – и полицейский первым зашагал в нужном направлении.

Когда Максимов вышел на балкон, он сразу понял, что дело здесь нечисто. Он увидел на кафельном полу разбросанные пуговицы, а на бетонных перилах балкона алело кровавое пятно. В это время полицейский буквально сунул ему под нос чью-то туфлю, сопроводив это словами:

– Еще одна такая туфля сейчас находится внизу, на убитом.

– Вы хотите сказать, что человека, о котором вы говорите, сбросил с балкона именно я?

– Вы очень догадливы.

– В таком случае я требую встречи с представителями своего посольства. Я лицо, защищенное дипломатическим иммунитетом, и не позволю так нагло обвинять меня в тягчайшем преступлении.

– Вы можете требовать все, что угодно, однако решать здесь буду я. Впереди вас ждет тесная тюремная камера, а не просторные апартаменты вашего посольства. Так что приготовьтесь к худшему.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

Первое, что увидел Кондратьев, когда утром в понедельник вошел в приемную перед своим кабинетом, было сосредоточенное лицо Глеба Сергеевича Жмыха. Такая же сосредоточенность читалась и на лице еще одного человека, которого Кондратьев в первую секунду не узнал, но, когда взгляделся, сразу распознал в нем того самого мужчину, который вчера заставил их с Жмыхом изрядно поломать голову над своим поведением. Это был не кто иной, как... Сергей Геннадиевич Листопад. При виде генерала оба посетителя встали со стульев и Жмых произнес:

– Кажется, вы оказались правы, Федор Иванович, Сергей Геннадиевич оказался никудышным шпионом.

Не говоря ни слова, Кондратьев открыл ключом дверь своего кабинета, пропустил в него гостей, после чего обратился к секретарше:

– Инна Васильевна, в течение ближайшего часа меня ни для кого нет.

Усадив гостей за стол, Кондратьев занял место в кресле и вопросительно взглянул на Жмыха: дескать, давайте, объясняйте. И тот не заставил себя долго ждать:

– Примерно час назад мне позвонили из нашей приемной на Кузнецком и сообщили о том, что к ним пришел человек, назвавшийся Сергеем Геннадиевичем Листопадом. Он признался в том, что вчера подобрал на окраине Москвы ветку, оказавшуюся контейнером тайника, в котором обнаружил деньги и странную записку. Ознакомившись с последней, дежурный связался с нашим отделом и передал Сергея Геннадиевича нам. По дороге сюда он успел вкратце рассказать мне мотивы своего поведения, но я предлагаю послушать его рассказ снова, уже в подробностях.

Жмых замолчал, предоставляя слово главному фигуранту событий – Листопаду. Тот же, прежде чем начать свою исповедь, достал из полиэтиленового пакета ту самую «ветку»-контейнер, которую он вчера подобрал неподалеку от Югорского проезда, и положил ее перед собой на стол. И только после этого начал свой рассказ:

– Я понимаю, что вы имеете полное право мне не доверять, но я попытаюсь убедить вас в том, что я ни в чем не виноват. В противном случае я бы вряд ли решился прийти к вам. Все началось вчера днем. Я был дома, когда мне позвонили по домашнему телефону. Звонил

незнакомый мужчина, который никак не представился и с ходу спросил, хочу ли я узнать о подлинных причинах внезапной смерти Юлии Жолташ? Незнакомец сообщил, что эта смерть вовсе не случайна и что разгадка ее находится в одном предмете, который мне предлагалось забрать немедленно и убедиться в правильности слов говорившего. Я был настолько растерян после этого сообщения, что даже не стал уточнять, кто мне звонит. А незнакомец продолжал огорошивать меня своими признаниями. Он сказал, чтобы я нашел листок бумаги, вооружился ручкой и записал адрес, куда мне надо было ехать. И продиктовал координаты того самого места возле Югорского проезда. Подробно описал вышку ЛЭП и овраг рядом с ней, где лежала вот эта самая ветка-тайник. «В ней вы найдете свидетельства того, почему и как погибла Юлия», – еще раз повторил незнакомец, после чего повесил трубку.

Я был потрясен этим разговором и в течение какого-то времени не знал, что делать: то ли счесть это за розыгрыш, то ли поверить. В итоге любопытство перевесило все доводы против – я собрался и отправился по указанному адресу. Там я действительно нашел ветку-тайник и привез ее домой. Быстро разобрался, как она открывается – с помощью специальной кнопки, – и обнаружил внутри нее деньги и странную записку, которая повергла меня в смятение. Я понял, что вместо разгадки смерти Юлии вляпался в какую-то темную историю. Поверьте мне, я в первые же минуты хотел бежать к вам, чтобы доказать свою полную невиновность. Но затем меня начал точить червь сомнений. Я же работаю в секретном учреждении, которое занимается в том числе и военными поставками в Сирию. А в тайниковой записке речь как раз и шла о секретной информации, касающейся «сирийского узла». И я испугался, что мне не поверят. Что начнут проверять-перепроверять, отстранят от работы, которую я люблю. Пострадает моя репутация. Короче, я всю ночь промучился бессонницей, размышляя на тему – идти или не идти сюда, на Лубянку. Но не зря говорят, что утро вечера мудренее. Утром все сомнения у меня улетучились, я взял эту злополучную «ветку» и отправился к вам.

– И правильно сделали, – подытожил рассказ гостя Кондратьев. – Вот Глеб Сергееч не даст мне соврать, но я еще вчера, когда мы по видеозаписи наблюдали за тем, как вы ведете себя на месте закладки

тайника, высказал сомнение в том, что вы можете иметь непосредственное отношение к этой находке.

– Так, значит, вы за мной следили?

– У нас работа такая, Сергей Геннадиевич, – коротко ответил Кондратьев, после чего продолжил свою мысль: – Так, как вели себя вчера вы, профессионалы обычно не ведут. Вы типичный дилетант, которого матерые разведчики решили подставить нам в качестве подсадной утки. Расчет был на то, чтобы с вашей помощью направить нас по ложному следу. Как видим, нашим врагам это сделать не удалось, в чем и ваша немалая заслуга. Своей явкой вы помогли нам прояснить ситуацию. Она бы, конечно, и без этого прояснилась, но с вашей помощью это случилось чуть раньше, за что вам большое спасибо. Поэтому можете отправляться домой и не волноваться о своей репутации. Давайте ваш пропуск, я подпишу его на выход.

Поставив свою подпись на документе, Кондратьев вернул его гостю. Но прежде чем тот покинул кабинет, генерал его предупредил:

– Сергей Геннадиевич, мы надеемся, что эта наша встреча останется между нами. Это во-первых. Во-вторых, те люди, которые вас нам подставили, наверняка будут интересоваться вашей судьбой либо непосредственно через вас, используя телефонные звонки, либо через кого-то из вашего окружения. Поэтому ведите себя так же естественно, как это было до вашей вчерашней поездки на Югорский проезд. Договорились?

Листопад кивнул головой, после чего задал вопрос, который Кондратьев ожидал услышать:

– Скажите, Юля ведь умерла не естественным образом – ее убили?

– Да, она погибла от рук тех же людей, что хотели подставить и вас. Кстати, она вам ничего не говорила про своего кавалера, с которым встречается?

– Она только однажды упомянула о нем. Когда я проявил свою настойчивость в ухаживаниях, она сообщила, что любит другого человека, а со мной хочет сохранить исключительно дружеские отношения.

– А кто-то из ее друзей мог бы помочь пролить свет на личность этого человека?

– Вряд ли, Юля была человеком достаточно закрытым. Впрочем, была у нее подруга, с которой она общалась ближе всего, – Ксения Стоцкая. Она служит в нашем отделе и была соседкой Юли: их столы стоят рядом. Но она сейчас в отпуске и на работу выйдет только в среду.

– Спасибо за информацию, – поблагодарил гостя Кондратьев. – И еще раз напомним вам о том, что наш разговор должен остаться между нами. И еще: если вспомните что-то ценное или почувствуете нечто странное в отношении себя, немедленно поставьте нас в известность. Глеб Сергеич, дайте, пожалуйста, Сергею Геннадиевичу свою визитку.

После того как дверь кабинета закрылась за гостем, Жмых задал генералу вопрос, который давно вертелся у него на языке:

– Не поторопились ли мы с выводами в отношении Листопада?

– Не поторопились, – голосом, полным твердости ответил Кондратьев. – Постараюсь объяснить вам ход своих мыслей. Когда я ехал на работу, слушал в автомобиле одну радиостанцию. Так вот там сообщили, что к нам в Москву на премьеру фильма со своим участием приезжает знаменитый голливудский актер Уэсли Снайпс. Слышали о таком?

– Я голливудщину стараюсь не смотреть.

– А зря, врага надо знать в лицо. Так вот, услышав эту фамилию, меня внезапно осенило. Я вспомнил другого Снайпса – Стивена. Надеюсь, этого человека вы знаете?

– Нынешний заместитель директора ЦРУ?

– Он самый. Этот человек долгое время работал в советском отделе – на среднеазиатском направлении. Был резидентом ЦРУ в солнечном Узбекистане, в Ташкенте. Там же в это же время трудился и мой однокашник по Высшей школе КГБ Стас Лаврушин, царствие ему небесное, погиб в автокатастрофе. Так вот, много лет назад он поделился со мной одной историей, приключившейся с ним в Ташкенте в середине 80-х на ниве его служебной деятельности. Всех подробностей уже не помню, но суть ее такова. Однажды один из сотрудников ташкентской резидентуры ЦРУ обронил в своем автомобиле миниатюрный фотоаппарат. Поздно ночью наша «наружка» вскрыла этот автомобиль, нашла в нем эту вещицу и в течение нескольких часов скопировала все запечатленные на его пленке кадры. После чего вернула фотоаппарат на место. В ходе

изучения отснятого Стас и его люди обратили внимание на несколько фотографий, где этот цэрэушник был запечатлен на разных мероприятиях, на которых присутствовал и один из ведущих сотрудников оборонного предприятия. Стасу это совпадение показалось странным, и они предположили, что между этим сотрудником и цэрэушником есть какая-то тайная связь. А чуть позже этого сотрудника задержали при выемке тайника в одном из ташкентских парков. Короче, все улики указывали на то, что он агентурит на ЦРУ. В действительности же это была операция прикрытия: американцы таким образом переводили стрелки со своего агента на том же оборонном предприятии, подставляя под удар невинного человека. Именно для этого цэрэушник как бы случайно и обронил свой фотоаппарат в автомобиле. Не правда ли, эта история весьма похожа на ту, что произошла вчера с Листопадом?

– Выходит, Снайпс повторяется?

– Получается так. Как говорится, новое – это хорошо забытое старое. Видимо, в ЦРУ созрела идея прикрыть агента с помощью невинной жертвы, и они поинтересовались у Фараона, нет ли у него кто-то на примете. И тот мог вспомнить, что Жолташ говорила ему о своем воздыхателе, который трудится на одном с ней предприятии. В ЦРУ это учли и подставили Листопада под удар. Расчет, видимо, был следующий: если мы задержим его на месте закладки тайника с «веткой» в руках, то отвертеться ему будет крайне сложно. А если не задержим, то к нам он сам не явится: во-первых, испугается, во-вторых, позарится на те двадцать тысяч долларов, которые были заложены в «ветку». Но Листопад оказался честным человеком.

– Но правда рано или поздно все равно бы вскрылась?

– Конечно. Просто расчет у Снайпса был на то, чтобы поводить нас за нос какое-то время, а потом они придумали бы новую каверзу. Но, как пел Владимир Семенович Высоцкий: «Только зря он шутит с нашим братом, у меня есть мера, даже две...».

– И что же это за меры?

– Например, встреча с упомянутой пять минут назад Ксенией Стоцкой, которая на данный момент единственная может хоть как-то приблизить нас к Фараону. У вас есть ее координаты?

Жмых полез в свою папку, лежавшую перед ним на столе. Быстро нашел нужные телефоны – домашний и мобильный.

– Давайте домашний, – попросил Кондратьев. – Думаю, в столь ранний будний час он единственный, который работает.

Как ни удивительно, но Стоцкая подняла трубку практически мгновенно, значит, уже не спала.

– Ксения Анатольевна? Доброе утро! Извините, что побеспокоил вас в столь ранний час, да еще в ваш отпускной понедельник... Ах, вы уже не спите? Ну все равно извините. С вами разговаривает генерал ФСБ Кондратьев Федор Иванович. А звоню я вам вот по какому поводу. Вы уже, наверное, знаете о трагедии, которая произошла с вашей подругой и сослуживицей Юлией Андреевной Жолташ? Так вот я хотел бы встретиться с вами и кое о чем расспросить. О чем именно? Давайте я расскажу вам об этом непосредственно во время нашей встречи. Во сколько? Ну, к примеру, в одиннадцать часов утра. Вы ведь свободны? Нет? А во сколько у вас посещение фитнес-центра? В двенадцать? Думаю, за час мы с вами управимся, и вы со спокойной душой сможете заняться своим здоровьем. Договорились? Куда мне подъехать?

Выслушав адрес, Кондратьев положил трубку служебного телефона на аппарат и взглянул на коллегу:

– В одиннадцать она будет ждать меня в кафе фитнес-центра на «Тушинской». Вы не ходите в фитнес-центр, Глеб Сергеич?

– Я хожу в баню напротив моего дома, – без тени улыбки на лице ответил Жмых.

– Счастливый. А вот у меня напротив дома в советские годы была библиотека, а теперь там зал игровых автоматов, а чуть дальше – пивной бар. Короче, выбор небогатый.

– Ничего, зато через полтора часа вы будете сидеть в кафе и разговаривать с симпатичной женщиной.

– Почему вы решили, что она симпатичная? На основе своего жизненного опыта я давно сделал вывод, что симпатичные подруги – это величайшая редкость. Обычно в подобном тандеме одна подруга симпатичная, а другая либо не очень, либо вообще страшненькая. Учитывая, что покойная Жолташ была женщиной эффектной, стало быть, ее подруга должна быть ее полной противоположностью.

– Зато с фигурой у нее должно быть все в порядке, не зря ведь она посещает фитнес-центр.

В этом споре правым оказался Жмых: Ксения Анатольевна Стоцкая оказалась женщиной не только симпатичной, но и спортивно сложенной. Ей была присуща та же упругая походка, что и Жолташ, и это ясно указывало на то, что фитнес-центр они посещали совместно. Поднявшись из-за столика, Кондратьев пожал протянутую ему руку и подвинул гостье пустующий стул. Заказав официанту два кофе, он с удивлением обнаружил, что его собеседница курит: она извлекла из сумочки пачку дамских сигарет и зажигалку.

– Вы позволите? – спросила дама и, не дожидаясь ответа, закурила.

– Странно видеть курящей женщину, которая через час будет озабочена другим – своим здоровьем, – заметил Кондратьев.

– Я не курю, я балуюсь. В данный момент сигарета помогает мне чувствовать себя более уверенно в компании незнакомого человека. Тем более генерала ФСБ.

– Намек понял, – улыбнулся Кондратьев.

В этот момент официант поставил на стол две чашки дымящегося кофе, после чего удалился. Глядя на то, как Кондратьев, бросив в свою чашку кусочек сахара, лежавший на блюде, стал ложкой помешивать напиток, Стоцкая задала вопрос:

– Почему ФСБ вдруг заинтересовалось смертью Юлии? Насколько я знаю, милиция ничего криминального в этой смерти не нашла.

– У милиции другая прерогатива. Юлия Андреевна работала на секретном предприятии, поэтому именно мы обязаны проверить все версии.

– Вы хотите сказать, что есть вероятность насильственной смерти?

– Мы рассматриваем все варианты, – уклончиво ответил Кондратьев. – Поэтому опрашиваем всех ее близких знакомых.

– Хорошо, спрашивайте.

– Давно вы были знакомы с Жолташ?

– Мы познакомились четыре года назад, когда я пришла работать в их отдел. Наши рабочие столы находятся рядом и это обстоятельство нас сильно сблизило. Потом выяснилось, что мы совершенно разные люди, но это нам не помешало, а даже наоборот, как известно, противоположности притягивают.

– В чем же вы были разные?

– Да во всем. Юлия любила чай, а я кофе, она слушала классику, а я люблю шансон, ей нравились блондины, а мне брюнеты и так далее.

– Кстати, о блондинах: у нее был любимый мужчина?

– Если коротко, да.

– А если подлиннее?

– А подлиннее не получится: она, в отличие от меня, была достаточно закрытой женщиной в плане разговоров о личной жизни. Она могла быть весьма откровенной в разговорах на другие темы, а здесь как будто панцирь надевала. И о своих любовных приключениях старалась особо не распространяться. Видимо, боялась сглаза.

– Как же вы узнали, что у нее кто-то есть?

– Ну, глаза-то у меня на месте. В последние два месяца Юлия буквально расцвела, даже записалась в этот фитнес-центр, куда я ее безуспешно уговаривала прийти еще два года назад, а она только отмахивалась, дескать, ей это не нужно. А буквально пару недель назад она мне все-таки проговорила: дескать, встречается с одним представительным и перспективным мужчиной, с которым хотела бы связать свою судьбу. Я, естественно, стала интересоваться, кто он, как зовут, где работает, но Юлия отшутилась: мол, расскажу чуть позже, когда все прояснится.

– А что должно было проясниться?

– Как я поняла, он женат. Она сама проговорила. Когда я посоветовала ей, дескать, действуй решительно, все-таки возраст у тебя уже критический, да и свобода полная, она заметила, что она, мол, свободная, да он не очень. Правда, потом пояснила, дескать, там у него вроде бы все кончается. И сказала, что очень хочет от него ребенка. Была у нее такая идея фикс: если до сорока лет ребенка не родит, то потом уже не сможет. А тут эта встреча.

– Не знаете, как они познакомились?

– Думаю, что во время отпуска: Юлия вернулась оттуда здорово похорошевшей. А своей беременностью она, видимо, решила его к себе привязать. Хотя не на всех мужиков это действует, я это знаю на собственном опыте. Пару лет назад у меня был случай с одним чиновником из столичной мэрии, по поводу которого я тоже раскатала губу, а он оказался...

– Ксения Анатольевна, давайте все же вернемся к Жолташ, поскольку времени у нас не слишком много, – деликатно перебил женщину Кондратьев. – Имени своего кавалера она не называла? Или место, где он работает, живет?

– Нет, не называла. Я же говорила, что спрашивала ее об этом, но она толком ничего не ответила. Только по поводу имени отшутилась: сказала, что оно у него царское, а потом добавила: дескать, он даже автомобиль подобрал сообразно своему имени. Я так и не поняла, о чем это она. Да и не особо стремилась это понять, считая, что рано или поздно Юлька все равно проговорится.

– Может, он приезжал ее встречать к месту вашей работы?

– Ни разу этого не видела, Юлия все время уезжала на своей собственной машине.

– Тогда, может, оказывал ей какие-то другие знаки внимания, из чего можно было бы понять, какое он занимает положение?

– Знаки внимания? Нет, ничего такого не припомню, – Стоцкая глубоко затянулась сигаретой, после чего стряхнула пепел в стоявшую на столе пепельницу. – Хотя постойте: пару раз она похвалила ресторан «Парадайз» за его отменную европейскую кухню. Как я поняла, водил ее туда именно новый кавалер, поскольку до этого она название этого ресторана при мне не произносила.

– А где расположено это заведение не говорила?

– Где-то на окраине Москвы, но точного адреса я уже не помню.

– Может быть, он дарил ей какие-нибудь подарки?

– Подарок был только один, правда, стоящий. Еще в начале их отношений у Юлии появился весьма оригинальный стаканчик для канцелярских принадлежностей. Она принесла его на работу и поставила на свой рабочий стол, сообщив, что это подарок ее нового друга.

– Почему же вы решили, что это именно его подарок, мало ли кто из друзей мог его преподнести?

– Ну я же видела, какими глазами она смотрела на эту вещицу. Да еще заявила, что она будет ей постоянно напоминать о человеке, который ее подарил. Поэтому я и решила, что речь идет именно о ее новом увлечении. К тому же и по времени все совпадало: в фитнес-центр она записалась аккурат через пару дней, как эта вещица оказалась на ее столе.

– Вы сказали, что это был оригинальный подарок. В чем же его оригинальность, мало что ли стаканчиков для канцелярских принадлежностей?

– Э, нет, это особенный стаканчик, у нас таких не делают. Во-первых, он сделан из горного хрусталя, который поглощает излучение, исходящее от монитора компьютера. Во-вторых, он усыпан разноцветным бисером, который при свете постоянно переливается, создавая очень причудливую цветовую гамму.

– Эта вещица, видимо, после смерти ее хозяйки вернется к ней домой?

– А вот и нет. Только что перед вами я разговаривала с Женей Кашиной, нашей сотрудницей, и она сообщила, что стаканчик решили оставить в память о Юльке. За ее рабочий стол собираются посадить новую сотрудницу, но стаканчик останется на прежнем месте. Пусть стоит, он ведь никому не мешает, а даже наоборот: красивая вещь, да еще и полезная, спасает от облучения. Разве мы не правы?

– Я этого не говорил, – улыбнулся в ответ Кондратьев.

В этот момент Стоцкая взглянула на свои наручные часы, после чего сообщила:

– Вы извините, но мне пора бежать. Надо еще переодеться, привести себя в порядок. А если у вас остались в запасе еще вопросы, то мы можем перенести их на другое время.

– Я думаю, что на сегодня все вопросы исчерпаны. А если у меня появятся новые, то время и место встречи мы выберем с учетом вашей занятости.

Поднимаясь из-за стола и прощаясь за руку с собеседницей, Кондратьев на секунду задержал ее ладонь в своей и обратился к ней с последней просьбой:

– Я надеюсь, Ксения Анатольевна, вы понимаете, что наш сегодняшний разговор должен остаться в тайне.

– Могли бы и не предупреждать, я все-таки работаю на режимном предприятии, – вмиг посерьезнев, ответила женщина.

Спустя час Кондратьев вновь сидел в своем кабинете на Лубянке и внимательно слушал разговор со Стоцкой, предусмотрительно записанный им на скрытый диктофон. Когда он подходил к концу, в кабинет вошел Жмых, которому Кондратьев сбросил эсэмэску, почти сразу как вернулся. После этого генерал перемотал пленку и поставил

запись беседы с самого начала. Когда она закончилась, контрразведчики взялись за ее обсуждение.

– Итак, Глеб Сергеич, мы имеем несколько фактов, за которые можем зацепиться, – начал Кондратьев. – Первое: царское имя кавалера Жолташ и автомобиль, сообразный его имени. Второе: оригинальный стаканчик для канцелярских принадлежностей. Он меня, кстати, смущает больше всего.

– Чем же?

– Своим появлением на рабочем столе Жолташ практически сразу, как она познакомилась с этим кавалером.

– Подозреваете в нем электронного «крота»?

– Очень даже сильно.

– Но в помещениях «Гособоронэкса» работает сильная электронная защита.

– А вы интересовались, когда в последний раз она обновлялась? Я полагаю, что несколько лет назад. А наши враги, Глеб Сергеевич, не сидят сложа руки, практически каждый год выпускают в свет новинки, которые запросто могут обмануть нашу защиту. Так что не будем сбрасывать это со счетов. Поэтому этот стаканчик должен быть сегодня же изъят и показан нашим специалистам.

– Сделаем.

– По поводу имени кавалера какие приходят мысли?

– Теряюсь в догадках, Федор Иванович. Царское имя – это, интересно, какое? У нас царей каких только не было: Петр, Иван, Александр, Николай.

– Забыли еще Бориса Годунова, Василия Шуйского, Лжедмитрия и убиенного табакеркой Павла. Впрочем, эти имена тоже не приближают нас к разгадке. А тут еще и автомобиль, выбранный, как я понял, в соответствии с именем – они в нашей стране почти все сплошь с иностранными названиями.

– А если имя тоже иностранное, например Казимир? Наши имена точно никак не монтируются с «мерседесами» и «тойотами».

– А Казимир, по-вашему, монтируется?

После этого в разговоре наступила пауза, во время которой каждый из собеседников был погружен в размышления по поводу внезапно свалившейся на них головоломки.

– Может, ну его это имя, само всплывет по ходу дела? – первым прервал молчание Жмых.

– Может, и всплывет. Но вы же знаете, что в нашем деле мелочей не бывает. Поэтому придется поломать голову. И начнем мы вот с чего, – Кондратьев включил свой ноутбук, до этого сиротливо лежавший на столе, и набрал на клавиатуре тему: «Марки автомобилей».

В течение минуты генерал внимательно изучал информацию, переходя от одной автомобильной марки к другой. Наконец он оторвал свой взгляд от монитора и предположил:

– А может, речь идет не о марке автомобиля, а об его эмблеме?

– И в какой же эмблеме вы нашли нечто царское?

– Я пока ничего не нашел, я всего лишь размышляю, – и Кондратьев вновь обратил свой взор к монитору.

Спустя еще пару минут он вновь нарушил тишину:

– Что-то и эмблемы никак не монтируются у меня с царским именем. Короче, серьезная головоломка нам с вами досталась. Впрочем, не зря ведь в народе понедельник прозвали тяжелым днем.

– Именно это я и имел в виду, когда намекал на то, что имя само всплывет. Вы лучше расскажите, как там дела у Корецкого: выпутался он из той истории, в которую его угораздило вляпаться?

– Корецкий у нас везунчик, не зря ведь именно его мне посоветовали отправить в Италию, – откидываясь на спинку кресла, произнес Кондратьев. – В больнице наконец пришла в себе та итальянка, к которой мы его посылали, и выступила свидетелем против обвинений по адресу нашего везунчика. Так что, бог даст, он в ближайшее время вернется на родину в ореоле героя: и дело, порученное ему, выполнил, и женщину попутно спас, вырвав из лап безжалостной каморры.

– Неужели в Италии мафия до сих пор закатывает людей в бетон?

– Судя по тому, что выяснил Корецкий, правда. Только дочь американского сенатора закатала в бетон албанская мафия по приказу нашего хорошего знакомого Саймона Янга.

– Вот ведь звери! – вырвался из уст Жмыха возглас справедливого негодования.

В тот миг он не мог себе и представить, что именно эта реплика станет ключом к разгадке той головоломки, над которой они с

генералом так безуспешно ломали головы пять минут назад.

– Как вы сказали, звери? – встрепнулся в кресле Кондратьев. – А ведь это эврика, Глеб Сергеич.

– В каком смысле?

– В смысле про зверей. Кто у нас среди них считается царем? Если не ошибаюсь, лев. А что если речь идет именно об этом «царском» имени в эмблеме автомобиля, который мы разыскиваем?

– В таком случае, у него должна быть соответствующая эмблема. Но я таковых что-то не припомню.

– Разве? – и Кондратьев начал интенсивно стучать пальцами по клавиатуре. После чего развернул монитор, чтобы его собеседник взглянул на отображенную на нем картинку.

– «Пежо»? – вырвался удивленный возглас из уст Жмыха.

– Именно! Французский автомобиль «Пежо» имеет в своей эмблеме изображение льва. Если наша догадка верна, то кавалер Юлии Андреевны Жолташ должен носить имя Лев и передвигаться на автомобиле марки «Пежо». «Список 23» у вас с собой?

– Да, я всегда его ношу в папке, – и Жмых извлек на свет искомый документ.

После чего углубился в его чтение. Спустя несколько секунд он сообщил:

– В списке только один человек с таким именем: Лев Валерьянович Вишнев, 45-х лет, один из заместителей начальника Департамента Ближнего Востока МИД России. Но он в интересующее нас время был в двухнедельной служебной командировке не в Египте, а на Кипре.

– Но это же рядом, от Кипра до Египта можно добраться за несколько часов. Насколько я знаю, там курсирует теплоход до Порт-Саида, который возит туристов в страну пирамид. Таким образом, можно предположить, что Вишнев вполне мог добраться до Египта и провести там некоторое время, после чего вновь вернулся на Кипр. И уже оттуда вылетел в Москву.

– Логично. Значит, теперь надо проверить наличие в его гараже автомобиля «Пежо».

– А также навести справки о его семейном положении: наш кавалер, судя по рассказу Стоцкой, должен быть женат и по цвету

волос является блондином. А также не забудьте про стаканчик со стола Жолташ: его надо сегодня же показать нашим специалистам.

– Разрешите идти?

– Не идти, а бежать, Глеб Сергеевич. Мне завтра надо будет снова предстать перед начальством с отчетом, поэтому хотелось бы появиться там не с пустыми руками.

* * *

Египет, город Каир. Отель «Найл Хилтон»

Взяв в руки кейс, Янг вышел из своего номера и на лифте спустился вниз. Дьюк уже несколько минут ждал его возле выхода из отеля в автомобиле с включенным мотором, чтобы отвезти в аэропорт. Янгу предстоял перелет в Анкару на оперативное совещание ЦРУ вместо погибшего Трейси. Однако едва он очутился в гостиничном холле, как к нему наперерез бросилась статная молодая египтянка в европейском одеянии.

– Мистер Янг, можно задать вам несколько вопросов? – буквально на бегу спросила девица.

– А вы кто такая? – удивился Янг.

– Лейла аль-Махди, телеканал «Найл Резалах».

– А что вас интересует?

– Смерть вашего босса мистера Аллана Трейси. Вы ведь вместе работали в «Индастри электроникс»?

– Работали. Это был замечательный человек и руководитель, – не замедляя шага, ответил Янг.

– И это все, что вы можете о нем рассказать?

– Я мог бы очень долго говорить о нем, но у меня, к сожалению, совершенно нет времени: я опаздываю на самолет.

– И все же пять минут дела не решают, если речь идет о хорошем человеке.

Янг сделал несколько шагов, после чего остановился посреди холла и повернул голову к журналистке. Ему внезапно пришла в голову мысль, что это интервью ему отнюдь не помешает, а даже наоборот.

– Хорошо, я готов уделить вам пять минут, но не больше. И еще – никаких съемок, только диктофон.

Услышав это, журналистка сделала жест в сторону оператора с камерой на плече, чтобы он отошел в сторону. А сама подошла к Янгу и задала ему прямой вопрос:

– Вы верите в то, что вашего босса убил этот русский?

– У меня двойские чувства: я был знаком с обоими. Правда, с мистером Максимовым нас связывало знакомство протяженностью всего лишь в несколько дней, а мистера Трейси я знал много лет. Мой босс был уравновешенным человеком, из тех, что даже мухи не обидит. Мистера Максимова я с этой стороны, увы, не знаю. Поэтому могу предположить, что между ними произошла какая-то ссора, и в пылу ее мистер Максимов просто потерял самообладание.

– Но из-за чего они могли поссориться? Их что-то связывало?

– Мой босс был знаком с этим русским даже меньше, чем я. Их свела журналистская профессия Максимова, он горел желанием взять интервью у моего босса. Причем интервью далеко не лояльное, а разоблачительное. Как известно, у «Индастри электроникс» есть масса конкурентов, в том числе и в России. Думаю, здесь может быть замешана большая политика.

– Но вам известно, что у этой версии есть противники?

– Что вы имеете в виду?

– Рассказ режиссера Роджера Томпсона нашему телеканалу. Вы видели это интервью?

– К сожалению, нет.

Янг соврал: он прекрасно был знаком с этим интервью, посмотрев его час назад по телевизору в своем номере. И помнил его почти дословно. Собственно, это было даже не столько интервью, сколько монолог одного Томпсона, который длился несколько минут. А сказал он следующее:

«Я не верю в виновность Максимова. Я подозреваю в этом деле чей-то злой умысел, поскольку был непосредственным свидетелем этих событий. Мы встретились с Максимовым в холле отеля буквально за пять минут до его ареста. Он шел к себе в номер, а я уезжал на съемки. В будущем фильме Максимов обещал помочь мне с участием кого-то из российских дипломатов. И когда мы встретились с ним в фойе, он как раз напомнил мне об этом. И предложил тут же ехать в

российское посольство, чтобы я смог ознакомиться со сценарным текстом этого дипломата для будущего фильма: он его как раз написал и хотел обсудить со мной. Я согласился. После чего Максимов предложил мне подняться на пару минут к нему в номер. Но я отказался, о чем теперь сильно жалею. Не случись этого, не состоялась бы и эта провокация. Именно так и никак иначе можно назвать эту историю, поскольку от нее за десятки миль дурно пахнет. Так же не бывает. Человек поднимается к себе в номер на пару минут, чтобы оставить вещи, а потом выясняется, что он за это время успел избить беззащитного старика, с которым у него до этого не было никаких контактов, и выбросить его с балкона. После чего стал спокойно дожидаться прихода полиции. Кстати, вам не кажется странным, что она объявилась весьма оперативно – спустя несколько минут после того, как мистер Трейси упал вниз. Причем безошибочно определила нужный этаж. Да, я знаю, что там якобы были свидетели, видевшие как мистер Трейси выпал именно с этого балкона, но все равно там многое шито белыми нитками. Начиная с полной алогичности в действиях обвиняемого и заканчивая подозрительной расторопностью полиции. Поэтому я не верю в виновность Максимова».

Поскольку Янг соврал относительно своего знакомства с монологом режиссера, журналистке пришлось бегло его пересказать. После чего Янг с усмешкой на устах произнес:

– А что бы вы хотели услышать из уст человека, который считает себя приятелем мистера Максимова? К тому же мистер режиссер сильно обязан ему попаданием в свой фильм российского дипломата. Здесь просматривается личный интерес.

В этот миг в гостиничный холл вошел Дьюк, который начал волноваться долгим отсутствием своего босса. Увидев его, Янг в последний раз улыбнулся журналистке и бодрым шагом направился к выходу. Дело было сделано – версии режиссера Янг противопоставил свою, пусть и не такую складную, но тоже весьма правдоподобную. Ведь очень многим людям свойственно верить в разного рода заговоры, тем более когда в дело примешивается большая политика.

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

Кондратьев вернулся от начальника управления в свой кабинет, где его с нетерпением все это время дожидался Жмых. Чуть больше получаса назад он пришел к нему на прием, принес с собой канцелярский стаканчик с рабочего стола Юлии Жолташ, а также новую информацию о Вишневе. Однако буквально в самом начале разговора, когда они собирались вызвать в кабинет с докладом технического специалиста, уже успевшего тщательно обследовать стаканчик, Кондратьеву позвонил начальник Департамента контрразведывательных операций и вызвал его к себе. Причем это была не плановая встреча генерала с руководством, а экстренная. Вызвана она была тем, что из Египта поступило сообщение о том, что в Каире арестован Максимов по обвинению в совершении тяжкого преступления – убийства. Поскольку в сообщении давалось лишь краткое описание предъявленных Максиму обвинений, делать какие-либо выводы по этому факту было еще рано, поэтому встреча Кондратьева и начальника Департамента длилась недолго. Однако Жмыху не терпелось узнать о ее перипетиях как можно более подробно, все-таки с Максимовым они работали бок о бок не один год, а почти десять. Но Кондратьев не спешил удовлетворить это любопытство. Пройдя в кабинет и усевшись в кресло, он достал из ящика стола пачку сигарет и закурил. Затем в течение нескольких секунд в помещении висела пауза, во время которой генерал о чем-то сосредоточенно думал, а его гость не решался прервать эти раздумья. Наконец Жмых не выдержал:

– Не держите это в себе, Федор Иванович, поделитесь – легче будет.

– Я бы рад, но делиться пока особенно и нечем, – пожал плечами Кондратьев. – Наши египетские коллеги сами пока ничего толком не знают. Известно, что Максимова арестовали по обвинению в гибели Аллана Трейси – ближневосточного резидента ЦРУ. Якобы тот выпал с балкона гостиничного номера Ивана Ильича. Спустя несколько минут после падения полиция заявила в номер Максимова и арестовала его. Сам он утверждает, что в момент падения Трейси находился вне номера. Однако полицейские уверяют, что у них есть неопровержимые

улики того, что именно Максимов причастен к этой гибели. Сейчас он находится в камере предварительного заключения в полицейском участке, к нему никого не пускают, даже адвоката.

– Это же чистой воды провокация!

– Вот именно это я и объяснил только что нашему руководству. Оно, конечно, тоже не верит в виновность Ивана Ильича, но объяснений потребовало. Пришлось объяснить, что эта история, скорее всего, – дело рук Саймона Янга. Таким образом он убивает сразу двух зайцев: устраняет своего непосредственного босса с целью занять его место и надолго закрывает Максимова, который сумел благополучно вернуться из Сирии. Кстати, теперь у Янга появилась прекрасная возможность устранить Ивана Ильича собственными силами, без упования на сирийских террористов.

– Вы не берете в расчет самого Максимова, захочет ли он доставить подобное удовольствие этому американцу?

– Глеб Сергеевич, вы читаете мои мысли. Я тоже надеюсь на то, что Иван Ильич найдет возможность припереть этого янки к стене так, чтобы у него отпала всякая охота его устранять. Однако ситуация все равно крайне опасная, в египетских тюрьмах сегодня погибают сотни людей. Там и при Мубараке в тюрьмах творилось черте что, а сейчас и вовсе может произойти все что угодно. Единственная надежда на наш МИД, на его твердую позицию.

– У вас есть на этот счет какие-то сомнения?

Прежде чем ответить, Кондратьев затушил недокуренную сигарету, буквально вдавив ее в пепельницу:

– В нашем внешнеполитическом ведомстве могут найтись люди, которые захотят выставить родное нам с вами учреждение в самом неблагоприятном свете. А тут еще, как назло, под наше подозрение попал один из их высокопоставленных деятелей.

Упоминание о последнем вернуло чекистов к началу их разговора, который был прерван внезапным вызовом Кондратьева к руководству. Генерал вновь взял в руки вещицу, которую Жмых принес с собой и которая все это время мирно дожидалась, когда о ней вспомнят снова, – тот самый стаканчик для канцелярских принадлежностей, который еще несколько часов назад стоял на столе покойной Юлии Андреевны Жолташ в «Гособоронэксе», а теперь перекочевал на Лубянку – сначала к техническим специалистам, а потом к

Кондратьеву. Вещица выглядела весьма оригинально, во всяком случае, генерал ничего подобного в жизни еще не видел. На его собственном столе под авторучки и карандаши был выделен стандартный канцелярский стакан, купленный за сотню рублей в книжном магазине «Библио-Глобус», что расположился напротив здания ФСБ.

Дав генералу время вдоволь полюбоваться на эту вещицу, Жмых наконец прервал затянувшееся молчание:

– Обратите внимание, Федор Иванович, на толстое дно этого стаканчика. Как выяснилось, там спрятан видеорегистратор, где накапливается вся необходимая информация.

– Глеб Сергеич, поскольку мы с вами не самые большие специалисты по части спецтехники, мне бы хотелось послушать рассказ профессионала, – отрывая взгляд от стаканчика, произнес Кондратьев.

После чего нажал кнопку селекторной связи и обратился к секретарше:

– Инна Васильевна, вы на сколько переназначили нашу встречу с Агейкиным?

– Федор Иванович, я не оговаривала с ним новое время, поскольку не знала, когда вы освободитесь.

– В таком случае свяжитесь с ним снова и попросите прийти немедленно.

Петр Георгиевич Агейкин был легендой ФСБ, его техническим гением. Слава пришла к нему еще в далекие 80-е, когда он участвовал в операции по противодействию программе «Кобра», разработанной совместно ЦРУ и АНБ. Программа ставила целью установку сложнейшей, созданной с огромным финансовым и научно-техническим размахом системы электронного шпионажа непосредственно на здании посольства США в Москве. С ее помощью американцы намеревались внедриться в международные системы связи и в радиообмен, в разные коммуникационные каналы, а также перехватывать направленные за рубеж правительственные сообщения. Для функционирования «Кобры» под видом дипломатического багажа в Москву было доставлено оборудование, из которого была смонтирована система радиотехнического шпионажа типа «WG-1240», управляемая компьютером с чрезвычайно емким накопителем данных.

Однако Агейкину и его коллегам из технического отдела удалось достаточно быстро найти противоядие от «Кобры», после чего за Петром Георгиевичем с тех пор на Лубянке закрепилось прозвище «змеевед».

Поскольку от кабинета генерала Агейкина отделяло три этажа, а это означало, что дойти сюда он сможет минимум минут через десять, Кондратьев решил времени зря не терять и обратился к полковнику:

– Глеб Сергеич, что удалось разузнать о нашем подозреваемом – о Вишневе?

– Он вполне подходит под то описание, которое у нас имеется: блондин, разъезжающий на автомобиле «Пежо» черного цвета, – начал свой доклад Жмых. – Женат первым браком, детей нет. В прошлом году его жена угодила в автомобильную аварию и получила серьезные травмы, до сих пор сильно хромот на одну ногу, поэтому временно нигде не работает – сидит дома. Но главное в ее биографии не это, а другое: она является дочерью одного из заместителей министра иностранных дел России.

– Час от часу не легче, – вырвалось у Кондратьева. – Именно этого я больше всего и опасался. Если этот Вишнев тот самый Фараон, то мы можем оказаться в весьма непростой ситуации из-за его семейного положения – давить на нас будут сильно.

– На нас или на наше руководство?

– Вы зря надеетесь спрятаться за его широкой спиной, – усмехнулся Кондратьев. – Что еще есть на Вишнева?

– К сожалению, это пока все. Мы сличили отпечатки пальцев, которые обнаружили в квартире Жолташ на Липецкой улице с отпечатками на стаканчике, но идентичных не нашли.

– Естественно. Он же не дурак и наверняка позаботился о том, чтобы его отпечатки не попали на стаканчик: подарил его в пакете, который давно уже сгнил на мусорной свалке где-нибудь в районе Мамырей. Кстати, наш герой где проживает?

– В четырнадцатизэтажной башне на улице Кульнева. Это рядом с метро «Кутузовская».

– Надеюсь, «наружка» глаз с него не спускает?

– Обижаете, Федор Иванович, мы же помним, что сегодня очередной сеанс связи из франкфуртского центра. В данную минуту наши люди пытаются снять комнату в доме напротив Вишневого,

чтобы контролировать его действия. Если снять помещение не удастся, то придется вести наблюдение с крыши – из туристической палатки. Но в любом случае сегодня в двенадцать часов ночи мы окончательно удостоверимся в том, кто такой Вишнев – тот самый «крот» по кличке Фараон или нет.

– Я полагаю, что мы имеем возможность приблизиться к этой разгадке чуть раньше.

– Каким образом?

– С помощью двух манипуляций, одну из которых мы можем провести прямо отсюда, а вот ради второй нам придется покинуть Лубянку.

Поймав вопросительный взгляд собеседника, Кондратьев спросил:

– Фотография Вишнева у нас уже есть?

– Да, но я еще не успел переслать ее людям Арсеньева, чтобы они навели соседку Жолташ по Липецкой на предмет опознания ею по этому фото кавалера покойной.

– Вполне вероятно, мы можем сделать это сами, не выходя из этого кабинета. Как зовут соседку?

– Мария Карповна Забелина.

– Она проживает одна?

– Нет, с ней живут дочь Елена и ее сын Константин.

– Последнему сколько лет?

– Кажется, шестнадцать.

– Взрослый мальчик, поэтому будем надеяться, что компьютер ему мама купила. Отправим ему фото Вишнева по электронной почте, мысленно воздавая хвалу все тому же чудо-мастеру Петру Георгиевичу Агейкину и его подразделению.

Последнюю фразу объяснять Жмыху не понадобилось. До недавних пор вся компьютерная система ФСБ работала с маршрутизаторами, разработанными в США, в штате Калифорния. Поэтому надежда на то, что секретные коды этой системы не известны АНБ, была маленькая. Однако недавно в России появился собственный аналог американской техники, совместимый со всеми существующими компьютерными системами. От своего американского собрата он отличался двумя важными деталями – секретными кодами и вшитыми протоколами. Таким образом, подобраться к такой системе американцам было весьма проблематично.

Получив искомую фотокарточку, Кондратьев взглянул на запечатленного на ней мужчину и, не скрывая своего удивления, воскликнул:

– А этого человека я уже где-то видел. Причем буквально вчера.

– Быть такого не может, вы же почти постоянно находились на Лубянке.

– А я его именно здесь и видел.

– То есть?

– Вон в том ящике, – и Кондратьев указал на телевизор, стоявший в углу кабинета. – Не далее как вчера я ждал вашего звонка и рыскал в телеэфире. В итоге наткнулся на беседу журналиста вот с этим самым человеком. Узнать его имя и фамилию не представилось возможным, поскольку в беседу я вклинился практически в самом ее конце. Однако лицо запомнил хорошо.

– И о чем же была беседа?

– О Сирии. И представьте себе, Лев Валерьянович Вишнев предстал в «ящике» горячим патриотом нашей Родины, подлинным защитником российских интересов. Я даже мысленно его похвалил.

– А вы хотели, чтобы он защищал по телевизору американские интересы?

Кондратьев ничего не ответил, а вместо этого включил принтер, стоявший у окна, и в течение пары минут отсканировал фотографию. Затем перенес изображение в свой ноутбук. После чего снял с телефонного аппарата трубку и снова обратился к Жмыху:

– Назовите мне, пожалуйста, телефон Марии Карповны.

Жмых заглянул в свою папку и назвал требуемый номер. Однако набрать его генерал не успел: в кабинет постучали. В следующую секунду на пороге объявился седовласый мужчина, лицом напоминавший советского физика, он носил очки и бороду. Это был Петр Георгиевич Агейкин собственной персоной.

– Разрешите, Федор Иванович? – спросил гость, закрывая за собой дверь.

– Не разрешаю, а приказываю, Петр Георгиевич, – улыбнулся генерал и указал на свободный стул.

Поняв по этой фразе, что церемонии в данном случае не уместны, Агейкин практически с ходу начал вводить своих коллег в курс дела:

– Данный канцелярский стакан являет собой не что иное, как комбинированный считыватель и накопитель информации пятого поколения. Говоря простым языком, это последний писк в области электронного шпионажа. Среди тех бисерин, которыми обильно усеян этот предмет, четыре штуки являются скрытыми миниатюрными видеокамерами, которые опоясывают стакан по кругу и включаются автоматически в тот момент, когда поблизости загорается монитор компьютера. Подчеркну, что включается именно та видеокамера, которая ближе всего расположена к монитору. Все записанное поступает на видеорегистратор, который вмонтирован в дно стакана и может храниться там сколько угодно долго на специальном жестком диске. Причем объем складываемой информации огромен – это тысячи мегабайт.

– А каким образом эта информация потом изымается? – задал вопрос Кондратьев.

– Это происходит с помощью специального прибора-считывателя, который настроен на данный видеорегистратор.

– Для этого обязательно надо быть поблизости со стаканчиком?

– Не обязательно, можно это делать и на расстоянии, причем значительном. Например, находясь в нескольких сотнях метрах от места, где находится стаканчик. Достаточно знать технические параметры видеорегистратора.

– То есть если кто-то захочет извлечь информацию, ему необязательно светиться рядом с ним – достаточно, например, встать на соседней улице и снять со стаканчика все, что там накопилось? – продолжал свой допрос Кондратьев.

– Совершенно верно. Только зачем стоять на улице, можно, к примеру, сидеть в автомобиле. Там теплее, да и незаметнее. Главное знать, в какой стороне здания находится стаканчик, а еще лучше – за каким окном.

– А как же электронная защита, прикрывающая окна? – вступил в разговор, молчавший все это время Жмых.

– Я же говорю, что этот стакан – последний писк в области электронного шпионажа. Как и тот считыватель, который снимает с него информацию. Вместе они создают мощный электронный ключ, который без труда вскрывает практически любую защиту.

– То есть один взламывает снаружи, а другой изнутри? – удивленно спросил Жмых.

– Именно так – пучковый метод. Лучи одного и другого сходятся в одном месте и пробивают защиту. Скажу честно, такую вещь я вижу впервые. Все, что я вам здесь рассказал, – это только предварительная информация, а на самом деле ее начинка таит в себе массу интересных открытий. Поэтому выражаю вам огромную признательность за то, что этот прибор оказался в наших руках: ему цены нет.

– Рады стараться, – откликнулся на комплимент Кондратьев, после чего задал новый вопрос:

– А можно узнать, когда в последний раз снималась информация?

– В воскресенье, в девять часов вечера.

– А до этого?

– Четырьмя днями ранее – в среду вечером.

– Судя по всему, информацию снимали по мере ее накопления в течение недели, – сделал вывод Кондратьев. – В понедельник и вторник информация накапливалась, затем ее снимали, после чего давали накопиться до пятницы. Я правильно понял?

– Правильно, Федор Иванович.

– В таком случае в очередной раз должны снять послезавтра вечером?

– Скорее всего, ведь суббота и воскресенье – выходные и нужный компьютер заработает... вернее, заработал только сегодня утром, – подтвердил догадку генерала Агейкин.

– А вы можете сделать так, Петр Георгиевич, чтобы на этот раз стаканчик записал что-то такое, что не повредит безопасности нашей родины? Нам необходимо, чтобы тот человек, который повадился считывать со стаканчика информацию, ни о чем бы не догадался.

– Все в наших силах, – улыбнулся Агейкин, после чего заявил. – Но если задача вами поставлена, я готов приступить к ее выполнению немедленно.

– Не будем больше вас задерживать, – Кондратьев поднялся со своего кресла и протянул гостю руку для прощания. Но, поймав взгляд Агейкина, тут же добавил:

– Естественно, забирайте с собой и последний писк в области электронного шпионажа.

Как только за гостем закрылась дверь, Кондратьев продолжил дело, от которого его оторвали десять минут назад – позвонил соседке, которая проживала на одной лестничной площадке с покойной Жолташ. На удачу женщина оказалась дома.

– Мария Карповна? Добрый день, вас беспокоит Федор Иванович Кондратьев из ФСБ. Раньше мы назывались КГБ, чтобы вам было понятно. Я беспокою вас по поводу того мужчины, который встречался с Юлией Андреевной Жолташ. Наши люди уже беседовали с вами о нем, но у нас возникла новая потребность для общения с вами. У нас есть фотография одного мужчины, которую мы хотим показать вам на предмет опознания. Нет, приходить к нам необязательно, да и мы к вам тоже можем не приезжать, если ваш внук Костя сейчас дома. Вот и прекрасно. Передайте ему, пожалуйста, трубочку.

Последовала пауза, во время которой пенсионерка подзывала к телефону внука. Наконец, тот взял трубку, и Кондратьев продолжил беседу уже с ним:

– Здравствуй, Константин. Меня зовут Федор Иванович. Чем занимаешься? Литературу учишь? Хорошее дело. А что вы проходите? Солженицына? Судя по всему, «Архипелаг ГУЛАГ»? Тяжелая книга, не каждому по зубам. Советую тебе для расширения твоего кругозора по данной теме прочитать также произведения Вадима Кожинова и Владимира Бушина. Их книги можно легко найти в Интернете. Кстати, компьютер у тебя сейчас включен? Дело в том, что я хочу переслать твоей бабушке одну фотографию. Для этого мне нужен адрес твоей электронной почты. Назовешь? Записываю, – и Кондратьев, вооружившись авторучкой, сделал запись в ежедневнике. – Спасибо, Константин. Через пару минут фотография будет у тебя, покажи ее бабушке, а я ей вскоре перезвоню.

Положив трубку на аппарат, Кондратьев отправил отсканированное фото Вишнева на «личку» внука пенсионерки. После чего взглянул на Жмыха:

– Видите, сколько времени экономят нам современные электронные коммуникации.

– Лично меня волнует другое: вы чему молодежь учите, Федор Иванович?

– Это вы о Солженицыне? Я учу молодежь быть объективной и получать информацию из разных источников. Если молодые люди

будут черпать свои знания только из «Архипелага ГУЛАГа», их представления о трагических страницах нашей истории будут односторонними. Кстати, это касается и их знаний о деятельности органов госбезопасности. Вы же видите, как их рисуют наши многочисленные телесериалы, часто в самом негативном свете. А это, согласитесь, неправильно.

Произнеся свой монолог, Кондратьев взглянул на часы, после чего вновь взялся за телефонную трубку. Через несколько секунд он уже снова разговаривал с пенсионеркой Марией Карповной Забелиной, причем на этот раз их общение было более коротким:

– Получили нашу фотографию, Мария Карповна? И что скажете? Вы не ошибаетесь? Посмотрите еще раз внимательнее. Вы уверены? Большое вам спасибо за помощь. Дай бог здоровья вам и вашим близким. Константину передайте мое персональное спасибо. Он хочет что-то спросить? Хорошо, дайте ему трубочку. Да, Костя, слушаю тебя. Не Кожин, а Кожинов Вадим, был такой замечательный историк и философ. Второй писатель – Владимир Бушин. Записал? Тогда удачи тебе в твоих изысканиях.

Все еще продолжая держать телефонную трубку в руках, Кондратьев с удовлетворением заметил:

– Видите, Глеб Сергеич, парень заинтересовался альтернативной историей. Значит, у нас с вами есть шанс, что молодежь мы не потеряем.

– Бог с ним с парнем, что с Вишневым?

– Забелина его опознала, причем категорически. Таким образом, мы можем с полной уверенностью констатировать, что Жолташ встречалась именно с ним.

– Что дальше? – поинтересовался Жмых.

– Спасибо, что напомнили, – поблагодарил коллегу генерал.

Он достал из ящика стола записную книжку и, найдя в ней нужную страничку, вновь начал нажимать клавиши на телефонном аппарате. Через несколько секунд трубку на другом конце провода подняли и генерал произнес:

– Игнатий Леонтьевич? Добрый день, это генерал Кондратьев.

Услышав имя человека, с которым вел беседу его начальник, Жмых сразу определил, что это был генеральный директор

«Гособоронэкса» Игнатий Леонтьевич Тарасов. А разговор тем временем продолжался:

– Как ваше здоровье, как жена, дети? – вещал Кондратьев. – Спасибо, вашими молитвами. Я вот по какому поводу звоню вам. Мои люди сегодня уже были у вас, а вот я еще не удосужился. Поэтому вы уж не обессудьте, но где-то через полчаса мы с Глебом Сергеевичем Жмыхом подъедем к вам ввиду срочного дела. Нам надо будет встретиться с кем-то из вашей охраны, кто заведует видеонаблюдением. Устроите? Вот и славно. В таком случае мы выезжаем.

Положив трубку на аппарат, Кондратьев взглянул на Жмыха:

– Поняли, что нас ждет?

– Попытаемся обнаружить на видеозаписи вишневский «Пежо» возле «Гособоронэкса», – догадался Жмых.

– Правильно. Тем более что мы знаем, когда именно Фараон приезжал снимать информацию. Если их видеокамеры охватывают весь периметр территории, в том числе и прилегающие улицы, то мы достаточно легко найдем то, что ищем.

Кондратьев оказался прав – их поиски длились недолго. Благодаря активной помощи охранников «Гособоронэкса», отвечающих за видеонаблюдение на предприятии, уже спустя полчаса после начала поисков на одной из записей объявился искомый «Пежо» черного цвета, который притулился на обочине напротив той части здания, куда выходили окна отдела, где трудилась Жолташ. Датировка ясно указывала, когда это было – в минувшее воскресенье, в восемь часов вечера. Согласно записи с видеокамеры, «Пежо» простоял на своем месте около двадцати минут, после чего уехал. Марка, цвет и, главное, номер автомобиля не оставляли никаких сомнений в том, кому принадлежало это автотранспортное средство – Льву Валерьевичу Вишневу.

* * *

Турция, город Анкара

Саймон Янг прилетел в столицу Турции город Анкару во второй половине дня и жутко вымотался. Летел он больше пяти часов, поскольку прямого рейса из Каира не существует, поэтому ему пришлось лететь до Стамбула, а уже оттуда, пересев на другой самолет, добираться до Анкары. В итоге в аэропорт «Эсенбога» он прилетел глубоко под вечер. Взял такси и без происшествий доехал до одного из лучших отелей города, «Активф Метрополитен», где для его покойного босса Аллана Трейси был заказан отдельный номер на пятом этаже. Едва он успел бросить кейс на диван и расстегнуть рубашку, чтобы отправиться под душ, как заиграл его мобильный телефон. На другом конце Янг услышал голос сенатора, члена Комитета по разведке Сената США Кевина Макларена, который, как выяснилось, тоже прилетел в Анкару на оперативное совещание:

– Хэлло, Саймон! Ты уже успел добраться до отеля? Тогда не теряй времени даром и спускайся вниз, мы со Стивеном ждем тебя в ресторане. Отведаеть турецкой кухни, а заодно посвятишь нас в тайну ухода в мир иной твоего босса.

Ни о какой турецкой кухне Янг до сего момента и не помышлял, мечтая лишь об одном – постоять под холодным душем, а потом нырнуть под одеяло и хорошенько выспаться, чтобы завтра со свежей головой встретиться со своим прямым боссом – заместителем директора ЦРУ Стивеном Снайпсом (увидеть здесь сенатора Янг никак не ожидал). Однако после того как его прибытие в отель было рассекречено, ему не оставалось ничего иного, как отложить душ и сон на потом и отправиться в гостиничный ресторан «Кехрибар».

Столик, за которым сидели Макларен и Снайпс, находился в дальнем конце зала у раскрытого настежь окна, из которого открывался изумительный вид на вечернюю Анкару. Зная о вкусах замглавы ЦРУ, который отдавал предпочтение восточной кухне и особенно мясным блюдам, Янг предвкушал, что и на этот раз тот не изменит своим привычкам. «Не искупаюсь, так хоть набью брюхо», – думал Янг, приближаясь к столу. Предчувствия его не обманули: стол ломился от мясных деликатесов в виде кебабов, тушеной бараньей голени, блинов с мясом по-турецки – лахмаджуна. Запивалось все это ракой – анисовой водкой.

Присев за столик, Янг подвинул к себе пустую тарелку и принялся наполнять ее едой, не обращая внимания на удивленные взгляды своих

партнеров по столу. Налив себе в рюмку раки, Янг, прежде чем опрокинуть ее в рот, провозгласил тост:

– Я предлагаю поднять ваши рюмки в память о покойном Аллане Трейси.

Партнерам не оставалось ничего иного, как последовать этому призыву.

Когда рюмки были осушены, Снайпс задал Янгу вопрос, который он ожидал услышать:

– Так что произошло с твоим боссом, Саймон, почему он стал покойным? Только нас интересует реальная история, а не та, что ты слил журналистам.

– А чем вам не нравится версия из новостей? – удивился Янг. – По-моему, в ней все логично. Трейси пришел к русскому журналисту, они повздорили и более молодой одолел более старого – выбросил его с балкона.

– А где в это время был ты? – продолжал допытываться Снайпс.

– Мы с Дьюком сидели внизу, в баре. Потом услышали крики, выбежали на улицу и увидели на бетонке распластанное тело Трейси. Кто-то из толпы видел, откуда он упал, и мы тут же сообщили об этом полицейским, которые дежурили возле отеля. Они и задержали этого русского.

– И какого черта ему было убивать Трейси?

– Журналистам я объяснил это проблемами большого бизнеса, завязанного на политике. Но вам могу открыть истинную причину. Ведь этот русский на самом деле никакой не журналист, а разведчик. И в Каир приехал не просто так, а чтобы выведать подходы к нашему агенту – Фараону. Вы должны были читать об этом в моих отчетах.

– Я читал их, но там не было ничего, где бы говорилось, что русский ищет контактов с Трейси. К тому же если бы он их искал, то сам бы пришел к Аллану, а не наоборот.

– Это в том случае, если русский хотел всего лишь поговорить с Трейси по душам. А если у него изначально были иные планы? Если он хотел надавить на старика – силой выведать у него имя нашего агента? Для подобных разговоров обычно выбирают свою территорию. Вы же знаете, что русским до зарезу нужен наш «крот» в Москве, поэтому они, видимо, и решили играть ва-банк. Ведь до этого русский активно обхаживал меня, но со мной у него ничего не получилось.

Тогда он, видимо, и решил переключиться на босса. Но тот, как выяснилось, тоже оказался крепким орешком. Старик, видимо, послал его подальше, а русский начал его избивать, рассчитывая таким образом вывести подлинное имя Фараона. Но в пылу драки Трейси перевалился через балконные перила. То ли случайно, то ли потому, что понял: еще немного и русский вытянет из него всю необходимую информацию. Об этом, кстати, говорит его порванная рубашка и одна туфля на ноге – вторая осталась на балконе русского. Значит, старик отчаянно сопротивлялся.

– Ты клонишь к тому, что Трейси – герой?

– Совершенно верно. Старик совершил героический поступок, предпочтя выброситься с балкона, чем раскрыть имя нашего агента в Москве. Можно смело ходатайствовать о том, чтобы его имя было включено в скорбный список наших героически погибших агентов, вывешенный в фойе здания в Лэнгли.

– А что, в этом есть нечто разумное, – вступил в разговор Макларен. – При всем моем уважении к покойному, Трейси давно было пора на покой. Время таких, как он, уж прошло, но сам он этого не понимал – продолжал цепляться за прошлое. И само Провидение помогло ему уйти, пусть и таким страшным образом. Но мы должны воздать ему должное и выставить как героя. Пусть молодые учатся на примере таких, как он.

– За это надо выпить, – провозгласил очередной тост Янг и сам разлил из графина по рюмкам анисовую. Он увидел, что его версия завоевала сердца слушателей, а это означало, что самое страшное для него, кажется, осталось позади.

Когда и эти рюмки были осушены, слово вновь взял Макларен.

– То, что в этой смерти оказался замешан русский, для нас большая удача. Это отличный шанс воткнуть фитиль в русско-египетские отношения и подпалить его. При новом президенте Египта все те крупные проекты, которые были заложены еще Мубараком, продолжают развиваться, а нам это крайне невыгодно. Более того, только за минувший год товарооборот между Египтом и Россией увеличился на 70 процентов, и сумма этого товарооборота только для русских достигла трех с половиной миллиардов долларов. Это внушительная сумма. А они ведь еще собираются увеличить взаимный поток инвестиций с помощью новых совместных проектов в сфере

промышленной кооперации, энергетики. Кроме этого, египетские «братья-мусульмане» дуют в русскую дуду и как-то вяло участвуют в сирийском конфликте, хотя значительную часть египтян составляют сунниты. Почему бы им не долбануть по режиму Асада, который принадлежит к алавитской ветви шиизма?

– Хотите поссорить египтян как с русскими, так и с сирийцами? – накладывая в тарелку очередную порцию кебаба, спросил Снайпс.

– Хочу, Стивен. Но для этого было бы очень хорошо, если бы этот русский загнулся в египетской каталажке, а подконтрольные нам газеты и телеканалы раструбили бы об этом на весь мир. После этого официальным египетским властям придется весьма несладко, объясняя перед русскими эту смерть накануне визита их президента в Москву.

– И когда вам хотелось бы, чтобы этот русский загнулся? – с интересом спросил Янг.

– Чем быстрее, тем лучше. Если это дело слишком сильно тянуть, то русские успеют включить все свои связи и вытащить его на свободу. Учтите, что гибель русского до его встречи с коллегами из российского посольства может напрочь закрыть вероятную возможность того, что он успеет передать им подлинное имя Фараона. Если, конечно, он действительно смог вывести его у Трейси, прежде чем успел выбросить его с балкона. А такую версию мы тоже не должны исключать. Поэтому надо спешить. Пусть все выглядит так, будто русский свел счеты с жизнью под тяжестью бесспорных улик. Таким образом, мы убьем сразу кучу зайцев: и русских оставим с носом, и Трейси сделаем героем, и египтян заставим быть покладистее. А то совсем эти «братья-мусульмане» перестали мышей ловить.

– Тогда я покину вас на несколько минут, чтобы отдать необходимые распоряжения, – Янг поднялся из-за стола и, достав из кармана мобильник, принялся набирать номер своего верного оруженосца Бобби Дьюка.

* * *

Москва, улицы города

На автостоянке возле «Гособоронэкса», когда Кондратьев уже собирался сесть в свой «Форд» и отправиться домой, к нему подошел Жмых, с которым они расстались у выхода пять минут назад.

– Федор Иванович, есть сведения от Нелюбова.

Майор ФСБ Дмитрий Нелюбов возглавлял оперативную группу, которая совместно с двумя бригадами «наружки» из Оперативно-поискового управления вела наблюдение за Львом Вишневым.

Чтобы не вести разговор на улице, Кондратьев открыл переднюю дверцу своего автомобиля и предложил коллеге занять место в салоне. Сам генерал сел на водительское место.

– Нелюбов сообщает, что час назад Вишнев позвонил со своего мобильного телефона и заказал столик на двоих в ресторане рядом с Плющихой. В данный момент он уже на пути туда, – поделился с генералом последней информацией Жмых.

– Компанию ему, судя по всему, составила его супруга?

– Я уже говорил, что после перенесенной травмы она сильно хромает и редко выходит из дома, разве что в магазин неподалеку, да на прогулку с собакой. Поэтому компанию Вишневу составила некая Светлана, которую он ласково называет Светуля.

– Откуда такие подробности?

– Сразу после звонка в ресторан Вишнев позвонил этой самой Светлане-Светуле и сообщил ей об их сегодняшнем походе.

– Неужели он завел себе очередную любовницу?

– Не исключено. Во всяком случае, судя по тому, что мне сообщили, их разговор весьма был похож на общение двух любовников. Эта Светлана интересовалась, сможет ли Вишнев после похода в ресторан остаться у нее на ночь, но он сослался на то, что сегодня не получится: обещал жене быть дома к десяти вечера. Представляете, какая скотина: тело его предыдущей пассии в данную минуту еще лежит в морге, а он уже крутит шашни с новой девицей.

– А каких действий вы ожидали от душегуба? Впрочем, на данный момент никаких доказательств того, что с Жолташ в роковой день виделся именно Вишнев, мы не имеем.

– Вы же понимаете, что сбор этих улик – вопрос ближайшего времени.

– Понимаю, но пока он всего лишь подозреваемый, а не обвиняемый.

– Но это именно он крутил любовь с Жолташ и светился возле «Гособоронэкса» в те самые часы, когда снималась информация со стакана. Пусть и не выходил наружу из своего «Пежо». И домой он сегодня рвется вовсе не к жене: в двенадцать часов ночи должен состояться очередной сеанс связи. Интересно, каким образом Вишнев его проводит, если под боком у него все время крутится его супружница?

– Думаю, мы очень скоро это узнаем, – ответил Кондратьев. – Кстати, как разрешился вопрос с местом, откуда будет вестись наблюдение за квартирой Вишнева?

– Самым благополучным образом: ребятам удалось найти свободную квартиру в доме напротив Вишневого. Так что мерзнуть на крыше в палатке им не придется. Вторая группа в это время осмотрит гараж Вишнева, который находится в пяти минутах ходьбы от дома. Полагаю, что там мы можем обнаружить весьма интересные улики, например яд-невидимку, которым была отравлена Жолташ.

– Полагаете, что он хранит его именно там?

– Не дома же, где хозяйничает его супруга. Нет, такие вещи он должен хранить в таком месте, куда его благоверная и носа не кажет.

– Согласен, гараж для этого самое подходящее место. Однако не стоит упускать из вида и ресторан, который, прямо скажем, подвернулся весьма кстати. Его также можно использовать для сбора нужных нам улик. Например, свои отпечатки пальцев Вишнев наоставляет там в достаточном количестве. Так что позаботьтесь и об этом, Глеб Сергеевич. Я бы сам не прочь съездить туда и посмотреть на этого мерзавца воочию, но нельзя: только внесу лишнюю нервозность в работу оперативной группы.

– Это вы правильно решили, Федор Иванович, незачем вам светиться в ресторане. Ребята и сами неплохо справятся, а завтра на Лубянке мы в спокойной обстановке разберем все их действия.

– Но если в деле возникнуть какие-то форс-мажорные обстоятельства, немедленно звоните мне домой в любое время, – предупредил коллегу Кондратьев, после чего добавил:

– Впрочем, будем надеяться на то, что ничего сверхъестественного не произойдет.

Кондратьев был еще в пути, а оперативная группа уже активно работала против Вишнева. Пока одна бригада висела у него на

«хвосте», ведя его «Пежо» от Смоленской-Сенной до района Плющихи, две другие тоже времени зря не теряли. Бригада Нелюдова подъехала к ресторану, где два человека остались снаружи, в машине, а Дмитрий Нелюдов и его напарница Екатерина Волкова вошли внутрь и заняли свободный столик в углу у стены, откуда открывался хороший обзор всего заведения. Спустя полчаса, когда в зал вошли Вишнев и его новая пассия, они уселись за столик, от которого оперативников отделяли всего полтора десятка метров.

Судя по тому, как вели себя Вишнев и его спутница, отношения между ними были весьма близкие. Они то и дело брались за руки, несколько раз сливались в поцелуе, а когда пару раз выходили на танцпол (в такие минуты обычно звучал медленный танец), то обнимались с такой страстью, что это не оставляло никаких сомнений в том, что они любовники. Один из таких танцев оказался весьма кстати для оперативников (одному из тех, что остались в автомобиле). Пока Вишнев и его спутница лобызались на танцполе, целиком увлеченные друг другом, оперативник, показав шеф-повару свое удостоверение, накинул на себя форму официанта, вышел в зал и заменил стакан, из которого Вишнев все это время пил сок, новым. На кухне этот вещдок был отправлен в полиэтиленовый пакет и отнесен в автомобиль, где напарника терпеливо дожидался его второй коллега. Эта операция заняла не более минуты, поэтому ни Вишнев, ни его подруга ничего не заметили. Впрочем, обрати они на нее свое внимание, никаких подозрений данная манипуляция вызвать не должна была, ведь у их стола крутился человек, одетый в форму официанта.

Тем временем другая группа оперативников в количестве трех человек расположилась в одной из квартир на восьмом этаже в доме напротив Вишневого (дома разделяли не более ста метров). Окна квартиры, где находились эфэсбэшники, располагались фактически на одном уровне с окнами вишневской квартиры, которая находилась на седьмом этаже четырнадцатизэтажной башни. Учитывая, что наблюдатели установили в окне мощную записывающую видеоаппаратуру, они могли разглядеть даже надпись на спичечном коробке, лежащем на кухонном столе Вишневской квартиры. Благо занавески были распахнуты. Кроме кухни, на эту сторону улицы выходили также окна еще одной комнаты мидовца, занавески на

которых были задернуты лишь наполовину. Судя по всему, это была гостиная, где в этот момент находилась жена Вишнева, которая смотрела по телевизору какой-то сериал. Было видно, что женщина то и дело поглядывает на настенные часы, стрелки которых показывали начало десятого вечера. До возвращения Вишнева оставалось меньше часа.

Любовники пробыли в ресторане до девяти вечера. После чего Вишнев отвез девушку на Брянскую улицу, где та, судя по всему, и проживала, и спустя полчаса был уже возле своего дома на улице Кульнева. Поставив автомобиль в гараж, Вишнев ровно в десять часов вечера позвонил своей жене, сообщив ей, что через пять минут будет дома. Слушая этот звонок, Нелюбов мысленно усмехнулся: «Какой пунктуальный ловелас: изменяет, но к жене возвращается в точно обозначенное время».

Еще через пять минут у Нелюбова заиграл мелодией мобильник. Звонил руководитель группы, засевшей в съемной квартире. Он произнес всего лишь одну фразу «Ягоды в лукошке», что означало: Вишнев благополучно добрался до своей квартиры. Это стало сигналом к тому, чтобы группа Нелюбова начала операцию по проникновению в гараж Вишнева. Акция заняла не более двух минут: во-первых, вокруг было не души, во-вторых, замок на гараже был стандартный, поэтому на его вскрытие понадобились считанные секунды. Открыв дверь, Нелюбов с напарником проникли внутрь, а Екатерина Волкова осталась в автомобиле, готовая прийти на помощь к своим коллегам при первой же необходимости.

Напарником Нелюбова был один из лучших специалистов по досмотру помещений Егор Зайцев со своим чудо-прибором, который мог найти даже иголку в стогу сена. Поэтому пока Нелюбов занимался осмотром автомобиля Вишнева, Зайцев принялся методично обследовать гараж. И уже спустя несколько минут его прибор обнаружил в кирпичной кладке достаточно вместительный тайник. В нем находилось несколько предметов. Так, в деревянной коробочке была обнаружена долларовая монета, которая оказалась обычным тайником-контейнером. Будучи хорошо знаком с такого рода тайниками (они создаются из двух обыкновенных монет путем фрезеровки лицевой части одной и внутренней части обеих монет), Нелюбов быстро разобрался с тем, как его открыть: повернув против

часовой стрелки одну из сторон монеты. Внутри нее оказалась крошечная флэш-карта microSD, на которой, скорее всего, была записана шпионская информация, вроде шифров и соответствующих инструкций к ним.

Кроме монеты, в гаражном тайнике находился обыкновенный ключ от квартиры и флакончик с миниатюрным пульверизатором, на обнаружение которого делал особый упор полковник Жмых. По его мнению, именно в таком флакончике должен был находиться яд-невидимка, которым могла быть отравлена Юлия Жолташ.

Разложив все эти предметы на капоте автомобиля, Нелюбов извлек из кармана куртки миниатюрный фотоаппарат и сделал несколько снимков обнаруженных в тайнике вещей. После чего фотоаппарат сменило другое миниатюрное устройство – блок-считыватель. Нелюбову предстояло вставить в него флэш-карту из тайника и в течение нескольких минут перекачать из нее всю информацию. Однако в этот самый момент в кармане куртки майора завибрировал мобильник (перед походом в гараж мелодия в нем была предусмотрительно отключена). Звонить могла только Волкова, оставшаяся в автомобиле, и это означало одно – случилось нечто непредвиденное.

– Я слушаю тебя, Катя, – отойдя в дальний конец гаража, откликнулся на звонок Нелюбов.

– Объект вышел из дома на прогулку с собакой, движется в сторону гаража.

Сообщение было как гром среди ясного неба. Дело в том, что эфэсбэшникам было хорошо известно, что дома у Вишнева есть собака породы пекинес, однако оперативники, засевшие в съемной квартире, еще час назад сообщали, что с животным уже гуляла супруга мидовца. И это означало, что на сегодня прогулок больше быть не должно. Однако Вишнев почему-то с пекинесом на улицу вышел. Как собачник с многолетним стажем Нелюбов догадался, что могло произойти: животное подвел мочевой пузырь либо кишечник. Это давало шанс на то, что прогулка долгой не будет и до своего гаража мидовец не дойдет. Однако предполагать можно было все, что угодно, а как произойдет в действительности, знал только Всевышний.

Вишнев с собакой двигались по направлению к гаражу. Дать гарантию, что мидовец в свете горящего поблизости фонаря не заметит

того, что замок на гараже висит на одной дужке, никто, естественно, не мог. Чтобы этого не случилось, требовалось сделать что-то такое, что могло бы остановить Вишневу на полдороги. Идей в голове у Волковой, сидящей в автомобиле, не было никаких, поэтому пришлось импровизировать буквально на ходу. Выйдя наружу, она быстрым шагом двинулся наперерез мидовцу.

– Уважаемый, не угостите сигаретой? – обратилась женщина к Вишневу.

– К сожалению, оставил их дома, – замедляя шаг, ответил мидовец.

– Тогда не подскажите, где здесь у вас поблизости есть круглосуточный магазин или палатка? Случайно оказалась в здешних местах, поэтому ничего окрест не знаю.

– До ближайшего магазина минут пять пешим ходом, надо спуститься вниз по улице.

– Легко сказать, спуститься по улице, учитывая, что я всегда плохо ориентируюсь на местности, да еще на ночь глядя. Кстати, как зовут вашего питомца?

От ее глаз не укрылось, что мидовец колеблется, поэтому она решила переключить его внимание, чтобы потом вновь вернуться к прежней теме. К тому же, каждая выигранная минута давала возможность собраться с мыслями как самой Волковой, так и ее напарникам, находящимся в гараже.

– Пса зовут Гектор, – ответил Вишнев.

– Славное имя. Сами выбирали?

– Нет, супруга. Она, знаете, любит творчество Агаты Кристи, а у нее в одном из романов так звали собаку.

– Имеете в виду «Собаку, которая не лает»? – блеснула эрудицией Волкова.

– Я вижу, вы тоже любите детективы?

– А вы как будто нет?

– Мою любовь вряд ли можно сравнить с вашей.

– Откуда вы это знаете?

– Исходя из общепринятого стандарта, который подразумевает, что большинству читателей нравятся положительные герои.

– А вам, значит, нравятся злодеи? Интересно почему?

– Наверное, потому что они не столь одномерные, как их положительные визави. Помните, у Розанова: «Порок живописен, а добродетель так тускла».

– Может, дело вовсе не в философе: таким образом вам легче знакомиться с незнакомыми девушками? Их ведь так легко покорить своим нестандартным мышлением.

Ответом на эту догадку девушки последовал искренний смех Вишнева.

– А вам палец в рот не клади – откусите, – вдоволь насмеявшись, заметил мидовец.

Весь этот разговор происходил в пятнадцати метрах от гаража Вишнева, поэтому Нелюбов и его напарник, стоя у дверей, прекрасно все слышали. Нелюбов еще подумал: как бы их коллега не перегнула палку и не вызвала у Вишнева подозрения о неслучайности этой встречи. Но все обошлось. Волкова вновь напомнила мидовцу о своей просьбе, и они вдвоем двинулись в обратную от гаража сторону.

Как только их голоса удалились, Нелюбов вернулся к тому, чем занимался до этого: перекачал информацию с флэш-карты на блок-считыватель. Затем он вернул флэшку в монету-тайник и занялся флакончиком. Достав из кармана специальный кусочек материи, он прыснул на него пару раз из флакончика и тут же вложил материю в герметичный пакетик из прочного полиэтилена. После чего все обнаруженное в тайнике было возвращено на прежнее место и эфэсбэшники покинули гараж. Они вернулись в автомобиль, где вскоре объявилась и их напарница. Забравшись в салон, она задала всего лишь один вопрос:

– Как успехи?

– Более чем, – не скрывая удовлетворения, ответил Нелюбов. – А у тебя? Мидовец, небось, клеился?

– А чем я хуже его ресторанной пассии? – вопросом на вопрос ответила Волкова.

– Ничем, – согласился Нелюбов. – Как же ты от него отделалась?

– Продиктовала ему вымышленный номер телефона, он и отвязался.

– Может быть, поспешила? – высказал сомнение Нелюбов.

– Приказа установить с ним близкий контакт у меня не было, – ответила Волкова и полезла в сумочку, где у нее лежали сигареты.

Тем временем Вишнев вернулся в квартиру и угодил под пристальное внимание эфэсбэшников из группы, засевшей в доме напротив. Почти все его перемещения внутри той части квартиры, которая выходила на ту сторону, где находились эфэсбэшники, были прекрасно видны через видеообъектив, а разговоры с женой фиксировались благодаря прибору дистанционного подслушивания – лазерного считывателя, который позволял подслушивать разговор по звуковым колебаниям стекла.

Ровно в половине двенадцатого ночи Вишнев предложил жене выпить апельсинового сока. Когда та согласилась, он прошел на кухню и под зорким оком эфэсбэшной камеры осуществил следующую манипуляцию. Достал из холодильника пачку апельсинового сока, открыл ее и налил напиток в бокал. После чего извлек из брючного кармана какой-то пакетик, надрезал ножницами его уголок и высыпал содержимое в бокал. Затем размешал сок ложкой, поставил его на поднос и в таком виде отнес жене, которая продолжала смотреть в гостиную телевизор. Выпив напиток, женщина поставила бокал на журнальный столик, после чего продолжила телепросмотр. Вишнев сидел рядом, уставившись в тот же телевизор. Но спустя пять минут он поднялся с дивана, подошел к жене, которая сидела в кресле, и тронул ее за плечо. Женщина крепко спала, усыпленная снотворным, которое несколько минут назад ее супруг подсыпал ей в бокал. Подняв женщину на руки, мидовец унес ее из комнаты, видимо, в спальню.

После этого он вновь появился на кухне. Встав на табуретку, снял с кухонного шкафчика радиоприемник и поставил его на стол. Затем ушел в дальнюю комнату, откуда вернулся спустя несколько минут. В руках он держал блокнот и авторучку. Все это он разложил на столе и ровно в 23.55 включил радиоприемник. Через пять минут должен был начаться очередной сеанс связи из франкфуртского радицентра ЦРУ.

* * *

Египет, город Каир.

Полицейский участок центрального округа

Максимов лежал на нарах в одиночной камере полицейского участка и вот уже на протяжении нескольких часов предпринимал безуспешные попытки уснуть. Однако в духоте тюремного помещения сделать это было весьма проблематично. Да и в голову продолжали лезть разного рода мысли, которые отгоняли сон напрочь.

«Надо отдать должное Янгу, он провернул мастерскую комбинацию, одним разом убрав своего босса, а меня упрятав за решетку, – разглядывая разводы на потрескавшемся потолке, размышлял Максимов. – Конечно, без дьявольского везения здесь не обошлось, однако все было разыграно как по нотам. Каждый элемент провокации был им тщательно просчитан и осуществлен с потрясающей продуктивностью. Причем проделано все это было почти при полном отсутствии времени для скрупулезной проработки операции. Без сомнения, Янг свое дело знает хорошо, к тому же дьявольски везуч. Но здесь же прячется и его ахиллесова пята. Он, кажется, сам уверовал в свою везучесть и поэтому часто перегибает палку. Думает, что любая пакость может сойти ему с рук. Он как тот нарцисс, которого женщины избаловали своим вниманием, просто не видит своих недостатков. Рано или поздно, но именно это его и погубит. Впрочем, говорить о гибели Янга несколько преждевременно, учитывая то, что это я, а не он, сейчас оказался заперт в душной одиночке. А наш американский друг в эти минуты, вполне вероятно, вкушает какие-нибудь экзотические деликатесы или ласкает юных дев. Интересно, какую судьбу уготовил мне этот душегуб? Наивно было бы предполагать, что он пощадит человека, который так нагло обвел его вокруг пальца в случае с аль-Хаджем. Наверняка, уже мозгует способ моей ликвидации. Как это может выглядеть? Видимо, как мое самоубийство вследствие мук совести. Еще бы, жестоко избил и выбросил с балкона беззащитного старика. В качестве исполнителей моего «самоубийства» могут выступить местные уголовники, которые за сотню баксов готовы четвертовать даже родного отца. Или Янг поручит это дело более надежным людям, например своему гориллосу Бобби Дьюку? Лично меня устроил бы последний вариант. Этот «шкаф» под стать своему хозяину – такой же нарцисс, только не в части любования своим умом, который у него в явном дефиците, а мускульной силы. Уверен в своем физическом превосходстве настолько, что наверняка, получив от босса команду убрать меня,

заявится сюда один. Любую помощь в этом деле со стороны он признает своим позором. Ну что же, в поединке с ним с глазу на глаз у меня есть шанс победить, если я не буду спешить и правильно распределяю свои силы. Эх, как бы мне сейчасгодились те шпионские штучки, которые выручили меня в драке с гориллосами аль-Хаджа. В текущей ситуации мне придется целиком рассчитывать на собственные силы».

На этой грустной мысли Максимов закрыл глаза и вновь попытался заснуть. Но капли пота, катящиеся по его лицу и телу, заставили снова пошевелиться. Он сменил позу и перевернулся на левый бок, спиной к грязной тюремной стене и головой к двери: так было безопаснее. В тюремных коридорах висела зловещая тишина, не предвещавшая Максиму ничего хорошего.

Примерно под утро он все-таки провалился в глубокий сон. Ему снилась залитая ярким солнечным светом утренняя Москва, по которой едет целая кавалькада поливочных машин. Они проезжали мимо Максимова, буквально с ног до головы окатывая его струями холодной воды, и он, купаясь в этих брызгах, радовался им, будто ребенок. Машины следовали мимо него одна за другой, причем ни в одной из них не было водителей. И только в кабине последней был смутно различим силуэт человека. Из нее единственной не били фонтаны воды, и двигалась она не мимо Максимова, а шла непосредственно на него. Когда расстояние между машиной и человеком сократилось до опасного минимума, силуэт в шоферской кабине стал хорошо различим. И Максимов узнал в водителе своего американского визави – Саймона Янга. По губам американца гуляла зловещая улыбка. Встретившись с ним взглядом, Максимов... проснулся. Как оказалось, вовремя.

В тот самый миг, когда глаза узника открылись, на него сверху навалилось что-то тяжелое, а шею стянула веревочная петля. Задыхаясь от удушения, Максимов краем глаза успел разглядеть того, кто его душил: это был Бобби Дьюк. С перекошенным от ненависти лицом, он придавил узника к нарам и все сильнее затягивал веревку на его шее. Перед взором Максимова поплыли красные круги, и он почувствовал, что сознание его покидает. Еще несколько секунд – и он бы попросту задохнулся. Но воля к жизни оказалась сильнее. Спасло Максимова то, что перед сном он поменял позу и повернулся спиной к

стене. В итоге, используя теперь правую ногу как рычаг, он резко оттолкнулся ею от стены и вместе со своим душителем свалился с нар на пол. Удавка на шее Максимова заметно ослабла, что позволило ему сделать пару глотков воздуха, которые добавили ему сил. Сжав кулак, он будто молот обрушил его сверху вниз на левый бок своего противника. В этот удар было вложено столько силы, что бесследно он пройти не мог. Дьюк застонал от боли и завалился на спину. Воспользовавшись этим, Максимов перевалился через него и отскочил к противоположной стене. Надо было отдышаться и прийти в себя.

Передышка длилась недолго. Максимов успел сделать всего лишь несколько судорожных вдохов-выдохов, как его противник вновь пошел в атаку. Дьюк вскочил с пола и, выбросив вперед ногу, нанес ею хлесткий удар в плечо Максимова. Не устояв на ногах, тот отлетел в угол камеры. Однако мгновенно вскочил на обе ноги и, когда Дьюк собрался было нанести ему новый, еще более мощный удар ногой, левой рукой выставил блок, а правой нанес сильный удар в живот противника. Дьюк согнулся от резкой боли, что позволило Максиму завладеть инициативой и ударом правого колена снизу в челюсть отправить американца в нокдаун. Отлетев к двери, теперь уже он оказался в роли защищающегося. Нанося ему удары, Максимов целился в голову, но Дьюк мастерскиставлял блоки и отступал в противоположный угол камеры. А потом сам перешел в атаку, снова активно используя удары ногами. Но Максимов уже успел приноровиться к такой манере боя, поэтому ловко отбивал эти удары, выставляя все те же блоки. И исподволь сам готовился к атаке, выгадывая удобный момент.

Он наступил после того, как Дьюк прижал противника к противоположной от двери стене. Увлечшись атакой, американец выбросил вперед кулак, целясь в голову противника. В последний миг Максимов отвел голову в сторону, и кулак американца врезался в бетонную стену. Сильная боль заставила Дьюка отпрянуть назад, что стало для Максимова сигналом к атаке. Молниеносным движением он схватил американца обеими руками за рубашку на груди и, резко рванув на себя, сам уклонился в сторону. И Дьюк со всего размаху вписался головой в стену. Удар был таким сильным, что американец на несколько секунд оказался в прострации, чем и воспользовался Максимов. Он перехватил обвисшую руку противника и, вывернув ее

локтем наружу, другой рукой переломил в суставе. Хруст костей заглушил дикий вопль американца. Ударом ноги в колено Максимов заставил Дьюка рухнуть на пол, а сам навалился сзади и, услышав, как в тюремном коридоре затопали ботинки охранников, зашептал в ухо американцу:

– Передай своему боссу, что убивать меня уже поздно. Если он это сделает, то весь мир узнает о его грязных делишках в Италии. Ему лучше побыстрее встретиться со мной и обговорить все условия нашей сделки. Ты понял меня, гориллос?

Для пущей убедительности Максимов так сжал сломанную руку американца, что тот застучал здоровой рукой по бетонному полу, требуя пощады, после чего устало изрек:

– Я передам вашу просьбу боссу.

– Не просьбу, а условие.

Максимов выпрямился и позволил вбежавшим в камеру охранникам оттеснить его к стене. А Дьюк с обвисшей, будто плеть, рукой заковылял прочь из камеры. В голове его занозой сидела мысль, что русский оказался не только сильнее, но и хитрее их с хозяином.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

На очередную утреннюю встречу с начальником Департамента Петром Леонтьевичем Кругловым генерал Кондратьев шел со смешанными чувствами. С одной стороны, ему было чем похвалиться: агент ЦРУ, действующий в Москве, фактически был разоблачен и его арест был лишь делом времени. Но, с другой стороны, этот агент через свои семейные узы был связан с одним из высокопоставленных руководителей российского МИДа, и эта связь могла стать для контрразведчиков настоящей бомбой, на которой они имели все шансы подорваться. Поэтому, располагаясь в удобном кресле напротив начальника, Кондратьев решил не торопить события и приберечь «бомбу» на самый последний момент.

– В ходе последних оперативно-розыскных мероприятий нами установлена подлинная личность агента ЦРУ по кличке Фараон, – начал он свой доклад, глядя прямо в глаза хозяину кабинета. – Им является сотрудник Департамента Ближнего Востока Министерства иностранных дел России 38-летний Лев Валерьянович Вишнев. На данный момент мы располагаем несколькими уликами, изобличающими его как шпиона. Первое: в его личном гараже найден тайник, в котором мы нашли флэш-карту, где обнаружены шифры и инструкции, адресованные агенту Фараону. В этом же тайнике найден флакон с ядом-невидимкой, с помощью которого была отравлена сотрудница «Гособоронэкса» Юлия Жолташ. Она, как мы помним, была любовницей Вишнева и именно благодаря ей ему удалось получить доступ к секретным сведениям с ее компьютера. Судя по тем данным, которыми мы располагаем, Жолташ использовалась «втемную», то есть не догадывалась о шпионской принадлежности своего любовника. За что и поплатилась – была им отравлена, после того как оказалась ему опасна своими настойчивыми попытками женить его на себе. Вишнев впрыснул яд в одну из ее перчаток, после чего тот через поры проник в ее организм, что спровоцировало остановку сердца спустя пятнадцать минут после того, как Жолташ покинула квартиру на улице Липецкой в Восточном Бирюлеве. Кстати, в этой квартире найдены отпечатки пальцев, которые мы сравнили с теми отпечатками, которые Вишнев оставил вчера на стакане сока в ресторане: они оказались идентичными. Кроме этого, Вишнева по фотографии опознала соседка Жолташ по Липецкой, а в его гаражном тайнике нами был найден ключ, который оказался ключом от той же самой квартиры. Судя по всему, Вишнев просто не успел его выкинуть или же решил приберечь на память.

– Станный фетишизм для шпиона, – усмехнулся Круглов.

– Вишнев – шпион-новичок, поэтому с его стороны подобный прокол – вещь вполне объяснимая.

– То есть у нас есть убойные улики, изобличающие его одновременно как шпиона и убийцу?

– Совершенно верно. Вчера ровно в двенадцать часов ночи, усыпив жену с помощью снотворного, Вишнев вышел на связь с радиоцентром ЦРУ во Франкфурте-на-Майне. Наши люди сняли этот сеанс на видеопленку.

– Обычно вскоре после такого сеанса агенты должны отправлять в Центр очередную порцию информации. У Вишнева она уже собрана?

– Еще вечером в воскресенье он успел скачать с видеонакопителя, закамуфлированного под стакан для канцелярских принадлежностей, стоящий на рабочем столе Жолташ в «Гособоронэксе», значительный объем информации по поводу наших военных поставок в Сирию и Ирак. Думаю, в ближайшие день-два он попытается передать это американцам.

– А вдруг уже передал, например вчера?

– Нам известно, что вчера он до шести вечера был неотлучно на своем рабочем месте в МИДе, а потом до девяти часов крутил шашни с некой Светланой в ресторане на Плющихе. Отвез ее домой и сразу вернулся к жене, чтобы в двенадцать часов участвовать в сеансе связи. Так что никаких контактов с американцами у него, судя по всему, не было.

– Это в том случае, если он передает информацию напрямую, а если это происходит, как в случае с канцелярским стаканом, на расстоянии?

– Будем надеяться, что вы ошибаетесь, Петр Леонтьевич, – с грустной улыбкой на устах произнес Кондратьев.

– Каким видите задержание Вишнева? – после короткой паузы спросил Круглов.

– Взять его предполагаем в момент передачи информации американцам. Однако прежде чем это случиться, не могу не сообщить вам, Петр Леонтьевич, еще об одном важном факте, касающемся личности Вишнева. Дело в том, что он женат на Ольге Кустовой – дочери одного из заместителей министра иностранных дел России Аркадия Евгеньевича Кустова.

Говоря это, Кондратьев все так же глядел прямо в глаза своему начальнику и обратил внимание на то, что в них нет ни капли удивления. Ему даже показалось, что начальник ждал этого сообщения, заранее предупрежденный о нем кем-то. Впрочем, Кондратьев был матерым контрразведчиком, давно работал на Лубянке, поэтому прекрасно знал, что у начальника Управления должны быть глаза и уши в каждом отделе, которые сообщают ему важную информацию еще до того, как это сделают начальники отделов.

– Как-то очень грустно вы мне это сообщаете, Федор Иванович, – первым прервал возникшую паузу Круглов.

– А чему радоваться, Петр Леонтьевич, если эти кровные узы могут нам... как бы это помягче выразиться, всю малину обгадить.

– Не спорю, могут, – согласился Круглов, но тут же добавил, – но могут и пользу принести.

– Судя по вашим словам, вы знаете нечто такое, чего не знаю я.

– Мне это по должности положено, Федор Иванович, – по губам хозяина кабинета пробежала лукавая усмешка. – Но вам я эту информацию, естественно, открою. Нам же вместе и дальше работать. Помните, несколько дней назад я уезжал из Москвы? Так вот, я был в командировке, а моим компаньоном был хорошо вам известный директор Департамента безопасности МИДа Михаил Антонович Кривицкий. Он посвятил меня в некоторые подробности внутренней ситуации, которая сложилась сегодня в их ведомстве. На данный момент в здании на Смоленской сформировались две влиятельные группы: одна во главе с самим министром отстаивает жесткую позицию по вопросу о Сирии, вторая – более мягкую, прозападную. Возникший в нашем деле Аркадий Евгеньевич Кустов входит во вторую группу. В свете этого расклад может быть таким. Как только станет известно, кем оказался зять Кустова – мало того что шпион, так еще и убийца, – это нанесет серьезный удар по репутации Кустова. Дело может дойти даже до его отставки. А это, сами понимаете, может ослабить позиции прозападной группы и, наоборот, усилить группу министерскую. Нам выгодно поддерживать последнюю, поскольку на нее делают ставку и в Кремле.

– В Кремле ставки могут меняться в зависимости от погоды.

– Ошибаетесь, Федор Иванович, в вопросе Сирии позиция будет оставаться жесткой. Во всяком случае, по моим сведениям. Поэтому разоблачение и арест Вишнева могут прийти весьма кстати.

– Может, вам стоит еще раз связаться с Кривицким и вместе с ним обговорить возникшую ситуацию?

– Конечно, я с ним встречусь. Но вы в свою очередь постарайтесь ускорить задержание Вишнева с поличным в момент передачи им информации американцам. Когда он окажется в наших руках, нам будет легче управлять ситуацией. Согласны с моим выводом?

Вместо ответа Кондратьев поднялся с места:

– Разрешите идти?

Вернувшись от Круглова, Кондратьев застал у себя в приемной Жмыха. Пройдя вместе с ним в кабинет, генерал, еще не успев сесть в кресло, спросил:

– Глеб Сергеич, вы установили личность той девушки, которая вчера скрашивала досуг Вишнева в ресторане?

– Это Светлана Сергеевна Аросева, 23 лет, сотрудница консалтинговой фирмы «Неотон», что на улице Трубной.

– Надо же, какая удача – в пяти минутах от нас. Значит, вам понадобится не так много времени, чтобы навестить ее по месту работы и привезти сюда. Вызывать ее повесткой нет времени, поэтому будем действовать нахрапом. Естественно, надо сделать так, чтобы никто, кроме нее, ни о чем не догадался. Все понятно?

– Не все, Федор Иванович. Как объяснить Аросевой причину ее вызова к нам?

– Скажите, что требуется ее помощь в одном важном деле, но сути беседы не раскрывайте. Главное не напугать ее, а заинтриговать. Тогда она будет с нами более откровенна.

Жмых обернулся даже быстрее, чем рассчитывал Кондратьев. Минуту чуть больше получаса, как он снова объявился в кабинете Кондратьева, пропустив вперед себя миловидную стройную шатенку в брючном костюме. Встав навстречу девушке, Кондратьев представился и пригласил гостью сесть на один из стульев. Сам же вернулся в свое кресло, а Жмых занял стул на противоположной от гостьи стороне стола.

– Светлана Сергеевна, вы, наверное, удивлены нашим приглашением? – спросил Кондратьев.

– Ваш коллега сказал, что вам понадобилась моя помощь, но не объяснил, в чем именно она заключается, – ответила гостья. – Может быть, вас интересует моя работа в консалтинговой фирме?

По ее лицу было видно, что она несколько не смущена и держится вполне раскованно. Кондратьев уже привык к подобному поведению со стороны посетителей его кабинета, хотя в памяти у него еще были живы времена, когда люди, попадая в это здание, входили сюда кто со священным трепетом, а кто – со страхом.

– Увы, ваша работа нас мало интересует, – продолжил разговор Кондратьев. – Но мы узнали, что вас связывают некие отношения с

одним человеком. Речь идет о Льве Валерьяновиче Вишнев.

– О Леве? – удивилась Аросева. – А почему вас это интересует?

– А вы знаете, где он работает?

– Ну конечно – в Министерстве иностранных дел. Только он не уточнил, в каком именно отделе.

– Этот факт его положительно характеризует. Скажите, вы давно с ним знакомы?

– Около двух недель. Мы познакомились с ним на одной вечеринке у моих друзей – Лев попал туда случайно, а я забежала буквально на пять минут. В итоге мы ушли оттуда вместе только под утро.

– А вы знаете, что он женат?

– Конечно, знаю. Но мне также известно и другое: то, что с женой у них достаточно свободные отношения, поэтому она его не особо ревнует. Как я поняла, она из той породы женщин, которым наплевать на то, что муж гуляет, лишь бы каждый раз после этого он возвращался к ней. Но вы так и не ответили, почему вас все это интересует?

– Хорошо, отвечу. Вы, наверное, в курсе того, что наша организация стоит на страже государственной безопасности. Поэтому в сферу нашей деятельности входит проверка разного рода высокопоставленных деятелей. Лев Валерьянович Вишнев относится к их числу, так как служит в МИДе. А поскольку он имеет доступ к секретной информации, мы вынуждены периодически проверять как его самого, так и круг его знакомств. Недавно в этот круг попали вы, Светлана Сергеевна. Поэтому, задавая вам вопросы, касающиеся вашей личной жизни, мы вовсе не уподобляемся журналистам «желтой» прессы: нас эта сторона вашей биографии интересует сугубо в профессиональном плане. Поэтому можете быть уверены: из этих стен ни одно слово, сказанное вами, наружу выйти не сможет.

– Я и не боюсь, – все с той же улыбкой на устах, произнесла Аросева. – Когда ехала сюда, немного боялась. А теперь, когда вы мне все объяснили, я успокоилась. Так что можете спрашивать.

– Спасибо за понимание, – отвечая улыбкой на улыбку, поблагодарил гостью Кондратьев, и тут же задал очередной вопрос:

– Как вы можете охарактеризовать Льва Валерьяновича?

– Только положительно. Он такой уверенный в себе, рассудительный. Короче, не чета моим сверстникам.

– А чем вам не угодили последние?

– Да ну их, – отмахнулась Аросева. – У них одно бабло и тачки на уме. Мне вообще всегда нравились мужчины постарше. Про таких, как я, говорят: им нужен муж-отец, а не муж-ребенок.

– Значит, вы собираетесь замуж за Вишнева?

– Я могу об этом только мечтать. Хотя, если наши отношения продолжатся, то я приложу максимум сил, чтобы Лева во мне не разочаровался. С женой-то у него отношения не очень.

– А вы часто с ним встречаетесь?

– Не так часто, как мне бы хотелось. Но я же понимаю, какая у него работа.

– Когда видите, где обычно бываете?

– В основном ходим в рестораны.

– В какой-то определенный?

– Вчера, например, были в ресторане на Плющихе, но это только один раз. А чаще всего ходим в «Парадайз» возле «Молодежной».

Услышав название ресторана, Кондратьев сразу вспомнил, что именно это заведение фигурировало и в разговоре со Стоцкой, подругой Жолташ: последняя тоже бывала там со своим кавалером. Отметив это, генерал задал Аросевой новый вопрос:

– Чем славится это заведение?

– Лева нравится тамошняя кухня, в меню есть итальянские блюда, испанские.

– Вы ездите туда на его автомобиле?

– Да, но обычно доезжаем до метро и машину паркуем поблизости.

– Разве у ресторана нет своей стоянки?

– Есть, но Лева любит ходить пешком. От метро до ресторана примерно десять минут пешего хода, в обе стороны получается минут двадцать. Лева говорит, что такие прогулки на свежем воздухе ему полезны. Я тоже не против, я ведь почти весь день провожу на работе за компьютером.

– Когда вы в последний раз там были?

Девушка на несколько секунд задумалась, после чего ответила:

– Кажется, в прошлый четверг. Да, точно, именно тогда. У меня как раз накануне закончилось сведение балансов, и на следующий день вечером я была свободна.

– В тот раз все было, как обычно?

– Да, посидели часа полтора, прогулялись, после чего поехали ко мне.

– Извините, за нескромный вопрос: Вишнев остался у вас до утра?

– Так бывает всегда, когда мы ужинаем в «Парадайзе». А жене Лева сказал, что переночует у своей мамы. Впрочем, думаю, его благоверная обо всем прекрасно догадывается, только виду не подает.

– Вишнев не говорил, когда он снова собирается пригласить вас в «Парадайз»?

– Говорил, причем буквально вчера: это должно было случиться сегодня вечером, после восьми.

– Почему вы говорите об этом в прошедшем времени?

– Потому что я отказалась. Вынуждена была: сегодня вечером мы с сестрой идем в Кремлевский дворец на концерт Стаса Михайлова. Обожаю этого артиста.

– Вишнев, наверное, расстроился?

– Я бы так не сказала. Он лишь обронил: дескать, тогда схожу один. Иногда с ним такое случается, любит побыть в одиночестве.

Сказав это, гостья мельком взглянула на настенные часы. Поймав этот взгляд, Кондратьев решил больше не мучить девушку своими вопросами. Тем более что все необходимое из нее он уже вытянул. Но прежде чем расстаться, надо было соблюсти некоторую формальность, о которой Кондратьев тут же и сообщил:

– Я бы хотел предупредить вас, Светлана Сергеевна, что наша беседа должна остаться между нами.

– Лева тоже нельзя о ней говорить?

– Ему – тем более. А чтобы вы поняли, насколько мы серьезная организация, вы сейчас отправитесь с Глебом Сергеичем в его кабинет и подпишите у него документ о неразглашении нашей сегодняшней беседы. Договорились?

Вместо ответа гостья кивнула.

Спустя какое-то время Жмых вернулся в кабинет Кондратьева, понимая, что беседа с Аросевой должна дать новый импульс их расследованию. Так и случилось. Едва Жмых закрыл за собой дверь, генерал оторвал взгляд от своего ноутбука и произнес:

– В этом «Парадайзе» и в самом деле отменная европейская кухня. И от метро недалеко – всего триста метров.

– Вы полагаете, что Вишнев появляется в этом ресторане не случайно? – спросил Жмых, усаживаясь на то же место, где он сидел во время беседы с Аросевой.

– Я не полагаю, я уверен. Он ведь и с Жолташ там бывал. Значит, вполне мог использовать их как ширму.

– Для чего?

– Помните, несколько лет назад мы анализировали с вами места проживания сотрудников американского посольства в Москве?

– Помню. Мы тогда пришли к выводу, что они специально селятся небольшими группами по окраинам города, чтобы распылить силы нашей «наружки».

– А ведь одним из таких мест был и район возле метро «Молодежная». Правильно?

– Да, там проживают трое американцев.

– Не помните где?

Жмых на секунду задумался, но Кондратьев ответил за него сам:

– На Оршанской улице.

– Точно, в новой четырнадцатизэтажке, – подтвердил правильность сказанного генералом Жмых.

– А от Оршанской улицы до «Парадайза», как говорится, рукой подать. Значит, кто-то из этих троих американцев вполне может выходить на контакт с Вишневым. А чтобы установить это точно, вам надо, Глеб Сергеич, поднять донесения нашей «наружки», которая в разное время «пасла» эту троицу. Учитывая, что Вишнев собирается объявиться в «Парадайзе» уже сегодня вечером, ваши сведения нужны мне уже через час.

– Если мы подозреваем, что именно сегодня Вишнев передаст американцам новую порцию информации, не лучше ли задержать их с поличным в момент этого контакта?

– А кто может гарантировать, что контакт будет непосредственный? Вдруг это будет вторая серия того, что было в «Гособоронэксе», то есть контакт посредством электроники?

– Вишнев скидывает, а кто-то потом забирает? – продолжил мысль генерала Жмых. – Хорошо, через час я принесу вам данные на американцев, проживающих у «Молодежной».

Провожая взглядом плотную фигуру полковника, Кондратьев не сомневался в том, что тот управится гораздо раньше названного времени. Жмых славился тем, что делал все быстро, причем эта скорость совершенно не шла в ущерб качеству работы. Именно за это в первую очередь генерал и ценил полковника – тот был незаменимым исполнителем.

Появившись в очередной раз в кабинете Кондратьева, Жмых положил на стол фотографию круглолицего мужчины с залысинами на висках и сообщил:

– Это Дональд Поллард, советник военно-морского атташе. Несколько раз попадал в поле зрения нашей «наружки», выгуливая собаку как раз на том самом маршруте, по которому Вишнев движется от метро «Молодежная» к ресторану «Парадайз». Псину он выгуливает дважды в день: рано утром и вечером, в районе восьми-деяти часов.

– Что и требовалось доказать, – не скрывая своего удовлетворения, откликнулся на эту новость Кондратьев. – Короче, Глеб Сергеич, берите людей и отправляйтесь на «Молодежную». Пусть кто-то из наших людей пройдет по всему пути от метро к ресторану с собакой под видом собачника и исследует территорию. Если обнаружит нечто подозрительное, вызывайте бригаду. Обрядите ее в одежду каких-нибудь коммунальщиков и найдите способ изучить подозрительный предмет. Понимаю, что подобную операцию надо тщательно готовить, но времени у нас, увы, уже нет. Так что будем рисковать. Печенкой чувствую, можем найти там нечто интересное. Думаю, даже более необычное, чем пресловутый стаканчик для канцелярских принадлежностей.

– В таком случае радости Агейкина не будет предела, – улыбнулся Жмых и отправился выполнять данное ему поручение.

* * *

Москва, окрестности у метро «Молодежная».
Парк в Царицыно

Дастан Бакиров приехал из Киргизии в Москву четыре года назад и за это время успел хорошо здесь освоиться. Женившись на

москвичке с ребенком, он получил вид на жительство и работал бригадиром коммунальщиков в ДЭЗе поблизости от метро «Молодежная». Причем сам он проживал с семьей на противоположном конце Москвы, в Выхино, и легко мог бы подыскать себе работу поблизости. Однако не делал этого, ежедневно совершая длинные переезды на другой конец города. Жена какое-то время удивлялась этой его причуде, но потом смирилась, поскольку деньги ее супруг получал более чем хорошие, а чего еще надо женщине с ребенком?

Между тем на «Молодежную» Бакиров ездил неспроста – такое задание было получено им от его хозяев из ЦРУ. Американская разведка завербовала Бакирова на его родине, в Киргизии, и в Москву перебросила спустя пару лет, когда в этом возникла настоятельная потребность. Тогдашний российский министр обороны в целях экономии средств додумался допускать на режимные объекты гражданские фирмы, сплошь состоящие из гастарбайтеров. Дело дошло до того, что рабочие из Азии были допущены даже на Центральный командный пункт, где они занялись евроремонтом. Именно в одну из этих бригад и был внедрен Бакиров, перед которым была поставлена конкретная цель – оставить в нескольких местах российского Генштаба «закладки», которые позволяли бы агентам ЦРУ из американского посольства слушать все, что будет говориться в коридорах и кабинетах генштабистов. С этим заданием Бакиров справился на «отлично», после чего получил работу поспокойнее: ему надлежало устроиться в ДЭЗ возле метро «Молодежная», чтобы держать под неусыпным надзором на одном из участков «шпионский камень», который цэрэушники спрятали в траве с целью сбора информации от своих агентов (а также передачи информации агентам). Зная о том, где лежит этот «камень», Бакиров чуть ли не ежедневно курсировал с метлами и лопатами поблизости и внимательно наблюдал за тем, чтобы «камень» не потревожил кто-то из посторонних.

За те полгода, что «камень» лежал у «Молодежной», ничто не вызывало подозрений у бдительного гастарбайтера. Пока вдруг сегодня возле него не объявилась целая ремонтная бригада из рабочих, которых Бакиров на своем участке видел впервые. Причем сначала неподалеку от камня крутился какой-то подозрительный собачник, а теперь вот объявились и ремонтники. Они приехали на фургоне типа

«кунг», выгрузили свою амуницию и принялись огораживать территорию щитами, как раз неподалеку от «шпионского камня». Затем рабочие начали копать землю, видимо, в целях прокладки новых коммуникаций. В этой работе не было бы ничего странного, но Бакирова насторожило то, что ремонтников этих он до этого никогда не видел, хотя в своей округе знал почти всех. Но еще больше его насторожило то, что когда он как бы невзначай попытался выяснить в ДЭЗе, что это за рабочие и откуда взялись, дежурная посоветовала ему не лезть не в свое дело и заниматься уборкой вверенной ему территории. Бакиров так и сделал: занял с метлой позицию на противоположной стороне улицы, а сам внимательно следил за передвижениями ремонтников. Он насчитал их девять человек, причем большая их часть была на виду, копошась в ямах, а трое постоянно куда-то пропадали из его поля зрения, исчезая за ремонтными щитами. Причем один из щитов закрывал обзор того участка, где покоился «шпионский камень», из-за чего Бакиров никак не мог понять, что с ним происходит. А подойти поближе или зайти с другой стороны он опасался, чтобы не привлечь к себе излишнего внимания ремонтников.

В один из моментов Бакиров обратил внимание на то, что один из курсирующих между щитами рабочих часто скрывается именно за тем щитом, за которым находился «камень». Затем этот же рабочий дважды уходил в «кунг», находился там около десяти минут и снова скрывался за тем же щитом. Эти маневры больше всего насторожили Бакирова, после чего он и решил немедленно дать знать о своих подозрениях в ЦРУ. Для этого существовал особый тип связи. Бакиров должен был сбросить на определенный номер мобильного телефона несколько цифр, которые обозначали следующие сообщения. Первая цифра – тип сообщений, которые варьировались от простых до особо тревожных (Бакиров обозначил свое послание именно последней категорией), вторая цифра – номер агента, посылающего сообщение, третья – место встречи в одном из районов Москвы, четвертая – дата и время встречи. Таким образом Бакиров послал сообщение: «Тревога! Агент Метла просит встречи в парке Царицыно сегодня в 15.00».

Спустя пять минут на мобильник Бакирова было сброшено SMS в виде восклицательного знака, что означало: «Сообщение принято. Встреча состоится». Спрятав мобильник, Бакиров отнес метлу в подсобку, где быстро переоделся в гражданскую одежду и отправился

к метро, чтобы с его помощью добраться до парка Царицыно – одного из излюбленных мест встреч агентов ЦРУ.

Приехав в парк, Бакиров не нашел там привычного столпотворения, какое обычно бывает здесь в выходные дни. И все же людей в этот день было достаточно для того, чтобы Бакиров успокоился: при таком человекопотоке ему было легче встретиться с агентом. Для этого гастарбайтер прошествовал на мост через пруд, где, облокотившись на перила, стал смотреть на воду. Спустя несколько минут к нему подошел мужчина в серой ветровке и с цифровым фотоаппаратом в руке. Улыбаясь во всю ширину своего круглого лица, незнакомец (акцент выдавал в нем иностранца) обратился к Бакирову с просьбой:

– Уважаемый, можно вас попросить снять нас с женой на фоне этого моста?

– С удовольствием, – легко откликнулся Бакиров и взял из рук иностранца фотоаппарат.

Женой иностранца оказалась миловидная дама в сиреневой курточке нараспашку. Взяв мужа под руку, она увела его вверх по мосту, а Бакиров занял место неподалеку. Когда супруги остановились и повернулись к нему лицом, фотограф начал их снимать. Сделав пару снимков, он сделал жест рукой, подзывая к себе мужчину. Когда тот подошел, Бакиров стал показывать ему пальцем на дисплей фотоаппарата, делая вид, что пытается узнать, как работает аппарат. А сам тем временем говорил совершенно другое:

– У «шпионского камня» возле метро «Молодежная» два часа назад начались подозрительные движения. Какие-то ремонтники огородили щитами участок с «камнем» и делают вид, что работают. Судя по их действиям, они обнаружили «камень».

– Ошибки быть не может? – делая вид, что он что-то объясняет фотографу, спросил иностранец.

– Может, но я склоняюсь к тревожному варианту.

– Хорошо, я передам ваши опасения руководству, а вы продолжайте наблюдать за «камнем», – сказав это, иностранец вновь подошел к жене, а Бакиров снова начал их снимать.

Когда его миссия была завершена, он вернул фотоаппарат хозяину, и они расстались: Бакиров вернулся на свое место, к перилам, а супружеская пара отправилась по мосту на противоположную сторону

парка. Простояв на своем месте минут пять и понаблюдав за тем, нет ли за супругами «хвоста», Бакиров, вполне удовлетворенный наблюдением – ничего подозрительного он не заметил, – направился к выходу из парка. До метро было рукой подать, однако добраться туда без приключений не получилось.

У самого выхода к Бакирову внезапно метнулась женщина, за которой следом гнался мужчина с налитыми кровью глазами. Схватив Бакирова за рукав, женщина спряталась у него за спиной, голося на всю улицу:

– Помогите, он меня убьет!

Бакирову не оставалось ничего иного, как остановиться и встать на пути у разъяренного мужчины.

– В чем дело, гражданин? – спросил Бакиров.

– Что значит в чем? Это моя жена! – глядя прямо в глаза заступнику, заявил мужчина. – Иди сюда, лахудра!

Мужчина попытался дотянуться до женщины, но та выставила впереди себя Бакирова.

– Уйди с дороги, чурка! – зарычал мужчина и, сжав кулак, попытался ударить заступника. Но тот перехватил его руку и ловким приемом заломил ее за спину. И в это время площадь огласил крик все той же женщины, что за спиной Бакирова спасалась от разъяренного мужа:

– Товарищи милиционеры, сюда!

Бакиров оглянулся и увидел, как к ним приближаются двое стражей порядка в бронежилетах и с автоматами через плечо. Старший из них отдал честь и спросил:

– В чем дело?

– Товарищ милиционер, арестуйте моего мужа: он грозитя меня убить, – запричитала женщина.

– Что ты мелешь, дура! – потирая вывихнутую руку, огрызнулся мужчина.

– Предъявите, пожалуйста, ваши документы, – обратился к собравшимся милиционер.

Женщина полезла в сумочку и извлекла на свет два паспорта – свой и непутевого благоверного. Бакиров же продолжал стоять как ни в чем не бывало.

– Ваши документы тоже попрошу, – обратился к нему страж порядка.

Пришлось и гастарбайтеру извлекать на свет свой паспорт. Милиционер передал его своему напарнику для ознакомления, а сам стал листать паспорта супругов. Спустя пару минут он спросил:

– Зачем же вы обижаете жену, гражданин Панкратьев Кирилл Петрович? В кутузку захотелось?

– Да шутит она, товарищ сержант, – голос мужа успел растерять всю свою недавнюю агрессивность. – Повздорили малость, с кем не бывает.

– В общественном месте советую этого впредь не делать, – возвращая паспорта женщине, заметил милиционер. – Как и в любых других тоже: чревато штрафом или пятнадцатью сутками ареста. Вам это надо?

– Не надо, товарищ сержант, – расплылся в улыбке мужчина и, взяв свою супругу под локоть, направился с нею в парк.

Следом настала очередь Бакирова. Сержант вернул ему паспорт и, отдав честь, поблагодарил:

– Спасибо за гражданскую активность, гражданин Бакиров. Желаю вам хорошего дня.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

Кондратьев внимательно разглядывал фотографии «шпионского камня», которые Агейкин принес к нему в кабинет пять минут назад и теперь, сидя напротив генерала, делал необходимые комментарии:

– Ввиду того, что тревожить эту закладку было нельзя из-за опасности существования специального маячка, реагирующего на малейшие перемещения «камня», наши люди сфотографировали его с разных сторон, а также просветили рентгеном. На основе этого можно сделать предположительные выводы относительно типа этого устройства. Он почти идентичен тому, что был обнаружен в «Гособоронэксе», как по своим характеристикам, так и по степени

своей продвинутой – это шпионская техника нового поколения. Судя по всему, «камень» работает от аккумуляторных батарей и электронных плат, которые защищает от грязи и непогоды специальное герметичное покрытие. Алгоритм действия «камня» достаточно прост. В определенное время мимо него проходит агент, у которого в ладонижат миниатюрный компьютер-наладонник. С него специальные датчики сбрасывают собранную агентом информацию на датчики «шпионского камня». Спустя какое-то время другой агент с таким же наладонником проходит мимо «камня» и считывает переданную информацию.

– И сколько времени занимает эта процедура? – поинтересовался Кондратьев.

– Одна-две секунды, причем расстояние от «камня» до агента может составлять два десятка метров.

– И сколько же весит этот «булыжник»? На фотографии он достаточно внушителен.

– Это только на вид, на самом деле он может быть достаточно легким по весу, несмотря на то что внутри у него содержится целая разведбаза.

– Соответственно, и цена у него внушительная?

– Думаю, на несколько миллионов долларов потянет, – согласился с генералом Агейкин.

– Надеюсь, на базе этого «булыжника» вы, Петр Георгиевич, постараетесь создать более совершенную модель, значительно дешевле оригинала, чтобы не обременять наш бюджет?

– Обижаете, Федор Иванович, уже создали, – сообщая об этом, Агейкин не смог сдержать улыбки.

– Как вы думаете, сколько таких «булыжников» американцы могли разместить в Москве?

– Учитывая стоимость, не думаю, что их может быть много – от силы один-два. Поэтому полагаю, что у них обязательно должен быть камень-дублер, который он приберегли для форс-мажорных ситуаций. Советую вам побыстрее найти и этот «булыжник».

– Будем стараться, Петр Георгиевич, – складывая фотографии в одну стопку, заметил Кондратьев.

В этот миг в кабинет без стука вошел Жмых. При его появлении Агейкин забрал со стола фотографии и, попрощавшись, покинул

кабинет. Жмых опустился на освободившийся после его ухода стул.

– Судя по всему, сегодня сеанса связи у метро «Молодежная» может и не быть, – сообщил он неожиданную новость генералу.

– С чего вы это взяли, Глеб Сергеич?

– Два часа назад в парке Царицыно состоялась встреча Брендона Бакстера с одним московским гастарбайтером.

Названное имя Кондратьеву было хорошо знакомо. Брендон Бакстер служил в американском посольстве в отделе прессы и культуры в качестве рядового сотрудника, однако, как выяснилось сегодня, оказался разведчиком «глубокого прикрытия». Таких агентов ЦРУ весьма тщательно зашифровывает, чтобы на них не могла упасть даже малейшая тень подозрения со стороны контрразведки противника. Такие агенты никогда не появляются на территории посольской агентуры, не общаются с другими разведчиками. И выполняют только особо важные задания. Судя по всему, сегодня момент для такого задания наступил.

Против Бакстера у ФСБ до сегодняшнего дня не было никаких улик, просто он был включен в плановую оперативную проверку на предмет своей возможной работы в ЦРУ. Проверку, которая регулярно проводится в отношении практически всех сотрудников американского посольства. И надо же было такому случиться, что именно сегодня Бакстер подтвердил подозрения чекистов – встретился с агентом, раскрыв тем самым не только его, но и себя. Это была несомненная удача чекистов, которая «приплыла» к ним в руки благодаря операции против Фараона.

– Вместе со своей супругой Элизабет Брендон Бакстер сегодня отправился в парк Царицыно, – докладывал суть произошедшего Жмых. – Наша «наружка» приклеилась к супругам от самого Беляева, где они проживают, и благополучно довела их до места назначения. Внешне эта поездка выглядела как вполне рядовая прогулка двух иностранцев по Москве с целью знакомства с ее достопримечательностями. Однако в самом парке произошла весьма любопытная встреча. Вам, Федор Иванович, лучше самому посмотреть на нее, – и Жмых протянул генералу флешку с видеозаписью, сделанной сотрудниками «наружки» в парке Царицыно.

Кондратьев включил свой ноутбук и уже спустя несколько секунд углубился в просмотр. Длился он около пяти минут, после чего генерал

остановил картинку и взглянул на Жмыха:

– Действительно, любопытная встреча. Для всех гуляющих в парке – вполне заурядная, для специалистов, вроде нас, – явно конспиративная. Жаль, что мы не слышим того, о чем американец говорит с этим... как вы сказали, гастарбайтером?

– Именно так, Федор Иванович. На выходе из парка наши люди «пробили» его паспортные данные. Это некто Дастан Бакиров из Киргизии. В Москве проживает уже четыре года, женат на русской, живет с нею и ее ребенком в Выхино.

– Но при чем здесь наш шпионский «булыжник» и сегодняшнее появление возле него Фараона?

– Дело в том, что Бакиров живет в Выхино, а работает возле «Молодежной» в качестве бригадира дворников. Его ДЭЗ располагается как раз неподалеку от участка, на котором покоится «шпионский камень», или «булыжник», как вы выражаетесь. И я просто сопоставил два факта: время появления наших ремонтников возле «камня» и время встречи Бакирова с Бакстером. Эти часы разделяет очень небольшой промежуток.

– Полагаете, что гастарбайтер заподозрил ремонтников и тут же доложил об этом хозяевам?

– Ничто другое мне на ум не приходит.

– Думаю, ваш ум мыслит в правильном направлении, – генерал откинулся на спинку кресла. – Прокололись мы с вами, Глеб Сергеич, с этими ремонтниками. Тоньше надо было работать.

– Это вряд ли, Федор Иванович: сами же говорили, что времени у нас было в обрез. Во-вторых, кто же мог предположить, что ЦРУ имеет у этого «камня» постоянного охранника в виде гастарбайтера? В нашей работе это первый такой случай.

– Полагаю, не последний. Сколько у нас в Москве гастарбайтеров?

– По данным ФМС порядка трехсот тысяч. Но по неофициальным данным около двух миллионов.

– Вот я и думаю, что у ЦРУ не один такой Бакиров. Помните, как пару лет назад наши коллеги из военной контрразведки нашли «закладки» в самом Генштабе? А ремонт там незадолго до этого проводили именно гастарбайтеры. Надо проверить этого Бакирова на предмет его возможной причастности к этим «закладкам».

- Уже проверяем.
- Хотите «Боржоми»? – внезапно спросил у гостя генерал.
- Могли бы и не спрашивать.

Кондратьев прошел в соседнюю комнату и вскоре вышел оттуда с двумя полными бокалами «непаленого» целебного напитка, который ему доставал его зять. Ставя перед полковником бокал, генерал вернулся к прерванному разговору:

– Чтобы понять, как нам действовать дальше, нам надо попытаться разгадать дальнейший ход мыслей американцев. Итак, они узнали, что их «булыжник» у «Молодежной» стал достоянием нашего внимания. Сочтут ли они это событие как возможный провал Фараона? Поймут ли, что мы знаем не только про «булыжник», но и вышли непосредственно на их ценнейшего агента? Если они придут к таким умозаключениям, значит, захотят его немедленно спасти, вывезя в безопасное место.

– Полагаю, что вы сильно сгущаете краски, Федор Иванович. С чего это американцам думать, что мы добрались до Фараона? Наша топорная работа у «Молодежной», наоборот, может сыграть нам на руку. Она должна натолкнуть американцев на мысль, что мы нашли «булыжник» случайно и про Фараона мало что знаем. Вот и его поведение на данный момент говорит о том же: сидит себе спокойно в МИДе, перебирает свои бумажки. Наверняка уже получил от хозяев сигнал не появляться больше у «булыжника» возле «Молодежной» и временно законсервировать всякую связь.

– А если команды на консервацию не последует?

– Что вы имеете в виду?

– По словам Агейкина, у «булыжника» на «Молодежной» обязательно должен быть дублер на случай форс-мажорных ситуаций.

– Полагаете, что Фараона сегодня направят туда? Сомневаюсь. Они ведь должны сначала прояснить ситуацию с «засветкой» их «камня» у «Молодежной». Поэтому и думаю, что они скорее предпочтут на время законсервировать всякие связи с Вишневым, чтобы не навлечь на него даже малейшие подозрения.

– А если ситуация их поджигает и им позарез нужна новая информация по «сирийскому узлу»? Вы же видите, как армия Асада долбает террористов, а в ООН возобновилось давление на наших дипломатов. А тут еще наш президент собрался с визитом в Иорданию.

В этих условиях американцам как воздух нужна закрытая информация из нашего МИДа о здешнем раскладе сил. Вишнев такой информацией, как мы теперь понимаем, обладает.

– Ну, если поджигает... – пожал плечами Жмых. – Хотя...

Видя, как полковник колеблется в выборе правильного решения, Кондратьев улыбнулся:

– Понимаю ваши сомнения, Глеб Сергеич, сам испытываю те же чувства.

– По вам не скажешь, я понял, что вы для себя нужное решение уже приняли.

– Да нет, я тоже разрываюсь между дилеммой арестовать Вишнева немедленно или все же дождаться конца рабочего дня и посмотреть, куда он направится – домой или все же к «булыжнику»-дублеру. Ведь если он выберет последний вариант, у нас есть возможность найти и этот «булыжник», тем самым нанеся американцам максимально возможный урон.

– Мы можем узнать о его местонахождении непосредственно от Вишнева, если немедленно его арестуем. Вряд ли он будет скрывать эту информацию.

– А вот это не факт, Глеб Сергеич. Учитывая его ненависть к нашей власти, он может пойти в отказ и не станет сотрудничать со следствием. А смертная казнь у нас отменена – за свою жизнь ему бояться не приходится.

– Тогда что мы выбираем?

В кабинете повисла пауза, которая ясно указывала на то, что генерал все же колеблется в выборе окончательного решения. Выход подсказал Жмых:

– Если две головы не могут решить сложную задачу, привлекается третья. Вам ведь в любом случае надо поставить в известность наше руководство. Вот и сделайте это сейчас, пусть оно решает ход дальнейших событий.

Кондратьев как будто ждал этой подсказки. Он набрал номер телефона начальника Департамента и, когда тот взял трубку, произнес:

– Петр Леонтьевич, надо срочно увидится. Нет, дело не терпит отлагательств, иначе бы не звонил. Хорошо, через семь минут буду у вас.

Называя это время, Кондратьев не ошибался. Он никогда не пользовался лифтом, когда шел на прием к руководству, а поднимался к нему наверх, пользуясь лестничным переходом. Во-первых, так было полезно для здоровья, во-вторых, за это время можно было больше обдумать предстоящий разговор. Время подъема занимало ровно семь минут: Кондратьев давно засек это по собственным наручным часам, которые никогда не ошибались. Вот и в этот раз генерал перешагнул порог начальственного кабинета именно в тот момент, когда секундная стрелка на его часах достигла семиминутной отметки.

Разговаривая с Кругловым по телефону, Кондратьев понял, что тот куда-то сильно торопится, но пойманный на самом выходе, все же согласился на randevu. Поэтому первым делом гость спросил, сколько времени у него есть для разговора.

– Десять минут для вас я вырвал, – улыбнулся Круглов.

Заняв место в кресле, Кондратьев лаконично доложил начальнику о «шпионском камне» у метро «Молодежная», о проколе «ремонтников», встрече агентов ЦРУ в Царицыно и о своих сомнениях относительно того, как поступить с Вишневым. Но вместо ответа последовал вопрос:

– А вы сами к какому варианту больше склоняетесь?

– Если сегодня он отправится к «камню»-дублеру, на нем его и надо брать.

– А если не отправится – поедет, к примеру, из МИДа домой к своей благоверной?

– Тогда придется ждать. Но в любом случае к этому «булыжнику» нас может привести только он.

– Короче, вы пришли ко мне за советом, но я вам дать его, увы, не могу. Во всяком случае, пока.

– Вас сейчас вызывают туда? – догадался Кондратьев и указал пальцем в окно по направлению к Старой площади, где размещалась Администрация Президента России.

– Угадали, – улыбнулся Круглов. – Так что, как только там все прояснится, я тут же дам вам знать. А вы пока постарайтесь не спускать глаз с Вишнева.

– Мы-то постараемся, лишь бы коллеги из МИДа не подвели, – поднимаясь со стула, подытожил разговор Кондратьев.

*Москва, Старая площадь, 4.
Администрация Президента России*

Директор Департамента безопасности МИДа Михаил Антонович Кривицкий вышел из здания на Смоленской-Сенной и уже спустя минуту занял заднее пассажирское сиденье в салоне служебного «Мерседеса», принадлежавшего министру иностранных дел России. Министр был уже в автомобиле и в тот момент, когда его спутник занял свое место рядом, перебирал какие-то бумаги, лежащие в черной кожаной папке. Одного короткого взгляда Кривицкому хватило, чтобы узнать в этих документах те самые выкладки, которые контрразведчики с Лубянки составили на зятя одного из заместителей министра Льва Вишнева, которого чекисты подозревали в сотрудничестве с ЦРУ. Такие же выкладки были предоставлены и в Администрацию Президента, куда они с министром и должны были теперь отправиться на оперативное совещание.

Когда автомобиль тронулся с места и взял курс на Старую площадь, министр, продолжая держать папку открытой, обратился к Кривицкому:

– Если все, что здесь написано, правда, нас с вами ждет непростой разговор в Администрации президента.

– Я готов взять всю ответственность за Вишнева на себя, тем более что мне давно уже пора на пенсию.

– Михаил Антонович, я до сего дня не отпускал вас на покой, поскольку был уверен в вашей профессиональной компетенции. Уверен я в ней и сейчас. Поэтому речь идет не о том, чтобы свалить всю вину на вас. Просто нам надо с вами выработать единую стратегию, которую мы предъявим на сегодняшнем совещании. У вас есть какие-то мысли на этот счет?

– Какие могут быть мысли, если этот Вишнев – зять вашего заместителя. Такие люди всегда плохо поддавались проверке, поскольку доверие к ним почти безоговорочное.

– Да, Кустова жаль, хороший мужик, – закрывая папку, грустно изрек министр. – И специалист отменный, жалко будет такого терять.

– Он же не всегда с вами соглашается.

– Потому и ценю, поскольку тех, кто в рот смотрит, слишком много.

– Полагаю, за Кустова есть кому заступиться на Старой площади. А вот я свой ресурс уже выработал. Нет, мне однозначно надо уходить на пенсию, благо и повод удачный подвернулся. Думаю, этот шпионский скандал потрясет не только основы нашего МИДа, но и других структур тоже.

– А мне с кем прикажете работать?

– Я вам своего заместителя оставлю – Караулова. Толковый мужик. Его отец, кстати, стоял у истоков создания нашей службы в МИДе в 1975 году. И первое дело у них выдалось громкое – разоблачение агента ЦРУ Огородника по кличке Трианон. Да вы слышали, небось? Он, между прочим, тоже высоко летал: в невестах у него ходила дочка самого секретаря ЦК КПСС. Скандала тогда удалось избежать только потому, что этот Трианон во время задержания отравился.

– На что-то намекаете?

– Боже упаси. Хотя, если бы наш Вишнев отравился или повесился, всем было бы гораздо легче. А так ломай теперь голову, как сделать так, чтобы эта сволочь не замарала дерьмом кучу хороших людей.

– Это верно: ему через три дня в Иорданию лететь, причем не с кем-нибудь, а в президентском пуле. Впрочем, если сегодня примут решение его арестовать, эта проблема сама собой отпадет. Но дерьмом он все равно многих замажет: еще бы – шпион из президентского пула!

– Невыгодно нам на данный момент, чтобы Вишнева так быстро сцапали. Нам бы еще несколько дней протянуть с его арестом.

– Для чего?

– Боюсь, как бы тесть не выболтал ему по доброте душевной детали наших европейских энергетических контрактов, которые он в МИДе, как ваш заместитель, курирует.

– А если выболтал?

– Иски нам грозят многомиллиардные. А чтобы к ним подготовиться, время необходимо, причем без скандала.

– И сколько вам его понадобится?

– Еще пара-тройка дней. Я ведь вчера, когда про Вишнева узнал, сразу этот процесс и запустил. Но времени надо больше.

– Хорошо, буду на этом настаивать. Но вам в таком случае достанется тема теневого расклада в нашем ведомстве. Если, конечно, эта тема вообще всплывет.

– А куда ей деться, если вы будете настаивать на том, чтобы Вишнева пока оставили на свободе? Наверняка мои коллеги с Лубянки будут искать причину вашего поведения именно в этом.

– Все-то вы знаете, Михаил Антонович, – усмехнулся министр. – В таком случае подскажите, как обставить невыезд Вишнева в Иорданию, если его не арестуют? Ведь он ни о чем не должен догадаться.

– Здесь надо хорошенько все обмозговать. Может, подключить к этому делу его близких – тестя и жену?

– Есть какие-то задумки?

– Жена у Вишнева инвалид, может, выдумать ей с помощью врачей какой-нибудь жуткий диагноз, с тем чтобы супруг остался возле нее в качестве поддержки. И сделать все не напрямую, а через тестя, Кустова.

– Неплохая идея. А говорите, что на пенсию пора. Значит, есть еще порох в пороховницах.

– Да какой это порох – сера от спичек. Огня много, а взрыва никакого. Вот и идею с диагнозом не я, а Караулов подкинул полчаса назад, когда мы с ним эту ситуацию вместе мозговали.

Тем временем министерский «Мерседес» свернул с Воздвиженки на Моховую – до Старой площади оставалось рукой подать.

– И чего этому Вишневу не хватало, что он на американцев вызвался работать? – глядя на мелькавшую за окном предвечернюю Москву, размышлял министр. – Неужели все дело в деньгах?

– В чекистках выкладках этого нет, но мне начальник их Департамента, Круглов, сообщил, что Вишнев стал агентом по идейным соображениям. Не нравится ему наша система, вот он и решил с нею таким образом бороться.

– А американская система, значит, на идеал смахивает? Ох, уж мне эти идеалисты!

По приезде на Старую площадь выяснилось, что совещание будет проводиться в узком кругу ввиду его особой секретности. На него были приглашены пять человек: двое из МИДа (министр и директор Департамента безопасности), двое из ФСБ (директор и начальник

Департамента контрразведывательных операций Круглов как лицо, непосредственно отвечавшее за операцию против Вишнева), а Администрацию Президента представлял помощник главы государства по внешнеполитическим делам. Он и открыл совещание, едва гости расселись на своих местах за круглым столом в специальной комнате на последнем этаже здания.

— Повод, который собрал нас сегодня в этом кабинете, из разряда экстраординарных. Не буду тратить время на описание ситуации, поскольку знаю, что с выкладками наших контрразведчиков знакомы все из присутствующих. Поэтому начну с главного: «крот», который завелся в одном из наших стратегических ведомств, — это упущение наших спецслужб. Подчеркну, что это не только мое мнение, но и нашего президента, высказанное им буквально час назад. Это во-первых. Во-вторых, разоблачение этого «крота» в достаточно короткие сроки — несомненное достижение все тех же наших спецслужб. Таким образом, одно покрывает другое. Это означает, что Администрация не ставит перед собой цель непременно найти виновных и наказать их. Однако и о поощрении говорить пока еще рано, ведь «крот», хотя и разоблачен, но еще находится на свободе. И от того, каким образом мы себя с этого момента поведем, будет зависеть окончательный успех всей операции. Предлагаю собравшимся высказать свою точку зрения на дальнейшее развитие событий. Начнем с контрразведки.

Поскольку президентский посланник говорил сидя, все остальные решили следовать этому же шаблону.

— На данный момент за «кротом» установлено постоянное негласное наблюдение непосредственно в здании МИДа силами тамошней службы безопасности, — начал свое выступление Круглов. — Наши сотрудники находятся вне здания и в любой момент готовы принять объект под свою опеку, как только он выйдет из МИДа. По нашим расчетам, существует два возможных варианта развития событий. Первый: «крот», уже наверняка предупрежденный своими хозяевами о том, что «шпионский камень» раскритичен нами, свернет всякую шпионскую деятельность и отправится по своему домашнему адресу.

— А если он отправится не домой, а попытается сбежать при помощи своих хозяев? — перебил плавную речь Круглова помощник президента.

— Мы исходим из вывода, что обнаружение «камня» не станет для хозяев «крота» поводом к тому, чтобы бить тревогу и выводить его из игры. Как говорится, нет худа без добра. Наши сегодняшние топорные действия во время обнаружения «камня» должны убедить противника в том, что его находка, скорее, результат нашего наблюдения за кем-то из посольских, чем за «кротом». Да и сам «крот», как нам сообщают, ведет себя вполне естественно, ничем не выдавая того, что ему что-либо известно о его провале.

— Хорошо, убедили, — согласился с доводами Круглова президентский помощник, после чего добавил:

— Можете продолжать.

— Благодарю. Второй вариант развития событий: хозяева «крота», заинтересованные в скорейшем получении от него разведывательной информации важнеешего характера, рискнуть направить его сегодня же к другому «шпионскому камню», так называемому дублеру. Если события будут развиваться по первому варианту, целесообразно не трогать «крота» в течение некоторого времени, чтобы понаблюдать за его дальнейшими действиями. Таким образом, мы сможем выявить его новые связи, а также выйти в итоге и на камень-дублер. В случае развития событий по второму варианту мы предлагаем арестовать «крота» сразу после того, как он сбросит информацию на камень-дублер. В руке у него будет компьютер-наладонник, который станет весомой уликой против него.

— А как вы узнаете, что он сбросил информацию? — не заставил себя ждать очередной вопрос со стороны помощника президента.

— Это зафиксирует специальная аппаратура, которой будут снабжены наши люди. Она же поможет отыскать и камень-дублер, наверняка тщательно закамуфлированный под какой-нибудь естественный объект, вроде того «камня», который мы обнаружили сегодня.

Круглов замолчал, всем своим видом показывая, что его доклад окончен. После этого помощник президента предложил высказаться мидовцам. Слово взял министр:

— Я понимаю, что арест «крота» перезрел. За те несколько месяцев, что он действует в Москве, «крот» способствовал утечке на Запад значительного числа секретных документов, которые позволили нашим противникам нанести нам ощутимый ущерб в целом ряде

областей нашей политики – как в военной сфере, так и в области дипломатии. Поэтому чем быстрее мы обезвредим «крота», тем лучше. Однако есть в этой истории и некий щекотливый нюанс. «Крот» является родственником весьма влиятельного представителя нашего ведомства, который в данный момент выполняет важную миссию на одном из ключевых направлений нашей внешней политики. Разоблачение «крота» наверняка повлечет за собой немедленную отставку этого дипломата, а это автоматически может привести к ослаблению наших позиций на данном направлении. Поэтому я предлагаю тщательно все взвесить, прежде чем мы примем какое-либо решение.

– Если я правильно вас понял, вы ратуете за отложенный арест «крота»? – подал голос помощник президента. – Но, как нам только что объяснил представитель контрразведки, здесь от нас мало что зависит. Если «крот» сегодня вечером отправится к камню-дублеру, то нам придется его арестовать. В таком случае вашему подчиненному, связанному с ним узами родства, действительно придется подавать в отставку. Ничего не поделаешь, потеряв на одном направлении, мы выиграем на другом. Чем-то все равно придется пожертвовать. Все дело в цене этой жертвы. Мне кажется, арест «крота» для нас выгоднее, поскольку ущерб, наносимый им нашей стране на том же сирийском направлении, исчисляется миллиардами долларов. Отставка вашего подчиненного вряд ли может быть сопоставима с этими цифрами. Или я не прав?

– Мне пока трудно сказать, но этот человек завязан на наши энергетические контракты с рядом европейских стран, поэтому ущерб там тоже может быть существенным как в финансовом отношении, так и в имиджевом. Мы ведь еще не знаем, как далеко могло зайти доверие двух этих людей друг к другу.

– Что вы имеете в виду? – встрепнулся помощник президента.

– Не были ли известны «кроту» секретные детали этих сделок от его родственника. Если это так, то хозяева «крота» могли играть на поле наших энергетических конкурентов.

– Тогда что вам дает отложенный арест «крота»?

– Выигрыш во времени. За те несколько дней, что он будет на свободе, мы смогли бы прозондировать ситуацию с нашими энергетическими партнерами, подключив к этому делу наши

юридические службы. Ведь если выяснится, что шла утечка коммерческой информации с нашей стороны, то нам могут грозить серьезные судебные иски на приличные суммы. Нам необходимо время, чтобы к ним хотя бы подготовиться.

– Поистине патовая ситуация, – развел руками помощник президента. – Что будем делать? Может быть, действительно подождем с арестом «крота», причем при обоих вариантах?

Поскольку, задав свой вопрос, помощник президента устремил свой взгляд в сторону представителей ФСБ, отвечать предстояло им. Слово взял глава ведомства:

– Мне кажется, наша позиция более приемлемая. Арест «крота» следует отложить только в том случае, если он сегодня надумает отправиться по своему домашнему адресу. А если мы отложим его арест и после передачи информации через камень-дублер, то у нас нет гарантии, что эта утечка не станет достоянием ЦРУ. Поэтому действовать надо молниеносно, все может решиться очень быстро, поскольку передача информации от одного источника к другому посредством электроники может занимать несколько секунд.

И потом. Как я понял из слов уважаемого нами министра, на данный момент трудно сказать, какой была степень доверия «крота» с его высокопоставленным родственником. Вдруг это доверие было минимальным и никакого ущерба нашим экономическим интересам не нанесло? Или все-таки уважаемый нами министр что-то недоговаривает и дело здесь не столько или не только в экономической составляющей, сколько в каких-то других ведомственных интересах, о которых нам здесь из деликатности не сообщают?

После этой речи, особенно последней ее части, возникла пауза в разговоре, которую нарушил директор Департамента безопасности МИДа Кривицкий, у него с министром на этот счет уже была выработана договоренность еще по дороге на совещание:

– Поскольку нам было предложено отбросить деликатность и назвать вещи своими именами, то возьму эту миссию на себя. В руководстве нашего внешнеполитического ведомства на данный момент существуют две точки зрения на развитие наших взаимоотношений с западными партнерами. Приверженцы первой стоят на жестких позициях, приверженцы второй – на более мягких. Родственник «крота» относится ко вторым. Его отставка в результате

шпионского скандала может серьезно взбаламутить ситуацию и нарушить тот хрупкий баланс, который у нас установился. Это приведет в движение скрытые пружины не только у нас, но и на Западе, что может повлечь за собой самые разные последствия, в том числе и негативные. Но если все же будет принято решение отложить арест «крота» на несколько дней, за это время можно попытаться избежать громкого скандала. Например, завтра Кустов тихо и мирно подаст в отставку по состоянию здоровья, тем самым не давая повода напрямую привязать его к шпионскому скандалу. Конечно, этот вариант нельзя назвать идеальным, но он все же позволяет нам подстелить под себя хоть какую-то соломку, чтобы нам всем было не больно падать.

– Спасибо за точную метафору, соломка нам действительно не помешает, – голос помощника президента звучал более чем дружелюбно, что было попыткой с его стороны разрядить начавшуюся накаляться обстановку. – Мы, безусловно, должны учитывать взаимные интересы всех представленных здесь ведомств, но приоритетом все же должны выступать государственные интересы. Поэтому, выслушав мнения каждой из сторон, возьму на себя смелость выработать окончательное решение. Предлагаю взять за основу предложение товарищей из МИДа и повременить с арестом «крота», отложив его на несколько дней. Тем более что надо будет еще раз посоветоваться с Президентом. Понимаю, что в таком случае возрастает нагрузка на наши контрразведывательные службы, но, полагаю, что они сумеют свести все издержки от этой ситуации к минимуму. Они прекрасно сработали в части разоблачения «крота», думаю, не менее эффективно справятся и с нынешней проблемой. Договорились?

– Мы постараемся, – пообещал директор ФСБ, после чего взглянул на сидевшего рядом с ним Круглова, ожидая от него поддержки. А тот внезапно произнес:

– Остается уповать на то, что в ситуацию не вмешаются разного рода форс-мажорные обстоятельства.

Никто из присутствующих не придал значения последней фразе, а зря: уже ближайшие события докажут ее полную правоту.

***Москва, Большой Девятинский переулок, дом 8.
Посольство США в РФ***

Глава резидентуры ЦРУ в Москве Лоренс Макфи нервно теребил в руке сигарету, пока его заместитель Эдвард Нортон внимательно читал донесение, которое пришло к ним пятнадцать минут назад от руководства компании «Бизон энд Глория», которая раскинула свои владения по соседству с ними – на Баррикадной улице. Согласно официальной вывеске, компания была консалтинговая, однако был в ее структуре IT-отдел, связанный тайными узами с Агентством национальной безопасности США. Отдел занимался мониторингом компьютерных сетей, их взломом, а также перехватом разного рода сообщений на всей территории России. Директора «Бизона» Дастина Брауна резидент ЦРУ знал давно, еще с 90-х, по совместной работе в «русском» отделе Лэнгли. Затем, уйдя в отставку, Браун получил назначение возглавить «Бизон», где и трудился без малого десять лет. Именно благодаря стараниям сотрудников его компании, которых насчитывалось почти шесть десятков, в одном из криптофаксов в здании Администрации Президента России появился «жучок» системы Dropmire, который позволял американцам знакомиться с депешами, отправляемыми со Старой площади в различные ведомства страны. Именно одна из таких депеш и оказалась сегодня на столе у главы резидентуры ЦРУ в Москве: ее ему принес аналитик АНБ, приписанный к посольству под видом дипломата. Прочитав ее, резидент немедленно вызвал к себе своего заместителя, чтобы выслушать его соображения по этому поводу. Депеша была короткой и лаконичной. В ней сообщалось, что сегодня, в 16.00 по московскому времени, в здании Администрации Президента РФ состоится оперативное совещание под грифом «секретно» с участием представителей двух ведомств – МИДа и ФСБ. Совещание подразумевает под собой присутствие руководителей обоих ведомств, а также представителей контрразведывательных служб ФСБ и МИДа.

Прочитав депешу, Нортон повертел ее в руках, после чего положил на стол и произнес:

– Судя по вашему нервному поведению, вы думаете о том же, о чем и я, – о нашем «кроте» в российском МИДе.

– Полагаете, что совещание собиралось по его душу?

– Если у изменников есть душа, тогда да.

– Мы не в церкви, а вы, Эдвард, не священник, поэтому оставьте свой сарказм для другого случая. Вы ведь понимаете, что мы не можем допустить ошибки: цена ее слишком велика.

– Ошибки быть не может – это провал. Сначала русские нашли наш «камень» у метро «Молодежная», теперь вот это совещание в Администрации Президента. И оба эти события отделяют друг от друга всего лишь несколько часов.

– Согласитесь, но это может быть и чистая случайность. То, как грубо действовали сегодня русские на «Молодежной», явно говорит о том, что они вряд ли что-либо знают о Фараоне. В противном случае работали бы тоньше. А у вас, Эдвард, как говорят в таких случаях русские, от страха глаза велики.

– Я бы предпочел другую русскую поговорку: лучше перебдеть, чем недобдеть. Поэтому меня и смущает сегодняшнее совещание в президентской администрации.

– Но с чего вы взяли, что оно явилось следствием провала нашего агента?

– Как тогда вы объясняете присутствие на совещании руководителя МИДа?

– Очень просто: контрразведчики действительно могут догадываться, что наш «крот» засел именно в этом ведомстве. Но не более того. А в МИДе не одна сотня сотрудников работает.

– Во-первых, все эти сотни контрразведчикам проверять не надо: они сосредоточатся на тех, кто имеет доступ к секретной информации конкретного характера. А это сужает список с нескольких сотен до нескольких десятков. Во-вторых, опять обращаю ваше внимание на статус приглашенных на совещание – это высший уровень. А Администрацию Президента наверняка будет представлять представитель такого же ранга, не ниже помощника президента. Спрашивается, зачем отрывать от текущих дел столь представительных и занятых деятелей, если речь идет всего лишь о подозрениях в отношении какого-то мидовца? Такие вопросы обычно решают заместители министров. Поэтому мой вывод таков: это совещание собрано по поводу конкретного человека с целью выработки общей стратегии относительно его дальнейшей судьбы. Вы, наверное, забыли, кем именно является наш «крот»? Он – зять

заместителя министра. Это все тот же высший уровень. Видимо, как только выяснилась его личность, так сразу и появилась потребность в подобном совещании под эгидой президента, с тем чтобы учесть баланс интересов всех заинтересованных сторон. Так что я настаиваю на радикальном варианте наших дальнейших действий.

– Уверены в этом?

– Более чем. Я понимаю, что вам трудно принять столь важное решение без совета с Лэнгли, но времени у нас в обрез, а должностная инструкция позволяет нам сделать это самостоятельно в особо экстренных случаях, если будет кворум из двух голосов – резидента и его заместителя. Этот кворум сейчас в наличии.

– Наплевать на кворум! Если мы ошибаемся, то отвечать все равно придется лично мне. А вы, Эдвард, выберетесь сухим из воды, да еще получите прекрасную возможность занять это кресло.

– Я, конечно, не лишен карьерных амбиций, но в данную минуту думаю вовсе не о них, а об интересах дела. В результате вашей нерешительности, мы можем потерять ценнейшего агента. Вот тогда вам действительно не сносить головы. Говоря о его провале, я имел в виду его работу в МИДе. Но если мы сумеем спасти его от ареста, то он еще может принести нам много пользы. И ваша карьера в итоге тоже будет спасена. Неужели вы этого не понимаете?

Проработав в разведке более трех десятков лет, Макфи считал себя неглупым человеком и хорошим профессионалом. Но сейчас, в общении со своим молодым заместителем, он вдруг поймал себя на мысли, что жутко отстал от времени. Он уже боится мыслить широко, на перспективу, предпочитая двигаться в русле устоявшихся шаблонов. Но у него на этот счет было объяснение: его сознание сковывали страх потерять свое кресло и вероятность ухода в отставку не с почетом, а с позором. Короче, Макфи колебался.

За это время сигарета в его руке превратилась в труху и была отправлена в пепельницу. Вместо нее из пачки тут же была взята новая. Заметив это, Браун достал из кармана зажигалку, щелкнул ею и протянул руку в направлении шефа. Тот перегнулся через стол и наконец-то прикурил. После чего откинулся на спинку кресла и наконец принял решение:

– Хорошо, введем в действие план «Аларм». Немедленно свяжитесь с Фараоном и предупредите его об опасности. Пусть

действует строго по инструкции. Надеюсь, у него хватит ума не наделать глупостей и выбраться из того капкана, о котором вы мне здесь только что поведали.

– Не волнуйтесь, босс, Фараон человек рациональный, на глупости не способный. Уверен, что уже спустя час-полтора он будет сидеть перед вами вот в этом самом кресле, – и Браун похлопал ладонью по подлокотнику.

* * *

***Москва, Смоленская-Сенная площадь, 32/34.
МИД России***

Последние три часа до окончания рабочего дня Лев Валерьянович Вишнев провел в тревожном ожидании, получив от своих хозяев из ЦРУ сразу два экстренных SMS-сообщения на мобильный телефон. В первом, полученном три часа назад, отменялось его появление у «шпионского камня» возле метро «Молодежная», во втором, пришедшем буквально час назад, ему предписывалось действовать по плану «Аларм», который вводился в действие только в крайних случаях, а конкретно – в ситуации возможного провала агента.

Получив второе сообщение, Вишнев поначалу не поверил своим глазам, но, когда трижды вчитался в набор цифр, пришедший к нему на мобильный, ясно осознал, что ошибки быть не может. И сразу в его мозгу всплыли все те подозрения, которые возникли у него после получения первого сообщения.

Отмена сегодняшней плановой передачи информации его не сильно напугала, поскольку такое пару раз уже случалось: его хозяева таким образом страховались от возможной слежки. Однако бдительность Вишнев все же проявил – начал более внимательно наблюдать за происходящим вокруг него. Поэтому, когда в коридоре напротив своего кабинета он увидел ремонтника, корпевшего над сломавшимся ксероксом, хотя всего полчаса назад Вишнев делал на нем распечатку документов, он подумал, что это, может быть, не случайно. Однако мысль эта в его голове надолго не задержалась, вытесненная текущими делами. Теперь же эти подозрения возникли в

нем с новой силой. Ведь если он оказался на грани провала, значит, за ним однозначно должны были следить, причем даже здесь, в МИДе. И тот рабочий у ксерокса вполне мог быть именно таким соглядатаем.

Чтобы рассеять или, наоборот, подтвердить свои сомнения, Вишнев взял со стола несколько бумаг и вышел в коридор. К его ужасу ксерокс по-прежнему не работал, а возле него крутился не один, а уже двое ремонтников – молодых мужчин спортивного телосложения. Заметив Вишнева, который остановился в нескольких шагах с бумагами в руках, ремонтники развели руками, и тот из них, что появился здесь первым, произнес:

– Вам придется воспользоваться другим ксероксом: этот, судя по всему, вышел из строя надолго.

Вишнев умело изобразил на лице досаду, после чего отправился к ксероксу, стоявшему в другом конце коридора. И пока двигался, пришел к окончательному выводу о том, что дела его действительно плохи. Видимо, контрразведчикам оказалось мало «видеоглаз», которые существуют в МИДе в большинстве помещений на всех этажах, что они добавили к ним еще и глаза агентов наружного наблюдения. И если против систем видеонаблюдения план «Аларм» предусматривал противоядие, то вот против агентов он мог не сработать. Но выбора у Вишнева не было, в любом случае без этого плана выбраться незамеченным из здания МИДа ему было не под силу.

Вернувшись в кабинет, он бросил ненужные бумаги на стол и, достав из стола ключ от сейфа, открыл его. На верхней полке, в самом углу, лежали два баллончика, выданные ему кураторами из ЦРУ. Это были дымовые шашки быстрого воздействия и большого наполнения, которые приводились в действие с помощью специального микробудильника, вмонтированного внутрь баллончика. Не поворачиваясь лицом к столу – он вполне резонно опасался, что его кабинет тоже могли оснастить видеокамерами, – Вишнев двумя быстрыми движениями спрятал оба баллончика во внутренние карманы своего пиджака. Туда же он отправил и тугую пачку долларов, лежавшую на нижней полке. После чего закрыл сейф и подошел к своему рабочему столу. Открыв нижний ящик, Вишнев, стараясь действовать все так же осторожно, нашел в глубине ящика упаковку анальгина и выдавил из нее одну таблетку. На самом деле надпись «анальгин» была уловкой – это было совершенно другое лекарство,

предназначенное для того, чтобы нейтрализовать действие дыма, который содержался в баллончиках. Дым обладал эффектом частичной потери координации человеком, а также появлением у него чувства страха, а таблетка, которую Вишнев проглотил, не вставая из-за стола, этот эффект сводила на нет.

Закрыв ящик, Вишнев взял со стола кожаную папку и вышел из кабинета.

Короткого взгляда ему хватило для того, чтобы удостовериться в том, что оба ремонтника по-прежнему корпят над ксероксом. Впрочем, в тот момент, когда Вишнев вышел в коридор, корпел всего лишь один, а другой стоял рядом и внимательно смотрел в сторону вишневого кабинета. Встретившись с ним взглядом, дипломат улыбнулся, причем улыбка получилась настолько естественной, что он сам удивился – внутри у него в это время было все напряжено. Пройдя к исправному ксероксу, он включил аппарат и вновь принялся имитировать работу. В его движениях не было никакой спешки или нервозности, поскольку дипломат буквально затылком чувствовал, как ремонтники не спускают с него глаз.

Спустя пару минут из соседнего кабинета вышла сотрудница, в которой он узнал Елену Дмитриевну – секретаршу начальника их отдела. В руках она держала какой-то документ и явно собиралась воспользоваться тем же ксероксом. Как истинный джентльмен, Вишнев уступил ей место перед аппаратом, а сам отошел в сторонку. Но времени зря не терял. Пока женщина занимала ксерокс, он, стоя спиной к ремонтникам, сунул правую руку во внутренний карман пиджака и, незаметно достав дымовой баллончик, выставил на его будильнике время на пятнадцать минут вперед. Потом так же незаметно вернул баллончик обратно в карман. В этот миг женщина освободила ксерокс и Вишнев встал на ее место.

В течение двух-трех минут он исправно имитировал работу, извлекая из папки одну бумагу за другой. Затем, закончив процесс, он как бы случайно выронил папку из рук и, собирая с пола рассыпавшиеся бумаги, незаметным движением закатил баллончик за ксерокс. После чего выпрямился и зашагал в другой конец коридора. Однако на этот раз он не стал заходить в свой кабинет, а прошествовал мимо – в туалетную комнату. Там он извлек на свет второй баллончик и выставил время с учетом тех пяти минут, что он уже потратил, – на

десять минут вперед. Затем вышел из туалета и, проходя мимо кожаного дивана у окна, неуловимым движением забросил за него баллончик. При этом не преминул отметить: форточка в окне закрыта, что было ему на руку – значит, дым должен был быстро заполнить коридор, а это гарантировало молниеносную реакцию датчиков дыма. В качестве работы последних Вишнев не сомневался: несколько лет назад в МИДе прошел ремонт, во время которого старые датчики заменили новыми, более современные, с чувствительным инфракрасным излучателем и фотоприемником.

Из туалета Вишнев направился не к себе в кабинет, а в комнату по-соседству – в машбюро. В нем работали десять машинисток, которые печатали на пишущих машинках документы в единственном экземпляре: приказы с этих документов руководство МИДа не доверяло никаким компьютерам. В машбюро работала 25-летняя Стелла, с которой у Вишнева намечался роман, они уже один раз сходили вместе в ресторан. Однако в этот свой приход Вишнева интересовала не столько сама Стелла, сколько ее смартфон, который она всегда клала на стол слева от себя. Подходя к женщине, Вишнев отметил, что и в этот раз она не изменила своей привычке – белоснежный смартфон лежал на обычном для него месте. Усаживаясь на стул рядом с машинисткой, Вишнев изобразил на лице виноватую улыбку и извинился за то, что за весь день выкроил время для встречи только в конце рабочего дня.

– Ладно, не оправдывайся, – не отрывая руки от клавиш, ответила женщина. – Спасибо, что вообще зашел.

– Что значит вообще? – Вишнев изобразил на лице искреннее недоумение. – Меня твои сомнения обижают. Поэтому, чтобы загладить свою вину, приглашаю тебя сегодня в ресторан.

– В какой? – все так же усердно стуча по клавишам, спросила Стелла.

– Называй любой.

– Тогда в «Узбекистан» на Неглинной, очень плова хочется.

– Будет тебе плов, – расплылся в улыбке Вишнев. – И шашлык с щербетом тоже будут.

– Что это ты сегодня такой щедрый: не иначе рассчитываешь на встречные предложения?

– Угадала. Шансы есть?

– Там видно будет. Ты меня сначала пловом угости.

В этот самый миг Вишнев наконец услышал то, что рассчитывал услышать – громкие крики в коридоре. А следом раздался тревожный рев пожарной сигнализации. Услышав его, все машинистки, находившиеся в комнате, как по команде вскочили со своих мест и бросились к дверям. Не стала исключением и Стелла, которая так резко поднялась с места, что опрокинула стул. Не давая ей опомниться, Вишнев схватил женщину за руку и потащил за собой к двери. Но перед этим он незаметным движением сгреб со стола ее смартфон и отправил его в боковой карман своего пиджака.

Когда первая из машинисток открыла дверь машбюро, из коридора в комнату повалили клубы густого дыма. Цэрэушные баллончики работали с такой интенсивностью, что в считанные секунды заполнили мидовский коридор таким густым дымом, что увидеть сквозь него что-либо на расстояние вытянутой руки было нереально. Осознав это, женщина, открывшая дверь, огласила воздух таким сильным криком, что задрожали стены сталинской высотки. Вишнев и сам испугался увиденному, поскольку его внезапно посетила мысль, что выбраться через эту плотную стену дыма наружу ему вряд ли удастся. Но иного выхода, чтобы спастись, не было. Все так же держа за руку Стеллу, он вместе с ней шагнул в дымовую завесу и буквально на ощупь, прижимаясь к стене, направился к ближайшему выходу, который располагался рядом с туалетом. При этом все его мысли были об одном – чтобы на пути ему не встретились те здоровенные ремонтники, корпевшие над ксероксом. Но ему повезло – они так и не объявились, поскольку успели глотнуть внутрь в себя изрядную порцию дыма и теперь, ощутив сильный приступ паники, попросту убежали с этажа к лифтам, находившимся на противоположном конце коридора.

Когда Вишнев и его спутница наконец выбрались на лестничную клетку, к лифтам, там уже скопилось изрядное количество людей. Все они громко кашляли и усиленно протирали глаза. К счастью, лифты ходили исправно, поэтому люди набивались в них как сельди в бочку и спускались вниз. Вишнев и Стелла тоже не стали ждать и, едва представилась возможность, тут же сели в одну из кабинок и отправились на первый этаж, подальше от очага задымления.

Стиснутые со всех сторон людьми, дипломат и машинистка стояли лицом друг к другу. Причем сами они узнавали друг друга плохо: их лица, впрочем, как и у всех остальных, были вымазаны в каком-то зеленоватым порошке, видимо, содержащемся в дыме. Все присутствующие пребывали в шоке и панике от случившегося, за исключением одного человека – Вишнева, для которого эта маскировка была отличным способом затеряться в толпе и не быть узанным.

И его действительно не узнали. Несмотря на то что в вестибюль первого этажа набежало с десятков сотрудников службы безопасности, однако ввиду объявленной в здании срочной эвакуации сотни сотрудников МИДа с разных этажей спускались вниз кто на лифтах, кто по лестницам боковых переходов. Эта толпа людей стремилась на улицу, поэтому найти в ней конкретного человека было не просто трудно, а практически невозможно. А тут еще и маскировка на лице Вишнева сыграла свою роль. В итоге он вместе с толпой людей вскоре оказался на улице. Стеллу он потерял еще в вестибюле, причем сделал это преднамеренно, поскольку ту миссию, которую он ей отводил, она уже выполнила и теперь могла ему только мешать.

Отходя все дальше от здания МИДа, Вишнев то и дело оглядывался назад, пытаясь понять, есть ли за ним погоня или нет. На его счастье, никто его не преследовал. Поэтому, перейдя на противоположную сторону площади, он зашел за угол ближайшего дома и извлек из кармана пиджака смартфон машинистки и набрал номер одного из сотрудников американского посольства – Гленна Хьюза, – который по плану «Аларм» должен был дожидаться его где-то поблизости на автомобиле.

* * *

Москва, улицы города

Появление Гленна Хьюза не заставило себя долго ждать. Вишнев достиг Ружейного переулка, когда за его спиной раздался визг тормозов и в следующую секунду рядом с ним остановился серебристый «Шевроле». За рулем сидел Гленн Хьюз, который бросил дипломату всего одну фразу:

– Быстро в машину!

Вишнев заскочил в салон, расположившись на заднем сиденье. Еще мгновение – и автомобиль рванулся с места. Беглец облегченно вздохнул, надеясь на то, что опасность для него миновала. Однако американец быстро вернул его к реальной действительности, огорошив сообщением, что оторваться от «хвоста» ему на этот раз не удалось и черный «Ниссан» русских вот уже битый час ведет его по городу. Услышав это, Вишнев обернулся к заднему стеклу и действительно увидел в двухстах метрах от их автомобиля упомянутый «хвост».

– Тогда зачем вы взяли меня в машину? – вырвалось у Вишнева.

– Потому что так положено по плану «Аларм», – последовал ответ. – Да не волнуйтесь вы так, Лев Валерьяныч, мы все предусмотрели.

Не уловив в голосе американца даже намека на тревожные нотки, Вишнев немного успокоился. Однако «Ниссан» не отставал, а их «Шевроле» все дальше уходил в противоположную от американского посольства сторону. Хотя от здания МИДа до Большого Девятинского переулка было буквально рукой подать. Однако их «Шевроле» мчался в обратном направлении: он двигался по Садовому кольцу в сторону Парка культуры. Вишнева этот маршрут удивил, однако он решил положиться во всем на американца, который лучше его был посвящен во все детали плана «Аларм».

Не меньше были удивлены действиями американца и его преследователи в черном «Ниссане». По воле случая в нем находились те же двое сотрудников наружного наблюдения из Оперативно-поискового управления Виктор Жирков и Геннадий Нечаев, которые преследовали Хьюза неделей ранее. Около часа назад они взяли его под наблюдение, после того как он выехал со двора дома, в котором проживал, по улице Декабристов в Отрадном. За это время американец остановился всего лишь один раз, на автозаправке, а все остальное время колесил по улицам Москвы в пределах Садового кольца, сделав несколько попыток оторваться от «хвоста». Однако в этот раз чекисты ему такой возможности не предоставили. Правда, им до последнего момента была непонятна конечная цель маршрута Хьюза, пока наконец тот не вырулил на Смоленскую-Сенную, к зданию МИДа

России. Когда чекисты сообщили об этом по радиосвязи своему руководителю, майору Евгению Миронову, тот огорошил их новостью:

– Будьте внимательны, судя по всему, он хочет подхватить нашего «крота».

Спустя несколько минут эта фраза нашла свое подтверждение – возле Оружейного переулка в машину Хьюза действительно нырнул некий мужчина. И «Шевроле» взял курс к метро «Парк культуры». Это было странно, поскольку, если это был тот самый «крот», то безопаснее всего было везти его в обратном направлении – в американское посольство. А оно теперь оставалось у преследуемых за спиной.

– Что-то темнит этот американец, – сорвалась с губ Нечаева фраза, которая, впрочем, вертелась и на языке его напарника, сидевшего за рулем.

До метро «Парк культуры» Хьюз не доехал – свернул с Садового кольца направо, на улицу Бурденко. А потом вывернул на Плющиху. И вот тут преследователей осенило: конечной целью американца, видимо, оставалось его родное посольство, только добраться до него он решил не по прямой, а, что называется, дворами. Но почему он выбрал столь сложный и громоздкий маршрут? Это стало понятно уже очень скоро.

С Плющихи «Шевроле» свернул в один из переулков, где резко прибавил газу. «Ниссан» на повороте потерял несколько драгоценных секунд и отстал от преследуемого автомобиля метров на триста. Именно на это американец и рассчитывал. Свернув на соседнюю улицу, он остановил «Шевроле», из которого тут же выскочил Вишнев. Он забежал в ближайший подъезд и затаился в нем. А «Шевроле» тут же рванул с места, чтобы продолжить дальнейший путь уже без «крота». Спустя секунду на эту же улицу выскочил и «Ниссан», который, вновь поймав в поле своего обзора автомобиль американца, возобновил его преследование.

Едва шум от погони стих, на улицу вышел Вишнев. Он встал на обочину тротуара, куда уже спустя минуту подъехал еще один автомобиль, принадлежащий американскому посольству, «Рено Меган», за рулем которого сидел агент ЦРУ, он же атташе отдела прессы и культуры Майкл Голсуорси. Именно ему и предстояло доставить «крота» в американское посольство.

А Хьюз тем временем все дальше и дальше уводил преследователей от «крота». Он на большой скорости вновь выскочил на Плющиху и взял курс в обратном от родного посольства направлении – к Большой Пироговской улице. Когда преследователи это увидели, то снова удивились. Но еще сильнее было их удивление, когда Нечаев, глядя на монитор мини-локатора, обнаружил, что пассажир в «Шевроле» всего лишь один, хотя несколько минут назад их там было двое.

– Кажется, он высадил «крота» где-то в переулке, – высказал резонное предположение Нечаев.

– Значит, поворачиваем? – спросил Жирков, однако скорости не сбавил, поскольку ответа не последовало, Нечаев колебался.

А в следующую секунду произошло событие, которое и вовсе спутало планы чекистов. При выезде на Еланскую улицу, на светофоре, прямо перед носом у «Шевроле» с ревом пронеслась пожарная машина, явно спешащая к Смоленской-Сенной, к МИДу. Хьюз, который в это мгновение был отвлечен тем, что следил в переднее зеркало заднего обзора за погоней, от неожиданности вместо тормоза поддал газу и на красном свете светофора выскочил на Еланскую. В следующую секунду в его заднее крыло врезался самосвал. Удар был настолько сильным, что «Шевроле» опрокинулся на крышу и в таком виде выскочил на пешеходную часть дороги и врезался в столб.

– Жми к американцу! – закричал напарнику Нечаев и, когда их автомобиль притормозил у опрокинутого «Шевроле», первым выскочил из кабины и бросился к пострадавшему.

Упав на асфальт, Нечаев увидел сидевшего в водительском кресле вверх тормашками американца. Он был пристегнут ремнем безопасности, но признаков жизни не подавал. Его голова была окровавлена, руки, как плети, свисали вниз.

– А нашего «крота» в салоне и правда нет, – услышал Нечаев рядом с собой голос напарника. – Надо валить отсюда, пока не полыхнуло, – и Жирков указал на лужу бензина, которая растекалась по асфальту из пробитого бензобака.

– Как валить, а американец? – искренне удивился Нечаев.

– Сдался тебе этот америкос. Он тебя неделю назад так подставил, а ты его вытаскивать будешь, рискуя жизнью?

Вместо ответа Нечаев подполз к водительскому окну, стекло которого разлетелось от удара. Перевернувшись на спину, он просунул в окно голову и руки, после чего попытался дотянуться до замка, куда вставлялся ремень безопасности. С трудом, но ему это удалось. Надавив на рычаг, Нечаев отстегнул ремень и, подхватив американца за плечи, стал осторожно вытягивать его наружу. Когда он вытянул его наполовину, ему на помощь пришел Жирков. Так, вдвоем, они сумели оттащить американца подальше от автомобиля на траву. А спустя минуту грянул взрыв – пламя огня полыхнуло вверх, озарив прилегающие окрестности на десятки метров.

– Витя, иди сообщи майору про «крота», дескать, ушел от нас в районе Плющихи, скорее всего движется к посольству, – все еще тяжело дыша, обратился к напарнику Нечаев. – А я вызову по мобиле «скорую помощь». Американец вроде бы живой, дышит.

Тем временем Голсуорси и в самом деле вез Вишнева в американское посольство. Причем ехал не по прямой, через Садовое кольцо, а окольными путями: через Проточный переулок они свернули на Смоленскую набережную, а оттуда выехали на Конюшковскую улицу. А на углу с Большим Девятинским переулком Голсуорси высадил Вишнева из машины и, дав ему нужные инструкции, сам поехал к посольству. Возле его входа он увидел несколько автомобилей ГИБДД, которые перекрыли проезд к посольским воротам. Было ясно, что русские, упустив Вишнева в МИДе, теперь постараются не допустить того, чтобы он оказался на территории американского посольства. А то, что его пути ведут именно туда, ни у кого не было сомнений. В ФСБ понимали, что американцы вряд ли решатся спрятать его на какой-нибудь съемной квартире в Москве или в Подмосковье, поскольку риск быть разоблаченными слишком велик. И при таком раскладе спасти ценного агента шансов у них практически не было. Зато поместив его на своей территории, в посольстве, шансы на спасение агента вырастали в геометрической прогрессии. Поэтому чекисты некоторое время назад перекрыли центральную часть посольской территории, однако не успели это сделать по всему периметру. Именно на это и был расчет американцев – на выигрыш во времени. И определенную роль в этом должны были сыграть действия Голсуорси: ему надо было отвлечь внимание русских на себя как можно дольше.

Когда он подъехал к воротам посольства, дорогу ему перекрыли два инспектора ГИБДД. Один из них, представившись, предложил американцу выйти из машины и согласиться на ее досмотр.

– Я иностранный подданный, вы не имеете права, – предупредил милиционеров Голсуорси. – Вот мой паспорт.

– И все же мы просим вас выйти из машины, в противном случае вы никуда не поедете, – забирая документ, продолжал настаивать на своем милиционер.

– Это произвол, я буду жаловаться.

– Это ваше право... – милиционер заглянул в паспорт дипломата, – господин Голсуорси, но мы настаиваем на досмотре. Вам не стоит бояться, это займет всего лишь несколько минут.

– Но это нарушение всех международных норм, – продолжал упорствовать дипломат. – У вас будут большие неприятности.

– Со своими неприятностями мы разберемся сами, а вам настоятельно советую не тянуть время.

Вместо ответа Голсуорси закрыл окно, но из машины не вышел. Милиционер постучал по стеклу его паспортом и сделал жест рукой – дескать, выходите. Но американец продолжал неподвижно сидеть в водительском кресле. Ему важно было потянуть время как можно дольше, оттягивая на себя внимание русских. Пусть думают, что он не выходит из машины неспроста, а из страха, что они могут найти в его автомобиле «крота».

Тем временем Вишнев прошел несколько десятков метров по Конюшковской улице, двигаясь вдоль ограды американского посольства, пока не дошел до запасных ворот. Увидев, что они слегка приоткрыты, он стремительно бросился в этот проем и уже спустя пару секунд благополучно оказался на территории посольства. Сотрудник, который его впустил, тут же закрыл ворота и, обняв его за плечи, повел к центральному зданию, где агента Фараона уже давно дожидались руководители резидентуры.

В тот самый миг, когда Вишнев и его сопровождающий вошли в здание посольства, на мобильный телефон Голсуорси позвонили. Разговор длился несколько секунд. После этого американец спрятал мобильник и вышел из автомобиля.

– Вы можете досмотреть мой автомобиль, но прошу вас делать это побыстрее: я очень спешу, – обратился он к милиционерам.

Сотрудники ГИБДД внимательно осмотрели салон «Рено Мегана», затем попросили открыть багажник. Когда Голсуорси подчинился, милиционеры увидели, что он тоже пуст. Сбежавшего «крота» и след простыл.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Кабинет директора ФСБ***

После того, что случилось в МИДе, в ФСБ был создан оперативный штаб, возглавил который лично директор чекистского ведомства. Именно в его кабинет стекалась вся оперативная информация, связанная с поимкой высокопоставленного сотрудника МИДа Льва Валерьяновича Вишнева, который оказался агентом ЦРУ по кличке Фараон. Последняя информация о нем поступила в оперативный штаб около восьми часов вечера, когда сотрудники «наружки» засекли его на углу Оружейного переулка, садящимся в автомобиль американского дипломата Гленна Хьюза. Следующая информация поступила спустя двадцать минут. Те же сотрудники «наружки» сообщали, что на пересечении улиц Плющиха и Еланская автомобиль Хьюза потерпел аварию. Американец, к счастью, выжил, но ввиду многочисленных травм был отправлен в Институт скорой помощи имени Склифосовского, однако Вишнева в его автомобиле не оказалось, судя по всему, американец высадил его в одном из переулков. После этого в оперативном штабе пришли к выводу, что у американцев два пути: либо отвезти Фараона на какую-нибудь съемную квартиру в Москве или Подмосковье и спрятать там на некоторое время, либо всеми возможными способами доставить его на территорию американского посольства.

Когда директор ФСБ снова собрал у себя у контрразведчиков – в оперативном штабе их представляли непосредственные кураторы операции против Вишнева начальник Департамента Круглов и его заместитель Кондратьев, а также начальник Службы контрразведки – и спросил их, куда же все-таки американцы скорее всего привезут Вишнева, они высказали предположение, что его, учитывая

несомненную ценность как агента, скорее всего, постараются укрыть в американском посольстве. Потому что именно эта территория гарантирует ему максимальную безопасность. Никакая съемная квартира ничего подобного предоставить не может.

– Почему же до сих пор его туда не доставили? – спросил контрразведчиков директор ФСБ, взглянув на настенные часы: они показывали без четверти одиннадцать вечера.

– Мы полагаем, что он уже там, – ответил за всех Кондратьев.

– У вас появились доказательства этого?

– Да, буквально полчаса назад.

– Тогда я вас внимательно слушаю, – и директор ФСБ, сидя во главе стола, всем телом подался вперед.

Кондратьев положил перед ним свой ноутбук, включил его и принялся комментировать происходящее на мониторе:

– Вот этот человек, сидящий в машине, – агент ЦРУ, прикрывающийся дипломатическим паспортом, Майкл Голсуорси. Он подъехал к американскому посольству в пять минут девятого сегодняшнего вечера. Видите, сотрудники ГИБДД просят его выйти из автомобиля, чтобы произвести его досмотр, но американец делать это отказывается. И продолжает сидеть в салоне своего автомобиля.

Теперь взгляните на другую запись. Она сделана нашими камерами видеонаблюдения, установленными по всему периметру американского посольства, а если быть точным – на участке со стороны Конюшковской улицы. Видите этого человека, который идет вдоль посольской ограды? Это не кто иной, как глубоко нами всеми нелюбимый Лев Валерьянович Вишнев. Вот он подходит к запасным воротам посольства и быстренько за ними скрывается, явно кем-то поджидаемый изнутри. Взгляните на время в уголке картинки – девять минут десятого все того же сегодняшнего вечера. А спустя три минуты после этого господин Голсуорси соизволил выйти из своего автомобиля, получив звонок по мобильному. Вот этот момент, видите? Отсюда мы делаем вывод: именно Голсуорси подхватил Вишнева на Плющихе как эстафетную палочку от Хьюза, привез его на Конюшковскую улицу, высадил, а сам отправился к центральным посольским воротам, чтобы отвлечь внимание и потянуть время – наши люди полагали, что Вишнев вполне мог находиться в его

автомобиле. А он тем временем прошмыгнул в другие ворота. Как только Голсуорси об этом сообщили, он покинул свой «Рено Меган».

– Спасибо за доходчивый рассказ, Федор Иванович, – откидываясь на спинку кресла, произнес директор ФСБ. – Как же вас угораздило упустить этого глубоко всеми нами нелюбимого Льва Валерьяновича Вишнева?

– Во-первых, упустили его сначала не мы, а наши коллеги из МИДа. Во-вторых, американцы сегодня, безусловно, оказались половчее. Однако сильному сопернику всегда интереснее противостоять.

– Вас явно не хватало час назад, когда я имел весьма непростой разговор с нашим президентом. Что прикажете ему доложить теперь?

– Правду, одну только правду, – закрывая свой ноутбук, ответил Кондратьев. – Пусть наш президент включает все возможные дипломатические каналы, чтобы надавить на американцев.

– Думаете, они такие идиоты, чтобы отдать нам такого ценного агента? Они завтра же дадут ему статус политического беженца и будут добиваться его выезда в Штаты.

– Значит, надо им этого не позволить. Пусть кукует здесь, в Москве, а мы пока придумаем, как его оттуда выцарапать.

– Каким образом вы собираетесь это сделать? – удивился директор. – Насколько я знаю, наши люди в посольстве не имеют доступа в тамошнюю резидентуру.

– В таком случае будем действовать извне. Я же говорил, что с сильным соперником всегда интересно сражаться.

– Петр Леонтьевич, вы в курсе того, о чем здесь говорит Федор Иванович? – директор перевел взгляд на Круглова.

– Я привык к тому, что он знает, о чем говорит и что обещает, – уклончиво ответил начальник Департамента.

– Вы тоже так считаете? – директор взглянул на начальника Службы контрразведки.

Тот лишь молча кивнул.

– Понятно, круговая порука, – улыбнулся хозяин кабинета. – И все же, что докладывать президенту?

– Я же говорю, что надо плясать от печки, – вновь подал голос Кондратьев. – Сначала надавить на американцев по дипканалам. Когда они откажутся выдать нам Вишнева, объявить блокаду их посольства.

Мягкую, естественно, взять всю внешнюю территорию посольства под контроль, корректно досматривать все выезжающие оттуда автомобили. Поскольку долго так продолжаться не может ввиду явной невыгоды такого контроля для самих американцев, они захотят побыстрее вывезти Вишнева к себе на родину. Они мастаки на такого рода каверзы. Вот тут мы его и попытаемся накрыть, используя все наши возможности.

* * *

***США, Лэнгли, штат Вирджиния.
Центральное разведывательное управление***

Звонок из Лэнгли застал Луиса Альвареса, главного эксперта ЦРУ по маскировке и эксфильтрации, на реке Потомак, куда он пришел полчаса назад, чтобы порыбачить. Вот уже неделю с тех пор, как Альварес ушел в отпуск, он приходил к небольшому затончику на крошечном островке рядом с его домом и ловил рыбу, в основном сомов, бассов и санфиш-краппи. Но сегодня днем, в очередной раз спустившись к затону по деревянному мостику, Альварес собирался устроить охоту на сазана. Прикормил, как обычно, затончик кукурузой, закинул в воду донку и стал внимательно наблюдать за кончиком удилица. Однако идиллия длилась всего лишь пять минут. После чего в кармане куртки зазвонил мобильник, который он на беду забыл отключить. По мелодии, которая зазвучала, Альварес понял: звонят из Лэнгли. И этот звонок не сулил ему ничего хорошего.

Так и вышло – рыбалку пришлось отменить. На другом конце трубки Альварес услышал голос шефа – директора Департамента спецопераций Самуэля Коула, который был как всегда краток:

– Луис, бросай свои удочки, ты нужен здесь.

Собрав свои нехитрые пожитки, Альварес перешел по мостику с островка на материк, где его дождалась красная «Альфа-Ромео». Бросив в багажник рыболовные снасти, он сел за руль и уже спустя сорок минут был на своем рабочем месте – в Лэнгли. В свой отдел заходить не стал, а напрямик направился к Коулу, который в этот момент внимательно разглядывал какие-то фотографии на большом мониторе

своего компьютера. Услышав шум за спиной, Коул придвинул к монитору свободное кресло и жестом пригласил Альвареса присесть. После чего, ткнув пальцем в фотографию мужчины на мониторе, сообщил:

– Несколько часов назад в нашем посольстве в Москве попросил убежище наш очень ценный агент – русский дипломат по фамилии Вишнев. Он сумел уйти буквально из-под носа у русских, попросил у нас политическое убежище, но русские шьют ему шпионаж и двойное убийство. Естественно, требуют его немедленной выдачи, блокировали посольство. Перед нами поставлена задача – провести спецоперацию по тайной доставке Вишнева сюда, на территорию США, в кратчайшие сроки. Есть какие-нибудь идеи?

– Агента надо доставить живым или можно по частям?

– Твои шутки, Луис, неуместны. Дело на контроле у Белого дома, мне постоянно звонит Снайпс, который уже вылетел из Турции. От нас требуют максимальной собранности. Пока тебя не было, Розалинда предложила использовать дипломатическую почту. Сколотить ящик побольше, поместить туда русского и вывезти из России.

– Это все, что вы могли придумать? – усмехнулся Альварес.

– Нет, еще Джон предложил направить в Москву наших «морских котиков». Шутит, конечно.

– «Котиков» русские покрошат в капусту, а ящик будут мариновать в аэропорту до тех пор, пока русский там не окочурится.

– Потому мы и вызвали тебя, что твоя голова стоит десяти. Я ведь и сам понимаю, что ящик – дело провальное.

– Ну почему же, ящик тоже можно использовать, но для отвлекающего маневра.

– Какого?

– Чтобы сбить с толка русских, пока мы будем проводить настоящую спецоперацию.

– Ты уже придумал какую?

– Пока только в общих чертах. Но ящик мы обязательно используем в качестве блесны.

– Искусственной приманки?

– В самую точку. Считается, что рыбу привлекает блеск, на который она и плывет. На самом деле у рыбы лучше развит слух, чем глаза. Вот и мы пустим слух, что наш агент спрятан в ящике. Пусть

русские трясутся над этой приманкой, не выпуская ее из России, а мы тем временем вывезем агента по другим каналам.

– Не тяни кота за хвост, что за канал? – теряя терпение, спросил Коул.

Вместо ответа Альварес спросил:

– Что вы можете сказать про лицо этого русского?

– Симпатичное лицо, такое обычно нравится бабам, – ответил Коул.

– Вот и хорошо, что нравится, мы сделаем так, чтобы оно нравиться перестало.

– Ты хочешь его загримировать?

– Есть такое желание. Главное, подобрать под него нужный типаж – какого-нибудь невзрачного мужика его возраста.

– Но этот типаж надо будет каким-то образом переправить в Москву?

– Полагаю, это дело десятое. Главное сейчас – подыскать в нашем ведомстве нужную кандидатуру. У вас есть физические данные на этого русского: рост, вес, объем талии?

– Конечно, в «русском» отделе.

– Дайте команду немедленно предоставить мне эти данные в полном объеме вплоть до размера его обуви.

– Хорошо. Что еще тебе понадобится?

– Допуск к базе данных наших служащих, возраст которых совпадает с возрастом русского. Допустимый разрыв – два-три года. Попробую в кратчайшие сроки выбрать из них нескольких человек, которых затем покажу опытному гримеру.

– Из наших?

– Не совсем. Это Чак Коламбус, работает в дочерней фирме кинокомпании «Юнайтед Артистс», но уже несколько раз привлекался мною к сотрудничеству с нами. Настоящий виртуоз своего дела.

– Верю, Луис, но вряд ли получится добиться для него допуска к данным наших сотрудников. Лучше выбрать гримера из своих.

– Я буду работать только с Чаком, босс. У него такие руки, каких нет ни у одного нашего гримера. Поэтому вы постарайтесь сделать так, чтобы допуск у него был.

– Это твое последнее слово?

– Последней не бывает. К тому же не забывайте, что наших людей в Москве могут знать, а Чак вне всяких подозрений.

– Хорошо, уговорил. Но если твой Чак нас подведет...

– Не подведет, он мне жизнью обязан.

– Ну, если жизнью... И все же мне важно знать, как ты планируешь повернуть эту операцию, в деталях? Не забывай, что нам надо спешить: Белому дому этот скандал в Москве невыгоден, его нельзя затягивать.

– Хорошо, постараемся не тянуть резину. У русских все равно сейчас ночь, пусть спят, а мы с Чаком за это время постараемся не сидеть сложа руки. Что касается деталей, то говорить о них пока рано, но общая задумка такова. Найдем подходящую к замене «куклу» и вместе с Коламбусом отправим ее в Москву. Там Чак сделает из вашего русского дубликат нашей «куклы», и он в таком виде благополучно переберется в Штаты.

– А что станет с «куклой»?

– Вам кто более важен, босс: ценный агент или «кукла»? Я полагаю, со временем мы найдем способ и ее вернуть на родину. А пока пообещайте ей хорошие бонусы за каждый день, проведенный в нашем московском посольстве. Главное для нас – поскорее вывезти ценного агента, чтобы не ударить в грязь лицом перед Белым домом. Так что сверлите дырку в пиджаке: Медаль почета вам обеспечена.

* * *

Турция, провинция Хатай

Была еще глубокая ночь, когда Янга разбудил телефонный звонок. Прежде чем взять трубку с аппарата, стоявшего на столике у изголовья, Янг взглянул на электронные часы, стоявшие там же: они показывали начало первого часа ночи. С того момента, как он уснул, прошло всего лишь полчаса, а с момента приезда в Хатай – пять часов. Прибыл сюда Янг не один, а вместе со Снайпсом и Маклареном, которые после совещания в Анкаре решили нанести инспекторский визит в тренировочный лагерь террористов. Этот визит должен был

состояться сегодня утром, но судя по тому, что услышал в телефонной трубке Янг, планы резко поменялись.

– Саймон, ваш бывший шеф кретин и старая каналья, он сдал русским Фараона! Чтоб ему гореть в аду! – бушевал в трубке разъяренный голос Снайпса.

Оглушенный не столько этим криком, сколько самим сообщением, Янг присел на кровати. От того, как резко он это сделал, проснулась Зухра – местная проститутка, которая всегда обслуживала Янга во время его наездов в Хатай. Она тронула его за локоть, но Янгу в этот момент было не до сантиментов, поэтому он резко отдернул руку и продолжал выслушивать в трубке дикий ор Снайпса:

– И вы пытались меня уверить, Саймон, что имя этой сволочи заслуживает украшать нашу мемориальную доску в Лэнгли? Да его имя даже на стене в сортире нельзя написать, чтобы не оскорбить всякого туда входящего.

– Успокойтесь, босс, и объясните в чем дело, – сумел наконец вклиниться в разъяренную речь шефа Янг.

– Это не я, вы должны мне объяснить, почему именно на вашем участке этот русский сумел так легко заполучить имя Фараона. Короче, я жду вас через пять минут в своем номере, – и Снайпс повесил трубку.

– В чем дело, милый? – подала свой голос за спиной Янга «ночная бабочка».

– Тебе лучше этого не знать, – ответил Саймон, натягивая на ноги брюки.

– Мы сегодня еще увидимся?

– Судя по тому, что я сейчас услышал, уже нет. Возьми в тумбочке деньги и жди моего звонка.

Когда Янг вошел в номер Снайпса, тот стоял у окна и нервно курил сигару. Напротив него в кресле восседал Макларен, в руках у которого был бокал с виски. Кровать хозяина номера была не заправлена и смятые простыни явно указывали на то, что Снайпс, прежде чем получить сногшибательное сообщение из Лэнгли, тоже успел весело порезвиться с проституткой, которую ему прислал Янг. Что касается Макларена, то он от услуг «ночной бабочки» отказался, поэтому из всех троих выглядел самым свежим.

Повернувшись к Янгу, Снайпс смерил его спокойным взглядом и указал на пустующее кресло рядом с Маклареном. Судя по взгляду, он уже успел прийти в себя, что прибавило Янгу уверенности. Опустившись в кресло, он молча воззрился на шефа, ожидая от него объяснений. И они не заставили себя ждать.

– Полчаса назад я получил экстренное сообщение из Лэнгли, – начал свою речь Снайпс. – В нем сообщалось, что вчера вечером наши коллеги из московской резидентуры вынуждены были отдать Фараону приказ на приведение в действие плана «Аларм», то есть плана спасения Фараона от неминуемого провала. Сделано это было после того, как стало известно, что русские обнаружили один из наших «шпионских камней» в Москве, на который Фараон сбрасывал свою информацию, а вскоре после этого провели экстренное совещание в Администрации Президента, посвященное аресту Фараона. Только благодаря своевременному введению в действие плана «Аларм» Фараону удалось скрыться. В данный момент он находится в нашем посольстве в Москве.

При этих словах у Янга несколько отлегло от сердца, но он не подал вида, обратившись к боссу с вопросом:

– Повестка московского совещания была точно известна или это предположение?

– Это было предположение, но весьма аргументированное. В совещании участвовали высокопоставленные деятели на уровне министров – директор ФСБ и глава МИДа. Из этого и был сделан вывод, что русским стало известно подлинное имя Фараона. И я полагаю, что этот вывод был правильным. У вас есть иное мнение на этот счет, Саймон?

– Нет, я просто хотел уточнить детали.

– Ваше желание похвально, но лучше бы вы были столь педантичны в Каире, когда позволили этому вашему русскому взять за глотку Трейси. Я полагаю, что это именно он сдал русским Фараона.

– Откуда такая уверенность?

– Из фактов, Саймон, из фактов. Во сколько погиб Трейси?

– Около двенадцати дня.

– И спустя несколько часов после этого русские находят наш «шпионский камень», а потом проводят совещание в Администрации Президента.

– И вы думаете, что всю эту информацию мог сдать русским Трейси?

– А почему бы и нет?

– Потому что это бред, босс. Трейси не мог знать точного места расположения наших «шпионских камней» в Москве. Этого даже я не знаю.

– Но он знал точное имя Фараона.

– Тогда при чем здесь «шпионский камень»? Ведь вы именно с его обнаружения выстраиваете свою логическую цепочку.

– Хорошо, пусть «камень» русские обнаружили без участия вашего шефа, но на Фараона они могли выйти именно с его подачи.

– А если предположить, что и то и другое они сумели сделать вообще без его участия – по каким-то другим каналам. Это вам не приходило в голову?

– Не приходило, поскольку уж больно все сходится: сначала погиб Трейси, а спустя несколько часов заварилась вся эта каша с Фараоном. Здесь явно прослеживается четкая связь.

– Послушайте, Саймон, в словах Стивена действительно есть логика, – подал свой голос все это время молчавший Макларен. – Трейси был старик, а вовсе не супермен. Согласитесь, попав в жесткие руки русского, он вполне мог сломаться и выболтать ему имя Фараона. А может и того проще: русский успел вколоть ему какую-нибудь сыворотку правды, которая мгновенно развязывает языки куда более молодым и сильным мужчинам, чего уж говорить о хлипком старике.

– Все это пахнет дешевым шпионским романом, – поморщился Янг. – Я не спорю с тем, что русские большие мастаки на разного рода провокации, но в этом случае, мне кажется, мы перебарщиваем. Я уверен, что Трейси погиб, так и не сказав русскому ничего конкретного про Фараона. Мы же только вчера об этом говорили.

– Похвально, что вы снова защищаете честь своего бывшего босса даже после того, как вскрылись новые факты, но ваши слова теперь звучат не слишком убедительно, – сжимая в руке пустой стакан из-под виски, продолжал стоять на своем Макларен.

На самом деле Янгу было глубоко плевать на честь своего бывшего босса, которого он собственноручно и отправил к праотцам. Его, как и вчера, волновало другое: если его собеседники сделают

виновным в провале Фараона именно Трейси, то тогда невольно может пострадать и его, Янга, репутация. Ведь он был заместителем Трейси, и та информация, которой тот обладал в отношении Фараона, чаще всего приходила к нему именно от него, от Янга. И если теперь выяснится, что Трейси все-таки провалил Фараона, тогда несдобровать и ему, Янгу. Конечно, его не разжалуют в рядовые, однако с должностью ближневосточного резидента ему наверняка придется расстаться. Вот почему он с таким упорством продолжал выгораживать своего покойного босса.

– Вы говорили, Саймон, что это именно вы вызвали полицию и направили ее в номер русского, – прервал внезапно возникшую паузу в разговоре Снайпс. – Мог за это время русский позвонить своим коллегам в российское посольство и сообщить им сведения, которые ему выдал Трейси?

– Мог, конечно, однако мы можем этот факт доподлинно проверить.

– Каким образом?

– Этот русский сейчас сидит в полицейском участке в Каире, а его мобильный телефон был конфискован полицией в момент ареста. Если он звонил в свое посольство, тогда мы сможем зафиксировать этот звонок в карте памяти его мобильного. Если вы мне не верите, я готов сейчас же вылететь в Каир и доставить вам этот мобильник лично, чтобы вы убедились, что Трейси русскому ничего не сообщал.

– Постойте, Саймон, но мы же вчера договорились, что вы немедленно уберете русского? – с удивлением воскликнул Макларен.

– Именно так оно и было. Еще в ходе нашего ужина я позвонил своему человеку и дал ему команду на эту ликвидацию. Но этот болван отправился туда один и не смог с ним справиться.

Говоря об этом, Янг в душе ликовал, но сделал все возможное, чтобы это ликование не отразилось на его лице. Вчера утром, когда Дьюк позвонил ему в Анкару и сообщил новость о том, что убить русского ему не удалось и тот теперь грозит Янгу разоблачением его каких-то темных делишек в Италии, требуя немедленной встречи, Янг был готов собственноручно пристрелить Дьюка как паршивую собаку. Но теперь выяснилось, что этот прокол спецназовца пошел только во благо. Ведь если бы русский был убит, то его тело вместе с личными вещами успели бы выдать российским властям. Но поскольку

Максимов был еще жив, значит, и его мобильник продолжал находиться в том же полицейском участке, в комнате хранения личных вещей и вещдоков. И Янгу требовалось попасть туда во что бы то ни стало уже в ближайшее время. Он прекрасно знал, что русский ни в какое посольство сразу после убийства звонить не мог, однако теперь ему надо было убедить в этом и своего босса. А заодно и этого влиятельного сенатора Макларена, расположение которого Янгу тоже было не безразлично.

– Если вы разрешите, я отправлюсь в Каир прямо сейчас на вашем спецсамолете, – поднимаясь с кресла, объявил Янг.

– На этом самолете полетим мы с Маклареном, поскольку нас ждут в Лэнгли, – сказал будто отрезал Снайпс. – А ты пока останешься здесь и проведешь вместо меня назначенную на сегодня встречу с руководителями сирийской оппозиции. Успокоишь их по поводу сроков поставки им нового вооружения. Сразу после совещания вылетишь в Каир на самолете наших турецких коллег, я распоряжусь об этом перед нашим вылетом. Ты все понял?

Вместо ответа Янг молча кивнул и вышел из номера.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Кабинет директора ФСБ***

Этой ночью никто из членов оперативного штаба ФСБ не уехал домой, а остался ночевать в здании на Лубянке, в специальных комнатах отдыха. А в девять часов утра в среду члены штаба снова собрались в кабинете директора ФСБ, чтобы выслушать мнение лучшего аналитика Службы, сотрудника Аналитического управления Михаила Батыровича Алмазова. Членов штаба интересовали какие-либо исторические аналогии, схожие с сегодняшней ситуацией вокруг Фараона, и на основе этих фактов – перспективы развития этой ситуации в дальнейшем.

Алмазов появился в кабинете директора с пятиминутным опозданием, сославшись на столичные пробки. Директор не стал выслушивать его объяснения, а указал ему на свободное место за

столом, за которым уже восседали Круглов, Кондратьев и начальник Службы контрразведки. Заняв свое место, Алмазов положил перед собой папку с бумагами, но открывать ее не стал, видимо, полагаясь на свою профессиональную память. Однако начинать разговор первым не спешил, ожидая приглашения от хозяина кабинета. И тот действительно заговорил первым:

– Михаил Батырович, буквально полчаса назад нам стало известно, что Вишнев обратился к американским властям с просьбой предоставить ему политическое убежище в США, и у нас есть все основания считать, что его просьба будет удовлетворена. В такой ситуации о выдаче нам Вишнева говорить, судя по всему, уже не приходится. Что скажете по этому поводу?

– Скажу, что ситуация весьма неоднозначная. Согласно Венской конвенции от 1961 года, первой части ее статьи номер двадцать два, статус дипломатической миссии запрещает органам правопорядка той страны, на территории которой находится эта дипмиссия, вторгаться на ее территорию иначе, как с согласия главы представительства. То есть мы не можем арестовать Вишнева, пойдя, например, на штурм посольства. Однако есть в этой конвенции глава сорок девятая, первый пункт которой гласит, что сотрудники посольства обязаны уважать законы и правила государства пребывания, а также обязаны не вмешиваться во внутренние дела этого государства. Иными словами, укрывательство посольством подсудимого, нарушившего условия своего пребывания на свободе, конвенция запрещает. Короче, нам надо как можно скорее предать Вишнева заочному суду, и чем тяжелее будут обвинения против него, тем лучше. У нас на него что-то есть?

– Целый букет обвинений, – подал голос Кондратьев. – Помимо шпионажа, он совершил убийство – отравил свою любовницу, которая на тот момент была от него беременна. То есть это двойное убийство.

– Вот и прекрасно, – с удовлетворением встретил эту новость Алмазов. – В третьем пункте той же главы сорок девять есть следующее положение: «Помещения представительства не должны использоваться в целях, не совместимых с функциями представительства, предусмотренными настоящей конвенцией, или другими нормами общего международного права, или какими-либо специальными соглашениями, действующими между аккредитирующим государством и страной пребывания». Все это

запрещает тем же американцам укрывать на территории своего посольства преступника.

– Запрещать-то запрещает, но являются ли положения Венской конвенции действительно весомым аргументом для того, чтобы американцы выдали нам Вишнева? – вступил в разговор директор ФСБ. – Ведь наверняка, выбирая из всех вариантов именно этот – укрывательство его в своем посольстве с последующим предоставлением ему политического убежища – они не предусмотрели того, что против этого мы будем бессильны.

– Действительно, лазейки у них есть, – вынужден был согласиться с директором Алмазов. – В пунктах, о которых я упоминал, не уточняется, какие меры можно предпринимать в случае нарушения одной из сторон предписанных норм. А наше законодательство на этот счет тоже молчит, поскольку ничего подобного у нас не происходило. Вернее, происходило, но было это очень давно, еще в советские годы. В 1947 году советская гражданка Лидия Лесина влюбилась в сына посла Республики Чили в СССР Альваро Крус Лопес де Эредию, а в те годы у нас действовал закон «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». Правда, свет он увидел за два месяца до их женитьбы, но это не стало препятствием для того, чтобы запретить влюбленным покинуть СССР. Все упиралось в большую политику: в те годы у нас с Чили были плохие отношения, поскольку чилийские власти активно поддерживали США. Короче, пожениться молодым запретили. Тогда Лидия решилась на отчаянный шаг: заперлась в гостиничном номере отеля «Националь», где в то время проживал ее возлюбленный.

– А почему она не укрывалась в их посольстве? – задал резонный вопрос начальник Службы контрразведки, до этого в разговор не вступавший.

– В те годы у чилийцев не было своего посольства в Москве, поэтому они снимали номера в «Национале». Вот там Лидия и укрывалась, рассчитывая на то, что жилище дипломатов обладает правом экстерриториальности. И действительно, наши власти так и не смогли ее оттуда достать, из-за чего она просидела в этом номере целых пять лет.

– Неужели нельзя было ничего сделать? – удивился директор ФСБ.

– Ваш коллега, министр госбезопасности Игнатьев, предлагал задокументировать факты нарушения Альваро де Эредией паспортного режима и правил проживания в СССР и выслать его из страны, а Лесину попросту арестовать как социально опасное лицо. Однако дело до этого так и не дошло: наши власти не захотели нарушать международные правила.

– А нам сейчас говорят, что в годы сталинской диктатуры никакие нормы и правила в расчет не брались, – усмехнулся Круглов.

– Как видно из этой истории, все было наоборот, – продолжил свой рассказ Алмазов. – В итоге эта ситуация продлилась вплоть до смерти Сталина в марте 1953 года. После чего указ о запрете браков с иностранцами был вскоре отменен, и влюбленные наконец получили возможность уехать в Чили. Правда, счастливой жизни у них не получилось. Очень скоро Альваро тронулся умом, и Лидия долгие годы вынуждена была ухаживать за тяжело больным супругом.

– Мораль сей басни такова: надо подольше продержать Вишнева запертым в посольстве, после чего он тоже рано или поздно тронется умом, – пошутил начальник Службы контрразведки.

– Вряд ли это выход: он за это время успеет много чего рассказать американцам о наших внешнеполитических секретах, – возразил Кондратьев.

– Итак, в нашем законодательстве нет лазеек для того, чтобы прищучить американцев? – вернул разговор в прежнее русло директор ФСБ. – А в других странах как с этим?

– В Великобритании есть акт о дипломатической и консульской недвижимости 1987 года, который позволяет лишить территорию посольства дипломатического статуса – в судебном порядке произвести отъем здания для нужд государства или в рамках обеспечения безопасности, – сообщил Алмазов. – Его ввели после громкого скандала: в 1984 году служащая британской полиции была убита выстрелом из ливийского посольства. После этого полиция одиннадцать дней осаждала посольство Ливии, но так и не смогла добраться до убийцы. Поэтому три года спустя и был принят названный мною акт. Но он еще ни разу не применялся.

– Мы не британцы и можем принять нечто похожее побыстрее, – предположил Круглов.

– Вряд ли наши власти захотят настраивать против себя все международное сообщество, – возразил Алмазов. – Ведь даже в сталинские времена мы с ним считались. Впрочем, и позднее тоже. В 1956 году в посольстве США в Будапеште, столице государства, которое находилось под протекторатом Москвы, спрятался венгерский кардинал Миндсенти и просидел там знаете сколько – целых пятнадцать лет! И только в 1971 году в результате переговоров Ватикана с венгерским правительством кардинал, принимавший активнейшее участие в событиях 1956 года, получил наконец возможность покинуть родину – уехал в Вену.

– Короче, все эти истории ясно указывают на то, что в международной практике до сего дня не было случая, когда человека, укрывшегося в посольстве другой страны, удалось бы оттуда выцарапать, несмотря на наличие Венской конвенции, – сделал однозначный вывод директор ФСБ.

– Это правда, – подтвердил слова директора Алмазов. – Тем более что у нас с американцами нет соглашения об экстрадиции. Однако лазейки нам все равно искать необходимо. Надо официально осудить Вишнева и упираться на то, что американцы укрывают не политического беженца, а уголовного преступника, убийцу. А у нас с американцами есть договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам, подписанный в 1999 году. Им можно попытаться воспользоваться.

– Этот процесс уже запущен, – сообщил директор. – Меня волнует другое: наверняка американцы уже отрабатывают планы по спасению Вишнева от возможного ареста. Мировые прецеденты на этот счет имеются? Удавалось ли кому-либо незаметно вывезти из посольства беглеца, например с дипломатической почтой? Насколько я знаю, она, в отличие от консульской вализы, не подлежит какому-либо досмотру и задержанию.

– Такие попытки были, но все они обычно проваливались. К примеру, в 1964 году египтяне попытались вывезти из Рима в Каир своего агента в дипломатическом ящике. Но агенту стало плохо, и он начал стонать внутри своего временного убежища, которое прибыло в аэропорт. Таможенники услышали эти стоны и потребовали открыть ящик, даже несмотря на статус дипломатической почты. Поскольку речь шла о жизни человека, египтянам пришлось согласиться.

Другой случай произошел в 1984 году уже в Великобритании. Именно туда сбежал бывший министр Нигерии Умару Дико, но его соотечественники с помощью израильской разведки похитили экс-министра и решили отправить на родину в дипломатической почте нигерийского посольства в Лондоне. Причем его спрятали в ящике вместе с врачом, который должен был регулярно вводить ему снотворное. Но именно это и сорвало операцию. Из ящика так сильно несло лекарством, что таможенники заподозрили неладное и потребовали открыть ящик. Нигерийцы пошли в отказ. Но англичанам помогло то, что на ящике была неправильная маркировка, а также ненадлежащим образом были оформлены сопроводительные документы. Это и позволило полиции вскрыть контейнер в обход Венской конвенции, согласно которой любая дипломатическая почта является неприкосновенной.

— Как думаете, американцы могут решиться пойти тем же путем — вывезти Вишнева в дипломатической почте? — поинтересовался директор.

— Полагаю, что нет, именно по причине неуспеха всех предыдущих попыток подобного рода. Все-таки риск быть разоблаченными крайне велик. Ведь американцы прекрасно понимают, что мы ждем от них нечто подобное и, значит, постараемся задержать отправку всех больших контейнеров из американского посольства. Такая отправка может затянуться на несколько дней, а это означает, что здоровье Вишнева может быть серьезно подорвано. Согласитесь, ситуация, когда человек может просидеть несколько дней в ящике, справляя естественные надобности прямо на месте, может пагубно сказаться на самочувствии беглеца. На такого рода скандал с оттенком позора американцы вряд ли решатся пойти.

— Тогда что они могут придумать? — продолжал пытаться своими вопросами аналитика директор.

— Мне кажется, они могут пойти по проторенной дорожке. И воспользоваться услугами вот этого человека, — Алмазов наконец прибег к услугам своей папки, достав из нее на свет фотографию мужчины и передав ее директору.

— Что это за латиноамериканец? — безошибочно определил расу сфотографированного хозяин кабинета.

– Луис Альварес – главный эксперт ЦРУ по маскировке и эксфильтрации. Он является учеником самого Тони Мендеса.

– Простите за мою дремучесть, но кто такой Мендес? – передавая фотографию другим членам оперативного штаба, спросил директор.

– Это бывший художник, который пришел работать в ЦРУ по объявлению в газете в 1965 году. Он попал в отдел по маскировке, которое в ЦРУ прозвали «Волшебное королевство». В нем тогда трудились всего лишь двенадцать художников-гримеров. Мендес стал тринадцатым, причем самым знаменитым. Уже в феврале 1974 года он был отправлен сюда, в Москву, чтобы помочь выбраться нескольким агентам ЦРУ из Москвы с помощью изменений во внешности. Эту операцию он провел с блеском. Потом он был разработчиком знаменитой операции «Арго», которую ЦРУ осуществило в начале 1980 года в Иране, когда там в опасной ситуации оказались шестеро их сотрудников. Что тогда случилось в Иране, думаю, все здесь помнят, – исламская революция. Спасаясь от разъяренной толпы иранцев, эти шестеро сотрудников ЦРУ нашли тайное убежище в канадской иммиграционной резиденции. Чтобы вызволить их оттуда, ЦРУ и придумало операцию «Арго», которую доверило провести Мендесу. Было решено вывезти их из Ирана международным рейсом, предоставив канадские паспорта и изменив им внешность. Для этого Мендес разработал легенду прикрытия: выдал беглецов за членов мифической съемочной группы, которая якобы приехала в Иран для съемок художественного фильма о Среднем Востоке. С помощью известного голливудского визажиста Джона Чамберса даже был разработан сценарий этого фильма, чтобы у иранцев не было никаких сомнений на этот счет. Кроме этого, легенда с фильмом должна была стать прикрытием для отправки в Тегеран группы коммандос, которым предстояло в случае неуспеха первого варианта «Арго» запустить в действие второй – вооруженный. Однако он не понадобился. Всех шестерых агентов ЦРУ удалось-таки выдать за канадцев и благополучно вывезти из страны. Правда, для этого канадским спецслужбам, которые помогали ЦРУ, пришлось «купить» за три миллиона долларов «коридор» в тегеранском аэропорту. Причем беглецы улетали не все вместе, а по отдельности разными рейсами.

– Думаете, нашего беглеца могут переправить в США таким же способом? – спросил докладчика Круглов.

– Почему бы и нет, учитывая наличие в Лэнгли такого специалиста, как Альварес.

– А также учитывая тот масштаб коррупции, который царит в наших аэропортах, иранцам он даже не снился, – съязвил Кондратьев.

– У вас есть какие-то конкретные предположения, Михаил Батырович, как могут обставить эту операцию американцы? – вернул всех на серьезную волну в разговоре директор.

– Ничего конкретного, увы, нет и быть не может, американцы большие мастера на разного рода новшества, – развел руками Алмазов. – Если они обратятся к своему прошлому опыту, то постараются внести в него новые элементы, которые способны кардинально видоизменить всю картину будущей операции. Здесь от них можно ожидать все что угодно. Я же, упоминая про операцию «Арго», хотел лишь направить ход наших мыслей в правильном направлении. На мой взгляд, из всех возможных вариантов переправки Вишнева американцы могут выбрать именно такой – маскировочный.

– Если следовать вашей логике, то получается, что американцы уже начали претворять свое «Арго-2» в действие уже сейчас? – спросил начальник Службы контрразведки.

– Мне кажется, это началось чуть раньше – в тот момент, когда они приняли решение спасти Вишнева из МИДа. Видимо, на случай его возможного провала у них уже был выработан четкий план: помочь ему выбраться из здания на Смоленской-Сенной, спрятать в своем посольстве и затем вывезти из страны. Первую часть этого плана мы проспали. Теперь перед нами стоит задача не проспать и вторую.

* * *

***Москва, Смоленская-Сенная площадь, 32/34.
МИД России***

Заместитель министра иностранных дел России Евгений Петрович Кожевников пригласил второго посла США в Москве Джона Стокмана (первый посол был в отъезде) пройти в комнату для переговоров, где они уселись за дубовый стол по разные стороны друг от друга. В нарушение всяческих протоколов начал разговор гость,

который извлек из папки, которую он с собою принес, лист бумаги и протянул ее своему визави со словами:

– Сегодня утром мистер Вишнев обратился к американским властям с просьбой предоставить ему политическое убежище в США. Вот копия его заявления на имя офицера иммиграционной службы, который аккредитован в нашем консульстве. Мистер Вишнев просит предоставить ему статус беженца по категории «Refugee», мотивируя это причинами политического характера. И у нас есть все основания ему верить: мы тоже полагаем, что его преследуют исключительно по политическим мотивам, а политические убеждения, согласно международному праву, исключаются из перечня обвинений, влекущих выдачу преступников.

Взяв документ, Кожевников внимательно его прочитал, после чего вложил в папку, лежавшую перед ним на столе. И только потом произнес:

– В своем заявлении господин Вишнев указывает, что боится политического преследования, но это абсурд: его никто никогда не преследовал и ни в чем не ущемлял. Не далее как несколько дней назад он выступал от лица руководства МИД России по российскому телевидению, что ясно указывает на то, что мы всегда доверяли господину Вишневу и ни в чем его не подозревали. Поэтому его претензии более чем необоснованные.

– Но факт остается фактом, он обвиняет ваше руководство в политических преследованиях и боится покидать пределы американского посольства, опасаясь репрессий. Следуя установленным правилам, мы вынуждены рассмотреть его просьбу.

– Господин Вишнев правильно боится. Мы действительно собираемся его задержать, но вовсе не по политическим мотивам, а по сугубо уголовным. Он обвиняется в шпионаже в пользу американского правительства, а также в двойном убийстве. Вот постановление об его аресте, выписанное прокурором, – Кожевников достал из той же папки документ и передал его послу.

Американец углубился в чтение, а Кожевников не спускал с него глаз, пытаясь по выражению лица понять его внутреннее состояние. Но лицо посла сохраняло непроницаемое выражение. Наконец, он оторвал глаза от документа:

– Мистеру Вишневу предъявлены весьма серьезные обвинения. Но мы склонны полагать, что они притянуты за уши. Вы хотите любой ценой заполучить назад вашего дипломата, поэтому на свет и родилось данное уголовное дело. Вы прекрасно знаете, что международная практика обеспечения защиты подразумевает под собой предоставление таковой только обвиняемому в ненасильственных политических преступлениях. Поэтому и присовокупили к шпионажу еще и двойное убийство.

– Вы уличаете нас в фальсификации? К лицу ли подобное поведение господину послу? Ведь уголовное дело на господина Вишнева заведено не вчера и не сегодня, а несколькими днями ранее. Поэтому постановление об аресте основано на многочисленных уликах, которые собраны следователями. Эти улики с полным основанием доказывают факт сотрудничества господина Вишнева с вашим Центральным разведывательным управлением. В частности, в его гараже найдены шифровки и инструкции, посылаемые ЦРУ на его агентурное имя – Фараон. На этих уликах обнаружены отпечатки пальцев господина Вишнева, поэтому отпираться от них бессмысленно. В этом же тайнике был обнаружен и баллончик с ядом, которым была отравлена любовница Вишнева – Юлия Андреевна Жолташ, – которая на момент смерти была беременна. На баллончике, которым была отравлена несчастная и ее неродившийся ребенок, тоже имеются отпечатки пальцев господина, которому вы собираетесь предоставить политическое убежище. Хочу напомнить вам, что даже у вас, в США, подобное преступление относится к разряду тягчайших: Сенат Конгресса США в 2004 году принял законопроект, который приравнивает убийство матери и нерожденного ребенка к убийству двух человек. Поэтому вам, как нашим партнерам по российско-американскому договору о взаимной правовой помощи по уголовным делам от июня 1999 года, надлежит всячески содействовать нашей стороне в привлечении преступника к ответу.

– Еще раз повторюсь: у нас имеются серьезные подозрения относительно того, что все эти обвинения предъявлены мистеру Вишневу в силу его политических расхождений с российским руководством.

– Я вновь повторяю вам, господин посол, что у нас до недавнего времени не было никаких претензий к господину Вишневу. Он являлся

высокопоставленным сотрудником нашего ведомства, допущенным в том числе и к секретной информации. Но он пренебрег этим доверием, решив сотрудничать с вашей разведкой. К тому же в его заявлении не перечислено ни одного факта, которые могли бы указать на его преследование по политическим мотивам.

– Полагаю, что если дело только за этим, то эти факты не заставят себя долго ждать.

– То есть у вас еще будет время их придумать, коль вы не сумели это сделать до сего момента?

– Мы не собираемся ничего придумывать, эти факты предоставит сам мистер Вишнев. Просто сейчас он плохо себя чувствует, поэтому ограничился всего лишь коротким заявлением.

– С чем связана болезнь господина Вишнева?

– С тем сильным стрессом, который ему пришлось испытать во время вчерашних событий.

– Наши врачи могут его осмотреть, чтобы убедиться в ваших словах?

– Не могут. Его наблюдает посольский врач, и мы в скором времени готовы предоставить вам его диагноз в письменном виде.

– Значит, господин Вишнев не сможет присутствовать на допросе, где следователи нашей прокуратуры собираются предъявить ему вышеперечисленные мной обвинения?

– Естественно, нет. Я же говорю, что мистер Вишнев очень плохо себя чувствует.

– И все же я уполномочен передать вам постановление прокуратуры о возбуждении уголовного дела против него, а также официальную ноту протеста нашего правительства в связи с вашими действиями в части невыдачи Вишнева российскому правосудию. Вы нарушаете все нормы международного права, скрывая на территории своего посольства уголовного преступника. Мы примем все соответствующие меры, разрешенные международным правом, в том числе продолжим блокаду вашего посольства до того момента, пока вы не согласитесь следовать международным нормам.

– Я уже выразил наше общее мнение относительно того факта, чем могут быть вызваны уголовные претензии к мистеру Вишневу. Но я передам ваши протесты нашему правительству и доведу до его сведения всю информацию о нашем разговоре. Но хочу напомнить

вам, что между нашими странами нет ни договора о передаче осужденных, ни соглашения об экстрадиции. А что касается упомянутого вами договора, то в нем есть пункт в статье 4, согласно которому исполнение запроса нанесло бы ущерб безопасности или иным существенным интересам запрашиваемой стороны. Именно от этого мы и отталкиваемся. Звучит цинично, но... – американец улыбнулся и закончил:

– Больше по этому делу мне сказать нечего.

Услышав это, Кожевников поднялся из-за стола, однако американец остался сидеть на своем месте. Прочитав удивление на лице собеседника, американец произнес:

– Мне нечего больше сказать относительно дела мистера Вишнева, но есть что сказать по другому поводу. Я хочу выразить благодарность от лица нашего правительства тем вашим людям, которые вчера спасли от смерти сотрудника нашего посольства Гленна Хьюза. Мы знаем, что эти люди рисковали своими жизнями, поэтому хотели бы их отблагодарить.

Сказав это, посол извлек из бокового кармана пиджака две небольшие коробочки. Открыв одну из них, он пояснил:

– Это очень хорошие часы, которые, на наш взгляд, могли бы стать достойным подарком людям, которые проявили мужество и благородство во время вчерашних событий.

– Вы упомянули про благородство, что же мешает вам самим проявить его и не укрывать от правосудия преступника, повинного в смерти ни в чем не повинной молодой женщины и ее нерожденного ребенка? – принимая подарки, поинтересовался хозяин встречи.

– Вы хорошо знаете ответ на этот вопрос, мистер Кожевников, – большая политика, – американец поднялся со своего места и первым протянул руку для прощания.

* * *

Египет, город Каир.

Полицейский участок центрального округа

Максимов стоял у зарешеченного окна в тюремной камере полицейского участка и, задрав голову, смотрел на голубое небо. Поскольку часов у него не было, узнать точное время он был не в состоянии – только приблизительное. По его мнению, уже давно миновал полдень, поскольку с того момента, как ему принесли завтрак, прошло уже несколько часов. А с того момента, как эту камеру покинул Дьюк, времени прошло еще больше, однако результат был неутешительный – Янг здесь так и не объявился. «Почему? – в очередной раз задавал себе вопрос Максимов, глядя на проплывающие над его головой «барашки» облаков. – Решил пропустить мимо ушей слова Дьюка или в силу неких причин просто не имеет возможности прибыть сюда немедленно? Не думаю, что Дьюк решил не доводить до ушей своего босса мои слова. Этот гориллос только внешне выглядит устрашающе, а внутри его живет обыкновенный денщик. Такой не станет скрывать от своего хозяина информацию, подобную той, что я ему сообщил. Нет, здесь сомнений быть не может: Янг еще вчера должен был узнать об этом. А не пришел немедленно потому, что находится сейчас вне пределов Каира. А может, и Египта. Убрав Трейси, он ведь автоматически занял его место и вполне мог выехать из страны на какое-нибудь экстренное randevu. Обстановка в Сирии этому способствует, оппозиционеров там здорово прищучили, а американцам и их союзникам такая ситуация не может понравиться. Наверняка ищут пути ее изменения. Собрались, к примеру, где-нибудь в Турции или Катаре и кумекают, как бы еще напакостить Асаду. Как там у Высоцкого: «Чтоб творить им совместное зло потом, поделиться приехали опытом...» Кстати, Владимира Семеновича некие литературные деятели перед моим отъездом в Египет приписали к нашему ведомству: дескать, шпионил на родину, прикрываясь маской артиста. Интересная версия у сукиных детей. Будь это правдой, лично я был бы только рад такому повороту: проходить с таким человеком по одному ведомству дорогого стоит.

Интересно, как бы повел себя Владимир Семенович, окажись он в моей ситуации? Наверняка не сломался бы, нашел бы выход из ситуации. Вот и тебе, Иван Ильич, надо попытаться собрать всю свою волю в кулак, напрячь мозговые извилины и взять мерзавца Янга аккуратно за самое вымя. Да так, чтоб он и трепыхаться не подумал. Другое дело, где сейчас носит этого Янга с его выменем?».

Помассировав ладонью затекшую шею, Максимов отошел от окна и прислонился к стене. Нары, на которых он провел эту ночь, полицейский утром привел в надлежащий порядок: запрокинул на стену, чтобы узник не смог на них сидеть или лежать. Все, как в российских тюрьмах. Так, стоя у стены, Максимов продолжил свои размышления:

«Интересно, почему молчат наши, посольские? Они со вчерашнего дня должны были узнать о моем аресте, но до сих пор еще не объявились. Судя по всему, египтяне тянут резину, не дают им ни встретиться со мной, ни прислать адвоката. Нарушают все мыслимые законы, сволочи, но кто с них теперь спросит: это при Мубараке хоть с чем-то как-то считались, а при новых правителях все упростилось до уровня средневековой азиатчины. Можно арестовать иностранного подданного, обвинить его в тягчайшем преступлении и запереть в четырех стенах, не давая возможности встретиться ни со своими посольскими коллегами, ни с адвокатом. И все под дудку американцев, а если конкретно – дудку Янга. Наверняка это он здесь командует, отдавая незримые приказы здешним полицейским. А те и рады стараться, зарабатывая лишнюю таньгу, а в широком смысле, видимо, надеясь на то, что американцы в конце концов поддержат их новые власти. Ведь тот кредит на сумму почти пять миллиардов долларов, которые обещал выдать новым властям Египта Международный банк, так до сих пор и не выдан. Зато Катар отстегнул Египту восемь миллиардов «зеленых».

Ну да бог с ним, с Катаром, в данном случае не он здесь заправляет, а Янг. Интересно бы узнать, на что он рассчитывает, после того как я вышвырнул отсюда взашей его гориллоса? Какие планы строит относительно меня? Ведь не может же он до бесконечности мурыжить меня здесь, не позволяя встретиться с посольскими. Какую каверзу он теперь готовит? На что рассчитывает? Ведь глупо предполагать, что меня можно осудить за убийство. При грамотном адвокате все их улики можно легко рассыпать в прах. Да что там адвокат, если я сам могу их рассыпать. И свидетель у меня есть – Роджер Томпсон. Вряд ли он будет подыгрывать своему земляку, Янгу. Режиссер хоть и любит приложиться к бутылке, но совесть свою пока не пропил. В этом я могу быть уверен, в людях еще разбираюсь».

В этот миг в металлической двери щелкнул замок и в камеру вошел полицейский. Не говоря ни слова, он жестом пригласил Максимова выйти в коридор. После чего повел его наверх, где располагались кабинеты полицейского участка.

Поднимаясь по ступеням, Максимов предполагал, что посольским наконец-то удалось добиться разрешения встретиться с ним. Но он ошибся. В кабинете, куда его привели, он не увидел никого из российского посольства, там находился лишь средних лет египтянин в дорогих очках в модной оправе. Тучное тело выдавало в нем типичного египтянина, склонного к жирной пище и с пренебрежением относящегося к спорту. В тот момент, когда привели Максимова, он копался в каких-то бумагах, разложенных у него на столе. Предложив гостю присесть на стул напротив стола, мужчина, отложив бумаги, представился:

– Меня зовут Мохаммед Фарси, я следователь прокуратуры, который взял в производство ваше дело.

– Странно, что следователя я вижу раньше, чем своего адвоката, – удивился Максимов.

– Адвоката вы тоже увидите, но чуть позже.

– Согласно главе тринадцатой пункту второму вашего уголовного законодательства адвокат подозреваемому предоставляется по первому его требованию сразу после того, как ему предъявлены обвинения. Такая просьба мною была озвучена еще вчера, а адвоката до сих пор у меня нет. Это первое. Второе: согласно тридцать второму пункту вашего же уголовного законодательства подданному иностранного государства разрешается встреча с представителями посольства его страны в течение двадцати четырех часов после его задержания и предъявления ему обвинения. Сейчас на ваших часах уже два часа дня, а это значит, что с момента моего задержания прошло более суток. Где представители моего посольства?

– Вполне вероятно, что они не спешат с вами встретиться, – кривя губы в насмешливой улыбке, ответил следователь.

– А может, у этого факта другая причина: это вы не хотите исполнять ваши законы надлежащим образом?

– Не советую переходить на личности, мистер Максимов, вам же будет хуже.

– И это вы говорите человеку, которому инкриминируете тягчайшее преступление – убийство?

– Хорошо, что вы вспомнили о вашем преступлении, – следователь вновь полез в свои бумаги и извлек на свет некую папку, которую положил на стол перед Максимовым. – Ознакомьтесь с вашим уголовным делом, в частности с показаниями свидетелей.

Максимов открыл папку и тут же вновь поднял глаза на следователя:

– Почему свидетельские показания отпечатаны только на арабском языке? Согласно вашему законодательству, их предъявляют обвиняемому на трех языках: на языке той страны, где произошло преступление, на родном языке обвиняемого, если он иностранец, а также на английском. Если это не соблюдается, то мне обязаны предоставить переводчика.

– Но вы же хорошо говорите и читаете по-арабски, мистер Максимов. Зачем вы ломаете дурака?

– Чтобы вам было понятно, что перед вами не безусый юнец, а искушенный в такого рода делах человек.

– Можете не стараться, я это уже понял.

– Наверное, это произошло после сегодняшнего инцидента здесь?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Тогда поясню. Еще в самом начале нашей беседы вы должны были поинтересоваться, нет ли у меня жалоб к режиму содержания в этом участке. А у меня они есть. Не далее как сегодня утром ко мне в камеру проник мужчина, который собирался меня задушить. Однако вынужден был сам уносить оттуда ноги. Правда, правую руку он от меня унес не совсем здоровую, а в сломанном состоянии. Все это должно быть отражено в журнале дежурного по участку, и вам надлежало с этим журналом ознакомиться.

– Ничего подобного, о чем вы здесь мне сейчас рассказали, в том журнале не зафиксировано.

– Естественно, наивно было бы предполагать, что этот утренний посетитель проник сюда без ведома здешних полицейских и они зафиксировали его приход на бумаге. Но я этот визит зафиксировал и собираюсь подать письменную жалобу. Кстати, я узнал этого человека – это американец Бобби Дьюк, проживающий в том же «Найл

Хилтоне». Вы внесете эту фамилию в уголовное дело или предпочтете последовать примеру ваших коллег?

– Если вас кто-то хотел убить, то исключительно из чувства мести. Я, как представитель закона, не оправдываю этого чувства, но вполне его понимаю. Вы ведь безжалостно расправились со стариком, выбросив его с балкона, предварительно жестоко избив.

– У этого факта есть свидетели?

– Их показания у вас перед глазами.

Максимов вновь обратил свой взор к лежащей на столе папке. Через несколько минут он вновь поднял глаза на следователя:

– Здесь показания двух прохожих, которые видели, как мистер Трейси выпал с балкона седьмого этажа. Они же утверждают, что столкнул его вниз человек европейской наружности. Но европейцев в «Найл Хилтоне» проживает несколько сот человек, а процедуры опознания с этими свидетелями я не проходил.

– Вас им показали через глазок тюремной камеры.

– Еще одно нарушение вашего законодательства. Согласно главе сто тридцать второй опознание подозреваемого должно проводиться в хорошо освещенном помещении, чтобы было отчетливо видно лицо подозреваемого. В камере, где я содержусь, освещение плохое. Отсюда вывод: ваше опознание незаконно. К тому же где оно зафиксировано в деле? Здесь только указано, что свидетели опознали меня, но где это происходило не указывается.

– Это мелочи, на которые суд вряд ли обратит внимания.

– Это те самые мелочи, по которым справедливый судья сразу поймет, что ваше дело шито белыми нитками. Или, как говорят у вас в Египте: не надо выдавать свежее верблюжье молоко за протухшее.

– Вас задержали на месте преступления – в вашем номере, с балкона которого выпал мистер Трейси. На балконе найдены многочисленные улики: одна туфля погибшего, пуговицы от его рубашки и кровь на перилах балкона, которую наши специалисты идентифицировали как кровь мистера Трейси. Из этого вытекает, что между вами произошел конфликт, из которого вы вышли победителем в силу своего возраста, а бедный старик был изначально обречен.

– Интересно, по какой же причине человек, который сбросил со своего балкона другого человека с целью его убийства, остался спокойно дожидаться прихода полиции? И даже не стал убирать те

убойные улики, которые вы только что здесь перечислили? Это могло произойти в одном случае: если этот человек – сумасшедший. Я, по-вашему, похож на обладателя такого диагноза?

– Не надейтесь сойти за душевнобольного и избежать наказания, – усмехнулся следователь. – А сбежать вы не успели по сугубо прозаической причине: из-за неисправности дверного замка в вашем гостиничном номере. Он у вас действительно оказался неисправен – наши специалисты это установили. Почитайте следующую страницу в деле.

«Ох, и ловкачи!», – подумал Максимов, перевернул страницу и действительно нашел экспертную оценку специалиста, который оценил замок в его номере как неисправный и способный на заклинивание. Однако спорить со следователем по этому поводу не стал, а задал новый вопрос:

– Почему я не вижу в числе свидетелей Роджера Томпсона?

– Кто это такой?

– Американский кинорежиссер, который проживает в том же отеле «Найл Хилтон», в номере пятьсот шестнадцать.

– Какое отношение он имеет к вашему делу?

– Прежде чем подняться к себе в номер, я встретил мистера Томпсона в холле первого этажа и говорил с ним в течение нескольких минут. Тех самых минут, когда мистера Трейси могли выбрасывать с балкона моего номера.

– Вы помните точное время вашего разговора?

– К сожалению, нет, но его может помнить мистер Томпсон. Он остался дожидаться меня на выходе из отеля и наверняка смотрел на часы. Именно поэтому я и требую, чтобы его показания были приобщены к делу.

– Хорошо, мы свяжемся с ним, – и следователь записал в свою записную книжку имя и фамилию режиссера.

«Черта с два ты с ним свяжешься!» – мысленно выругался Максимов, продолжая листать дело. В этот самый момент у следователя зазвонил мобильник, лежавший на столе по его правую руку. Взглянув на имя адресата, следователь ответил на вызов, но, прежде чем начать разговор, попросил неизвестного подождать на линии. А сам за это время спрятал бумаги в стол и, поднявшись со своего места, вышел из кабинета, закрыв за собой дверь. После чего

Максимов услышал в коридоре его приглушенный голос. Судя по отдельным словам, которые доносились до Максимова, говорили о нем. Но ему в данный момент это было не столь важно. Его интересовало другое. Когда он, войдя в этот кабинет, шел к своему стулу, то обратил внимание на стопку газет, лежащих на углу стола. Сверху стопы лежала газета «Аль-Ахрам», на первой странице которой в глаза бросался, набранный крупным шрифтом заголовок: «Пожар в российском МИДе». На протяжении всего разговора этот заголовок не давал покоя Максиму, и он молил бога, чтобы ему представилась возможность хотя бы мельком пробежаться глазами по самой заметке. Как видно, бог услышал его молитвы.

Придвинув газету к себе, Максимов в течение нескольких секунд с помощью метода скорочтения, которому его обучили в молодости, когда он учился в «вышке» – Высшей школе КГБ, – буквально проглотил нужную ему заметку. Смысл ее состоял в следующем. Каирский корреспондент, аккредитованный в Москве, сообщал, что вчера вечером в Москве произошел пожар на одном из этажей здания российского МИДа на Смоленской-Сенной площади. Благодаря оперативному приезду сразу нескольких пожарных машин пожар удалось быстро локализовать и не дать ему распространиться по всему зданию. Все время, пока работали пожарные, в здании была объявлена всеобщая эвакуация. В результате происшествия серьезно никто не пострадал, и лишь два десятка человек обратились к помощи медиков в связи с плохим самочувствием и резью в глазах.

В конце заметки ее автор сообщал, что по непроверенным данным, это происшествие странным образом совпало с бегством одного из влиятельных российских дипломатов под крышу американского посольства в Москве. Дипломат скрылся на его территории и, вероятнее всего, будет просить предоставить ему политическое убежище. О реакции официальных американских лиц на эту просьбу пока ничего не известно.

Прочитав заметку, Максимов вернул газету на ее прежнее место и сделал вид, что продолжает читать материалы обвинения по своему уголовному делу. Сам же в это время размышлял о смысле только что прочитанного в газете:

«Без сомнения, пожар и бегство дипломата – звенья одной цепи. Единственная странность – что это за пожар такой, где практически

нет серьезно пострадавших? Может, это не пожар вовсе, а его имитация? Ну да бог с ним. Главное, наши, кажется, нашли «крота». Но он, мерзавец, успел «сделать ноги» и теперь засел в американском посольстве. То, что американцы дадут ему статус политического беженца, – без вопросов. Другое дело, как они собираются его оттуда перевозить в Штаты?»

В это время дверь за спиной Максимова вновь открылась и в кабинет вернулся следователь.

– Мистер Максимов, мне надо срочно уехать, поэтому наш допрос придется прервать.

– Согласен, тем более эта ваша филькина грамота навевает на меня ужасную скуку.

– Как вы назвали эти документы? – удивился следователь.

– На арабский это, увы, не переводится, – ответил Максимов и, захлопнув папку, поднялся со стула.

* * *

Москва, аэропорт Внуково.

Борт самолета Президента России

Вылет президентского самолета Ил-96-300 из аэропорта Внуково был задержан на полчаса, ввиду неординарности событий, которые происходили в Москве вокруг бегства Вишнева. Президент России собирался отбыть в Санкт-Петербург на Международный политический форум, но решил задержать свой отлет для экстренной встречи с министром иностранных дел, директором ФСБ и одним из своих помощников. Принял он их не в VIP-зале аэропорта, а на борту своего комфортабельного лайнера, где у президента имелся не только личный кабинет, но и вместительный конференц-зал. Именно в последнем и было решено провести эту встречу.

Когда гости уселись в свои кресла, президент, сидевший во главе стола, открыл встречу с сообщения:

– Полчаса назад мне звонил президент США и просил с пониманием отнестись к ситуации, возникшей вокруг бегства нашего дипломата. Напомнил, что нас с господином президентом связывают

давние партнерские отношения, на которые не должна влиять сегодняшняя ситуация. На основе этих отношений он попросил меня первым пойти на уступки и снять блокаду с их посольства. Я сказал, что подумаю. Но, как говорят в народе, одна голова хорошо, а две лучше. Ну а про четыре головы и вовсе говорить не приходится. Поэтому давайте думать сообща, что будем делать.

– Я полагаю, снимать блокаду нельзя, – первым отреагировал на речь президента директор ФСБ. – Рисуем в дураках остаться. Ведь если они хотят говорить о партнерских отношениях, значит, должны и сами идти нам на уступки. Но они вместо этого собираются представить Вишневу политическое убежище и договорились до того, что те преступления, которые мы ему инкриминируем, являются нашей провокацией. Значит, в их действиях присутствует откровенная линия на его обеление и укрывательство от нашего правосудия. Я думаю, они хотят усыпить нашу бдительность, а сами уже готовят операцию по тайной переправке Вишнева в Штаты.

– У вас есть конкретные доказательства такой операции? – спросил помощник президента.

– Нет, на данную минуту таких данных у меня пока нет, но наши люди уже работают в этом направлении. Мы полагаем, что американцы попытаются вывезти Вишнева из России при помощи некой маскировочной акции.

– Что конкретно имеется в виду? – поинтересовался президент.

– Пока мы этого не знаем, но наши специалисты посоветовали вспомнить операцию «Арго» 1980 года. Тогда американцы вывезли из охваченного революцией Ирана шестерых сотрудников ЦРУ, выдав их за канадских граждан, которые участвовали в съемках вымышленного фильма о Среднем Востоке.

– Но эта история – настоящий нафталин, – усмехнулся помощник президента.

– Однако осуществлял ее главный эксперт ЦРУ Тони Мендес, которого на этом посту сменил его ученик – Луис Альварес. И вот буквально час назад мы получили информацию от наших источников из США, что Альвареса срочно отозвали из отпуска и он вернулся в Лэнгли. Это лишний повод говорить о том, что американцы замысливают нечто такое, что должно затмить операцию «Арго».

– Вот вам и партнерские отношения, – вступил в разговор министр иностранных дел. – Как это похоже на американцев: одну руку тянут для рукопожатия, а во второй руке соорудили фигу. Я тоже считаю, что идти на уступки американцам не стоит. Пусть докажут свои добрые намерения официальным заявлением, что они повременят с предоставлением Вишневу политического убежища и что согласны с тем, чтобы он встретился с нашими следователями. У нас же есть совместный договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам. В ответ мы готовы сделать это расследование достоянием широкой общественности и даже допустить на него международных следователей. Пусть видят, что мы ничего не скрываем, поскольку полностью уверены в своей правоте.

– Диктовать американцам свои условия я бы поостерегся: мы находимся не в той ситуации, – возразил министру помощник президента. – Через два месяца должна состояться встреча G-8. От нее многое зависит в плане наших стратегических интересов. Мы не можем идти на конфронтацию с американцами в преддверии этой встречи.

– Предлагаете поднять руки вверх и сдаться? – вскинул брови вверх министр.

– Почему сразу «руки вверх»? Я имею в виду то, что мы в данный момент не имеем возможности делать резкие заявления по адресу Белого дома. Надо поддержать предложение их президента и снять блокаду с их посольства в Москве. Пусть увидят, что мы им доверяем, идем навстречу. И когда мы это сделаем, американцы вынуждены будут пойти на ответные уступки. Но инициатива должна исходить именно от нас.

– Если мы снимем блокаду, американцы поймут, что мы дрогнули, – вновь возразил помощнику директор ФСБ. – А тот, кто проявил слабость, для американцев – груша для битья. Наивно предполагать, что если мы снимем блокаду, то американцы позволят нам вернуть себе Вишневу. Надо быть реалистами. На протяжении многих лет они уходили от заключения двустороннего соглашения об экстрадиции, а на наши обращения о выдаче лиц, совершивших преступления на территории России, неизменно отвечали отказом, ссылаясь при этом на отсутствие такого соглашения. Такая же история ждет нас и в нынешней ситуации. Мы что, забыли, как они вели себя с

нами на протяжении последних нескольких лет? Мы им шли на уступки, а они в ответ с позором выдворяли наших агентов из США, а затем дали убежище предателю – полковнику Потееву? Теперь они хотят предоставить политическое убежище еще одному изменнику – Вишневу. Плюя тем самым нам в лицо, поскольку Вишнев не просто изменник, он еще и убийца невинных людей.

– Никто не собирается позволять американцам плевать нам в лицо, – продолжал гнуть свою линию помощник президента. – Речь лишь о том, чтобы не идти с ними на откровенную конфронтацию и попытаться учесть наши стратегические интересы. И потом, возвращение этого вашего эксперта ЦРУ из отпуска еще ни о чем не говорит, мало ли почему он вернулся. Может быть, это связано с каким-то иным конфликтом, к которому имеет непосредственное отношение ЦРУ. Как-никак, их разведка весь мир опутала.

– Вы так уверенно об этом говорите, будто точно знаете, что американцы не собираются вывозить Вишнева, – в голосе директора ФСБ явно слышались насмешливые нотки. – А вот у нас, чекистов, такой уверенности нет.

– Просто я стараюсь мыслить трезво. Ну посудите сами, зачем американцам рисковать и готовить какую-то сложную операцию, если у них теперь есть уйма времени. Вишнев обладает важными секретами? Замечательно. Они могут хоть сутки напролет расспрашивать его об этих секретах в своем московском представительстве и потом передавать эти данные в Лэнгли. И так может длиться годами.

– Не согласятся американцы терпеть такую ситуацию годами, – теперь в голосе директора ФСБ слышалось явное раздражение. – Им невыгодно долго держать в посольстве человека, которому предъявлены обвинения тягчайшего порядка. Американцам гораздо спокойнее будет, если они побыстрее переправят Вишнева в США, тем самым оставив нас в дураках, унизив перед всем миром.

– Я тоже придерживаюсь такой же позиции, – поддержал директора ФСБ министр. – Если Вишнев будет продолжать находиться в американском посольстве, то мы будем иметь возможность на всех международных встречах пенять на это американцам, ставя их в неловкое положение. У нас появится шанс критиковать их за нарушение международного права, чего они вряд ли хотят. Да и

хлопотно это – выуживать из Вишнева нужную информацию и отправлять ее в США, действуя как бы через третьи руки. Удобнее было бы держать такого человека у себя под боком, где находятся все офисы их главных ведомств: Госдепа, ЦРУ, ФБР. Поэтому считаю, что экстренное возвращение упомянутого эксперта ЦРУ из отпуска связано именно с желанием Белого дома поскорее лишить нас этого козыря – заточения Вишнева в московском посольстве США.

– Исходя из ваших слов получается, что нам выгодна сложившаяся ситуация? – не скрывая удивления, спросил помощник президента. Его удивление было вызвано и тем, что он рассчитывал найти поддержку в лице министра иностранных дел, но тот предпочел выбрать сторону директора ФСБ.

– Нет худа без добра – это как раз об этом, – развел руками министр. – Если мы не имеем шансов заполучить Вишнева обратно, пусть лучше он сидит здесь, в Москве, чем на Потомаке. Как только он окажется в Штатах, американцы не преминут воспользоваться этой ситуацией, например попросят выступить его в комитете по иностранным делам Сената. Не забывайте, что их госсекретарь четыре года возглавлял этот комитет и не прочь будет устроить такое выступление, с тем чтобы заполучить против нас весомый козырь. Поэтому давать слабину, идя на поводу у Белого дома, мы не имеем права. Они сами надели себе штаны через голову, пускай сами и думают, как теперь их снять, не испортив прическу.

После этой остроумной реплики министра в разговоре наступила пауза. Все трое приглашенных обратили свои взоры к президенту, понимая, что только он может поставить финальную точку в этом столкновении разных мнений. Президент думал недолго. Все это время он внимательно слушал перепалку своих подчиненных, теребя в руках карандаш. Когда споры стихли, президент опустил карандаш в канцелярский стаканчик и произнес:

– Спасибо за то, что вы были откровенны. Теперь выскажу свою точку зрения. Согласен, что в преддверии встречи в рамках G-8 лишняя конфронтация с американцами нам ни к чему. Они и так на нас злые и по проблеме противоракетной обороны, и по Сирии. Зачем дразнить их по новому поводу? Однако еще более неправильным было бы им уступить – доиграемся до горбачевщины. Тот тоже во всем им уступал, а в итоге страну профукал. Поэтому вот что я предлагаю.

Сделаем вид, что идем навстречу американцам, но при этом сами будем выдвигать им встречные предложения. Например, мы снимаем блокаду, вы – позволяете нашим следователям встретиться с Вишневым, причем не возбраняется с их стороны привлечение к этому процессу международных адвокатов. Уверен, американцы на это не пойдут, поскольку понимают, что у нас на руках убийные улики против этого мерзавца. Тут никакие адвокаты его не отмажут. Ведь когда в ходе этого процесса всплывет, что изувер отравил беременную женщину со своим же нерожденным ребенком ядом, который получил из рук американцев, весь мир содрогнется. ЦРУ это надо? Ответ, полагаю, более чем очевиден. В итоге они нам откажут. Но нам это будет только на руку. Так мы сохраним лицо и продлим блокаду, которая необходима, чтобы не создавать американцам комфортных условий. Нам ведь что важно – заполучить этого изменника. Тем самым мы и американцев лишим их козыря, и другим возможным перебежчикам отобьем охоту так поступать. А заполучить беглеца мы сможем только в одном случае: создавая американцам неудобства, мы вынудим их торопиться с операцией по его переброске в США. А то, что такая операция намечается, – факт, в этом директор ФСБ меня убедил. От нас лишь требуется одно: оказаться умнее и хитрее наших визави, с тем чтобы поймать изменника и убийцу в тот самый момент, когда он покинет территорию американского посольства. Вот тогда мы не только лицо сохраним, но и докажем всему миру, что сумели обставить их хваленые Госдеп, ЦРУ и ФБР вместе взятые. Допустить провал в этом деле мы просто не имеем права. Я ясно выразился? – и президент обвел внимательным взглядом собравшихся. – В таком случае, не смею больше никого задерживать.

* * *

Египет, город Каир.

Полицейский участок центрального округа

Проведя утром встречу с лидерами сирийской оппозиции, Саймон Янг уже спустя полчаса после нее погрузил свое натренированное тело в самолет, который ему любезно выделили турецкие военные, и

вылетел в Каир. Причем летел он туда по кратчайшему маршруту – через Средиземное море. Поэтому управился за полтора часа.

Когда он объявился в полицейском участке, где сидел Максимов, то прямиком направился к начальнику участка, который был заранее предупрежден им об этом визите, поэтому никуда не отлучался. Узнав цель прихода Янга, начальник вызвал к себе одного из своих подчиненных и приказал ему принести к нему в кабинет мобильный телефон Максимова, который лежал в деревянном ящичке в специальном комнате для вещдоков. А пока подчиненный выполнял его приказ, начальник предложил выпить виски со льдом. Но Янг отказался, памятуя о том, что впереди у него серьезный разговор с этим хитрющим русским. «С ним надо быть во всеоружии», – здраво рассудил Янг и попросил начальника достать из холодильника бутылочку минеральной воды. И пока тот открывал холодильник, спросил:

– Надеюсь, наш подопечный никаких жалоб не подавал?

– Пытался, когда час назад у него был следователь. Но тот указал ему его место.

– Русские из посольства на вас выходили?

– Утром приезжал их представитель, грозил всеми карами, если ему не предоставят возможности встретиться с арестованным. Я посоветовал ему обратиться к нашему высокому начальству. С тех пор русские себя больше никак не проявили: видно, нашему руководству пока удастся сдерживать их активность. Но долго это продолжаться все равно не может. Поэтому, мистер Янг, мне хотелось бы знать, как вести себя дальше с этим русским?

– Не беспокойтесь, именно для того, чтобы решить эту проблему, я сюда и приехал, – наливая в стакан прохладную минералку, ответил Янг.

Однако едва он успел пригубить напиток, как вернулся гонец и положил на стол мобильный телефон Максимова. Сделав пару глотков, Янг отставил стакан в сторону и включил мобильник. К счастью, за это время батарейка в нем еще не села, поэтому процесс включения занял меньше минуты. Затем Янг открыл журнал звонков и обнаружил то, что и требовалось – никаких звонков в тот период, когда произошла история с Трейси, Максимов не совершал. Вполне удовлетворенный этим фактом, американец пробежал глазами по всем телефонным

номерам русского, но ничего интересного в этой информации не обнаружил. Впрочем, он и не сомневался в том, что такой опытный разведчик, как Максимов, оставил бы следы в своем мобильнике. Спрятав его в карман, Янг поднялся со стула и обратился к хозяину кабинета:

– Пусть кто-нибудь из ваших людей проводит меня к русскому.

Когда Янг вошел в камеру, где находился Максимов, тот стоял у окна. Увидев, кто к нему пожаловал, он улыбнулся:

– Извините, Саймон, не могу предложить вам сесть: нары здесь, как видите, убирают.

– Я думаю, в моих силах эту ситуацию исправить, – Янг постучал в дверь и, когда на пороге возник полицейский, попросил его отстегнуть нары от стены.

Когда полицейский ушел, Янг первым присел на нары, сопроводив это словами:

– Да, это не мягкие диваны «Найл Хилтона».

– Однако лучше сидеть на этих нарах, чем лежать в холодильнике каирского морга, куда меня хотел отправить ваш гориллос Дьюк по вашему приказу, – присаживаясь рядом с гостем, справедливо заметил Максимов.

– Кстати, почему вы его не убили? – удивился Янг. – Я бы не сильно переживал по этому поводу. Этот, как вы выразились, гориллос, заслуживает того, чтобы быть наказанным.

– В таком случае каким образом я бы смог передать вам пожелание о нашей встрече?

– А вам она была так важна?

– Трудно сказать, кому она более важна – мне или вам. Я даже голову сломал, думая об этом до вашего прихода.

– И к какому выводу вы пришли?

– Думаю, что она важна нам обоим. И знаете, когда я это понял? Когда час назад вернулся от следователя. Во время нашего с ним разговора я узнал нечто такое, что заставило меня ждать нашей с вами встречи с еще большим нетерпением. Но вы все не шли. Отдаю должное вашей выдержке, хотя дело, полагаю, не в ней. Судя по всему, вас просто не было поблизости: вы летали в Турцию наставлять сирийских оппозиционеров. Я угадал?

– Ваша чрезмерная осведомленность лишний раз убеждает меня, что с вами надо кончать. И вы зря рассчитываете на то, что если вам удалось одолеть Дьюка, то с таким же успехом вы облапошите и меня.

– Пришлете очередного гориллоса?

– Я умею извлекать уроки – на этот раз их будет двое или трое. Они задушат вас и повесят вот на этом крюке, на который полицейский цепляет нары. А вашим людям объявят, что вы покончили с собой под тяжестью улик, а также из страха быть опозоренным как убийца беззащитного старика.

– Спасибо за откровенность. Но позвольте спросить: почему вы сначала решили нанести мне визит, а потом прислать своих гориллос?

– Вы мне нравитесь, Иван, поэтому я посчитал своим долгом с вами проститься. Все то время, пока мы были с вами знакомы, мне было приятно общаться с вами и спорить на политические темы. Даже жаль, что эти споры закончатся в этой тесной камере.

– А мне кажется, у нас с вами впереди долгая жизнь, Саймон. И в ней еще будет много места для наших совместных разговоров.

– Вы оптимист, Иван, и меня это восхищает. Правильно, умирать надо весело. У вас, у русских, я знаю, даже есть поговорка на этот счет: умирать, так с музыкой. Поэтому я попрошу кого-то из гориллос, кто будет набрасывать вам петлю на шею, напеть вам в уши какую-нибудь приятную мелодию. Какую вы предпочитаете?

– Спасибо за заботу, Саймон, ваш черный юмор мне импонирует. У нас, у русских, на этот счет есть еще одна поговорка: хорошо смеется тот, кто смеется последним. А по поводу любимых мной мелодий... Я очень люблю группу «Битлз», у них много замечательных песен. Но в этот раз я бы выбрал одну – с их «Белого альбома». Если помните, его вторая сторона заканчивается композицией под названием «Джулия». Лирическая мелодия, да и название красивое. Вам оно ни о чем не напоминает?

– Я отдаю предпочтение «Роллинг Стоунз», – даже не поведя бровью, ответил Янг. – Но думаю, что гориллос хорошо знают репертуар вашего любимого ансамбля.

Сказав это, Янг хлопнул себя ладонями по коленям и поднялся с нар, явно рассчитывая покинуть камеру. Но Максимов его остановил:

– Вы зря торопитесь, Саймон, я ведь вам еще не все рассказал. Моя осведомленность о вас гораздо шире, чем вы можете себе

представить. И это обстоятельство должно натолкнуть вас на мысль, что именно вы должны будете позаботиться о том, чтобы ни одна местная гориллос даже мысли не допустила тронуть меня пальцем. С того момента, как я вернулся из Сирии, вы должны были с меня буквально пылинки сдувать, а вы послали ко мне своего гориллоса. Но ваше счастье, что в том поединке победителем вышел я, а не он. Поскольку в случае моей смерти вскрылась бы такая информация о вас, которая мгновенно пустила бы вашу карьеру под откос.

– Судя по вашим словам, у вас мания величия. Ведете себя так, будто это не вы находитесь за решеткой, а я. Ну ничего, когда у вас на шее будут затягивать удавку, эта спесь быстро слетит. И еще: вы не достойны, чтобы перед смертью вам насвистывали какую-либо песню, вы умрете под собственные стоны и хрипы.

– Жуткую картину вы нарисовали передо мной. Но у нас в России и по этому поводу есть меткое выражение: «От сумы и тюрьмы не зарекайся». Сегодня меня ужокошат при помощи удавки, а завтра, глядишь, вас посадят на электрический стул.

– Вы, наверное, намекаете на те самые «итальянские делишки», о которых упоминали Дьюку? – Янг смотрел на своего собеседника сверху вниз, засунув руки в карманы брюк. – Так меня этим не испугаешь. Что вы можете знать? Разве что о моих связях с той же албанской мафией? Так они дальше инструктажа не простирались. Я ведь профессиональный инструктор, вот и к сирийским оппозиционерам летал за тем же. Так что про электрический стул вы явно загнули. Самое большее, что мне грозит – устное порицание моего руководства.

– Вы явно приbedняeтeсь, Саймон, – усмехнулся Максимов, глядя прямо в глаза Янгу. – И плохо думаете о нашем потенциале.

– Я достаточно наслышан о возможностях фирмы, в которой вы работаете, Иван, но сомневаюсь, что она может найти нечто интересное в биографии инструктора Центрального разведывательного управления США. В ней нет ничего интересного.

– Бог с ним, с инструкторством, – Максимов сделал жест рукой, как будто отмахивается от назойливой мухи. – Мою фирму интересует совершенно другая ваша ипостась, куда более страшная. Ведь албанскую мафию вы не только инструктировали – вы ею руководили. И это руководство порой приводило к жутким преступлениям, от

одного упоминания которых у людей стынет кровь в жилах. Во всяком случае, когда я об этом узнал, у меня внутри действительно все похолодело.

Какое-то время собеседники продолжали смотреть друг в глаза, после чего Янг первым отвел взгляд в сторону. А затем присел на то же место на нарах, с которого он недавно поднялся.

— Что же вас так сильно напугало из моей прошлой деятельности? — после некоторой паузы поинтересовался Янг.

Теперь пришло время встать со своего места Максимову, так ему было легче вести свой монолог.

— Я полагаю, что та история, которая меня так потрясла, потрясет и воображение ваших соотечественников — американцев. Причем их даже больше, чем меня. Вполне допускаю, что им может быть наплевать на то, как американец Саймон Янг в уже далекие от них 90-е годы связался сначала с албанскими сепаратистами, а потом и с албанской мафией и творил с ними бесчинства на сербской территории. Ведь сербы для ваших соотечественников сродни варварам, которых сам бог велел уничтожать. Вот вы и уничтожали. Полагаю, что и другая история — про то, как вы вместе с албанцами наладили торговлю живым товаром, а именно юными девушками из Восточной Европы — тоже может оставить равнодушными ваших соотечественников, поскольку и эти невинные создания проходят у них по категории трэша, отбросов. Однако если ваши земляки американцы узнают, что сотрудник Центрального разведывательного управления Саймон Янг приложил руку к похищению и убийству их соотечественницы, юной дочери бывшего американского сенатора, приехавшей в Италию на каникулы, то вот тут их реакция будет совершенно иной. Можно прямо сказать, что электрического стула вам однозначно не миновать. Ведь одно дело — расстрел сербов и насилия над украинками или молдаванками, и совсем иное дело — убийство и закатывание в бетон юной американки с последующим возведением на ее могиле ресторана, цинично названного именем покойной — «Джулия». Вам назвать район в Риме, где стоит это заведение, чтобы вы не сомневались в нашей чрезвычайной информированности? Район Монтеверде, территория риони Пинья. Так что убиенная девственница в бетоне — это та самая история, которая заставит стыть жилы у каждого, кто об этом услышит. Можно себе представить, как охочие до

сенсаций журналисты распишут своим читателям последние минуты перед смертью этого невинного создания. И в каком виде они изобразят тех извергов, которые сотворили это чудовищное преступление. И все ради того, чтобы удовлетворить похоть развратного братца известного итальянского политика – Лучано Валенти. Кстати, вашего приятеля и попутно информатора.

– Вам этого никогда не доказать! – судя по тому, как задвигались желваки на скулах Янга, он был в ярости и еле сдерживался от того, чтобы наброситься на Максимова.

– Вы полагаете, что именно нам придется это все доказывать? Мне же видится совершенно иная картина грядущих событий. Свой досконально задокументированный рассказ, в котором есть показания нескольких очевидцев и участников тех событий, мы переправим к вам на родину, например отцу невинно убиенной вами девушки. Как вы думаете, что он сделает: отправит эти документы в камин или все же заинтересуется и захочет возобновить свое давнее и неудачное расследование? На мой взгляд, ответ очевиден. Нет такого отца, который не захотел бы отомстить убийцам своей юной дочери. Или у вас на этот счет есть иное мнение?

Вместо ответа Янг внезапно сорвался со своего места и набросился на собеседника. Но тот явно ожидал такого поворота событий, поэтому встретил противника достойно: одним движением перехватил занесенную для удара правую руку и, заломив Янгу ладонь, опрокинул его на бетонный пол. Американец вскрикнул от боли, попытался освободиться от захвата, но не сумел – Максимов оседлал его сверху и продолжал выворачивать ему руку. Наконец, Янг сдался – забил свободной ладонью по бетону. Слезая с него, Максимов произнес:

– Еще раз повторяю вам, Саймон: моя смерть принесет вам одни сплошные неприятности, ведомство, которое я здесь представляю, обрушит вашу карьеру сразу после того, как до него дойдет новость о том, что со мной случилось непоправимое.

Растирая рукой вывихнутое плечо, Янг привалился спиной к стене и, выдержав паузу, спросил:

– Чего вы от меня хотите?

– Да нет же, Саймон, это вы хотите, причем очень сильно. А именно: сотрудничать с нашим ведомством на предмет его

информирования о делах вашего ведомства в обмен на наше молчание о ваших жутких делах в Италии. Скажу прямо: нам трудно будет это скрывать с моральной точки зрения, поскольку такие преступления не имеют срока давности и должны быть разоблачены. Но мы пойдем на это, если вы поможете нам предотвратить другие, не менее жестокие преступления, которые, возможно, будет готовить ваше ведомство или люди вроде вас.

– Вы хотите меня завербовать?

– Называйте это как хотите, но смысл будет один: вы должны снабжать нас той информацией, которую мы от вас запросим.

– И с чего вы хотите начать?

– С вашей гордости – с Фараона, который со вчерашнего вечера нашел прибежище в американском посольстве в Москве.

– Откуда вы это... – Янг от удивления даже не смог договорить до конца свою фразу.

– Вы забыли, Саймон, что даже у тюремных стен есть свои глаза и уши, – улыбнулся Максимов.

– Что конкретно вас интересует?

– Только одно – возможность не дать вашему агенту покинуть пределы России. Он натворил достаточно грязных дел, чтобы по их совокупности сменить комфортабельную территорию вашего посольства на одиночную камеру нашей Лефортовской тюрьмы. Вы должны нам в этом помочь.

По лицу Янга было видно, что это предложение его не сильно обрадовало. Впрочем, Максимов на иную реакцию с его стороны и не рассчитывал. Однако продолжал гнуть свою линию:

– По вашей кислой физиономии я понял, что вас мои слова обескуражили. Однако у вас нет выбора, Саймон. Вы расчетливый коммерсант, поэтому должны прекрасно понимать, чем может грозить вам попытка нас обмануть. На кону стоит не только ваша карьера, но и жизнь. Упомянутый мною бывший сенатор, отец невинно убиенной вами девочки, живет в штате Колорадо, где смертная казнь, как вам известно, не отменена. Поэтому, если Фараон, не дай бог, окажется в Штатах, то уже спустя несколько часов будет известно, в какой именно тюрьме находится тот электрический стул, который примет в свои объятия ваше бречное тело.

– Но чем я могу вам помочь, если Фараон сейчас в Москве, а я здесь, в Каире? Нас разделяют тысячи километров.

– Странно слышать подобные речи от человека, который числится сотрудником «Индастри электроникс». А беспроводная связь? Найдите повод связаться с вашими боссами в Лэнгли и осторожно намекните им, что вербовка Фараона – ваша заслуга. И что его судьба вам не безразлична. Думаю, у ваших боссов не должно возникнуть каких-либо подозрений в отношении «крестного отца» Фараона, к тому же регионального резидента.

Все еще потирая больное плечо, Янг медленно поднялся на ноги и, опустив голову, молча направился к двери. На полпути Максимов бросил ему в спину свою последнюю просьбу, больше похожую на приказ:

– И найдите, пожалуйста, повод, чтобы уже к ужину я сменил эту одиночку на свой номер «съют» в отеле «Найл Хилтон».

О том, что Янг сделал надлежащие выводы из их разговора, Максимов узнал спустя три часа после ухода американца. Около семи вечера дверь в камеру отворилась и туда лично вошел начальник полицейского участка. В руках он держал мобильный телефон и записную книжку Максимова – вещи, отобранные у него во время ареста.

– Господин Максимов, вы свободны, – сухо объявил полицейский задержанному. – В вашем уголовном деле появились новые обстоятельства, которые не позволяют нам больше держать вас в этих стенах. Извинений не приношу, поскольку считаю ваше освобождение необоснованным. Просто у вас слишком много влиятельных заступников.

– Меня несколько не огорчает отсутствие извинений с вашей стороны, – забирая свои вещи, произнес Максимов и первым вышел из камеры, где он просидел больше суток.

Спустя полчаса он был уже в российском посольстве, где первым делом навестил резидента внешней разведки Романа Громадского, чтобы узнать от него последние новости из Москвы.

– Ситуация напряженная: наши держат блокаду посольства, а американцы затаились, – сообщил Громадский. – Их Госдеп бомбардирует наш МИД нотами протеста, их президент уже звонил

нашему. Наш его вежливо послал. Государственная Дума тоже бурлит, требуя немедленно выдать нам перебежчика, в противном случае грозит...

– ...отключить газ, – продолжил мысль резидента Максимов.

Затем он отправился к шифровальщикам, чтобы передать в Москву очередную шифротелеграмму. Она была короткой:

«Центр.

Час назад освободился, чувствую себя нормально. Имел весьма содержательную беседу с «нашим другом», выложив перед ним известные нам факты про его «художества» в Италии. Факты произвели на «нашего друга» неизгладимое впечатление. Полагаю, что с этого момента он станет делать все от него зависящее, чтобы помочь нам в преодолении того кризиса, что случился в Москве. Поэтому прошу продлить мою командировку еще на несколько дней для оперативной связи с «нашим другом».

Максимов».

* * *

США, Лэнгли, штат Вирджиния.

Центральное разведывательное управление

Первое, что сделал Стивен Снайпс, когда утром в среду прилетел в Штаты (в Москве в это время был уже вечер) и объявился в своем рабочем кабинете в Лэнгли, – вызвал к себе Луиса Альвареса. Главный эксперт ЦРУ по маскировке не заставил себя долго ждать – прибыл спустя пять минут после вызова. И прямо с порога объявил:

– «Кукла» готова, босс, и ждет вашего одобрения.

– Уже? – искренне удивился Снайпс такой расторопности со стороны своего подчиненного.

– Скажите спасибо не мне, а Чаку Коламбусу, который приложил максимум усилий к тому, чтобы этот человек был найден в кратчайшие сроки.

– Кто такой Чак Коламбус?

– Неужели забыли? Вы должны его помнить по истории пятилетней давности, когда он гримировал труп одного забулдыги для похорон, чтобы выдать его за другого человека – дипломата. Чак проделал это дело так виртуозно, что подмену не заметила даже жена покойника.

– Это когда нам надо было заманить на похороны северокорейского резидента?

– Его самого.

– Но этот Коламбус, кажется, спился?

– У вас неверная информация, босс. Чак лечился в группе анонимных алкоголиков и с тех пор забыл даже запах любимой текилы. Он у нас теперь трезвенник.

– Говорят, что вылечившиеся алкоголики теряют свои прежние профессиональные навыки, – закуривая сигару, вспомнил о где-то вычитанном им факте Снайпс.

– С Чаком этого не произошло, и вы сами в этом скоро убедитесь.

– Но у него же нет соответствующего допуска к делам наших сотрудников?

– Эту формальность мы утрясли ради общего дела.

– Твой авантюризм, Луис, рано или поздно сыграет с тобой злую шутку.

– Насколько я знаю, именно авантюристы прославили разведку. Вспомните Лоуренса Аравийского.

– Не примеряй на себя чужие лавры, – пыхнул в лицо эксперту сигарным дымом Снайпс. – Итак, кого выбрал твой Коламбус?

– Одного аналитика из Разведывательного директората – Клайва Флиндерса. Именно ему предстоит перевоплотиться в профессора экономики Массачусетского университета Патрика Моргана.

– Почему ты пришел без него?

– Собираясь к вам, я позвонил ему, поэтому рассчитываю, что он уже сидит в вашей приемной.

Снайпс нажал на кнопку селекторной связи и спросил у секретаря:

– Молли, ко мне есть посетители?

– Да, мистер Снайпс, к вам только что пришел мистер Флиндерс.

– Пусть войдет.

Спустя несколько секунд порог кабинета переступил невысокий очкарик средних лет с уже проступающими залысинами на лбу и пивным животиком. На его лице, украшенном аккуратной бородкой и усами, было написано некоторое смущение: было видно, что вызов к самому заместителю директора ЦРУ является для него событием неординарным. Не выпуская сигару из рук, Снайпс поднялся со своего места и молча обошел гостя вокруг, внимательно разглядывая его лицо и фигуру со всех сторон. Гость при этом хранил молчание.

Вернувшись к столу, Снайпс уже оттуда обратился к гостю:

– Мистер Флиндерс, надеюсь, вы понимаете всю меру той ответственности, которая от вас требуется? Справитесь?

– Думаю, да.

– Как-то неуверенно вы это сказали.

– Я просто немного волнуюсь. С того момента, как мистер Альварес ввел меня в курс дела, у меня было достаточно времени, чтобы все хорошо взвесить. Поэтому сейчас я могу с уверенностью сказать: я готов послужить своей родине – Соединенным Штатам Америки.

– Похвальное рвение, – похвалил гостя Снайпс. – Надеюсь, оно поможет не только вам, но и всем нам в том опасном, но благородном деле, которое мы затеяли. Можете идти, мистер Флиндерс.

Едва за гостем закрылась дверь, как Снайпс вновь обратил свой взор на Альвареса.

– Твой Коламбус выбрал именно его? Неужели красавца Фараона можно превратить в этого пузатого и очкастого аналитика с залысинами и козлиной бородкой?

– Я показал Чаку более двадцати наших сотрудников, и он выбрал именно этого. Я привык ему доверять.

– Ну не знаю, – развел руками Снайпс.

Его сигара давно погасла, но зажигать ее снова он не торопился.

– Что вас смущает, босс?

– У него же пивной живот?!

– Ну и что, сделаем для Фараона такой же, но накладной. В нашем отделе их не одна сотня, причем разных размеров. Выберем несколько и сегодня же вышлем с дипломатической почтой в Москву вместе гримерным кофром Чака и видеозаписью пеших прогулок Флиндерса.

Пусть Вишнев посмотрит и потренируется. А завтра в посольстве Чак эти навыки закрепит.

– Ты уверен, что со стороны накладной живот никто не заметит?

– Внешняя поверхность накладки весьма натурально имитирует человеческую кожу. Впрочем, показывать ее Фараону не придется: поверх рубашки у него будет надет джемпер, который надежно скроет те участки тела, которые могут обнажиться в прорезях рубашки.

– А если на него обратят внимание в аэропорту?

– Это не понадобится: как только он выйдет из посольства и скроется из поля зрения русской контрразведки, от накладного живота можно будет избавиться. И в Штаты он вылетит без него, да еще под другим именем.

– Ты уже придумал, как мы переправим в Москву «куклу» и Коламбуса? – после некоторой паузы поинтересовался Снайпс.

– Вариантов было не слишком много, но выбор сделан. Завтра в Москве открывается Международный экономический форум с участием представителей пятидесяти стран. Количество участников – около одной тысячи человек. Скажем прямо, удобное для нас количество: можно легко затеряться. Нашу страну должна представлять внушительная делегация экономистов и экспертов из двадцати одного человека, трое из них женщины. Мы добавили к ним двух наших людей, причем Коламбус и Флиндерс поедут в Москву под чужими именами как эксперты по экономике Самуэль Гришэм и Патрик Морган.

– Каков процент риска?

– Минимальный. Русские наверняка будут отсматривать всех членов вашей делегации на предмет внешней схожести с Фараоном. Поскольку женщины не в счет, значит, остается ровно двадцать подозреваемых. Большинство из них никак не подходят под параметры Вишнева. Зато три человека почти идеально подходят под параметры нашего агента: у них приблизительно такой же рост, такая же комплекция. Флиндерс подходит по росту, овалу лица, но в остальном является его полной противоположностью. Этаким типичный полноватый и сутулый мужичок, увлекающийся пивом и гамбургерами из «Макдоналдса». Значит, шансов попасть в список подозреваемых у него крайне мало.

– Но включение в делегацию этих двоих делается накануне вылета, значит, у русских есть шанс их заподозрить?

– Список делегатов на форум давался приблизительный: в него вошли лишь те семеро делегатов, у кого будут выступления с докладами. Имена остальных до последнего момента не оглашались, было известно лишь точное количество приглашенных – от двадцати до двадцати пяти человек.

– Однако наша парочка с докладами не выступает, значит, может первыми угодить под подозрение. Ведь если русские заподозрят кого-то из делегатов в сотрудничестве с нами, они первым делом обратят внимание на то, имеют ли они отношение к экономическим проблемам. Значит, особый интерес у них вызовут те деятели, которые не только внешне похожи на Фараона, но и не выступают с докладами.

– Логично, босс, – по тому, как Альварес это произнес, было видно, что он оказался озабочен выводами своего начальника. – Но, полагаю, и эта проблема разрешима. Сразу по прилете в Москву глава нашей делегации подаст заявку на выступление Флиндерса где-то через пару-тройку дней после начала конференции. К тому времени Фараон уже должен будет покинуть Россию.

– Русские по этому поводу обычно говорят: «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь».

– Что такое «гоп»?

– Короче, не хвались раньше времени. Когда вылет?

– Сегодня рейсом «American Airlines» из аэропорта Даллеса в четырнадцать ноль пять по-нашему времени. Сначала долетят до Вены, откуда после часовой остановки проследуют в Москву. В аэропорту «Домодедово» они будут завтра в одиннадцать пятнадцать утра по местному времени. За пару часов до их прилета наши посольские коллеги в Москве должны запустить в дело операцию «Ящик» – отправку дипломатической вализы в виде большого ящика в Штаты. Русские наверняка будут всячески препятствовать его отправке сюда, что переключит значительную долю их внимания в Шереметьево. Все это будет на руку Чаку и Флиндерсу.

– Как они попадут в наше посольство в Москве?

– Естественным образом. Специально для участников форума еще две недели назад в нашем посольстве назначен прием, что должно гарантировать отсутствие особых подозрений со стороны русских.

– Не считай их идиотами, Луис, тем более сейчас, когда они блокируют наше посольство, – Снайпс бросил недокуренную сигару в пепельницу и встал из-за стола. – Знаешь, что по этому поводу говорят на Востоке: «Не держи шакала за собаку – останешься без руки». Когда назначен прием?

– Завтра в восемь вечера по московскому времени. В четыре часа дня открывается форум, а уже в восемь наша делегация должна присутствовать на светском рауте в посольстве. Он продлится несколько часов, так что у Чака будет достаточно времени для того, чтобы превратить Фараона во Флиндерса.

– А если русские на входе выставят не только визуальный, но и дактилоскопический контроль, ты об этом подумал?

– Насколько я знаю, до этого момента им это в голову не приходило.

– А если завтра внезапно возьмет и придет?

– Сомневаюсь, что наш Госдеп будет это терпеть.

– Плевать они хотели на наш Госдеп: он далеко. Возьмут и установят контроль, а при этом скажут: хотите попасть в посольство – сдавайте отпечатки пальцев, нет – убирайтесь восвояси. И как тогда Фараон покинет посольство?

– Хорошо, я закажу нашим специалистам сделать дубликаты отпечатков Флиндерса.

– Успеешь до отлета?

– Успею, в запасе несколько часов. А скатать у Флиндерса отпечатки и нанести их на спецпленку займет от силы часа полтора. Технология откатанная. Завтра Фараон наклеит их на свои пальчики и спокойно минует все кордоны русских.

– Снова напомнить тебе про русский «гоп»?

– Хотите пари? Нет проблем: ставлю свой трехэтажный дом на Потомаке против вашего неверия. Чак преобразит Фараона так, что его родная мать не узнает. Предлагаю назвать эту операцию «Матрешка».

– Почему именно так?

– Это популярный русский сувенир, в котором большая игрушка скрывает маленькую.

– Хорошо, что дальше?

– Миновав русский кордон, Фараон натурализуется. И уже спустя несколько часов покинет Россию.

– Ты забыл сказать, что в это время будут делать русские?

– Попытаемся их отвлечь, есть несколько хитростей на этот счет. Детали пока прорабатываются.

Поймав на себе вопросительный взгляд босса, Альварес уточнил:

– Переключим их внимание на ящик в Шереметьево, а также на ложный звонок из пригородов Москвы. Таким образом создадим у русских впечатление, что наши люди все еще находятся в России. Уверен, эти хитрости сработают. И вообще, как только Фараон пересечет посольский кордон, можно почти с уверенностью говорить о том, что мы оставили русских в дураках.

– Почему ты говоришь «почти»?

– Потому что случайностей в нашем деле никто еще не отменял.

– Но ты понимаешь, что такая случайность лишит тебя твоего трехэтажного дома на Потомаке, который ты пять минут назад выставил на кон?

– Понимаю, но надеюсь, что случайностей в этот раз не будет. Мы обязательно надерем задницу русским, не сомневайтесь.

* * *

Египет, город Каир. Отель «Найл Хилтон»

Максимов сидел за столиком в баре и уже в который раз выслушивал от Томпсона восторги по поводу своего освобождения. Режиссер уже изрядно набрался виски, поэтому в выражении своих чувств не стеснялся, а Максимов вынужден был это все выслушивать, хотя мысли его в этот момент были совсем в другом месте – в номере Янга, расположенном на восьмом этаже отеля. Именно туда американец отправился от них пять минут назад, получив срочный звонок на мобильный. Как догадался Максимов, Янга попросили подняться наверх для срочного разговора с Лэнгли. Максимов многое бы отдал, чтобы хотя бы краем уха послушать, о чем шла речь в этом разговоре. Впрочем, после того как он вчера сыграл с Янгом ва-банк в тюремной камере полицейского участка, он прекрасно понимал, что главные секреты этого телефонного диалога американец просто обязан до него донести. Особенно в той ее части, где речь могла идти о

московском затворнике – Фараоне. Поэтому надо просто запастись терпением и дожидаться возвращения американца.

– Куда, черт побери, запропастился этот пройдоха? – наливая в пустой стакан Янга очередную порцию виски, спросил Томпсон. – Бьюсь об заклад, у него какое-то амурное свидание.

– Разве Саймон давал повод заподозрить его в чрезмерной любвеобильности? – усмехнулся Максимов, прикрыв ладонью свой стакан, чтобы режиссер не плеснул туда виски: с него было достаточно.

Томпсон встретил этот жест с удивлением:

– Я хотел провозгласить тост за Янга. Он хоть и большой пройдоха, но именно ему вы, Иван, обязаны своим освобождением.

– За него мы уже пили в самом начале, – напомнил режиссеру Максимов.

– Ну и что, за такое дело не грех выпить и дважды.

– Вот вы и пейте, а мне достаточно, – не убирая ладони со стакана, упорствовал Максимов.

Томпсон какое-то время подержал свой стакан на весу, после чего молча опрокинул его содержимое в себя. В качестве закуски на столе присутствовали соленые орешки, которые Томпсон брал из тарелочки горстями.

– И все же, Иван, у меня до сих пор не идет из головы вопрос: кому понадобилось выбрасывать этого несчастного старика с вашего балкона? – проглотив орехи, прервал затянувшуюся паузу Томпсон. – Кто эти изверги?

– По этому поводу Саймон вам уже, кажется, ответил: это могли быть конкуренты «Индастри электроникс». Они специально заманили старика ко мне в номер, чтобы было на кого свалить это убийство. Ведь я знал Трейси и даже хотел взять у него интервью.

– Да, я знаю, – кивнул головой Томпсон. – То же самое сказал мне и тот следователь, к которому меня сегодня направил Янг. Дескать, это настолько серьезные конкуренты, что им удалось отключить видеокамеры на вашем этаже и раздобыть дубликат ключа от вашего номера. Но меня все равно неотступно преследует мысль, что здесь дело не столько в бизнесе, сколько в большой политике. Что Трейси сунул свой нос в какие-то темные политические делишки и именно за это его убрали. А Янг просто боится нам об этом говорить.

– У вас есть какие-то веские причины так думать? – Максимов хоть и насторожился, но попытался придать своим словам несколько отстраненную интонацию.

– У меня есть только мои подозрения. А базируются они на тех сведениях, которые я почерпнул из давних разговоров про «Индастри электроникс», услышанных мною от разных людей.

– И что это за разговоры?

Прежде чем ответить, Томпсон оглянулся себе за спину, видимо чтобы удостовериться, не возвращается ли Янг, после чего придвинулся поближе к собеседнику и, дыша перегаром, сообщил:

– Ходят слухи, что за «Индастри электроникс» стоит ЦРУ.

– Вы это серьезно?

– Вполне. Я давно хотел вам сказать, чтобы вы были поосторожнее с Янгом, да все не было веского повода. Но после того, что случилось с Трейси, мой вам совет: будьте начеку.

– Да вы же только что дважды провозглашали тосты за Саймона? – искренне удивился Максимов.

– Поднимал, ну и что? Я же пил за конкретный поступок Янга – за то, что он надоумил меня отправиться к вашему следователю и выступить свидетелем вашего алиби. Но это вовсе не означает, что во всем остальном я доверяю этому сукиному сыну. Мне вообще кажется, что к следователю он отправил меня не случайно. Это явно сделано с умыслом.

– Каким интересно?

– Вот этого я не знаю, – Томпсон развел руками и откинулся на спинку стула. – Но прошу вас: будьте теперь трижды осторожны, когда общаетесь с Янгом. Этот человек говорит одно, думает второе, а делает третье. Сушая змея.

– О какой змее идет речь? – к столику вернулся Янг, который успел услышать последнюю фразу режиссера.

– О вашем госсекретаре Хилари Клинтон, – выручил своего собеседника Максимов. – Помните, в марте 2009 года на встрече с нашим министром иностранных дел она нажала на символическую красную кнопку, объявив на весь мир о перезагрузке отношений между США и Россией? Но, как выяснилось, это был всего лишь ловкий трюк: ваш госсекретарь имела в виду, что перезагрузиться должна одна Россия, а США будут вести себя, как и прежде, наступая на наши

интересы везде, где только это возможно. В том числе и на Ближнем Востоке.

– К бабам в политике я всегда относился плохо, – усаживаясь на стул, произнес Янг. – Но именно с Хилари у меня начался процесс переосмысления моего отношения. Помните, как она вставила фитиль вашему президенту, Иван, когда заявила, что у бывшего сотрудника КГБ по определению не может быть души? А ее слова о том, что Америка победила во всех последних войнах от Второй мировой до холодной и впереди у нее лишь новые победы? Нет, эта баба явно не промах.

– Вы забыли также упомянуть, как эта ваша баба-«не промах» радостно кричала «Вау!», когда смотрела на кадры жестокого убийства Муамара Каддафи, – напомнил Максимов своему собеседнику еще один известный эпизод из биографии его кумира.

– Туда ему и дорога, – берясь за стакан с виски, ответил Янг. – Мы, американцы, народ простой: когда видим смерть диктатора, то искренне выражаем свой восторг. Вам бы, русским, у нас поучиться. А то вы вечно ходите с кислыми или серьезными физиономиями, отпугивая от себя людей.

– Вы здесь пока поспорьте, а я пойду отолю, – поднимаясь со стула, произнес Томпсон и нетвердой походкой направился в сторону туалетной комнаты.

Едва он удалился, как Максимов подался вперед и обратился к американцу:

– Я надеюсь, Саймон, что когда вы станете активно сотрудничать с моим ведомством, число счастливых россиян начнет увеличиваться в геометрической прогрессии. Поэтому не тяните кота за хвост – начните это делать прямо сейчас. У вас был разговор с Лэнгли?

Янг ответил не сразу. Допив виски, он поставил стакан на стол и достал из пачки сигарету. Щелкнув зажигалкой, он прикурил и только потом ответил:

– Да, я имел разговор со своим боссом. Мне с трудом удалось отбрехаться по поводу вашего освобождения, свалив это дело на египтян. Объяснил ему, что в деле появился новый свидетель – американец Роджер Томпсон, показания которого самым серьезным образом повлияли на ход следствия. Короче, вас отпустили за недостатком серьезных улик и под давлением вашего посольства.

– Что по поводу Фараона?

– Пока ничего конкретного. Но босс намекнул, чтобы я был готов к вылету в Штаты, когда Фараона доставят в Лэнгли. Как-никак я его «крестный отец», и со мной ему будет легче адаптироваться на новом месте.

– Когда должен состояться ваш вылет?

– Я же говорю, что ничего конкретного сказано не было. Прозвучала только фраза: «Будь готов к скорому вылету».

– Саймон, вы помните, о чем я вас предупреждал сегодня в тюремной камере? Что как только Фараон окажется в Штатах, там же окажутся и материалы о ваших итальянских делишках. Так что постарайтесь сделать так, чтобы ваш крестный никуда не вылетел.

– Вы толкаете меня на детоубийство, – по губам Янга пробежала усмешка.

– Ошибаетесь, в нашей стране действует мораторий на смертную казнь. Так что большее, что грозит вашему отпрыску – пожизненное или двадцать пять лет тюремного заключения в зависимости от степени его вины. Зато у вас во многих штатах смертная казнь пока не отменена. Впрочем, об этом мы с вами сегодня уже говорили.

Спустя минуту к их столику вернулся Томпсон. Увидев пустую бутылку из-под виски, он помахал официанту рукой, чтобы тот принес им новую порцию горячительного напитка. Но Максимов поднялся из-за стола:

– Друзья мои, я должен вас покинуть. Суточное пребывание в тюремной камере не пошло мне на пользу. Я хочу принять душ и завалиться на мягкую кровать, о которой я так мечтал, отлеживая бока на нарах. Если возникнет нечто срочное, звоните мне в любое время.

Последняя фраза предназначалась прежде всего Янгу, от помощи которого теперь во многом зависел успех поимки Фараона.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

Утреннее заседание оперативного штаба ФСБ прошло в кабинете Кондратьева, поскольку директор ФСБ и начальник Службы контрразведки были срочно вызваны в Администрацию Президента. Докладывал Жмых, который полчаса назад получил последнюю информацию о ситуации вокруг посольства США:

– Здание оцеплено по всему периметру нашими людьми и сотрудниками полиции. Всего в этой операции задействовано тридцать наших сотрудников и полсотни полицейских. Возле главных ворот развернут пропускной пункт, который проверяет все отъезжающие и все въезжающие в посольство машины, а также людей.

– Что американцы, не ропщут? – спросил Кондратьев.

– Грозят Международным судом ООН, но в целом ведут себя вежливо. Насколько я знаю, сегодня они встречаются с нашими мидовцами, чтобы официально договориться о «фэйр плэй» – честной игре. Хотят дать обещание, что не станут вывозить Вишнева на любой из своих посольских машин. Только я лично сомневаюсь.

– В чем – что подпишут?

– Нет, в том, что американцы станут соблюдать это правило. Вернее, по части автомобилей, может, и не обманут, но вот в части других средств...

– Есть какие-то подозрения?

Вместо ответа Жмых полез в свою папку и извлек на свет фотографию, которую передал генералу. На фото был запечатлен большой деревянный ящик с надписями на английском языке. Как понял Кондратьев, это была вализа – дипломатическая почта в виде контейнера в человеческий рост.

– Сегодня рано утром эта вализа поступила на таможенно аэропорта Шереметьево от лица американского посольства. В сопроводительных документах указано, что в ящике находится комплектация от секретного оборудования. Вес груза – более трехсот килограммов.

– И что, ящик приняли к отправке? – глядя поверх очков, спросил Кондратьев.

– Обижаете, Федор Иванович. Задержали под надуманным предлогом, якобы по новой инструкции маркировка нанесена неправильно. Короче, пока ящик находится в Шереметьево.

– И долго его можно будет так мариновать?

– Таможенники хоть и обещают протянуть это дело как можно дольше, но три-четыре дня – это максимум.

Сняв очки и положив фотографию на стол, Кондратьев откинулся на спинку кресла и, глядя на Жмыха, произнес:

– Кажется, Глеб Сергеевич, начинается. Сначала американцы объявляют о «честной игре», а потом посылают в аэропорт этот ящик. От нас с вами требуется понять: это звенья одной цепи или разной?

– В каком смысле?

– Я имею в виду, американцы согласились не провозить Вишнева в своих автомобилях потому, что он уже сидит в ящике, или это всего лишь обманный ход?

– Но если он в ящике, а мы его будем мариновать не один день, сколько он там протянет? Помните, Алмазов говорил, что долго это сделать еще никому не удавалось.

– Если следовать вашей логике, тогда получается, что Вишнева в ящике нет и это обыкновенная подстава. Своего рода отвлекающий маневр.

– Тогда в чем заключается главный маневр?

– Надо думать, – Кондратьев снова взял фотографию в руки и еще раз внимательно на нее посмотрел. – А ящик-то вместительный. Как говорил незабвенный Аркадий Исаакович Райкин: «Ванна глубокая, огурцы можно солить...» Где же, интересно, скрывается наш «огурец»? В Большом Девятинском переулке или в ящике? Кстати, что там в посольстве, оно живет привычной жизнью?

– Да, как обычно, наш человек внутри него передает, что некоторое напряжение присутствует, но оно мало заметно. Все отделы работают в привычном режиме, даже светские рауты проводятся. Например, сегодня вечером намечается очередной.

– Чему посвящен?

– В Москве вот уже неделю проводится выставка американской живописи в Доме-музее Марины Цветаевой. Сегодня последний день ее работы, поэтому сразу после закрытия участники выставки приглашены на упомянутый раут в американском посольстве.

– То есть он сверстан давно?

– В том-то и дело, что да, еще две недели назад. Кроме этого, сегодня в Москве открывается Международный экономический форум, в котором принимает участие и американская делегация в составе

двадцати трех человек. Они тоже приглашены на светский раут. Помимо этого среди гостей есть несколько американских рок-музыкантов, которые принимали участие в рок-фестивале, проходящем в Подольске. Еще на раут приглашены ряд дипломатов из разных посольств, бизнесмены. Многие придут со своими вторыми половинами.

– Наших людей туда можно внедрить?

– К сожалению, нет, – развел руками Жмых. – У нас есть человек среди работников посольского бара, но на эту вечеринку будут набираться официанты из какого-то ресторана. Какого, мы, увы, не знаем. Так что придется действовать вслепую.

– Список всех гостей у нас имеется?

Жмых вновь полез в свою папку и извлек оттуда лист с гостевым списком людей, приглашенных на сегодняшний раут. Кондратьев, вновь водрузив на нос очки, погрузился в чтение. Затем произнес:

– Состав внушительный – семьдесят четыре человека приглашенных. Но нас могут интересовать лишь вот эти двадцать три – участники экономического форума. Они прилетают к нам сегодня, а это означает, что, скорее всего, именно среди них находятся люди, которых ЦРУ могло привлечь к операции по переправке Вишнева. Помните операцию «Арго», о которой нам рассказал Алмазов?

– Думаете, они решатся на ее повторение?

– Как говаривал мой учитель в Высшей школе КГБ: «Чем черт не шутит, а американцы хуже черта». Когда прилетают наши гости?

Жмых взглянул на свои часы:

– Через час должны приземлиться в Шереметьево.

– Пока они летят, наведите, пожалуйста, подробные справки о каждом. И еще не помешало бы получить консультацию у хорошего гримера. Свяжитесь с нашими «поисковиками».

Речь шла о специалистах по гриму из Оперативно-поискового управления ФСБ.

– С кем-то конкретно? – спросил Жмых.

– Хорошо бы привлечь Матвея Георгиевича Корзуна. Я знал его еще тогда, когда он работал на «Мосфильме». У него золотые руки, он гримировал всех наших выдающихся актеров. Но главное, у него наметанный глаз.

– Так, может, вам самому ему позвонить? – предложил Жмых.

– Договорились, – улыбнулся Кондратьев. – Сделаю это сам, а вы займитесь делегатами из Америки.

* * *

***Москва, Большой Девятинский переулок, дом 8.
Посольство США в РФ***

Откинувшись на спинку кожаного кресла и закрыв глаза, Вишнев держал в руке бокал с апельсиновым соком и медленно потягивал его через трубочку. События минувших суток изрядно потрепали ему нервы, и даже здесь, в американском посольстве, он никак не мог расслабиться, поскольку американцы надумали устроить ему целую серию бесед, с тем чтобы выудить из него наиболее ценные сведения и оперативно переправить их в Штаты. Вишнева поначалу это насторожило. Когда резидент ЦРУ в Москве Лоренс Макфи оповестил его об этих беседах, Вишнев резонно поинтересовался:

– Вам не терпится вытрясти из меня эти сведения, потому что вы боитесь моей скорой выдачи русским?

– Боже упаси, мистер Вишнев, – замахал руками Макфи. – Просто нашим коллегам в Белом доме и Госдепе срочно нужны ваши сведения, чтобы скоординировать свои действия в свете последних событий. И особенно перед поездкой вашего президента в Иорданию. Вы, как мы знаем, должны были отправиться туда в составе президентского пула?

Вместо ответа Вишнев кивнул головой: он сообщал об этом американцам в одной из своих недавних шифровок.

Всего за эти сутки состоялись две часовые беседы, во время которых Вишнев обрисовал американцам внутреннюю ситуацию в руководящих сферах российского МИДа, а также на Старой площади, в Администрации Президента. Он старался говорить лишь то, что знал, но иной раз его все же заносило – для пущей убедительности ему приходилось опираться на собственные умозаключения, не подтвержденные какими-либо фактами. Американцы, которые вели эти беседы – помимо резидента на них присутствовал его заместитель и один из дипломатов, – кажется, догадывались об этом, но не делали Вишневу никаких замечаний. Они знали, что запись этих бесед будут

прослушивать на Капитолии компетентные люди, которые в случае необходимости найдут возможность уточнить у Вишнева все сомнительные моменты его рассказа лично, после его прилета в Штаты.

Десять минут назад завершилась вторая беседа и американцы сделали небольшой перерыв, оставив перебежчика в кабинете одного. Уходя, они сообщили ему приятную новость: в Шереметьево приземлился самолет, на борту которого находились люди, с помощью которых он должен будет перебраться в США. Услышав это, Вишнев испытал двоякое чувство: с одной стороны у него как будто камень с души свалился, а с другой – его охватил ужас от одной мысли о том, что ему очень скоро придется покинуть территорию посольства, где он чувствовал себя в относительной безопасности. Он боялся, что чекистам удастся разоблачить действия американцев и схватить его до того, как он покинет пределы своей уже бывшей родины. И хотя смертная казнь ему при таком раскладе все же не грозила, однако перспектива оказаться на четверть века за решеткой радовала мало. «Мне даже передачи носить будет некому», – поймал себя на неожиданной мысли Вишнев. Это было сущей правдой. Из родителей в живых у него остался лишь отец, с которым у него давно были натянутые отношения. Наверняка, узнав о том, что вчера учудил его отпрыск, отец, всю свою сознательную жизнь считающий себя убежденным коммунистом (он даже партбилет не выбросил), порвет с ним всяческие отношения. То же самое можно было сказать и про тестя, которого сегодня, как Вишнев прочитал в прессе, отправили в отставку. Из-за зятя, между прочим, а такое не прощается. Остается жена, но и на нее у Вишнева были слабые надежды. Их брак давно превратился в чисто формальный, а с его стороны и вовсе издевательский. В последнее время он изменял жене почти в открытую, а она вынуждена была закрывать на это глаза, опасаясь остаться наедине со своей инвалидностью. Вряд ли она станет поддерживать его в тюрьме, памятуя о его поведении. Впрочем, с женой было не все так однозначно. «Среди русских женщин часто встречаются мазохистки: чем сильнее их унижаешь, тем больше они к тебе привязываются», – подумал Вишнев, теребя во рту бесполезную трубочку. Сок в стакане давно закончился, но открывать глаза и доливать новую порцию не было ни сил, ни желания.

В это время дверь в кабинет отворилась: вернулись участники беседы. Вместе с ними в помещение ворвался запах дорогих сигарет, которые они успели выкурить в специально отведенной для этого комнате. Сам Вишнев не курил: бросил два года назад, увлекшись йогой.

– Продолжим, мистер Вишнев? – усаживаясь в кресло во главе стола, спросил Макфи.

– Я готов, – отставляя пустой стакан в сторону, ответил Вишнев.

– Мы остановились на позиции российского президента по поводу событий в Сирии. Буквально несколько минут назад из нашего Госдепа пришла уточняющая шифрограмма, в которой сообщается, что в ближайшее время Москву собирается посетить принц Саудовской Аравии. С нашей подачи он собирается предложить вашему президенту...

– Он уже не мой президент, – поправил американца Вишнев.

– Простите, вы правы. Так вот, он собирается предложить российскому президенту следующий вариант. Саудиты обязуются закупить российское оружие на пятнадцать миллиардов долларов, а также перестанут соперничать с Россией в поставках газа в Европу, что тоже гарантирует вашей стране... простите, бывшей вашей стране большие долларовые дивиденды.

– И все это ради того, чтобы Россия перестала поддерживать сирийские власти и не блокировала в ООН резолюции по Сирии? – уточнил Вишнев.

– Совершенно верно, – подтвердил Макфи.

– Ерунда, Россия на это не пойдет. Ведь в случае падения Асада в Сирии воцарятся ваши марионетки, которые проложат газопровод через Сирию и Турцию в Европу. И те договоренности Катара с Россией, о которых вы только что упомянули, будут растоптаны.

– Полагаете, что русских нельзя обмануть?

– При нынешнем президенте это исключено, с ним такие сделки не пройдут. Я же вам уже говорил, что это особый человеческий тип – жесткий прагматик, который не любит проигрывать и предавать кого-либо. А предложение саудитов при всей его привлекательности – форменное предательство за экономические преференции. Выиграв в деньгах, Россия сначала проиграет в репутации, а затем еще и финансово. Но это еще не все. В российском руководстве прекрасно

осведомлены о том, что положение «Братьев-мусульман» в Египте неустойчиво – там вот-вот может начаться очередная «цветная революция». И такое развитие событий крайне выгодно Катару и Саудовской Аравии, которых «Братья-мусульмане» тоже не устраивают. Им ближе салафиты собственной выучки. Поэтому сразу возникает вопрос: то оружие, которое Россия согласилась бы продать Катару, оно куда пойдет в первую очередь? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: оно пойдет тем структурам, которые будут участвовать в свержении президентской власти в Египте. После чего ваши СМИ наверняка обвинят российское руководство в том, что оно поставляет оружие хунте, расстреливающей свой народ. Президенту России это надо?

– Как вы думаете, во время переговоров в Иордании он будет столь же жесток, как в случае с Катаром? – продолжал задавать вопросы Макфи.

– Уверен, что так и будет. Он и в Азербайджан следом поедет, чтобы продемонстрировать всему миру, а особенно вам, американцам, что он не собирается ни в чем уступать. Россия не заинтересована в том, чтобы район Каспия достался только Западу: у нее тоже есть там стратегические интересы, которые тянутся еще с советских времен. Вы почему-то поверили в то, что Азербайджан теперь будет безоговорочно дрейфовать в сторону США и Турции, поскольку у России нет против этого дрейфа никаких козырей. Но они, к сожалению, есть.

– Вам о них что-то известно? – напрягся Макфи.

– Я узнал о них буквально пару дней назад. По моим сведениям, Россия и Иран собираются провести совместные учения, кстати, впервые в своей истории. Это ответ вашему Белому дому на его попытки стимулировать Анкару начать объединение турецкой и азербайджанской армий.

– Белый дом не только наш, он с недавних пор еще и ваш, – поправил Вишнева Макфи. – Однако то, что вы сказали, очень серьезно. У вас есть какие-то подробности, касающиеся российско-иранских учений?

– Конечно есть, однако их я буду обсуждать с вашими чиновниками из Госдепа. Вы же понимаете, я должен иметь определенные гарантии того, что вы крайне заинтересованы в том, чтобы я поскорее попал к вам на родину. Открой я вам сейчас все свои

секреты, у вас отпадет желание бороться за меня до последнего. А так у меня будет шанс держать вас на поводке. Ведь та информация, которой я обладаю об этих учениях, а также о других секретных планах русских, может помочь вам обойти в поставке секретной информации вашего конкурента – Пентагон. Разве это не стимул для того, чтобы не сдавать меня русским?

– И снова вы сомневаетесь в наших добрых намерениях, господин Вишнев, – улыбнулся Макфи. – Повторяю: у нас и в мыслях не было вас сдавать. Мы всегда вас ценили, буквально с первого же дня, когда между нами был заключен контракт. С тех пор наша оценка вас как очень информированного источника нисколько не снизилась, даже наоборот, она только повысилась. Так что вам не стоит опасаться, Вашингтон и мы, работники посольства США в Москве, предпримем все усилия для того, чтобы наш с вами контракт продолжился. Мы вам друзья, а не враги.

– Вы тоже меня поймите, я профессиональный дипломат и прекрасно понимаю, что в политике друзей не бывает – только партнеры. А партнерские отношения подразумевают несколько иные подходы, чем это свойственно отношениям дружеским. Давайте не будем лукавить, а останемся реалистами.

– Вы продолжаете настаивать на том, что все нынешние рецидивы холодной войны, которые присутствуют в отношениях России и США, – это в большей мере личная инициатива вашего бывшего президента? – этот вопрос задал заместитель резидента Эдвард Нортон, который решил вернуть разговор в русло конкретных политических тем.

– Да, настаиваю. Он не любит вашу страну по каким-то личным причинам. А во-вторых, Америка всегда нужна была российской власти как образ абсолютного зла, пропагандистский жупел. Учтите, что мой бывший президент имеет дело с замедляющейся экономикой и с нарастающей волной протестов и поэтому вынужден отвечать нарастанием национализма, который часто перерастает в агрессивный антиамериканизм.

– А в российском МИДе много сторонников такой позиции вашего бывшего президента? – задал новый вопрос Нортон.

– Гораздо больше, чем тех, кто думает диаметрально наоборот. Причем в этом виноваты вы сами.

– Почему?

– Вы не готовы строить с Россией отношения на равноправной основе. И это понятно, ведь именно вы победили в холодной войне. Однако за двадцать минувших лет здесь подросло новое поколение, которое не хочет чувствовать себя в роли проигравшего. Оно достаточно амбициозно, чтобы с ним можно было обращаться столь пренебрежительно. Оно не хочет, чтобы его считали лузером, неудачником.

– Но вы же понимаете, что мы не можем вести себя с Россией на равных, это не в наших интересах, – вступил в разговор дипломат, до этого внимательно следивший за разговором. – Нынешний президент России стремится к тому, чтобы его страна стала сверхдержавой, а нас это не устраивает. Мы этого откровенно опасаемся. И знаете почему? Потому что ваша бывшая власть действует больше как клептократия, чем как власть. У нее даже отсутствует какая-либо связная идеология, причем даже реакционная. Вместо нее она руководствуется в основном стремлением к обогащению. Мы видим в России хищника, который способен на самые непредсказуемые действия.

– И слава богу, что вы это видите и сопротивляетесь, – улыбнулся Вишнев. – Я тоже не хочу, чтобы Россия поднялась, поэтому и перешел на вашу сторону. Но ваше мнение относительно России разделяют далеко не все ваши коллеги в Вашингтоне. У многих в Америке еще существуют некие иллюзии, что с Россией можно о чем-то договариваться, играть в партнерские отношения. Это опасное заблуждение. Многие из ваших коллег, видимо, все еще находятся в эйфории от событий двухлетней давности, когда Россия сдала вам Ливию, отказалась продавать Ирану вооружение и разрешила вам перевозить через свою территорию снабжение для ваших войск в Афганистане. Но время идет, все меняется. Вам надо понять, что Россия сейчас уже иная, чем несколько лет назад.

– В чем выражается эта инакость, на ваш взгляд? – продолжал допытываться дипломат.

– Все, что ему было нужно, мой бывший президент от вашего уже получил. Например, фактическое вето на американскую политику от Сирии до противоракетной обороны, а также бездействие в условиях скатывания России к самовластию. Ваша администрация подвергла опасности основной американский интерес – способность действовать

в одностороннем порядке или с союзниками, — обменяв его на российское сотрудничество по вопросам второго порядка.

— Что имеется в виду под вторым порядком?

— Например, санкции против Ирана. Их ваша администрация поставила впереди гораздо более важных вещей, а именно вопросов европейской ПРО и сближения с Грузией. В итоге получается, что вы проявляете готовность пожертвовать некоторыми американскими интересами и союзниками ради учтивости и вежливости в отношениях с Россией. Отказываетесь от интервенции в Сирии и в других странах без соответствующих резолюций ООН, а также отменяете планы размещения элементов противоракетной обороны в Европе, которые были согласованы с НАТО.

— Интересно, как бы вы поступили на месте нашей администрации? — в разговор вновь вступил Макфи.

— Например, в сирийском вопросе я бы ускорил прямое военное вмешательство вашей страны в этот конфликт, поскольку иначе вам Асада не свалить. Вы уже почти два года пытаетесь это сделать, но толку мало. Более того, сирийская оппозиция терпит поражение от сирийской армии. Так вы доиграетесь до ее полного уничтожения.

— У вас есть какой-то конкретный план? — поинтересовался Макфи.

— Надо устроить руками оппозиции какую-нибудь громкую провокацию, вроде химической атаки, и свалить ее на Асада. И здесь я бы вам очень мог пригодиться, выступив в Конгрессе с заявлением о том, что русские долгое время снабжали сирийский режим химическим оружием.

— Это же неправда, — подал голос Нортон.

— Зато в моих устах ей поверит весь мир. После такого заявления вам гораздо легче будет заручиться поддержкой ваших союзников, среди которых наверняка найдутся такие, кто не захочет участвовать в военной операции, не имея на руках убойные доказательства вины Асада. Вот тут и пригодится мое заявление.

— Полагаю, что ваше предложение крайне заинтересует наших вашингтонских коллег, — не скрывая своего удовлетворения от услышанного, заявил Макфи. — Что еще вы можете предложить?

— Я дал бы понять Москве, что ничто не мешает нам начать вооружать кавказских сепаратистов, которые создадут серьезные

проблемы в сфере российской безопасности. Этих проблем в Кремле сильно боятся.

– Вы полагаете, что подобный шантаж возымел бы нужное действие?

– Это не столько шантаж, сколько попытка показать, кто в доме хозяин. Ведь ваша страна обгоняет Россию по всем ключевым показателям. Например, ваша экономика в восемь раз превосходит российскую, зависящую от нефти и газа. А армия? Да, на вооружении у России в данный момент крупнейший в мире ядерный арсенал, но российские боеголовки стремительно устаревают. Так пользуйтесь своей силой, давите на Россию. А вы вместо этого с ней либеральничаете, играете в партнерство. Или пытаетесь обмануть посредством нехитрого мошенничества.

Заметив в глазах своих собеседников невольный вопрос, Вишнев пояснил:

– Я имею в виду новую разоруженческую идею вашего президента – совместное с Россией сокращение ядерных ракет на треть. На что мой бывший президент заявил, что не допустит снижения эффективности своих ядерных сил. То есть он легко разоблачил вашу хитрость. Ведь у вас вдвое больше боеголовок, чем у России, а это значит, что, прими она ваше предложение, их у нее станет еще меньше. Более того, при вашей экономике быстро восстановить уничтоженное не составит большого труда. Чего не скажешь о России. Кроме этого, в мировой ядерный клуб, помимо Америки и России, входит еще более десяти государств, причем многие из них члены НАТО. Поэтому, если продолжать ядерное сокращение только на уровне США и России, то это поставит Москву в крайне невыгодное положение. Вот и спрашивается, на какую реакцию здесь рассчитывал ваш президент, когда выдвигал эту разоруженческую идею?

– У вас и на этом направлении есть какие-то свои предложения? – вновь поинтересовался Макфи.

– Конечно есть. Вам надо постараться как можно скорее разместить свои системы ПРО в Румынии и Польше – наиболее опасных для России направлениях. Ведь крейсеру или эсминцу ПРО сложно приблизиться к границам России незаметно. А вот противоракеты в стандартных блоках универсальных вертикальных

пусковых установок с территории этих стран будут постоянно нацелены на Москву. Причем эти установки можно смонтировать, например, в стандартном морском контейнере. Такие контейнеры могут оказаться где угодно, хоть в Прибалтике, поскольку проконтролировать это невозможно.

– Вы полагаете, что легко будет уговорить руководителей Румынии и Польши на такой вариант? – не скрывая удивления, спросил Нортон.

– Их надо не уговаривать, а заставлять, – жестко отреагировал на этот вопрос Вишнев. – А если будут упираться, тогда объяснить им, что в случае военного столкновения шансов у России на ответный удар мало. Есть двенадцать основных целей на ее территории, по которым вы ударите в первую очередь, лишив русских возможности эффективно защищаться.

– Согласно вашей же информации, русские уже знают об этой дюжине и предпринимают ответные меры – увеличивают количество таких целей, чтобы усложнить нам работу, – напомнил Макфи агенту Фараону одно из его собственных донесений.

– А это уже недоработки вашей контрразведки, которая до сих пор не может вычислить «крота», который снабжает русских подобного рода информацией. Здесь их контрразведка обыграла вашу: русский «крот» пребывает на свободе, а я вынужден уносить отсюда ноги.

– Назовем это относительным нашим поражением, поскольку вы все же находитесь не на Лубянке, а в нашем посольстве, где можете по-прежнему служить нашему общему делу, – внес необходимую поправку в слова Вишнева дипломат.

Эта умиротворяющая реплика послужила сигналом к тому, чтобы объявить очередной перерыв в разговоре. Тем более что наступило время полуденного ланча, во время которого почти вся деловая жизнь в посольстве замирала.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Кабинет Директора ФСБ***

Надев очки, директор ФСБ в течение нескольких минут внимательно изучал список американцев, прилетевших сегодня в Москву на Международный экономический форум. Все это время Кондратьев и Жмых сидели молча, погруженные в собственные мысли. Наконец директор оторвал глаза от списка и, взглянув на подчиненных, произнес:

– Судя по тому, что здесь написано, все приехавшие – солидные и компетентные экономисты.

– Вы правы, не придерешься, – согласился с выводом начальника Кондратьев. – Мы попытались пробить их непосредственно по месту их работы, на сайтах их университетов и научных центров – там тоже никаких зацепок. А времени на подробную их проверку у нас, увы, нет.

– Если среди этих людей есть сотрудники ЦРУ, то вряд ли стоит надеяться, что им не придумали соответствующих биографий, вывесив их на нужных сайтах, – откладывая список в сторону, произнес директор. – Другое дело, что очень быстро они это сумели сделать: и людей подобрать, и места им в делегации выбить, и биографии придумать. Может, мы ошибаемся – шарахаемся от каждой тени?

– Все может быть, – пожал плечами Кондратьев. – Кроме своей интуиции мне пока не на что опереться.

– И что же она вам подсказывает?

– Что среди этих делегатов вполне может прятаться человек, под внешностью которого Вишнев может покинуть пределы нашей страны. Поэтому мы с Глебом Сергеевичем и решили повнимательнее присмотреться к ним, а вернее к мужской половине делегации, поскольку те три дамы, которые фигурируют в списке вряд ли смогут подменить нашего клиента.

– Вы же сами говорили нам про авантюризм американцев, – напомнил Кондратьеву его собственные слова директор.

– Говорил, но всему есть пределы, – по лицу генерала пробежала тень улыбки. – Вторая серия фильма «Тутси» здесь явно не получится. Сделать из мужика женщину, конечно, можно, но слишком велик риск, да и времени у наших оппонентов не было. Поэтому эту версию мы отмели и сосредоточили свое внимание на представителях сильного пола, выделив из них четверых: по своим внешним данным они ближе всего подходят на Вишнева. Для этого четверо наших сотрудников уже

внедрились в число участников экономического форума и начали свои наблюдения за названными объектами.

– Помимо визуального наблюдения какие меры еще избраны?

– Оперативную технику в их гостиничных номерах мы не ставили из-за хлопотности такой установки. Нужные нам объекты поселились в отеле «Ленинградская-Хилтон», что на Каланчевке, сняли восемь представительских номеров на VIP-этаже. Если устанавливать технику, то надо будет охватить сразу четыре номера, а это увеличивает риск попасться на глаза. Поэтому мы пошли другим путем – слушаем объекты на удаленном расстоянии через их мобильные телефоны. Но пока положительных результатов нет.

– Из этих четверых американцев кто-то вызывает наибольшие подозрения?

– Это профессор экономики из Гарвардского университета Дэйв Саммерс. Он неоднократно приезжал в Москву, а впервые это случилось в первой половине 90-х, когда он был консультантом у наших чикагских младореформаторов. По нашим сведениям, Саммерс представлял интересы американского агентства USAID, связанного с ЦРУ.

– Не слишком ли это явно для американцев? – усомнился в версии Кондратьева директор ФСБ.

– Разделяю ваши сомнения, но присмотреться к нему все же стоит. Тем более что внешне он вполне подходит под параметры нашего перебежчика.

– А кто вам помогал определять эти внешние параметры?

– Привлекли одного человека из наших «поисковиков».

Встреча со специалистом по гриму из Оперативно-поискового управления ФСБ Матвеем Георгиевичем Корзуном у Кондратьева состоялась час назад. Пока он поднимался в лифте, генерал разложил на столе фотографии всех пятнадцати американцев, которые ему незадолго до этого принес Жмых. Фотографии были, что называется, с пылу с жару: всего лишь пару часов назад сотрудники ФСБ незаметно сняли в аэропорту на видео прибытие американской делегации, после чего сделали несколько десятков снимков, на которых члены делегации были запечатлены в разных ракурсах.

Едва гость переступил порог его кабинета, генерал, пожав ему руку, сразу же подвел к фотографиям и без всяких предисловий заявил:

– Матвей Георгиевич, время у нас ограничено, поэтому буду предельно лаконичен. Помогите, пожалуйста, выбрать из этих людей, изображенных на фото, того или, может быть, тех, под кого можно загримировать вот этого человека, – и Кондратьев ткнул пальцем в фотографию Вишнева, лежавшую отдельно от остальных.

Взяв указанное фото со стола, Корзун внимательно всмотрелся в лицо, после чего перевел взгляд на фотографии американцев. Начал он с первого, которым был глава делегации – пышнотелый мужчина со слегка косящим взглядом. Указав на него пальцем, Корзун заявил:

– А этого толстяка вы могли бы и сами отсеять: ни лицом, ни телосложением он на вашего героя явно не похож.

– Мы его и отсеяли, – улыбнулся Кондратьев. – А показали, чтобы вам было с кого размяться.

– Спасибо за заботу, – без тени улыбки на лице произнес Корзун, переводя взгляд на следующее фото. – Этого тоже можно отбросить – слишком худосочный. Да и лицо вытянутое, щеки впалые. Третий тоже не наш клиент – лицо круглое, уши оттопыренные, заячья губа. Нет, не подходит. А вот следующий – другое дело. Тот же овал лица, уши и нос похожие, только лоб повыше, но его можно спрятать, если слегка изменить прическу. Короче, этот годится.

Кондратьев взял со стола указанную фотографию и оставил ее у себя. А Корзун продолжил осмотр, медленно двигаясь от одной фотографии к другой. В итоге спустя двадцать минут в руках у Кондратьева оказались еще две фотографии мужчин, в которых мог перевоплотиться Вишнев, в том числе и Дэйва Саммерса. Наконец, на столе осталась два разных снимка последнего из членов делегации – Патрика Моргана (он же Клайв Флиндерс). На одном фото он катил позади себя чемодан (снимок демонстрировал его телосложение), на другой было изображено его лицо крупным планом.

– Этот человек ростом и элементами лица походит на нашего клиента, но некоторые статические данные, а также функциональные не совпадают. Исходя из этого...

– Извините, Матвей Георгиевич, за мою дремучесть, что имеется в виду? – перебил примера генерал.

– Функциональные данные или динамические – это походка человека, осанка, мимика и так далее. Статические данные, они же анатомические, определяют пол человека, его возраст, телосложение,

элементы лица и так далее. Так вот у этого человека телосложение подкачало. У вашего клиента спортивное тело, а этот человек сутулый, полноватый, видимо, большой поклонник «Макдоналдсов». Значит, двигаться должен иначе, динамика другая.

– Но походку можно перенять.

– Вы правы, функциональные признаки внешности могут быть легко изменены, но совсем изменить их невозможно: они так же устойчивы, как и неповторимы. Другое дело, отличить их может только специалист.

– Хорошо, что вы об этом вспомнили. У меня к вам предложение, Матвей Георгиевич, помочь нам сегодня с задержанием этого человека, – и Кондратьев вновь указал на фотографию Вишнева.

– Увы, но сегодня никак не получается: через три часа улетаю в Ленинград.

– Отменить поездку не получится?

– Нет, еду на похороны – единственная тетушка отошла в мир иной.

– Соболезную. А почему Санкт-Петербург для вас по-прежнему Ленинград?

– Потому что родился я именно в Ленинграде и родня моя погибла в ленинградскую блокаду, а не в санкт-петербургскую.

– Тогда, может быть, кого-нибудь посоветуете взамен себя?

– Это – пожалуйста. Например, Игорь Андреевич Лобоцкий – прекрасный специалист. Но что конкретно от него потребуется?

– Мы поставили возле входа в американское посольство временный пропускной пункт, с помощью которого пытаемся не допустить выхода перебежчика на свободу. На этом КП и посадим вашего специалиста, чтобы он смог визуально отличить нормального человека от загримированного.

– А много ли у Лобоцкого будет времени? Я это говорю, потому что время на освидетельствование вашего клиента должно быть как можно большим. Все-таки, как я понял, гримировать его тоже будет профессионал, и у него для этого будет максимально возможное время. У нашего специалиста оно будет?

– Думаю, что нет.

– Тогда задача усложняется, – покачал головой Корзун. – Дело в том, что противная сторона будет работать на славу. Чтобы такую

работу разоблачить, мало одного лишь визуального контакта, нужен контакт тактильный, то есть пощупать надо. Например, подергать за пастиж.

– Извините, за что?

– За наклеенные усы, бороду или парик.

– Кто же нам даст пощупать иностранных подданных?

– Об этом и речь. В таком случае полного успеха гарантировать нельзя. Сегодняшние технологии позволяют использовать такие средства, которые могут скрыть на лице человека даже такие сильные дефекты, как родинки, бородавки и большие фибромы, причем даже опытный гример этого не заметит. Короче, наука в этой области шагнула сильно вперед. В мою бытность гримером на «Мосфильме» такого, например, не было.

– А что было? – поинтересовался Кондратьев.

– Кустарное производство, – улыбнулся Корзун. – Помните знаменитый сериал про цыгана Будулая? Чтобы сделать ему седину, приходилось тональный крем белого цвета смешивать с бензином и этим красить волосы. Бензин испарялся, а на волосах оставался белый налет, похожий на седину. А чтобы сделать волосы черными, приходилось обжигать обыкновенную пробку от бутылки и этим веществом красить волосы. Вечером все это приходилось смывать, поскольку пачкалась не только одежда, но и постель, на которую ложился артист. Заметьте, что это было совсем недавно, какие-то три десятка лет назад.

– Но кино-то в итоге получилось потрясающее, – засмеялся Кондратьев. – А сегодня техника грима достигла небывалых ранее высот, а кино измельчало, по большому счету смотреть нечего.

– Здесь я с вами полностью согласен, – и по лицу гримера впервые за это время пробежала улыбка.

– Но вернемся к нашим баранам, а точнее вот к этому, – и Кондратьев взял со стола фотографию Флиндерса. – Итак, ваш вывод по нему отрицательный?

– Мой вывод двоякий: лицом это наш клиент, а вот фигура подкачала.

– Но фигуру можно искусственно изменить, например вставить под одежду специальные прокладки?

– Или накладной живот, сейчас такие наловчились делать – не отличишь от настоящего. Однако есть риск разоблачения в аэропорту, а этот «баран», как вы выразились, кордон в аэропорту благополучно миновал.

– Может, просто повезло?

– Согласен, но риск-то такой изначально был. Получается, цэрэушники закрыли на него глаза, понадеявшись на авось? А если бы в аэропорту не «покатило»? Срыв всей операции?

– Это вы так рассуждаете, поскольку привыкли мыслить рационально. А если в ЦРУ операцией руководит авантюрист, любитель нетрадиционных подходов? В таком случае, накладной живот – самое подходящее для него средство сбить нас с толку. К тому же наш авантюрист мог пойти и от другого: послать сюда этого пузатика, а накладной живот нацепит на себя перебежчик.

– Но риск разоблачения в аэропорту все равно остается.

– Опять вы мыслите рационально, – рассмеялся Кондратьев.

– Таким уж родился, – развел руками Корзун. – Короче, мое мнение вы знаете. Какое примите решение?

Генерал ответил не сразу. Сначала перебрал одну за другой фотографии трех американцев, которые держал в руках, потом перевел взгляд на фото Моргана-Флиндерса. После чего заключил:

– Оставим этого «барана» в списке подозреваемых на последнем месте. А первыми пойдут вот эти трое.

Отобранные Корзуном фотографии Кондратьев и принес директору ФСБ, достав их из своей кожаной папки. Взглянув на изображенных на них мужчин, директор спросил:

– Какой из них Саммерс?

– Тот, что на первом фото, с усиками.

– Из него можно сделать Вишнева? – удивился директор.

– Опытный гример может сделать из него даже нас с вами.

Пожав плечами, хозяин кабинета внимательно просмотрел остальные фотографии. Затем задал новый вопрос:

– Итак, по этим людям у нас пока нет никаких результатов?

– Совершенно верно, но люди трудятся. Думаю, часа через два-три они представят нам свои подробные отчеты, которые мы незамедлительно вам перешлем.

– Но если ваша версия верна, то когда Вишнев сможет предпринять попытку выбраться за пределы посольства?

– Полагаю, уже сегодня, после окончания светского раута. Поэтому мы с Глебом Сергеевичем и хотим попросить вас облегчить нашим людям задачу – добиться разрешения установить на пропускном пункте у входа в посольство дактилоскопическую аппаратуру.

– Вы в своем уме, Федор Иванович? – в голосе директора сквозило не столько удивление, сколько негодование. – Мы и так ходим по лезвию ножа, спровоцировав международный скандал. Американцы чуть ли не ежечасно бомбардируют наш МИД нотами протеста, требуя снять блокаду с их посольства. В итоге мы пошли им навстречу – смягчили блокаду, согласившись на «фэйер плэй». Теперь их автомобили не досматриваются. Как вдруг появляетесь вы со своим предложением вновь закрутить гайки – дактилоскопировать всех людей, входящих и выходящих из американского посольства?

– Мы предлагаем такой вариант исходя из того, что Вишнев нужен нам до зарезу. Причем не только нам, но и Старой площади вместе со Смоленской-Сенной. А раз так, значит, надо использовать любые возможности для его поимки. Пусть для этого придется дактилоскопировать даже всех людей, проходящих мимо американского посольства.

– Никто не спорит с тем, что Вишнева кровь из носу надо непременно схватить, – в попытке унять свое раздражение, директор поднялся из-за стола и подошел к окну, выходящему на Лубянскую площадь. – Но никто не позволит нам превышать свои полномочия, способствуя дальнейшей раскрутке этого скандала. Мне уже было заявлено, что побег Вишнева лежит целиком на нашей чекистской совести, поэтому выбираться из этого дерьма мы должны самостоятельно. Так что забудьте про дактилоскопию, Федор Иванович, и обходитесь теми средствами и возможностями, которые есть под рукой.

Сказав это, директор замолчал, уставившись в окно. Затем уже более спокойным тоном спросил:

– Что с ящиком в Шереметьево, с ним что-нибудь происходит?

– По-прежнему стоит без движения, – сообщил Жмых. – Причем как внешнего, так и внутреннего – нашим спецам так и не удалось

подобраться к нему и прозвонить на предмет возможного нахождения там человека.

– Почему?

– Возле ящика постоянно находятся двое сотрудников американского посольства. Здоровые такие «шкафы» из числа морских пехотинцев. Ящик стерегут аки цепные псы.

– Сколько таможня может его мурыжить?

– Еще на пару дней ее возможностей хватит. Хотя американцы давят и грозят международным скандалом, если к завтрашнему дню мы не выпустим их вализу в Штаты.

– Что от Максимова? – вновь перевел взгляд на Кондратьева директор.

– Сообщает, что «наш друг» передал информацию о том, что Фараона должны вывезти в ближайшее время.

– А конкретно: в какое время, каким способом?

– Пока информация обтекаемая. Но то, что это должно произойти очень скоро, – факт установленный.

– Он уверен, что «наш друг» не водит его за нос?

– А какой ему смысл? Нет, это исключено, Максимов плотно насадил его на крючок, так что сорваться с него он никак не сможет. «Наш друг» слишком дорожит своей жизнью, чтобы в его положении играть с нами в какие-либо игры. Просто на данный момент он, видимо, действительно не владеет всей информацией по Фараону. Но будет стараться завладеть, поскольку условия, в которые его поставил Максимов, весьма жесткие: шаг вправо, шаг влево – расстрел. Вернее, электрический стул.

Выслушав доводы Максимова, директор вернулся к столу и опустил в кресло. Взяв со стола карандаш, он сделал какую-то пометку в своем настольном календаре, после чего произнес:

– Следующий доклад от вас жду через три часа. А пока все свободны.

* * *

*Москва, Деловой центр экономического развития.
Международный экономический форум*

Клайв Флиндерс внимательно слушал докладчика – седовласого британского профессора экономики, стоявшего на кафедре и читавшего доклад о тревожных тенденциях в мировой экономике. Набитый до отказа зал внимал словам докладчика:

«Глобальный кризис длится уже пять лет. Старые центры мировой системы в Северной Америке, Европе и Японии вступают в фазу длительного экономического застоя, который сопровождается ростом нищеты, неравенства и внутренних социальных конфликтов. Консервативная элита и существующая политическая система не способны разрешить проблемы, связанные с социальной несправедливостью, что, в свою очередь, вызывает новую волну массового противостояния. В настоящее время ареной наиболее острой политической борьбы является Европа и соседние с ней страны, в том числе все Средиземноморье, где мы увидели свержение ряда режимов и где продолжаются социальные конфликты, идет непрекращающаяся война в Сирии. В Европе соединились два кризиса – финансовый и экономический, то есть банковский кризис и кризис суверенного долга сейчас взаимодействуют и усиливают друг друга. Ситуация остается крайне неустойчивой. Кризис перемещается из финансового сектора в реальную экономику, из частного сектора в бюджетную сферу и от частной задолженности к суверенному долгу и обратно к валютному кризису и мерам жесткой экономии...»

По ходу доклада Флиндерс то и дело отвлекался на то, чтобы записать в свой блокнот наиболее интересные пассажи из речи выступающего. И хотя в сказанном он многое не понимал, однако старательно морщил лоб и периодически теребил зубами кончик шариковой авторучки, создавая у окружающих впечатление человека, увлеченного докладом. Чтобы хорошо играть свою роль, Флиндерсу пришлось вспомнить события полутора десятилетней давности, когда он был студентом Колумбийского университета и точно так же сидел в студенческой аудитории и записывал лекции университетских профессоров.

Его напарнику, Чаку Коламбусу, который сидел в том же ряду, но на несколько кресел дальше, приходилось так же старательно изображать из себя внимательного слушателя. Он тоже держал в руках блокнот, в котором делал какие-то пометки по ходу чтения доклада.

Напарники ни разу не посмотрели друг на друга, да и в перерывах между пленарными заседаниями старались лишний раз не пересекаться между собой, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания со стороны русских контрразведчиков, которые наверняка затесались в число участников форума. Однако поселились Флиндерс и Коламбус в одном номере гостиницы «Рэдиссон Славянская», поскольку так было легче выполнять задание, которое было у них общим на двоих.

Насчет контрразведчиков американцы не ошиблись – их на форуме было четверо, все из Оперативно-поискового управления ФСБ. Это были опытные сотрудники, обученные навыкам детальной наблюдательности. Прекрасно знавшие внешние данные Вишнева (до этого они в течение нескольких часов изучали его фотографии и кадры домашней видеосъемки, изъятой из его квартиры), они теперь самым тщательным образом наблюдали за теми членами американской делегации, которые претендовали на сходство с перебежчиком. Таковых было четверо, именно их и «пасли» теперь «поисковики», буквально приклеившись к ним: они незаметно сопровождали их в коридорах Делового центра, а также занимали места в зале неподалеку от них. Все четыре объекта вели себя вполне естественно и ничем не выдавали своей принадлежности к ЦРУ. Впрочем, так длилось недолго.

Среди четырех делегатов, внешние данные которых попадали под вишневские, был один, с которым ЦРУ заключило тайный контракт. Именно он и должен был вызвать на себя главное внимание русских контрразведчиков. Это был профессор экономики из Гарвардского университета Дэйв Саммерс. С ним перед отлетом в Россию лично встретился Луис Альварес, который сразу взял с места в карьер:

– Мистер Саммерс, нам известно, что вы в середине 90-х участвовали в российской приватизации. И весьма неплохо на этом заработали.

– Нам – это кому? – лицо профессора напряглось.

– Вашим друзьям, которые заинтересованы в том, чтобы информация о ваших заработках не стала достоянием широкой общественности. Ведь эти заработки незаконны, а вам ведь не хочется повторить судьбу ваших коллег по университету Шлейфера и Хэя?

Названные деятели были хорошо известны Саммерсу. В 2005 году американский суд отправил их за решетку за махинации, которые они проворачивали в России в середине 90-х. Например, Шлейферу вменили в вину то, что он, имея акции нефтяных компаний, заставил российских компаньонов включить их в программу приватизации, заработав на этом миллионы долларов. Саммерс тоже участвовал в подобного рода махинациях под крышей американского агентства USAID, связанного с ЦРУ, но сумел выйти сухим из воды. Теперь Альварес напомнил ему о тех давних событиях, предварительно заглянув в специальное досье ЦРУ, куда попадали все деятели, у которых в разное время рыльце оказывалось в пушку. Таких людей потом легче было шантажировать. Вот и теперь сказанное Альваресом привело профессора в замешательство: Саммерс не мог понять, что конкретно известно этому латиносу о его махинациях, но сам факт того, что он что-то знает, заставил его сильно напрячься.

— Чего вы от меня хотите? — после некоторой паузы спросил Саммерс.

— Мы хотим заключить с вами некий контракт, согласно которому вы выполните несколько наших поручений, а мы не станем предавать огласке ваши аферы в годы российской приватизации. Более того, мы согласны заплатить вам некую сумму за ваши услуги.

— Заплатить? — брови профессора взметнулись вверх.

Альварес ожидал подобной реакции, поскольку из личного досье Саммерса знал о его скупердяйстве.

— Да, мы заплатим вам десять тысяч долларов за пустяковые, в общем-то, дела.

— Что имеется в виду?

— Ваша поездка в Москву на экономический форум. Нам надо, чтобы вы совершили несколько действий, которые помогли бы нам в нашем деле. Только не надо спрашивать, что это за дело: ответа вы не дождетесь.

— То есть вы предлагаете мне работать на вас вслепую?

— Именно так, мистер Саммерс. Для выполнения нашего контракта достаточно только ваших ушей и профессиональной памяти. Надеюсь, с ними у вас все в порядке? Вот и прекрасно. Сейчас я расскажу вам то, что от вас требуется, вы это запомните и в точности воспроизведете в Москве.

– А когда я смогу получить свои деньги?

– Половину суммы мы переведем на ваш счет перед отлетом, остальную – после вашего возвращения. Согласитесь, это справедливо, ведь мы не знаем, как вы поведете себя в Москве. Впрочем, как я уже говорил, дело пустяковое и не потребует от вас каких-то специальных навыков. Итак, слушайте и запоминайте...

То, что сказал профессору Альварес, действительно поразило его своей простотой. Он еще с удивлением подумал: «Неужели мне заплатят за это десять тысяч долларов?». Однако все было по-честному: перед отлетом он действительно обнаружил на одном из своих счетов, который он предварительно назвал Альваресу, половину названной суммы. После этой операции Саммерс окончательно убедился в том, что его никто не собирается обманывать и что теперь судьба оставшейся части денег была в его собственных руках. Поэтому в Москве он постарался сделать все в точности так, как объяснил ему Альварес.

Во время получасового перерыва между первым и вторым пленарными заседаниями Саммерс отправился в туалетную комнату. Там он зашел в одну из кабинок, опустил крышку унитаза и, сев на нее, достал миниатюрные зеркальце и ножницы. С их помощью он принялся подравнивать свои усы. Делал он это столь тщательно, что эта процедура растянулась на несколько минут. Однако заканчивать свои манипуляции Саммерс не спешил, поскольку еще не произошло главное действие, о котором его предупреждал Альварес – некий мужчина должен был под видом случайного посетителя открыть дверцу той самой кабинки, где уединился Саммерс.

– Вы хотите, чтобы он увидел, как я подстригаю свои усы? – удивился профессор, когда Альварес сообщил ему об этом незнакомце.

– Вас это не должно волновать, мистер Саммерс, – все тем же спокойным тоном, каким он вел всю беседу с профессором, ответил Альварес. – Я хочу, чтобы вы просто сидели на унитазе и аккуратно подстригали усики, приводя их в надлежащий порядок. И главное, не закрывайте машинально дверцу на замок. Не забудете?

– Постараюсь.

– Сделайте одолжение, поскольку мы платим вам за эти нехитрые манипуляции хорошие деньги.

Саммерс сделал все, как его просил Альварес: дверцу в кабинке на замок не закрыл, усики подстригал ровно до того момента, пока туда не заглянул мужчина в сером пиджаке. Увидев Саммерса сидящим на унитазе с зеркальцем в руке, он сказал «Excuse me», закрыл дверцу и зашел в соседнюю кабинку. Почти сразу после этого профессор спрятал в карман свои принадлежности и наконец вышел из туалетной комнаты. Теперь ему предстояло осуществить еще одну манипуляцию, намного проще предыдущей. Для этого он вышел из здания Делового центра на Дербеневскую набережную и встал на тротуаре. Ему надо было простоять на своем месте пять минут, ничего не делая – просто стоять и смотреть на проезжающие мимо автомобили. В определенное время мимо него должен был проследовать автомобиль посольства США, о чем он, естественно, даже не догадывался и догадываться не собирался, памятуя о словах Альвареса о том, что от него требуется только слепо выполнять данные ему поручения.

В это же самое время на Лубянке, в Департаменте контрразведывательных операций ФСБ России, генерал Кондратьев и полковник Жмых руководили действиями групп наружного наблюдения, которые негласно вели по Москве автомобили посольства США. Сидя в специальной аппаратной, куда были выведены радиотелефоны и видеокамеры со всех автомобилей «наружки», участвующих в операции, генерал и полковник смотрели на большой экран монитора, разбитый на три части по числу отслеживаемых автомобилей. Для того чтобы соединиться с конкретным автомобилем, требовалось нажать ту кнопку на пульте, которая соответствовала номеру изображения на мониторе.

– Всем машинам: сообщите, где находитесь, – обратился Кондратьев к экипажам автомобилей. – Первый?

«Первый» висел на «хвосте» у автомобиля, в котором находилась сотрудница посольской Бюджетно-финансовой секции Глория Смит.

– Миновали Ломоносовский проспект и движемся по Минской улице.

– Второй?

Экипаж этого автомобиля держал в поле зрения машину Виджея Дэвиса – помощника атташе по вопросам обороны.

– Свернули с Верхней Масловки на Новую Башиловку, движемся в сторону стадиона «Динамо».

– Третий?

Этот автомобиль вот уже более часа следовал за машиной советника по региональным вопросам Рика Портера. Кроме него на заднем сиденье находился еще один мужчина, личность которого чекисты пока не смогли установить. И это настораживало: он был единственным попутчиком в трех преследуемых автомобилях.

– Десять минут назад выехали на Дербеневскую набережную и остановились неподалеку от Делового центра экономического развития. Из автомобиля никто не выходил, в него никто не садился. Судя по всему, чего-то ждут.

– Или кого-то, – продолжил мысль оперативника Кондратьев.

На третьем мониторе был отчетливо виден посольский «Ниссан», застывший на углу Делового центра. Тонированные стекла скрывали тех, кто находился в салоне, однако благодаря специальному сканеру, встроенному в автомобиль «наружки», можно было наблюдать, что происходит в салоне «Ниссана». Оба его пассажира сидели на своих местах и не двигались. Наконец автомобиль американцев медленно тронулся с места и проехал мимо Делового центра. Едва это произошло, как пассажир на заднем сиденье пересел от дальнего окна к ближнему, к тому, что выходило к тротуару. Набережная в эти минуты была пустынна, за одним исключением: возле входа в Деловой центр высилась фигура мужчины в строгом костюме темно-синего цвета. Он стоял на краю тротуара и внимательно смотрел на проезжающий мимо транспорт. Затем, взглянув на часы, он повернулся и вошел в здание Делового центра. А посольский автомобиль продолжил свое движение в сторону Павелецкой набережной.

– Обратили внимание на мужчину, стоявшего на тротуаре? – Кондратьев бросил взгляд на сидевшего справа от него Жмыха.

– Судя по всему, это один из членов американской делегации.

– Я это понял, но кто? Мне показалось его лицо знакомым.

Жмых повернулся назад и обратился к сотруднику, сидевшему за пультом управления монитором.

– Верните, пожалуйста, картинку с человеком на тротуаре из третьего блока.

Спустя полминуты на третьей картинке возникло изображение нужного человека.

– Можно покрупнее? – вновь попросил Жмых.

Когда это произошло, генерал и полковник почти одновременно воскликнули:

– Да это же Дэйв Саммерс!

После короткой паузы, повисшей в аппаратной, Кондратьев спросил:

– Как думаете, случайно он вышел подышать воздухом в тот момент, когда там объявился автомобиль Рика Портера?

– Мне кажется, ответ очевиден.

– Мне тоже так кажется – не случайно. Учитывая, что Саммерс входит в число подозреваемых, напрашивается вывод: его появление на набережной явно несет в себе определенную цель. Но какую?

– Может, это был некий сигнал? Дескать, все нормально, операция началась.

– «Может быть, может быть», как говаривал незабвенный Аркадий Исаакович Райкин, – задумчиво произнес Кондратьев, после чего повернулся к человеку за пультом:

– Можно еще раз посмотреть на запись сканера, фиксирующего ситуацию в салоне посольского «Ниссана»?

Когда эта запись появилась, Кондратьев попросил:

– Вот в этом месте остановите, пожалуйста, запись и сделайте картинку покрупнее. Спасибо. Что видите, Глеб Сергеевич?

– Вижу, как пассажир на заднем сиденье почти вплотную приблизился к окну с той стороны, где находится Саммерс. И еще вижу какие-то всполохи. Ба, да это же вспышки от фотоаппарата.

– Совершенно верно – вспышки от особо чувствительного фотоаппарата «Minox», который может снимать даже через тонированные стекла. Теперь понятно, что произошло?

– Видимо, американцам нужны изображения внешности Саммерса, чтобы начать делать с него копию.

– Надо связаться с сотрудниками «наружки», работающими непосредственно в Деловом центре, может быть, у них тоже есть какие-то сведения о поведении Саммерса внутри здания. Это можно сделать побыстрее?

Вместо ответа Жмых встал со своего кресла и вышел из аппаратной. Пока он отсутствовал, Кондратьев продолжал вести диалог с экипажами всех трех машин. Однако услышать что-нибудь интересное от них он не рассчитывал, понимая, что главное событие

уже произошло. Поэтому спустя десять минут он приказал всем экипажам свернуть наблюдение и возвращаться к месту дислокации – на базу. В это время в аппаратную вернулся Жмых.

– Саммерс отличился в туалете, – сообщил он Кондратьеву.

– В каком смысле?

– Когда наш сотрудник как бы случайно открыл дверцу его кабинки, этот профессор экономики сидел на унитазе и с помощью зеркальца и миниатюрных ножниц подстригал усы. Это случилось за несколько минут до его выхода на набережную.

– Выходит, Фараону должны будут клеить усы, – сделал однозначный вывод Кондратьев.

* * *

***Москва, Большой Девятинский переулок, дом 8.
Посольство США в РФ***

Светский раут в посольстве США был назначен на восемь часов вечера. Однако гости начали съезжаться к месту предстоящего действия примерно за час до его начала, заранее предупрежденные организаторами о тех неудобствах, которые несла с собой продолжающаяся вот уже вторые сутки блокада посольства. Впрочем, неудобство было лишь одно – у входа в резиденцию, прямо перед милицейской будкой, справа от которой находилась дверь в посольский «предбанник», российскими властями был установлен временный пропускной пункт, сотрудники которого проверяли документы у всякого входящего и выходящего из посольства человека.

Первыми к посольству подъехали делегаты экономического форума. Их привез роскошный автобус марки «Ceasar» голубого цвета. Все двадцать три члена американской делегации один за другим вышли из салона и достаточно быстро, за какие-то десять минут, миновали пропускной пункт и скрылись в здании посольства. Следом за ними подъехали художники, участвовавшие в московской выставке американской живописи. Затем у посольства объявились лидеры несистемной оппозиции в количестве восьми человек, которых ни генерал, ни полковник увидеть здесь не ожидали: в их списке

приглашенных на раут таковые не значились. Судя по всему, этих деятелей организаторы мероприятия включили в последний момент. Наблюдая за их прибытием на большом экране в аппаратной ФСБ, Жмых внезапно воскликнул:

– Ба, да здесь и Зоя Моисеевна Яблонская собственной персоной!

– Чему вы удивляетесь, Глеб Сергеевич? – отозвался на реплику полковника Кондратьев. – Эта дама за два последних дня надавала сразу несколько интервью западным и российским журналистам, где активно возмущалась блокадой американского посольства. А Вишнева назвала жертвой режима, чуть ли не узником совести. Узнаете вон того бородатого мужичка в кепке? Он в своей газете это заявление Яблонской и растиражировал.

Жмых узнал в мужчине, на которого указал генерал, редактора той самой газеты, куда несколько лет назад во время своего приезда в Россию нанесла визит тогдашний госсекретарь США Хилари Клинтон. Однако полковника все же больше интересовал не этот редактор, а Яблонская – подруга Жолташ. Глядя на то, как она проходит через временный пропускной пункт, Жмых заметил:

– Эта дама раздает подобные интервью, потому что Вишневу отравил не лично ее, а беременную Юлию Жолташ. Впрочем, заявление Яблонской звучит еще более кощунственно, учитывая, что покойница считалась ее подругой. Куда катится мир?

Куда он катится, наглядно продемонстрировали следующие гости американского посольства, подъехавшие буквально за пять минут до начала раута на микроавтобусе. Это были пятеро рок-музыкантов – участники американской рок-группы «Бойз гангз», участвовавшей в подольском рок-фестивале. Судя по тому, как развязно вели себя музыканты, они были под кайфом. Проверяющие это сразу заметили, но никаких замечаний молодым людям не сделали: это не входило в их компетенцию. А музыканты, передавая свои паспорта через стойку, дурачились: строили проверяющим рожи, конструировали из собственных пальцев «пистолеты» и «палили» из них в разные стороны. Глядя на их ужимки, Жмых возмутился:

– Вот ведь недоумки!

– А вы чего ожидали увидеть от «Парней банды» – так, кажется, переводится название их ансамбля? Это же панк-музыканты, а эта братия живет прежде всего за счет своего эпатажа.

– А вы откуда знаете, неужели слушаете их музыку?

– Слушать не слушаю, но кое-какие справки о нем в интернете навел. Кстати, там пишут, что «Бойз гангз» очень популярная в мире рок-группа. В противном случае ее вряд ли бы сегодня пригласили в американское посольство. Наверняка будут услаждать вкус изысканных гостей своими хулиганскими руладами. Правда, я не заметил с ними никакой аппаратуры.

– Ее подвезли еще днем на грузовичке, – сообщил Жмых. – А следом на автобусе доставили и картины тех самых художников, что выставлялись в Доме-музее Цветаевой. Так что повестка дня на этом рауте весьма обширная.

– Напомните, сколько продлится это действо? – поинтересовался Кондратьев.

– По нашим сведениям, до полуночи.

– Сомневаюсь. Учитывая присутствие на рауте этих «гангстеров», вечеринка может растянуться до утра, – отворачиваясь от экрана, предположил Кондратьев. – Вы заметили, что Саммерс проскользнул в посольство одним из первых?

– Да, юркнул как мышь в зернохранилище. Не иначе торопится.

– Как вы думаете, Глеб Сергеевич, он липовый профессор или все же настоящий?

– Кто же его разберет? – пожал плечами Жмых.

– А мы с вами на что? За ним на форуме значится какое-либо выступление или он участвует как слушатель?

Прежде чем ответить, Жмых полез в свою папку, лежавшую здесь же, на столике. Полистав бумаги, ответил:

– Из двадцати двух членов американской делегации доклады будут делать семеро, в том числе и Саммерс. Он выступает послезавтра на шестом пленарном заседании. Тема доклада: «Деятельность Федеральной Резервной Системы США в свете мирового финансового кризиса».

– Серьезная тема, – постукивая пальцами по подлокотнику кресла, произнес Кондратьев. – Интересно, если предположить, что в ближайшие день-два его место может занять Вишнев, то как в Лэнгли могли решить проблему с докладом?

– Мне кажется, тут все ясно: Вишнев должен покинуть Россию до шестого пленарного заседания, то есть до послезавтра.

– В таком случае напомните нашим сотрудникам, дежурящим на пропускном пункте у посольства, чтобы они особое внимание уделили Саммерсу.

– Уже напомнили раз сто.

– Ничего, сто первое напоминание не помешает, – Кондратьев поднялся из кресла. – Вы пока оставайтесь здесь, а я поднимусь к руководству – расскажу им про наших «гангстеров».

Тем временем в посольстве уже во всю шел светский раут: официанты в накрахмаленных белых рубашках при бабочках разносили на подносах фужеры с шампанским и вином, а гости и дипломаты ходили по залу и под звуки классической музыки, доносившийся из динамиков, разглядывали картины американских живописцев – тех самых, что участвовали в московской выставке. Раутом заправлял второй посол, поскольку первый находился в отъезде: улетел на родину для консультаций в Госдепе. Вокруг второго посла крутились представители российской несистемной оппозиции, которые выражали ему поддержку в связи с последними событиями и связанной с ними блокадой. Особенно выделялась Яблонская, которая, держа в руке бокал с шампанским, возмущалась:

– Это неслыханное оскорбление – установить пропускной пункт у посольства суверенной страны! Да как они смеют так себя вести?! Господин посол, ни в коем случае не поддавайтесь на эту провокацию. Знайте, что в этой стране есть честные люди, которые всей душой переживают за вас. Если надо, мы выведем тысячи наших сограждан на улицы.

Слушая ее, посол улыбался и кивал головой. Эта экзальтированная дама была ему неприятна, но он знал, что ее ценят в Госдепе, поэтому вел себя с нею как истинный дипломат – скрывал свои подлинные чувства за улыбкой. Сам же внимательно следил за тем, как ведут себя главные участники этого действия – люди, от действий которых зависело то, о чем говорила Яблонская, – сроки посольской блокады. Посол следил за сотрудниками резидентуры ЦРУ, которые, фланируя между гостями с бокалами, сужали круги, все ближе приближаясь к двум гостям, которые, стоя у одной из картин, что-то живо между собой обсуждали. Это были Чак Коламбус и Клайв Флиндерс. Наконец, один из сотрудников ЦРУ подошел к этим двум и, сделав вид, что он тоже хочет поучаствовать в их обсуждении, встрял в

их разговор. Цэрэушник пробыл с ними несколько минут. Потом, чокнувшись с обоими бокалом, удалился. После чего Коламбус и Флиндерс постояли у картины еще пары минут, а затем отправились в сторону туалетной комнаты. Однако, не доходя до нее нескольких шагов, они скрылись за неприметной деревянной дверью, которая вывела их в небольшой коридор с лифтом. Никто из гостей не обратил на их исчезновение абсолютно никакого внимания, поскольку в тот самый миг, когда это произошло, на небольшую авансцену в дальнем конце зала вышел представитель посольства и обратился к собравшимся с приветственной речью.

Между тем Коламбус и Флиндерс, спустившись на лифте в подвальное помещение, оказались в широком коридоре, где их уже поджидали двое сотрудников посольской резидентуры. Они повели их по специальному тоннелю, который вел к той части здания посольства, где находились помещения резидентуры ЦРУ, куда всем остальным посольским работникам вход был заказан. Затем они снова сели в лифт и вскоре оказались на нужном этаже. Там они прошли по длинному коридору в самый его конец, пока наконец не очутились в комнате, где гостей дожидались резидент Лоренс Макфи и его заместитель Эдвард Нортон. Гости обменялись с ними рукопожатиями, после чего Коламбус спросил:

– Где наш клиент?

Вместо ответа Макфи открыл дверцу, которая была у него за спиной, и жестом пригласил гостей пройти в соседнее помещение. Те повиновались и очутились в комнате, которая была приспособлена под примерную. В ней стояло трюмо с большим зеркалом, шкаф, несколько кресел, а по стенам были развешаны фотографии двух мужчин – Флиндерса и того самого человека, который поджидал гостей, стоя возле трюмо. Это был Лев Вишнев. Пожав ему руку, Коламбус взял дипломата за плечи и в течение минуты внимательно разглядывал его лицо, изучая на нем каждую черточку. Затем попросил занять место в кресле, а сам обратился к цэрэушникам:

– Где мои инструменты?

Нортон открыл шкаф и извлек на свет большой кофр, который сегодня утром прибыл из Америки с дипломатической почтой. Это были примерные принадлежности Коламбуса. Взяв кофр, пример поставил его на свободное кресло и открыл молнию. И первое, что он

извлек на свет, был портативный магнитофон с вставленным в него диском, на котором были записи Лондонского симфонического оркестра, исполняющего обработки классических произведений. Время звучания диска было ровно три часа – именно столько времени собирался потратить Коламбус на то, чтобы превратить Вишнева во Флиндерса. Последний, кстати, все еще стоял посреди комнаты, с интересом рассматривая свои фотографии, развешанные по стенам: все они были испещрены специальными пометками, которые Коламбус нанес перед своим отлетом в Россию.

– Если у вас столько моих изображений, может, мне стоит удалиться? Так хочется выпить вина и послушать настоящий панк-рок, – то ли в шутку, то ли всерьез сказал Флиндерс.

– Разве фотографии могут сравниться с оригиналом? – раскладывая на трюмо гримерные принадлежности, ответил Коламбус. – Они мне понадобятся для окончательной подгонки внешности. А что касается музыки... Вместо панк-рока послушайте лучше Моцарта и Вивальди: они полезнее для нервной системы. Так что не будем тратить времени попусту, прошу вас, садитесь.

Указав Флиндерсу на свободное кресло, Коламбус нажал на кнопку «Play» на своем магнитофоне. В комнате зазвучала приятная расслабляющая музыка. После чего гример обратился к цэрэушникам:

– А вот вам придется удалиться: лишние люди меня только отвлекают.

Не сказав ни слова, Макфи и Нортон вышли из комнаты. Как только за ними закрылась дверь, Коламбус подкатил кресло, в котором сидел Флиндерс, поближе к креслу, в котором восседал Вишнев, и взялся за работу: с помощью ножниц и машинки для стрижки волос стал состригать с головы Вишнева его кудри, делая такие же залысины, какие были у Флиндерса...

На диске Чака оставалась еще пара композиций, когда он управился со своим делом – теперь в креслах напротив него сидели сразу двое Клайвов Флиндерсов. Даже настоящий Флиндерс, взглянув на своего двойника, присвистнул: сходство было поразительное. Виртуозные руки гримера воспроизвели на двойнике все детали лица цэрэушника, начиная от его сломанного в юности носа с небольшой горбинкой и заканчивая усами, козлиной бородкой и слегка

всклопоченной шевелюрой. В надежде поделиться своими впечатлениями с посторонними, Флиндерс вышел в коридор, чтобы позвать главу резидентуры ЦРУ. Но вместо него он нашел там одного из подчиненных Макфи, который немедленно вызвал своего босса по мобильной связи. И спустя пять минут резидент в сопровождении все того же Нортон объявились в кабинете, ставшем на время примерной комнатой.

Когда они вошли, оба Флиндерса сидели в креслах, повернувшись лицами к двери. Поэтому, когда вошедшие их увидели, они замерли на пороге: их тоже поразило феноменальное сходство двойника с его оригиналом. Причем кто из них кто они поначалу сразу не определили. Самым внимательным оказался Нортон, который указал на Вишнева и сказал:

– Вот двойник, на нем еще нет накладного живота.

После чего Нортон полез в тот же шкаф, из которого был извлечен кофр, и вытащил наружу сразу несколько накладных животов. Бросив их на пол, он произнес:

– Надо выбрать из них подходящий.

Выбирать взялся профессионал – Коламбус. Спустя пару минут он попросил Вишнева и Флиндерса подняться с кресел и раздеться до трусов. Когда те выполнили его просьбу, гример ловко приладил к телу Вишнева накладной живот и закрепил его специальными ремнями. После чего дипломату было предложено облачиться в одежду Флиндерса. Натягивая на себя брюки, Вишнев спросил:

– Нельзя было заказать для меня второй комплект одежды?

– Вы что, брезгуете? – спросил Макфи. – Тогда придется потерпеть. Все должно быть естественным, даже запах, исходящий от одежды вашего двойника.

– А мне что прикажете, ходить в трусах или тоже облачиться в чужую одежду? – напомнил о себе Флиндерс, который единственный из всех стоял раздетым.

Все тот же Нортон вновь полез в шкаф и извлек на свет новый с иголки костюм голубого цвета и начищенную до блеска обувь, сопроводив это словами:

– Переоденьтесь вот в это, но про вечеринку забудьте: ваше место на ней отныне займет ваш двойник.

– На вечеринку двойник пойдет только после того, как я посмотрю на то, как он ходит, – подал голос Коламбус. – В моем кофре должен был быть диск с записью пеших прогулок Флиндерса. Вы его видели, мистер Вишнев?

– Видел, – дипломат зашнуровал ботинки и поднялся с кресла. – И даже кое-что разучил.

Сказав это, он прошелся до дальней стены, имитируя слегка сутулую походку Флиндерса.

– Неплохо, – похвалил его Коламбус.

– Неужели я так хожу? – удивился Флиндерс.

– Именно так, и господин Вишнев это прекрасно продемонстрировал, – ответил Коламбус. – Впрочем, у него просто нет выбора: либо он превратится в вашу полную копию, либо попадет в тюрьму к русским. В Лефторново, кажется?

– Лефторново, – поправил его Вишнев. – Но у нас по такому поводу обычно говорят: типун вам на язык, мистер Коламбус.

Когда спустя полчаса гример и созданный им двойник спустились в гостевой зал, на часах было уже начало первого ночи. Однако вечеринка была в самом разгаре: на сцену как раз взойшла панк-группа «Бойз гангз», которая начала свое выступление с такого мощного рока, что стены посольства задрожали. Часть гостей, бывшая уже изрядно навеселе, бросилась в пляс, добавив к шумной музыке еще и собственные вопли и крики. Вишневу даже показалось, что он находится не в посольстве великого государства, а в Доме культуры имени Горбунова, где он бывал в молодости на подобного рода концертах. Впрочем, этот шабаш был ему только на руку: все гости были заняты исключительно им и ни на что больше внимания не обращали. А тут еще по мановению цэрэушной палочки свет в зале оказался слегка притушен, поэтому бояться Вишневу и его гримеру, стоявшему подле него, было и вовсе нечего: шансов на то, что кто-то обнаружит подмену одного человека другим, не было вовсе.

Потягивая из бокала элитное красное вино «Шато Монбуске», Вишнев к своему удивлению узнал среди танцующих гостей нескольких лидеров российской несистемной оппозиции. Спутать их ни с кем было нельзя: лица этих людей периодически мелькали на телеэкранах, поэтому Вишневу не составляло особого труда их узнать. В том числе и Зою Яблонскую, близкую подругу своей бывшей

любовницы Юлии Жолташ. Глядя на весело прыгающую в центре зала оппозиционерку, Вишнев поймал себя на странной мысли: эта женщина пьет вино и заходится в раже от панк-рока, в то время как ее подруга уже несколько дней лежит в сырой могиле на Хованском кладбище.

«Вот она гримаса судьбы: по ее подруге еще длится траур, а эта дама уже трясет здесь грудями, – размышлял Вишнев. – Впрочем, если бы Юлия не стала меня шантажировать, глядишь, и она бы была сейчас жива. Странно, что я думаю о ней и совершенно не испытываю угрызений совести. А ведь я убил человека, да еще с ребенком. Своим ребенком. Тебе не страшно, Вишнев, что ты стал детоубийцей? Как ни страшно это звучит – ни капли. Сколько раз, смотря фильмы или читая книги, где люди убивают друг друга, мне приходилось ловить себя на мысли: смог бы и я лишиться жизни себе подобного? Ответа на этот вопрос я тогда не находил. А когда ситуация заставила стать убийцей, я сделал это с поразительным спокойствием. Каких-то полчаса назад я занимался сексом с любимой женщиной, а потом спокойно опрыскал ее перчатку смертельным ядом и ни одна струнка в моей душе даже не дрогнула. Ни тогда, ни потом, когда я в последний раз целовал ее в губы. Что я тогда подумал, когда награждал ее прощальным поцелуем? Кажется, я ощутил некое внутреннее волнение от осознания того, что мне известна правда, неведомая ей, о том, сколько минут жизни ей еще отпущено. Не более получаса. Я еще долго прислушивался к стуку ее каблучков в подъезде, а сам думал: это ее последние шаги в жизни. И когда спустя полчаса вышел из того же подъезда, то уже прекрасно знал, что она мертва. Еще полтора часа назад она стонала в моих объятиях, а теперь ее сердце, бешено колотившееся от страсти, остановилось навсегда. Помнится, я думал об этом и нисколько не скорбел. Наверное, точно такие же чувства должны были испытывать те американские летчики, которые сбрасывали атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Они, кажется, отправили на тот свет около двухсот тысяч человек. Но они ведь не видели лиц своих жертв, вообще их не знали, а я убивал человека, который меня искренне любил. Может быть, именно так ведут себя прирожденные убийцы?»

– Надеюсь, вы думаете о том, как выберетесь отсюда, мистер Вишнев? – прервал размышления дипломата Коламбус.

– Не называйте меня по настоящему имени, отныне я мистер Патрик Морган, – не отрывая взгляда от творящегося на танцполе, произнес Вишнев. – Неужели это трудно запомнить?

– Запомнить не трудно, но поблизости ведь никого нет. Так что пока все идет как по маслу. Ремни на животе не беспокоят?

– Нет, все нормально, – и Вишнев пригубил вино из бокала.

– Не увлекайтесь вином, мистер Морган. Вы выбрали себе слишком высокий бокал, а это чревато тем, что напиток может стекать вам на подбородок. Боюсь, что клей, которым я клеил вашу чудную бородку, может подвести.

– Вы использовали плохое средство?

– Нет, но вы пьете слишком качественное вино, против которого не устоит даже самый надежный клей.

Услышав это, Вишнев поставил бокал с недопитым напитком на поднос, который проносил мимо них расторопный официант. После чего спросил:

– Интересно, сколько времени будет продолжаться этот шабаш?

– Понимаю ваше нетерпение, но нам важно, чтобы гости дошли до нужной кондиции. В таком состоянии они могут доставить больше проблем русским на пропускном пункте, а нам, то есть вам, это только на руку. Так что запаситесь терпением и не тратьте времени попусту – присматривайтесь к членам нашей делегации. Вон тот толстяк, отплясывающий рок-н-ролл, – ее глава мистер Мэтью Эванс. А вот тот тощий мистер, что отплясывает слева от него, – ведущий аналитик Нью-Йорской биржи Вуди Майлз.

– Успокойтесь, Чак, этих людей я успел изучить по их личным делам, присланным мне из Америки.

– У вас же было не так много времени?

– Но у меня отличная память, в том числе и зрительная. Мне достаточно один раз посмотреть на фото человека, чтобы запомнить его на всю жизнь. К тому же я не собираюсь проводить время с этими людьми. Насколько я знаю, уже сегодня днем я должен вылететь в Америку. Или меня не правильно информировали?

– Нет, вас не обманули, наш самолет действительно вылетает сегодня из аэропорта Шереметьево.

– Ваши слова льются бальзамом на мою душу, Чак. Если бы я не отдал свой бокал официанту, я бы с вами обязательно чокнулся.

– Ничего, я выпью за наш успех, не чокаясь, – и Коламбус, салютовав собеседнику, осушил свой бокал до доньшка.

В то время как в посольстве вовсю звучала музыка, на пропускном пункте у входа в него царило затишье. Трое сотрудников ФСБ, включая специалиста по гриму Игоря Андреевича Лобочко из Оперативно-поискового управления, явно скучали, ожидая окончания посольской вечеринки. Между тем стрелки часов перевалили за два часа ночи, а гости не расходились.

Такое же затишье царило и в аппаратной, где окончания раута с таким же нетерпением ждали Кондратьев и Жмых. Причем если первый читал книгу – «Государя» Николо Макиавелли, – то второй дремал, сидя в кресле и опустив седую голову на грудь. В какой-то момент спящий проснулся и в очередной раз взглянул на электронные часы, висевшие на противоположной стене: они показывали без четверти четыре утра. Увидев, что его напарник открыл глаза, Кондратьев сказал:

– Не советую засыпать снова: скоро вечеринка, плавно перешедшая в утренник, закончится.

– Откуда такие сведения? – поинтересовался Жмых.

– Иногда почитываю медицинскую литературу. Так вот, врачи пишут, что в четыре часа утра у людей ослабевает сердечная деятельность, а у тех, кто бодрствует, притупляется внимание. Именно поэтому, например, Вторая мировая война началась аккурат в это время: в четыре часа утра фашисты напали на Польшу в тридцать девятом, а два года спустя, в то же самое время суток, и на нас. Полагаю, наши коллеги из ЦРУ это знают.

– Уговорили, сон побоку, – потягиваясь в кресле, согласился Жмых и продолжил:

– Почитайте мне что-нибудь из вашего итальянца, чтобы я снова ненароком не заснул. Надеюсь, он пишет нечто стоящее, если вас от его строчек клещами не оторвать?

– То, что вы, Глеб Сергеевич, не читали Макиавелли, не делает вам чести, – Кондратьев исподлобья взглянул на коллегу. – В нашей работе многие его выводы могут весьма пригодиться.

– Вот и докажите, а я вас послушаю.

Кондратьев какое-то время листал книгу, после чего, найдя нужное место, начал читать:

– «Я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать: таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, – подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают».

– К чему этот пассаж? – удивился Жмых.

– В таком случае прочитаю вам следующий отрывок: «Умы бывают трех родов: один все постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может. Первый ум – выдающийся, второй – значительный, третий – негодный».

– Намекаете на то, что мой ум ни на что не годится?

– Упаси боже, Глеб Сергеевич, у вас ум значительный, поскольку понимает то, что постиг первый. Тот же пришел к выводу, что впереди нас ждет встреча с теми, кто относится к фортуне как к женщине – колотит ее и пинает. Вот и время они выбрали соответствующее – самое расслабляющее.

– Думаете, будет натиск?

Кондратьев не успел ответить на этот вопрос, поскольку в это время на пропускном пункте началось действие, которое смело можно было назвать именно тем словом, что упомянул Жмых. Из здания посольства начали выходить люди, участвовавшие в рауте. Первыми вышли пятеро панк-музыкантов, трое из которых с трудом держались на ногах. Им предстояло пройти через «вертушку» пропускного пункта, предъявив свои паспорта проверяющим. Но вместо этого музыканты повели себя еще более развязно, чем в первый раз: стали выкрикивать ругательства по адресу пропускников и показывать им оттопыренные средние пальцы на руках – жест более чем оскорбительный. Проходить сквозь «вертушку» музыканты не торопились.

Следом за ними из посольства вышли члены несистемной оппозиции, причем первой шла Зоя Яблонская. Она тоже была навеселе и настроена весьма недружелюбно. Дойдя до «вертушки», она остановилась и громко объявила:

– Те, кто выставил у здания посольства суверенной державы этот пропускник, нарушают все мыслимые нормы международного права. Это возмутительный акт, который ставит нашу страну в разряд

мировых изгоев. После этого ни одно честное правительство не захочет с нами сотрудничать на равных. И скажите спасибо американским властям, что они еще терпят ваши издевательства и не отзывают своего посла. Но если дело пойдет таким образом и дальше, то этот отзыв – дело ближайшего будущего. Поэтому мы требуем, чтобы вы немедленно убрали этот пропускник и позволили людям покинуть посольство без ваших унижительных процедур. Здесь вам не ГУЛАГ, а мы не заключенные и не собираемся выполнять ваши антигуманные приказы.

Коллеги Яблонской громко зааплодировали, тем самым солидаризируясь с ее словами. Было понятно, что гости раута намеренно идут на скандал то ли по собственной воле, то ли подначиваемые посольскими работниками. Ситуацию попытался разрядить один из пропускников, который обратился к собравшимся с короткой речью, полной спокойствия и достоинства:

– Уважаемые господа! Этот пропускной пункт появился здесь в результате двусторонней договоренности между российской и американской сторонами. Из чего следует, что никакие нормы международного права здесь не нарушаются. Выйдя из посольства, вы очутились на территории Российского государства, представителями которого мы являемся. Оскорбляя нас, вы подвергаете себя опасности быть привлеченными к административной ответственности согласно законам Российской Федерации. Если у вас есть претензии, мы готовы уладить их при участии представителей американской стороны. Пусть они выйдут к нам, и мы вместе разрешим возникшую коллизию.

– Никто не собирается к вам выходить, – продолжала бушевать Яблонская. – Мы хотим пройти мимо вас как граждане свободной страны без предъявления документов. Мы ничего не нарушали, и удостоверять наши личности нет никакой необходимости.

Произнеся это, женщина нетвердой походкой, покачиваясь, подошла к «вертушке» и хотела миновать ее, не предъявив свой паспорт. Собственно, ее можно было пропустить и без проверки документов, ведь чекисты искали вовсе не женщину, однако было понятно, что ее коллеги только этого и ждут: дав слабину с оппозиционеркой, чекисты рисковали потерять контроль над остальными гостями раута. Поэтому дорогу Яблонской преградили сразу двое сотрудников ФСБ, а тем временем к пропускному пункту

подтянулся с десятков полицейских, вызванных по рации. Но женщину это не остановило: выставив вперед руки, она пошла на штурм. А когда натолкнулась на «вертушку», попыталась ее перелезть. Однако тут же угодила в руки полицейских. Обрушив на них поток ругательств, женщина стала бить их своей маленькой дамской сумочкой, но достаточно быстро была усмирена и препровождена в автобус, который стоял на противоположной стороне улицы.

Эта схватка бурно обсуждалась скопившимися у пропускного пункта гостями раута, а панк-музыканты выражали свои чувства громче всех – свистом и улюлюканьем. Наконец, когда шум от происходящего достиг критической точки, к месту событий соизволил выйти второй посол. Он пробрался сквозь толпу гостей и встретился с тем самым пропускником, который несколько минут назад выступил перед собравшимися с речью. Их диалог длился несколько минут и за ним с интересом наблюдали все присутствующие, в том числе и Кондратьев со Жмыхом, буквально прилипшие к большому экрану в аппаратной ФСБ.

Переговоры закончились спустя несколько минут, после чего посол попросил гостей извлечь на свет свои документы и, соблюдая спокойствие, пройти процедуру проверки:

– Наши российские коллеги пообещали нам, что эта акция не займет много времени.

– Судя по всему, именно ради этого американцы и затеяли свой натиск, – сделал вывод Жмых.

Кондратьев ничего ему не ответил, продолжая внимательно следить за происходящим на экране.

Первыми после Яблонской «вертушку» прошли панк-музыканты, которые качались, как деревья на ветру, но вели себя смиренно и больше никого не задирали. Следом вперемешку шли художники, члены делегации с экономического форума и остальные гости, среди которых были и женщины – жены бизнесменов и дипломатов. В эту толпу затесался и Дэйв Саммерс, на которого пропускникам была дана особая установка – присмотреться к нему повнимательнее. Поэтому, едва он достиг «вертушки», а его паспорт оказался в руках у проверяющего, тот дольше обычного изучал документ. А в это время «поисковик» Лобощкий самым внимательным образом вглядывался в лицо американца, пытаясь найти на нем следы постороннего

вмешательства. И он их быстро обнаружил, поскольку буквально за полчаса до своего выхода на улицу, сотрудники ЦРУ отвели Саммерса в отдельный кабинет, где с помощью кисточки нанесли ему на лицо тональный грим. Это был отвлекающий маневр, который полностью удался. Получив от Лобоцкого подтверждающий сигнал о том, что это может быть тот самый человек, который им нужен, пропускник, вместо того чтобы вернуть Саммерсу паспорт, оставил его у себя, а американцу заявил:

– Мистер Саммерс, мы предлагаем вам на несколько минут пройти с нашим сотрудником в автобус, чтобы уладить одну небольшую формальность.

– На каком основании? – возмутился американец.

– На основании договоренности с вашим послом, который обещал нам, что наши действия не будут приниматься в штыки. Эта формальность не займет у вас много времени.

Потоптавшись у «вертушки» еще какое-то время, Саммерс наконец согласился и в сопровождении Лобоцкого отправился по направлению к автобусу, куда некоторое время назад была препровождена Зоя Яблонская.

Как только это произошло, к «вертушке» подошли Коламбус и Вишнев. У них было всего несколько минут, чтобы миновать пропускников до того, как к ним вновь присоединится Лобоцкий. Первым это сделал цэрэушный гример, проверка которого заняла меньше минуты. Затем его сменил Вишнев, внешний вид которого ничем не выдавал того волнения, которое охватило его, едва он протянул свой паспорт пропускнику. Последний открыл документ и сверил фотографию в нем с оригиналом. Найдя внешнее сходство одного с другим, пропускник заглянул в список, где значились те четверо членов американской делегации, кого ФСБ подозревало в том, что под их личиной мог бы скрываться перебежчик. Патрик Морган, паспорт которого пропускник держал в руках, значился в этом списке на последнем месте. Значит, подозрения в отношении него были не самыми вескими. Однако окончательные сомнения мог бы развеять Лобоцкий, но он, как назло, задержался в автобусе. И причина этой задержки стала понятна уже очень скоро: из автобуса стали доноситься истошные вопли Яблонской и возмущенные возгласы Саммерса. Они были вызваны тем, что сотрудники ФСБ попытались собственноручно

убедиться в подлинности внешнего вида американца, после того как он сам отказался это сделать. Один из чекистов протянул руку к усам Саммерса, а Лобочкий взял его за волосы, в надежде обнаружить там парик. В этот миг Яблонская, которая стояла сзади Лобочкого, бросилась на него с кулаками, а Саммерс ударом в грудь отпихнул от себя второго чекиста. Завязалась потасовка, шум от которой и достиг ушей пропускников и гостей посольства.

– Мне еще долго здесь стоять? – на чистейшем английском спросил Вишнев, постаравшись вложить в этот вопрос все свое возмущение происходящим.

Пропускник, который до этого все свое внимание сосредоточил на шуме, доносившимся из автобуса, вновь повернул голову к Вишневу. И, протянув ему паспорт, сказал:

– Извините, мистер Морган, можете проходить.

Пропускник посчитал, что шум в автобусе сигнализирует о том, что перебежчик наконец разоблачен.

Об этом же подумали и Кондратьев со Жмыхом, которые, сидя у экрана, видели, как в автобусе началась потасовка. Однако в следующую секунду на их столике зазвонил телефон. Трубку взял Жмых, который сидел к аппарату ближе всего. Взглянув на его лицо, Кондратьев понял, что пришедшее сообщение из разряда наиважнейших. Так оно и оказалось. Положив трубку, Жмых сообщил:

– Звонили с таможни аэропорта Шереметьево. Говорят, что в ящике, доставленном из американского посольства, слышны какие-то шумы. Они предполагают, что внутри вализы находится человек.

– Почему предполагают, а не уверены в этом? – спросил Кондратьев.

– По тем звукам, которые доносятся, трудно определить, что это. К тому же у ящика по-прежнему находятся американские морпехи, которые никого к нему близко не подпускают.

В аппаратной повисла пауза, которая понадобилась Кондратьеву для того, чтобы принять решение. Переводя свой взгляд с экрана на телефонный аппарат, генерал думал несколько секунд, после чего произнес:

– Направьте в аэропорт группу полковника Климова, пусть делают все, что хотят, но определяют, что это за звуки. Нам важно понять, где американцы блефуют – в аэропорту или у посольства. Кстати, что

происходит в Большом Девятинском? – и генерал вновь перевел взгляд на экран.

Потасовка в автобусе завершилась тем, что чекистам удалось утихомирить Яблонскую, а Саммерса прижать к полу и убедиться в том, что усы и волосы на его голове подлинные. После чего американца выпустили из автобуса и он, все еще посылая проклятия по адресу эфэсбэшников, направился к голубому «Ceasar», который притулился на обочине. Там уже находились несколько членов делегации, в том числе и Вишнев с Коламбусом. Оба они заняли места в хвосте автобуса и с замиранием сердца дожидались окончания проверки. Несмотря на то что Вишневу удалось благополучно миновать пропускной контроль, однако чувствовать себя в полной безопасности он еще не мог: салон автобуса не гарантировал ему неприкосновенности, поскольку это была уже российская территория.

Тем временем «Ceasar» с каждой минутой заполнялся все новыми членами американской делегации. И с каждым прибывшим шансы на успех операции «Матрешка» увеличивались. Наконец в автобус вошел последний из членов делегации, после чего ее глава прошел по салону и лично пересчитал каждого. Пока он это делал, Вишнев молил Всевышнего, чтобы к ним не ворвались чекисты. Его молитвы были услышаны: сотрудники ФСБ были целиком заняты проверкой оставшихся гостей раута и на участников экономического форума уже не обращали никакого внимания.

* * *

***Москва, аэропорт Шереметьево.
Таможенный терминал***

Полковник Алексей Климов и трое его подчиненных домчались на джипе «Ланд Крузер» до аэропорта Шереметьево за полчаса. Недалеко от входа в таможенный терминал их уже поджидали тамошний начальник и работник Службы дипломатического сервиса, которые сопровождали их к месту, где стояла вализа из американского посольства – большой деревянный ящик. Пока шли, Климов

попытался выяснить у таможенника подробности произошедшего. Рассказ был не слишком длинным:

– Я только заступил на дежурство, когда прибежал мой напарник и сообщил, что из вализы-ящика доносится какой-то шум – то ли крики, то ли стуки. Я прибежал в терминал, а там эти двое американских морпехов встали стеной и никого к ящику не пускают. Один из них при мне стал звонить в посольство. Короче, пока я там находился, слышал эти самые звуки. Но это были не крики, а стуки, как будто кто-то стучит в стену ящика чем-то тяжелым.

– Вы тоже слышали стуки? – спросил Климов у сотрудника Службы дипломатического сервиса.

– Слышал, но мне показалось, что били чем-то вроде молотка.

– Как думаете, звуки могли быть искусственного происхождения? Например, внутри ящика включился какой-то прибор, который имитировал эти удары? – продолжал допытываться Климов.

– Мне показалось, что это стучал человек: было видно даже, как ящик слегка покачивается, – ответил таможенник.

– Мне тоже так показалось, – подтвердил слова таможенника сотрудник Службы дипсервиса.

– Тогда почему он не кричал, не звал на помощь, а всего лишь стучал?

– Крики слышал мой напарник, я же говорил, – напомнил таможенник свои слова из начала разговора.

Когда чекисты и сопровождавшие их лица вошли в терминал, они обнаружили в его дальнем углу тот самый ящик, а рядом с ним стояли двое крепких молодых парней в одинаковых гражданских костюмах серого цвета. Это были те самые морские пехотинцы из посольства США, которые охраняли вализу. Они стояли примерно в десяти шагах от ящика и, судя по их виду, никого не собирались к нему подпускать. Жестом попросив своих подчиненных и сопровождающих остаться на месте, Климов подошел к одному из морпехов и, достав свое служебное удостоверение, представился на чистейшем английском:

– Полковник Федеральной службы безопасности Алексей Климов.

– Чем можем служить, мистер Климов? – сохраняя непроницаемое лицо, спросил морпех.

– Нам стало известно, что у вашего груза возникли определенные проблемы?

– Они касаются исключительно нас.

– Ошибаетесь: если внутри вашей вализы находится человек, которого мы ищем, это проблемы и наши тоже.

– В нашем ящике нет никакого человека.

– В таком случае, что за шумы слушали наши люди несколько минут назад?

– В ящике находится некое оборудование, вполне возможно в нем что-то сломалось и упало – отсюда и шум.

– Но наши люди слышали и чьи-то крики.

– Разве вы слышите эти крики сейчас? – удивился морпех.

Возразить Климову было нечего: ящик безмолвствовал. Поэтому полковник вернулся к своим коллегам.

– Темнит морпех, – сделал он вывод и закурил сигарету.

Сделав пару затяжек, обратился к таможеннику:

– Сколько долго вы могли еще держать здесь этот ящик?

– В том-то и дело, что уже сегодня вечером мы собирались подписать курьерский лист на право вывоза вализы. Держать ее дольше у нас возможностей не было. И тут вдруг эта история.

– Теперь вы можете продлить ее задержание?

– Вариантов два. Либо американцы согласятся показать нам внутренность вализы, с тем чтобы мы убедились в том, что в ней нет ничего противозаконного, и тогда они смогут сегодня же отправить ящик в Штаты. Либо они увозят вализу обратно в посольство. Теперь дело за американцами, что они выберут.

Едва таможенник это произнес, как в терминал вошли двое мужчин представительского вида. Это были дипломаты из американского посольства, что называется, легки на помине. Они прошли мимо компании Климова и подошли к морпехам. Их разговор полковнику и его компаньонам не был слышен, однако длился он недолго. Вскоре от американцев отделился один из дипломатов – высокого роста мужчина с седеющими висками. Подойдя к Климову, он представился:

– Советник посла Майкл Дуглас. С кем имею честь разговаривать?

Климов представился и для убедительности вновь продемонстрировал свое служебное удостоверение.

– Я бы хотел увидеться с кем-то из своих коллег из российского МИДа, – выразил пожелание американец.

– Они уже в пути, – ответил Климов. – Однако наше ведомство тоже имеет непосредственное отношение к происходящему, поэтому вам, мистер Дуглас, придется говорить и со мной.

– Что вы хотите от нас услышать?

– Полагаю, ваш морской пехотинец об этом уже доложил: нас интересует происхождение шумов в вашей вализе.

– Но он же вам уже объяснил: в ящике находится оборудование, которое могло сломаться...

– Не утруждайте себя пересказом сказок, – перебил американца полковник. – Вокруг вашей вализы возникла нестандартная ситуация, которая требует от нас соответствующих действий. Либо ваша сторона согласится показать нам содержимое вашей вализы, либо она отправится обратно в посольство. Вам выбирать.

– Это мнение вашего руководства?

– Это наше общее мнение – и руководства МИДа тоже.

– Мнение ваших дипломатов мы бы хотели услышать из первых уст. Так что извините, – сделав легкий кивок головой, американец удалился к своим.

– Вам не кажется, что они тянут время? – спросил у полковника таможенник.

– Они этим уже несколько дней занимаются, – внес поправку в слова таможенника Климов.

Когда спустя полчаса к месту событий прибыли представители российского МИДа – их было трое во главе с помощником министра Максимом Плетневым, – они первым делом пообщались с Климовым. Получив от него информацию относительно позиции американцев, российская делегация в полном составе направились к американцам. Представившись, Плетнев сообщил:

– Позиция нашего министерства полностью совпадает с позицией Федеральной службы безопасности. Вам предстоит решить: либо разрешить нам осмотреть вашу вализу, либо забрать ее обратно в посольство. В таком виде выпустить из страны мы ее не можем.

– Что имеется в виду под последним? – спросил Дуглас.

– То, что мы подозреваем наличие в вашем ящике человека, которого мы обвиняем в совершении тягчайших преступлений. Вы с

самого начала отметили наши подозрения, но сегодня у нас появились веские причины вам не верить. Сегодняшний инцидент сыграл в нашу пользу. Поэтому наша просьба к вам все та же: если вы согласитесь открыть ящик и развеять наши подозрения, то мы гарантируем беспрепятственную отправку вашего ящика по любому указанному вами адресу.

– В течение какого времени может быть осуществлена эта отправка?

– В самое ближайшее – уже сегодня вечером. Представители таможни и Службы дипломатического сервиса могут это подтвердить.

– В таком случае, мы должны посоветоваться с посольством.

– О чем?

– Я должен передать им суть ваших предложений.

– Хорошо, передавайте, – согласился Плетнев. – Но в ваших интересах разрешить нам немедленно осмотреть вашу вализу, с тем чтобы потом мы смогли быстро оформить ее отправку. Насколько я помню, вы были заинтересованы в том, чтобы это произошло как можно быстрее?

– Мы не можем допустить вас до нашей вализы без предварительных консультаций с посольством, – стоял на своем американец.

– Почему? Если вы уверены в том, что в вашем ящике нет человека, что мешает вам наглядно подтвердить это прямо сейчас?

– В ящике находится секретное оборудование, которое мы не имеем права вам показывать. Вы же дипломат и прекрасно это понимаете, – губы американца тронула легкая тень улыбки.

– Хорошо, советуйтесь с посольством, – сдался Плетнев. – Сколько времени вам понадобится, чтобы сделать телефонный звонок – пять минут, десять?

– Полагаю, что на решение этого вопроса уйдет гораздо больше времени, мистер Плетнев, до нескольких часов.

– Почему так много?

– Есть некие нюансы, которые не позволяют решать эту проблему в спешке.

– Что за нюансы?

– Ну вы же дипломат... – развел руками американец, сопроводив этот жест лукавой улыбкой.

Москва, гостиница «Ленинградская-Хилтон»

Вишнев вот уже битый час стоял у гостиничного окна и смотрел на утреннюю Москву. Рядом на кровати лежал Чак Коламбус, причем он завалился туда прямо в одежде, и даже не удосужившись снять обувь. Крепкий сон никак не брал примера, поэтому он периодически открывал глаза, и каждый раз его взгляд натыкался на спину стоявшего возле окна напарника. Наконец, когда американец в очередной раз застал ту же картину, он не выдержал:

– Вам не надоело маячить у окна, мистер Морган?

Он не употребил подлинное имя дипломата из-за осторожности – вероятность наличия подслушивающих устройств в номере была велика.

– Я люблю смотреть на города, в которых бываю, именно в такие часы, когда они только-только просыпаются.

Вынужденный скрывать свои подлинные мысли и чувства, Вишнев на этот раз не сильно лукавил: он понимал, что если операция американцев по вывозу его из России удастся, то больше этот город, в котором родился и прожил всю жизнь, ему никогда своими глазами увидеть не доведется. Поэтому, вглядываясь сейчас в очертания Москвы, он старался сохранить в памяти милые его сердцу черты. Перед его взором открывалась Каланчевская площадь, где он когда-то, еще мальчишкой, бегал в соседний кинотеатр, поскольку жил поблизости – на Сухаревке. В шаговой доступности от них было сразу три кинотеатра: «Уран» на Сретенке, «Форум» на Садово-Сухаревской и «Перекоп» рядом с Каланчевской. «Странно, что испытывая неприязнь к современной России, я продолжаю любить Москву, – размышлял Вишнев. – И это при том, что от того города, в котором я когда-то родился, практически мало что осталось. Тогда почему я боюсь его потерять? Может быть, потому, что понимаю: за границей мне будет еще хуже? Что никакой Нью-Йорк или Лос-Анджелес не заменят мне этих переулков и площадей, что открываются сейчас перед моим взором? Что за чушь! Надо гнать от себя эту ностальгическую муру и не распускать нюни. Такие люди, как я, нигде не пропадут».

На этой ноте Вишнев наконец отошел от окна и отправился в ванную комнату, чтобы лишний раз убедиться в том, что с его гримом ничего не произошло. Как ни странно, но он достаточно легко привык к своему новому облику и даже нашел в нем нечто привлекательное. Например, он давно мечтал примерить на себя очки, теперь это желание сбылось – его лицо украшали эти самые очки, пусть и с обычными стеклами, сделанными по спецзаказу в Лэнгли.

В тот момент, когда он проходил мимо Коламбуса, тот произнес:

– Как хорошо было сегодня в посольстве с его бесплатными жратвой и питьем. В этой гостинице такого не дождешься.

– На часах семь утра, а вы уже проголодались? – удивился Вишнев.

– Это на ваших московских часах семь утра, а в Америке сейчас одиннадцать вечера – время, когда я обычно ужинаю.

– Хорошо, закажите завтрак по телефону, а я его оплачу.

Он понимал, что хотя бы таким образом должен отблагодарить американца за его сегодняшние старания.

Коламбус встал с кровати и направился к столику в коридоре, на котором стоял внутренний телефон. Спустя несколько секунд он уже диктовал портье заказ на завтрак по-английски, куда вошли жареный бекон, фасоль в томатном соусе, кровяная колбаса, картофельные гренки и яичница. Сделав заказ, американец вернулся в кровать и развалился на ней в той же позе, что и раньше.

Не успел он это сделать, как заиграла мелодия мобильного, который ранее принадлежал Клайву Флиндерсу, а теперь перешел к Вишневу. Дипломат высунулся из ванной комнаты, но американец сделал жест рукой, чтобы тот оставался на месте: трубку должен был взять именно он. Этого звонка они оба ждали, поскольку он входил в план операции по эксфильтрации Вишнева.

Нажав на кнопку приема, Коламбус услышал в трубке бодрый мужской голос:

– Патрик, это ты?

– Нет, это его приятель Самуэль Гришэм. А Патрик ушел в ванную комнату, видимо, собрался принять душ после ночного раута в посольстве. Кто его спрашивает?

– Это Андрей из Ногинска, он знает меня по экономическому семинару в Балтиморе годичной давности. Я узнал, что он прилетел в

Москву на форум и звоню, чтобы предложить ему встретиться. Вы не знаете, Самуэль, когда он сможет это сделать?

– Скорее всего, завтра, после его выступления на форуме. Он знает ваш адрес?

– Да, я ему продиктовал его еще в Балтиморе. Пусть позвонит мне и подтвердит время приезда. Скажите ему, что я очень буду ждать нашей встречи. Свожу его в прекрасный ресторан, где он попробует настоящую русскую уху и расстегаи, о которых столько слышал. Договорились?

– Окей, Андрей, я обязательно ему передам. Ждите его звонка!

И Коламбус нажал на кнопку отбоя. Дело было сделано – если русские прослушивают телефон Патрика Моргана (а они должны были поставить его на прослушку), то они возьмут на заметку этого «Андрея из Ногинска», которым на самом деле был один из сотрудников резидентуры ЦРУ в американском посольстве, специально очутившийся в этом старинном русском городке ради одного телефонного звонка. И когда сегодня Вишнев и Коламбус исчезнут из поля зрения русской «наружки», первое, что им должно будет прийти в голову: эти двое могли отправиться именно в Ногинск. На этот след их также должен был направить и глава американской делегации на форуме Мэтью Эванс с подачи все того же Коламбуса.

Закончив разговор, Чак положил мобильник на прежнее место и, подойдя к двери ванной комнаты, постучал в нее.

– В чем дело, Самуэль? – спросил Вишнев.

– Звонил некий Андрей из Ногинска. Вы его знаете?

Дипломат приоткрыл дверь:

– Да, мы познакомились с ним в прошлом году в Балтиморе. Чего он хочет?

– Зовет вас в гости на уху и какие-то расте... расто...

– Видимо, расстегаи? – рассмеялся Вишнев. – Это такие русские пироги с рыбой. Говорят, вкуснейшая вещь, если их делают специалисты.

– Судя по всему, в том ресторане, куда он вас приглашает, работают именно последние.

– Тогда вам стоит поехать со мной: вы, как я понял, покушать любите.

– Но когда ехать, если у нас сплошные пленарные заседания и круглые столы? Если только вечером, после форума?

– Надо подумать, – неопределенно высказался Вишнев и собрался было вновь закрыться в ванной комнате.

В этот миг в дверь их гостиничного номера позвонили. Увидев в глазах Вишнева тревогу, американец его успокоил:

– Кажется, это прибыл мой завтрак по-английски.

Он не ошибся: в номер вошел портье, который катил впереди себя тележку с завтраком. Закатив ее в помещение, он так же быстро удалился, прихватив деньги, которые американец вручил ему, достав их из портмоне Вишнева.

Выгрузив содержимое тележки на стол, Коламбус принялся за завтрак. Причем ел он с таким аппетитом, что, когда в гостиной вновь появился Вишнев, тот расхохотался:

– Вы так жуете, что это слышно даже в ванной.

– Я родился в семье фермеров и вашим интеллигентским штучкам не обучен, – ответил Коламбус. – Лучше садитесь и поддержите компанию.

Вишнев присел за стол и наложил себе в тарелку фасоль и яичницу с жареным беконом. Но съел всего лишь пару ложек фасоли, чтобы, не дай бог, не причинить вреда гриму. Зато осушил целый стакан клюквенного морса. После чего откинулся на спинку стула и взглянул на настенные часы: их стрелки приближались к восьми утра. Значит, до их отбытия в аэропорт оставалось чуть больше трех часов.

Попасть туда они планировали незаметно для русских контрразведчиков с помощью местного портье, который давно был связан с ЦРУ: он должен был незаметно вывести их из гостиницы через один из ее запасных выходов. Но перед этим Коламбусу предстояло навестить главу их делегации Мэтью Эванса, что тоже было одним из звеньев их плана по дезинформации русских. Чак должен был уговорить толстяка отпустить их сегодня днем в Ногинск, чтобы тот в свою очередь рассказал об этом русским, когда те обратятся к нему за разъяснениями (а те обязательно должны были так поступить, в этом у них не было никаких сомнений), куда это запропастились с форума сразу двое членов американской делегации. В итоге пока русские искали бы их в Ногинске, они благополучно добрались бы до аэропорта, а в тринадцать пятьдесят по московскому

времени вылетели бы из Москвы рейсом «Аэрофлота» в Афины по новым паспортам, которые они получили сегодня на рауте. Благо у американского посольства есть бронь на этот рейс и два билета им уже заказаны, надо только прибыть в аэропорт за час до отлета.

После сытного завтрака Коламбус вновь разлегся на кровати и быстро уснул, измученный тревожными минувшей ночи. Однако спустя час, в начале десятого, его разбудил Вишнев, который за все это время ни разу не сомкнул глаз: в отличие от американца, ему было не до сна.

Растормошив компаньона, дипломат молча показал ему на настенные часы: мол, пора. Не говоря ни слова, Коламбус сходил в ванную комнату, где привел себя в надлежащий порядок, после чего вышел из номера, не забыв оставить в нем свой мобильный телефон.

К его удивлению, глава делегации уже проснулся и принимал душ. Открыв гостю дверь, Эванс вновь убежал в ванную, а Коламбусу предложил подождать его в гостиной. В двухместном номере он жил один, пользуясь привилегиями руководителя делегации.

Спустя несколько минут он вышел из ванной, облаченный в мокрую простыню, и плюхнулся в кресло рядом с гостем. Налив себе в бокал минералки, он одним залпом влил ее в себя и только после этого спросил:

– Какой леший принес вас ко мне в такую рань, у вас еще целых три часа до сбора делегации?

– А какой леший поднял вас в это время, мистер Эванс?

– Мне надо поработать над моим сегодняшним докладом на форуме.

– Тема? – поинтересовался гость, предполагая, что этот интерес только расположит к нему хозяина номера.

– Рост безработицы в США в свете финансового кризиса. Хочу покопаться в интернете на предмет сверки моих цифр с последними данными о мировой безработице. Кстати, вы на форуме, кажется, не выступаете?

– У вас верные сведения, – наливая в свой бокал минералки, ответил Коламбус. – Зато я участвую в круглых столах в качестве эксперта.

– Напомните, пожалуйста, вашу специализацию, мистер...

– Самуэль Гришэм. Я специалист по банковским кредитам.

– Да вас само Провидение ко мне прислало, – Эванс от радости хлопнул себя руками по толстым ляжкам. – Мы с женой как раз собираемся взять долгосрочный кредит на покупку нового дома. И мне хотелось бы узнать...

– Мистер Эванс, я готов дать вам любой подробный совет по кредитам, но только не сейчас. У нас же уйма времени: форум продлится еще три дня.

– Хорошо, ловлю вас на слове. Рассказывайте, что привело вас ко мне в такую рань.

– Мы с моим приятелем Патриком Морганом хотим во время форума навестить одного русского приятеля. Он живет в Подмоскowie и сегодня поздно вечером улетает за границу. Единственный возможный вариант его увидеть – сегодня днем.

– Встреча старых приятелей – это, конечно, хорошо, – сжимая в руках пустой бокал, произнес Эванс. – Но форум длится меньше недели, а количество заседаний и семинаров не такое большое, чтобы их не посещать. Тем более сразу двум членам нашей делегации.

– Но это же суцая формальность, мистер Эванс, – лицо Коламбуса приняло просительное выражение. – К тому же, обещаю вам, что сразу после возвращения просвещу вас на предмет вашего кредитования. Более того. Наш приятель прилетел с Дальнего Востока и привез несколько килограммов черной икры. Если мы сегодня к нему попадем, то обещаю, что один килограмм этого деликатеса достанется лично вам в качестве презента. Ну как, договорились?

– Ну, если речь зашла о черной икре, то все претензии отпадают, – по счастливому лицу толстяка было видно, что он купился на предложение гостя.

– Только у меня к вам будет одна просьба, – Коламбус поставил пустой бокал на стол, а сам подался всем телом к толстяку. – Если вдруг нас станет искать кто-то из русских...

– Какого черта им вас искать? – не дал договорить гостю Эванс.

– Ну вы же видели, что сегодня они творили возле нашего посольства. Членов нашей делегации подозревают в каких-то немыслимых грехах, именно этим и вызваны мои опасения.

– Пошли они к дьяволу со своими подозрениями! – лицо толстяка побагровело от злости. – То, что они творили сегодня у посольства,

просто возмутительно. Мы не давали им никакого повода так себя с нами вести.

– Я совершенно с вами согласен, мистер Эванс. Но русских не переделаешь, у них врожденная мания подозрительности еще с советских времен. Особенно к нам, американцам. Поэтому, если они вдруг начнут нас искать, не посылайте их к дьяволу. Не нагнетайте лишние страсти и скажите им правду: дескать, отправились провести приятеля в Подмоскovie, в город Ногинск. Договорились?

– Ну, если вы об этом просите, – развел руками толстяк. – Тем более что мне за это причитается целый килограмм черной икры.

После этих слов оба собеседника громко рассмеялись.

Примерно без десяти одиннадцать Вишнев и Коламбус покинули свой номер. Они доехали на лифте до второго этажа и спустились по лестнице вниз, к запасному выходу. За несколько минут до этого здесь побывал тот самый портье, который своим ключом открыл дверь и теперь дожидался их в ста метрах от отеля, у киоска «Пресса». Отдав ему свои мобильные телефоны, беглецы отправились дальше. Им предстояло пройти еще несколько десятков метров до ближайшего поворота, где в синем «Шевроле» их дожидался другой проводник – один из сотрудников резидентуры ЦРУ в Москве, представившийся Томом Этли. Проехав несколько сот метров вперед, цэрэушник убедился в том, что за ними нет «хвоста», после чего обернулся к беглецам:

– Мистер Вишнев, вам накладной живот не надоел?

– Еще как! – честно признался дипломат.

– Тогда можете его снять: он вам больше не понадобится.

– Я бы и от грима с радостью отказался, – сообщил Вишнев.

– Увы, но грим пока трогать не будем, это опасно, – строго объявил цэрэушник. – Вы же числитесь во всероссийском розыске, и фото с вашим лицом наверняка имеется и на пропускных пунктах во всех российских аэропортах. Поэтому придется потерпеть до Америки. Зато одежду можно сменить смело, прежняя вам будет велика. Держите новый костюм, – и Этли передал Вишневу новый комплект одежды, лежавший на переднем сиденье.

Последнюю новость беглый дипломат встретил с радостью: чужую одежду он все это время носил с плохо скрываемой

брезгливостью. Переодевание заняло у него около пяти минут. Когда оно было закончено, Этли вновь повернулся к своим пассажирам:

– Новые паспорта при вас?

Беглецы кивнули головами. Эти документы они получили сегодня в посольстве, по ним они теперь носили другие имена: Вишнев превратился в Гленна Гатри, а Коламбус – в Дункана Кейна.

– Тогда попрошу отдать мне ваши прежние документы.

Вишнев и Коламбус передали паспорта цэрэушнику. Тот спрятал их во внутреннем кармане своего пиджака, а взамен достал оттуда билеты на самолет.

– Полетите из аэропорта Домодедово спаренным рейсом через Ригу в Афины.

– Почему не прямым? – удивился Вишнев.

– К сожалению, такой рейс в столицу Греции будет только через пять часов, а у нас каждая минута на счету.

– Почему именно в Афины? – это уже в разговор вступил Коламбус.

– Я понимаю, что вам удобнее было бы лететь прямым рейсом до Нью-Йорка, но это опасно: русские в первую очередь будут искать вас именно на таких рейсах. Поэтому мы выбрали для вас самый оптимальный вариант – через Афины. Выбор не случаен: там вас будет поджидать человек, которого господин Вишнев прекрасно знает.

Поймав на себе вопросительный взгляд дипломата, Этли назвал это имя – Саймон Янг.

– Саймон будет нашим проводником? Да вы просто сняли камень с моей души! – судя по той радости, которая озарила лицо Вишнева, он был искренне счастлив услышать это сообщение.

– Чему вы радуетесь, мы еще в Москве, – вернул компаньона с небес на землю Коламбус.

– Вы ничего не понимаете, если к делу подключен Саймон Янг, то впереди нас ждет только удача, – продолжая улыбаться, ответил Вишнев.

– Сейчас вы выйдете и поймаете такси до аэропорта Домодедово, – продолжил свою речь Этли. – А я заберу у портье ваши мобильники и отправлюсь с ними в Ногинск. Таким образом мы уведем русских как можно дальше от вашего настоящего места пребывания. И да хранит вас Господь!

Под это напутствие Вишнев и Коламбус пожали Этли руку и выбрались из салона.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

Кондратьев медленно допивал «Боржоми» из высокого бокала, когда в его кабинет буквально влетел Жмых:

– Федор Иванович, двое американцев пропали!
– Глеб Сергеевич, я из-за вас едва не поперхнулся, – вытирая губы платком, произнес генерал. – Сядьте и спокойно объясните, что случилось.

– Я же говорю: двое американцев исчезли из поля нашей видимости, – шагая к стулу, сообщил полковник. – Если конкретно: Самуэль Гришэм и Патрик Морган. Последний входит в наш список возможных кандидатов для замены Вишневу под номером четыре. Это тот, что с козлиной бородкой, любитель «Макдоналдса».

– Когда и при каких обстоятельствах они оторвались от нашего наблюдения?

– Примерно около одиннадцати утра они покинули свой номер в отеле, что зафиксировано камерами видеонаблюдения. Спустились на лифте на второй этаж, а потом сошли по лестнице до запасного выхода. Через него и вышли. Причем налегке, а их мобильники оказались отключены.

– Этот выход они сами нашли или кто-то помог?

– Неизвестно. Видеокамера, которая фиксирует тот самый злосчастный запасной выход, второй день не работает. Короче, наши люди обнаружили исчезновение американцев в двенадцать часов дня, когда их делегация погрузилась в автобус, чтобы ехать на форум. Они вовремя тормознули автобус еще на выезде из гостиницы и узнали от главы их делегации, что Гришэм и Морган отпросились у него съездить в Ногинск. Тогда наши спецы попытались засечь их через GPS в мобильниках и выяснили, что они действительно движутся по направлению к Ногинску.

– Почему именно туда?

– Дело в том, что около восьми утра Моргану позвонил некий Андрей из Ногинска. Звал американца приехать к нему отведать настоящей ухи и расстегаев в местном ресторане. Вот мы и думаем, что они могли направиться туда по этому приглашению.

– Мобильник этого Андрея засекли?

– Нет, он звонил с городского телефона. Но мы уже дали знать нашим коллегам из Ногинска, и они пробивают этого Андрея. Из его разговора нам известно, что он в прошлом году был в Балтиморе, где и познакомился с Морганом.

– Вы полагаете, что это знакомство действительно было?

– То есть?

– У меня есть подозрение, что этот Андрей из Ногинска – элементарная подстава. Судите сами. Во-первых, звонил он с городского телефона, хотя мог сделать это с мобильного. Во-вторых, ответный звонок Моргану этому Андрею зафиксирован?

Вместо ответа Жмых мотнул головой.

– Получается, каким образом они обговорили место и время встречи? Или американец тоже звонил с городского телефона, хотя у него под рукой всегда мобильник? Вам не кажется это странным? В-третьих, они покинули отель через запасной выход, чтобы не попадаться на глаза нашей «наружке». Значит, предполагали, что за ними следят. Наконец, в-четвертых, Морган и Гришэм общаются между собой в автомобиле или молчат?

– Их мобильники отключены.

– Почему? Не потому ли, что их просто нет в этом автомобиле? Мобильники есть, а их хозяева отсутствуют.

– Тогда где они?

– Скорее всего, едут в какой-нибудь из аэропортов, чтобы благополучно покинуть наш славный город-герой.

В это время на столе Кондратьева зазвонил один из трех стационарных телефонов. Подняв трубку, генерал услышал в ней взволнованный голос Алексея Климова, который с утра дежурил в таможенном терминале возле ящика из американского посольства. Узнав полковника, Кондратьев нажал на кнопку громкой связи, чтобы Жмых тоже слышал их разговор:

– Товарищ генерал, только что в американской вализе явственно слышались человеческие крики. Там явно сидит кто-то живой и барабанит по ящику изнутри, – сообщил Климов.

– Американцы там? – спросил Кондратьев.

– Кроме двух пехотинцев есть еще один мелкий клерк из посольства. Он при нас позвонил в Большой Девятинский и сообщил, что за ящиком уже выехал транспорт – фургон. Приближаться к ящику они по-прежнему не разрешают. Может быть, надавить на них? У нас есть такое право, ведь человек внутри может попросту окочуриться.

– Если бы вы были правы, товарищ полковник, он бы давно отдал богу душу. А он все еще жив, да при этом барабанит по ящику, будто заяц по барабану. На мой взгляд, это все та же подстава.

– Какая подстава?

– У меня нет времени вдаваться в детали, но за сообщение спасибо, оно многое прояснило. Оставайтесь на месте и ждите прибытия фургона. Проследите за отправкой вализы в посольство. До свидания!

Положив трубу, Кондратьев вновь взглянул на Жмыха:

– Вам не кажется странным, Глеб Сергеевич, что этот «раб лампы», а в нашем случае «раб в ящике», начал орать благим матом именно в тот момент, когда двое наших американцев якобы отправились за расстегаями в Ногинск?

– Вы считаете это звеньями одной цепи? А вдруг ошибаетесь?

– Думаете, в ящике горланит подонок Вишнев?

– Почему бы и нет?

– Потому что это слишком мелко для тех авантюристов, что играют против нас. В ящике сидит какой-нибудь морпех из посольства, а в Ногинск едет какой-нибудь цэрэушник из местной резидентуры, распахав по карманам мобильники Гришэма и Моргана. Те же в свою очередь сейчас уже в аэропорту и ждут не дождутся отправки самолета.

– Тогда надо немедленно оповестить все аэропорты.

– Конечно, надо, – согласился Кондратьев. – Но было бы еще лучше, если бы мы точно знали, из какого именно аэропорта беглецы собираются покинуть страну – их у нас три основных: Шереметьево, Домодедово и Внуково. И отовсюду самолеты летают за границу. А это примерно с добрый десяток рейсов.

– Но мы же знаем имена наших клиентов и направление полета.

– Увы, увы, увы, – развел руками Кондратьев. – Имена им могли сменить, выдав новые паспорта, а направление изменить, зная о том, что мы будем их искать по рейсам в Америку. А они, судя по всему, летят куда-нибудь в Европу, лишь бы подальше от Москвы.

– Полагаете, что мы уже опоздали?

Кондратьев на несколько секунд задумался, перебирая карандаши в канцелярском стаканчике. Затем вновь поднял глаза на полковника:

– Поставим себя на место наших коллег из Лэнгли. Даже учитывая их авантюризм, вряд ли они решатся направить два снаряда в одну воронку. Я имею в виду, что в Шереметьево эти двое вряд ли поедут: там еще находится их ящик и, значит, есть наши люди, которых можно быстро переключить на их поиски. Поэтому Шереметьево из нашего списка мы исключим. Остаются Домодедово и Внуково. Когда, вы говорите, наши клиенты вышли из своего номера?

– В районе одиннадцати утра.

– От Каланчевки до обоих аэропортов примерно сорок – сорок пять минут езды. Учитывая пробки, добавим еще полчаса – получим час пятнадцать. Таким образом, фиксируем время – двенадцать пятнадцать дня. Еще час добавим на прохождение таможенного контроля. Итого – тринадцать пятнадцать дня. Ну, добавим еще полчаса. В итоге получается, что время вылета варьируется между тринадцатую пятнадцатую и тринадцатую сорока пятью дня. От нас требуется немедленно послать в эти аэропорты людей, чтобы они постарались прочесать пассажиров всех самолетов, вылетающих в Европу в это время. Сколько у нас сейчас на часах? Двенадцать сорок. Значит, примерно час с небольшим у нас в запасе есть. Правда, работа предстоит титаническая – найти иголку в стоге сена.

Сказав это, Кондратьев потянулся к своему ноутбуку, до этого мирно лежавшему на столе, и достаточно быстро узнал, какие именно рейсы в направлении европейских стран отправляются сегодня с двух аэропортов. И сообщил об этом полковнику:

– В названный мною период времени из Домодедово вылетают семь рейсов: два в Вену и по одному в Лондон, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне, Афины и Мадрид. Из Внуково – пять рейсов: два в Берлин, два в Дюссельдорф и один в Римини. Итого – двенадцать рейсов. Учитывая, что в основном летают «Боинги», «Аэрбасы» и наши

«ИЛы-62», пассажиров не одна тысяча. Если быть точным: «Боинг» вмещает порядка четырех сотен пассажиров, три сотни у «Аэрбаса» и чуть меньше двухсот у наших «Илов». Умножаем эти цифры на двенадцать рейсов и получаем около трех тысяч человек. Не хило, да? И это я посчитал только европейские рейсы, а если наши клиенты решили рвануть куда-нибудь в другую сторону? Например, в Бангкок или Тель-Авив, а уже оттуда лететь в Штаты?

– Как же быть – опустить руки?

– Ни в коем случае! Будем искать, а там как кривая вывезет.

– А что подсказывает ваша знаменитая интуиция?

– К сожалению, на нее надежды мало. Она мне подсказывала, что позвонит Максимов из Каира, но он так и не позвонил, – и Кондратьев с тоской взглянул на свой мобильник, лежащий на столе рядом с ноутбуком.

* * *

Москва, аэропорт Домодедово

В аэропорт Вишнев и Коламбус приехали на такси за час до вылета. Причем, войдя в здание, они направились не напрямую к стойке регистрации, а сначала заглянули в туалетную комнату. Еще в автомобиле Чак заметил у своего компаньона некие огрехи на его загримированном лице, однако устранять их в салоне такси было опасно. Поэтому, достигнув туалетной комнаты, они закрылись в одной кабинке, где Чак в течение нескольких минут вносил во внешность Вишнева необходимые коррективы, вооружившись маленькой кисточкой, которая была у него в кармане пиджака. И только после этого они отправились к стойке регистрации.

Все это время Вишнев старался сохранять спокойствие и даже пару раз улыбнулся, когда его компаньон шутил, подходя к стойке. Однако чем ближе они приближались к окошкам, за которыми восседали сотрудники таможни, тем большее волнение охватывало Вишнева. Ему вдруг стало казаться, что именно здесь его разоблачат, обнаружив следы грима на лице. Хотя его лицо было самым тщательным образом осмотрено несколько минут назад в туалетной

кабинке Чаком и никаких нареканий у него не вызвало. Но Вишнев все равно боялся, несмотря на то что до этого не один десяток раз мысленно представлял себе эту ситуацию и даже репетировал ее перед зеркалом в ванной комнате гостиничного номера. Однако едва эта ситуация возникла наяву, как все наработки дипломата вылетели у него из головы. И ему пришлось играть фактически с чистого листа.

Первым к окошку регистрации подошел Коламбус, который был на удивление спокоен. Впрочем, в отличие от его компаньона, ему было легче: он представлял не кого иного, как самого себя, хотя и под другими именем и фамилией. И кроме фальшивого паспорта ничто не могло выдать в нем нарушителя. Чего нельзя было сказать о Вишневе, который подошел к стойке с фальшивым лицом, что на порядок увеличивало риск быть разоблаченным. Но ему повезло: за стойкой регистрации оказалась красивая блондинка, которая была настроена вполне благожелательно. Хотя в первую минуту их общения дипломату пришлось изрядно поволноваться. Взглянув на его лицо, чтобы сверить его с фотографией в паспорте, девушка огорошила беглеца вопросом:

– Вам что, плохо?

Вопрос был задан по-русски, и Вишнев, охваченный волнением, уже собрался было ответить девушке на родном для него языке. Но буквально в последнюю секунду опомнился и спросил по-английски:

– Excuse, I didn't understand? (Извините, не понял?).

Девушка улыбнулась и тоже перешла на английский:

– You have a pale face (У вас бледное лицо).

– Yes, I have a headache (Да, у меня разболелась голова).

– To help you? I have a tablet (Вам помочь? У меня есть таблетка).

– I would be very grateful to you (Я был бы вам очень признателен).

Девушка достала из-под стойки упаковку какого-то лекарства и элегантно движением выдавила из нее одну таблетку. Потом положила ее на паспорт Вишнева и с улыбкой протянула это все ему. Дипломат забрал документ, а таблетку тут же отправил в рот. И хотя с головой у него было все в порядке, однако это лекарство стало для него подлинным эликсиром: проглотив его, он внезапно перестал волноваться, улыбнулся и даже помахал таможеннице на прощание рукой. И бодрым шагом отправился к последнему пропускному барьеру – на личный досмотр. И там уже почти не волновался,

послушно выполняя все команды сотрудников службы безопасности. В конце концов спустя несколько минут беглецы оказались в зоне ожидания, миновав все положенные проверки. И там Коламбус дал волю своим чувствам: он обнял компаньона за плечи и с силой прижал его к себе. Но Вишнев не торопился разделить с ним эту радость:

– Что вы радуетесь, как ребенок, будто мы с вами вышагиваем по Бродвею или 42-й авеню? Это всего лишь зона ожидания аэропорта Домодедово. Даже когда мы взлетим в небо, у нас еще есть вероятность быть посаженными на каком-нибудь российском аэродроме.

– Неужели вы до сих пор не поняли, что фортуна сегодня на нашей стороне? – продолжал радоваться гример. – Судите сами: мы благополучно вырвались из посольства, незаметно скрылись из гостиницы и вот теперь прошли все этапы проверки в аэропорту. Это сигнал от Всевышнего, что он целиком на нашей стороне.

– Вы так сильно верите в бога?

– А вы разве нет? – искренне удивился Коламбус.

– Представьте себе, я атеист.

– В таком случае предлагаю заключить пари. Если мы благополучно добираться до берегов Америки, то вы обещаете стать послушным прихожанином в каком-нибудь христианском храме в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе.

– А если проиграете вы?

– В таком случае я стану атеистом, – засмеялся Коламбус. – Но это вряд ли: победа в этом пари будет за мной.

– Постучите по дереву, Чак, чтобы не сглазить.

Коламбус стал озираться по сторонам, пытаясь найти что-то деревянное, чтобы последовать совету своего компаньона. Но, не найдя ничего подходящего, постучал костяшками пальцев себе по голове. Чем вызвал улыбку на лице Вишнева:

– Вы очень самокритичны, Чак.

– А вы слишком пессимистичны, мистер Вишнев. Разрешите мне называть вас теперь вашим настоящим именем.

– Полагаю, что это тоже преждевременно.

– А когда будет в самый раз?

– Когда мы долетим хотя бы до Риги. В Латвии я действительно поверю в то, что мы наконец-то вырвались на свободу. Эта страна

смотрит в рот Америке и торчит большой занозой в заднице России. Так что потерпите, Чак, недолго осталось.

Спустя двадцать минут они уже заняли свои места в самолете «Боинг-737». Усаживаясь возле окна, Вишнев внимательно вглядывался в то, что происходило снаружи, однако ничего подозрительно, к своему удовлетворению, не обнаружил. На взлетной полосе, как и вдали, у здания аэропорта, не было никакой суматохи, характерной для той ситуации, когда спецслужбы кого-то разыскивают.

Между тем внутри аэропорта все выглядело иначе. Туда уже прибыли полтора десятка сотрудников ФСБ, которые, имея на руках фотографии Моргана и Гришэма, теперь интенсивно передвигались по всем этажам аэропорта и внимательно вглядывались в пассажиров. Некоторые из чекистов подходили к служащим аэропорта и отдельным пассажирам и показывали им фотографии разыскиваемых в надежде на то, что те их узнают. Однако никто из тех, кому показывались фотографии, не смог опознать в них людей, которых они могли здесь ненароком видеть.

Хотя в один из моментов контрразведчикам могло повезти. Двое из них направились к таможенным окошкам регистрации, где сидели работники, которые чуть больше получаса назад проверяли документы у Вишнева и Коламбуса. Среди таможенников была и та сердобольная девушка, которая помогла Вишневу с таблеткой. Однако буквально за пару минут до того, как контрразведчики подошли к окошкам, там произошла пересменка, и те сотрудники, которые проверяли паспорта беглецов, ушли, уступив место своим коллегам. А те, посмотрев на фотографии разыскиваемых, лишь пожали плечами. Правда, один из них – таможенник средних лет, сменивший сердобольную девушку – упомянул о том, что заступил на дежурство недавно.

– Вам бы опросить тех наших коллег, кто сидел перед нами, – посоветовал он чекисту. – Я, например, сменил Лику Иванову.

– А как можно найти эту Лику? – поинтересовался чекист.

– Легко, учитывая, что ее видно издали: она яркая блондинка.

– Куда она могла пойти, не знаете?

– Поищите в наших апартаментах, – и таможенник указал на металлическую дверь, расположенную на противоположной от окошек регистрации стороне.

Разыскник бросился к указанной двери, но она оказалась заперта, видимо, вся смена ушла на обед и, где ее теперь искать, было непонятно. Подергав ручку, чекист повернулся лицом к таможеннику, который его сюда направил, но тот был занят – проверял документы у очередного пассажира. Тогда разыскник отправился бродить по аэропорту в надежде на то, что ему удастся отыскать яркую блондинку, одетую в форму таможенника. И в один из моментов судьба их едва не свела – на втором этаже, возле валютного обменника. Однако за несколько секунд до появления там чекиста, Лика Иванова зашла в книжный магазинчик, а разыскник прошел мимо, так и не заглянув внутрь магазина. Попутно он вглядывался в лица пассажиров, сидевших на скамейках, в надежде увидеть среди них двух беглецов. Однако никто из сидевших или проходивших мимо людей не был похож на разыскиваемых.

В это время чекист услышал по громкой связи объявление об очередной посадке на самолет и его осенило. У него появился шанс все-таки разыскать неуловимую Лику Иванову. Какое-то внутреннее чутье подсказывало ему, что эта встреча могла принести удачу в его розысках. Спустя несколько минут он уже был в бюро информации аэропорта и попросил одну из молодых женщин, работавших там, дать объявление следующего содержания: «Работника службы контроля Лику Иванову ждут у стойки бюро информации». Однако за несколько минут до этого Лика вышла из здания аэропорта на улицу, поэтому объявления не услышала. Прождав ее у стойки несколько минут, чекист растворился в толпе пассажиров.

В это самое время самолет «Боинг-737» с беглецами на борту начал движение по взлетной полосе. Едва это случилось, Коламбус положил свою ладонь на руку компаньона и так на него взглянул, что тот не смог сдержать улыбки. По всем приметам выходило, что пример оказался прав – их бегство все-таки удалось. Самолет все сильнее набирал разбег и спустя несколько минут, наконец оторвавшись от бетонки, взмыл в небо.

* * *

США, Лэнгли, штат Вирджиния.

Центральное разведывательное управление

Достав из коробки длинную сигару, Стивен Снайпс в течение нескольких секунд подержал ее перед носом, вдыхая аромат, после чего вместе с ней вернулся в свое кресло. Взяв со стола щипчики, он хотел было откусить «попку» у сигары, но потом передумал и потянулся рукой к спутниковому телефону. Первый звонок он сделал в Каир, Саймону Янгу. Тот взял трубку спустя несколько секунд после подачи сигнала.

– Саймон, это Снайпс, слушайте меня внимательно, – откинувшись на спинку кресла и забросив ноги на стол, начал разговор замглавы ЦРУ. – Вам надлежит сегодня, в семь часов вечера по греческому времени быть в Афинах. Сможете?

– Нет проблем, босс, – бодрым голосом ответил Янг. – Из Каира до Афин лететь всего лишь два часа.

– Это я и без вас прекрасно знаю. Но у вас в запасе всего лишь семь часов, а вам еще надо подыскать попутный самолет.

– У меня в запасе шесть часов, поскольку разница во времени между Египтом и Грецией составляет минус один час. Видимо, вы еще не проснулись, босс?

– Я еще даже не ложился, – ответил Снайпс.

В Америке в это время шел второй час ночи.

– А я собирался пойти отобедать нежным барашком, но теперь придется все отложить и заняться поиском подходящего самолета, – сообщил Янг. – Значит, я должен быть в Афинах строго в семь вечера?

– Именно, – подтвердил Снайпс. – Можно, конечно, и раньше, но не позже.

– К чему такая точность?

– К тому, что через час с небольшим после вас в те же Афины прилетит другой самолет, из Риги, где будут находиться два наших человека. Одного из них вы прекрасно знаете – это ваш крестный, по паспорту он теперь Гленн Гатри. Вам надлежит обеспечить им надлежащую охрану и последующий вылет сюда, в Штаты. Причем сопровождать их будете лично вы. Понимаете, какая на вас возлагается ответственность?

– Могли бы и не напоминать, босс, – в голосе Янга послышалась обида. – И вообще, вы могли бы предупредить меня обо всем заранее,

а не за несколько часов до отлета.

– Успокойтесь, Янг, – голос Снайпса заметно смягчился. – Дело не в недоверии к вам, а в элементарной осторожности. Мы до конца не были уверены в том, что побег вашего крестника удастся. Но буквально несколько минут назад мне сообщили, что самолет с ним благополучно вылетел из Москвы и взял курс на столицу дружественного нам государства. Так что не обижайтесь, а лучше бегите и заказывайте билеты на Афины. А мне еще предстоит звонок нашим коллегам из того самого дружественного государства. Гудбай!

Нажав кнопку «отбой», Снайпс вновь взял со стола сигару и в течение нескольких секунд вдыхал ее аромат. Однако закуривать и в этот раз не стал торопиться. Вернув сигару на стол, он вновь взялся за телефон и набрал номер главы латвийского Бюро по защите Сатверсме (Конституции) – головной спецслужбы Латвии, которая занималась разведкой и контрразведкой.

На другом конце трубку не брали примерно полминуты. Наконец, Снайпс услышал хорошо знакомый голос директора Бюро:

– Мистер Снайпс, извините за то, что заставил вас ждать, у меня проходит совещание. Этот звонок слишком важен для вас или его можно перенести? Совещание продлится еще около часа.

– Коллега, простите за то, что оторвал вас от важных дел, но ждать столько времени я не могу.

– В таком случае я внимательно вас слушаю.

– Примерно около четырех часов дня по вашему времени из Москвы в аэропорт Риги должен прибыть самолет, рейс 5894, – сообщил Снайпс. – На его борту находятся два американских гражданина, судьба которых нам небезразлична. Особенно это касается одного из них, у которого на руках паспорт на имя Гленна Гатри. Их фотографии мы вам вышлем незамедлительно.

– Извините, это не тот человек, которого русские пытались выкурить из вашего посольства в Москве?

– Вы угадали, коллега – это именно он. Поэтому я особенно подчеркнул нашу заинтересованность в его дальнейшей судьбе.

– Вы зря беспокоитесь, мистер Снайпс, ваша заинтересованность подразумевает и нашу. Ведь наши фирмы давно сотрудничают друг с другом, поэтому для нас большая часть сделать все для того, чтобы ваш человек чувствовал себя у нас в полной безопасности.

– Я несколько в этом не сомневался, – вновь поднеся сигару к носу, произнес Снайпс.

Он не лукавил. С момента развала СССР бывшая советская республика Латвия нашла себе нового «большого брата» – Соединенные Штаты Америки. Начался период их активного сотрудничества, в том числе и по линии спецслужб. Именно американские, а также британские советники взялись радикально перестраивать спецслужбы Латвии и в особенности их главный щит – БЗС (К). Из Бюро были вычищены все ненадежные сотрудники и набраны новые, надежные. К ненадежным относились сотрудники русского, латгальского (восток Латвии) и латышского (рижане, воспитанные в русскоязычной среде) происхождения, к надежным – выходцы из провинциальных городков и хуторов в регионах Куземе и Видземе, считающиеся оплотом латышского национализма.

Во главе новой спецслужбы был поставлен тот самый человек, с которым Снайпс сейчас разговаривал. Он был выходцем из очень благонадежной семьи: являлся внуком латыша, который в годы войны руководил отделением профашистской молодежной организации «Яумсарги», а потом был призван в латышский легион «Ваффен СС». Новый руководитель БЗС (К) родился в Великобритании, окончил военную академию и долгие годы работал военным атташе Туманного Альбиона в балтийских странах. Дослужился до звания бригадного генерала армии Ее Величества. Когда его кандидатура была предложена на пост главы Бюро, с ней согласились как в английской МИ-6, так и в американском ЦРУ – ближайшем партнере британских «джеймс бондов». При новом главе «восточный отдел» БЗС (К), работавший по России, был значительно расширен и получил второе дыхание. А само Бюро превратилось в главный форпост НАТО в Прибалтике. Поэтому, позвонив этому человеку, Снайпс несколько не сомневался в том, что тот сделает все от него зависящее, чтобы не только встретить агента ЦРУ Фараона на своей земле, но и обеспечить ему максимально возможные комфорт и безопасность. И вот теперь он нашел подтверждение своим мыслям в словах главы латышской спецслужбы.

– На какое время прибудет в Латвию наш дорогой друг? – спросил глава БЗС (К).

– Всего лишь на час. У него спаренный рейс, поэтому, пересев на другой самолет, он продолжит свой путь в одну из европейских стран. Там о нем позаботятся другие люди.

– Я все понял, мистер Снайпс. Будьте уверены, что наш дорогой друг будет встречен нашими людьми и препровожден для дальнейшего путешествия в нужном направлении. Ни один волос не упадет с его головы. Впрочем, я не допускаю даже мысли о том, что на нашей земле в его отношении может возникнуть даже малейшая опасность. Будьте уверены, что все его страхи остались позади, в России, а у нас его ждет самый теплый прием и полная безопасность.

– Я счастлив слышать эти слова из ваших уст, коллега, – радостно откликнулся на этот спич Снайпс. – И спасибо вам за тот рижский бальзам, что вы прислали мне месяц назад, он бесподобен.

– Пейте на здоровье. И мой вам совет: бросайте курить ваши ужасные сигары.

– Хорошо, я возьму ваш совет на заметку, – рассмеялся Снайпс и добавил. – Не прощаюсь, поскольку буду ждать от вас звонка по поводу нашего дорогого друга.

Сказав это, Снайпс нажал на телефоне кнопку «отбой». После чего взял щипчики, откусил «попку» у сигары и щелкнул зажигалкой. Бросать курить он даже не собирался.

* * *

Египет, город Каир. Отель «Найл Хилтон»

Едва в телефонной трубке послышались гудки, возвестившие о том, что Снайпс закончил разговор, Янг поднял руку с зажатым в ней спутниковым телефоном вверх, намереваясь со всей силы шарахнуть аппарат об стену. Однако вовремя сдержался и бросил телефон на скомканную постель, которую он так и не удосужился до сих пор привести в надлежащий порядок. Затем Янг опустил в кресло и обхватил голову руками.

– Будь прокляты эти русские, они упустили-таки Фараона! – сорвалось с его губ проклятие.

Но уже в следующую секунду он поймал себя на мысли, что желает поимки не кого-нибудь, а своего крестника, которого совсем недавно боготворил. «А что мне делать, если от его ареста зависит не только моя собственная карьера, но и, главное, жизнь, – подумал Янг. – Вот и приходится переживать не за него, а за этих треклятых русских. А они оказались полными кретинами. Стоп, может, еще не оказались? Ведь самолет с Фараоном все еще летит над Россией и можно успеть посадить его до того, как он войдет в воздушное пространство Латвии. Кажется, именно там он пересядет на другой самолет, чтобы долететь до Афин. Значит, надо срочно искать Максимова».

Янг схватил со стола свой мобильник и, наплевав на всякую конспирацию, стал набирать телефон русского прямо отсюда, из своего номера в «Найл Хилтоне».

На удачу Максимов отозвался практически сразу.

– Иван, где вы находитесь? – первым делом спросил Янг.

– В нашем посольстве, – последовал немедленный ответ.

– Хвала Господу, значит, вы сможете быстро связаться со своими.

Слушайте меня внимательно и не перебивайте. Несколько минут назад из вашей столицы вылетел самолет, на борту которого находится нужный вам человек. Его теперешнее имя Гленн Гатри. Он летит спаренным рейсом через Ригу в Афины. Я должен вылететь в Грецию немедленно, чтобы встретить его и сопроводить дальше к нам на родину.

– Я все понял, Саймон, и благодарю вас. Мы свое слово держать умеем: если нужный нам человек окажется у нас, все, что я обещал, будет исполнено.

* * *

Египет, город Каир. Посольство РФ.

Закончив разговор, Максимов немедленно бросился к шифровальщикам. И уже спустя несколько минут по спецсвязи позвонил напрямую Кондратьеву. Тот поднял трубку практически мгновенно, поскольку давно ждал этого звонка.

– Федор Иванович, на долгие вступления нет времени, – без всяких предисловий начал разговор Максимов. – Несколько минут назад Фараон под именем Гленна Гатри вылетел из Москвы. Летит в Ригу, чтобы оттуда спаренным рейсом добраться до Афин, а уже оттуда в Штаты. Я надеюсь, у вас получится не допустить его бегства.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

Получив информацию, Кондратьев тут же застучал по клавишам своего ноутбука. И вскоре уже знал, откуда и каким рейсом Вишнев с компаньоном вылетели в Ригу – из аэропорта Домодедово, рейс 5894. Время в пути – чуть меньше двух часов.

«Значит, через полтора часа они будут в Риге, – сделал вывод генерал. – А меньше чем через час пересекут границу с Латвией, и пиши пропало. Хотя...»

Кондратьев взял трубку внутреннего телефона и позвонил в кабинет директора ФСБ. Тот тоже был на месте, ежеминутно ожидая сообщений о результатах погони за Вишневым. Услышанное от генерала поначалу повергло его в шок. Однако последующие слова Кондратьева вернули его в привычное состояние:

– У нас еще есть шанс посадить самолет на нашей территории, если мы будем действовать быстро и решительно, – четко выговаривая каждое слово вещал на другом конце провода Кондратьев.

– Какой авиакомпании самолет? – спросил директор.

– Латвийской, «Аирбалтик». И еще: на борту находится делегация латвийского Сейма, возвращается на родину с заседания какой-то межпарламентской комиссии.

– Это точная информация?

– Вычитал на аэропортовском сайте, по времени вылета самолета, вроде, все совпадает, они должны быть на нем.

– Час от часу не легче, – в сердцах воскликнул директор. – В любом случае без санкции нашего президента такие дела не делаются. Буду немедленно связываться с ним.

– В таком случае я поднимаюсь к вам, – и Кондратьев бросил трубку на аппарат.

* * *

***Москва, Лубянка. Федеральная Служба Безопасности.
Кабинет Директора ФСБ***

Президент России в эти минуты находился в Санкт-Петербурге на Международном политическом форуме, и директор ФСБ молил Бога, чтобы глава государства находился не на одном из его заседаний или на какой-нибудь пресс-конференции, а был относительно свободен. Всевышний услышал эти мольбы: на форуме в эти минуты был объявлен перерыв и президент двигался по коридору в сторону столовой. В этот самый миг у его помощника, шедшего рядом, зазвонил мобильник. Услышав, кто звонит, помощник передал трубку президенту. Тот замер посреди коридора, то же самое сделала и его охрана, шедшая с двух сторон.

– Господин президент, ситуация требует вашего немедленного решения, – стараясь держаться как можно спокойнее, произнес директор ФСБ. – Беглец, которого мы разыскиваем, сумел вырваться из посольства и на данный момент находится в самолете, который летит в Ригу. До границы с Латвией ему лететь еще примерно полчаса, поэтому у нас есть шанс посадить самолет на нашей территории.

– Ошибки быть не может, беглец точно там? – спросил президент, после секундного молчания.

– Информация надежная, пришла от нашего источника за рубежом, работающего на этом же направлении.

– Что предлагаете?

– Связаться с экипажем и под предлогом того, что на борту может находиться бомба, посадить их на территории Псковской области. Если не сработает, например, они захотят дотянуть до Латвии, тогда придется поднимать в небо военный самолет. Но есть одно «но», господин президент.

– Я слушаю.

– В этом же самолете летит правительственная делегация латвийского Сейма, бывшая в Москве. Да и сам самолет латвийский.

– В таком случае посадить самолет с привлечением военных считаю нецелесообразным, – твердо заявил президент. – К тому же вы уверены, что у нас есть в запасе необходимое время?

– По нашим расчетам самолету лететь над нашей территорией около получаса.

– Можем не успеть. Пока свяжемся с экипажем, пока они начнут уточнять детали, глядишь, и в самом деле дотянут до границы. Короче, уверенности в том, что мы успеем, лично у меня нет. Вы думаете иначе?

– Я с вами согласен, – ответил глава ФСБ и добавил. – Но делать что-то необходимо.

– У вас есть еще что-то в запасе?

В это время в кабинет вбежал Кондратьев. Директор подозвал его к себе и включил на телефоне громкую связь:

– Господин президент, рядом со мной генерал Кондратьев, который планировал операцию против нашего беглеца.

– Что же вы, генерал, упустили этого мерзавца? – спросил президент.

– И на старуху бывает проруха, – вздохнул Кондратьев. – Но мы готовы исправить ситуацию, если вы дадите соответствующую санкцию.

– На посадку самолета военными я «добро» не даю, – жестко отреагировал президент.

– Тогда разрешите предложить другой вариант, – его Кондратьев придумал буквально на ходу, когда бежал к директору ФСБ. – Была у древних китайцев такая стратегия: «Обмани небо, чтобы пересечь океан». С ее помощью китайцы заставляли врага думать, что он победил, а сами наносили неожиданный и молниеносный удар в другом месте. Вот я и предлагаю взять мерзавца непосредственно в Риге. У него спаренный рейс, значит, в столице Латвии он пробудет не меньше часа, а то и больше в ожидании следующего самолета. За это время можно перебросить наших людей в аэропорт Риги и взять его тепленьким. Этакая операция «Молния».

– А вы авантюрист, генерал, – в голосе президента послышалось плохо скрываемое восхищение. – Можно поподробнее?

– В Пскове дислоцируется бригада ГРУ, которую можно привлечь к этой операции. Причем много людей не понадобится – двое-трое хороших, бравых вояк с нужной подготовкой. Из Пскова до Риги летает гражданский самолет, кажется, это «Fokker-50», на котором они долетят до места операции менее чем за час. А в помощь им будет фактор внезапности: латыши явно не ожидают такой наглости.

– Что же они будут действовать вслепую?

– Зачем вслепую, подключим к операции наших коллег из «леса», из внешней разведки. У них наверняка в Риге есть свои люди. Короче, всего объяснить не могу из-за недостатка времени.

Президент думал секунду. Потом, наконец, принял решение:

– Хорошо, действуйте. Но учтите, генерал, операция «Молния», как вы ее назвали, должна быть проведена так, чтобы комар носу не подточил. Иначе на вашу старуху будет такая проруха... – не договорив последнюю фразу, президент отключил свой телефон.

Поймав на себе вопросительный взгляд хозяина кабинета, Кондратьев сообщил:

– Надо звонить начальникам ГРУ и Внешней разведки. И чем раньше, тем лучше.

Спустя минуту в телефонном динамике громкой связи раздался голос начальника военной разведки. Поздоровавшись с ним, Кондратьев как можно более коротко объяснил ему суть дела, не забыв напомнить о своем недавнем разговоре с президентом. Начальник ГРУ был по-военному лаконичен:

– Двух человек вам хватит?

– Вполне, но это должны быть универсалы, к тому же бывавшие в аэропорту Риги.

– У нас почти все там бывали, – ответил начальник ГРУ, после чего спросил: – Они будут действовать одни?

– Нет, мы подключим к ним людей из внешней разведки – тоже пару-тройку человек. Они обеспечат ваших бойцов необходимым реквизитом, транспортом, наведут на цель и вывезут с места операции. Короче, прикроют тылы. А вся основная работа ляжет на ваших ребят.

– Ничего, им не привыкать, – последовал ответ.

– Тогда как можно быстрее отбирайте людей.

– Считайте, что уже отобрал.

– Тогда ни пуха ни пера.

– К черту!

Следующий звонок был директору Службы внешней разведки. Так же коротко введя его в суть дела, Кондратьев спросил:

– У вас есть пара-тройка людей, которые могли бы в кратчайшие сроки добраться до рижского аэропорта?

– Обижаете, коллега, у нас даже есть люди, которые работают непосредственно в самом аэропорту.

– Прекрасно! Они смогут, к примеру, задержать на какое-то время вылет самолета?

– Смотря какого.

– Имеется в виду тот самый самолет, который вылетит из Риги спаренным рейсом до Афин.

– Если ситуация позволит, то можно задержать заправку горючим, у нас есть человек на этом направлении.

– В таком случае не буду вас больше задерживать.

* * *

Латвия, Рига. Международный аэропорт

Когда миниатюрная стюардесса, выйдя в салон, оповестила пассажиров о том, что их самолет пересек российско-латвийскую границу, Вишнев первым бросился на грудь своему компаньону и так сильно сжал его в своих объятиях, что тот вскрикнул:

– Вы меня на радостях чуть не задушили, мистер Гатри!

– К черту наши фальшивые имена, теперь нам точно нечего бояться, – рассмеялся Вишнев. – И еще, Чак, мне кажется, я с треском проиграл вам пари и скоро действительно стану смиренным прихожанином в какой-нибудь христианской церкви у вас на родине.

– Жаль, что я не поспорил с вами на выпивку.

– Не волнуетесь, когда мы доберемся до Риги, я напою вас любым напитком, на который вы мне укажете.

– Ловлю вас на слове, – тут уже и сам Коламбус не смог удержаться от улыбки.

Между тем их самолет только приближался к Риге, когда из псковского аэропорта в направлении того же города взлетел самолет

«Fokker-50», на борту которого среди нескольких десятков пассажиров были и двое крепких мужчин. Это были Артем Кленский и Олег Трошин – бойцы спецназа ГРУ, дислоцированного в районе Пскова. За полтора десятка лет своей службы они участвовали во многих тайных операциях, в том числе и на территории Прибалтики. И сегодняшняя операция мало чем отличалась от всех предыдущих, кроме одного: никогда еще им не приходилось включаться в дело столь молниеносно. С момента, когда они получили задание и оказались на борту самолета, прошло всего лишь полчаса. Даже суть задания им пришлось выслушивать от сопровождавшего их в аэропорт полковника из оперативного управления буквально на ходу – в автомобиле.

– Операция, на которую летите, находится под личным контролем президента, – вещал полковник. – Тылы вам будут прикрывать ребята из внешней разведки, которые, судя по всему, тоже уже начали работать. Связь с ними держите посредством смартфонов, которые после окончания операции уничтожьте. Объект, против которого предстоит работать, – беглый дипломат, который стремится выбраться в Штаты. Этого допустить нельзя, поскольку он носитель государственных секретов, да еще к тому же и убийца. Но работать надо чисто, без насилия: объект должен быть возвращен в Москву в целостности и сохранности. Выполните операцию без сучка и задоринки – можете смело делать дырки в своих пиджаках для орденов. Я себе такую дырку уже сделал.

Сказав это, полковник улыбнулся, вызвав ответные улыбки со стороны своих попутчиков. Эта шутка им понравилась, а лучшего напутствия им в этот момент было и не надо.

Пока самолет из Пскова летел, рейс из Москвы приземлился в аэропорту Риги без пяти минут четыре. Спустя десять минут Вишнев и Коламбус оказались в зоне ожидания, где к ним подошли четверо мужчин, которые узнали их по фотографиям, присланным из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. Один из них, самый рослый, представился:

– Ивар Лайманис, офицер Бюро по защите Сатверсме, – мужчина говорил по-английски с легким прибалтийским акцентом. – Господа, мы присланы к вам, чтобы обеспечить вашу безопасность на время вашего короткого пребывания на нашей гостеприимной земле.

Обменявшись друг с другом взглядами, Вишнев и Коламбус застыли как вкопанные. Несмотря на то что еще несколько минут назад

они радовались тому, что оказались на территории Латвии, теперь они насторожились: слишком неожиданным было появление этих людей. К тому же об их появлении беглецов никто не предупреждал.

Уловив во взглядах прибывших тревогу, Лайманис попытался их успокоить:

– Вам не надо бояться, господа, мы действительно те, кем представились. Вот мое служебное удостоверение, – и он протянул гостям свою «корочку», вынутую из внутреннего кармана пиджака.

Вишнев открыл удостоверение, внимательно его прочитал и сверил фотографию с оригиналом. После чего вернул документ его обладателю.

– Вам действительно не стоит нас опасаться, – пряча удостоверение, произнес Лайманис. – Если бы мы были русскими контрразведчиками, мы бы вряд ли позволили вам улететь столь далеко – взяли бы гораздо раньше.

– Резонно, – ответил Вишнев и впервые за это время улыбнулся.

– У вас в запасе есть целый час, который вы можете использовать по собственному усмотрению, – сообщил Лайманис.

– В таком случае нам бы хотелось чего-нибудь перекусить и заодно выпить за наше счастливое освобождение, – это в разговор вступил Коламбус. – Тем более что мой компаньон еще в самолете пообещал угостить меня выпивкой.

– Я полагаю, что с выпивкой стоит повременить, ведь вам предстоит еще один перелет, – возразил американцу Лайманис. – Лучше выпейте пива, оно в местном баре очень хорошее, баварское.

– Уговорили, пусть будет пиво, – с радостью согласился Коламбус, который чертовски проголодался в связи со всеми тревожностями, которые выпали на их долю сегодня.

– Я надеюсь, мне можно будет нормально поесть, не боясь нарушить грим? – спросил у компаньона Вишнев, когда контрразведчики повели их на второй этаж, в один из тамошних баров. – Я чертовски проголодался.

– Не бойтесь, в крайнем случае я всегда найду способ исправить недочеты в вашей внешности, – похлопывая дипломата по плечу, ответил Коламбус.

В баре они заказали себе несколько салатов, вареный картофель с беконом, жареные колбаски и баварское пиво, которое и в самом деле

оказалось высокого качества. Причем в то время, как гости налегали на еду и выпивку, их охрана заняла места за соседним столиком и заказала себе всего лишь апельсиновый сок.

В разгар трапезы по громкой связи приятный женский голос сообщил пассажирам, что самолет компании «Люфтганза», следующий рейсом Рига – Афины, задержится с вылетом на час. Объявление закончилось обычным в таких случаях пассажиром: «Приносим извинения за доставленные неудобства». Увлеченные едой, Вишнев и Коламбус даже не обратили внимания на это объявление. Но его услышали контрразведчики. Лейманис подошел к столику и спросил:

– Вы слышали, что вас рейс задерживается еще на час?

Вишнев оторвался от тарелки с едой и отреагировал весьма спокойно:

– Учитывая тот теплый прием, который вы нам обеспечили, мы готовы остаться у вас хоть до утра.

Лайманис в ответ улыбнулся, хотя в душе проклинал работников аэропорта за эту задержку. Ему хотелось поскорее посадить неожиданно свалившихся на его голову гостей на их самолет и заняться более достойными делами. Точно такие же мысли роились и в головах его напарников, но и они стоически выслушали объявление, не поведя и бровью.

Тем временем в начале шестого вечера в Ригу прилетел самолет «Fokker-50» из Пскова. В зоне ожидания спецназовцев уже ждал низкорослый дядька в легкой курточке и кепке, сильно надвинутой на лоб (на самих прибывших тоже были бейсбольные кепочки с длинными козырьками, закрывающими почти половину лица от наружных видеокамер, установленных в аэропорту), и со свернутой в трубочку газетой, по которой они его и узнали (соответствующее сообщение пришло на смартфон Кленского в тот момент, когда они покидали салон самолета).

– С прибытием, коллеги, – дядька пожал спецназовцем руки и отвел их в сторонку. – Объект и его напарник находятся на втором этаже в баре – пьют пиво, закусывая жареными колбасками. Возле них четверо латышей, судя по всему, из местной контрразведки. Рейс на Афины задержан почти на час – отбытие назначено на начало седьмого вечера. Реквизит готов и дожидается вас, – дядька кивком головы

указал туда, где у колоннады стояло инвалидное кресло-каталка, взятая им в аэропортовской службе проката.

– Где встречаемся после операции? – спросил Кленский.

– У автостоянки возле терминала Д, – ответил дядька и зашагал к выходу.

А спецназовцы покатали кресло-каталку на второй этаж. При этом один из них – Трошин – уселся в кресло и спустя секунду превратился в инвалида. Спешащие в разные стороны пассажиры даже не обратили внимания на этот маневр, что и требовалось.

Поднявшись по эскалатору на второй этаж, спецназовцы медленно проехали мимо того самого бара, где трапезничали Вишнев и Коламбус. Причем если Кленский катил коляску и не смотрел по сторонам, дабы не привлекать к себе лишнего внимания со стороны латвийских контрразведчиков, то его напарник, изображавший инвалида, успел хорошо разглядеть «объект разработки»: откинувшись на спинку стула, тот что-то доказывал своему компаньону, энергично жестикулируя руками.

Миновав бар, спецназовцы свернули за угол, где остановились. Они прекрасно знали здание аэропорта и были осведомлены о том, что в трех десятках метрах отсюда есть туалетная комната, которая наверняка должна была стать местом посещения интересующими их людьми. Пиво, которое они выпили (от взора Трошина не укрылось, что на столе стояло уже шесть пустых бутылок) рано или поздно должно было отправить пьющих «до ветру». Значит, надо было только запастись должным терпением.

Ждать пришлось недолго. Уже спустя десять минут Вишнев поднялся из-за стола, чтобы отправиться в туалет. Его компаньон остался сидеть, чтобы съесть жареные колбаски, новую порцию которых за минуту до этого перед ним поставил на столик официант. Порция была, что называется, с пылу с жару и Коламбус был настроен употребить их горячими. Такой расклад был на руку спецназовцам. Их не смутило даже то, что двое контрразведчиков тоже поднялись со своих мест и направились вслед за Вишневым. Едва они скрылись за углом, как спецназовцы начали свой путь в сторону туалетной комнаты.

Когда они оказались в коридоре, ведущем в туалет, то увидели, что охранники Вишнева не стали заходить внутрь, а предпочли

остаться снаружи, заняв места с двух сторон от двери. Когда Кленский подкатил к ним кресло, охранники окинули их внимательным взглядом, но ничего подозрительного не заподозрили, сбитые с толку инвалидным креслом. У Трошина в руках была барсетка, которую он как бы случайно (на самом деле специально) выронил из рук прямо под ноги того охранника, который стоял справа от него. Охранник на удачу оказался джентльменом – нагнулся за барсеткой, чтобы помочь инвалиду. В следующую секунду в руке у Трошина оказался шприц с короткой иглой, в котором было быстродействующее снотворное. Короткое движение – и шприц угодил точно в шею охранника. Еще секунда – и он беззвучно завалился на пол. Одновременно с Трошиным свой выпад сделал и Кленский. Но ему пришлось несколько повозиться со своим охранником, которым оказался Ивар Лайманис. Тот успел среагировать на выпад и выставил вперед руку, пытаясь отбить направленный ему в шею шприц. Однако Кленский свободной рукой нанес ему сильный удар в живот, после которого Лайманис согнулся и следом за этим спецназовец сделал ему молниеносный укол в шею.

Подхватив свои жертвы подмышки, спецназовцы быстро затащили их внутрь туалетной комнаты. В этот самый миг Вишнев стоял у зеркала и внимательно разглядывал искусственную горбинку на своем носу: ему показалось, что она начала терять свою форму. Повернувшись на шум, он увидел, как двое незнакомых мужчин затаскивают в помещение охранников, которые остались сторожить его возле двери. Встретившись взглядом с одним из спецназовцев, Вишнев мгновенно понял, в чем дело, и бросился к одной из кабинок в отчаянной попытке закрыться в ней. Но Кленский в два прыжка настиг его в тот момент, когда он собирался захлопнуть дверь, и прижал к внутренней перегородке.

– В чем дело? Я иностранный подданный! – успел выдавить из себя Вишнев, причем от волнения сказал это по-русски.

Но спецназовец не собирался вступать с ним в дискуссию и всадил ему в шею шприц с новой порцией снотворного. В следующие пару минут спецназовцы усадили охранников на унитазы в разных кабинках, а Вишнева вынесли наружу и посадили в инвалидное кресло. Трошин надел ему на голову свою бейсбольную кепочку, после чего его напарник покатыл кресло к эскалатору, ведущему на первый

этаж. Вся операция заняла у спецназовцев чуть больше пяти минут. В это время Коламбус доедал свою последнюю колбаску и собирался запить ее баварским пивом. Ни у него, ни у охранников в тот момент даже в мыслях не было, что Вишнева уже похитили и спускают на каталке вниз.

Первые признаки беспокойства возникли у охранников спустя несколько минут. Коламбус в тот момент уже допил свой бокал с пивом и, блаженно откинувшись всем телом на спинку стула, смотрел куда-то вдаль. Один из охранников взглянул на свои наручные часы и что-то сказал своему напарнику. Тот кивнул головой. После этого тот, что посмотрел на часы, встал и отправился к туалетной комнате. А спустя пару минут уже бежал назад, сжимая в руках пистолет «Глок». По одному его виду было понятно, что случилось нечто ужасное.

В это время Кленский и Трошин уже вышли из здания аэропорта и везли каталку к автомобильной стоянке у терминала Д. Еще издали их заметил тот самый дядька, который снабдил их креслом-каталкой. Он стоял у джипа «Чероки», угнанного им в центре Риги два с половиной часа назад. Открыв заднюю дверцу, дядька помог спецназовцам уложить туда Вишнева. После этого все трое уселись в автомобиль, и он рванул прочь из аэропорта. А брошенное ими кресло-каталка одиноко притулилось у кромки тротуара.

Спустя десять минут «Чероки» свернул в лесной массив, где их поджидал коллега дядьки – мужчина в зеленой ветровке. Он приехал сюда на микроавтобусе, в который был споро перегружен Вишнев. Там же с него при помощи специальных средств был смыт грим, который он носил почти сутки. С этого момента он вновь принял свой естественный облик.

Спустя несколько минут микроавтобус тронулся с места и взял курс в сторону латвийско-российской границы в районе городка Зилупе, где было «окно» на границе, посредством которого спецназовцы и должны были переправить Вишнева на российскую территорию.

В тот момент, когда их микроавтобус стремительно удалялся от Риги, в БЗС (К) царил настоящий аврал. Едва только весть о том, что Вишнев похищен неизвестными прямо из аэропорта, достигла ушей директора Бюро, он подключил к этому делу своих лучших оперативников. Они тут же связались с пограничниками и перекрыли

все выезды из страны – как водные (в районе Рижского порта), так и земные (все латвийские КПП на границе с Россией). Однако и те, кто планировал операцию «Молния», хорошо понимали, в каком направлении будут работать их оппоненты. Именно поэтому из всех возможных вариантов был выбран пеший. И в то время как латвийские контрразведчики искали беглецов на пропускных пунктах, «шерстя» все автомобили, включая и грузовые, спецназовцы на своих плечах перенесли Вишнева через то приграничное «окно», которое менее всего контролировалось. А на Новорижском шоссе беглецов уже поджидали коллеги, чтобы беспрепятственно домчать их на автомобилях до Пскова, чтобы уже оттуда переправить его в Москву.

Эпилог

Максимов опустился в удобное кресло «Боинга-737-400» и блаженно вытянул ноги. Несмотря на то что самолет все еще находился на «бетонке» каирского аэропорта и только готовился к вылету, полковник всеми мыслями уже был у себя на родине, в России. Он уезжал домой с чувством честно выполненного долга. Его миссия увенчалась успехом: предатель Вишнев схвачен и благополучно переправлен в Москву, а высокопоставленный сотрудник ЦРУ Саймон Янг оказался на крючке у ФСБ и вряд ли сумеет оттуда сорваться.

Глядя на то, как салон самолета заполняется пассажирами, большинство которых составляли туристы, Максимов поймал себя на мысли, что в отличие от них он приезжал сюда не отдыхать, а работать. За все время своего нынешнего пребывания в Египте он ни разу так и не смог выбраться на пляж, к пирамидам в Гизу или в один из каирских музеев. Вместо этого ему пришлось в поте лица трудиться для того, чтобы другие смогли спокойно отдыхать. В такие минуты в нем обычно возникало ощущение особой нужности его профессии, о которой многие люди редко когда вспоминают. «Это полицейские или военные на виду, а мы, разведчики, предпочитаем оставаться в тени», – думал Максимов, глядя в окно за тем, как от борта самолета медленно отъезжает трап.

В следующий миг его взгляд уткнулся в экран телевизора, висевшего прямо над его головой в передней части салона. На экране возникла молодая египтянка с микрофоном в руке. Эту женщину Максимов узнал сразу: это была Лейла аль-Махди с телеканала «Найл Резалах». Журналистка стояла у большого здания, на фронтоне которого красовалась надпись «Международный госпиталь». Звук в телевизоре был приглушен, поэтому услышать, о чем говорит Лейла, было нельзя. Однако внизу экрана шли субтитры на английском, благодаря которым Максимов сумел понять, о чем именно идет речь. Бегущая строка оповещала зрителей, что буквально несколько часов назад в Международном госпитале бригадой кардиохирургов из Великобритании была сделана сложнейшая операция на сердце трехлетней египетской девочки Азенет Фахми. Операция длилась

несколько часов и завершилась победой врачей: юная пациентка, жизнь которой до этого висела буквально на волоске, оказалась спасена.

Читая текст на экране, Максимов почувствовал, что его глаза предательски увлажнились. Он вспомнил отца спасенной малышки, Исмаила Фахми, в смерти которого была и его косвенная вина. Последняя все это время довлела над Максимовым, не давая ему возможности в полной мере насладиться одержанной здесь победой. После сообщения аль-Махди у Максимова появилась «спасительная соломинка» – мысль о том, что гибель Фахми не стала напрасной не только в широком, но и личном плане, поскольку именно ради спасения любимой дочери несчастный охранник из «Найл Хилтона» и пустился в свою авантюру. И невольное соучастие Максимова в смерти охранника оказалось компенсировано участием в спасении его дочери.

Глядя на заплаканное, но счастливое лицо матери спасенной девочки, появившееся в этот миг на экране, Максимов неувлимым движением смахнул со щеки скупую слезу и снова взглянул в окно. В эти самые мгновения лайнер начал движение по взлетной полосе, чтобы уже спустя несколько минут подняться в безоблачное небо и взять курс на Россию.